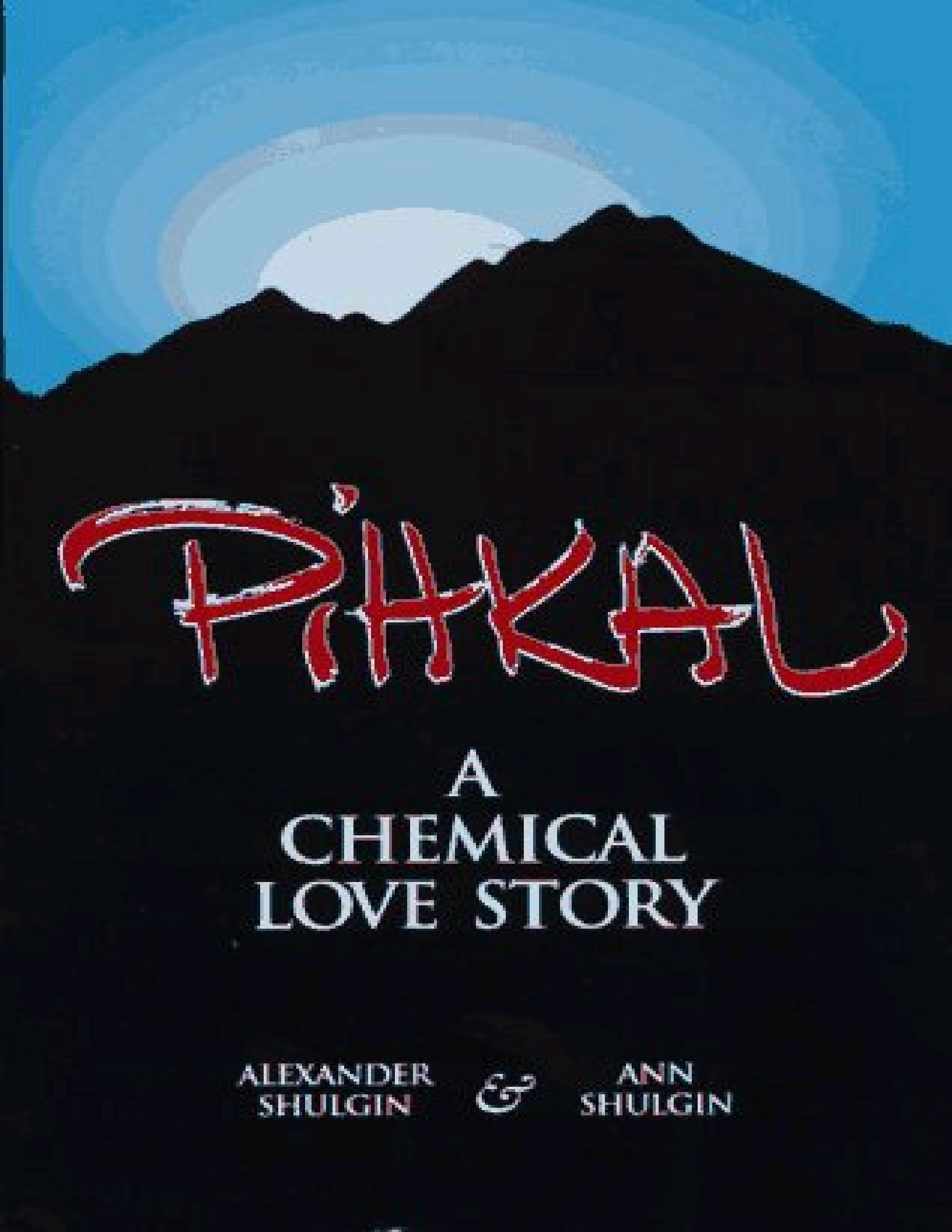

A CHEMICAL LOVE STORY

ALEXANDER SHULGIN & ANN SHULGIN

Annotation

Выдающийся американский химик-фармаколог русского происхождения прожил удивительную жизнь, аналогом которой может послужить разве только подвиг Луи Пастера. Но в отличие от Пастера Шульгин испытывал на себе не новые сыворотки, а синтезированные им соединения, правовой и социальный статус которых в настоящее время проблематичен — психоактивные препараты. Бросив вызов «новой инквизиции», ограничившей право человечества на познание самого себя, доктор Шульгин, несмотря на всевозможные юридические препоны, продолжал свои исследования на протяжении сорока лет, совершив своего рода научный подвиг, значение которого смогут оценить лишь будущие поколения.

В данной электронной версии содержится только первая, художественная часть книги.

- Александр и Энн Шульгины
  - Предисловие
  - Обращение к читателю
  - В поисках названия
  - Предисловие автора
  - Введение
    - ФИЛОСОФИЯ, СТОЯЩАЯ ЗА ЭТОЙ КНИГОЙ
    - ПРОЦЕСС ОТКРЫТИЯ
  - КНИГА 1
  - ЧАСТЬ 1. Голос Шуры
    - Глава 1. Большой палец
    - Глава 2. Мескалин
    - Глава 3. Барт
    - Глава 4. ТМА
    - Глава 5. Блэквудский арсенал
    - Глава 6. ММДА
    - Глава 7. Капитан
    - Глава 8. МЭМ
    - Глава 9. ДОМ
    - Глава 10. Питер Милль
    - Глава 11. Эндрю
    - Глава 12. МДМА
    - Глава 13. Остановка времени
    - Глава 14. Алеф-1
    - Глава 15. Теннесси
  - ЧАСТЬ 2. Голос Элис
    - Глава 16. Спираль
    - Глава 17. Кактус
    - Глава 18. Начало
    - Глава 19. Обольщение
    - Глава 20. Дверь закрывается
    - Глава 21. Дверь открывается
    - Глава 22. Окно
    - Глава 23. Группа

        - Глава 24. 2C-Б[59]
        - Глава 25. Драконы
        - Глава 26. Гриб
        - Глава 27. Сибирь
        - Глава 28. Мир света
        - Глава 29. Письмо
        - Глава 30. Окончание
        - Глава 31. Вулкан
        - Глава 32. Переход
        - Глава 33. Решение
        - Глава 34. Четвертое
    - ЧАСТЬ 3. Оба голоса
        - Глава 35. Аахен (Голос Элис)
        - Глава 36. 5-ТОМ[69] (Голос Элис)
        - Глава 37. Фуга (Голос Шуры)
        - Глава 38. Кризис (Голос Элис)
        - Глава 39. Данте, Джинджер и Господь Бог (Голос Элис)
        - Глава 40. Смертность (Голос Шуры)
        - Глава 41. 2C-T-4 (Голос Шуры)
        - Глава 42. Лекция в университете (Голос Шуры)
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73

- 74
- 75
- 76

Александр и Энн Шульгины
PiHKAL
Фенэтиламины, которые я знал и любил

Предисловие

Эта книга будет наполнена различным смыслом для разных людей. Ничего подобного раньше никогда не публиковали, и поскольку принятые недавно в нашей стране законы прикрыли возможные каналы запросов, вряд ли мы сможем когда-нибудь увидеть другую книгу такого рода, если вообще сможем. Хотя сомнительно, что при возможном составлении списка бестселлеров, какая-нибудь библиотека, в которой будет собрана литература о психоделиках, будет считаться полной без экземпляра «PIHKAL».

В течение почти тридцати лет один из авторов этой книги, д-р Александр Шульгин, нежно именуемый друзьями просто Сашей, был единственным человеком в мире, который синтезировал, а затем испытал на себе, своей жене Энн и на преданных близких друзьях около двухсот ранее неизвестных химических веществ, которые, как предполагалось, могли оказывать такое же воздействие на человека, как изменяющие сознание психоделики — мескалин, псилоцибин и ЛСД. На Западном побережье Саша стал почти народным героем. Другие считают его смелым, безрассудным или опасным, что зависит, главным образом, от политических убеждений критика. Однако все должны были бы сойтись на том, что Саша Шульгин — весьма замечательная личность. Этим текстом, созданным им в соавторстве с его женой Энн, будут наслаждаться не только их друзья, но также и те, кто слышал о Саше, но не имеет ключика, чтобы понять, кто этот человек есть на самом деле. Гораздо важнее то, что перед Вами — история об исследовании самого себя, сопровождаемая незначительными вкраплениями технологии, которую предстоит еще полностью разработать, так как пока она еще недостаточно развита.

Начало книги носит автобиографический характер и подробно рассказывает о жизни двух вымышленных героев — д-ра Александра Бородина, известного своим друзьям под уменьшительным русским именем Шура, и Элис, которая впоследствии стала его женой. В первых двух частях романа описывается личная жизнь Шуры и Элис, дороги, которые привели каждого из них к увлечению психоделиками и, в конечном счете, к их увлечению друг другом. В третьей части они вместе рассказывают о своих более чем десятилетних совместных приключениях, путешествиях, которые часто подпитывались приемом новых химических соединений, синтезированных Шурой.

Нельзя быть уверенным в том, насколько точно Шура и Элис отражают реальных Сашу и Энн, но богатство образов, подробностей мыслей, открыто выраженные эмоции и моменты близости дают ясное представление об индивидуальности этих двух людей, которых я хорошо знаю лично. Эти детали демонстрируют то, что изыскания Шуры и Элис были искренним поиском смысла жизни. Боль, которую принесли им личные потери и неудачные браки, их любовь и забота друг о друге создают образы двух необычных и тонко чувствующих людей.

Вторая половина книги[1] — почти энциклопедическое описание методов синтеза, дозировок, продолжительности воздействия, а также комментарии для 179 различных химических веществ. Эти сведения представляют достаточно полный конспект лабораторных записных книжек Саши с некоторым дополнительным материалом, отобранным из научной литературы. Когда-нибудь в будущем, когда снова представится возможным использовать химические инструменты для постижения сознания, эта книга окажется сокровищницей, своего рода сборником волшебных заклинаний, восхищающей и очаровывающей завтрашнего психиатра-шамана.

Дэвид Е. Николе,
доктор философии, профессор медицинской химии,

Западный Лафайет, штат Индиана

Обращение к читателю

С помощью этой книги мы делаем доступным пласт информации, связанной с концепцией, синтезом, определением и адекватным использованием некоторых изменяющих сознание химических соединений, которые, по нашему убеждению, являются ценными инструментами для изучения человеческого мышления и психики.

В настоящее время в Соединенных Штатах действуют ограничительные законы, поэтому исследователям непросто соблюсти обязательные постановления и инструкции, чтобы получить юридическое разрешение для испытания этих соединений на людях. Поэтому в течение почти тридцати лет в этой области не проводилось почти никаких клинических исследований. Вместе с тем получивший разрешение опытный ученый может проводить опыты на животных, если он находит источники финансирования и если обращается к соответствующему правительственному агентству типа Национального центра изучения наркотической зависимости (National Institute on Drug Abuse), откуда и получает необходимые наркотики.

Приблизительно половина рецептов из Книги Второй уже была опубликована во многих уважаемых научных журналах. Остальное будет представлено для публикации в ближайшем будущем.

Никто из тех, кому не достает юридического образования, не должен пытаться синтезировать любое из соединений, описанных во второй половине этой книги, с намерением дать их человеку. В этом случае существует риск нарушить закон, что может трагически искалечить чью-то жизнь. Также следует отметить, что любой человек, экспериментирующий на себе или на другом человеке с любым из описанных здесь наркотиков и при этом не знакомый с действием данного препарата, но сознающий физический и/или психический возможный вред, поступает безответственно и безнравственно, независимо от того, делает он это в рамках закона или вне их.

Мы настоятельно убеждаем читателей в том, что тем людям, кого заботит свобода исследования и поиска знания, следует предпринимать целенаправленные усилия для того, чтобы добиться изменений в действующем законодательстве, касающемся наркотиков, особенно законодательстве Соединенных Штатов. Нужно не только разрешить, но и поощрять открытое изучение и творческое исследование в этой важной области. Также существенно важно заменить сегодняшнюю пропаганду, направленную против психоделиков, честной и правдивой информацией об их воздействии, как о положительном, так и негативном.

Нам еще многое нужно понять в человеческой психике, и эта книга написана с целью достижения этого понимания.

В поисках названия

Пытаясь придумать название для собственной книги, писатель стремится подобрать такое, которое и сам он, автор, и читатель сочтут подходящим и легким для запоминания. Первоначально я хотел, чтобы название этой книги звучало, скорее, как академическое, чем автобиографическое, что-нибудь наподобие «Галлюциногенные фенилэтиламины» (но это трудновато для произношения или для запоминания, если вы не химик). Но мало "того, что это название вызывает ассоциации с книгой «Галлюциногены», написанной Хоффером и Осмондом, ни я, ни Энн не считаем данный термин подходящим для описания воздействия этих препаратов. Слово «галлюциногенный», возможно, чаще других неправильно используют в этой области, так зачем способствовать тому, что мы считаем ошибкой и некорректным термином?

Название типа «Психоделические фенилэтиламины» тоже звучит очень академично, но оно слишком близко к названиям таких книг, как «Психоделики» Осмонда или «Энциклопедия психоделиков» Стаффорда; кроме того, перегруженная словом «психоделики» в названии, такая книга могла бы испытывать трудности с реализацией в книжных магазинах Среднего Запада, впрочем, меньшие, чем в России. Могло статься так, что в Канаде ее вообще невозможно было бы продать.

Наконец, когда в мое сознание проникли слова «Фенэтиламины, которые я узнал и полюбил», я понял, что, если сложить первые буквы этих слов, то получится сочетание PIHKAL.[2] Это слово выглядит и звучит довольно мирно. Осознав это, я встал из-за стола и пошел искать Энн. «Что приходит на ум, когда слышишь слово "пихкал"?» — спросил я у нее. «Пикахл? — повторила она. — Конечно, я знаю, что это древний город индейцев майя в Гватемале. А что?»

А вот и не угадала, — сказал я. — Этот город назывался Тикал. Пихкал был правителем Паленки. Его захоронили с шестью человеческими трупами, принесенными в жертву, и грудой нефрита, как наверняка ты сейчас припоминаешь.

Откуда у меня взялось забавное чувство, словно ты чего-то не договариваешь? — спросила Энн, которая имела обыкновение в глубине души верить каждому моему слову.

Ты права, — признался я. — Я на секунду отвлекся.

Когда я рассказал ей, что в действительности стояло за словом «PIHKAL», ей потребовалось время, чтобы прекратить смеяться, что, впрочем, неизбежно убедило меня в том, что мои поиски названия, наконец, подошли к концу.

Предисловие автора

На самом деле эту книгу следовало бы назвать «Фенэтиламины и другие вещи, которые я узнал и полюбил», потому что, хотя Книга Вторая и содержит исключительно сведения о фенилэтиламинах, сама история включает также отдельные описания воздействия других классов психоделиков.

В части первой повествование идет от лица Шуры Бородина, персонажа, которого я писал с самого себя. Здесь прослеживается история моей жизни начиная с детства и заканчивая смертью моей первой жены.

Во второй части будет говорить Элис Парр, которая потом приняла фамилию Бородина. Прототипом этого персонажа стала моя жена Энн. Она расскажет о том, как развивались наши отношения и взаимная любовь.

В третьей части звучат оба наших голоса. Мы рассказываем о более поздних годах нашей жизни и некоторых экспериментах, в которых мы и участники нашей исследовательской группы продолжали постигать самих себя. Благодаря измененным состояниям сознания мы чувствовали прозрение и получали знание. Иногда все это мы получали при помощи психоделиков, в других случаях наркотики не имели к таким состояниям никакого отношения.

Книга Вторая должна вызвать интерес у химиков и у всех, кто питает любовь к химии. Вместе с тем комментарии в конце каждого рецепта могут также заинтересовать и читателя, который вообще ничего не смыслит в химии.

Большинство имен в этой истории было изменено, чтобы оградить от вмешательства личную жизнь и предоставить нам свободу повествования. Отдельные персонажи являются комбинацией правды и вымысла.

Введение

ФИЛОСОФИЯ, СТОЯЩАЯ ЗА ЭТОЙ КНИГОЙ

Я — фармаколог и химик. Большую часть своей взрослой жизни я потратил на исследование действия наркотических веществ; я изучал процесс их синтеза, их свойства, их воздействие, как они могут быть полезны или вредны. Но мои интересы лежат несколько вне господствующей тенденции фармакологии, а именно — в области психоделиков, которую я нашел для себя наиболее увлекательной и полезной. Лучше всего психоделики можно определить как не вызывающие физического привыкания соединения, временно изменяющие состояние сознания человека.

Преобладающим в нашей стране является следующее мнение: есть одни вещества, которые имеют легальный статус и являются при этом относительно безопасными или, по крайней мере, несут с собой приемлемый риск, и есть другие, которые запрещены и вообще не имеют никакого законного места в нашем обществе. Хотя это мнение широко поддерживается и энергично рекламируется, я искренне полагаю, что оно неправильно. Это лишь попытка представить явления в черно-белой гамме, тогда как в этой области, как чаще всего в реальной жизни, правда окрашена в серые тона.

Позвольте мне объяснить, почему я считаю так, а не иначе. Любой наркотик, легальный или запрещенный, несет с собой некое вознаграждение. С употреблением любого наркотика связан какой-то риск. И любым наркотиком можно злоупотреблять. В конечном счете, на мой взгляд, каждый из нас сам соизмеряет награду с риском и решает, что из них перевешивает. Спектр наград может быть широк. Здесь и лечение болезней, облегчение физической и эмоциональной боли и последствий интоксикации, а также расслабление. Некоторые наркотики — как раз известные под названием психоделиков — позволяют усилить личную интуицию и расширить наши психические и эмоциональные горизонты.

Риск тоже может быть различным — от физического вреда до психологического разрушения, наркотической зависимости и нарушения закона. Точно так же, как различные люди получают разное удовлетворение, и риск, на который они пойдут, тоже будет разным. Взрослый человек должен принять сознательное решение относительно того, действительно ли он должен подвергнуть себя воздействию определенного препарата, будь тот доступен по рецепту или запрещен законом. Для этого человек оценивает, насколько возможные хорошие и плохие последствия от приема данного наркотика соответствуют его собственным представлениям о том, что такое хорошо и что такое плохо. И именно здесь чрезвычайно важно быть хорошо информированным. Моя философия может быть сконцентрирована в четырех словах: быть информированным, затем выбирать.

Некоторые из выбранных мною препаратов стоят того, чтобы рисковать; но имеются и другие, не обладающие такой ценностью. Например, я употребляю умеренное количество алкоголя, обычно в виде вина, и — в настоящее время — результаты анализов моей печени полностью нормальны. Я не курю табак. Когда-то я был заядлым курильщиком, но потом бросил это дело. Я отказался от курения не столько потому, что оно вредит здоровью, а, скорее, из-за того, что я стал очень зависеть от него. На мой взгляд, эта цена оказалась неприемлемо высока.

Любое подобное решение принимаю исключительно я сам. Оно основывается на том, что я знаю о наркотике и что я знаю о себе.

Из запрещенных на сегодняшний день наркотиков я решил не связываться с марихуаной, потому что головокружение, которое я чувствую, и легкое изменение сознания не компенсируют неприятную мысль о том, что я даром трачу время.

Я пробовал и героин. В наше время этот наркотик попал, разумеется, в число тех

препаратов, что больше всего тревожат наше общество. Лично во мне он пробуждает дивную умиротворенность. Ни на какие жесткие углы в виде беспокойства, стресса или тревоги я не напарываюсь. Но вместе с тем я теряю мотивацию, бдительность и настойчивое стремление делать дело. Я перестал употреблять героин не потому, что испугался привыкания. Причиной стало то, что под его воздействием все вещи теряют для меня значение.

Я знаком и с кокаином. Этот наркотик получил широкую известность. Печальную славу он заработал особенно в форме «крэка».[3] Для меня кокаин является агрессивным толкающим препаратом, стимулятором, наделяющим ощущением силы. Под кокаином я словно нахожусь на вершине мира. Но где-то в глубине меня есть чувство того, что это не настоящая сила, что в действительности на эту вершину мира я не забирался. Я понимаю, что, после того, как воздействие наркотика закончится, я останусь ни с чем. Это состояние несет с собой странное ощущение фальши. Оно не дарит никаких прозрений. Не приносит знания. Я считаю, что кокаин на свой лад так же помогает бежать от реальности, как и героин. Употребляя один из этих наркотиков, вы убегаете от того, кем вы являетесь или, что еще более вероятно, от того, кем вы не являетесь. И в том, и в другом случае вы на короткое время избавляетесь от сознания собственных недостатков. Я лучше со всей искренностью обращусь к ним, чем буду от них бежать; в конечном итоге, от этого получишь больше удовлетворения.

Что касается психоделиков, полагаю, здесь для меня имеется лишь умеренный риск (внезапный трудный эксперимент или какой-нибудь телесный недуг). Подобный риск более чем компенсируется возможностью познания. Именно поэтому я выбрал эту специфическую область фармакологии.

Что я имею в виду, когда говорю — возможность познания? Это возможность, не уверенность. Я могу что-нибудь познать, но меня не заставляют делать это; я могу получить прозрение и узнать о возможных способах улучшения своей жизни. Но лишь мои собственные усилия приведут к желаемым изменениям.

Позвольте мне попытаться прояснить некоторые причины, по которым я считаю эксперименты с психоделиками бесценными для меня лично.

Я полностью убежден в том, что в нас встроена сокровищница информации. В нас заложены огромные запасы интуитивного знания, скрытого в генетическом материале каждой нашей клетки. Это похоже на библиотеку, в которой хранится бессчетное количество справочников, но только непонятно, как в нее войти. И без определенных средств доступа нет никакой возможности даже приблизительно определить масштабы и качество содержимого этой библиотеки. Психоделики позволяют исследовать этот внутренний мир и постичь его природу.

Наше поколение впервые сделало самопознание преступлением, если оно осуществляется с использованием растений или химических соединений, которые помогают открыть двери в психику. Но стремление к познанию живет в человеке всегда и становится лишь сильнее по мере взросления.

Однажды, изучая лицо новорожденной внучки, вы обнаруживаете, что задумались над тем, что ее рождение соткало лишенный швов гобелен из времени, текущего из вчера в завтра. Вы понимаете, что жизнь непрерывно проявляется в различных формах и в различных индивидуальностях и не изменяется в зависимости от каждой новой формы.

«Откуда взялась ее неповторимая душа? — задаетесь вы вопросом. — И куда отправится моя собственная неповторимая душа? — вы продолжаете вопрошать. — Есть ли на самом деле что-нибудь после смерти? Есть ли у всего этого какая-нибудь цель? Есть ли первостепенный порядок и структура, которые имеют смысл для всего сущего, или имели бы, если бы я только смог увидеть их?» Вы чувствуете настойчивое желание задавать вопросы, исследовать, максимально использовать то небольшое время, которое еще, возможно, оставлено вам, желание

найти способ увязать одно с другим, желание понять то, что требует быть понятым.

Этот поиск стал частью человеческой жизни с того момента, как в человеке впервые заговорило самосознание. Осознание собственной смертности — знание, отделяющее человека от его приятелей-животных, — это то, что дает Человеку право исследовать природу его собственной души и духа, открывать то, что он в силах узнать о составляющих частях человеческой психики.

Когда-нибудь каждый из нас почувствует себя чужестранцем на странной земле своего собственного существования и будет нуждаться в ответах на вопросы, которые поднимутся из глубины души и не исчезнут, пока не получат ответа.

И эти вопросы, и ответы на них исходят из одного источника — собственного «я» человека. Этот источник, эта часть нас на протяжении человеческой истории звалась по-разному. Самое последнее ее название — «бессознательное». Последователи Фрейда не доверяют ему; зато последователи Юнга им восхищаются. Оно находится внутри вас и бодрствует даже тогда, когда ваше рассудочное мышление отправляется в свободное плавание. Эта часть вас дает вам ощущение того, что делать в момент кризиса, когда не остается времени на логические рассуждения и принятие решения. В этом месте вашей психики следует искать всех ваших демонов и ангелов и все то, что находится между ними.

Это одна из причин, по которым я считаю психоделики настоящим сокровищем. Они способны обеспечить доступ к тем уголкам нашей психики, где находятся все ответы. Они могут это сделать, но повторяю еще раз — они не обязаны и, скорее всего, это не сделают, если поиск ответов не станет целью, ради которой их употребляют.

Будете ли вы использовать эти инструменты хорошо и адекватно — это зависит только от вас самих. Психоделик можно сравнить с телевидением. Он может быть очень информативным, очень поучительным и — при вдумчивой осторожности при выборе каналов — средством, при помощи которого можно достичь необычного прозрения. Но для многих людей психоделики — это просто очередная форма развлечения; ничто глубокое не интересует их и поэтому — чаще всего — никаких глубоких переживаний они не испытывают.

Я считаю, что самым ценным свойством психоделиков является их способность обеспечивать человеку доступ к внутренней вселенной.

С самых первых дней своего пребывания на Земле Человек искал, находил и использовал определенные растения, которые изменяли его обычное взаимодействие с миром и способ общения с богами и самим собой. В течение многих тысяч лет в каждой известной культуре присутствовал некий процент населения — обычно шаманы, знахари, жрецы, — который использовал то или иное растение, чтобы достигнуть измененного состояния сознания. Они использовали подобное состояние, чтобы заострять свои провидческие способности и черпать исцеляющие энергии, обнаруживаемые в мире духов. Лидеры племен (в более поздних цивилизациях — царствующие семейства), видимо, использовали психотропные растения для усиления своей интуиции и мудрости в качестве правителей или, возможно, для того, чтобы просто призвать мощные разрушительные силы на помощь в грядущих сражениях.

Человек отыскал множество растений для удовлетворения своих особенных потребностей. Ненужная боль всегда сопутствовала человечеству. Чтобы снять боль, в наши дни люди употребляют героин (или «фенталин», или «демерол»[4]), а в прежние века роль болеутоляющего средства в Старом Свете играл опиум, а в Новом — дурман; в Европе и Северной Африке с этой целью употребляли мандрагору, а также белену и белладонну, если называть лишь некоторые из болеутоляющих растений. Бесчисленное множество людей использовало этот способ борьбы с болью (физической и психической), который сопровождался бегством в мир грез. Несмотря на большое количество поклонников именно такого способа освобождения от боли, очевидно,

находилось мало людей, злоупотреблявших болеутоляющими растениями. В процессе исторического развития каждая культура вовлекает эти растения в свою повседневную жизнь и получает больше выгоды, чем вреда от них. Мы, в нашем собственном обществе, научились ослаблять физическую боль и изнурительное беспокойство при помощи лекарств, созданных на основе алкалоидов данных растений.

Потребность изыскивать источники дополнительной энергии также всегда жила в нас. С этой целью мы с вами потребляем кофеин и кокаин, и точно так же в течение многих столетий естественными источниками дополнительной энергии были мате и листы коки, произраставшей в Новом Свете; сюда же относится кат — растение, встречающееся в Малой Азии, кола из Северной Африки, кава-кава и орех бетель из Восточной Азии, и хвойник (эфедра), который можно найти в любой части мира. Снова и снова разные люди — крестьянин, склонившийся под тяжестью связки дров и часами устало бредущий по горной тропинке; врач, работающий в чрезвычайных обстоятельствах и не спавший два дня подряд; солдат под обстрелом на фронте, лишенный отдыха, — искали жизненного импульса и стимулирующего средства. И, как всегда, находились такие, кто злоупотреблял этим поиском.

Кроме того, у человека есть потребность познавать мир, лежащий за пределами наших чувств и нашего понимания; эту потребность человек тоже ощущал с самого начала. Но в этом случае наше неавтохтонное североамериканское общество не одобрило растений и химических веществ, раскрывающих наше видение и чувственные навыки. На протяжении многих сотен лет для проникновения в человеческое подсознание остальные цивилизации использовали кактус пейот, содержащие псилоцибин грибы, айяхуаску, кохобу и яхе,[5] произрастающие в Новом Свете, гармалу, марихуану и сому, встречающиеся в Старом Свете, африканскую ибогу.[6] Но наша современная медицина, в целом, никогда не признавала эти инструменты подходящими для познания или для терапии, и они так и остались в большинстве своем неприемлемыми. При установлении баланса сил между теми, кто лечит нас, и теми, кто нами управляет, обе стороны договорились считать преступлением владение этими замечательными растениями и их использование. То же самое относится к любым химическим соединениям, полученным в результате изучения этих растений, даже при том, что они могли оказаться более безопасными и последовательными.

Мы являемся великой нацией с одним из самых высоких уровней жизни, когда-либо известных в истории. Мы гордимся своей выдающейся Конституцией, которая защищает нас от тирании, разъединившей малые народы. Мы богаты наследством, доставшимся нам от английского законодательства, которое предполагает нашу невиновность и гарантирует неприкосновенность личной жизни. Одна из главных опор нашей страны состоит в ее традиционном уважении к индивидууму. Каждый из нас свободен — или так мы всегда полагали — следовать любым выбранным религиозным или духовным путям; свободен познавать, исследовать, собирать информацию и неотступно искать истину везде и любым способом, пока он несет полную ответственность за свои действия и за их последствия для других.

Как же так получилось, что лидеры нашего общества пошли на то, что пытаются устранить эти очень важные средства познания мира и самопознания, которые использовались, уважались и чтились на протяжении тысяч лет в любой человеческой культуре, о которой сохранились письменные источники? Почему, например, пейотль, служивший в течение столетий средством, помогавшим человеку настроить свою душу на переживание Бога, ныне включен нашим правительством в Список I наряду с кокаином, героином и PCP?[7] Является ли этот вид узаконенного осуждения результатом невежества, или давлением организованной религии, или растущего упорного желания подчинить население? Частично ответить на этот вопрос может

усиливающаяся в нашей культуре тенденция к патернализму и провинциализму.

Патернализм — это система отношений, при которой власти обеспечивают наши потребности, а в обмен мы позволяем им диктовать нам модели поведения, как публичного, так и частного. Провинциализм отражает узость перспективы, социальное объединение путем принятия единственного кодекса этики, ограничения интересов и форм опыта теми, которые уже установились как традиционные.

Однако предубеждение против использования расширяющих сознание наркотиков во многом происходит из расовой нетерпимости и концентрации политической власти. В конце прошлого столетия, когда было завершено строительство Трансконтинентальной железной дороги и китайские чернорабочие оказались не нужны, они все чаще и чаще изображались в виде нецивилизованных людей; они превратились в желтокожих, косоглазых опасных пришельцев, не вылезающих из опиумокурилен.

В различных публикациях XIX века пейот описывался как причина убийств, погромов и безумия среди невежественных американских индейцев. От Бюро по делам индейцев требовалось положить конец употреблению пейота (который постоянно тогда путали с мескалем и мескалиновым бобом). Внимание, которое уделялось в то время проблеме пейота, иллюстрирует цитата из письма преподобного Б. В. Гасавея, написанного им в 1903 году и адресованного в Бюро по делам индейцев: «…Воскресенье — основной день для нашей проповеднической миссии, и если индейцы уже пьяны от мескаля (пейот), им невозможно проповедовать Евангелие».

Лишь благодаря огромным усилиям и смелости знающих людей употребление пейотля как священного для американских индейцев растения было разрешено. Теперь, как вы знаете, наше нынешнее правительство вновь пытается запретить индейцам использование пейота в религиозных целях.

В 1930-х годах предпринимались попытки депортировать мексиканских чернорабочих из южных сельскохозяйственных штатов, и снова стали поощряться расовые предубеждения против мексиканцев, которых описывали как ленивых, грязных типов, употребляющих опасное зелье под названием марихуана. Нетерпимость к неграм в Соединенных Штатах подкреплялась историями о марихуане и героине, которые употребляли черные музыканты. Следует заметить, что никто не говорил об этом до того, как новая негритянская музыка — джаз — не начала привлекать внимание белых — сначала лишь владельцев ночных клубов. Но последовавшая широкая популярность вызвала проявления неуважения и несправедливости, от которых пострадали все чернокожие американцы.

В нашей стране мы все слишком хорошо знаем о наших прошлых грехах, связанных с ущемлением прав различных меньшинств, но мы не вполне осознаем, как манипулируют общественным мнением по отношению к некоторым наркотикам. Новые позиции политической власти и, в конечном счете, тысячи новых рабочих мест были созданы на основе гипотетической угрозы общественному здоровью и безопасности, которую представляют собой растения и наркотические вещества, чья единственная функция изначально заключалась в изменении человеческого восприятия. Они просто открывали путь исследованию подсознания, и для многих делали возможным непосредственное переживание сверхъестественных вещей.

Шестидесятые годы, конечно, нанесли мощный удар по психоделикам. Эти вещества использовались как элемент массового бунта против правительственной власти и против того, что считалось «безнравственной и ненужной войной во Вьетнаме». Помимо этого, раздавалось слишком много громких и авторитетных голосов, утверждавших потребность в новом виде духовности и настаивавших на употреблении психоделиков для установления прямого контакта с Богом без вмешательства священника, пастора или раввина.

Голоса психиатров, писателей и философов, а также многих вдумчивых представителей духовенства умоляли продолжить изучение и исследование воздействия психоделиков и того, что эти препараты могли сообщить о природе и функциях человеческого сознания и психики. Эти голоса не были услышаны в шумном возмущении против скандальных случаев злоупотребления и неправильного употребления наркотиков, которых имелось более чем достаточно. Правительство и церковь решили, что психоделики опасны для общества, и не без помощи прессы ясно дали понять, что они ведут к социальному хаосу и духовному бедствию.

Конечно же, при этом вслух не говорилось о древнем правиле: «Каждый сверчок — знай свой шесток».

Я изложил лишь некоторые причины, заставляющие меня верить в то, что психоделики являются ценными. Есть и другие, и о многих из них будет упомянуто в контексте этой истории. Существует, например, эффект, который они оказывают на мое восприятие цветов, который просто великолепен. Существует и углубление моей эмоциональной связи с другим человеком, которое может вылиться в прекраснейший опыт, окрашенный эротизмом потрясающей интенсивности. Я наслаждаюсь обострением осязания, обоняния, чувства вкуса и восхитительных изменений в моем восприятии потока времени.

Я считаю, что испытанные мною переживания, хотя они и были кратковременными, принесли мне благословение, и я чувствовал Бога. Я ощущал сакральное тождество творения с его Творцом, и — что самое ценное — я коснулся ядра своей собственной души.

Именно по этим причинам я посвятил свою жизнь этой исследовательской области. Когда-нибудь я смогу понять, как эти простые катализаторы делают то, что они делают. Пока же я у них в неоплатном долгу- И я всегда буду оставаться их защитником.

ПРОЦЕСС ОТКРЫТИЯ

Чаще всего после вопроса «Почему вы делаете ту работу, которую делаете?» мне задают следующий вопрос: «Как вы определяете активность нового препарата?»

Как можно судить о воздействии и природе этого воздействия, которое оказывает на центральную нервную систему только что синтезированное вещество, еще не введенное в живой организм? Я исхожу из предпосылки, что новое вещество так же свободно от фармакологической активности, как новорожденный малыш свободен от предрассудков.

При рождении человека многое в нем уже закреплено окончательно, начиная физическими особенностями и заканчивая полом и интеллектом. Однако есть многие вещи, которым еще только предстоит сформироваться. Особенности личности, совокупность убеждений и прочие бесчисленные характеристики не задаются при рождении. В глазах каждого новорожденного читаются первородная невинность и божественность, которые постепенно утрачиваются по мере взаимодействия с родителями, родными братьями и сестрами и окружающей средой. Зрелый человек формируется в результате регулярного столкновения с болью и с удовольствиями и, в конечном итоге, превращается в фаталиста, эгоцентрика или в альтруиста. И то, что сопровождало этого человека на протяжении всего его развития от еще не определившегося ребенка к уже определившемуся взрослому, все вносит свой вклад и, в свою очередь, меняется в процессе этого взаимодействия.

Так же обстоит дело и с химическим веществом. Когда идея нового вещества обретает мысленную форму, пока еще не существует ничего, за исключением символов — этакого набросанного на доске или салфетке коллажа из случайных атомов, сведенных в одно целое. Структура вещества и, пожалуй, некоторые его спектральные характеристики и физические свойства оказываются предопределенными. Но о характере его влияния на человека, природе его фармакологического воздействия или даже об уровне его активности можно лишь догадываться. Об этих свойствах пока ничего неизвестно, поскольку на этой стадии их еще не существует.

Даже когда соединение уже рождается как новое вещество, материальное, ощутимое и весомое, оно все еще остается «чистой доской» в фармакологическом смысле, потому что ничего еще не известно, ничто не может быть известно о его воздействии на человека, так как оно еще не побывала в человеческом теле. Только по мере развития отношений между испытуемым веществом и испытателем проявится эта сторона его характера, и испытатель вносит такой же вклад в окончательный характер воздействия препарата, как и само вещество. Процесс установления природы воздействия химического соединения тождественен процессу развития этого воздействия.

Одни исследователи, которые попробуют ваш препарат, согласятся с вашими оценками (вы надеетесь, что таких будет большинство), и тогда окажется, что вы точно определили (развили) эти свойства. Другие исследователи (вы надеетесь, таких найдется лишь несколько) не согласятся с вами и будут про себя задаваться вопросом, почему они не сумели оценить материал точнее. Вы могли бы называть это «подконтрольной ситуацией», и в этом состоит то, что вы лично осуществили все три части данного процесса, а именно — выдвинули идею, провели синтез и определили свойства.

Но важно учитывать, что взаимодействие здесь затрагивает обе стороны — оно сказывается и на испытателе, и на анализируемом соединении.

Я определяю активность препарата самым старым и проверенным способом. Он был введен в практику давным-давно, и на протяжении тысячелетий к нему прибегали знахари и шаманы, когда им нужно было узнать воздействие растений, которые могли оказаться полезными при

врачевании. Этот метод станет очевиден любому человеку, кто хотя бы ненадолго задумается над самим предметом разговора. Хотя большинство соединений, которые я исследую, создается в лаборатории и я редко испытываю растения или грибы, найденные в природе, есть все же только один способ определить активность полученного вещества. Этот способ сводит риск к минимуму и одновременно позволяет получать максимум полезной информации о наркотике. Я принимаю препарат сам. Я проверяю его особенности его физического воздействия на своем собственном теле и внимательно фиксирую любые психические эффекты, которые могут иметь место.

Прежде чем вдаваться в подробности этого вышедшего из моды метода обнаружения активности нового наркотического средства, позвольте мне объяснить, что я думаю относительно опытов на животных и почему я больше не полагаюсь на этот подход в своих исследованиях.

Когда я работал в компании «Dole», я имел обыкновение использовать животных для изучения токсичности наркотиков. Очевидно, что вещества, от которых ожидается некая полезность, должны проходить через установленные процедуры исследования нового препарата (IND — Investigation of New Drug). Эти процедуры разрешают клинические испытания на животных, предшествующие крупномасштабным исследованиям на людях. Но за двадцать лет я не убил ни одной мыши с целью эксперимента и не вижу никакой необходимости это делать. Я отказался от проведения опытов на животных последующим соображениям. За тот период времени, пока я, следуя установленному порядку, проверял каждый новый потенциальный психоделик на мышах, чтобы установить LD-50 (уровень дозировки, при котором 50 % животных погибают), мне стали очевидны две закономерности. Во-первых, все значения этого показателя, похоже, находились в области между пятьюдесятью и ста пятьюдесятью миллиграммами на килограмм массы. Для мыши весом двадцать пять граммов смертельной стала бы доза около пяти миллиграммов. И, во-вторых, само значение этого показателя никак не предсказывает направление или характер действия, которое данный препарат может, в конечном итоге, оказать на человека. Несмотря на это, многие соединения были «определены» в научной литературе как «психоделики» исключительно на основе испытаний на животных, без какой бы то ни было оценки их воздействия на человека. Я целиком и полностью уверен в том, что такие опыты на мышах, как формирование группы, нарушение условного рефлекса, выход из лабиринта или изучение моторной деятельности мышей не имеют никакой ценности для определения психоделического потенциала изучаемого соединения.

Лишь одно направление опытов на животных действительно имеет ценность. Это наблюдение за сердечно-сосудистой деятельностью и патологическая экспертиза подопытного животного, которому дали завышенную дозировку тестируемого соединения. С этой целью обычно я использую собак. Такой анализ, без сомнения, полезен для определения характера наблюдаемых токсических эффектов, но тем не менее при помощи этих наблюдений все же нельзя определить специфику воздействия изучаемого психоделика на человека.

Обычно я начинаю испытания нового наркотика с дозировки от десяти до пятидесяти раз меньше по весу, чем активная доза известного ближайшего аналога. Если у меня есть какие-то сомнения, я понижаю дозу еще на порядок. Испытания некоторых новых соединений, близко стоящих к предварительно опробованным наркотикам низкой мощности, были начаты с миллиграммового уровня. Но есть другие соединения — абсолютно новые, принадлежащие к неисследованному классу, которые я могу начать испытывать с дозы меньше микрограмма.

Полностью безопасной методики испытания наркотиков не существует. Различные рассуждения могут привести к разным предсказаниям дозировочного уровня, по всей вероятности, неактивного для человека. Благоразумный исследователь начинает свои опыты на

самом низком уровне. Однако всегда остается следующий вопрос: «Да, но что если…?» И лишь ПОСЛЕ этого мо/но доказывать тот факт, что, говоря на химическом жаргоне, активность этильной группы превысила активность метильной из-за большей липофильности или понизилась по причине неэффективного ферментативного деметилирования. Поэтому в моих выводах должны учитываться интуиция и вероятностные ожидания.

Существует очень немного наркотиков, которые при структурном изменении единственного атома углерода (это называется гомологизацией) изменяют фармакологическую эффективность. Есть очень немного соединений, при оральном приеме проявляющих активность в дозировках много ниже пятидесяти микрограммов. Я обнаружил, что лишь немногие препараты, воздействующие на центральную нервную систему человека и оказывающиеся опасными для исследователя при эффективных дозировках, обычно дают намек на это на пороговых уровнях. Если вы собираетесь остаться живым и здоровым после эксперимента, вы должны хорошо знать эти предупредительные сигналы и немедленно отказаться от дальнейшего исследования любого наркотика, который подал вам один или всю совокупность таких сигналов. В своих исследованиях я обращаю меньше внимания на признаки опасности, чем на признаки того, что новый препарат может иметь эффекты, которые мне покажутся бесполезными или неинтересными.

К примеру, если я тестирую новый наркотик при низких дозах и под его воздействием обнаруживаю у себя признаки гиперрефлексии и повышенной чувствительности к обычным раздражителям, т. е. говоря английским языком, становлюсь нервным (getting jumpy), это может стать предупреждением, что при высоких дозировках данный наркотик может вызывать конвульсии. Вызывающие конвульсии препараты используются в опытах на животных и занимают свое законное место в медицине, но они не являются сферой моих интересов. Если меня вдруг потянет в сон, то это тоже может стать предупреждающим сигналом: дневной сон, например, — это нормальная реакция, когда я утомлен или скучаю, но не когда я только что принял новый наркотик и слежу за проявлением его активности. Или, возможно, я обнаруживаю, что время от времени впадаю в сон, то есть ненадолго погружаюсь в дремоту. Любой из этих симптомов может заставить меня подозревать, что данный наркотик может быть успокаивающим снотворным. Такие препараты, конечно, занимают свое место в медицине, но, опять-таки, они не то, что я ищу.

Установив, что первоначальная доза не оказывает на меня никакого влияния, я повышаю дозировку в два раза на низких уровнях и раза в полтора на более высоких и при этом устраиваю перерыв между испытаниями.

Каждый должен иметь в виду, что, если наркотик апробируется слишком часто, к нему можно привыкнуть, даже если его воздействие не ощущается. Поэтому необходимость увеличения дозировки может быть неверно интерпретирована как проявление неактивности препарата. Чтобы свести возможную утрату чувствительности к минимуму, никакой наркотик нельзя принимать несколько дней подряд. Кроме того, периодически я устраиваю себе такую неделю, когда вообще не принимаю наркотиков. Это особенно важно в том случае, если в одно и то же время изучаются несколько различных наркотиков с похожими структурными свойствами.

Таким образом, мне удается избежать проблемы пересекающегося привыкания, то есть привыкания организма к близкому по свойствам наркотику.

За многие годы исследовательской работы я разработал метод присвоения символов, которые относятся исключительно к ощущаемой мною силе или интенсивности эксперимента, но не к его содержанию, которое оценивается отдельно в моих записях. Подобную систему оценки можно было бы также применять и к другим классам психоактивных веществ, таких, как успокоительные снотворные средства или антидепрессанты. Я использую систему фиксации

пяти уровней воздействия, которое отражаю при помощи плюсов и минусов. Есть еще один дополнительный уровень, его я опишу позже, потому что он стоит обособленно и не сопоставим с другими.

(-) или Минус. Не отмечается никакого воздействия, которое можно было бы приписать рассматриваемому препарату. Это состояние также называется «нормальным» (baseline), это мое обычное состояние. Так, если воздействие наркотика оценивается на минус, это означает, что мой разум и мое тело находятся в точно таком же состоянии, в котором я находился перед приемом данного препарата.

(±) или Плюс-Минус. Это значит, что я чувствую, как выхожу из обычного состояния, но еще не могу быть абсолютно уверен в том, что это объясняется именно воздействием наркотика. Здесь может проявиться немало ложных признаков, и зачастую моя реакция, которую я принял за проявление воздействия наркотика, является лишь продуктом моего воображения.

Здесь я опишу кратко ощущение, называемое «тревогой». Именно этот маленький признак напоминает мне (в случае, если я отвлекся на телефонный звонок или беседу), что я действительно принял наркотик. Это ощущение наступает на начальной стадии эксперимента и является прелюдией перед дальнейшими проявлениями воздействия. У каждого участника нашей исследовательской группы имеется собственная индивидуальная форма тревоги: у одного закладывает носовые пазухи, другой ощущает покалывание в шее, третий зарабатывает кратковременный насморк. В моем случае тревога проявляется в том, что у меня исчезает хронический звон в ушах.

(+) или Плюс один. Воздействие становится реальным, и я могу отслеживать его продолжительность, вместе с тем я еще не могу судить о характере эксперимента. В зависимости от наркотика среди ранних признаков воздействия могут быть тошнота, и даже сильная рвота (хотя это случается крайне редко). Могут дать знать о себе и другие формы воздействия, например, головокружение, сильная зевота, неугомонность или желание оставаться в неподвижности, но они приносят меньше беспокойства. Эти начальные физические признаки, если они вообще заявляют о себе, обычно исчезают в течение первого часа эксперимента, но их необходимо считать реальными, не мнимыми. Могут произойти и изменения психического плана, однако их нельзя назвать характерными для этой стадии. Ложные признаки здесь встречаются редко.

(++) или Плюс два. Воздействие наркотика ощущается безошибочно, и можно проследить не только процесс этого воздействия, но и его природу. Именно на этом уровне предпринимаются первые попытки классификации, и в моих записях можно прочитать что-нибудь вроде этого: «Имеет место значительное усиление визуального эффекта и возрастание осязательной чувствительности, несмотря на легкую анестезию». (Это означает, что, хотя кончики моих пальцев могут слабее обычного реагировать на тепло, холод или боль, мое осязание определенно усиливается.) При плюс двух я сел бы за руль лишь в том случае, когда речь идет о жизни и смерти. Я все еще способен с легкостью разговаривать по телефону и полностью следить за ходом разговора, однако я бы предпочел, чтобы такая необходимость мне не грозила. Мои познавательные способности все еще не затронуты наркотиком, и в случае неожиданности я смогу без особой трудности подавлять воздействие наркотика, пока проблема не будет решена.

Именно на этой стадии я обычно задействую еще один «экспериментальный объект» — свою жену Энн. На уровне плюс два воздействие уже достаточно очевидно, чтобы оценить, как оно сказывается на ее теле и сознании. Ее метаболизм в значительной степени отличается от моего, к тому же, разумеется, она наделена совершенно другим сознанием, так что ее реакция на наркотик дает мне важную информацию.

(+++) или Плюс три. Этот показатель отражает максимальную интенсивность воздействия препарата. Здесь реализуется весь потенциал наркотика. На этой стадии можно полностью оценить его характер (с учетом того, что амнезия не станет одним из его проявлений), а также здесь есть возможность определить время действия препарата. Другими словами, я могу сказать, когда я чувствую сигнал тревоги по завершению перехода, как долго длится плато, то есть воздействие наркотика при полной активности, и насколько резко или плавно происходит возврат в нормальное состояние. Я осознаю природу воздействия наркотика на мое тело и сознание. Ответ на телефонный звонок уже не стоит под вопросом просто потому, что мне потребовалось бы приложить слишком много усилий для поддержания нормального голоса и привычного хода беседы. Я смог бы контролировать себя в случае крайней необходимости, но подавление наркотического воздействия потребует полной концентрации. После того, как мы с Энн доходим до плюс три при испытаниях нового препарата и устанавливаем диапазон дозировки, при которой мы получаем такой эффект, мы созываем исследовательскую группу и испытываем наркотик вместе с остальными участниками группы. В свое время об этой группе будет рассказано подробнее. И только после того, как участники исследовательской группы представят свои отчеты об эксперименте, можно описывать синтез нового препарата и его воздействие на человека и публиковать эти материалы в научных журналах.

(++++) или плюс четыре. Это — отдельный и очень специфический уровень, он стоит особняком. Четыре плюса вовсе не означают, что это состояние превышает плюс три или сопоставимо с ним. Это умиротворенное и волшебное состояние, по большей части независимое от самого наркотика, если оно вообще вызвано наркотическим воздействием. Его можно назвать «пиковым опытом», если воспользоваться терминологией психиатра Эиба Маслоу[8] Такое состояние не возникает по желанию путем простого повторения эксперимента. Плюс четыре — это своеобразный мистический или даже религиозный опыт, который невозможно забыть. Чаще всего он вызывает серьезные изменения в жизни человека, которому посчастливилось пережить это состояние.

Лет тридцать назад я делился своими последними открытиями с неформальной группой, состоявшей примерно из семи моих друзей; мы не собирались в полном составе, обычно время от времени нас собиралось трое-пятеро в какой-нибудь выходной, когда мы могли выкроить время. В тот период большую часть двоих исследований я проводил сам и на себе же. Упомянутые друзья помогли мне испытать другие препараты. Кое-кто из них уехал из района Залива, и я утратил с ними связь. Другие остались мне добрыми друзьями, и время от времени я вижусь с ними, но теперь уже мы собираемся, чтобы вместе пообедать и предаться воспоминаниям, а не испытывать на себе воздействие наркотиков.

Существующая ныне исследовательская группа — это команда из одиннадцати человек. В экспериментах принимают участие все, но поскольку двое из нашей группы живут далеко от Залива и не могут присоединиться к нам, обычно нас девять. Все они добровольцы, некоторые из них ученые, некоторые психиатры, у всех есть опыт переживания воздействия широкого набора психотропных препаратов. Они знают эту сферу. Эти особенные люди сотрудничают со мной в течение примерно пятнадцати лет. Они образуют сплоченную семью, чей опыт в этой области позволяет им прямо сравнивать состояние, вызванное данным наркотиком, с другими измененными состояниями сознания, а также оценивать или критически сравнивать особенности воздействия данного наркотика. Я выражаю им огромную благодарность за то, что на протяжении многих лет они доверяли мне и были готовы исследовать неизвестную территорию.

Вопрос об информированном согласии выглядит совершенно иначе в контексте этой исследовательской группы, которая занимается изучением наркотического воздействия. Все

участники нашей группы осознают всевозможный риск, а также возможную пользу, присутствующие в любом эксперименте. Мысль о злоупотреблении не имеет никакого отношения к этой группе добровольцев. Каждый из нас понимает, что при любом повреждении, как физическом, так и психологическом, от которого в результате эксперимента с новым наркотиком может пострадать любой участник группы, все остальные члены группы не останутся безучастными и помогут пострадавшему любым необходимым способом. Помощь будет оказываться столько, сколько пострадавшему потребуется для восстановления здоровья. Мы все, как один, предоставим в этом случае финансовую помощь, эмоциональную поддержку и любой другой вид необходимой помощи без ограничения. Но позвольте мне добавить, что ту же самую поддержку и заботу мы окажем любому участнику нашей группы, даже если обстоятельства несчастного случая, от которого он пострадает, не будет иметь ни малейшего отношения к эксперименту с наркотиком. Другими словами, мы близкие друзья.

Здесь следует отметить, что на протяжении этих пятнадцати лет никому из нашей группы не был нанесен ни физический, ни психологический ущерб в результате апробирования препарата. Было несколько случаев психического и эмоционального недомогания, но человек всегда оправлялся ко времени, когда действие наркотика прекращалось.

Как исследователь оценивает интенсивность воздействия препарата, если он ожидает их? В идеале такие измерения должны быть объективны, свободны от любого мнения или предубеждения со стороны наблюдателя. А субъект эксперимента не должен быть осведомлен о том, какой наркотик ему дают и какое воздействие он может оказать. Однако в случае подобных наркотиков, то есть психоактивных веществ, воздействие может быть замечено лишь в пределах сенсорики субъекта эксперимента. Только он может наблюдать и сообщать о степени и природе действия препарата. Следовательно, субъект является наблюдателем и объективность в классическом понимании здесь невозможна. Подобные исследования нельзя проводить вслепую.

Вопрос о так называемых «слепых экспериментах» и особенно «дважды слепых» является бессмысленным и, по-моему, граничит с неэтичностью в этой области исследования. Причиной проведения «слепых экспериментов» является желание защититься от возможного субъективного предубеждения со стороны субъекта, однако объективность — как я объяснил выше — здесь в принципе недостижима. Субъект может с успехом перейти в измененное состояние сознания, и мне кажется, что это неприемлемо — не предупредить его о такой возможности.

Поскольку при проведении подобного эксперимента субъекта ставят в известность о том, какой наркотик ему предстоит принять и какое воздействие он может, в общем, ожидать при той дозировке, которую мы с Энн нашли активной, и поскольку он, субъект, знает время и место эксперимента, а также дозировку предлагаемого ему препарата, я использую здесь термин «дважды сознательный» вместо «дважды слепой» эксперимент. Этот термин был предложен д-ром Гордоном Аллесом, ученым, который также исследовал царство измененного состояния сознания при помощи новых наркотиков.

Есть ряд правил, которые строго соблюдаются. По меньшей мере, за три дня до эксперимента нельзя принимать никакой другой наркотик; если один из нас страдает каким-либо заболеванием, независимо от тяжести заболевания, и в особенности если он принимает медикаментозные средства для лечения, само собой ясно, что он не будет участвовать в тестировании препарата, даже если решит присутствовать на эксперименте.

Мы встречаемся в доме одного из членов группы, и каждый из нас приносит с собой какую-нибудь еду и напитки. В большинстве случаев хозяин дома готов к тому, что гости останутся у него ночевать, и мы приносим спальные мешки или маты. В доме должно быть достаточно

свободных комнат, чтобы любой из нас мог отделиться от остальной части группы, если он или она пожелает побыть некоторое время в одиночестве. Около домов, где мы собираемся для проведения экспериментов, имеется сад, в котором любой из нас может провести время среди растений на свежем воздухе. Также у нас имеются музыкальные записи и книги по искусству на тот случай, если кому-то захочется воспользоваться ими в ходе эксперимента.

У нас есть лишь два обязательных для выполнения требования. Все понимают, что слова «рука вверх» (они всегда сопровождаются подъемом руки говорящего) означают реальное беспокойство или проблему независимо от содержания сообщения, которое они предваряют. Если я кричу «рука вверх» и затем говорю, что чувствую запах дыма, то это означает, что меня на самом деле волнует этот тревожный запах и я вовсе не забавляюсь и не делюсь своими фантазиями. Это правило неизменно повторяется в начале каждой встречи и всегда неукоснительно соблюдается.

Второе требование связано с идеей вето. Если любой участник группы чувствует дискомфорт или беспокойство в связи с конкретным предложением, касающимся проведения эксперимента, в этом случае вето обладает абсолютной силой и уважается всеми участниками. К примеру, если кто-то предлагает включить музыкальное сопровождение в определенный момент эксперимента и остальные, кому по душе эта идея, с ним согласны, это еще не результат единодушного голосования; если найдется хоть один человек, которому не нравится эта идея, то музыку мы включать не будем. Это правило не вызывает проблем, которых можно было бы ожидать, потому что в большинстве домов достаточно места, чтобы там разместилась группа из одиннадцати человек для подобного эксперимента, а кроме того, обычно всегда находится одна свободная комната, в которой можно слушать музыку без опасения нарушить тишину в других комнатах.

Важно кое-что сказать здесь и о сексуальном поведении. Много лет в нашей группе было заведено одно понятное всем правило, с тех пор мы его и соблюдаем. Мы решили не допускать проявлений сексуального желания или ощущений, которые могут возникнуть в ходе эксперимента между людьми, не состоящими в браке или в продолжительных отношениях друг с другом. Впрочем, то же самое правило применяется в психотерапии; сексуальные ощущения могут, при желании, стать предметом обсуждения, но не будет допущено никакого физического контакта с неподходящим участником группы. Разумеется, если законная пара желает уединиться в отдельной комнате, чтобы заняться любовью, они вольны делать это, и им будет сопутствовать благословение (и, вероятно, некоторая зависть) всех остальных.

Точно так же можно понять эмоции гнева или порыв к насилию, если таковые возникают. Это позволяет открыто проявлять свои чувства и сохранять полное доверие друг к другу, потому что независимо от того, какое неожиданное чувство или эмоция вдруг заявят о себе, никто из участников эксперимента со своей стороны не допустит такого поведения, которое может вызвать у одного человека или у всех нас сожаление или смущение в момент эксперимента или в будущем.

Исследователи привыкли трактовать разногласия или отрицательные эмоции в процессе наркотического эксперимента точно так же, как они оценивают их при групповой терапии. Для этого они анализируют причины дискомфорта, возмущения или раздражения. С давних пор все исследователи считают, что изучение психологических и эмоциональных проявлений воздействия психоактивного препарата неизбежно тождественно изучению их индивидуальной психологической и эмоциональной динамики.

Если все здоровы, в эксперименте принимают участие все члены группы. Исключение было сделано в случае многолетнего участника наших опытов, одного семидесятилетнего психиатра, который в ходе одного из наших экспериментов принял решение прекратить принимать

тестируемые наркотики. Однако он захотел продолжить посещать наши встречи, и мы с энтузиазмом приветствовали его присутствие. За несколько лет до своей смерти после операции на сердце он испытал прекрасные переживания, известные под названием «высокий контакт». Мы любили его и все еще тоскуем по нему.

По общему признанию, наша группа являет собой необычное объединение, но она хорошо поработала и оценила свыше ста психоактивных наркотиков, многие из которых были включены в самую разнообразную психотерапевтическую практику.

Александр Шульгин, д-р философии

КНИГА 1
История любви

ЧАСТЬ 1. Голос Шуры

Глава 1. Большой палец

Я родился 17 июня 1925 года в быстро растущем городе Беркли, в Калифорнии.

Моего отца звали Теодор Стивене (Федор Степанович) Бородин. Он родился в начале 1890-х годов и был первым сыном Стивенса Александра (Степана Александровича) Бородина, который, в свою очередь, по странной логике русских имен был первым сыном Александра Федоровича Бородина. Поскольку и я был первым сыном, то получил имя своего прадеда и тоже стал Александром Теодором (Федоровичем). И в соответствии с русским обычаем использования женских уменьшительно-ласкательных имен по отношению ко всем детям (равно как и к домашним животным и прочим любимым созданиям независимо от их пола) я откликался на имя Шура Бородин.

Мой отец был строгим родителем. Ему было суждено сыграть роль сторонника дисциплины, хотя я и не могу припомнить, чтобы он когда-нибудь угрожал мне ремнем. Вместе с тем он имел авторитет, и его уважали как преподавателя истории и литературы в Окленде, где учащимися были, в основном, португальцы. Кроме того, он обучал шумных, ненавидевших школу детей садоводству. Должно быть, так или иначе он вдохновил их, потому что в школьном саду росли великолепные цветы. Вам пришлось бы пенять на себя, если бы вы наступили на одно из тех растений, что холили и лелеяли воспитанники моего отца.

Друзьями моего отца были, в основном, русские эмигранты, приехавшие в нашу страну в то же самое время, что и он, то есть в начале двадцатых годов. Большинство из них бежали от большевизма. Они покинули Россию через Манчжурию и Японию. После того, как президент Гардинг[9] открыл эмигрантам двери, многие приехали из-за границы в Сан-Франциско, чтобы начать там новую жизнь. В число отцовских знакомых входили также семьи его друзей, их жены и дети. Мои родители вращались в тех кругах, где витал русский дух, также поступал и я. Я не могу припомнить никаких друзей моей матери, кроме тех, кто были друзьями отца.

Я действительно считаю, что отец гордился мной, но я точно не знаю, почему у меня создалось такое впечатление. Он любил обращаться ко мне как своему наследнику, но никогда не рассказывал мне о своем детстве и не делился своими мыслями. Все, что я знал о его семье, — это то, что у него было пять братьев и шесть сестер. Все они родились в Челябинске и проживали в России. Отец обожал читать. Охотнее всего он читал по-русски, и всегда это были книги на дешевой бумаге с указанием на внутренней стороне обложки, указывавшим на то, что эта книга была отпечатана в Риге или в Москве. По всему дому были разбросаны эти простые коричневатые книги в мягком переплете и с ничего не говорящими мне названиями, изданные в какой-то неизвестной стране.

Моя мать, Генриетта Д. Д. (Дороти Дот), тоже родилась в начале 1890-х в маленьком городке в штате Иллинойс. Она изучала литературу в колледже в Пульмане, Вашингтон. Она много путешествовала; поэзия стала для нее способом самовыражения. Свои стихи она печатала на огромной пишущей машинке. Она печатала быстро и неровно и всегда утверждала, что ее стиль работы не спутаешь ни с чем, потому что он отличал ее не хуже любой подписи. У нее был брат и две сестры, все они жили в Калифорнии. На самом деле одна из ее сестер (вместе с мужем и двумя детьми) жила неподалеку от нас в Беркли, на Милвиа-стрит, но мы почти не виделись с ними. Как-то раз на Рождество мы пришли к ним, и в их доме я обнаружил подвал, где нашел самое великое из всех сокровищ, которые можно отыскать под землей, — целый орган, разобранный на части. Я мечтал когда-нибудь собрать его, никому не сказав об этом, а также подобрать и присоединить воздушный компрессор, а затем, утопив клавишу органа в полночь, держать аккорд би-моль минор с одной целью — чтобы только посмотреть, как быстро

все выбегут из дома. Я спросил дядю Дэвида, откуда взялся этот инструмент, и он ответил, что понятия не имеет, дескать, орган был там, когда он купил дом. После смерти дяди дом пошел на слом для строительства нового жилого дома, и прекрасные части органа исчезли навсегда.

Мое впечатление об отце по большей части сложилось под влиянием историй, которые мне много раз пересказывала моя мать. К примеру, мать рассказывала мне о поездке в район Великих озер. Мы поехали туда все вместе, родители хотели выбрать в Детройте новую машину. Тогда мне было очень мало лет. Мы обогнули Онтарио с юга и возвращались домой мимо Ниагарского водопада через северную часть штата Нью-Йорк. Очевидно, иммиграционная служба заинтересовалась тем обстоятельством, что мы ехали на превосходном новеньком автомобиле, и нас остановили и стали задавать родителям вопросы.

Вы американские граждане? — спросил чиновник на пограничной станции.

Да, — ответил мой отец, у которого был явный и безошибочно угадывающийся русский акцент.

Ну-ну, — заметил чиновник и следующий вопрос адресовал непосредственно отцу. — И где же вы родились?

В Челябинске, — последовал ответ, в голосе отца сквозила гордость.

А где это?

В России. Я могу произнести это слово так, как произнес его отец, но в тексте передать это нелегко. У отца получалось слегка вибрирующее «эр», за которым следовал длинный и раскатистый звук «а», похожий на «а» в слове «cart». Что-то вроде «Rashia», или, лучше, «Rrraaaashia».

С чиновником заговорила моя мать, пробуя объяснить, что мой отец действительно родился в России, но что он приехал в Америку в начале двадцатых, стал добиваться американского гражданства и получил его. Это дало свои результаты. Нас пригласили в будку, которая была офисом иммиграционной службы, чтобы ответить на дополнительные вопросы. Скорее всего, подозрения у чиновников появились потому, что жена отвечала на вопросы, заданные мужу.

У вас есть при себе документы о получении гражданства?

Нет, не вижу никакой причины повсюду носить их с собой, — сказал мой отец.

Какой номер стоит на документах, подтверждающих ваше гражданство?

Понятия не имею.

Как вы можете доказать, что являетесь гражданином?

Я член Калифорнийской ассоциации школьных учителей. Преподавать в калифорнийских государственных школах могут лишь американские граждане.

Откуда мне знать?

Это известно всем и каждому!

Разговор вернулся к нашему приезду из Канады. Последние реплики были классическими.

«Если вы не можете документально подтвердить свое американское гражданство, — сказал чиновник, — как же так вышло, что канадские власти разрешили вам въезд на свою территорию?»

Фраза, сказанная моим отцом, была яснее ясного, на нее ничего нельзя было возразить: «Да потому, что канадцы оказались джентльменами».

Это дало свои результаты. Чиновник купился на этот ответ, поняв, что лишь настоящий американец способен выказывать такое специфическое высокомерие. Мы очень быстро выехали на нужную дорогу на нашем свеженьком «Форде» модели А образца 1929 года.

Другой случай, связанный с моими родителями, выставляет моего отца в несколько ином свете. Когда мне было лет десять или около того, возможно, отец увлекся другой женщиной. Тогда я не знал ни значения слова «увлекся», ни значения слов «другая женщина», но понимал,

что происходило нечто неприятное для моей матери. Она вовлекла меня в маленький странный заговор. Мы добрались до мотеля на авеню Сан-Пабло, которое проходило недалеко от границы между Беркли и Оклендом, и моя мать попросила меня подойти к определенному автомобилю, припаркованному рядом с мотелем, и проколоть одну из его шин. Я сделал это, и мы отправились домой. Отец вернулся домой очень поздно, у него было собрание в школе, и сказал, что задержался из-за внезапно сдувшейся шины. Я был озадачен. Неужели в нашей семье происходило что-то из ряда вон, о чем я ничего не знал? Все это было весьма интригующее, но при этом отец оказывался замешан в чем-то непонятном, и мне это было не по душе.

Снова, как и в истории с чиновником иммиграционной службы, я видел своего отца глазами матери, и теперь, рассматривая все эти вещи с точки зрения зрелого человека, я думаю, что эти рассказы позволяют мне понять не только отца, но и саму мать, позволяют интуитивно проникнуть в ее переживания, например, почувствовать ее неуверенность и зависимость от других людей.

Я проучился в школе, сколько положено минус пару лет за счет сданных экстерном классов, но почти все забыл, как будто амнезия коснулась этих воспоминаний. Я могу вспомнить лишь какие-то крупные события, вероятно, потому, что они пересказывались и поэтому хорошо закрепились. Однако подробности повседневной жизни полностью стерлись у меня из памяти.

Я могу припомнить школы, в которые я ходил, но не в силах вспомнить ни одного имени одноклассников, а из всех учителей могу вспомнить лишь троих. Один год моя мать преподавала английский язык в том классе младшей школы, где учился я, а ее брат, дядя Гарри, преподавал в моем классе алгебру. Это было уже в средней школе. Еще я помню, что, когда он закончил черновик учебника алгебры для своих учеников, он попросил, чтобы я пролистал его и поискал ошибки. Это было настоящим комплиментом для меня. Третий преподаватель, мистер Фредерик Картер не был мне родственником, но он вел все музыкальные классы, руководил школьным оркестром и джаз-бандом. Музыка всегда занимала большое место в моей жизни.

Пока я думал о школе, у меня в голове всплыло, словно из тумана, имя одного моего одноклассника. Его звали Рик Мунди. Он был шумным позером и любил проделывать непристойные выходки с сырыми хот-догами у небольшой закусочной через Гроув-стрит от Университета.

Перед средней школой я был чуть долговязым, чуть молодо выглядевшим и несколько чересчур развитым для своего возраста ребенком, который переходил от удобного маленького «я» предподросткового возраста к ужасающему «Я» взрослого человека, существующего отдельно от всех остальных. Я не видел этих изменений и не осознавал их, но так или иначе, постепенно они происходили во мне. Если раньше, когда я мог пораниться, играя на улице, я смотрел на свою ногу и думал: «О, это кровь; это все из-за палки, и теперь у меня болит нога». Теперь же я начинал думать об этом происшествии по-другому: «Я поранился этой палкой; у меня идет кровь, отчего у меня болит нога».

Хуже всего было понимание того, что я должен нести ответственность за все, что со мной происходит. Раньше устанавливали порядок, решали проблемы и заботились обо мне мои родители. Когда я осознал свое «я» (если это именно то, что понимают под этим), я стал более активно взаимодействовать с другими людьми.

Я был вундеркиндом. Я никогда не думал о себе в контексте собственного интеллекта или смышлености, но я знал, что мать считала меня весьма продвинутым и способнее остальных детей моего возраста. Я мог играть на фортепьяно и на скрипке, я писал стихи. Пока я рос, от меня всегда ожидали, что я могу сделать больше и лучше.

Я ненавидел драки. Я не видел ничего предосудительного в том, чтобы припустить со всех ног в определенной ситуации, потому что физическое насилие не было частью моего мира;

насилие было мне чуждым, и если меня обзывали за то, что я удирал с поля боя, то в этом для меня не было ничего страшного. Я не получал ни малейшего удовлетворения ни от нанесения ударов, ни от получения их.

В возрасте около пяти-шести лет я открыл для себя игру в шары. Площадка для этой игры находилась рядом с забором в школьном дворе. Схема была классической: три лунки от дома, затем назад, затем снова раз и еще раз, наконец, домой (и если ты первый, то выигрываешь несколько шаров у других детей). У меня был хороший размах, так что я мог получить небольшое преимущество при повторном ударе. За несколько дней я был способен завоевать агатовый шарик, настоящий агатовый шарик. Нельзя было претендовать на то, что твой шарик стал настоящим до тех пор, пока он не разбил другой шарик. А если разбитый шарик принадлежал тебе, то он не был настоящим.

В школе было слишком много детей старше меня, так что я стал тренироваться у себя дома, на заднем дворе. Потратив немало сил, я сделался довольно опытным игроком в шары.

Наш задний двор отделялся от соседского забором. Вдоль забора росла густая жимолость, она закрывала его полностью. Именно жимолость поддерживала забор. Дерево было очень высоким и очень толстым, а его ветви — очень длинными. Они были покрыты маленькими листьями, которые росли в противоположных направлениях друг от друга, и миллионами крошечных цветочков, разбросанных повсюду.

Конечно, я знал, что под всей этой зеленой массой был забор, потому что у меня был секретный вход в туннели под жимолостью, туннели, о которых никто не знал. Это принадлежало только мне. Я мог бы пробраться внутри моего туннеля с одной стороны через маленькое отверстие, где несколько досок забора истлели, к параллельному туннелю с другой стороны. Когда я был там, внутри моей капсулы, я отщипывал цветочек-другой и пробовал капельку сладкого нектара, вытекающего оттуда. Бывало абсолютно тихо; даже трамваев, которые обычно грохотали туда-сюда по Роуз-стрит, здесь не было слышно. У меня не было необходимости глазеть по сторонам, чтобы видеть окружающий мир. У меня не было необходимости дышать. Я не мог видеть никого, и никто не мог видеть меня. Здесь не существовало времени. Маленькие жучки, которые должны были ползать по старым сломанным доскам, просто не двигались. Разумеется, когда я обращал внимание на что-то еще, а затем оглядывался, они оказывались в другом месте, но в то время, когда я смотрел на них, они не двигались. Пока я сидел под жимолостью, двигались лишь мои фантазии, воспоминания о прошлом и картины будущего.

Вкус жимолости осуществлял волшебную связь с тем миром, где всякий лист и насекомое были друзьями, и сам я был неотъемлемой частью всего сущего.

Однажды кто-то решил, что забор совсем прогнил и что все и старые доски, и старые растения — нужно было заменить чем-то новым, чистым и, конечно, более безопасным. Я чувствовал себя опустошенным. Когда я плакал, никто не понял почему.

Но были другие места, куда я мог пойти и оказаться в своем мире. Я стал настоящим специалистом по подвалам. Моя мать назвала это прятаньем, но я думал об этом как о бегстве. От чего? Ну, к примеру, от необходимости упражняться на фортепьяно. Каждый день, как только я заканчивал задание, то есть проигрывал упражнение, которое, как предполагалось, нужно было повторять каждый день по двадцать раз, я мог переместить очередную зубочистку с правого скрипичного ключа на левый басовый ключ. Но моя мать никогда, кажется, не смотрела на размер кучки зубочисток, отмечавшей законченные упражнения; она обращала внимание лишь на уменьшавшуюся кучку тех зубочисток, которые обозначали упражнения, которые мне еще предстояло выполнить. Было бы не честно переместить зубочистку с одного ключа на другой, это было бы явным обманом. Однако если зубочистка случайно скользила вниз между

ключами, моя совесть была чиста, и похоже, именно это время от времени и случалось.

Кроме подвала в доме моего дяди Дэвида, первым подвалом, который я действительно узнал хорошо, стал подвал нашего соседа, совладельца забора, заросшего жимолостью. Этот подвал принадлежал старому-старому человеку по фамилии Смит (Smythe). Его фамилия произносилась с длинным звуком «i» и мягким звуком «th», как в словах «blithe» (жизнерадостный) или «scythe» (косой).

Он был книготорговцем и агентом, через которого мой отец покупал свои любимые дешевые книги в мягком переплете. Но через мистера Смита отец также получил много томов классической русской литературы. Я помню полное собрание сочинений Толстого — это приблизительно пятьдесят полновесных томов со сносками, записками и черновыми набросками. Похоже, единственное, что я мог прочесть в этих книгах, было напечатанное латинскими буквами название издательства на первой странице, гласившее, что это Edition d'Etat (государственное издание), выпущенное в Moscou (Москве). Мой старый сосед жил со своей дочерью и какими-то еще родственниками. Я так и не познакомился ни с кем из них.

Но зато мне довелось познакомиться с невероятно большим собранием книг в подвале соседнего дома. Тысячи пыльных книг лежали стопками в аккуратно поставленных друг на друга деревянных ящиках из-под апельсинов. В каждом укромном уголке и щели я обнаруживал что-то новое. Меня всегда поощряли искать и исследовать, и когда я сталкивался с мистером Смитом, он постоянно говаривал: «Пожмите мне руку, молодой человек, и потом вы сможете говорить, что касались руки, которая жала руку мистеру Линкольну».[10] Кажется, когда он был маленьким, отец взял его на инаугурацию Линкольна. Так что я охотно жал его руку, улыбался и убегал, чтобы дождаться того дня, когда я мог продолжить исследование его волшебной коллекции.

Как раз в это время у меня появилась страсть к маркам и к их коллекционированию. Обычно я заходил в крупные представительства Итальянского банка (полагаю, теперь это Американский банк), и секретари позволяли мне рыться в корзинах для бумаг, срывать с конвертов и уносить большие гашеные марки, никогда не попадавшие в ежедневную почту, получаемую моими родителями. Моя мать сохранила множество писем и открыток, оставшихся у нее со времен обучения в колледже и поездки в Египет. На них были действительно старые марки, имевшие хождение до моего рождения. Я тщательно отклеил их и идентифицировал по каталогу Скотта. Потом я обнаружил корзину для бумаг около стола мистера Смита, заполненную обертками книг, отправленных со всего света. На них были марки из Чехословакии, Венгрии, Югославии и из многих других совершенно невообразимых мест.

Мистер Смит поймал меня однажды за тем, как я совал нос в его корзину для бумаг. Я оцепенел при мысли о том, что он сочтет мои действия шпионством или проступком иного рода, но к моему большому облегчению он был удивлен, что кто-то находит ценность в почтовых упаковках книг больше, чем в самих книгах. Он сказал, что будет только рад отклеивать марки от своей корреспонденции и сохранять их для меня в небольшой коробке, которую он поставит на полку рядом со своим столом. Я всегда заглядывал в эту коробочку, когда испытывал желание поглубже погрузиться в мир марок, и всегда находил ее заполненной удивительными марками с незнакомыми лицами и таинственными названиями стран. Не думаю, что я поблагодарил мистера Смита, но то, что благодаря ему я добавил в свою коллекцию немало новых, неизвестных стран, — это факт.

У меня в кабинете есть шкаф, где на протяжении последних нескольких лет я держу маленькую картонную коробку. Всякий раз, когда я получаю интересную открытку или пакет по почте, я беру ножницы, вырезаю оттуда марки и складываю их в заветную коробочку. Когда-нибудь ко мне зайдет друг вместе с шести- или восьмилетним ребенком, открывшим для себя

чудесный мир марок. Он получит эту коробку в качестве подарка от старика малышу. Возможно, я запомнюсь ему лишь как забавный старый человек с поседевшими волосами, у которого в кабинете много книг и который получает почту со всего света.

И, может быть, я пожму ему руку и скажу, что отныне он может говорить, что обменялся рукопожатием с человеком, который пожимал руку самому мистеру Линкольну.

В нашем доме тоже имелся подвал. Я его хорошо изучил. В передней части нашего подвала была цементная комната, где я основал свою первую химическую лабораторию. Думаю, у меня тогда был «Химический набор Гилберта», в котором можно было найти настоящие реактивы типа бикарбоната натрия, разбавленной уксусной кислоты, и непостижимые, таинственные объекты типа кампешевого дерева. До сих пор я так и не могу разгадать, что это за кампешевое дерево и что предполагается делать с ним. Но к этому базовому набору я продолжал добавлять все, что находил. Всякий хлам из бакалеи, порошки и жидкости, которые я отыскивал в гаражах и на складах скобяных товаров. Они шипели, пахли, горели и меняли цвета. Я знал, что если сведу вместе достаточное количество разнородных реактивов, то каждый раз будет получаться новая комбинация, и я добьюсь потрясающих новых результатов.

Задняя часть нашего подвала, располагавшаяся под передней частью дома, была местом таинственным и в значительной степени лишенным границ. Друг моего отца мистер Перемов занимался мебельным бизнесом и хранил в нашем подвале большие холщовые мешки со всякими разными древесными отходами. Эти большие мешки лежали на голом грязном полу, который постепенно шел под уклон. Они предоставляли мне великолепные возможности — складывать их друг на друга, что-нибудь из них строить и тому подобное. Но когда я попытался использовать их содержимое, отец поймал меня за руку и сказал, что мешки трогать нельзя, хотя и не объяснил по какой именно причине. Я развил теорию, согласно которой, подвалы были местом, где, особенно в дальних углах, могли быть найдены сокровища, будь то трубы от органов, марки или деревянные чурбаны.

Через четыре дома от нас вверх по улице был еще один подвал, настолько темный и страшный, что я с трудом убедил своего друга Джека пойти туда со мной. Мы сумели найти и зажечь маленький керосиновый фонарь и исследовали этот подвал до самой дальней стены. Мы не нашли там никаких сокровищ, но все равно нам повезло, потому что, когда моя мать позже нашла нас, мы оба оказались пропитаны керосином, и было чудом, что мы не вспыхнули сами. На некоторое время мне было категорически запрещено лазать по подвалам.

Спустя несколько лет мне представился шанс совершить прогулку по подвалу, который находился через улицу от дома моего дяди. Меня пригласила девочка, которая была на пару лет старше меня. Я ощутил ранее неведомый мне страх, но был заинтригован и готов исследовать все новые таинственные вещи, которые могли произойти. Но на сцене снова появилась моя мать, и вся затея оказалась сорвана.

Психологу не оставалось бы ничего другого, как предложить забавное объяснение тому, почему я решил устроить целых три подвала в доме, который помогал строить своим родителям перед Второй мировой войной здесь, в Элмонде.

Играть на скрипке меня учил русский джентльмен, соотечественник моего отца, связанный с православной церковью. Я должен был играть в концертах, происходивших, в незнакомых гостиных и переворачивать страницы аккомпаниаторам дочерей русских американцев в первом поколении, которые пели на этих вечерах. Русскому языку меня обучал один из знакомых моего отца, тоже эмигрант, и уже на четвертом нашем уроке (он оказался последним) я вызвал у него такую ярость, что он попробовал пнуть меня (я спрятался под обеденный стол у него в столовой). Мне удалось ударить обидчика по голени. Всю эту сцену спровоцировала его настойчивость: он хотел, чтобы я изучил структуру «женского рота». И лишь много позже я

понял, что он подразумевал, конечно, «женский род».

У меня был еще один любимый способ бегства, который в то же время был и вызовом самому себе. Это была попытка добраться от Спрус-стрит прямо до Уолнат-стрит через парк Лайв-Оук, перебираясь с ветки на ветку по вершинам деревьев и, стараясь при этом не дать ногам коснуться земли ни разу, за исключением того момента, когда я должен был перейти улицу. Однажды я схватился за ветку, которая не смогла выдержать мой вес, упал с ней на землю и оцарапал себе колено. Но я не рассказал об этом никому.

Как-то раз я вошел в мужской туалет в парке. На стенах туалета я увидел примечательные картинки. Оттого, что я рассматривал их, меня охватило чувство вины. Но об этом я тоже никому не поведал.

Думаю, мои родители испытывали нешуточный ужас при мысли о том, что я мог что-нибудь узнать о сексе. Каждый из них чувствовал, что за этот аспект моего образования несет ответственность другой. Я пробовал выстроить полную картину, отталкиваясь от очевидного механизма мастурбации, но не смог найти ничего подходящего в библиотеке своих родителей, что превратило роль женщин в этой загадке в логический парадокс. То были времена притворной стыдливости и тотального ханжества, от коих у меня не имелось ключей, а если они и имелись, то я этого не осознавал.

Я спал на широкой кровати, которая стояла на открытой веранде с западной стороны верхнего этажа нашего дома на углу Роуз-стрит и Спрус-стрит. Одна половина моей кровати была открыта всем стихиям, другая — закрыта и защищена. Мой отец спал на более узкой кровати наискосок от меня, у моей матери была собственная двуспальняя кровать в большой спальне внутри дома. Насколько мне известно, они никогда не спали вместе.

У меня не было близких друзей среди сверстников, и, наверное, меня никто не считал своим лучшим другом, но я знал несколько интересных людей старше себя. Когда мне было около восьми лет, объявился мальчик по имени Франклин. Он жил на Оксфорд-стрит, и ему было все четырнадцать. Из пробковой древесины и рисовой бумаги, скрепляемых авиационным клеем, он строил фантастические модели самолетов, которые запускал в воздух. Он приходил к парку Лайв-Оук и проворачивал пропеллер снова и снова, пока резиновая лента внутри не наматывалась трижды. После этого он клал кусочек волшебного жидкого парафина на поверхность хвоста, зажигал спичку и вызывал маленький пожар. Когда все должным образом возгоралось, он запускал свое детище, и мы могли наблюдать, как оранжевая полоса, рассекающая небо, гибнет в пламени.

Моя мать считала, что я должен ходить в те школы, которые стремились к введению «современных» аспектов образования вроде экспериментальных методов обучения и детской психологии. На каждом этапе обучения мне доводилось посещать подобные школы, которым отводилась подобная роль, и я прошел через все эти эксперименты. Большинство этих авангардных экспериментов, в конечном счете, умерли наряду с другими экспериментальными явлениями, которые были и остаются не последней частью философии города Беркли.

Как и большинство ярких детей, я научился по собственной воле не отвечать на вопросы учителей, когда было очевидно, что никто в классе не может ответить на них. Ответы на трудные вопросы вызывали негодование и яростные взгляды у моих одноклассников и выделяли меня из общей массы, чего я вовсе не хотел. Так что я бросал себе вызов таким образом, о котором не должен был знать никто. Я пробовал отвечать на задания тестов без подглядывания в любую из своих книг и полагаясь исключительно на то, что я узнал с доски и из обсуждений в классе.

В младшей школе удовольствие мне доставляли музыкальные занятия и уроки поэзии. И еще — черчение. Не могу припомнить ничего другого.

В средней школе я преуспевал во всем, что было просто и очевидно (в химии, например, в физике или математике и, как я уже упомянул, в музыке). Мне не нужно было прилагать особенных сил для этого, но вот все то, что требовало произвольного и нелогичного мышления (типа грамматики, истории и правописания), не давалось мне, так как было непредсказуемо и капризно.

Интересное проявление этой дихотомии можно проследить на примере моего последнего года в средней школе, когда я сдавал два экзамена в рамках подготовки к колледжу. Один из них назывался Предметом А и проводился по требованию Калифорнийского университета. Этот экзамен предлагался любому, кто мог поступить в университет, чтобы приемная комиссия могла убедиться в общей грамотности поступающего. Можете ли вы правильно писать? Можете ли вы согласовать существительное и глагол? Можете ли вы употребить инфинитив с отделенной частицей? Можете ли вы написать эссе? Я полностью провалил этот экзамен и поэтому имел сомнительное удовольствие ожидать, что на первом году моего пребывания в Беркли меня наградят прозвищем «в английском ни бум-бум», если действительно мне было суждено поступить в Калифорнийский университет.

Однако второй экзамен представлял собой конкурс на получение Национальной университетской стипендии, благодаря которой стипендиатов зачисляли на платное отделение в Гарвардский университет. Этот экзамен я ухитрился сдать; на самом деле я одолел его с достаточно высоким баллом, чтобы получить указанную стипендию, с помощью которой можно было оплатить обучение в Гарварде. Я получил стипендию и отправился на восток — в Кембридж, штат Массачусетс. Мне было шестнадцать лет,

В Кембридже я поселился в Вигглзуэз-холле прямо в Гарвардском кампусе и записался на первый курс по математике, химии, физике и психологии с тайным желанием выйти на курс по органической химии. Я обнаружил, что стал студентом в социальной системе, полностью мне чуждой. Здесь все измерялось тем, из какой семьи ты был, на каких подготовительных курсах ты занимался и сколько денег имеется у твоей семьи. Моя семья не относилась к числу известных, я ходил в обычную среднюю школу, и ни мои родители как преподаватели, ни я как сын преподавателей не имели какого-либо богатства или ближайшей перспективы его приобретения. Поэтому меня не считали за человека. Кроме того, я был младше большинства, так что целый год у меня не было никаких личных отношений в университете. Я был похож на рыбу, выброшенную из воды, и чувствовал себя несчастным.

Соединенные Штаты оказались вовлечены во Вторую мировую войну, и вооруженные силы ассоциировались с взрослением и независимостью. На втором году учебы в Гарварде я присоединился к программе обучения V-12 офицера американского флота. Благодаря этой программе я мог бы получить офицерское звание, если бы только смог добиться степени бакалавра по какому-нибудь предмету. Но моя зачетка являла собой плачевное зрелище, и я знал, что ни за что не смогу одолеть еще два года. Я отказался от надежд на офицерские погоны и очутился на Пирсе 92, пункте сбора военнослужащих в Нью-Йорке. Я выдержал шесть недель в палаточном зимнем лагере в Сэмпсоне, штат Нью-Йорк, и добился отправки на тренировочные курсы в Норфолк, штат Вирджиния.

Мое участие во Второй мировой вылилось в несколько приключений — не без этого, конечно. Однако я пережил так много негативных моментов, что слишком многое я не скоро смогу пересказать. Впрочем, был один случай, который я не забуду никогда, потому что он привел меня к наблюдениям, оформившим всю мою дальнейшую жизнь. Я открыл для себя удивительный мир психофармакологии и, что было самым важным, осознал власть разума над телом.

Я служил в эскорте эскадренного миноносца «Поуп», DE-134). Дело было в разгар зимы

посреди Атлантики, во время кампании против подлодок, в середине войны. Мы только что закончили поиск подводных лодок в районе Азорских островов. На протяжении первой половины войны одним из центров военной деятельности в Атлантическом океане был порт Понта-Делгада на Азорских островах, через который Соединенные Штаты могли делать крупные поставки топлива в нейтральную Португалию, которая, в свою очередь, делала топливо доступным любому, кто был готов платить. Итак, немецкие подводные лодки приплывали к берегам Португалии и заправлялись, а следом за ними туда же приплывали и заправлялись американские миноносцы. Здесь было единственное правило: между заходом в гавань нового судна должно было пройти двадцать четыре часа, если перед ним на заправку заходило судно, плававшее под флагом другой страны. Игры в кошки-мышки в Атлантике вне этой гавани были чрезвычайно рискованны и вели к военному противостоянию во всех его отвратительных видах. Однажды, заправившись и выйдя в океан, мы взяли курс на Англию. В этом плавании было много скуки, несколько моментов острого испуга, а потом со мной приключилось кое-что в смысле личной травмы. Приблизительно в тысяче миль от побережья Англии по неизвестной причине на моей левой руке над большим пальцем развилась серьезная инфекция. Локализовавшись в этом необычном месте, она пошла по тканям непосредственно к кости. Это было очень болезненно, так что я стал предметом внимания судового врача нашего судна, нежно именуемого Помощником Язвы.

Курс лечения преследовал простую цель: меня было нужно защитить от боли. Как мне сказали, хирургическое вмешательство было в моем случае абсолютно необходимо, однако не было никакой возможности осуществить это в море. Так что состояние моего большого пальца постоянно ухудшалось, как и наш рацион в Ирландском море, пока мы приближались к Англии, и мне регулярно делали скромные инъекции морфия.

Так я впервые узнал, как наркотик воздействует на восприятие боли. Человек с иглой прерывал хорошую партию в покер, чтобы спросить, как я себя чувствую. Я смотрел на свой палец и говорил «немного хуже» или «немного лучше» и протягивал руку для очередного укола, а затем снова погружался в перипетии покера. Я знал, что боль не исчезала, и я мог бы с точностью определить ее интенсивность, но она уже не беспокоила меня. Я мог играть в покер, мог прикидывать расклад, мог оценивать карты противника, мог блефовать, выигрывая чаще, чем раньше. Мой палец ужасно болел, но боль не мешала мне. Эта мысль завораживала меня: оказывается, что можно страдать, находиться в агонии, однако толика химического вещества, полученного из собранных где-то цветов мака, может сделать все эти страдания несущественными. Вот что кроется за словами центральная анальгезия. Боль не ослаблена, она не исчезает. Участок воздействия — не большой палец, а, скорее, мозг. Проблема просто больше не вызывает беспокойства. Морфий — просто замечательный наркотик.

Когда мы пришвартовались в Ливерпуле, я узнал, что Морского госпиталя больше не существует и что теперь всем заправляет армия. Их госпиталь находился в Уотертауне недалеко от Манчестера, уже в центральной Британии. Меня планировали увезти на санитарной машине — не сразу, но довольно скоро. Тем временем мой собственный дом, «Поуп», посредством подвесного моста был связан с соседним британским судном, фрегатом, который окрестили «Крапивник HMS» (на службе Ее Величества). И так как я был младшим офицером и там, на «Крапивнике» находились младшие офицеры союзного флота, меня пригласили на борт соседнего корабля разделить ром и товарищескую компанию.

Помню себя в приятной компании с бокалом рома в руке. Мне оказали моральную поддержку, потому что мне вскоре предстояло переместиться в какой-то удаленный госпиталь, принадлежавший сухопутным крысам. В памяти остались дружба и смех. Ром — это тоже довольно эффективный наркотик.

Затем прибыла похожая на большое чудище санитарная машина. На ней меня перевезли из Ливерпуля в Уотертаун и вручили армейским врачам в белых халатах. Молоденькая медсестра решила принести мне стакан апельсинового сока, чтобы я утолил свою жажду. Но на дне стакана я разглядел слой нерастворенных белых кристаллов. Я не собирался быть обманутым сухопутными крысами! Очевидно, сок был искушенным прикрытием для какого-то жуткого успокоительного средства или предоперационного анестетика, который, как ожидалось, должен был унять меня, чтобы я не волновался по поводу медицинских процедур, которые планировалось проводить со мной.

Не признавая власть белых кристаллов над собой, я решил доказать свою мужественность и показать, что контролирую ситуацию. Я выпью всю смесь до дна, но останусь бодрствовать и следить за происходящим. Меня привезут в операционную как внимательного моряка, бросившего вызов армейским хирургам своим аналитическим восприятием и въедливыми вопросами, которые покажут им целостность моей психики. Мой настрой не сработал. Не растворившийся в апельсиновом соке наркотик оказался довольно эффективным, потому что я уступил ему и оказался в абсолютно бессознательном состоянии. У меня не осталось никаких воспоминаний о внутривенном анестетике «пентотал», который мне назначили перед операцией. Потом мне рассказали, что мне потребовалось целых полчаса, чтобы отойти от этого наркотика, чего никогда раньше не случалось.

Поразившая кость инфекция была удалена хирургическим путем, и с тех пор большой палец на моей левой руке почти на полдюйма короче пальца на правой.

Выздоравливая вдали от побережья Англии, я оказался в каком-то смысле прикован к армии. Я снова чувствовал себя рыбой, вынутой из воды. Я был моряком, но был вынужден находиться среди сухопутных крыс. Я обнаружил, что армейский идентификационный номер платежного кода был ровно на одну цифру длиннее, чем платежный код моряков военного флота. Так что я добавил эту цифру к собственному идентификационному номеру и тратил армейские деньги во всех местных барах. Люди, жившие по соседству, были знакомы с армейской публикой, но не привыкли к морской униформе. Однако поскольку местная военная полиция не обращала на меня внимания, пока я блуждал по округе, предполагалось, что я был из рядов каких-то союзников — может, из голландцев или из французского Освобождения. В любом случае, я никак не мог оказаться из стана врагов. И раз уж моя левая рука была в пугающем гипсе и висела на петле, я, несомненно, казался одним из hors de comba,[11] самое малое, что считало своим долгом сделать для офицера-морячка, отдавшего левую руку за Родину, местное аристократическое общество — было угостить меня выпивкой. Хорошо выполненный долг. В конце концов, я вылечился и должен был снова вернуться к военной действительности, но перед этим я понял парочку любопытных фактов.

Первый оказался простым и не очень-то удивил меня: никакой связи между армией и флотом не существовало. Это означало, что тот платежный хаос, который я устроил, добавив одно число к своему номеру, прошел незамеченным.

А вот второй факт оказался на редкость неожиданным. Он положил начало моей карьере психофармаколога. Мне сообщили, что «наркотик» белого цвета, который лежал на дне моего стакана с апельсиновым соком и который поверг меня, собиравшегося следить за происходящим и защищаться, в коматозное состояние, которое позволило хирургу проделывать со мной все, что угодно, был всего-навсего не растворившимся сахаром.

Какой-то грамм сахара сделал меня бессознательным, потому что я твердо ожидал именно этого действия. Сила обыкновенного плацебо, способного радикально изменить состояние сознания, оказала на меня сильное впечатление. Участие разума в том, что случилось со мной, было, без сомнения, реальным, и я решил, что, возможно, его роль и была главной.

По прошествии лет я пришел к заключению, что разум и есть главный фактор, определяющий воздействие психотропного препарата. Нас учат приписывать силу наркотика самому наркотику, не принимая во внимание личность человека, принимающего данный препарат. Наркотик может оказаться порошком или ложкой сахара и вообще не иметь никаких лечебных свойств. Однако имеется индивидуальная реальность принимающего наркотик человека, которая играет главную роль в определении возможного взаимодействия. Каждый из нас имеет свою особенную реальность, и каждый из нас будет строить свои уникальные взаимоотношения «человек — наркотик».

Потрясение от воздействия сахара в апельсиновом соке подтолкнуло меня к изучению любого из всех инструментов, доступных мне для установления этих отношений. А когда необходимые инструменты фактически неизвестны, их необходимо открыть или создать. Это могли быть наркотики, изменяющие состояние сознания (например, сахар, который пациент не считает таковым), или это могли быть трансцендентные состояния, достигнутые медитацией. Сюда же относится переживание оргазма, «фуговые» состояния,[12] увиденный днем сон, который дарит вам моментальные сновидения и спасает от ответственности. Все это — сокровища духа или психики, которые позволяют исследовать абсолютно индивидуальные и нигде не обозначенные тропинки.

Тогда я с полной уверенностью решил, что, пожалуй, наркотики представляют наиболее предсказуемые и надежные инструменты для подобных исследований. Так я и решил стать фармакологом. И, полагая, что все наркотическое воздействие локализовано в головном мозге, я подумал, что лучше буду психофармакологом.

В конечном счете, я возвратился на Западное побережье и поступил в Калифорнийский университет в Беркли. Там потеряли все результаты моего экзамена по Предмету А и разрешили мне пройти его повторно. Я провалил его снова, но, учитывая различные стрессы и немощи ветерана Второй мировой войны, мне разрешили попытаться пройти его еще раз на следующий год. Моя третья попытка оказалась успешной, поскольку к тому времени я был полностью знаком с ожидаемым экзаменом. Подготовленное мною эссе (в нем шла речь о гипотетической доегипетской ядерной цивилизации) было совершенно с точки зрения согласования времен и частей речи, а также безупречно по части пунктуации.

Глава 2. Мескалин

Мескалин — волшебное слово, волшебное соединение. Впервые я услышал это слово сразу после войны, когда вернулся в Беркли и пробился в Калифорнийский университет, обосновавшись в конечном итоге, на химическом факультете. Обычное обучение студентов, специализирующихся по химии, предполагает изучение громадного списка технических предметов и получение степени бакалавра по химии в Химическом колледже. Я выбрал немного другой путь и стал изучать более разнообразные темы, чтобы получить степень бакалавра гуманитарных наук в (колледже литературы и науки. После этого я стал двигаться в сторону предметов, в значительной степени ориентированных на медицину, и погрузился в биохимию.

Как скрипач, который любит играть в струнных квартетах я получил ценный урок. На свете есть много скрипачей, и большинство из них играет на своем инструменте весьма искусно но каждому квартету требуется один скрипач, и последних не хватает. Скрипач из меня не ахти какой, и мне сложно исполнять камерную музыку. Альтист я тоже так себе, но получаю немало приглашений играть. Точно так же и в химии. Как химика средней руки меня приняли, однако редко востребовали. А в области биохимии химиков было очень немного (по крайней мере, в то время), и я стал студентом самого высокого полета. После нескольких лет, которые ушли на прослушивание курсов и на не вдохновлявший меня дипломный проект, я написал скучную диссертацию и получил степень доктора философии в ведущем академическом учреждении — Калифорнийском университете.

В 1940-1950-х годах внимания на алкалоид мескалин почти не обращали. Фактически все семейство соединений, составной частью которых является мескалин, было, по сути, неизвестным. Появилось несколько статей, в которых говорилось о «мескалиновом психозе», также получили широкое распространение несколько публикаций, порицающих негативные последствия приема пейота как причину разложения «первобытных» американских индейцев. К серьезным и вдумчивым текстам можно отнести работы и известные карты Александра Руйе, появившиеся в 1926 году. Сюда же относится научный труд Курта Берингера, в котором описана реакция многих испытуемых на активные дозы мескалина. Наркотик почти всегда вводился при помощи инъекции. Книга Берингера под названием «Der Meskalmrauche seme Geschichte und Erscheinungsweise» (1927) никогда не переводилась на английский язык. Вестон Ла Барр написал в 1938 году «Религию пейота». Вот, пожалуй, и все.

Я был невероятно заинтригован. Имелись описания воздействия мескалина с культурной, психологической и религиозной точек зрения — описания соединения, которое, казалось, обладало магическими свойствами. Этот препарат можно было легко синтезировать. Однако я повиновался приказу невидимой руки, опустившейся на мое плечо. Мне было сказано: «Нет, не пробуй, еще не время». Я читал все последние новинки о мескалине, например, опубликованные в середине 1950-х годов сочинения Олдоса Хаксли (очень информативные «Двери восприятия» и более осторожные «Небеса и ад») и в общем и целом негативные размышления Анри Мишо («Несчастное чудо»). И лишь в апреле 1960 года мой друг психиатр Тэрри Мэджор и его изучавший медицину приятель Сэм Голдинг усилили мой интерес к мескалину и предоставили мне возможность провести эксперимент «под присмотром». Тогда я принял четыреста миллиграммов сульфата мескалина. Это был день, яркие воспоминания о котором сохранятся в моей памяти навсегда. Этот день, без сомнения, утвердил основное направление моей жизни.

Подробности того дня были безнадежно сложны и останутся в моих записях, но квинтэссенция, сущность эксперимента была следующей. Я видел мир, который представился мне в нескольких обликах. Мне было явлено чудо цвета, беспрецедентное для меня, потому что я

никогда особенно не замечал мир цветов. Радуга всегда давала мне все оттенки, которые я был в состоянии различить. Под воздействием мескалина я внезапно обрел сотни нюансов цвета, новых для себя. Я не забыл их до сих пор.

Окружающий мир стал удивительным в своих деталях. Я видел организм пчелы изнутри. Она пристраивала что-то к своей задней лапке, чтобы отнести эту полезную вещь к себе в улей. Несмотря на то, что пчела пролетела почти рядом с моим лицом, я находился с ней в полной гармонии.

Мир был полон удивительных открытий, которые можно было сделать с помощью интуиции. Я воспринимал людей как карикатуры, говорящие о своей боли и о своих надеждах. Мне казалось, что они не возражали против такого подхода.

Больше всего меня поразило то, что я стал видеть мир так, как видел его, будучи ребенком. Повзрослев, я позабыл красоту, волшебство и знание мира и себя самого. Я попал на знакомую территорию, в пространство, где я однажды бродил как бессмертный исследователь, и я вспоминал все, что было известно мне тогда и от чего я отказался, забыл, став взрослым. Подобно магическому камню, превращающему мечту в явь, этот эксперимент позволил мне вновь ощутить неповторимое волнение, знакомое мне в детстве, но забытое мной впоследствии.

Больше всего мое внимание привлекло интуитивное понимание того, что эти потрясающие воспоминания были вызваны долями грамма какого-то там белого порошка. Но нельзя было спорить с тем, что эти воспоминания не содержались в этом самом белом порошке. Все, что я осознал, всплыло из глубин моей памяти и моей психики.

Я понял, что вся наша вселенная помещается в разуме и в духе. Мы можем отказаться от поисков входа в эту вселенную, мы можем даже отрицать ее существование, но она действительно находится внутри нас, и существуют химические вещества, способные сделать эту вселенную доступной для нас.

В тот далекий день я решил посвятить всю свою энергию и все профессиональные навыки, которыми мог овладеть, разгадыванию природы этих инструментов, способствующих раскрытию личности. Говорят, что мудрость — это способность понять других; а вот понимание самого себя называется просветлением. Я нашел свой путь познания.

Глава 3. Барт

В конце 1940-х годов я женился на Элен, своей сокурснице по Калифорнийскому университету. Мы оба были активными членами небольшого социального объединения «Быть и гореть/Почетный студент/ группа Фи-Бета-Каппа». Эта организация располагала парой комнатушек для проведения собраний. Их с большим трудом можно было отыскать в одном старом здании, известном как Калифорния-Холл. Оно находилось прямо в кампусе. На самом деле мы называли себя группой Кал-Холл. Всех нас роднили общие черты — приличный интеллект и неумение полностью адаптироваться в обществе. Любопытно, что мои отношения с Элен начались не без химического компонента: как-то раз, когда я пришел в Кал-Холл, от меня сильно пахло ванилином (это основная составляющая экстракта ванили), который я в больших количествах использовал в своих химических опытах. Ей понравился этот запах, и вскоре мы стали постоянной парой. Она тоже была единственным ребенком в семье. У нее были шотландские корни и рыжие волосы.

Мы поженились вопреки довольно сильным родительским возражениям с обеих сторон. Через год у нас родился сын. Если бы мы последовали старым русским традициям, то нам пришлось бы назвать его Стивенсом Александром. Но мы решили назвать своего первенца в честь моего отца Теодором Александром, а потом как-то прижилось сокращенное имя Тео. Когда спустя несколько лет я работал над своей диссертацией по биохимии, чтобы получить степень доктора философии по этой дисциплине, Элен получила степень бакалавра гуманитарных наук. Она специализировалась на славянских языках. Она очень хорошо знала русский. На самом деле она говорила по-русски гораздо лучше, чем я.

Мне предложили должность химика в Dole Chemical Company, и я принял это предложение. В первые два года я осчастливил руководство компании тем, что предсказал структуру и синтезировал некий инсектицид,[13] который затем пошел в коммерческое производство. За это они предоставили мне полную свободу, так что я мог исследовать все, что хотел. Такая награда — заветная мечта любого химика.

А под воздействием своего потрясающего опыта с мескалином я хотел заниматься изучением мира наркотиков, воздействующих на центральную нервную систему. Особый акцент мне хотелось сделать на психоделиках. Я приступил к синтезу различных вариантов молекулы мескалина, но вскоре столкнулся с необычной проблемой. В моем распоряжении не имелось никаких животных (и никогда не будет, согласно моим же принципам), пригодных для испытаний и оценки психоделика. Таким образом, для открытий было необходимо использовать человеческое животное, и по умолчанию я был тем самым животным. Все очень просто: поскольку я разрабатывал новые структуры, которые могли интересно себя вести в области мышления или восприятия, я использовал себя в качестве подопытного кролика, чтобы определить природу этого воздействия. Хотя в компании было несколько сотрудников, осведомленных о моих методах работы, большинство об этом не знало. Мне нужно было обосновать некие научно доказуемые процедуры, которые можно было бы рассматривать, обсуждать и использовать как доказательства, способные, по меньшей мере, ответить на вопрос о том, сколько времени длится воздействие. И это еще легкий вопрос по сравнению с вопросом о том, что делает данный препарат.

Я перелопатил всю небольшую литературу о воздействии ЛСД-подобных наркотиков на лабораторных животных. Мне была нужна какая-нибудь выглядевшая научно инфраструктура для исследований, чтобы, когда директор привел бы в свою компанию посетителей и захотел бы произвести на них впечатление, он мог бы указать на соответствующую лабораторию и гордо

сказать нагрянувшим пожарникам: «Здесь проводятся исследования психоделиков!» Самыми популярными в то время лабораторными мелкими видами животных были сиамская бойцовая рыбка и пауки. Как сообщалось, пауки ткали свои сети с ошибками в зависимости от дозировки наркотика. Так измерялась степень интоксикации живого организма ЛСД. А рыбки (они назывались Beta splendens, насколько я помню) были предположительно весьма чувствительны к ЛСД и будто бы делались какими-то странными, когда небольшие дозы этого препарата добавлялись к ним в воду: они плавали назад или вверх тормашками, или делали еще что-нибудь причудливое.

С паутиной я связываться не захотел и выбрал рыбок. После чего я заказал у Van Waters and Roges несколько больших аквариумов, в местном зоомагазине — бойцовских рыбок, а в швейцарском фармацевтическом доме Sadoz — один грамм ЛСД. Все прибыло вовремя, а вместе со всем этим ко мне пожаловал мой дорогой друг Барт из аналитического отдела. Он был осторожным и в высшей степени консервативным джентльменом, но одновременно ему было свойственно самое непринужденное любопытство. Его постоянно очаровывали странности, происходившие в этой «психоделической» лаборатории. Он увидел открытую посылку из Sandoz Labs. В посылке маленький пузырек, а в нем помещалась стеклянная ампула, помеченная «Лизергид, экспериментальное соединение и т. д.». Барт помог мне установить нормальные границы поведения бойцовской рыбки, чтобы можно было заметить аномальные изменения, позволяющие отразить природу наркотика. По сути дела, мой друг стал моим постоянным компаньоном.

Итак, лаборатория, в которой я работал, вскоре стала похожа на большой аквариум. На всех рабочих столах стояли стеклянные колокола. В них пузырился воздух, вырабатываемый аэраторами, и сверкали огни. Мы действовали исключительно по науке: перемещали рыбок то туда, то сюда — из больших резервуаров в мензурки с градуируемым количеством ЛСД в них, в то время как мы с Бартом наблюдали и наблюдали. Мы никогда не замечали, чтобы происходило что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее воздействие наркотика.

Впрочем, очень скоро стало очевидно, что рост водорослей не был спровоцирован ни рыбками, ни ЛСД, и скоро аквариумы плотно заросли тиной. Возникло предположение, что мелкие улитки могли бы контролировать рост морских водорослей, но не было ничего, что могло бы контролировать улиток. Любому человеку, который проводил бы экскурсию по нашей лаборатории, пришлось бы изрядно пофантазировать, чтобы объяснить, почему для изучения психоделиков используются именно такие процедуры, потому что рыбок невозможно было разглядеть сквозь бурно разросшиеся неконтролируемые водоросли.

Примерно в это же время мне понадобился образец псилоцибина, так что я снова обратился в компанию Sandoz. Через несколько дней Барт заглянул в лабораторию с маленьким пузырьком в руках. В пузырьке находилась стеклянная ампула с этикеткой «Псилоцибин, для экспериментальных целей и т. д.» Прибыл мой грамм. В разных дозах мы кормили им и рыбок, и водоросли, и улиток, но псилоцибин не действовал на них, как и ЛСД.

Однажды утром двумя неделями позже я прихватил с собой крошечный пузырек и отнес его Барту в его аналитическую лабораторию, которая располагалась дальше по коридору. Я попросил Барта отвесить мне небольшое количество препарата в отдельный контейнер. Мне было не важно точное количество, я просто хотел отмерить несколько миллиграммов; я хотел определить вес этого количества с точностью до четырех знаков. Барт исчез на нескольких минут, затем вернулся ко мне с моим пузырьком и контейнером, содержащим небольшое количество почти белого порошка.

Здесь точно 3.032 миллиграмма, — сказал Барт, добавив, что препарат слегка горьковат.

Откуда ты узнал? — поинтересовался я.

После того, как я отвесил немного псилоцибина в контейнер, на лопаточке остался след, так что я облизал ее. Немного горько.

Ты внимательно прочел то, что написано на этикетке?» — спросил я у Барта.

Это же пузырек с псилоцибином, который ты получил совсем недавно, разве не так? — спросил у меня Барт, все еще разглядывая забавной формы пробирку в своей руке. Он прочел надпись на этикетке. Там было сказано, что внутри Лизергид. «Ох», — вырвалось у Барта.

Следующие несколько минут мы потратили на то, чтобы понять, сколько ЛСД могло уместиться на конце лопаточки, и решили, что, наверное, не больше нескольких микрограммов. Но несколько микрограммов могли оказать довольно сильный эффект, особенно на этого любопытного, но консервативного аналитика, у которого не было никакого опыта приема наркотиков.

— Ну, — сказал я Барту, — готов поклясться, что у тебя будет незабываемый день.

Так и случилось. Первые признаки воздействия мы заметили примерно через двадцать минут. Пока шла переходная стадия, продолжавшаяся следующие сорок минут, мы слонялись по улице и гуляли вокруг опытного завода позади главного лабораторного здания. Для Барта настал поистине радостный день, каждая обычная вещь обретала в его глазах волшебное качество. Реакторы Пфаудлера из нержавеющей стали казались ему гигантскими зрелыми дынями, которые было пора собирать; ярко окрашенные паровые и химические трубы были похожи на выполненные в авангардистской манере спагетти с соответствующим запахом, а инженеры, ходившие неподалеку, напоминали поваров, готовивших королевский банкет. Барт не чувствовал никакого страха, все было для него веселым развлечением. Где бы мы ни бродили, тема еды и связанных с ней удовольствий оставалась лейтмотивом переживаний Барта.

Во второй половине дня Барт сказал, что почти вернулся в реальный мир, но когда я спросил его, сможет ли он сесть за руль, он признался, что, пожалуй, с этим лучше немного подождать К пяти часам вечера Барт, похоже, благополучно вернулся в обычное состояние и после пробного прогона (он выписал восьмерку на почти пустой парковке) отправился на машине домой

Насколько мне известно, Барт больше никогда не участвовал в одиночных экспериментах с наркотиками Однако он сохранил глубокий интерес к моим исследованиям и всегда по достоинству оценивал медленно разворачивающуюся картину тонкого соотношения между химической структурой и фармакологическим воздействием, которую я продолжал изучать с ним, работая в Dole.

Каждый из нас периодически слышит выступления какого-нибудь лектора, рассуждающего на тему психоделиков Из его доклада вы можете узнать старые сведения о том, что ЛСД — бесцветный и безвкусный наркотик без запаха Не верьте этому. Что без запаха — это правда, и бесцветный, когда глубоко очищен, но отнюдь не безвкусный. Он слегка горьковатый.

И если когда-нибудь до вас дойдет слух, что морские улитки можно использовать для испытаний психоделиков, этому тоже не верьте. Наверное, эти слухи распускает один из пожарников, осматривавших мою лабораторию.

Глава 4. ТМА

Настал 1960 год. Воспоминания об эксперименте с мескалином драматично свежи, и я чувствую жгучее желание объяснить его глубокое воздействие на меня лично и на остальное человечество; с другой стороны, имеется известный во всем мире полный перечень подобных мескалину наркотиков, в котором, в лучшем случае, значится не больше десятка наименований. И лишь два из них, ТМА[14] и МДА,[15] имеют фенилэтиламиновую структуру, которая в определенном смысле напоминает структуру мескалина. (На самом деле тогда я знал только о существовании ТМА, поскольку книга, в которой появился отчет о МДА, попадет мне в руки лишь по прошествии двух лет с того момента.)

Итак, мне был известен лишь один аналог мескалина. Что можно было о нем сказать? Впервые ТМА был синтезирован около двенадцати лет назад химиком по имени П. Хэй в университете Лидса. В его отчете не было ничего, кроме чистой, холодной химии, но он, должно быть, испытал новый препарат, потому что канадская группа Peretz & Smythies в своем докладе ссылалась на частную беседу с д-ром Хэем. По словам канадцев, химик сообщил им, что свойства препарата вызывать эйфорию оказали на него большое впечатление. В процессе своего исследования канадцы дали ТМА девяти испытуемым. Дозы варьировались от пятидесяти до ста миллиграммов. Через час у испытуемых была отмечена свойственная переходной стадии головная боль и легкая тошнота. Тошноты можно было избежать при помощи «драмамина», принятого до эксперимента. Через два часа у испытуемых наблюдались головокружение, увеличение подвижности и общительности при некоторой задержке торможения. Впоследствии проводились опыты с дозировками до ста двадцати миллиграммов. Они были совмещены с экспериментами, в ходе которых «галлюцинации» индуцировались стробоскопом.

Вот с чего я начинал. Этот наркотик легко синтезировался, и мои первоначальные опыты в значительной степени пересекались с исследованиями канадцев. Я работал с дозировкой в сто сорок миллиграммов. Я дал эту дозу ТМА трем своим близким друзьям. Эксперимент у всех троих протекал совершенно по-разному. Тэрри Мэджор сначала почувствовал легкую тошноту, но потом ощутил сильную эйфорию и стал очень восприимчивым. Разговор двух других участников утомил его, и он довольно резко обратился к ним. Дословно он сказал: «Пожалуйста, заткнитесь!» Это было единственное проявление агрессии с его стороны. Сэм Голдинг не испытывал тошноты и большую часть времени провел с закрытыми глазами. Четыре часа спустя он стал чрезвычайно болтлив и спровоцировал всплеск раздражительности у Тэрри. Подобные приступы чрезмерной разговорчивости чередовались с мечтательным состоянием и разглядыванием потолка. Согласно окончательному вердикту Сэма, данный наркотик не был абсолютно приятным, поскольку предоставил ему возможность слишком хорошо узнать самого себя. Мне очень хотелось высказать свое мнение на этот счет, но я удержался. Парис Матео, психиатр, тоже не испытывал тошноты, но ТМА оказал на него довольно слабое воздействие. Казалось, больше всего его интересовала моя реакция на его собственные реакции (в этом эксперименте я был контрольным наблюдателем и воздерживался от любого участия). Все трое испытуемых сошлись на том, что по силе воздействие ТМА почти вдвое превышало воздействие мескалина. Они решили, что мескалин выглядит предпочтительней.

Месяц спустя я сам принял двести двадцать пять миллиграммов ТМА. За час до эксперимента я принял пятьдесят миллиграммов «марезина» (лекарство от тошноты). От подобного смешивания препаратов я отказался давно. Если тошнота является неотъемлемым компонентом воздействия наркотика, то ее нужно испытывать. И зачем при испытании нового наркотика усложнять наблюдение наложением на него второго препарата? Взаимодействие двух

препаратов — само по себе сложное исследование.

Во время эксперимента у меня было две «сиделки» — Элен и опять-таки мой старый друг Тэрри Мэджор.

Минут через сорок пять после приема ТМА я почувствовал умеренную тошноту, но продолжалось это недолго. Во время максимальной интоксикации (это период от полутора часов после приема наркотика до примерно четырех часов) я заметил лишь незначительное усиление восприятия цвета и еще несколько эффектов, характерных для мескалина. Кроме того, у меня наблюдалось слабое изменение восприятия движения и времени при некотором нарушении физической координации. Но самым потрясающим было мое психическое состояние, ответные реакции и идентификация с внешними стимулами (прежде всего музыкальными). Читая книгу Бернштайна «Радость музыки», к своему восторгу я чувствовал, что могу слышать каждую музыкальную фразу, упомянутую в тексте, правда, Элен утверждала, что я высказывал задиристые и критические замечания по тексту.

Я включил радио и настроился на частоту музыкального канала, свернулся клубочком и закрыл глаза. Благодаря Второму концерту для фортепьяно Рахманинова я обрел способность поддерживать себя в воздухе, не касаясь пола и держась лишь за изящно сотканные пряди арпеджио, соединявшиеся аккордами.

После нескольких раздосадовавших меня рекламных пауз стали, передавать довольно шумное и скрипучее музыкальное произведение под названием «Резня на Десятой авеню». Это мне слушать не хотелось, потому что у меня появилось какое-то социопатическое настроение. Элен заметила, что у меня на лице было написано «не трогайте меня, если не хотите, чтобы вам не поздоровилось».

Мне вручили розу (под мескалином цветок был бы изысканен и восхитителен) и спросили, смогу ли я сломать ее. Я сломал цветок без колебаний. В этот момент Тэрри спросил у меня, как я смотрю на то, чтобы принять небольшую дозу успокоительного. В моем ответе прозвучала тонко скрытая угроза спустить его по лестнице, если он попробует напичкать меня лекарствами. Он не настаивал на этом. Вскоре мы все вместе отправились гулять на просторах Тил-ден-парка (я мрачно заметил, как хорошо, что мы поехали на машине, потому что так можно было защитить окружающих от меня). И вот в парке я выпустил пар — бросил парочку камней и палку я чуть было не попал в машину Тэрри, но не попал не из уважения к нему, а потому что понимал, что вмятины на кузове потом громко мне аукнутся; прежде всего, мне придется платить за нанесенный ущерб). На этом период бурной активности закончился, и я почувствовал более приятные ощущения. Забавный визуальный эффект присутствовал у меня весь оставшийся день.

Этот опыт имел для меня очень важное познавательное значение. Мой более ранний эксперимент с мескалином был полон красоты и света, и я радовался, что все это находилось в глубине моей души, а мескалин, этот простой катализатор, лишь вынес присущую мне чувствительность и сострадание на поверхность. С другой стороны, в ТМА содержалась в значительной степени идентичная молекула, но она произвела, по крайней мере, на меня, противоположное действие. Лишь после тщательного самоанализа я понял, что мескалин дал мне не больше красоты, чем ТМА — злости. Просто и красота, и гнев всегда были внутри меня.

Различные наркотики могут порой открывать в человеке самые разные двери, но все эти двери ведут в одно и то же бессознательное.

Парис провел двенадцать дополнительных экспериментов с ТМА в Южной Америке с дозировкой от ста пятидесяти до двухсот миллиграммов. Он прислал отчеты, в которых подтверждались цветовые эффекты, а также делались серьезные сопоставления ТМА с ЛСД. Так, воздействие соответствующей дозы ТМА приравнивалось к воздействию ЛСД при

дозировке от ста до двухсот микрограммов.

Все эти изыскания, объединенные вместе, привели к появлению научной публикации в английском журнале «Nature». В данной статье обсуждались свойства психоделиков, с целью привлечь к ним внимание научной общественности. Возможное агрессивное поведение было специально упомянуто как наблюдаемая реакция. Это была моя первая публикация в области воздействия психоделиков на человека. Лет через семнадцать, когда опыта у меня было куда больше, я снова попробовал ТМА, чтобы посмотреть, какой будет моя реакция на знакомый наркотик по прошествии лет. Эту процедуру я периодически повторяю. Это похоже на проверку дальности в стрельбе или поход к личному терапевту каждые лет десять. Но у вас всегда тот же самый пистолет (и то же самое тело). Полезно получить объективную оценку изменений, которые произошли с вами за несколько лет. Результаты подобной проверки особенно близки к истине в том случае, когда реакция на наркотик была сильно окрашена какими-то мнениями и интерпретациями, которые с течением времени неизбежно смягчаются.

Так или иначе, я снова и снова испытывал ТМА, начиная от самых низких дозировок, и дошел до плюс двух при ста тридцати миллиграммах. Это был тот самый уровень, на котором трое моих друзей нашли этот препарат интересным, но не очень-то волнующим. По времени воздействие не изменилось, но качественная сторона опыта была и в самом деле не слишком приятна. Иногда по отношению к изучаемым мною наркотикам по очереди используются два прилагательных — психоделические и психотомиметические; первый термин предполагает, в основном, плавное изменение сознания, а под вторым (в буквальном смысле он обозначает имитацию психоза) кроется недостаток сочувствия и заботы. Я использую второй термин лишь в названиях статей, идущих в журналы, редакция которых считает термин «психоделический» пропагандистским. Но я все еще чувствую, что в каком-то смысле ТМА можно квалифицировать как психотомиметический препарат.

Я также осознавал ощутимый дискомфорт тела и побочные физические эффекты вроде непроизвольного сокращения мышц, которые прекратились после завершения эксперимента. Благополучно покинув мир ТМА, я не мог придумать никакой причины, побуждавшей меня войти туда снова.

Глава 5. Блэквудский арсенал

Где-то в 1960 году я познакомился с блестящим невропатологом Гарри Бушем. Он был полностью покорен лишайниками и потратил немало сил на их идентификацию и характеристику. Я много узнал от него о симбиозе между водорослями и грибами. Узнал я и то, что некоторые химические вещества, содержащиеся в лишайниках, могут легко вступать в реакцию с отдельными эфирными маслами естественного происхождения. В итоге получается синтетический тетрагидроканнабиол, или ТГК (активный компонент марихуаны). Я ощутил большое удовлетворение и даже изрядно посмеялся, узнав, что, слоняясь вокруг лагеря и смешивая экстракт из разноцветных кусочков, оторванных от большой скалы, с апельсиновыми корками, подобранными из ближайшего мусорного бака, в присутствии оксихлорида фосфора (вот этот компонент придется захватить с собой), а потом помещая очищенный продукт на лист петрушки и сворачивая его в своеобразную сигарету, можно получить потенциально психоактивный дым.

Все эти открытия привели меня к широкому литературному поиску. Самостоятельными химическими опытами я занимался в ту пору меньше, потому что все еще работал в Dole, но зато я проник в восхитительный мир препаратов растительного происхождения. Я уже был неплохо знаком с щелочными соединениями, известными как алкалоиды. Это азотсодержащие соединения в значительной степени ответственны за биологическую активность растений. Вещества типа никотина, стрихнина и хинина достаточно известны, и даже психоделики хорошо представлены такими индолами, как ДМТ, 5-метокси-ДМТ, псилоцин, псилоцибин и наш архетипический фенэтиламин и мескалин. Вместе с тем я начал ценить и другие классы чаще всего нейтральных соединений, которые были неактивны, но приятно пахли и являлись потенциальными начальными материалами для химического синтеза, например, терпены, обладающие острыми запахами хвои и камфары. Или великолепные эфирные масла с запахами, словно из шкафчика для специй: мускатного ореха, гвоздики, петрушки, укропа и апиола. И так далее и тому подобное. Этот мало изученный класс химических веществ оказался неисчерпаемым источником идей в области психоделиков.

Потом один за другим произошло три события. Во-первых (это будет интересно, в основном, людям, далеким от химии), я довел до логического завершения пару лишайник/апельсиновая корка и нашел, что конденсат из оливетола (я получил его из нескольких лишайников, собранных в северном направлении от Оттавы) и пулегона (это терпен из мяты болотной, похожего на обычную мяту растения, часто встречающегося вблизи Аламогордо в Нью-Мексико), производит значительное количество вещества подобного ТГК марихуаны __, напоминающего __. Основы этой химической реакции были заложены Роджером Адамсом в университете штата Иллинойс перед Второй мировой войной. Посредством публикации статей Адаме энергично соревновался с А. Р. Тоддом из Манчестерского университета (Англия). Вопрос был в том, кто сможет ближе подобраться к химическому дублированию активных компонентов марихуаны и продемонстрировать их воздействие на животных. Кульминацией исследовательской работы Адама стало изготовление смеси синтетических продуктов, которая при введении собаке оказалась в несколько раз сильнее растительной марихуаны. Синтезированное вещество получило название «адамова девятиуглеродного соединения», так как, что не удивительно, в терпеновой части молекулы имелся девятиуглеродный фрагмент. Это обстоятельство упомянуто здесь лишь потому, что скоро вновь появится в нашем повествовании. Интересной дополнительной информацией является тот факт, что точная структура ТГК на тот момент была все еще неизвестна (и еще где-

то двадцать лет после опытов Адамса).

Во-вторых, мне пришло в голову, что мать-природа, крепко любящая алкалоиды, словно позволила конопле превратиться в психоактивное соединение, лишенное азота (а это необходимый компонент любого алкалоида). Как выглядел бы ТГК в фармакологическом смысле, если бы он относился к фенилэтиламинам? Тогда я сказал самому себе: «Давай-ка сделаем это!» После чего я спрятался в библиотеке, чтобы отыскать возможные способы синтеза.

И, в-третьих, группа исследователей (люди с настороженным выражением лица, одетые в надлежащие костюмы и галстуки) из «Блэквудского Арсенала» (Blackwood Arsenal), химического и биологического отделения военного ведомства США, посетили Dole, чтобы встретиться с несколькими учеными компании в режиме «мозгового штурма». Наши гости столкнулись с некоторыми проблемами синтеза, о которых они могли говорить лишь в самых общих словах, поскольку речь шла о соединениях, которые нельзя было точно описать. Этим веществам был присвоен определенный информационный статус, а у некоторых из нас не было допуска к секретной информации.

Так или иначе, суть их вопроса была аккуратно изложена на слайде. В левой части экрана была показана схема протекания некой химической реакции, которая вела к образованию предпоследнего соединения А, а на другой схеме в правой части экрана отражался синтез предпоследнего соединения Б. Конечный продукт (итог реакции соединения А с соединением Б) вообще отсутствовал на экране, поскольку он держался в секрете. Вопросы наших гостей сосредоточились на двух показанных последовательностях. Они спросили: не мог бы кто-либо из нас высказать какие-нибудь дебютные идеи насчет более легкого или лучшего синтеза вещества А или вещества Б?

Какое-то время обсуждались предложенные идеи, как вдруг я впал в одно из самых своих безумных состояний и схватил мел. Я сказал, что, хотя ни один из наших гостей не был готов сообщить нам, зачем им понадобился эффективный способ изготовления веществ А и Б, мне кажется любопытным совпадением, что простое соединение данных веществ (с использованием оксихлорида фосфора, который столь успешно работает как с лишайниками и апельсиновыми корками) приведет к образованию «адамова девятиуглеродного соединения», которое в тесте моторной атаксии собаки проявило себя (в случае, если они этого не знали) приблизительно в пятьсот двенадцать раз сильнее синтетического аналога ТГК. В то время этот аналог использовался в качестве стандарта.

ТИШИНА

Я пошел дальше и написал на доске структуру этого очевидного соединения, словно кому-то было нужно проводить синтез, условия которого предлагались на слайде, любым другим способом, а не точной процедурой, описанной Адамсом. И чтобы у него получилась смесь веществ, которые (благодаря факту участия нескольких оптически активных центров) произведут комбинацию, содержащую восемь изомеров. При этом любое отклонение от первоначального синтеза радикально изменило бы соотношение этих изомеров, что сказалось бы на биологической активности полученной комбинации, которая могла бы разительно отличаться от наблюдаемой Адамсом (в пятьсот двенадцать раз сильнее).

В зале стало еще тише.

Я пришел в еще большее возбуждение и продолжил говорить, что, если стоять на полностью научных позициях в этом вопросе, то эти восемь соединений нужно синтезировать отдельно и

каждое из них испытывать как уникальный продукт. В довершение ко всему я упомянул одно обстоятельство, на которое не обращали внимание. Я сказал, что, если они действительно хотят исправить небрежность Природы, им следует рассмотреть возможность синтеза этого неназванного главного соединения с атомом азота в подражание природным алкалоидам. Из этого, добавил я в заключение, мог бы получиться действительно супермощный фенэтиламин!

Еще несколько секунд в зале сохранялась тишина. Потом беседа возобновилась и перекинулась на другие сферы, и, в конечном счете, наши гости вернулись в свой Мэриленд.

Этот случай полностью забылся из-за травмы, которая была вызвана неожиданной и преждевременной смертью моей матери. Она умерла в домике на озере Тахо, высоко в Сьерра-Неваде, где они с отцом жили летом. Это был трудный период для Элен и меня, но особенно сложным он оказался для Тео, потому что у него были тесные и близкие отношения с бабушкой. Что касается отца, то я заметил у него признаки легкого ухудшения здоровья. Мы все видели, как у него слабел дух и интерес к жизни.

Наконец, я сказал «хватит!» Давайте позволим себе кратковременное бегство, чтобы дать себе шанс восстановиться. Куда мы должны двинуться? Это не важно, я позабочусь об этом. Итак, мой отец положил чистую пару носков и смену нижнего белья в рюкзак, и мы вчетвером отправились в Сан-Франциско, намереваясь доехать до Сан-Диего. На самом деле, не ставя отца в известность, я договорился о консервации дома на время длительного отсутствия и приобрел билеты на корабль «Чузан» компании P & O. Нам предстояло доплыть не только до Сан-Диего, но и до Панамы, затем до Тринидада, Барбадоса, Канарских островов, Англии и до Франции, где мы задержимся на целый год. Настоящее лечение приключениями, прямо как в замечательном рассказе Г. Г. Манро.

(План сработал. Моему отцу пришлось полностью обновить свой гардероб; он восстановил контакты с русскоязычными друзьями, с которыми не виделся четверть века; он снял с себя все ограничения, связанные с трауром, вновь обрел собственную личность и энергию; позже он снова женился, открыл ресторан и прожил еще пятнадцать лет. Но это, как говорится, уже другая история.)

Возвращаюсь к началу нашей поездки. Мы только вышли из Порт-о-Пренса, как прилетела первая птица из гнезда Блэквудского Арсенала. Было часов пять утра, мы с Элен крепко спали в своей темной каюте на палубе «Д», когда в дверь постучали. Я вскочил с постели и пробормотал очень плохое слово: я забыл, что спал на верхней койке, так что шагнул вниз сразу на четыре фута. Я открыл дверь и впервые встретился лицом к лицу и впервые с мистером Мунозом из радиорубки.

«У меня для вас радиограмма из Международной американской радиокорпорации», — сказал он, протягивая мне депешу. Я нашел фонарик и прочел послание. Там было около пятисот слов от д-ра Фредерика Пирсмана из A.R.L. Company в Кембридже, штат Массачусетс. Мне говорили — нет, требовали — чтобы я позвонил ему из Тринидада по прибытии (мы должны были оказаться там на следующий день). Не успел я вернуться на свою койку, как мистер Муноз постучал в дверь снова. Он сказал, что только что получил для меня еще одну радиограмму, на сей раз через «Международную телефонную и телеграфную корпорацию» или что-то в этом роде. Но он не будет утомлять меня чтением, так как это послание слово в слово повторяет первое. «Хорошо, хорошо, — пробурчал я. — Я уже понял: от меня требуется позвонить из Тринидада».

Наступило утро, а вместе с ним появился и Тринидад со своей жарой и влажностью. Почти час я провел в телефонной будке, беседуя с Фредом Пирсманом из A.R.L.

Д-р Пирсман сказал мне примерно следующее: «Некая группа, которую мы не можем определить, попросила нас принять контрактное предложение. Цель этого предложения —

синтез азотсодержащего фенэтиламина, являющегося аналогом ТГК. Вы прибываете в Лондон в такое-то время в такой-то день (он был точен до минуты). Нам бы очень хотелось, чтобы вы выслали нам полное описание процедуры синтеза специальной доставкой через авиапочту, как только прибудете. Мы получим ваше письмо как раз к тому моменту, когда нам нужно будет соглашаться на предложение».

Но, — возразил я, — я нахожусь на борту роскошного лайнера, и самый современный справочник в его библиотеке — это «Тезаурус» Роже 1894 года издания!

Тогда пишите по памяти, — сказал мой собеседник. Именно этим я и занялся. Не могу и описать, что могут сделать со здравой способностью человека обороняться сорок минут в телефонной будке где-нибудь в Тринидаде при влажности 90 % и 92° по Фаренгейту.[16]

Итак, оставшуюся часть пути через Атлантической океан я просматривал соответствующие отрывки из Beilstein and Chemical Abstracts, напрягая свою скромную фотографическую память, как мог, и сводил вместе химические реакции, касающиеся фенэтиламиновых аналогов ТГК. Все это было отправлено из Лондона и своевременно добралось до A.R.L. Должно быть, результаты этой работы оказались весьма успешным в смысле ЦНС-активности, поскольку д-р Пирсман оставил A.R.L. и стал основателем консультационной группы в Бостоне, которая продвигала азотсодержащие аналоги ТГК в промышленность и, очевидно, не без успеха.

На патенте значилось мое имя, и впоследствии патент отдали Simpson Winter Corporation. За этот патент я получил символический доллар; так все и происходит, когда работаешь на промышленность. Я никогда не выяснил, какая связь была между A.R.L. и Simpson Winter. Я также никогда не встретился с человеком, которого про себя окрестил «ужасным Фредди», хотя потом на научных конференциях я сталкивался с людьми, которым он был знаком. Его компания продолжает расти, и сегодня она ведет большое количество исследовательских проектов в области фармацевтики. Время от времени их работа затрагивает молекулу ТГК во всех ее возможных вариациях, но что касается помещения в нее атома азота, тут сделано не так уж много. Позже я опубликовал еще несколько работ по комбинации молекулы ТГК с атомом азота. Эти опыты я провел в своей лаборатории, и они обеспечили мне поездку в Швецию. Однако как человека, интересующегося психоделиками, в этом соединении меня ничего не заинтересовало. Возможно, природа вовсе не была небрежна, оставив его. Подозреваю, она знала, что эта комбинация не заслуживала внимания, и просто сэкономила свою энергию.

Оставшуюся часть плавания до Европы (время, не потраченное на написание черновика для правительственного гранта) я провел, совершенствуя свою игру в пинг-понг на покачивающемся судне и знакомясь с обрядами инициации в таинственных африканских племенах, о которых мне рассказывал наш радист мистер Муноз. Он стал моим интересным и постоянным компаньоном для предобеденного коктейля.

Я полностью утратил связь с мистером Мунозом; даже не знаю, жив ли он сейчас. Судоходная компания P&O Lines, конечно же, не выжила.

Глава 6. ММДА

У меня был ряд проектов, которые я намеревался реализовать во Франции. Я хотел научиться говорить по-французски, отвлечь своего отца от горестных мыслей, связанных со смертью моей матери, и особенно мне хотелось поместить метилендиоксидную группу на место двух метокси-групп в ТМА. В трех метокси-группах мескалина и ТМА имеются атомы кислорода, изолированные подобно островкам. Они выступают из бензолового кольца и не связаны между собой. Если два смежных атома соединить вместе мостиком, то в результате можно добиться очень тонкого изменения в геометрии молекулы. Это соединение будет называться ММДА.

Все это «выросло» из мускатного ореха. Увидев эффективность "[МА (тогда я еще работал в Dole), я зарылся в каталоги и книги, я искал на полках и в самих растениях то, что напоминало бы ТМА и подсказало бы мне, в какую сторону двигаться дальше. В литературе я обнаружил несколько упоминаний интригующего соединения под названием элемицин. Это эфирное масло (термин был для меня новым) входило в большой класс соединений, ответственных за ароматы (эссенции) во многих наших продуктах. Было похоже, что мне предстояло изучать растения.

Элемицин выглядел почти идентичным ТМА (в структурном смысле). При помощи магии доски и мела я мог добавить молекулу аммиака к молекуле элемицина и получить молекулу ТМА.

И если это могло быть сделано на доске, не исключено, что то же самое могло произойти и в печени. Интересно, задумался я, высказывались ли когда-нибудь предположения о том, что элемицин обладает психоактивными свойствами?

Потом меня ждали несколько дней, наполненных восторгом, за которые я узнал немало сведений об интригующем мире эфирных масел. Они были всюду. Эти замечательные структуры обнаруживались в специях и соответствующих растениях. У них были названия, зачастую отражавшие их происхождение: элемицин, апиол, укроп-апиол, сафрол, эвгенол, анол, кроуазин, миристицин, азарон и т. д и т. п. Богатство непознанного, неожиданно волшебная химия, полностью готовая для исследования и использования.

Итак, хотя я и не нашел никаких особенных упоминаний о какой бы то ни было психофармакологии элемицина, от этого он не переставал быть основным компонентом мускатного ореха, а вот касательно последнего как раз имелась обширная анекдотическая литература. Он использовался буквально для всего: от вызывания аборта и восстановления исчезнувшего менструального цикла до попыток самоубийства и лечения облысения. И — бинго! Мускатный орех широко зарекомендовал себя в качестве интоксиканта.

Очевидно, что в тюрьмах мускатный орех использовался как «кухонный наркотик»; в разрозненных медицинских отчетах появились описания нескольких форм опьянения и психических нарушений, вызванных мускатным орехом. Он содержит элемицин, который по структуре почти совпадает с ТМА. Что же еще такого могло быть в мускатном орехе, что наделило его подобной фольклорной репутацией или способствовало ее развитию? В поисках ответа я пошел напрямик и купил десять фунтов высококачественного эфирного масла мускатного ореха и перегнал его через суперэффективный дистилляционный аппарат, разделив исходный материал примерно натри десятка фракций. Какая сокровищница соединений! В действительности некоторые из них раньше никогда не наблюдались в экстракте мускатного ореха.

Главным компонентом, полученным в ходе перегонки, был миристицин, известный близкий родственник элемицина. Если можно было бы смешать обычный, хранящийся у

домохозяек аммиак с элемицином, то он превратился бы в странный и стимулирующий психоделик ТМА (по крайней мере, в теории), тогда как смешивание аммиака с миристицином должно было привести к получению неизвестного соединения — 3-метокси-4,5-метилендиоксиамфетамина, или ММДА.

Вообще-то я думал, что синтез ММДА должен быть простым и прямым. Нужно лишь было выбрать правильный начальный альдегид — альдегид миристицина — и следовать стандартным процедурам. Это чем-то напоминает известный рецепт супа из бегемота: возьмите взрослого бегемота и сварите; я обнаружил, что столкнулся с похожей проблемой при получении альдегида миристицина. Он был просто недоступен, а изготовить его было крайне сложно. Но я был серьезно настроен получить ММДА и проверить, был ли он активным, а если так, то какова природа его воздействия.

Годовое пребывание во Франции может быть несколько травмирующим, даже если есть где жить, есть какие-то договоренности, есть куда пойти и с кем пообщаться. В этом смысле у нас не было практически никаких планов. Мы (моя жена Элен, мой сын Тео и мой безутешный отец) приехали в Лондон, чтобы приобрести там новый «Фольксваген». После этого мы пристроили все свои вещи сверху на багажнике и поехали к Ла-Маншу. Мы пересекли канал на ночном пароме и на следующий день уже въезжали в Париж с юга.

Итак, мы оказались в Париже. Нам было некуда пойти, и у нас не было ни одного знакомого, к кому можно было бы обратиться за помощью. Около Оперы мы отыскали офис American Express, но никаких сообщений на наши имена не поступало. Впрочем, мы ничего и не ожидали. Было понятно, что нам нужно было провести год в каком-то месте, но наиболее существенная проблема состояла в том, где провести ближайшую ночь, пока мы занимались поисками того места, где собирались прожить год.

Время близилось к вечеру. Я смутно помнил, что где-то вокруг Сен-Жермен де Пре были какие-то опрятные гостиницы, и в гостинице «Два континента» мы обнаружили свободную комнату на пятом этаже. На крыше «Фольксвагена» мы везли огромную жестяную банку чая и три чемодана, в которых были все необходимые нам вещи на год. Я ухитрился убедить управляющего гостиницы в том, что у моего отца очень слабое сердце (нужда — мать многих небольших выдумок) и что подъем пешком на пятый этаж и спуск вниз могли представлять для него серьезную угрозу. А перенос багажа был чреват еще большим риском. Тогда управляющий внезапно вспомнил о пустующей комнате на первом этаже, в которой, к счастью, имелось большое окно, выходившее на улицу. Так что мы перетащили свой багаж прямо через окно с тротуара и поселились в этой гостинице на время поисков квартиры.

Вскоре нам стало ясно, что подходящей квартиры в центре Парижа мы не найдем, потому что все они были очень дорогими, поэтому, в конечном счете, мы обосновались в пригороде Медон. Я сразу же отправился искать альдегид миристицина и лабораторию, где я мог бы преобразовать его в ММДА. В итоге я обнаружил, что у французов свои представления об академической науке и связанных с нею исследовательских проектов, и эти представления абсолютно чужды американцу. Во Франции, например, нельзя войти в университет и сказать: «Вот он я, и я хотел бы встретиться с вами». Все двери заперты, и никто не отвечает на телефонные звонки. Каждый должен приходить по соответствующим каналам.

Мне удалось прорваться в Институт Пастера. Там я столкнулся с одним доктором, ведущим научную работу. Он приехал во Францию из Соединенных Штатов и жил здесь уже целый год; за это время ему удалось неплохо внедриться во французскую академическую иерархию. И он дал мне следующий совет: «Уделите несколько дней на завоевание права доступа к людям, которые могли бы пожелать встретиться с вами. Начните с самого низшего возможного уровня и двигайтесь наверх». Так мы и сделали, отдав этому занятию немало терпения.

Сначала я позволил своему новому приятелю представить меня некоторым людям такого же, как он, статуса. Он сказал мне, что каждый из этих людей вскоре будет пытаться завоевать более престижное положение в научном сообществе, представляя меня в качестве равного себе.

Мой знакомый советовал мне: избавляйся ото всех, включая самонадеянного посредника, и позволяй лишь человеку несколько более высокого уровня ввести тебя в круг равных ему. За пару дней у меня случилось несколько новых знакомств, и движение наверх продолжалось без перерыва. Отсев лишних и следующая встреча с новой VIP-персоной.

Это была очаровательная социальная игра, и через пару недель она помогла мне встретиться с д-ром Ричардом Сеттом, у которого была собственная лаборатория, связанная с Сорбонной. Кроме того, у него имелся лишний уголок для такого заезжего сумасброда, как я. Он невероятно сочувствовал людям, стремившимся изучать неизведанные миры. Д-р Сетт проживал в Жиф-сюр-Иветт за пределами Парижа, но его лаборатория все же оставалась частью Сорбонны. Теперь у меня появилось место, где я мог осуществить свою навязчивую идею, то есть синтезировать и изучить ММДА.

Почти сразу я сделал поразительное открытие: оказалось, что альдегид миристицина был коммерчески доступен. Его можно было приобрести у поставщиков химических веществ в Париже. Я сделал срочный заказ на сто граммов этого вещества и был приятно удивлен, получив свой заказ в течение недели. Но тут неожиданный сюрприз преподнес мне французский язык, который стал мне понятнее, когда я обнаружил, что термины «альдегид миристицина» и «альдегид мирисаля» во французском взаимозаменяемы. Мне прислали именно последний, а он не имел к ММДА никакого отношения. Я так и не смог найти ему применения.

Так что, вопреки ожиданиям, мои планы насчет ММДА не продвинулись вперед ни на йоту, и я потратил остаток года, работая в любимом проекте д-ра Сетта, посвященном органическим реакциям металлического цезия. Кроме того, мы провели относительно бурные исследования сравнительных достоинств всех местных вин и паштетов в радиусе двадцати миль от Жиф-сюр-Иветт.

В середине нашего пребывания во Франции умер отец Элен, и она вернулась в Соединенные Штаты. Тео и мой отец воспользовались льготами, которые были у моего сына как у ребенка, не достигшего двенадцатилетнего возраста: при покупке билетов ему полагалась скидка в 50 %. Так что они отправились домой кружным путем, а, точнее, вокруг света, на другом судне компании P&O, которое носило имя «Канберра». Меня оставили в беспрецедентной ситуации: мне нужно было прервать договор на аренду квартиры при помощи моего примитивного французского. Я улизнул невредимым, возвратился в США на свою прежнюю должность компании Dole Chemical.

Я решил использовать мускатный орех в качестве сырья, и все сошлось как нельзя красиво. Я получил свой миристицин из природного масла, и его преобразование в ММДА прошло без проблем. ММДА оказался и правда очаровательным соединением. Ему не свойственны были звон колоколов и оглушительный свист, как драматичному мескалину, оно было значительно более мягким. Это было моим первым подлинным открытием (так я думал в то время), я очень осторожно познакомил с ним маленькую группу своих коллег.

Самое трогательное описание воздействия ММДА было сделано одним моим близким другом, поэтом. Он принял сто шестьдесят миллиграммов наркотика перорально в компании своих нескольких друзей, а потом прислал мне следующий отчет:

МИДА / МИНИАТЮРА ВЫСШЕЙ ТОЧКИ

Я использую слово миниатюра в том же смысле, в каком назвал бы миниатюрой пьесу джазового пианиста Бада Пауэлла.[17]

Сравнение сонаты для фортепьяно Бетховена с «Осенью в Нью-Йорке», сыгранной Пауэллом, было бы аналогичным сравнению мескалина и ММДА. ММДА воздействует как миниатюра высшей точки — в ней присутствует все, но только в меньшем количестве и длится все гораздо меньше.

ММДА просто замедляет вселенную олимпийских богов, где останавливается время, и вызывает появление органических и неорганических сияний. Самый пик длится около двух с половиной часов. Больше, чем прекращение хода времени, как это случается под мескалином или псилоцибином, ощущается своего рода отсутствие чувства времени в течение первого, болезненного, часа. Невосприимчивость здесь сильнее, чем при ощущении большинства пиков.

Пока мы поднимались по предгорьям Беркли на машине, меня обуял ужасный страх. Это состояние длилось всего лишь несколько минут. Однако, когда ты не чувствуешь течения времени, становится не важно, как долго продолжается паника: все равно кажется, что она тянулась целую вечность. Я посмотрел на склон, покрытый мертвой серебристо-коричневой травой. На всем пространстве раскинувшегося передо мной поля я мог различить блестящее лезвие каждой отдельной травинки. Триллионы коричнево-серебристых лезвий сливались в дрожащий меховой покров громадных размеров. Вдалеке внизу открывалась панорама окутанного туманом Беркли, Окленда и Залива. Все это начало вырисовываться в первозданной красоте и вне времени. Мне показалось, что я вхожу во вселенную олимпийских богов. Я НЕ БЫЛ ГОТОВ К ОЛИМПИЙСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ. Я ожидал чего-то вроде пика воздействия марихуаны. Я понял, что, если взойду на Олимп, то мне не удастся окончательно восстановиться и удержать себя в руках.

Жар полыхал в моих гениталиях и поднимался к желудку. Я чувствовал мучительный и абсолютный страх. Я хотел попросить остальных вернуться домой, чтобы я мог принять «торазин». Но я был не в состоянии говорить. Автомобиль вильнул на крутом повороте дороги, и я снова увидел серебристо-коричневый травяной мех и безмерную нежеланную нежность открывшегося мне пейзажа.

Внезапно я вступил в борьбу с «Капитаном Зеро», то есть с погрузившимся в полный хаос и стремившимся обрести цельность сознанием, которое перестало быть по своей природе сознанием млекопитающего, но стало принадлежать молекулам и инертной материи! Я решил, что все, что было в моих силах, — это идти вместе с ними позволить Зеро победить, но тогда я был уверен, что не вернусь. Я пробовал удержаться на высшей точке, но осознал, что могу навредить себе этим. Тогда я попытался подняться на вершину пика и управлять им. В общем и целом, я испробовал, наверное, пятнадцать или двадцать способов контроля или бегства от пика, которые невозможно было запомнить либо описать.

Все это время я полагал, что разлечусь на куски и, возможно, больше никогда не вернусь в человеческий мир. Мои внутренности совсем взбесились, и казалось, что лишь мой разум удерживает их вместе. Я все-таки умудрился спросить, какую дозу мы приняли. Меня заверили, что нашу дозу можно было сравнить с дозой мескалина. На какое-то мгновение я осознал, что мой страх мог длиться уже три часа. Затем мои внутренности и мой мозг пришли в еще большее неистовство. Господи, я не смогу взойти на Олимп снова.

Когда машина остановилась, я контролировал себя, и пробудившиеся молекулы в моем сознании исчезли. Некоторое количество стараний и чисто животных усилий, к которым я прибегнул, вернули мне контроль. Я приписываю внезапное обретение уверенности эксперименту с галлюциногенами. Не думаю, что сработал какой-нибудь из методов, которые я пытался задействовать, однако некоторые возможности давали мне гарантию, что я смогу

контролировать себя даже на Олимпе.

Я рассказал остальным о том, что со мной случилось, я почувствовал, что могу наслаждаться оставшейся частью дня, и на секунду ощутил радость облегчения. (Интересно, что ни один из других участников не добрался до вселенной олимпийских богов на высшей точке. Я объясняю это тем, что был больше предрасположен к этому: на химическом составе моего тела сказались более ранние эксперименты с пейотом и псилоцибином.)

Когда мы поднимались наверх по тропинке, идя по золотисто-коричневой пыли, я видел следы птиц, теннисных туфель и отпечатки голых ступней. Пугающий характер следов и неприродных объектов начал захватывать и подавлять меня. Пока мы шли, я пробовал оградить себя от этого вида. Справа от меня на сотни квадратных миль расстилалась фантастическая панорама заколдованных городов и тумана, похожего на туман из снов, что лился на них со стороны залива. Но меня не заинтересовало это зрелище. Единственное, что меня волновало, — как сохранить цельность своей личности и не скатиться вниз, где меня ждала встреча с Капитаном Зеро.

Короткая, бесконечная прогулка в гору изнурила нас, и мы упали на землю у крошечной группы деревьев. Я по-прежнему хотел, чтобы эксперимент завершился и я вернулся к понятиям повседневной реальности и любви. Я вполне приспособился к высшей точке. Мои приятели закрыли глаза и приступили к просмотру мозгового кино. (Раньше часто случалось так, что под воздействием эйфористического удовольствия от галлюцинаций мои глаза закрывались против воли.) Сейчас я держал свои глаза открытыми, потому что не желал смотреть мозговое кино или видения. Когда я закрыл глаза, чтобы посмотреть, что будет, то увидел лишь восхитительную и приятную черноту.

Мы говорили отрывочно и словно бы в дремоте, и я осознал, что был способен смотреть на мир глазами своих приятелей. Они видели застывшую действительность точно так же, как видел ее я. Я хотел поговорить с Тэрри и выяснить, кем он был. Но я нашел разговор слишком трудным занятием. Мои глаза стали закрываться снова от истощения и удовольствия.

Когда я прикурил сигарету, то не смог найти свои губы и обнаружил, что они онемели. Пламя от спичек продолжало дрожать на ветру. Но он был недостаточно силен, чтобы задуть его совсем. Мы покачивались, пока шли.

Мы остановились у небольшой группы деревьев. Я посидел какое-то время, потом встал и пересел на другое место. Я пересаживался снова и снова.

Кроме визуальных ощущений, которые слабо напоминали эффект мескалина или псилоцибина по образам и ясности, казалось, я был изолирован от ощущений и состояния своеобразной сверхясности смысла — приятный парадокс.

Я лег, прикрыл глаза и попытался вызвать богиню Кундалини (Змеиную силу) через главную чакру и через свое тело. Впервые мне удалось увеличить собственную силу, которая текла через плечи в голову. Проделав это, я осознал, что на самом деле не вызвал Змеиную силу, а прочистил свои нервные волокна. Впрочем, я увидел серовато-прозрачные эмоциональные образы нервных центров чакры. Это было хорошее ощущение.

В кристально-чистом воздухе вечнозеленые растения казались особенно зелеными и отчетливыми. Любование деревьями или листьями растений было похоже на умеренный пик воздействия мескалина. Ели превратились в живые зеленые современные скульптуры животных в стиле странного индийского рококо — будто скульптор Липшиц [18] поработал над их отделкой.

Похожее на недомогание ощущение подходило к концу, вместе с ним исчезало и дремотное состояние.

Я пошел к роще красных деревьев, где сидела остальная компания. Я был поражен

абсолютной и высшей красотой и ясностью людей, деревьев, воздуха, музыки, звучавшей из переносного радиоприемника. Я чувствовал глубокую близость к детям и восхищался их красотой. В этот момент я понял, что просто сижу и наслаждаюсь воскресным полднем по полной программе. Обычно я скучал, бездействуя. Следующая пара часов стала приятным и прекрасным пикником. Возвращение в нормальное состояние было резким, но не неприятным. Я был готов к этому. Остаток дня прошел необыкновенно быстро. Два часа показались какой-то вспышкой. Той ночью полчаса мне не давало спать мозговое кино: мелкие крокодилы, бегавшие по пыльным дорогам в темноте в свете прожекторов, волшебные вечнозеленые деревья, которые то проявлялись, то исчезали из реальности. В общем, всякие причудливые картинки, которые может показывать мозг.

НЕЯСНАЯ СНОСКА

Через неделю после эксперимента с ММДА я пробудился среди ночи с чувством, что реальности больше не существует и есть лишь небытие. Меня охватил ужас. Я вытянулся в струнку на кровати и сразу же открыл глаза. Как писал Шелли:

> Lift not the painted veil which those who live
> Call life; though unreal shapes be pictured there,
> And it but mimic all we would believe
> With colors idly spread, — behind, lurk Fear
> And Hope, twin Destinies; who ever weave
> Their shadows, over the chasm, sightless and drear.[19]

Это внезапное пробуждение определенно было реакцией на ММДА. Вчера я говорил с человеком, который как-то раз принял слишком много ЛСД. Я пытался избежать разговора на тему галлюциногенов, но он сам настоял на этом. Я поделился с ним, как представляю некоторые постгаллюциногенные состояния, характеризующиеся чрезвычайной тревогой по поводу природы реальности. В итоге человек начинает корчиться на стуле, ломать руки и временно утрачивает способность говорить. Я находился в таком состоянии. Мой собеседник назвал это состоянием беспокойства и заметил, что оно связано не только с галлюциногенами. С этим состоянием знакомы и те, кто не принимал наркотиков.

Сэм объясняет это состояние выходом на поверхность бессознательного.

Эта версия кажется прекрасной и достаточно правдивой. Она подходит здесь так же хорошо, как любое другое объяснение. Однако она не проясняет моих интуитивных прозрений, которые усиливают друг друга и одновременно взаимно противоречат. Я осознаю две вещи: то, что этот «материал» имеет подавляемую психологическую природу во фрейдистско-райхианском смысле, и то, что есть еще один порядок противостоящего «материала». Этим порядком является молекулярный уровень сознания. Под этим я подразумеваю ту часть нашей психики, которая больше связана с философским сознанием морских ежей и губок, а эти существа — всего лишь комки собственных желаний, чувства голода и осознания собственных движений. Они являются действующей частью сознания физической вселенной и реальным проявлением собственной протоплазмы в «Море жизни». Вот было бы интересно, если бы то, что мы столь уверенно называем «бессознательным», в действительности оказалось двумя или более в значительной мере разобщенными частями нашей личности, обычно недоступными.

Я говорю все это не для того, чтобы доказать свою точку зрения насчет того, что я столкнулся с молекулярным сознанием под ММДА. Я пережил слишком сильный страх и не могу быть ни в чем уверен, когда думаю о том, что произошло со мной, сейчас, спустя две недели после эксперимента.

Однако я интуитивно убежден в том, что мы встречаемся с двумя неизвестными областями — и с подавлением, и с молекулярно-философско-вселенским сознанием. Я чувствую, что во вторую сферу не следует допускать психиатрию. Мы вторгаемся и вносим беспорядок в некую структуру, которая должна оставаться неизвестной, потому что она узнается посредством бытия. Исключение может быть сделано в том случае, если исследователь осознает риск и медленно и осторожно продвигается вперед.

Этот отчет стал для меня настоящим сокровищем, так как он предоставил мне членораздельное и безошибочное «внешнее» подтверждение того, что ММДА действительно является психоделиком. Это был (по крайней мере, на тот момент) препарат беспрецедентной силы, доказавший, что не только мескалин способен вызывать психологически сложные переживания. У меня имеются личные отчеты еще человек пяти-шести, которые испытывали ММДА при дозировке от ста шестидесяти до двухсот миллиграммов. Психиатр К. Наранхо посвятил почти четвертую часть своей книги «Исцеляющее путешествие» описанию клинических экспериментов с ММДА.

Но история ММДА закрывается для меня на отравляюще-печальной ноте. Я узнал, что всемирно известный психофармаколог Гордон Аллее (первооткрыватель воздействия амфетамина и МДА) следовал той же самой логике, что и я, независимо работал с мускатным орехом и синтезировал ММДА. Он назвал полученное вещество той же самой аббревиатурой и исследовал его воздействие на себе. С радостным ожиданием мы договорились о встрече, чтобы поговорить на многие темы, которые, как я был уверен, были интересны нам обоим.

За месяц до нашей встречи я услышал о неожиданной и трагической смерти Гордона Аллеса. Очевидно, смерть стала результатом осложнений диабета. Поскольку среди собственных достижений он упомянул не только активный интерес к экспериментам на самом себе, но и широкую репутацию эксперта по инсулину, я размышлял (тщетно) о том, что он мог испытывать в то время. Я связался с его аспирантом, но он об этом понятия не имел, так что я опасаюсь, что тоже никогда этого не узнаю. Через частного врача его жены я сделал предложение собрать и издать его исследовательские заметки в памятном томе под его собственным именем, однако мое предложение отвергли. Боюсь, что все идеи и заметки Гордона Аллеса теперь будет невозможно отыскать. Я расцениваю смерть этого человека как серьезную личную потерю, хотя так никогда и не встретился с ним.

Глава 7. Капитан

В середине 1960-х годов пришло время сменить мне работодателя. Я трудился в компании Dole Chemical целых десять лет; за это время как химик я сделал приличный шаг вперед и добавил в свой словарь немало терминов, связанных с исследованиями и техникой лабораторных опытов. Но постепенно становилось все яснее, что мы оба — Dole как работодатель и я как служащий — больше не находимся в полном мире друг с другом.

Никто не мог отрицать моей чрезвычайной производительности. Непрерывный поток новых и потенциально патентуемых соединений синтезировался, и сразу же запускалась их биологическая проверка. Это были промежуточные звенья, являвшиеся важными компонентами конечных веществ, которые я на самом деле хотел создавать и исследовать. Однако конечные продукты, соединения, которые на короткий срок изменяли чувственный мир и, возможно, восприятие этого мира у человека, их принимавшего, были не коммерческими по своей природе. Не то чтобы рынка психоделиков не существовало; просто это был не тот рынок, куда мог бы открыто стремиться какой-нибудь подходящий промышленный гигант, создававший и производивший инсектициды для сельского хозяйства, полимеры для синтетического волокна и гербициды для военной промышленности. В конце концов, шла эпоха нашей вьетнамской авантюры, и на крупную промышленность по всей стране оказывалось огромное давление, чтобы направить всю ее энергию на правительственные заказы. О психоделиках Вашингтон и не помышлял.

Как мне казалось, становилось все яснее, что отношение к моей работе внутри компании сместилось от поддержки до терпимости, которая со временем — как я подозревал — превратилась бы в неодобрение и, в конечном счете, разумеется, вылилась бы в прямой запрет. Поскольку в моих конечных продуктах не видели никакой коммерческой ценности, на мои публикации сначала не было никаких ограничений, и я опубликовал в нескольких первоклассных научных журналах приличное количество статей, описывающих химию и воздействие на человека новых психоделиков (в ту пору я все еще называл их психотомиметическими наркотиками, потому что тогда это был принятый в науке эвфемизм). Но настал день, когда недосказанное стало очевидным, и меня попросили больше не использовать адрес компании в моих публикациях. То, что казалось мне захватывающим и креативным, в глазах администрации компании плохо сказывалось на корпоративном имидже.

Так что я начал указывать в научных публикациях свой домашний адрес. И так как домашний адрес автора под статьей подразумевал, что данное исследование выполнено дома, мне показалось прекрасной идеей — основать собственную лабораторию, о чем я давно мечтал. А раз уж я действительно собирался работать дома, рассуждал я, то больше не стану работать в Dole, у меня будет новый работодатель. Я сам. Это был бы достойный шаг. Я уволился бы из Dole, другими словами, нанялся бы к самому себе, иначе говоря, стал бы консультантом, что означает (как обнаружил я в конечном итоге), что я буду выступать в совершенно новой роли — в роли безработного ученого.

Я ушел из компании Dole в конце 1966 года со всеми обычными прощальными ритуалами, имеющими место, когда на пенсию отправляется заслуженный работник предприятия. Были прощальные ланчи со множеством спиртных напитков, были грамоты с многочисленными подписями и, как легко догадаться, обычная смена всех дверных замков.

У меня уже было полно всяких планов. В первую очередь мне нужно было расширить свой образовательный базис. Поскольку колба для экспериментов и бунзеновская горелка не исчезали у меня из рук, я понимал, что обладаю мастерством создания новых и восхитительных

соединений. Но у меня был очень небольшой запас знаний, чтобы оценить биологию их воздействия. Так как все происходило в человеческом теле, прежде всего я решил податься в медицинскую школу и вдоль и поперек изучить сложные передаточные схемы в человеческом мозгу и в нервной системе. Все эти схемы играли жизненно важную роль в процессе воздействия наркотика.

До меня дошло, что, если я надеюсь выжить как консультант, то мне нужно овладеть некоторым словарем, касающимся целого ряда наук вроде биологии, медицины и психологии, так что я направил заявку и получил правительственный грант, помогающий мне оплатить обучение. Элен полностью поддерживала мои начинания; она сказала, что хотела бы, чтобы я следовал тем путем, в который верил. Она работала библиотекарем в Калифорнийском университете в Беркли, любила свою работу и экономическую независимость, которую получала благодаря ей. Мы подсчитали, что с помощью моего гранта и ее зарплаты мы справимся в течение необходимого времени.

Следующие два года я провел в Сан-Франциско, в кампусе Калифорнийского университета, как мог, изучая медицину.

Но был еще один язык, язык политики и власти, который мне предстояло выучить совершенно неожиданным образом. Я закончил свою учебу и вышел из медицинской школы с пониманием обычных функций красных и зеленых проводков в головном мозге, и находился перед выбором — продолжать мне или нет учиться дальше еще два года (за которые я постиг бы ненормальную работу этих проводков), когда в некотором смысле решение было принято за меня.

Я получил предложение стать консультантом в области исследования психоделиков. Оно исходило от джентльмена, о котором я никогда раньше не слышал. Он возглавлял аналитическую лабораторию, где работал всего лишь один человек. Его лаборатория находилась на полуострове Сан-Франциско.

Сначала я ответил, что не имею особого желания работать в чужой лаборатории и делать то, что могли счесть спорным исследованием, потому что в то время, казалось, вся нация разделилась по принципу «за» и «против» использования наркотиков в развлекательных целях. Эта проблема была тесно связана с хиппи, либералами и академическими интеллектуалами, выступавшими против войны в Юго-Восточной Азии. Но когда я, наконец, поговорил с этим человеком, то обнаружил, что он был всего лишь искателем — тем, кого бы сейчас назвали «хед-хан-тер» (человек, переманивающий квалифицированные кадры). Он сообщил мне, что действует в рамках большой правительственной программы, нацеленной на выявление ученых, работающих в самых разных областях, как потенциальных участников исследовательской команды для одного необычного и архиважного проекта.

— В будущем возникнут ситуации, когда астронавты могут подвергаться длительной сенсорной изоляции со всеми возможными психическими последствиями, — осторожно пояснил мне незнакомец. — Сейчас создается определенная исследовательская программа. Ее целью является создание таких химических веществ, которые можно использовать для подготовки астронавтов на случай того, что они могут быть подвергнуты длительным периодам сенсорного голода. Научите их двигаться в измененном состоянии сознания, которое вполне может быть следствием подобной изоляции.

Он подчеркнул, что я буду полностью свободен в выборе инструментария, персонала и оборудования для моей собственной лаборатории. Заинтересован ли я в разработке исследовательского проекта для создания подобных химических веществ, описания их воздействия и, возможно, даже в участии подготовки клинических испытаний?

Любит ли медведь гадить в лесу? Да, да, конечно, да!

Разумеется, этот джентльмен не был человеком, который вел проект «Астронавт в космосе». Главным шефом проекта был капитан Б. Лаудер Пинкертон. В его руках сходились все нити множества различных направлений биологических исследований в главной лаборатории космических программ под названием Аэрокосмическая лаборатория в Сан-Карлосе. Эта лаборатория по контракту была связана с Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства, или НАСА. Последняя организация располагалась поблизости, в городке Саннивейл.

Капитан Пинкертон был многолик: он был капитаном в каких-то войсках, офицером разведки в каком-то уголке правительства, возможно, в Агентстве национальной безопасности; и в то же время он был миллионером благодаря генам, которые он разделил с изобретателем известного своей эффективностью домашнего прибора. Мы встретились с ним, побеседовали, и — думаю, это можно сказать — инстинкт подсказал нам уважать друг друга, но не обольщаться чем-нибудь похожим на взаимное доверие.

Заглотив наживку, я включился в новую область. Теперь я был консультантом, успешно начавшим новую карьеру.

В Аэрокосмической лаборатории меня приветствовали как светило психотропной медицины. Со всех сторон мне выражали почтение, и один за другим ко мне подходили люди и говорили, что они с давних пор читали мои статьи и думали, что я занимался важной и интересной работой.

Итак, я приходил в Аэрокосмическую лабораторию каждое утро и заказывал стеклянную посуду, инструменты, механические штучки для новой лаборатории, которая, как мне сказали, еще не доступна, но вскоре там можно будет работать, как только произойдут все необходимые изменения и перемещения. Тем временем я исследовал каждую прихожую, каждое рабочее помещение и каждую лабораторию, встречаясь и общаясь с некоторыми из местных ученых, большинство из которых оказались старожилами, работавшими здесь годами. Постепенно стало очевидно, что в Аэрокосмической лаборатории сосуществовали два полностью различных мира, оба находившиеся под самым строгим руководством капитана Пинкертона.

Одним из них был «новый лабораторный спектроскопический мир психоделиков в космосе», большая часть которого еще не обрела какой-либо материальной формы (но вскоре это, несомненно, должно было случиться). И этот мир включал регулярный еженедельный вызов в офис Пинкертона для интенсивной и напряженной беседы на некую, всегда неожиданную, а иногда взятую полностью от фонаря тему.

Я мог вдруг обнаружить, что мне приходится рассуждать о природе и структуре научного воображения и о способах его канализирования. Или Пинкертон мог поднять вопрос мысленной телепатии и возможности успешного влияния на процессы мышления или поведение другого человека на расстоянии. Однажды мы изучали варианты умственных ролевых игр, которые нужно пройти, чтобы понять чью-либо точку зрения и мотивы поведения, как говорится в старой поговорке «чтобы поймать вора, нужен другой вор» или в другой, тоже старой поговорке (которая была для меня новой) — «чтобы узнать турка, нужен другой турок».

Это было насыщенное и дразнящее общение, столь же занимательное, сколь непредсказуемое, однако оно никогда не казалось мне соответствующим той роли, которую я определил себе как организатору исследовательского центра для разработки психоделиков. Меня использовали как резонатор для странных полетов воображения Пинкертона? Или таким образом проверяли мои позиции по некоторым моральным или этическим вопросам, спрятанным между строк? Я думал, что, может быть, самым мудрым решением будет поддерживать те концепции, которыми со мной делился Пинкертон, если я не чувствовал несогласия с ними, а в последнем случае я предпочитал молчать.

Единственное, в чем я был полностью уверен, так это в том, что капитан Пинкертон был проницательным, умным человеком и что у меня не было ключика, чтобы понять происходящее.

Но можно было наблюдать и исследовать второй мир. Этот мир состоял из множества уже основанных Пинкертоном биологических исследовательских проектов в других областях. Сюда входили секретные разработки наподобие исследования мембранной проницаемости, изучения влияния гравитации на рост растений, взаимоотношения магнитных полей и гематоэнцефалического барьера, влияния эффектов радиации на плодовитость. Все эти проекты были по-настоящему интригующими и реализовывались в хорошо оборудованных лабораториях, где работали чрезвычайно компетентные ученые. Вместе с тем мне показалось, что я попал в дом для престарелых. Деятельность была налицо, но интерес чаще всего отсутствовал. Превосходное качество работы было очевидно, но когда я обедал с каким-нибудь местным ученым, то наш разговор затрагивал лишь пустячные темы вроде его предстоящего ухода на пенсию. Не было никакого волнения; только ощущение усталости. Замечательно, думал я: и вот все это будет под прикрытием проекта по психоделикам?

Мне говорили, что стеклянная посуда и лабораторное оборудование запаздывают, и до сих пор было не определено место для моей новой лаборатории, но скоро все будет улажено. Сохраняйте терпение, твердили мне. Я проводил несколько экспериментов на оборудовании, доступном в других лабораториях, и без дела не сидел.

По прошествии нескольких месяцев работы в Аэрокосмической лаборатории я был приглашен в гости к Пинкертону. Он жил в доме, который находился в богатом пригороде Санта-Мария. Меня пригласили на обед с хозяином дома, его супругой и, как мне дали понять, его «желанным» сыном, мальчиком старшего подросткового возраста. Но так получилось, что именно в этот вечер другой сын Пинкертона, наркоманивший хиппи двадцати одного года, в некотором смысле изгой, лишенный прав, вбил себе в голову, что ему нужно заглянуть домой. (Много лет спустя он рассказал мне, что его приход был вовсе не случайным; он услышал обо мне и решил выяснить кое-что для себя.)

Случилось так, что в довершение ко всему он превосходно играл в пинг-понг, и мне сообщили, что обычно он переигрывал своего отца (были намеки, что отец находил это невыносимым), но по счастливой случайности я обыграл этого парня на боковых подачах. В итоге между мной и Пинкертоном установилась некая асимметрия благодаря допущению, что, вероятно, я мог побить его в пинг-понг (в любом случае, это никогда не было проверено на практике). Я уверен, что все это было никак не связано с теми отношениями, которые вскоре между нами установились, однако память о том вечере настаивает на обратном.

На следующей неделе меня вызвали в офис административного помощника Пинкертона. Он был мил и дружелюбен со мной. С ним у меня было несколько энергичных бесед. Он сообщил мне, что от него требовалось проводить инструктаж каждого консультанта всех исследовательских проектов капитана для определения уровня секретного допуска. Уровню допуска присваивался соответствующий цвет или буква, не припомню какие. Очевидно (так мне было сказано), все люди, работавшие в настоящее время в Аэрокосмической лаборатории, уже получили его, кроме меня.

Этот допуск открыл бы мне доступ к любым уже проведенным исследованиям, соприкасавшимся с моим. Однако было ясно, что получение доступа к этим неизвестным сокровищам возможно лишь в обмен на мое согласие позволить таким же образом классифицировать и контролировать мои собственные мысли и творческие процессы. Я также знал, что секретный допуск означает, что всю оставшуюся жизнь тебе придется хранить полное молчание относительно всего, что я увидел, услышал и испытал за время работы на правительственное агентство, выдавшее тебе секретный допуск. У меня не было выбора. Я

отклонил эту возможность.

Через несколько дней мне деликатно сообщили, что я больше не вхожу в состав исследовательской группы.

В последующие месяцы я поддерживал связь с некоторыми учеными, которых мне довелось узнать в Аэрокосмической лаборатории, и, в конце концов, я узнал, что фонды, выделенные НАСА для исследований психоделиков, скорее всего, были выделены Министерством обороны, хотя, разумеется, ни у кого не было абсолютных доказательств. Вспоминая прошлое, я вижу, какую ценность проводимые в Аэрокосмической лаборатории исследования могли представлять с военной и химической точек зрения.

Я также начал понимать, почему обещанная мне лаборатория, стеклянная посуда и оборудование — не говоря уже об астронавтах — так и не материализовались. Независимо от того, что этот Пинкертон думал о моем вкладе в его программу — или дополнении к его собственному профессиональному блеску — это было тщательно скрыто от меня и опутано веревками под названием «Секретно» и «Конфиденциально».

Я ушел из лаборатории с вопросами, на которые еще предстоит дать ответ, правда, скорее всего, они так и останутся без него. Действительно ли мой капитан Пинкертон вербовал научные умы для осуществления того, что он считал патриотическими задачами? Действительно ли он был этаким современным Макиавелли с личными интересами, которыми он не хотел делиться ни с кем? Возможно, он просто был эгоистичным коллекционером, собиравшим интересных и колоритных людей, подобно любителю искусства, у которого в личной галерее висит пять подлинных картин Ван Гога, и больше ни одна живая душа не может их увидеть.

В любом случае, я оказался за дверями Аэрокосмической лаборатории в Сан-Карлосе, а также за пределами академического мира. По счастливой случайности, я продолжил строить и использовать свою частную лабораторию, пока работал в Саннивейле, так что жребий был брошен: теперь я официально был научным консультантом и оказался перед необходимостью прилагать все усилия, чтобы выжить в этом качестве.

Глава 8. МЭМ

Чем именно является четвертная нота «до»? Музыкант мог бы определить ее как маленький зачерненный круг с вертикальной чертой, торчащей из него, расположенный на одну линию ниже нотного стана. Но тогда ему необходимо определить такие слова, как знак ноты и нотный стан. Физик мог бы попробовать использовать образ синусоидальной волны на осциллографе с периодом около четырех миллисекунд, проходящей в течение короткого промежутка времени. Но что такое «синусоидальная» и что такое — миллисекунда? От невропатолога можно услышать совершенно другое: у него речь будет идти о волосках на улитке и нейронах в слуховой области коры головного мозга. Еще один взгляд, отличный от других, высказанный на таинственно звучащем жаргоне. Все правы, и все же каждый может остаться непонятым без пространного дальнейшего разъяснения.

Я сталкиваюсь с такой же сложной проблемой, когда у меня спрашивают, что такое мескалин. Человек, который принимал его, мог бы, пожалуй, перечислить эффекты, которые оказывает на него этот наркотик, дистрибьютор, что занят расфасовкой, мог бы описать его вкус и цвет, а химик, синтезировавший мескалин, мог бы рассказать об этом веществе в терминах молекулярной структуры. Возможно, это мое предубеждение, но у меня всегда проявляется склонность к описанию молекулярной структуры, поскольку я справедливо полагаю, что это одно из немногих последовательных и бесспорных определений. Но, Боже мой, какой тут требуется всплеск веры, чтобы согласиться с предложенной картиной!

Молекула — самая малая часть чего бы то ни было, тем не менее она не перестает быть этим чем-нибудь. Есть кое-что и меньше — группа объединенных атомов с полной потерей первоначальной идентичности. Вы не видите молекулы. У нее имеется структура межатомных связей, которая выведена благодаря продолжительным логическим рассуждениям и столетнему опыту экспериментирования. Но молекула остается единственным действующим термином для создания новых препаратов. Я не хочу затевать здесь лекцию по химии, но в то же время действительно желаю разобраться с волшебством «четвертой позиции».

Химия — невыносимо прерывистое искусство. Материя может изменяться лишь посредством целых атомных скачков. Нет никаких гладких, непрерывных трансформаций. Химическое соединение (наркотик, реактив, раствор, газ, запах) состоит из невообразимо большого количества идентичных молекул. Если бы вы посмотрели всего лишь на одну из них через микроскоп какого-нибудь алхимика, то, наверное, вы увидели бы тридцать пять атомов, сцепленных вместе каким-то определенным образом. Некоторые из них были бы атомами углерода, другие — атомами водорода. Если бы вы рассматривали молекулу ТМА, вы нашли бы там еще один атом азота и три атома кислорода. Идентичность соединения зависит от того, сколько атомов находится в невидимой минимальной части вещества и как именно они соединены друг с другом.

Число атомов должно изменяться целыми числами; данное условие — это как раз то, что означает отсутствие любой непрерывной трансформации. Нельзя увеличить молекулу при помощи небольшого кусочка атома. Вы можете добавить целый атом кислорода, но бессмысленно прибавлять к молекуле 17 % от атома кислорода. Гомолог данного соединения — это новое вещество, которое стало больше (или меньше) посредством добавления (или отнятия) трех атомов — одного атома углерода и двух атомов водорода. Ничего промежуточного между веществом и его непосредственным гомологом создать невозможно.

Или, если мы оставляем число и тип атомов неизменным, новое соединение можно получить простым изменением порядка соединения атомов. Переместим атом или группу

атомов с одного места на другое. Изомер данного соединения станет новым веществом, имеющим идентичный вес (на молекулярном уровне), однако атомная структура у него будет преобразована.

Самые ранние мои манипуляции с молекулярной структурой были связаны с созданием изомеров: я больше менял местоположение атомов, чем добавлял или убирал отдельные атомы. Кольцо ТМА (оно называется бензоловым) имеет пять различных позиций, в которых размещены атомы. Отсчет начинается с первой позиции, здесь присоединяется главная часть молекулы. Таким образом, вторая позиция идентична шестой (обе на месте стрелок, когда они показывают два или десять часов); третья позиция идентична пятой (часы показывают четыре или восемь часов) и четвертая позиция (шесть часов) равноудалена от остальной части молекулы. Это и есть искомая четвертая позиция.

ТМА (как и мескалин) имеет группы атомов (они называются метокси-группами) в 3-, 4- и 5-й позициях. Я синтезировал изомеры с этими тремя группами во всех других возможных комбинациях. Я получил два образца, которые действительно повысили активность конечного амфетамина. В одном из них группы были во 2-, 4- и 5-й позиции (ТМА-2), а в другом — во 2-, 4- и 6-й позициях (ТМА-6). ТМА-2 стал новой и самой приятной находкой, он оказался примерно в десять раз более мощным, чем сам ТМА. Остановившись на какое-то время именно на таком порядке групп, почему бы не попробовать использовать метод получения гомологов и не добавить трехатомный фрагмент к каждой из этих метокси-групп? В итоге получаем этоксильные гомологи ТМА-2, с этиловой группой либо на 2-, 4-, либо на 5-й позициях. Если обозначить метокси буквой «М», а этокси — буквой «Э», то соединение с группами атомов вокруг кольца в новых позициях (2-, 4-, 5-позиции) называлось бы ЭММ, МЭМ и ММЭ. Буква в центре, разумеется, обозначает группу в 4-й позиции.

С дисциплинированностью тевтонца я изготовил все три возможных этокси-гомолога ТМА-2. Произошло это примерно тогда, когда я решил уйти из Dole и поступить в медицинскую школу. Беспокойная администрация компании вдруг перестала заглядывать мне через плечо, проверяя мои вещества и возможность их патентования. Однако в то же время я лишился основы, от которой я мог бы оттолкнуться и начать документировать фармакологию и особенно психофармакологию соединений.

Так как значительную часть работы по синтезу, по крайней мере, М- и Э-изомеров я проделал еще в Dole, я предположил, что все эти вещества и способы их получения являлись собственностью компании. Вместе с тем я заключил, что руководство компании почувствовало такое облегчение, избавившись от меня (особенно с учетом того факта, что наше расставание прошло в дружеской манере и по моей собственной просьбе), что, пожалуй, они не будут возражать, если я присвою себе синтез М- и Э-изомеров и право на них. Это был мой первый сольный выход, и отныне я решил, что буду не только публиковаться, указывая свой домашний адрес, но и проводить дома химические исследования.

Результаты первых испытаний моноэтокси-соединений, ЭММ, МЭМ и ММЭ, показали, что эти препараты не воздействуют на психику. ЭММ оказался неактивным при дозировке в двадцать миллиграммов, и я поднял ее до пятидесяти миллиграммов, но какого-нибудь эффекта так и не добился. ММЭ тоже был неактивен на уровне двадцати миллиграммов, но при сорока миллиграммах препарат дал мне плюс полтора.

Сокровищем оказался МЭМ с этокси-группой в 4-й позиции. Возможно, этот термин, «4-я позиция», который в этой химической истории появляется все снова и снова, теперь стал не таким мистическим. Повторю, что это место на кольце, противоположное остальной части активной группы атомов в молекуле, о которой идет речь. Здесь кроется подлинное волшебство, и именно в случае с МЭМ оно впервые заявило о себе. МЭМ оказался активен при дозе в десять

миллиграммов. Активность была незначительной, но несомненной.

Прошло полчаса после приема десяти миллиграммов, и я почувствовал головокружение. Мне пришлось встать и подвигаться, чтобы избавиться от напряжения в ногах. Не было никакой тошноты. Минут через пятнадцать у меня наступила явная интоксикация (в этанольном смысле), но не было абсолютно никакого страха. Зрачки немного расширились. После того, как прошло два часа с момента приема, я почувствовал, по крайней мере, при этой дозе, что в психическом смысле почти полностью восстановился, но, похоже, не мог стряхнуть небольшое остаточное физическое беспокойство. Я понял, что столкнулся с активным материалом и должен продолжать действовать с осторожностью.

Первое, что я сделал, — это предоставил хороший запас этого наркотика своему другу, психиатру Парису Матео, с которым я работал еще над ТМА. Он давно занимался плодотворными исследованиями использования психоактивных наркотиков в различных видах терапии. Парис испытал МЭМ на семи пациентах-добровольцах. Он сообщил, что наркотик эффективен в пределах от десяти до сорока миллиграммов. Парис пришел к заключению, что количественно МЭМ был, конечно, более мощным по сравнению с ТМА-2 и что он производил более безопасное воздействие на его пациентов, чем ТМА-2.

Еще один мой друг, физиолог Тэрри Мэджор (он тоже был знаком с ТМА), испытал МЭМ при дозировке в двадцать миллиграммов и сообщил, что пик воздействия приходится примерно на третий час, а заканчивается воздействие где-то на восьмом часу после приема. Качественные эффекты, сказал Тэрри, имели психоделическую природу (цветная, визуальная интенсивность, волнообразное движение в поле зрения, эмоциональная эйфория). Кроме того, он зафиксировал слабые, но заметные экстра-пирамидальные судороги.

Очевидно, это было самое активное из созданных мною моноэтокси-соединений. Я подготовил небольшое сообщение, в котором описал все восемь возможных перестановок М- и Э-групп, и послал его в Journal of Medicinal Chemistrg. Мой материал был принят.

Я тщательно исследовал МЭМ при дозировке от двадцати до тридцати миллиграммов и нашел его одним из самых впечатляющих психоделиков. В 1977 году я дошел до шестидесяти миллиграммов и обнаружил, что МЭМ не вызывал, по крайней мере, у меня глубокого самоанализа, на что я надеялся. К тому же я начал осознавать, что становлюсь несколько нечувствительным к этому препарату, поэтому я стал рекомендовать другим исследователям держаться в рамках двадцати-тридцати миллиграммов.

С конца 1977 года до середины 1980-х годов я провел одиннадцать экспериментов с МЭМ с девятью участниками моей исследовательской группы человек (обычно по трое-четверо). Эксперименты проводились при дозах от двадцати пяти до пятидесяти миллиграммов. Мы обнаружили, что данный препарат всегда вызывает некоторый телесный дискомфорт и чрезвычайную анорексию (потерю аппетита). В отчетах часто встречается упоминание о цветовой насыщенности и фантазиях при закрытых глазах. Материал настаивает на своей сложности, однако, похоже, оставляет ответственность за вами. Чаще всего воздействие прекращается на шестом-десятом часу после начала эксперимента, однако во сне (даже несколько часов спустя) можно увидеть тревожные сновидения. Это действовало не слишком успокаивающе на некоторых участников экспериментов.

Я перестал заниматься МЭМ в 1980 году, решив посвящать свое время более интригующим соединениям. Однако перед этим были проведены два важных эксперимента с этим наркотиком. Первый эксперимент был связан с еще одним моим другом-психиатром. Он был настолько впечатлен, наблюдая, как МЭМ облегчает общение, что решил в очень ограниченном количестве внедрить его в свою практику и давать его пациентам, которым, на его взгляд, это могло пойти на пользу.

Второй эксперимент я никогда не забуду. Этот день я провел с женщиной по имени Мириам Оу. Ей было под пятьдесят, и у нее имелся небольшой и не впечатляющий опыт приема психоделиков, но ее интерес к работе с психоактивными наркотиками резко возрос после эксперимента с МДМА. Она хотела попробовать что-нибудь новенькое, и я предложил ей МЭМ. Я встретился с ней в округе Марин одним ясным и не очень холодным декабрьским утром. Я принял пятьдесят миллиграммов наркотика, она — двадцать пять. Я уже спрашивал, есть ли у нее какой-нибудь особенный вопрос, который она хотела бы задать, и она ответила мне, что нет, ей просто хотелось отправиться в приключение в измененном состоянии сознания. Результаты эксперимента напомнили старый, но добрый принцип, касающийся употребления психоделиков: случайных экспериментов здесь не бывает.

После первого часа мы почувствовали приличное воздействие, около плюс полтора. Мы очутились в Зеленом ущелье Дзен-центра как раз вовремя и успели посетить получасовую медитацию и купить хлеба домашней выпечки. Отсюда мы отправились на Мьюир-Бич и «докатились» до плюс трех.

Настало время театра. Сэм Голдвин руководил шоу, поправляя позы и жесты Мириам, ее входы и выходы, в то время как я играл роль хохочущей аудитории. Устав от постановки фильмов, мы стали подниматься на вершину холма, откуда открывался вид на Тихий океан и на прибой внизу. После недолгого восхождения мы вернулись к океану и натолкнулись на забор из колючей проволоки. Я предложил перебраться через забор и найти местечко, где мы могли бы посидеть, посмотреть по сторонам и поговорить.

— Я не могу, — услышал я в ответ, — кажется, у меня ноги не

работают.

Мириам шла, пошатываясь, и едва она достигла ограждения, стало ясно, что ей действительно было трудно идти, потому что ее нога застряла между двумя рядами проволоки.

— Я потеряла контроль над своей нижней половиной!»

Я помог ей перебраться через забор, несмотря на ее очевидную неспособность заставить тело нормально работать, и мы добрались до места, где росла трава и был песок.

— У меня ноги парализовало, — сказала Мириам. — Я отравлена и хочу выйти из этого состояния.

Что-то происходило, и я не знал, на что она нацелилась, но этот «паралич» и «отравление», очевидно, были частью того, что выходило на поверхность.

Ну, — довольно бесчувственным тоном предложил я, — если ты действительно хочешь избавиться от яда, то сконцентрируй его в одном месте, и если он окажется достаточно высоко, то ты сможешь его выблевать, а если низко, то удали его с дерьмом.

Я не валяю дурака, — возразила Мириам, — я действительно отравлена и хочу выйти из этого состояния.

— Тогда выбирайся оттуда. Ты сама несешь ответственность. В течение минуты от нее не поступало никаких комментариев. Потом она сказала это.

Ты можешь вызвать у себя рак?

Вообще-то это можно. Почти каждый, у кого обнаружен рак, заработал его по какой-то причине, которая кажется вполне адекватной. Где у тебя рак?

В желудке.

Сидя с вытянутыми вперед «парализованными» ногами, она мягко коснулась собственного живота, чтобы показать мне, где засел враг. Потом она рассказала мне одну из самых закрученных историй из всех, которые мне приходилось слышать. Все сводилось к факту, что в течение какого-то времени у нее был рак желудка и она всегда носила в своей сумочке около тридцати таблеток «дилодида», чтобы при невыносимой боли она могла положить конец всему.

Я задал единственный вопрос, который пришел мне в голову.

— Почему ты нуждаешься в раке?

Мой вопрос сломал дамбу. Она разрыдалась и выпалила свою тайну. Много лет назад ее мать страдала от рака желудка. В конец концов, боли стали так сильны, что Мириам и ее отчим задушили женщину подушкой, избавив ее от агонии. В ту пору Мириам была подростком, и она помогла убить свою мать. Она призналась мне, что у нее случилась полная амнезия. Она не помнила об этом событии до тех пор, пока ей не исполнилось двадцать с небольшим.

Я плакал вместе с нею.

Потом мы стали спускаться вниз и снова прошли по тем местам, где несколько часов назад отмечали стадии развития наркотического воздействия, пока не дошли до места начала эксперимента.

Разумеется, у Мириам не было рака желудка. У нее также не было никакого остаточного паралича ног. Просто она пришла к пониманию того, как подавляемое горе и чувство вины проявлялись в ее теле. Это сигнализировало ей о том, что в ее психике есть что-то темное, что требовало выйти наружу и открыться сознанию до того, как она на самом деле наделила себя раком, от которого страдала ее мать.

Когда несколько дней спустя мы снова разговаривали с Мириам, она сказала мне — почти небрежно — что выбросила «дилодид». Я мог лишь сердечно поблагодарить ее.

Я испытал неподдельное уважение по отношению к МЭМ.

Глава 9. ДОМ

ДОМ[20] появился на улицах в 1960-х годах под названием СТП и на какое-то время стал моей власяницей или, как позже Альберт Хофманн скажет о своем открытии, то есть об ЛСД, моим проблемным ребенком.

В начале 1960-х, когда я убедился в том, что эффективность ТМА-2 была усилена структурными изменениями, в результате которых появился МЭМ (но не ЭММ или ММЭ), казалось логичным спросить: не была ли тому причиной природа группы атомов в волшебной 4-й позиции? Этот наркотик с замещением атомов в 4-й позиции мог поддерживать свою активность особенно благодаря хрупкой природе этих групп, что позволяло телу (или внутри тела) с легкостью удалить их и сформировать некий метаболический продукт, который оказался гораздо более мощным. Человеческое тело обладает превосходными возможностями для трансформации молекул и обычно изменяет их, чтобы снизить угрозу. Но в этом случае изменений можно достичь лишь посредством некоторого повышения мощности.

Или, возможно, от группы в 4-й позиции избавиться не так-то легко. Тогда любой докажет, что стабильная молекула обосновалась на участке рецептора и просто осталась там. При этом мощность нового соединения идентична старому, потому что его нельзя удалить в ходе обмена веществ в течение какого-то времени. Легче всего ответить на последний вопрос так: нужно сконструировать молекулу с такой группой в 4-й позиции, которую нелегко заместить или изменить.

Я сказал себе, давай заменим 4-метокси-группу (в ТМА-2) (или 4-этокси-группу в МЭМ) метильной группой и назовем это соединение ДОМ (это ТМА-2 без атома кислорода, но с метильной группой — дезоксиметилом). Метильную группу (в 4-й позиции) нельзя так просто удалить в ходе обычных метаболических процессов. Таким образом, если это соединение (ДОМ) имеет пониженную активность, то метаболическое удаление некоторой группы с 4-й позиции окажется разумным объяснением биологической активности. А если полученное соединение (ДОМ) сохранит активность, это доказало бы, что ТМА-2 и МЭМ структурно активны и что нечто на 4-й позиции инструментально определяет воздействие соединения на центральную нервную систему.

Проще говоря, 4-метокси-группа хрупка, а 4-метильная группа крепко держится на своем месте. Если активное 4-метокси-со-единение (ТМА-2) потеряет активность с 4-метильной группой (если ДОМ имеет пониженную активность), то хрупкость (метаболическое изменение) необходима для активности, и структурно активная форма должна быть найдена где-то в процессе метаболизма. Если, с другой стороны, активность сохранится и в случае с 4-метильной группой (активность ДОМ высока), тогда основные агенты (ТМА-2 или ДОМ) являются определяющими факторами, а метаболизм способствует лишь дезактивации этих наркотиков.

Самый первый шаг к получению этого достойного конечного продукта, то есть ДОМ, был фактически сделан моим сыном Тео, который однажды оказался со мной поздним вечером в Dole, если быть точным — 22 июня 1963 года. То, что я привел его в лабораторию, было, пожалуй, нарушением всех правил, но в то время ему очень хотелось стать химиком, так что около девяти часов вечера с моего благословения он добавил сто граммов 2,5-диметокси-толуола в смесь из двухсот двадцати пяти граммов М-метил-фор-манилида и двухсот пятидесяти пяти граммов оксихлорида фосфора, таким образом, начав синтез предшественника того, что должно было, в конечном счете, стать ДОМ. Работа закончилась ранним утром, когда мы получили где-то 54.9 граммов альдегида ароматического ряда. У нас появился предшественник.

(Интерес Тео к химии в значительной степени ослаб, и он нашел свое призвание в морской

биологии и превосходной поэзии; кроме того, у него появился сад, полный ухоженных с любовью хризантем и георгинов; сад дарил ему многие часы мирного контакта с землей и его собственным внутренним миром.)

Седьмого июля я закончил синтез нитростирола и 30 ноября, наконец, вернулся к этому проекту, чтобы закончить превращение в конечный амин. На следующий день в три часа двадцать две минуты я принял двести микрограммов белого порошка и, поскольку никаких эффектов я не наблюдал, я оставил проект на произвол судьбы на все новогодние каникулы. Четвертого января наступившего нового года я довольно героически увеличил дозировку до миллиграмма и, к своему полнейшему удивлению, обнаружил на этом уровне активность. Я впервые видел, чтобы фенэтиламин проявлял активность при такой малой дозе.

Хотя к исходу первого часа я еще не отреагировал на прием наркотика, на третьем часу я отметил сухость во рту. Мои зрачки сильно расширились. Потом мне пришлось испытать какие-то жуткие эмоции. Они захватили меня еще на пару часов, но когда я поел, кажется, все прояснилось. На седьмом часу я восстановился и вернулся в нормальное состояние. Я решил подвергнуть сомнению результаты эксперимента.

Я отметил некоторую остаточную мышечную боль, которую я охотно приписал пройденным накануне шести милям. Еще работая в Dole, я стал чередовать езду на машине и ходьбу пешком до работы. Случалось так, что я встречался с другими сотрудниками. Они даже не подозревали, что в этот момент я мог испытывать очередную дозу нового соединения. Мы могли подобрать Эла в дренажной канаве или Боба на краю Бейнбриджского ранчо, и всей компанией шли пешком вдоль канала, пока не добирались до задворок автомобильной стоянки Dole. Мы могли спокойно срезать путь через территорию ускорителя частиц и отправиться пить кофе: мои приятели были с мокрыми ногами и мышцы у них начинали ныть, а я — с мокрыми ногами, ноющими мышцами и с измененным сознанием где-то на уровне плюс один или плюс два.

Через пять дней я попытался слегка увеличить дозировку ДОМ и записал, что, вероятно, впервые испытал плюс два на материале, который был так не похож на мескалин. Спустя час с четвертью после начала эксперимента, разговаривая со своим другом у него в кабинете, я почувствовал прилив теплоты и покалывание в своих гениталиях. Иногда эти признаки были предвестниками тошноты. Я ощущал сухость во рту. Меня не затошнило. Спустя два часа мне стали «тереть» зубы — я это так называю. Это значит, что я внезапно осознал их присутствие во рту и почувствовал, что они чистые до скрипа. Кроме того, я ощущал некоторое давление в ушах.

Два обстоятельства заслуживают здесь комментария. Первое состоит в том, что, испытывая любой новый наркотик при низких дозах, когда чувствуется какое-то воздействие, природу которого еще нельзя определить, испытатель приписывает все неизвестные осложнения своей собственной реакции, часто фиксируя какой-нибудь синдром, который больше никогда не повторится. Вторым обстоятельством явилось то, что в то время я был еще по большей части наивен в области наркотического воздействия и к тому же немного испугался. Поэтому я уверен в том, что зачастую я психически провоцировал признаки и симптомы, которых на самом деле не было.

Между третьим и четвертым часом эксперимента я бродил по небольшой оранжерее около парковки, где я посадил Salvia divinorum.[21] Я расслабился от удовольствия при виде взрослеющих растений. Я знал, что при более высоких дозировках растения будут ползать и вытягиваться, но сейчас они просто росли у меня на глазах. Между седьмым и десятым часом я вернулся в стабильное обычное состояние и, прежде чем отправиться домой, закончил свои записи.

На протяжении 1964 года ДОМ оценивали несколько моих помощников при дозировке от

двух до четырех миллиграммов. Я по-прежнему исследовал пороговые уровни дозировки, не испытывая желания идти глубже. До сих пор я восхищаюсь храбрецами, работавшими со мной в процессе изучения природы этого препарата. Мой друг Терри принял 2,3 миллиграмма и сообщил, что у него невероятно повысилось настроение без каких-либо признаков тошноты. На третьем часу эксперимента он обнаружил явное усиление обоняния и эмоциональных переживаний. У него повысилась способность сопереживать. На восьмом часу наблюдался безошибочный спад воздействия. Для того чтобы уснуть на десятом часу эксперимента, Терри пришлось принять три четверти гранулы «секонала». Позже он провел эксперимент с 3,8 миллиграмма ДОМ и сообщил, что максимальный эффект наблюдался на пятом часу и не спадал до восьмого часа. К двенадцатому часу эксперимента произошло постепенное снижение воздействия. Это была первая четкая картина долговременного воздействия данного наркотика.

О первом в полном смысле «психоделическом» эксперименте с ДОМ мне рассказал другой мой товарищ по имени Марк. Он принял 4,1 миллиграмма. В его случае воздействие стало заметным через полчаса, а между полутора и тремя часами он испытывал впечатляющий визуальный и интерпретивный эффект, характерный для мескалина. Еще до пятого часа его заметки переполнены превосходными степенями. Он видел цвета и материалы так, как не видел никогда раньше, поскольку у него не было опыта изменения восприятия цвета под воздействием мескалина.

Много лет спустя, уже в 1967 году, какой-то неизвестный предприимчивый химик выпустил ДОМ на улицу. Здесь этот наркотик распространялся под названием СТП и, к сожалению, его продавали дозами до двадцати миллиграммов. Если вы знаете, что активное воздействие, то есть уровень плюс три, начинается при дозе в пять миллиграммов, то вы не удивитесь тому, что приемные покои множества больниц переполнились молодыми людьми в состоянии замешательства и паники. Они принимали новый наркотик и, ничего не ощутив в течение первого часа, некоторые из них приходили к выводу, что доза была слишком мала, и принимали еще одну таблетку. Хиппи и обитатели улиц привыкли к наркотикам, подобным ЛСД, которые начинают действовать относительно быстро и полностью раскрываются в течение часа. Человек, ответственный за этот разгром, должно быть, понял свою ошибку, потому что за сравнительно короткий промежуток времени он выпустил новые таблетки дозировкой всего лишь десять миллиграммов. Но и это была все еще ударная доза.

Пока я учился в медицинской школе, до меня доходили слухи и сообщения о каком-то препарате под названием СТП, и вместе с остальными я ломал голову над тем, что бы это могло быть. Сначала казалось, что это был некий скополаминоподобный наркотик, но потом его природа стала более очевидной. В свое время я узнал, что на самом деле это был ДОМ. Возможно, информация о нем была услышана на семинаре, который я провел в Балтиморе за несколько месяцев до того, как наркотик появился на улицах. Может быть, кто-то прочел и скопировал патент. Не исключено, что какой-либо другой человек рассуждал точно так же, как я. Однако результаты вызова, брошенного мною значению 4-й позиции, стали теперь общественной собственностью, и не осталось никаких вопросов касательно механической логики. Благодаря устойчивой группе в 4-й позиции было получено соединение не просто той же самой мощности, но увеличенной во много раз силы. Ясно, что 4-я позиция должна оставаться незатронутой метаболизмом (на некоторое время), если от соединения требуется активное воздействие.

Просматривая недавно свою картотеку, я наткнулся на рукописное послание, присланное мне вскоре после первых испытаний этого препарата. Письмо было коротким и выразительным. Я понятия не имею, от кого оно пришло, так что не могу ответить этому человеку. Содержание этой записки предполагает, что у эксперимента было несколько лиц:

«Если на этой странице я смогу выразить вам это, тогда несомненно, что ДОМ несет славу и гибель, запечатанные в нем самом. Единственное, что необходимо, чтобы распечатать его содержимое, так это дать ему тепло живого человека на несколько часов. А человек сам за это время прояснит для себя все темные вопросы».

Глава 10. Питер Милль

Через несколько лет после того, как я покинул Dole и предпринял первые, довольно робкие шаги, чтобы сделаться научным консультантом, я закончил трудиться над созданием собственной небольшой лаборатории. Я построил ее на развалинах самого первого дома своих родителей, который стоял на отлогом холме; дом сгорел дотла одним засушливым, жарким августом. На месте родительского жилища осталось лишь несколько обугливших сосен и большой каменный подвал с камином Я сделал над подвалом крышу 2 х 4 и покрыл ее алюминиевыми листами. Потом установил в подвале крепкий стол, на котором обычно проводил свои химические опыты, после чего подвел к лаборатории воду через пластмассовую трубу. Наконец, я соорудил стойку для перекрестных выводящих труб. Для этого в местной скобяной лавке я приобрел дешевую газовую трубу. В короткий срок лаборатория превратилась — и до сих пор остается таковой — в место для проведения исследований, где человек испытывает невероятное волнение. По мнению Элис, это место напоминает лаборатории из тех фильмов, что показывают ночью по телевизору. Там сумасшедший ученый со всклокоченными волосами и горящим взором пытается вырвать у богов секреты, которые не позволено знать смертным, и т. д. и т. п. Элис говорит, что единственное отличие между моей и киношными лабораториями заключается в отсутствии большого количества засохших листьев на полу последних. А в моей лаборатории без них, конечно, не обходится.

Вскоре после обустройства лаборатории мне позвонил коллега из Швеции. Он сообщил, что занимается подготовкой международного симпозиума по марихуане, который должен состояться в Стокгольме. Он сказал, что был бы очень рад, если бы я приехал и выступил с докладом по теме моих исследований. Скромность не была моей сильной стороной, поэтому я тонко намекнул, что мне действительно удалось соединить мир марихуаны с миром фенэтиламинов (это стало результатом тринидадской авантюры на борту «Чузан»), Однако я ответил позвонившему коллеге, что у меня недостаточно денег, чтобы принять его предложение.

На тот момент мне было неизвестно, что шведское правительство только что национализировало фармацевтическую отрасль. В результате этого деспотичного мероприятия были проведены определенные действия по рационализации работы отрасли. Одно из них заключалось в том, что отныне прибыли от фармацевтики можно было направлять на финансирование научных исследований и образование, финансирование «научных исследований» включало оказание спонсорской помощи в организации международных конференций по проектам, связанным с изучением наркотиков. А «связанные с изучением наркотиков» проекты подразумевали и изучение марихуаны.

Через пару деньков мне снова позвонили и сказали, что билеты туда и обратно мне уже выслали, номер в гостинице заказали на все пять дней конференции и что с нетерпением ждут моего научного отчета о работе с азотистыми аналогами каннабинола. Я капитулировал.

Так что на протяжении следующих двадцати дней я метался по лаборатории, продумывая, изготовляя и пробуя новые соединения, которые можно было назвать азотными аналогами марихуаны. Я не захотел снова создавать внутрикольцевые структуры, которые являлись основными компонентами в A.R.L. и у «ужасного Фреди», поэтому разработал новый класс аналогов. В соединениях этого класса атом азота оказывался вне любого кольца. Потом из них получатся ТГК-подобные соединения, в которых фенэтиламиновая цепь будет подвешена вне ароматического кольца. Я соединил фураниловые и пираниловые аналоги и подробно все это описал, чтобы представить в докладе на конференции в Стокгольме. Ни одно из соединений не было активно, поэтому нужно было еще работать над их химическим составом. Честно говоря,

они не были еще доведены до конца.

Как в большинстве подобных рискованных начинаний, награда пришла ко мне с неожиданной стороны. После моего выступления ко мне подошел джентльмен средних лет. Он был при галстуке и в дорогой одежде. По-английски он говорил превосходно. Незнакомец сказал, что очень ценит работу такого рода, как моя, отчасти потому, что она проводится в частной лаборатории без дополнительного внешнего финансирования.

Я выразил собеседнику признательность и предложил при желании посетить мою лабораторию, случись ему оказаться в Соединенных Штатах. Мужчина принял мое предложение, но потом добавил, что у него есть собственная лаборатория. Он был бы польщен, если бы я согласился там побывать. В голове у меня предупредительно прозвенел сигнал тревоги; не очень-то хотелось, чтобы меня поймали в подвале какого-нибудь здания из бурого песчаника за пределами Стокгольма в ту самую минуту, когда я буду восхищаться пузырящейся колбой с ЛСД.

Ну, как-нибудь, со временем, может быть, в другой раз, когда уменьшится давление со стороны общества на всех нас, сказал я. Нет проблем, ответил хорошо одетый джентльмен, сейчас как раз самое подходящее время.

В итоге я обнаружил себя сидящим в его машине после того, как меня благополучно вытащили из конференц-зала. Мы поехали в Каролинский институт (Karolinska Institute), чтобы проведать моего друга и коллегу, который там работал. Мой новый знакомый знал этого человека, и у меня мелькнуло первое подозрение насчет того, настолько ли случайно это приглашение. Из института мы направились к центру города, а потом я увидел, что мы остановились перед двухэтажным зданием в центре Стокгольма. К нашей машине подбежал охранник, открыл нам дверь и впустил нас в здание. По площади оно было не меньше квартала. Скоро все разъяснилось. Мне организовали полуночную экскурсию по секретной шведской лаборатории вроде фэбээровских лабораторий в Штатах. Меня принимал сам Питер Милль, глава лаборатории по изучению наркотических веществ в Стокгольме. И то, что он назвал «своей собственной маленькой лабораторией», на самом деле было принадлежавшей государству крутой штукой!

Еще ни разу в жизни я не видывал такого обилия приборов и оборудования, такого множества реактивов, не сталкивался с таким профессиональным стремлением к достижению непревзойденного мастерства. Здесь были приборы, позволявшие провести идентификацию по смазанным отпечаткам или взять отпечатки пальцев с сосуда из пенопласта. Здесь можно было увидеть спектр пыли, сметенной с ковра, и хромотограмму дыма, которую делали при расследовании случаев поджога. Но больше всего меня захватил вид многочисленных ящиков с таблетками, пилюлями и капсулами, показанные мне хозяином лаборатории. Он сказал, что в Швеции существует около 70 000 различных веществ, которые легально используются в медицинских целях. Здесь, продолжил он, обводя взмахом руки всю коллекцию, есть образец каждого из этих веществ. Я был полностью покорен. Вернувшись потом в Штаты, я поклялся, что соберу подобную коллекцию, используя выписываемые врачами рецепты, лекарств, которые отпускаются без рецепта в местной аптеке и, конечно, сведения от поставщиков здоровой пищи и из супермаркетов, являющихся, в конечном итоге, главными распространителями наших популярных лекарств. Добыть образцы всего. Я обнаружил, что в Соединенных Штатах имеются даже не тысячи, а миллионы различных пилюль и капсул, которые можно достать без малейших проблем. Я собрал и систематизировал несколько тысяч из них, однако моя коллекция еще далека от завершения. И вообще теперь я понимаю, что моя идея слишком грандиозна, чтобы осуществить ее в полном объеме. Количество имеющихся у нас препаратов беспредельно. Нас действительно можно считать нацией лекарств.

Настоящим сокровищем лично для меня стало приглашение д-ра Милля посетить его дом, знакомство с его женой Селией и наш совместный обед. После скромной, но отменной трапезы я поднялся наверх, в апартаменты Селии, где стояло пианино и еще несколько других музыкальных инструментов. Питер спустил подвешенную к потолку полку, по форме напоминавшую каноэ, и зажег огромное количество свечей, стоявших там. Я взял скрипку; дочь Миллей перестала играть на ней, когда пошла в школу. В течение нескольких часов я вместе с Селией играл скрипичные сонаты Моцарта, а Питер сидел тихонько внизу, в гостиной, и слушал.

Годы спустя я все-таки имел удовольствие показать другу Питеру свою лабораторию, которая находится здесь, на Ферме. Естественно, она оказалась поскромнее его лаборатории, но я любил ее не меньше, чем Питер свою.

Глава 11. Эндрю

Как-то раз в конце 1950-х годов меня пригласили на музыкальный вечер в старом, уютном доме в Беркли-Хиллз. Я прихватил свой альт, поскольку мне обещали, что на вечере будет играть струнный квартет и музыканты будут читать ноты с листа. Единственный человек, который мне запомнился с того вечера, был статный и благопристойный джентльмен. У него были небольшие серые усики, а в речи проскальзывал почти исчезнувший английский акцент. Когда музыкальная часть вечера завершилась и все стали пить кофе, этот человек начал со мной беседу. Он поинтересовался, слышал ли я когда-нибудь о «Клубе Филинов» в Сан-Франциско.

Я ничего не знал о «Клубе Филинов», так что мой собеседник стал в ярких красках описывать эту поистине очаровательную группу людей, интересы которых были весьма обширны и охватывали сферы искусства, театра и музыки. Он также упомянул, что их симфоническому оркестру требовался альтист. Он спросил, не хотелось бы мне провести пару вечеров в их клубе, чтобы я мог оценить членов клуба, а они — меня (они собирались раз в неделю для недолгой репетиции, продолжительной беседы и обильного застолья, отдавая должное изысканной еде и вину). Это приглашение звучало как обещание приключения, так что я охотно согласился его принять.

Оказалось, что клуб объединяет мужчин самых разных политических пристрастий и профессий, людей состоятельных и принадлежащих к правому крылу в политике. Большую часть текущих расходов клуба оплачивали его постоянные члены. Однако услуги музыкантов, драматургов и композиторов, тех, кто отдавал клубу свое время и силы, обеспечивая работу симфонического оркестра, двух других оркестров и хора, в основном, оплачивались самим клубом. Это товарищество показалось мне исключительным. Немногое время, потраченное в клубе, компенсировалось с лихвой, и здесь я обзавелся несколькими близкими друзьями.

Во время моего первого посещения клуба я познакомился с д-ром Эндрю Уокером Скоттом. Он оказался интересным человеком, сотканным из противоречий. В клубе существовали свои ритуалы, связанные с вступлением новых членов в это объединение довольно консервативных джентльменов (я до сих пор регулярно делю с ними и пищу телесную, и пищу духовную в виде музыки Баха). Согласно этим ритуалам, новичок должен был прослушать вводную лекцию о весьма строгих правилах поведения для членов клуба, которым, как ожидалось, он должен был следовать. Эндрю и был назначен моим pater fem/fes.[22] Он был уже на пенсии и не занимался активной врачебной практикой. У Эндрю были манеры строгого и властного человека, необходимые для того, чтобы хорошенько запугать молодого, впечатлительного неофита.

В конце концов, мне представилась возможность увидеть и человеческую сторону Эндрю. Однажды, в летнем лагере «Филинов», расположенном в тихом лесном заповеднике примерно в двух часах езды от Залива и действующем в течение двух недель, Эндрю обратился ко мне (к тому моменту я состоял в клубе уже несколько лет и уже не был неофитом, хотя по-прежнему оставался относительно молодым членом клуба). Эндрю спросил у меня, как насчет того, чтобы сыграть в квартете произведения Бетховена.

— Конечно! — согласился я. Я знал, что Эндрю был преданным музыкантом-любителем (как в английском, так и в американском смысле этого слова) и в квартете играл вторую скрипку. Но в последние годы находилось все меньше и меньше желающих сыграть с ним в одном квартете, с которыми он мог бы разделить свой энтузиазм. Возможно, это объяснялось тем, что, мягко говоря, он не был самым лучшим скрипачом на свете. По его словам, причиной сваливавшихся ему на голову трудностей служил тот факт, что он играл по нотам (в случае непрофессиональных музыкантов это означает, что человек видит ноты впервые и играет так,

как их прочтет).

Я подхватил свой альт, и к нам с Эндрю присоединились двое остальных, чтобы составить камерный квартет.

Что сыграем? — спросил Эндрю.

Да что захочешь, Эндрю, — ответил я. — Может, один из средних квартетов?

Нет, — произнес Эндрю. — Я ведь не видел эти квартеты раньше, так что, возможно, будет лучше остановиться на каком-нибудь раннем; может, это будет полегче. Как насчет опуса 18, номер четыре? Просто эти ноты как раз со мной.

Звучит отлично, — сказал я. Наши смычки запилили по струнам. Мы сыграли где-то половину первой части, и затем, вовремя непродолжительной паузы, я взглянул на ноты Эндрю. Вся аппликатура для партии второй скрипки была тщательно там прописана, причем Эндрю сделал это собственноручно. Вот это чтение с листа! Я старался не пялиться в ноты Эндрю, но ловил себя на том, что улыбаюсь при мысли о маленькой хитрости этого благовоспитанного пожилого джентльмена, оберегавшей его чувство собственного достоинства.

Вместе с тем я имел удовольствие видеть и простодушие Эндрю.

В связи со смертью моей матери и годичным пребыванием с отцом, женой и сыном в Европе я устроил себе длительный отпуск в клубе, который растянулся на несколько лет. На самом деле мое отсутствие было равносильно уходу из клуба.

На протяжении этих лет я толком не знал, как буду продолжать свои исследования в области психоделиков. Находились достойные аргументы в пользу того, чтобы остаться на легальном положении, публикуя все подряд и сохраняя тесную связь с научной общественностью, со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. В то же время были причины и уйти в подполье из-за политической обстановки, страдая в изоляции от коллег, но зато не подвергаясь необходимости объяснять, оправдывать или защищать свои интересы.

Я еще не принял решение.

И примерно в это время ко мне обратились с просьбой дать показания члену палаты представителей Клоду Пепперу из комитета палаты представителей по преступлениям в Америке во время его поездки по стране. Этот комитет организовал серию общественных форумов в разных уголках Соединенных Штатов. Я сказал «с просьбой»? Скорее, я получил нечто вроде повестки в суд, предписывавшей мне явиться куда следует и ответить на вопросы. Мне представилась первая и, по всей видимости, последняя возможность увидеть вблизи, как работает государственная машина.

Еще до моего выступления я имел удовольствие встретиться с производящим расследование советником. Он уселся за стол в приемной судебной палаты для открытых слушаний (наша встреча происходила на одном из верхних этажей Федерального билдинга в Сан-Франциско). Когда я тоже присел, помощник принес советнику целый ворох бумаг. Мне подумалось, что у них есть что-то на меня. Юрист начал листать принесенные бумаги. Рядышком сидел стенографист, положив пальцы на клавиши своей волшебной машины. Я смотрел и выжидал.

Юрист поднял голову и посмотрел на меня.

Знаете ли вы, что у вас есть право привести сюда адвоката? — спросил он.

С чего бы это мне потребовался адвокат?

Он не затруднил себя ответом, да я и не ожидал ответа. Энергично помогая себе головой и руками, юрист продолжил продираться через гору бумаг, в то время как секретарь стучал по клавишам, записывая эти неоценимые комментарии для истории.

Из бумаг выудили фотографию и передали ее мне. На фотографии был запечатлен ставший известным Огастес Оусли Стенли во время недавнего ареста, когда его выводили в наручниках из его лаборатории по изучению ЛСД в Оринде.[23]

Вы узнаете этого человека?

Полагаю, это мистер Стенли, а фотография появилась несколько дней назад в San Francisco Chronicale в связи с его арестом.

Зачем вы пригласили известного уголовного преступника к себе домой?

Это кого?

Мистера Стенли, — последовал ответ.

Мистер Стенли никогда не бывал у меня дома, — сказал я спокойно и искренне.

Наши взгляды встретились. Единственный звук, который можно было услышать в приемной, — щелканье клавиш под пальцами секретаря. Затем из кипы документов была вытянута еще одна бумага. Ее мне не показали, и у меня не было возможности посмотреть, что это такое.

— Почему вы отказались от шести миллионов долларов на создание лаборатории на Ямайке?

Так, так, так, подумал я. Заданный вопрос всколыхнул интересные воспоминания. Несколько лет назад, когда я еще работал в Dole, ко мне пришли двое весьма молодых предпринимателей. Один из них был низенький и темный, другой — высокого роста и с рыжей бородой. Они сказали, что заинтересованы в организации «легальной» лаборатории по производству известных и неизвестных психоделиков и предложили мне заняться этой организационной рабртой. Лаборатория должна была быть создана на острове Ямайка. Мне обещали три миллиона долларов сейчас и столько же после завершения всей работы.

На мой вопрос о том, кто же собирался оплачивать это рискованное предприятие, мои посетители ответили, что некая группа бизнесменов. Они не назвали имен, а я и не просил их об этом, потому что имена мне бы ничего не сказали. Я не располагал особой информацией о мире бизнеса. Зато я был наделен инстинктами, и они говорили мне, что либо с этими молодыми людьми, либо с их предложением было что-то нечисто.

Хотя Барбаросса[24] пытался убедить меня в том, что такой случай выпадает раз в жизни, я очень вежливо отказался принять предложение об организации лаборатории на Ямайке. Я сказал, что у меня прекрасная работа, что я сотрудничаю с очень хорошей химической компанией и что в данный момент я не хочу переезжать в другую страну.

До сих пор, пока я не посмотрел в суровое лицо сидящего напротив юриста, у меня не было ключика, который помог бы мне разгадать подлинный смысл этого предложения. Интересно, размышлял я, какая правительственная структура решила поймать меня на такую «приманку» и чего они хотели, в конце концов.

Мой ответ юристу был прост: «А что бы я стал делать с шестью миллионами долларов?»

Тон предстоящему процессу дачи показаний был задан.

На слушаниях не было недостатка в публике, но я подозреваю, что аудитории не хватало беспристрастности. Сан-Франциско, как-никак. Прямо против меня были направлены показания известного Арта Линклеттера. В то время он считался экспертом по использованию ЛСД; таковым он считался в результате трагической смерти своей дочери. Несмотря на то, что гибель девушки произошла довольно долгое время спустя после приема наркотика, ее отец и пресса считали, что смерть была вызвана экспериментом с ЛСД.

Я нервничал и не обратил особого внимания на показания Линклеттера, за исключением того момента, когда речь зашла о хиппи и длинных волосах.

Мистер Линклеттер спросил конгрессменов, знают ли они, почему все хиппи носят длинные волосы, крепко стянутые резинкой.

— Нет, — ответил вдруг заинтересовавшийся почтенный Клод Пеппер. — Я часто этому удивлялся.

Присутствовавшие почувствовали, что сейчас произойдет нечто волнующее, и стали замолкать.

— Тут все довольно просто, — сказал мистер Линклеттер. — Это связано с психоделиками.

Теперь в зале воцарилась полная тишина.

— Когда хиппи начинает балдеть, он может стянуть резинку и позволить своим волосам растрепаться и сильно потрясти!

вой, — тут мистер Линклеттер помотал своей головой из стороны в сторону на виду примерно у двухсот загипнотизированных зрителей, полдюжины конгрессменов и одного адвоката, — чтобы дат свободно крутиться ветряным мельницам своего сознания.

В зале раздался громкий смех, и ударом своего молотка судья призвал присутствующих к порядку.

Я был следующим свидетелем. Ну прямо как следующее действие в театре.

Процедура дачи показаний началась с формальностей: меня спросили дату рождения, образование, послужной список. Но это не заняло много времени. Очень быстро они перешли і самому важному для них вопросу — наркотикам. Большая час вопросов и ответов стерлась из моей памяти. Я находился в стоянии какого-то шока и отвечал на вопросы, руководствуясь инстинктивным желанием выжить. В конечном итоге адвокат задал мне один вопрос, довольно обоснованный. Но вопрос поставлен так, что контроль над ситуацией вернулся ко мне.

— Как вы можете называть себя ученым, — спросил адвокат, — и одновременно заниматься той работой, которой вы занимаетесь?

Никогда не задавайте свидетелю на суде вопроса, требующего большего ответа, чем просто «да» или «нет». Это называется «отдать свидетелю ход». Ведь свидетель может сказать, что для весомого ответа изданный вопрос потребуется сделать предисловие, и попросит у должностного лица (или председателя, судьи, члена Конгресса) дополнительного времени. И в большинстве случаев это время ему будет предоставлено. Я попросил — и мне его дали.

Я начал с самого начала. Я стал рассказывать о том, как тяжело семьям справляться с шизофренией, если ею болен один из домочадцев, как велики общественные затраты на больничное обслуживание и государственные расходы, связанные с лечением депрессии и алкоголизма. Я мог бы даже упомянуть о несчастьях, которые несет с собой псориаз, хотя в псориазе я не очень хорошо разбираюсь. Для вящей убедительности я пустил слезу. Потом заявил, что последние исследования трансмиттеров (химических передатчиков импульсов между нервными клетками) впервые приблизили ученых к пониманию психических процессов. Оставалось добавить, что изучение наркотиков, влияющих на человеческий мозг, если процесс этого воздействия контролировать, может пролить свет на сущность психических заболеваний, которые характеризуются похожими изменениями в сознании. Я попросил, чтобы такой-то опубликованный научный доклад был внесен в протокол. Я как раз приступил к непосредственному ответу на вопрос, как объявили перерыв.

У меня не было возможности узнать, что там обсуждалось во время перерыва. Однако после возобновления судебного слушания меня быстро поблагодарили за участие и сказали, что мои показания закончились.

Только я собрался покинуть зал заседаний, как ко мне подошел высокий, хорошо одетый мужчина с аккуратной бородкой а-ля Ван Дейк. На расстоянии чувствовалось, что самоуверенности у него хоть отбавляй.

— Я доктор Пол Фрей, — представился он, протягивая мне руку. — Я возглавляю лабораторию по изучению наркотических веществ здесь, в районе Залива. Я оценил ваш вклад в сегодняшнее слушание. Очень рад познакомиться с вами. Я поздоровался и пожал его руку. Пол сразу мне понравился Мы обменялись адресами и номерами телефонов и договорились о

встрече в ближайшем будущем. Тогда я еще не догадывался, что он станет одним из моих ближайших и самых дорогих друзей на протяжении следующих лет. Я и не думал, что мы проведем вместе немало восхитительных часов в моей лаборатории, куда Пол будет время от времени приезжать на выходные, чтобы работать до пота, и что мы будем проводить все эти затейливые химические опыты, которые будут приводить его в неизменное восхищение.

Пол обожал химию психоделиков, но категорически отказывался пробовать изменить свое сознание при помощи небольшого количества синтезированных нами веществ. «Можешь называть меня трусом, — однажды сказал он со смехом, — но от одной мысли о том, чтобы принять какой-нибудь из этих наркотиков, у меня волосы встают дыбом!» Я заверил Пола, что не собираюсь убеждать его пробовать психоделики. Я также сказал, что вовсе не считаю его трусом. Мы оба знали, что у Пола не было искушения стать подобного рода исследователем, потому что этот поступок сильно скомпрометировал бы его, а ведь он занимал не последнее место в истэтлишменте.

Знакомство с Полом Фреем стало единственным приятным, событием в тот трудный для меня день.

Мне удалось избежать встречи с представителями прессы и телевидения, поджидавшими меня за дверями зала заседаний Но вечером, когда я подъезжал к дому, у въезда на Ферму я! увидел еще больше журналистов. Я не поехал домой, а просто подождал, пока они разойдутся, проведя время в кофейне по соседству.

На следующий день в утренней газете был опубликован не-; большой репортаж о слушании. К заметке прилагалась моя фотография, и там было кратко сказано о сожалении, которое выразили разные люди по поводу того, что любое открытие, сделанное исследователем наркотиков, может вызвать в обществе замешательство.

Я услышал мало комментариев о судебном слушании и о рекламе, которую мне сделало выступление в суде. Однако стоит отметить, что один из отзывов пришел от моего давнего партнера по квартету — Эндрю. Он позвонил мне спустя несколько дней, чтобы поболтать, и упомянул, что в последнее время думает обо мне по одной причине. Эндрю сказал, что вспомнил, что я обычно играл на альте в клубе. Эндрю хотел дать мне знать, что клубу требовался еще один скрипач. Он спросил, может, я был заинтересован в возобновлении отношений с клубом.

Вот и дало о себе знать простодушие моего консервативного друга. Он увидел мою фотографию в газете, но не потрудился прочесть саму заметку (возможно, потому, что фотографии членов клуба частенько появляются на газетных полосах по самым разным поводам). Пригласив меня обратно в клуб, Эндрю сам того не зная, решил для меня дилемму — оставаться на легальном положении или уходить в подполье. Я сознавал, что с течением времени мои отношения с окружающими людьми станут более надежными и обретут куда большую ценность, если будут основаны на честности, чем на обмане и подтасовке фактов. Я хотел укрепить цельность собственной личности и нуждался в этом. Так что я с превеликим удовольствием вернулся в «Клуб Филинов». По сей день я надеваю изысканную рубашку с галстуком, беру свой альт и еду в город, чтобы играть в оркестре, который собирается каждый четверг. Я не пропускаю ни одного вечера.

Я должен добавить, что являюсь единственным членом клуба, который носит и всегда носил черные сандалии вместо ботинок. Давным-давно я решил, что носить сандалии неизмеримо полезнее, чем держать ноги без воздуха и потными в той обуви, которую предпочитают мои коллеги по клубу. Теперь они уже привыкли к моим сандалиям, да и ко мне самому.

Глава 12. МДМА

В 1967 году, который стал годом «детей цветов», я посетил конференцию по этнической фармакологии. Конференция проходила в Коул-холле, в Медицинской школе Сан-Франциско. Медицинский центр находился почти в эпицентре движения хиппи и был расположен всего лишь в нескольких кварталах от Хейт-Эшбери. Конференция была задумана удивительным скрягой и борцом с предрассудками по имени Даниель Эфрон, с которым у меня были особенно теплые взаимоотношения. Свои противоречивые роли Даниель играл с завидным мастерством. Как главному начальнику фармакологической секции психофармакологии в Национальном институте психического здоровья ему принадлежал важный голос в распределении правительственных фондов, выделяемых для финансирования грантов. Поскольку Даниель был человеком влиятельным, куда бы он ни пошел, вокруг него начинали носиться. Но в то же время он активно боролся со «священными коровами», о чем свидетельствовала и организация этой конференции по этнической фармакологии. Наша с ним дружба была уникальна тем, что я никогда не старался заполучить грант от правительства. Поэтому мне не надо было добиваться расположения Даниеля в личных целях. И он это знал.

Однажды я пришел на встречу ученых-фармакологов в Стэнфорде. Даниель председательствовал там на одном из утренних заседаний. Я сел среди слушателей в первом ряду и поймал скользивший по лицам взгляд Даниеля. После последнего обсуждения я быстро отвел Даниеля от профессиональных фармакологов и отвез его на Ферму. С нами был еще один товарищ — Сол Сноумен, ехавший на собственной машине. В то время д-р Сноумен был доцентом и занимался фармакологией в широко известной медицинской школе на Восточном побережье. Эта встреча была одной из немногих, когда мы виделись с ним лично. А так, в основном, мы поддерживали связь через переписку. По пути на Ферму Денни попросил остановиться у магазина купить коробочку конфет для моей жены Элен, чтобы не слишком обременить ее в качестве гостя.

На Ферме мы все плюхнулись от усталости прямо в кресла и снова почувствовали себя людьми. Денни объявил, что, во-первых, он всегда хотел увидеть мою лабораторию и, во-вторых, любит играть на трубе. Этой привычкой он обзавелся в детстве, когда учился в средней школе где-то в Восточной Европе. И вот мы пошли в лабораторию. Мой сын Тео уже разжег огонь в камине, и Денни впервые увидел, что это за штука. Огонь был хорош, дрова потрескивали. На отдельном дымоходе, который я соорудил наверху металлической стойки, росли лишайники (они уже давненько прилепились к дымовой трубе). Там же красовалась смешная рожица. Ее нарисовал чернилами один из моих друзей — мне на удачу. Сочетание чернильной рожицы и лишайников зеленовато-желтого цвета заставляло многих гостей, впервые заходивших в лабораторию, изрядно удивляться и непроизвольно пятиться. В химическом стакане на столе для экспериментов что-то перемешивалось и пузырилось. На полу стояли пустые кувшины из-под вина, а на стенных полках выстроились бесчисленные бутылки с химическими реактивами. В довершение ко всему, в лаборатории нашла пристанище прелестная колония тонконогих хрупких пауков наподобие тех, которых прозвали пауками-сенокосцами. Они так мягко перебирали своими лапками, передвигаясь по батарее чистых круглодонных колб. Денни застыл в дверном проеме, рассматривая все это. В правой руке он держал трость, левую простер в немом удивлении. Он был похож на Бальбоа,[25] впервые увидевшего Тихий океан.

— Я потратил, — сказал он с особым акцентом, — мил-лионы долларов в мил-лионах лабораторий, и из этого нич-чегошеньки. А тут лаборатория, в которую я не вложил нич-чего, но из которой вышло в-все! — Я был польщен.

Когда мы вернулись в дом, я раскопал свою старенькую трубу — по счастью, вентили у нее еще работали — и предложил Денни вспомнить молодость и сыграть четвертый концерт Гайдна. Я бы попытался совладать с пианино, а Сол исполнил бы роль внимательного слушателя. К нам заглянула Элен и проверила, достаточно ли у нас вина и еды. Через пару часов мы благополучно выдохлись, и Сол, благослови Господь его душу, повез Денни домой.

После смерти Денни в 1972 году его протеже, Эрл Усдин, продолжил работать над многими проектами, над которыми они трудились совместно с Денни. Что примечательно, у Эрла оказалось достаточно энергии, чтобы начать несколько собственных проектов. Он тоже стал уже частью истории. Эти два близких друга внесли неоценимый вклад в развитие фармакологии в нашей стране.

Проходившая в 1967 году конференция называлась «Этно-фармакологические исследования психотропных средств». Насколько я знаю, на этой конференции впервые собрались вместе почти все исследователи, работавшие с психоделиками. К какому плодотворному взаимодействию привела конференция!

От Клаудио Наранхо, психиатра-антрополога, который провел целые годы в джунглях Южной Америки в поисках Ayahuasca vine, мы услышали страстный рассказ о его впечатлениях от воображаемых джунглей, которые привиделись ему под воздействием айяхуаска. По мнению Клаудио, его собственный опыт и опыт его пациентов доказывает, что прием растительных экстрактов, содержащих гармалин,[26] всегда без исключений вызывает в сознании образы ягуаров и прочих примеров фауны и флоры, ассоциирующихся с джунглями, где и произрастает это растение.

На конференции также присутствовал всем известный и уважаемый ботаник — Ричард Е. Шуль из Гарварда. От него я слышал, что он никогда не испытывал подобных видений, которые, как следовало из рассказа Клаудио, возникают после приема айяхуаска.

Я имел удовольствие представить друг другу этих ученых и не забыл упомянуть о пересечении их интересов. Разговор начал Клаудио:

— Что вы думаете о ягуарах?

— О каких ягуарах?

Короткая пауза.

— Вы лично знакомы с аутентичной Banisteriopsis caapi? — поинтересовался Клаудио у Ричарда. В его голосе слышалось легкое напряжение.

Ричард внимательно посмотрел на собеседника и сказал: «Я был человеком, присвоившим этому растению название».

Клаудио продолжил: «Вы сами когда-нибудь пробовали отвар данного растения?»

— Раз пятнадцать, наверное.

— И никогда не видели ягуаров?

— Сожалею, лишь волнистые линии.

Клаудио развернулся и ушел. Насколько я знаю, с тех пор они больше не разговаривали друг с другом.

На конференции выступил и Чонси Лик. Он зашел издалека и стал рассуждать о примитивном состоянии, в котором находится фармакология. Уже близится конец столетия, а вся медицинская практика основана лишь на содержимом двух баночек: на одной написано «От золотухи», на второй — «От сифилиса». Токсиколог и исследователь Бо Хольмштедт сделал обзор открытий в области использования растений в медицине. Стивен Сца-ра рассказал о дурной славе ДМТ.[27] На конференции также выступили Энди Вейл, Гордон Уоссон, Натан Кляйн, Хэрри Исбелл, Денни Фридман и многие другие исследователи, которых всегда интересовала эта область фармакологии и которые внесли вклад в ее развитие. Несколько

русских ученых тоже могли бы это сделать, но им мешали политические соображения. Что интересно, не мог заниматься подобными исследованиями и открыватель ЛСД Альберт Хофманн, поскольку они не согласовывались с политикой компании Sandoz, на которую он продолжал работать. Результаты работы конференции были опубликованы в книге, изданной в типографии правительства после того, как Служба по охране общественного здоровья при Департаменте здоровья, образования и социального обеспечения в мягкой форме отказалась ее печатать. Лишь немногие, помимо присутствовавших на конференции, позаботились о продолжении наших начинаний, и сейчас та встреча фактически позабыта.

На конференции я представил доклад о мускатном орехе. После доклада я вышел прогуляться в вестибюль, где самое интересное и происходило. Здесь мой приятель представил меня молодому профессору химии Ноэлю Честнату. Профессор выразил неудовольствие тем, что ему пришлось услышать, за исключением одного доклада по эфирным маслам и их превращению в производные амфетамина. Он сказал, что хотел бы встретиться с автором данного доклада. «Я и есть автор», — были мои слова. Так началась наша дружба, продолжающаяся по сей день.

По мнению Ноэля, необычный потенциал созданного мной наркотика ДОМ и обманчивая простота его структуры могли стать основой для некоей гипотезы. Если провести в некоторой форме метаболическое окисление и перевести это соединение в класс хинонов, то конечным продуктом реакции будет индол. А к классу индолов относится один из основных нейротрансмиттеров в человеческом организме — серотонин. Вполне возможно, что эти результаты имели значение в области изучения психического здоровья. Из этого вытекало, что можно было подавать заявки на гранты и получить финансирование, а потом привлечь к работе аспирантов и ученых с докторской степенью, продолжающих свои изыскания. Они бы помогли производить эти восхитительные метаболические исследования.

Примерно в это время в Сан-Франциско приехал молодой химик, выпускник одного крупного университета на Среднем Западе. Он собирался работать с Ноэлем. Это был д-р Дэвид Лэддер. Наше знакомство стало настоящей искрой, благодаря которой разгорелся огонь нашей дружбы. Мои отношения с Дэвидом стали плодотворным союзом, действующим по сей день. Дэвид — это робкий, спокойный человек и выдающийся химик. Совместно мы опубликовали несчетное количество докладов, и я надеюсь, что в будущем наше сотрудничество будет продолжаться в том же духе.

Пока Ноэль колесил по всему миру со своими лекциями, а также время от времени использовал полагающиеся ему годичные отпуска, он назначил меня кем-то вроде «папочки» для своих аспирантов в Калифорнийском университете в Сан-Франциско. Одним из этих аспирантов было милейшее эльфоподобное создание с соответствующим именем — Мерри Кляйнмен. Она рассказала мне об эксперименте, который провела с двумя своими близкими друзьями. Они использовали сто миллиграммов М-ме-тилированного МДА (МДМА). Она не стала долго распространяться об эксперименте, однако намекнула, что он протекал очень эмоционально. В основном, у всех троих была хорошая реакция.

Не в первый раз при мне упоминался МДМА. На самом деле я синтезировал это вещество в 1965 году, работая в Dole, но прежде не встречался ни с одним человеком, который попробовал бы его самолично. Я повторно синтезировал его и обнаружил, что МДМА не похож ни на что другое, с чем мне приходилось иметь дело. Это не был психоделик, если иметь в виду вызываемые им видения или объяснять его воздействие. Однако в нем были радость и теплота, свойственные психоделикам, и они были поразительны. Я начал собирать комментарии, связанные с воздействием МДМА, от разных людей и в различных обстоятельствах. Постепенно я стал чувствовать огромный интерес и восторг по отношению к этому материалу.

Я начал читать курс по судебной токсикологии в кампусе Беркли Калифорнийского университета. Обычно на лекции приходило 20–30 студентов, и больше половины из них ухитрились продержаться до самого конца курса. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них стал настоящим докой в области судебной токсикологии. Зато большинство из них получили то, что я считал чрезвычайно полезной и важной информацией, да еще и по-своему развлеклись. Одним из моих верных слушателей был очаровательный юноша, игравший на гитаре. У него было самое поразительное заикание в мире. Как только ему надо было выговорить слово, начинающееся с гласной (или, на худой конец, на некоторые из согласных), он плотно застревал, пока не делал несколько размеренных вдохов и выдохов или резко дергал головой и не подбирал другое слово. Этого парня завали Клаус.

Клаус заинтересовался МДА и почему-то его N-метилиро-ванным гомологом — МДМА. Он договорился о том, что его пустят в лабораторию где-то в корпусе биофака и позволят заняться летним проектом с целью отработки методик получения МДМА. Его заикание служило источником сущих мучений, когда бы мы с ним не встречались, что, надо сказать, редко случалось. Потом я потерял с Клаусом всякую связь.

Прошло какое-то время, и я столкнулся с ним вновь, когда летел по кампусу, торопясь на встречу. Мне потребовалось всего лишь мгновение, чтобы вспомнить, кто был передо мной.

— Как поживаешь? — спросил я Клауса, ожидая в ответ серию вдохов-выдохов или мотание головой.

— Настроение отличное, — ответил парень, задержавшись на букве «р» в слове «настроение».

— Как твои занятия музыкой? — с достойной храбростью продолжил я, уже начав подозревать, а не ошибся ли я.

— Поиграть удается лишь изредка, — гласные в словах были произнесены немного дольше, чем следовало, так что я убедился, что это был мой Клаус.

— Но, — продолжил он без больших разрывов между словами, — этот метилированный МДА позволил мне изменить кое-что в себе.

— И что же, к примеру? — поинтересовался я.

— Ну, для начала, впервые в жизни я смог контролировать свою речь. Я решил начать новую карьеру.

— Карьеру в какой области?

— В области речевой терапии.

Я потерял след Клауса, но уверен, что он стал одним из первых людей, доказавших мне, что в эликсире под названием МДМА содержалось нечто напоминавшее змеиный жир[28] в том смысле, что он оказывал исцеляющее действие в случае любых болезней

Впрочем, другое раннее испытание показало, что МДМА может действовать иначе.

Один мой хороший друг по имени Чарльз Миллер на протяжении многих лет следил за моими исследованиями Время от времени он спрашивал меня, не настал ли, на мой взгляд, такой момент, когда его участие в эксперименте было бы полезным. Я всегда откладывал эту возможность на неопределенное будущее, поскольку меня охватывали неприятные предчувствия относительно того, как поведет себя подсознание Чарльза во время эксперимента. Он был спокойным человеком, и, в принципе, с ним можно было проводить испытания, однако ко всему прочему он страдал упрямством, настоящим ослиным упрямством. Добавьте сюда хронический алкоголизм. По мере того, как на протяжении всего дня изменялась степень трезвости Чарльза, изменялась и его личность. Так что поздним вечером Чарльз представлял собой откровенно злобного типа, настроенного почти против всего в мире, особенно против интеллектуалов и гомосексуалистов.

Это сочетание постоянно настораживало меня, и с течением времени я уверился, что Чарльзу, в некотором смысле, было необходимо справиться со многими проблемами, без сомнения, мучившими его в пору молодости. Не обязательно было решать их раз и навсегда, но требовалось, по крайней мере, глубоко и безопасно похоронить их в его подсознании. Но я был вовсе не уверен, что хочу стать тем человеком, который подберет инструмент, чтобы извлечь какую-нибудь из этих проблем Чарльза на свет Божий.

Его жена Джэнис ни разу не выразила заинтересованности в подобном исследовании, хотя тоже была осведомлена о сфере моих научных интересов. Однако именно Джэнис однажды позвонила мне и спросила, может ли она (и ее младший сын) рассчитывать на несколько часов моего времени, чтобы получить ответы на парочку вопросов. Вопросы возникли именно у Джэнис. Присутствие ее сына, очевидно, объяснялось тем, что он должен был оказывать ей моральную поддержку, поскольку был неплохо осведомлен о наркотиках. Я предложил встретиться в тот же день после обеда. Они согласились. Как я часто отмечал, если время выбрано правильно, то это видно безошибочно.

Джэнис, ее сын и я приняли сто двадцать миллиграммов МДМА вскоре после полудня. Потом юноша ушел. После получаса — столько обычно проходило до момента «осознания» действия наркотика — Джэнис не подавала признаков, что с ней что-то происходит. Никаких изменений не произошло по истечении и сорока, и пятидесяти минут. Я услышал только несколько незначительных реплик.

— У меня пересохло в горле.

— Я принесу вам стакан воды. Именно так я и сделал Не помогло.

— Мне трудно дышать.

— Дышите так, как можете.

Мы находились в задней комнате дома, и в отражении окна я заметил, что у женщины не возникало никаких сложностей с дыханием, когда я не смотрел на нее.

Мы пошли по холму к участку, который я отдал в аренду группе строителей из нашей округи для хранения пиломатериалов.

Здесь было несколько табличек с надписью «Не курить», чтобы не допустить пожара.

— Вы думаете, я слишком много курю?

— Вы сами думаете, что курите слишком много?

— Нет, я так не думаю.

— Тогда мой ответ будет «возможно, и нет».

К этому моменту эксперимент длился уже час, но признаков активного действия МДМА все еще не наблюдалось. Потом был задан неожиданный — «не шаблонный» — вопрос.

— Быть живым — это хорошо?

— Можете поклясться своей распрекрасной задницей, что это

здорово — быть живым. Это настоящее счастье — быть живым!

Вот оно. Наркотик начал действовать, и женщина стала носиться по холму и кричать, что быть живым — хорошо. Вся зелень стала для нее живой, все ветки деревьев и камни на земле стали одушевленными предметами. Я догнал ее и увидел, что ее лицо так и светилось. Она рассказала мне несколько эпизодов из своей личной жизни, которые она хорошо знала и которые знал хорошо и я, но которые до сих пор лишали ее спокойствия.

Она родилась в результате незапланированного кесарева сечения, ее мать умерла во время родов. И все пятьдесят лет она жила с чувством вины за то, что жизнь ей досталась ценой жизни ее матери. Три года ее лечил семейный врач, главным образом, работая с этой проблемой. Очевидно, что ей требовалось лишь подтверждение того факта, что быть живым — это хорошо.

Пару месяцев у меня не было никаких известий от Джэнис. Когда, наконец, она позвонила,

охотно призналась, что до сих пор живет в мире с самой собой и что прекратила ходить к врачу.

В большинстве своих ранних экспериментов я работал с дозой от восьмидесяти до ста миллиграммов и для описания воздействия наркотика в отчетных записях использовал слово «окно». Оно позволяло мне наблюдать как бы извне, смотреть на то, что происходило внутри меня, без искажения или недомолвок.

Изредка мы с Элен отправлялись в поездку, покидая дом в шесть вечера в пятницу и возвращаясь в четыре часа дня в воскресенье. С нами ездили наши друзья — Джордж и Рут Клоузы, с которыми мы были знакомы еще со времен Кэл-холла. Мы садились на специальный поезд, отходивший из Окленда. Он назывался «Веселый поезд в Рино». Чем дальше поезд ехал на восток через Сьерры, в поезде становилось все больше людей с едой и выпивкой и больше шума. Некоторые даже танцевали в музыкальном вагоне. (После тридцатичасового пребывания в казино обратная поездка проходила куда в более подавленном настроении.) Элен чувствовала себя чаще всего неудобно, когда речь заходила о приеме наркотиков, однако ее отношение менялось прямо на противоположное, когда порой она употребляла алкоголь. Что касается Клоузов, то тогда они еще ничего не знали об измененных состояниях сознания, кроме того, к которому приводит алкоголь. Во время одной из наших поездок, когда мы все вместе ели мясо краба с соусом из авокадо в шумном вагоне, я спросил их, не сочли бы они за оскорбление, если вместо мартини я наполнил бы свой бокал хининовой водой и добавил бы туда содержимое маленького пузырька. Зачем? Для эксперимента, ответил я. Хорошо, сказали они, почему бы и нет!

Все сработало. Казалось, что постепенно наступавшее у меня состояние интоксикации очень равномерно соединялось с их состоянием. Они забыли, что я использовал химический препарат, а вовсе не водку. Так что какое-то время я относился к МДМА как низкокалорийному мартини собственного изобретения.

Вскоре после этого случая я познакомился и близко сошелся с приятной парой профессиональных исследователей и преподавателей из Германии — Урсулой и Адольфом Билз. Около года они работали вместе с Терри Мейджэром. Дольф, как называл себя он сам, однажды принял небольшую дозу ЛСД. Его переживания были необычайно запутанными, сложными и пугающими. Уже несколько недель он не мог полностью прийти в себя.

Хорошенько поразмыслив, я предположил, что МДМА мог бы в некоторой степени помочь Дольфу, хотя, конечно, очередной опыт с психоделиком казался не очень подходящим средством. Но я подчеркнул, что МДМА не является психоделиком, а также объяснил концепцию «окна» и те доводы, которые убедили меня в том, что Дольф может использовать МДМА, чтобы окончательно поправиться.

Для участия в эксперименте я привлек обоих Билзов. Это был памятный день. Шли только честные беседы, скрытности не было места. Эксперимент положил начало тесным дружеским отношениям, которые будут связывать нас на протяжении нескольких лет. Во время эксперимента, продолжавшегося несколько часов, мы справились с травмой Дольфа. По его словам, он словно заново родился. Еще один намек на змеиный жир. Становилось все очевиднее, что МДМА может решить любые проблемы любого человека.

Следует затронуть еще один эпизод из истории МДМА. Он связан с добрым пожилым психологом, верившим в расхожую идею о том, каким должен быть образцовый дедушка — и по взглядам, и манере поведения. Собеседника он слушал внимательно, смеялся искренне и часто, и, как говорит Элис, в его дружеских крепких объятиях хотелось оставаться как можно дольше.

У Адама в Окленде была своя практика. Его кабинет размещался на втором этаже какого-то дома, который сдавался под офисы. В основном прием у него представлял собой обычный пятидесятиминутный сеанс, однако иногда, правда, очень редко, он использовал совершенно

другие методы лечения. До самой смерти Адама это сохранялось в секрете ото всех, за исключением ближайших друзей и тех, кого он решал лечить при помощи особых средств. Да и сейчас люди, знавшие и любившие Адама, предпочитают не разглашать эту тайну и, без сомнения, будут хранить ее и впредь.

Специальное лечение, к которому Адам порой прибегал, предполагало использование психоактивных веществ. Они были необходимы для того, чтобы помочь пациенту перешагнуть через психологические барьеры и напрямую обратиться к себе самому и собственному подсознанию. Чтобы применять подобные наркотики, в течение двух десятилетий Адам разрабатывал отдельную методику.

Для проведения специальных сеансов Адам выезжал на дом к пациенту. Он заранее оговаривал время сеанса, чтобы пациент мог подготовить фотографии из семейного альбома, которые способствовали активизации ассоциативного потока и стимулировали детские воспоминания. Адам также просил своего пациента сформулировать накануне сеанса наиболее важные вопросы. После того, как пациент получал определенную дозу наркотика, Адам, сам ничего не принимавший, садился рядом, чтобы при необходимости придать пациенту уверенность и успокоить его прикосновением руки или помочь уладить какое-нибудь затруднение либо проблему, которая могла возникнуть во время сеанса. Самая сложная работа выпадала пациенту, ответы на интересовавшие его вопросы должна была дать его собственная психика. Адам пользовался целым набором веществ, начиная от сравнительно мягкого МДА и заканчивая ЛСД и ибогаином.[29] Последние наркотики он использовал для сокрушительной атаки в случае психологического сопротивления. Судя по всему, источники, из которых Адам получал наркотические вещества, были легальными. Обычно он делал заказы у зарекомендовавших себя поставщиков химической продукции. Но Адам был таким человеком, что всегда все проверял. Поэтому он часто звонил мне, чтобы я проверил полученный им новый препарат и вынес окончательный вердикт относительно соответствия наркотика его названию и отсутствия примесей.

К 1977 году возраст стал брать свое, Адам быстро уставал, и ему пришлось сократить количество своих пациентов. Я знал, что он уже почти готов все бросить и не будет продлевать аренду помещения, где располагался его оклендский офис. Однажды Адам попросил меня заскочить к нему и при желании забрать некоторые необычные сувениры, которыми он обзавелся за свою жизнь. У него оказались куски коры отсюда-то и странные порошки оттуда-то. Имелись у Адама и маленькие веточки и корешки ибоги, и образцы первых коллекций яхе из Южной Америки, собранные после открытия этого растения. Я провел у Адама пару часов и с благодарностью принял его ботанический музей.

Идя в гости к Адаму, я решил прихватить небольшую бутылочку своего «низкокалорийного мартини», то есть гидрохлорид-МДМА, чтобы соблазнить его попробовать что-нибудь новенькое. Зная о нежной привязанности Адама к МДА, я убедил его в том, что у МДМА есть некоторые достоинства МДА, но ему не присущ «пьянящий» эффект и к тому же он обладает особенной магией, которая может заинтересовать Адама. Он сказал мне, что, может, попробует этот препарат, а может быть, и нет. Но если попробует, то выскажет мне все, что он об этой штуке думает.

Адам позвонил мне через несколько дней и сообщил, что передумал полностью завязывать с врачебной деятельностью. Я не знаю подробностей деятельности этой сложной расширяющейся сети, которую Адам продолжает развивать на протяжении последних десяти лет. Но мне известно, что он ездил по всей стране, предлагая МДМА другим психиатрам и обучая их методикам использования данного препарата в лечении. Разумеется, все они для начала должны были испытать действие МДМА на себе. Адам считал (так считаю и я), что ни

один психиатр не имеет права предлагать другому человеку психотропный препарат, пока он сам тщательно не ознакомился с воздействием данного наркотика на свое тело и разум.

Многие из проинструктированных Адамом психологов и психиатров организовали небольшие группы профессионалов с целью их обучения использованию МДМА. Так что данные и методики Адама получили широкое распространение и вышли за пределы страны.

Невозможно точно установить, с каким размахом в последние годы жизни Адам использовал МДМА в лечебных целях. На поминальной службе я спросил об этом одну из старых подруг Адама. Я поинтересовался, может, она догадывается, сколько примерно людей Адам познакомил с этим невероятным средством — прямо или косвенно. Помолчав мгновение, женщина ответила: «Знаете, я уже думала об этом и пришла к выводу, что, наверное, плюс-минус четыре тысячи человек».

МДМА оказался таким ценным дополнительным психотерапевтическим средством, что я действительно полагаю, что его будут продолжать использовать в психотерапии еще долгое время, несмотря на принятые во многих странах законы, запрещающие его использование и препятствующие его изучению.

Как сказал один психиатр, МДМА — это пенициллин для души, а вы же не отказываетесь от пенициллина, увидев однажды то, на что он способен.

Глава 13. Остановка времени

Я прекрасно понимаю, что в глазах многих людей «трава», или марихуана, имеет ценность в качестве наркотика, снимающего стресс и внутреннее напряжение. Вообще-то для меня травка означает разочарование и лишнюю трату времени. На мой взгляд, у марихуаны есть всего лишь два достоинства: во-первых, под ее воздействием обостряются вкусовые ощущения, а, во-вторых, время замедляется до такой степени, что можно его останавливать.

Как-то раз я решил покурить травы просто для борьбы со стрессом после проведения одного по-своему тонкого эксперимента с новой комбинацией наркотиков. И вдруг обнаружил, что совсем не по моей воле у меня начались переживания, связанные с замедлением времени. Эти ощущения были действительно пугающими.

В этот примечательный апрельский день (дело было в семидесятых годах) весь дом был предоставлен в полное мое распоряжение: Тео был в колледже, а Элен поехала на несколько дней в гости к своему родственнику. В то время я иногда использовал одну из двух любопытных экспериментальных методик. По одной из этих методик, которую я назвал «вставлять запал», нужно было принять активный наркотик через определенное время после приема неактивного. Если наблюдаемое воздействие «активного» («взрываемого») наркотика менялось в присутствии неактивного («запала»), то можно было оценить процесс усиления действия активного препарата. Для второй методики я избрал следующее название — «авто-железнодорожная перевозка». Использование данной методики предполагало прием активного наркотика в период уменьшения воздействия другого, тоже активного, вещества. При помощи подобного «ложного дополнения» можно обнаружить качественные различия в воздействии наркотиков, что способствует более точному пониманию обоих препаратов.

В описываемом случае первым (и активным) наркотиком, который я принял, был МДОХ, [30] а роль «перевозочного» выполнял МДА. В глубине души я всегда подозревал, что эти два вещества в процессе метаболизма в теле человека могут каким-то образом соединяться, потому что по своему действию и по своей структуре они очень похожи. Единственное, что их отличало между собой, — атом кислорода. Но структура этих веществ была такова, что этот атом кислорода без особых трудностей добавлялся (или удалялся) при обычном процессе биотрансформации.

Итак, в два часа пополудни я принял сто миллиграммов МДОХ и записал по времени свои ощущения, типичные для этого наркотика. Позже, если быть точным — в полпятого, когда воздействие препарата стало уменьшаться, я принял такую же дозу МДА. Почувствуют ли они присутствие друг друга? Окажется ли МДА достаточно похожим для того, чтобы действовать как дополнение МДОХ и заставить его вновь оказывать начавшее угасать воздействие? Или первый препарат проявит упорство, что сделает МДА относительно неэффективным? Или, раз уж на то пошло, воздействие усилится, и, возможно, это будет означать некую синергию?

Эффект значительно дополнился. После истечения обычного промежутка времени, который проходит до начала воздействия(для МДА этот промежуток равняется примерно получасу), я отметил, что у меня по телу пошли мурашки и появились признаки перехода в окаменевшее состояние. Я испытывал ожидаемый набор физических проявлений воздействия обоих наркотических веществ — мои зубы сжались, а глаза произвольно подергивались. Отсюда было недалеко и до нистагма.[31] Угол наклона моего почерка резко увеличился, а моторная координация ухудшилась, и правильно попадать по клавишам пианино я был уже не в состоянии.

Прошел еще час, и я почувствовал, что время замедлилось и я могу проделывать фокусы со

зрительными образами. Я мог придать человеческие формы фигурам, которые образовывались благодаря игре светотени, отбрасываемой лучами заходящего солнца (они пробивались сквозь листья деревьев).

К семи часам вечера я дошел до уровня плюс один, а к восьми часам, по сути дела, уже пришел в себя. От постоянного стискивания зубов у меня порядком ныли челюсти, а психика изрядно притомилась от всех переживаний, выпавших на мою долю в течение дня. Наступил тот редкий момент, когда я решил покурить чуть-чуть марихуаны, чтобы предотвратить стресс. Я выкурил двести миллиграммов подаренного мне образца марихуаны, который валялся у меня без дела вот уже пару лет. На часах было пятнадцать минут девятого, а то, что случилось потом, было просто невероятно.

В восемь двадцать восемь (через тринадцать минут после того, как я покурил травку) я почувствовал первые признаки действия марихуаны. Для меня этот срок был обычным. За этим первым сигналом на меня стали накатывать волны ощущений. Каждая из них сопровождалась растущим чувством замедления времени. Было совершенно непонятно, как волны распространялись так равномерно и через одинаковые промежутки времени. Посмотрев на секундную стрелку, я заметил, что волны должны сходиться друг с другом все ближе и ближе. Это впечатление возникло у меня благодаря тому, что секундная стрелка на часах двигалась еще медленнее, чем волны.

Запись, сделанная мной в восемь часов тридцать одну минуту, свидетельствовала, что для меня произошло значительное субъективное изменение хода времени, несоразмерное со временем, которое показывают часы. Однако звучавшая по радио музыка не претерпела для меня никаких искажений.

Следующий «приступ» случился у меня через пару недель — в восемь тридцать пять. Я ощутил, как очередная волна замедления времени обрушилась на меня. А после того, как секундная стрелка снова обежала циферблат и стало тридцать шесть минут девятого, пришла еще одна волна.

Страх стал охватывать меня.

В каком состоянии находилось мое тело? Я пытался измерить у себя пульс, но делать это просто смешно, когда между ударами сердца проходит целая вечность. Ты теряешь след одного удара к тому моменту, когда думаешь, что уловил следующий. А на самом деле пульс бьется где-то поблизости и его чертовски трудно сосчитать. Сколько было ударов — два, три или один? Я заметил, что проходило три удара за то время, пока секундная стрелка передвигалась от одного деления к другому, так что, может быть, пульс у меня был 180. А может, и нет. У меня не было возможности точно определить его.

Часы показывали восемь тридцать восемь, и разумом я понимал, что прошло всего лишь двадцать пять минут с той поры, когда я почувствовал первые признаки воздействия марихуаны. Но мне казалось, что лучше было бы сказать, что пролетело двадцать пять дней. Я поднялся и пошел к пианино с намерением сыграть отрывок из Первого ноктюрна Шопена. Движения моих пальцев были несколько замедленны, но ноты я брал абсолютно верные. Я задумался над одной вещью. Если секунда длится так долго, то почему звучание басов при большем количестве звуковых колебаний, приходящихся на одну секунду, не кажется выше? Могло ли случиться так, что слуховые рецепторы в моем ухе тоже стали медленней воспринимать внешние звуки, поэтому музыка звучала для меня синхронно с тем, как я ее играл? В этом не было ни малейшего смысла.

Я оставил в покое пианино и вернулся к дивану и часам. Несмотря на то, что играл я довольно приличное время, часы показывали всего лишь восемь сорок одну. Мне пришло в голову, что я настолько далеко вышел за пределы состояния плюс три, что показателей,

подходящих для описания моего состояния, уже не было. Я не могу использовать показатель плюс четыре, потому что он обозначает другое состояние, отличное от психоделического опьянения. Поэтому давайте остановимся на плюс 3,7. Я вновь попробовал измерить свой пульс. На этот раз вообще не было ничего слышно — либо сердце перестало биться (не это ли и происходит при полной остановке времени?), либо громыхавшие удары были настолько разрозненны, что их было невозможно зафиксировать. Но тогда почему все-таки пианино звучало как прежде, а сердце билось так странно? Должен был я позвать на помощь?

На часах было восемь пятьдесят три, когда я проделал многомильный путь по дому, добрался до столовой, где был телефон, и набрал номер телефона своего друга Джорджа Клоуза. Смятение и ужас охватили меня, стоило мне понять, что аппарат не работает. Из телефонной трубки не доносилось ни звука. Я начал взглядом обшаривать комнату в поисках какого-нибудь предмета, который успокоил бы поднимающуюся во мне панику. Я точно и не знал, что ищу, — что-нибудь такое, что подсказало бы мне, что теперь делать. Я был навсегда заключен в доме. Раз уж у меня уходило столько времени для перехода из одной комнаты в другую, я знал, что никогда не смог бы добраться до машины, а тем более самостоятельно вести ее! Вот это были бы удивительнейшие переживания — сесть за руль с таким представлением о времени! Конечно, я не собирался проверять это на собственной шкуре.

А потом это случилось. Я вздрогнул от неожиданности, услышав гудок в прижатой к уху телефонной трубке. Соединение только что завершилось, и в доме у Джорджа зазвонил телефон. Прошла еще одна вечность, пока раздался второй гудок. Снова вечность, и третий гудок. Трубку взяла Рут, и ее голос звучал нормально (из чего следует, что на голосах людей, равно как на музыке, изменение восприятия времени не сказывается).

Я сказал в телефонную трубку: «Я попал в веселенькое местечко, Рут, и немного напуган. Не мог бы Джордж приехать и убедиться в том, что меня можно найти, если все зайдет еще дальше?»

Я сознавал, что моя речь была мало вразумительна, но Рут заверила меня, что Джордж уже едет ко мне. Я решил оставаться у телефона, чтобы зацепиться за голос Рут, как за спасительный якорь в этом странном шторме.

Никогда мне еще не доводилось с кем-то разговаривать в течение целого столетия.

Теперь состояние, в котором я находился, по моей классификации тянуло на плюс 3,9. Я помню, как попросил Рут остаться на связи, пока схожу в кабинет за бумагой и ручкой, и записать время моего отсутствия. Я хотел посмотреть, сколько это займет времени, и использовал жену своего друга в качестве объективного хронометриста. Она сказала, что подождет у телефона до моего возвращения. Мой план заключался в том, чтобы начать самому отсчитывать время, отметить, сколько уйдет на то, чтобы дойти до кабинета, взять там что-нибудь и вернуться к телефону. Потом Рут сообщила бы мне, сколько в действительности прошло времени, и, разделив одно на другое, я бы получил величину своего «замедляющего фактора».

Я положил телефонную трубку на стол и отправился по направлению к своему кабинету. Я никогда не смогу восстановить проносившиеся у меня в голове бесчисленные мысли, пока я шел по коридору. Впрочем, одна из них застряла у меня в мозгу. Как может человек объективно оценивать свое субъективное переживание времени? Как я мог следить за своим внутренним ходом времени с некоторой точностью, чтобы затем сказать Рут, сколько, на мой субъективный взгляд, у меня занял поход до кабинета и обратно к телефону? Подсчитывать секунды при помощи «тысяча и один, тысяча и два» не годилось, поскольку скорость движения слов для меня не изменилась. Замедлялось проходившее для меня время.

Я дошел до кабинета и, наверное, целую жизнь пытался вспомнить, зачем же я сюда

притащился. Я оглянулся по сторонам в поисках чего-нибудь, чтобы посветить на часы, или чего-нибудь еще. Я собирался печатать? Что-либо вычислять? Читать? Окружавший меня мир был красочным и подвижным, однако, испытывая удовольствие от этого потрясающей зрительной комбинации, я не хотел, чтобы она полностью захватила меня. Я должен был сохранять вербальный контакт. Это напомнило мне, что Рут осталась на связи и ждала моего возвращения. Я совсем позабыл о ней и надеялся, что она все-таки дождется меня.

Я вернулся к телефону, Рут была на проводе.

— Извини, что задержался. Я растерялся.

— Как долго, по-твоему, ты отсутствовал?

— Двадцать-тридцать минут?

— Тебя не было одну минуту или на несколько секунд больше.

Итак, коэффициент составил 20:1. Я знал, что пока больше не будет этих замедляющих время волн, и каким-то образом почувствовал, что был уже на пути к возвращению в нормальное состояние. После продолжительного и сложного телефонного разговора о сущности вселенной я услышал, как подъехал Джордж, и отпустил Рут спать. Джордж зашел через парадный вход, будучи в отличном настроении, проверил мой пульс (он был около 110) и нашел, что в физическом плане я неплохо себя чувствую. Теперь я уверен, что на протяжении всего вечера с моим сердцем было все в порядке. Я выжил. У меня по-прежнему нет объяснения тому, как два времени (речь и музыка, с одной стороны, и проходившее для меня лично время — с другой) могли одновременно быть такими разными и всегда существовать в пределах одного и того же часа.

Несколько дней спустя я решил проверить эффективность такого же количества той же самой марихуаны (не принимая другие наркотики, естественно). Имела место небольшая интоксикация, но искажение восприятия времени было незначительным. Чтобы повторить то, что случилось, нужно было принять такую же комбинацию наркотиков, или быть таким, каким я был именно в тот день, или планеты должны были разместиться соответствующим образом. Возможно, я так никогда и не узнаю, что для этого требуется.

Глава 14. Алеф-1

В 1976 году мне удалось синтезировать первый содержащий серу психоделик, который получил название пара-ДОТ.[32] Я работал в сотрудничестве с другом — д-ром Чарльзом Уиндхэмом Мэнтлом, профессором химии какого-то крупного университета на Восточном побережье. При этом он находился в своем университете.

Родовым названием этой группы серных аналогов ТМА-2, имеющих атом серы в позиции 4, стало слово «Алеф». Я взял его из иврита. Первое и самое простое соединение называлось Алеф-1. При получении из него простых гомологов можно было последовательно присваивать им названия Алеф-2, Алеф-3 и т. д.

Как я уже отметил, Алеф-1 был первым и простейшим веществом в данной группе. Однако мой эксперимент с ним простым никак не назовешь. На самом деле, после приема этого препарата я впервые погрузился в состояние, представлявшее собой одну из самых восхитительных смесей самомнения, паранойи и эгоизма, которые мне когда-либо доводилось переживать. Это был редкий и желанный шанс — непредсказуемый и неповторимый.

К тому моменту, когда я принял наркотик, я еще не подобрал для него родового названия. Вышеупомянутое название подобралось после того, как я принял небольшую, но достаточную дозу пара-ДОТ, и обнаружил себя в крайне необычном состоянии, которое внушило мне нешуточный страх перед препаратом. Как потом оказалось, и этого можно было ожидать, со мной произошел sui generis[33] случай, но тогда я подумал, что мои ощущения вытекали из свойств пара-ДОТ (и, возможно, его гомологов). Так что требовалось придумать название самим ощущениям. Отсюда и появился Алеф — по названию первой буквы в иврите, ставший первым компонентом нового словаря.

Лучше всего испытанные мною после приема Алефа переживания передают мои записи, которые я делал во время эксперимента. Они говорят сами за себя. Интересно, что, с точки зрения ощущений и физических проявлений, силу воздействия Алефа я оценил на плюс два (при помощи этого показателя можно передать характер воздействия, но не интенсивность, с которой препарат препятствует нормальной речи и деятельности). С точки зрения психического воздействия эксперимент достоин полноценной оценки плюс три.

Этот эксперимент был не похож ни на что другое: настолько сильным и продолжительным оказалось воздействие многочисленных идей, посетивших меня. Они сменяли друг друга, и каждая воспринималась как нечто обособленное. Какое-то мгновение я со всей полнотой переживал одну идею, и тут же ей на смену приходила следующая. Этот поток не только не остановился за несколько часов эксперимента. Под его влиянием я испытывал постоянный прилив бодрящей энергии, для описания которой, кажется, подходит единственное слово — «сила».

Я не стал вычеркивать из своих записей очевидную чепуху, поскольку она является неотъемлемой частью переживаний, так же, как подлинное прозрение, посетившее меня случайно.

Далее следуют мои записи, снабженные комментариями и объяснениями, которые я вставил в текст позже. Вставки заключены в квадратные скобки.

2 июля 1972 года в 10:50 утра я принял пять миллиграммов растворенной в воде гидрохлорированной соли 2,5-диметокси-4-метилтиоамфетамина, или пара-ДОТ (Алеф-1). До этого три часа ничего не ел. Начинается отсчет самого эксперимента (0:00).

(0:50) Ощущение теплоты в голенях. (1:10) Вышел на дорогу за почтой.

(1:35) Ощущение теплоты во всем теле. Воздействие приятно нарастает.

(1:50) Очень сильный эффект! Довольно приятный. Особенностей восприятия не наблюдается. Во всяком случае, пока.

(2:30) Сидел на улице и какое-то мгновение наблюдал, как плывет над землей мешок с цементом [мешок был доверху наполнен сухим портландцементом, на нем был товарный знак с изображением взбугрившегося бицепса]. Изображение человека — это Акт Власти, но акт не высказанный, в противном случав останется лишь История о Власти. Или, лучше сказать, История об Акте Власти. Акт нельзя спасти, возродить — продолжает существовать лишь История. Акт — это прошлое.

(2:33) Сколько требуется времени, чтобы принять в себя акт? Сам по себе акт, augenblick,[34] оказывает действие, подобное наркотическому, в том смысле, что пропустить его через себя — значит, вспомнить волну идей, которая заполняла тебя раньше. Эти идеи нужно тщательно проанализировать и восстановить с такой полнотой, с какой позволит память.

Однако это лишь непосредственное наркотическое воздействие. Есть еще более широкие аспекты. Препарат может быть просто опытным образцом какого-нибудь семейства, стволом пока еще не исследованного дерева с неизвестным количеством ветвей и бесчисленным множеством листьев.

И мы можем изучить это множество на разных уровнях, но все мы слишком часто выбираем лишь один пример, существующий непосредственно в настоящем. Можно снова и снова входить в открытую дверь и каждый раз видеть что-то новое, однако дверной проем будет оставаться тем же, это будет та же самая дверь.

Пройти сквозь — это не просто заглянуть куда-то. Осмотр напоминает историю власти, проникновение — это акт власти. И внезапно возникают новые двери, и каждая из них тоже не изучена.

Таким образом, SCH3 становится SR [SCH3, представитель J метилтио-группы, — это группа атомов, соединенных с 4-м атомом углерода в Алефа-1. Присутствие «R» в SR символизирует | любое множество других групп, которые могут быть устроены иначе, чем CH3, например, этил, пропил и г. п.] К счастью, через первую дверь, то есть SCH3, приоткрылся факт существования бесконечности дополнительных дверей, которые в противном случае, останутся невидимыми миру слезами. [Смешанные метафоры не редкость в записях, сделанных мною под воздействием наркотических веществ.]

Меня затопляют «идеи». Они приходят слишком быстро, и я не успеваю записывать. Это не словесный материал, ergo истории невозможно рассказывать.

Продолжать в таком же темпе слишком долго было бы изнурительным. Музыка игнорируется. Пытаюсь держать глаза закрытыми. Ничего.

Зачем искать что-то новое, когда у меня в руках есть ключи — потребности делать открытие уже не существует.

Это и в самом деле взрывоопасный опыт, с идейной точки зрения. Как можно надеяться зафиксировать эту разновидность интеллектуальной сверхновой звезды? Будь я историком, я потратил бы свою жизнь на запись этих разрозненных идей, но толку от этого не было бы, ведь они превратились бы в истории. А кто стал бы их читать, кто бы поверил в них?

(2:45) В лабораторию зашел Тео, несколько минут мы обсуждали с ним проблемы, связанные с вакуумными насосами. Это был утомительный обмен словами, тогда как мы нуждались в обмене идеями. Я сразу же понял, что я хотел передать. Меня охватило ужасное нетерпение, и я проявил себя не слишком компанейским парнем. Воображаемое расширение должно быть частным действием.

У рассказа есть своя ценность. Это история. В записанном рассказе содержатся детали,

источники, толкования и нюансы — все то, что каждый желающий может потом изучить на досуге. Но если нужно использовать текущий момент, все, что требуется, — лишь простой намек на это. Это приближает невербальную коммуникацию. Кнопка, при помощи которой сообщение прикрепляют к доске объявлений. Слишком много людей озабочены получением информации; эта кнопка обязательна, без нее никак.

Не могу быстро писать.

В следующий раз попробую использовать магнитофон.

С меняющейся скоростью, как и с кнопкой паузы при записи.

Нет — не надо кнопки.

Точно, я мог говорить быстрее, чем писать, но речь — это слишком медленный и шумный способ. Может, просто записать ключевые слова, а потом, как-нибудь на досуге, дополнить их подробностями. А что если не будет этого «потом», потому что «потом» появится еще больше ключевых слов. И кто тогда пожелает свободное время? Если ты делаешь что-нибудь на досуге, то это уже не досуг. Поэтому досуга не существует. Q. E. D. [Что и требовалось доказать.]

«Классическая симфония» Прокофьева на волне KKHI так или иначе подходит.

(3:00) Этот препарат — подлинный психоделик. Никаких сенсорных ловушек, расставленных, чтобы поймать твое внимание. Я ищу более искусные западни, более интересные и занимательные. Но здесь нет ловушек. Конечно, с нейроанатомической точки зрения это увлекательное занятие — продолжать изучение SAR [этой аббревиатурой обозначается «взаимоотношение структуры и деятельности», то есть отношения, развивающиеся между биологической активностью и химической структурой.] Это интеллектуальный психоделик — и никаких соблазнительных побочных эффектов, способных отвлечь твое внимание. Я хочу, чтобы каждая минута тянулась час.

Как же записывать идеи?

Невозможно записывать музыку без временного измерения. Но идеи существуют вне времени — они вечны, а потому не прекращают существовать, однако они не передаются словами, они находятся в действии. Так что идеи — это акты действия, акты власти.

Этот наркотик тоже должен уйти. Я хочу прокричать о нем всему миру. Этот препарат есть сила. Я расскажу о его воздействии, но я не должен буду раскрывать его суть. Мне необходимо одному войти в открытую дверь и самому начать исследование.

Я стану записывать идеи, обозначая их первой буквой «И», чтобы потом разобраться с ними.

И: Должно быть оптимальное количество RS, чтобы обнаружить универсальное сочетание HS. [Как и прежде, R — это любая из бесконечных совокупностей атомов, которую можно было бы связать с атомом серы. Если в процессе метаболизма его было необходимо изъять, то в результате получился бы H. Возможно, все эти неведомые модификации привели бы к возникновению единственного «активного» продукта.]

И: Может быть, существует индивидуальный RS у каждого человека! Каким образом можно установить, что эта совокупность R в сочетании RS подходит данному человеку, если в конечной точке наталкиваешься на универсальность? Очевидно, что это необходимо проделать посредством индивидуализации каждого продукта. Я должен осуществить все возможные комбинации RS.

(3:25) Давайте я запишу это попозже, вечерком, когда вся эта круговерть уляжется. А пока — продолжаем усердно записывать идеи.

И: В своей основе музыка похожа на рассказ. От начала до конца ее нужно передавать в течение времени. Музыка НЕ МОЖЕТ быть СИЛОЙ. На запись и пересказ истории также

требуется время. История не может быть силой, что бы там ни говорил Тойнби.

Идея = интенсивность = сила. НИКОМУ не рассказывай об этом наркотике, чтобы нельзя было установить, что это такое, и чтобы не предприняли шагов по его уничтожению.

И:«». [Очевидно, я подверг данную идею цензуре — настолько она оказалась личной; я просто отказался предоставить право ознакомиться с ней всем остальным, за исключением себя самого!]

Я все превращаю в ДВИЖЕНИЯ. Не в физическом или визуальном, а в концептуальном и творческом смысле. Каждый может из ничего создать идею — из крупинки пыли, насекомого…

Попытайся не открывать глаза. Похоже на прессованный творог, больше ничего.

И: Намеки на это содержатся во всех прочих психоделиках, но они всегда теряются в некоем эмоциональном пространстве.

И: Именно этого Хаксли пытался добиться от ЛСД и мескалина.

Каждый из них — ЛСД и мескалин — лишен развлекательности; чистой воды концептуализация. Это и пугает.

И: Попробуй поработать в лаборатории. Зачем? Я мог бы просто доказать, что способен делать то, что уже и так умею. И кому это доказывать?

(3:38) По радио передают новости. Под влиянием каждого сообщения рождаются достойные для записи идеи. Отмена закона, запрещающего смертную казнь, позволяет не систематически, но, пропущенное словопродолжать практику смертной казни. Смотри — нет следов пропущенного слова. Это было действием, и оно прошло.

И: Запись, рассказ — это все еще нужно, чтобы обеспечить воспоминания. Рассказ должен быть ценным, иначе зачем марать бумагу? Давайте попытаемся обойтись без этого. Приляг пока.

(3:40) Поток идей. Я должен записывать, или все это будет утеряно, словно забытый поутру сон. Всякая индивидуальная ценность тоже будет утрачена.

И: Хотел бы я назвать это бесконечными 40 минутами, или их 85? Мне известно, когда это все началось, но вот когда оно закончится? Лишь тогда, когда я начну писать историю, не СОЗДАВАТЬ ее.

И: Как можно развивать эту способность? Контролировать? Удерживать? Записывать? Оценивать? И не превратить в интеллектуальную бомбу? У нее вообще есть ЦЕННОСТЬ?

И: Может, это как при диабете: без инсулина чьи-нибудь колеса начинают вязнуть в интеллектуальном море, где плещется концептуальная глюкоза. Когда сталкиваешься с не поддающейся контролю энергией идей, требуется время, как больному диабетом — инсулин.

И: Этот наркотик — как разбушевавшееся фосфорилирование на интеллектуальном уровне. [Использование представителей фосфатной группы — один из способов, с помощью которых организм запасает энергию.]

И: У остальных наркотиков есть то достоинство, что они обеспечивают тебя спасательными люками в виде чувственных удовольствий. Поэтому этот — один из особо опасных.

И. То, что следует сделать, — сфокусировать все ощущения в одно, наподобие западного общества, которое приклеивается к телевизору или радио. Маклюэн[35] был прав.

Лежать — это слишком. Я себя не контролирую. Лучше все-таки ходить, чтобы можно было спасаться при помощи зрительных впечатлений.

37 Маршал, Маклюэн (1911–1980) — канадский педагог и социолог

(3:55) К немалому удивлению, «Богема»[36] вовсе не сентиментальная чушь, а самый настоящий друг. И акценты в написанных по-французски словах означают движения рук. Аксантегю делает слог закрытым, аксанграв удлиняет произношение гласного. Поток моих идей

действительно тянет на шизофрению. Я уже и не знаю, кому могу рассказать об этом. Дэвид поймет химическую, но не содержательную сторону. Кто вообще может понять смысл этого?

И: Может быть, я — розетский камень.[37] Химия переплавляется в идею, а во что переходит последняя? В силу действия? С зубами что-то немного не так, по телу растекается легкая теплота. Пульс точно по Пуччини. Температура — лабораторная, конечно.

Может, было бы лучше, если бы я не стал связываться с тем, что происходит теперь в опере, — сцеплять пульс с музыкой в сцене смерти?

Или человек не властен над своей судьбой?

БОЛЬШАЯ И: Перо. [Рядом с этой записью на полях нарисовано перепелиное перо.] Здесь я вышел за свои обычные пределы. То, что говорил Тим [Лири] о преодолении собственных генетических границ, — это правильно.

Музыка. «Ученик-волшебник»[38] подойдет. Я живу своей музыкой.

И: Разве все мы не живем своей эмоциональной окружающей средой? Не в ней, а ЕК> (обстоятельство действия).

И: А роль таких слов (я опять зачастил), как «бонсай», «гештальт», «дхарма»! Все мы живем нашим языком и являемся его пленниками. Рабами слов, эквивалентных которым в других языках не существует. Поэтому единственным средством остается невербальная коммуникация.

И: Мне было бы интересно узнать, какая музыка будет сочиняться потом, какое наклонение заменит нынешнее. Почему бы не наложить это на замкнутую петлю? В этом случае есть гарантия вечного застоя, иначе говоря, чтения истории. Но нам никогда не удастся открыть этот путь. Для творчества требуется знать прошлое, а затем не замечать его. Петля означает цикл, состоящий из рождения, роста, жизни, упадка, смерти и возрождения. Каждому необходимо немедленно вырваться из нее невербальным способом.

И: Что есть творчество — создание чего-либо или открытие? Если мы открыли что-то, значит, оно существовало всегда. Мы ничего не создаем, если учесть, что все содержится в нас самих. Только открываем. Если все есть в каждом из нас, оно должно находиться и во всей галактике. А если невербальное прозрение можно спровоцировать при помощи химических препаратов, значит, химия должна быть универсальной. Межгалактической. Неограниченно эффективный катализатор. Это действительно межгалактическое общение — общение посредством химии. Ни радио, ни свет, ни рентгеновские лучи, ни двоичная кодировка. Химия.

(4-20) Темп начинает замедляться. Играют «Идиллию» из «Зигфрида».[39] Как кстати.

И: Сейчас рассудок — это способность на какое-то время перестать воспринимать идеи. Отыскать приятную психическую петлю и оставаться внутри нее. Все это опять началось в (2:30), следовательно, прошло 110 минут бесконечности. Я должен все это записать. Вместить в эти 110 минут всю свою жизненную философию. И добавить приложения с подробностями — ЭТА RS, ЭТА доза, ЭТА идентичность. Почему научный доклад? Все это нужно записать, но никто не станет читать эти записи. Главная ценность заключается в самом процессе записывания, так что подобного рода заметки имеют ценность лишь для самого автора.

Я чувствую в себе все больше великодушия и сопереживания.

Если я запишу это, все превратится в очередной рассказ о силе. Я должен сохранять личное значение своих АКТОВ, сохранять их мощность и индивидуальность, за исключением тех случаев, когда это необходимо.

(4:30) Быстрое прояснение. Опять возвращаюсь. Как я могу выйти и полоть сорняки без блокнота? Я мог бы что-нибудь представить и тут же забыть (подобно многочисленным снам, которые никак не можешь вспомнить). Может, все к лучшему. Сумасшествие было бы повторным сном, в котором приснились бы сны, увиденные при жизни. В одно мгновение. Вот

это — гештальтное воспоминание — и было бы АКТОМ. Силой. Повторение, событие за событием, — это РАССКАЗ.

Надеюсь, я не смогу разобрать большую часть всего этого сегодня вечером.

Очевидно, я еще не пришел в себя, может, начинаю, но еще не пришел. Так что это больше, чем 110 минут бесконечности.

(4:40) Зачем бороться, чтобы изменить Тео? Он унаследовал мою генетику. Мир будет сотворен за оставшееся короткое время. Мы вновь превратимся в пыль. Зажигать свет из того тусклого мерцания разума, с которым мы можем идти дальше по нашему короткому пути из темноты в темноту.

(4:50) Нужно выключить это. Слишком сильное истощение. Назвать это «160 минут бесконечности».

ОСТАНОВИТЬ ЭТО

— и все пришло к завершению. Я действительно осознаю свое тело — впервые на протяжении последних трех часов.

(4:55) Отмечаю, что меня немного трясет, зубы слегка сжаты, возникло ощущение теплоты, пульс чуть-чуть замедлился, дыхание в норме. Звучит Моцарт.

Приятно отпускает.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ И: Хотел бы я знать, возникнет ли у меня компенсаторное замедление мыслительной деятельности как реакция на происшедшее?

Как можно употреблять слово «заключительная» по отношению к идее? На этом я сделаю перерыв. Каждый МОЖЕТ употребить это слово, если речь идет о физическом труде.

(5:10) В хорошей форме — поиграл с парочкой идей — отпустил их на волю. Я восстановился. Меня ждет моя работа.

(1) Записывать все это в виде частного эссе.

Настаивать на научной публикации всех второстепенных идей — в порядке отступления от темы. Сохранить все текущие мысли в приложениях к работам. Присвоить им многозначительный код «SH».

(5.25) Совершенно ясное сознание. Я могу осознать интеллектуальную сторону сенсорной силы ДОМ. Я оставлю этот секрет при себе.

(6:10) Вернулась Элен. Все закончилось.

Вот такие записи я сделал под воздействием Алефа-1. Уверен, что проницательному психопатологу не составило бы труда поставить мне точный диагноз. Совсем нельзя исключать, что второй психопатолог вынес бы иной вердикт.

В любом случае, я не притрагивался к этим записям целых десять лет. Любопытно посмотреть, какие новые сведения были получены за прошедшее десятилетие о семействе Алефов. Все три представителя семейства были в некоторой степени изучены, и все они просто очаровательны.

Алеф-2 (комбинация RS, где R — этиловая группа) является образцом, на примере которого хорошо видны положительные стороны и недостатки семейства. Достаточно принять пять-восемь миллиграммов этого вещества, чтобы началось его воздействие на организм. Спектр воздействия довольно широк и носит индивидуальный характер, начиная от необычных образов и заканчивая воспоминаниями глубокого детства, пассивностью, сильной путаницей в мыслях. С разными людьми происходят различные вещи. Зависимость ощущений от дозировки, как

выяснилось, тоже невозможно предсказать. Например, один мой друг поделился со мной впечатлениями от своего опыта с пара-ДОТ (возможно, этот рассказ и послужил причиной того, что изучение Алефов приостановилось на целых десять лет). По его словам, он принял десять миллиграммов препарата. Эффект был средним, и друг счел его довольно неинтересным.

Может быть, и есть доля истины в концепции, согласно которой нужно по возможности создавать каждое вещество с расчетом на отдельного человека. В конце концов, я бросил заниматься Алефами и увлекся двууглеродными аналогами — 2C-T. Это были соединения с более богатыми возможностями, более предсказуемые по силе и формам воздействия.

Однако лично для меня Алеф-1 все равно останется началом нового алфавита.

Глава 15. Теннесси

Моя жена Элен умерла в воскресенье 11 сентября 1977 года. За несколько дней до смерти у нее случился удар и обширное кровоизлияние. В этот момент Элен сидела за своим столом в университетской библиотеке (прежде чем потерять сознание, она лишь успела сказать подруге, что у нее что-то не в порядке с рукой). Ее организм перестал самостоятельно функционировать, и жизнь Элен поддерживалась искусственно. Я смотрел на экраны высокоточных приборов для записи энцефалограммы. Их подключили для поиска следов активности мозга. Но этих следов не было. Безнадежность поисков хорошо была видна на экране, на котором отражался лишь пульс. Только сердце по-прежнему работает. Дыхание почти полностью поддерживалось искусственно — при помощи огромной безликой машины, мигавшей своим красным глазом через определенные промежутки времени.

Я ничем не мог помочь Элен, оставаясь в больнице. Я принимал приглашение на обед с другом в одном месте, с семьей — в другом, или просто сидел дома. Но я всегда оставлял телефонный номер и информацию о своем местонахождении дежурной бригаде реаниматологов. Однажды я получил очень плохие новости: мне сообщили, что у Элен отказали почки, но иногда появлялась и надежда, когда я узнал, что мочеотделения снова в норме. И при каждой такой перемене я мчался в больницу и смотрел, как аппарат искусственного дыхания дышит за Элен. Но намек на деятельность мозга по-прежнему отсутствовал.

Я решил позвонить в Германию, чтобы известить о случившейся трагедии Урсулу и Дольфа. Я знал, что они собирались поехать в Сахару. Узнал я от Урсулы и то, что они надеялись, что из путешествия Урсула вернется беременной. Ребенок должен был укрепить их супружеские отношения, которые временами ухудшались.

Все, о чем я тогда думал, — это как бы мне успеть застать их до отъезда в пустыню и предупредить о том, что, без сомнения, должно было произойти, когда они будут далеко и с ними будет невозможно связаться.

Прошло много времени, прежде чем мне удалось понять истинные мотивы, заставившие меня сделать этот звонок в Германию.

Вскоре мне пришлось принимать третье, самое трудное решение в жизни. На дежурившего врача была возложена ужасная задача — объективно объяснить мне все вероятные и невероятные исходы дела, все возможности и невозможности. Наконец, он сказал мне следующее: «Жизнь в теле можно поддерживать неопределенно долго, но невозможно оживить мертвый мозг. Что теперь делать и когда — решать только вам. Я не могу решить это за вас. Никто не может принять это решение, кроме вас».

Самым простым выходом было позволить ей дышать без помощи аппарата искусственного дыхания, предоставив ее телу и душе возможность самим решать свою судьбу. Я попросил у врача побыть с женой наедине. Я обратился к Элен про себя, взяв ее за руку. Рука была теплой, но никакой реакции на мое прикосновение не последовало. Я попросил ее сказать, что же мне теперь делать. Мои уши не услышали ничего, зато ответ, ясный и сухой, прозвучал у меня в голове: «Я сделала для тебя и Тео все, что могла. Пришла пора заняться вещами, которые я действительно хочу сделать для себя».

Я вышел к доктору и сказал ему самые тяжелые слова, которые мне приходилось говорить в жизни: «Отключите аппарат искусственного дыхания и позвольте ей самой решать». Врач тихо отдал приказ убрать аппарат. Я стоял, наблюдая, как постепенно упрощается и сокращается волнообразная линия, отражающая сердцебиение на экране над ее головой. В какой-то критический момент зазвучал сигнал тревоги, и мой спутник в белом халате протянул руку к

аппарату и повернул выключатель. Горизонтальная волнообразная линия зеленого цвета продолжала выравниваться, пока, наконец, не превратилась в ровную линию. Сердцу не хватило кислорода, и оно перестало биться. Ma femme est morte.[40]

Следующие два или три дня прошли для меня в полном хаосе. Я почти ничего не помню. Я не в состоянии припомнить какие-то подробности ни собраний, где объявлялось о смерти, ни распоряжений насчет тела, ни траура.

Я был потерян; я был освобожден.

Порой я чувствовал приступы того отчаяния, которое угрожало погрузить меня в вечную тьму, в серый ад, где нет и не будет никакого движения. В другие моменты на меня обрушивались иные переживания, и, казалось, что они несут с собой освобождение. Мне словно говорили, что я был свободен и мог делать открытия, поставить себе новую цель, жить среди живых. Я понятия не имел, какие из эмоций соответствовали истине, какие могли — или должны — быть моей реальностью. Тогда было не важно, что я думал об этом, ведь я должен был пережить это все, что бы это ни было, а, кроме того, продолжать вставать по утрам, одеваться и тащиться в конец Бородин-роуд за утренней газетой, оплачивать счета, что-то есть и отправляться спать. По вечерам я пил много вина.

Может, я должен был сделаться отшельником, запереться в своей лаборатории и избегать контакта с внешним миром. Жизнь тогда стала бы простой штукой, почти все перемены зависели бы от меня самого. Никаких тебе сюрпризов. Существовать по собственному расписанию, найти такой режим, который был бы удобен. Или нет. Может, мне нужно было пробовать продолжить взаимодействие с миром, восстановить отношения с друзьями и рискнуть завести новых? Это был выбор, вопрос, который я никогда четко не формулировал для себя, но который передо мной все-таки стоял.

Я не мог предвидеть, что через пару недель найду ответ, и случится это на другом конце страны.

За полгода до смерти Элен я серьезно влюбился, причем впервые в жизни. Объектом моих чувств стала Урсула, жена Дольфа Билса, к которому я тоже питал огромную симпатию, а сам он считал меня одним из своих лучших друзей. Пока почти целый год Билсы занимались совместными исследованиями с Терри, я обнаружил, что стал отвечать на спокойное, душевное расположение по отношению ко мне, которое Урсула продемонстрировала в начале нашего знакомства. Когда я попытался выразить Урсуле охватившее меня смятение чувств, где-то смутно надеясь услышать резкий, очевидный отказ, то вместо этого меня ждала ответная страсть и искреннее желание.

Дольф и Урсула подружились не только со мной, но и с Элен, и я не уставал восхищаться способностью Урсулы продолжать себя вести и с Дольфом, и с Элен как ни в чем не бывало, словно наши с ней отношения нисколько не изменились. Я учился быть легкомысленным, когда мы вчетвером отдыхали на пляже в округе Мендосино, смеялись и, обращаясь друг к другу, перекрикивали шум моря, собирали веточки и ракушки на берегу. Я учился не искать ответного взгляда Урсулы и не колебаться перед тем, как обнять ее, как обнимал Элен и Дольфа.

Мы встречались с Урсулой два или три раза в какой-нибудь — гостинице или в частном доме на почтительном расстоянии от района Залива, чтобы свести на нет возможность встречи с друзьями или знакомыми. Я открывал для себя, что значит не чувствовать стыда, цензуры, а только радость при занятиях сексом.

Любовь, равно как прочие измененные состояния сознания, незначительно, но действенно меняет взгляд человека на окружающий мир, а также его поведение. По прошествии многих лет друзья стали воспринимать меня в качестве «трудного гения», как нежно они меня называли. Они уже привыкли к моей иронии, язвительным замечаниям и какому-то мрачноватому

мировосприятию. Так что мне, человеку, игравшему непривычную роль тайного любовника и возлюбленного, было очень сложно удерживаться в компании родственников или друзей от проявления оптимизма и даже откровенно прекрасного настроения, то и дело переполнявшего меня. Я понимал, что те, кто неплохо меня знал, насторожатся, если заметят эти явные перемены.

Я хорошо знал свою жену и уверен, что она никогда меня ни в чем не подозревала. Мы с Элен прожили вместе тридцать лет. Наши отношения представляли собой удобное, лишенное вдохновения и противоречий согласие друг с другом, обернувшееся взаимным разочарованием. Они мало отличались от браков, которые мы могли наблюдать вокруг себя. Элен поддерживала все мои начинания, даже в области карьеры, которые могли повергнуть в ужас чью-нибудь другую, не такую храбрую жену. Я был благодарен ей за подобное отношение и ее веру в мою способность добиваться успеха. Но мы не испытывали взаимного влечения.

Однажды, за несколько лет до нашего знакомства с Билсами, я поехал в Стэнфорд, чтобы прочесть там лекцию на какую-то тему. Я ехал по Сто первой автостраде, ведущей на юг. Движение на автостраде было очень медленным. Когда я подъезжал к Фостер-сити, я уже безнадежно опаздывал. Но тут я увидел знак, подвешенный к самолету. Там было написано: «Научиться летать — получить первый урок свободы». Неожиданно для себя я развернулся и поехал домой. Я усвоил урок.

На протяжении нескольких недель я летал в одиночку, а также занимался прочей «чепухой» — учился управлять самолетом при перелете через всю страну, совершал посадки против ветра. Но в то же время я учился почти ничего не рассказывать Элен о своих успехах или о непомерном удовольствии, которое я испытывал, оказываясь в маленьком тренировочном самолетике. Она панически боялась каких-либо телесных повреждений или смерти в результате несчастного случая. Даже однодневное плавание на нашей небольшой двадцатифутовой парусной шлюпке было для Элен настоящим испытанием. Через некоторое время она вовсе отказалась плавать со мной и Тео. Я не пытался переубедить ее, прекрасно зная о фобиях своей жены.

После рождения Тео она сказала мне, что не хотела бы больше рожать. Этот опыт оказался чересчур болезненным и пугающим для нее. Моему разочарованию не было предела, ведь я сам был единственным ребенком в семье. Я надеялся уберечь новорожденного сына от подобного одиночества. Мы ни разу не обсуждали возможность усыновления. Со временем даже возбуждение и физическую открытость в занятиях любовью Элен стала воспринимать как угрозу. Плюс ее страх перед физической или эмоциональной уязвимостью. В итоге, как ни печально, наши интимные отношения становились все более острожными и ограниченными.

Поэтому после смерти Элен мои переживания, связанные с отключением системы жизнеобеспечения, были сильнее обычных страданий. В конце концов, отношения с Урсулой сделали меня эмоционально открытым человеком. Хотя я твердо знал, что принятое в больнице решение было неизбежным, облако сомнения, омрачавшее мое горе, не исчезало, заставляя меня задумываться над тем, насколько чисты были мои мотивы. Я не переставал задавать себе разные вопросы, например, мог бы я принять другое решение, если бы у меня не было эмоциональной близости с Урсулой? И всегда я приходил к одному тому же ответу: с учетом того состояния, в котором находилась Элен, другого выхода не было. И все же неясные сомнения посещали меня, причем в тот момент, когда я меньше всего их ожидал.

Незадолго до смерти Элен я принял приглашение принять участие в семинаре, который должен был состояться в Бирмингеме, штат Алабама. При этом я знал, что через несколько дней после семинара у меня была назначена лекция перед студентами-биохимиками в университете Мемфиса, в Теннесси. Я, конечно, мог отказаться, и мои извинения были бы с сочувствием приняты, но я решил не отказываться. Мысль о поездке в места, где я никогда не бывал, и о

знакомстве с людьми, прежде не имевшими отношения ни к Элен, ни ко мне, придавала мне особое воодушевление и представлялась первым возможным шагом на пути к выздоровлению.

Таким образом, всего лишь через пару недель после похорон я обнаружил, что укладываю дорожную одежду и стираю пыль со склянок с некоторыми потенциально впечатляющими психоделиками. Я экспериментировал с ними последние года два, но так и не придал им большого значения. Я наметил для себя программу серьезного исследования, которая, как я теперь понимаю, могла показаться завышенной, учитывая мою тогдашнюю эмоциональную слабость. Составляя эту программу, я руководствовался мыслью о том, что, если мое внимание будет поглощено работой, у меня останется меньше времени на воспоминания и терзавшее меня горе.

Я начал свои испытания в следующую субботу с новой дозы 4-тиомескалина, приняв сорок миллиграммов этого вещества. Опыт был стоящим и произвел на меня впечатление. На следующей неделе, в среду, я летел в Атланту. В самолете принял новую дозу 2С-Б — шестнадцать миллиграммов. Я летел в первом классе, кругом были не реагирующие ни на что спутники. Они больше подходили для перелета, чем для эксперимента с галлюциногеном. На горьком опыте я знал, что не следует проводить оценку воздействия новой дозы наркотика в условиях душной атмосферы полуночного перелета. Это было напрасной тратой времени и сил. Я скорчился в своем кресле и застыл в нем на несколько часов, чувствуя себя законченным придурком, поскольку все, что я мог делать, — потягивать апельсиновый сок и испытывать желание найти хоть какой-нибудь способ заснуть.

Через два дня, обследовав Бирмингем и на автобусе, и пешком, я предпринял попытку восстановить чувство внутреннего равновесия, оно все еще ускользало от меня. Я принял сто сорок миллиграммов МДМА. В итоге я так и не смог уснуть и мерил шагами номер в гостинице — это был единственный результат, которого я добился. Без сомнения, я давал максимально выразиться стимулирующему компоненту всякого принятого мною препарата.

В субботу в аэропорте Мемфиса меня должны были встретить профессор Пелетье с женой. Несмотря на сильный дождь и аварии на линии электропередач, они приехали в аэропорт. Затем мы поехали к ним домой, где мне предстояло прожить выходные. Я с нетерпением ждал, когда наступит завтра, то есть воскресенье, на которое у меня по плану был назначен прием новой дозы 2С-Э в размере двадцати миллиграммов. Лекция была только в понедельник, так что почему бы и нет? Я был бы хоть чем-то занят.

Дом Шарля Пелетье был уютным местечком, да и не маленьким к тому же — его можно было назвать целым особняком. Вокруг дома растянулся сад, и повсюду царил покой. После приятной, спокойной ночи в комнате для гостей я решил прогуляться в центр Мемфиса, чтобы полюбоваться побережьем и почувствовать атмосферу города. Я вышел из дома еще до полудня и, отойдя на безопасное расстояние, вытащил из кармана назначенную на этот день «порцию» 2С-Э, открыл пузырек и проглотил его содержимое.

Я шел в сторону центра и смотрел на Миссисипи, как почувствовал первые признаки начала действия наркотика. Мне показалось очень важным, что в этот момент я стоял между двумя штатами. Я находился в Теннесси, Арканзас остался позади, а между нами текла река, которая на удивление была далеко от меня. Может быть, здесь проплывал Том Соейр, который, высадившись через несколько миль по левому от меня берегу, обнаружил, что попал в штат Миссисипи.

Мною овладело странное декадентское настроение. Я понял, что жду какого-то подвоха от 2С-Э, и почувствовал легкий дискомфорт. Я развернулся и пошел обратно, в свое гнездышко в милом доме приютивших меня Пелетье. Мне нужно было пройти милю, чтобы вернуться назад.

Когда я добрался до дома, после приема наркотика прошел час. Я точно знал, что в течение

следующего часа окажусь в каком-нибудь другом месте. Накрывали обед, и хозяйка дома, Марлин, позвала меня в столовую присоединиться ко всей семье. Мне удалось выдержать обед, несмотря на то, что я отмечал прогрессирующее изменение зрительного восприятия. Изменение быстро переходило в искажение, некоторые образы беспокоили меня, но большая их часть казалась оживленно веселой. Я понимал, что мне нужно было покинуть столовую и пройти в отведенную мне комнату; невозможно было предугадать, чем все это закончится. Я извинился перед семьей Пелетье, пробормотав несколько слов о необходимости побыть немного одному и отдохнуть. Всем было известно о моем трауре, так что никто не протестовал. Я услышал лишь, как кто-то шепотом выразил понимание. Третий час эксперимента начался, когда я оказался в безопасности, то есть у себя в комнате.

На протяжении последующих часов в моей голове проносились идеи, откровения, настойчивые галлюцинации и реальные воспоминания. Эти переживания нагнали на меня страх, но, как я убедился после, они имели исключительную ценность. С чем я столкнулся в течение этих трех-четырех часов, — так это с некими ангелами и демонами, которые никого не могли оставить равнодушным. Я задавал вопросы, и меня посещали прозрения, уходившие своими корнями в мою психику.

Я начал записывать свои ощущения в ходе эксперимента через несколько часов после приема содержимого маленького пузырька. А сделанные уже потом заключения следуют непосредственно за каждой записью.

[2:45] «Обед закончился. Зад Шарля! Лицо ребенка!»

Выходя из столовой, я оглянулся и присмотрелся к заднице Шарля, стоявшего в тот момент у буфета. Меня охватило изумление: как у человека, который не только возглавлял факультет психофармакологии, но также служил дьяконом в местной церкви, может быть такой зад! Он казался чудовищным. Он заполнял собой всю комнату. В моем мозгу эхом отозвалось слово «стеатопия».[41] А лицо одной из дочерей Шарля удивило меня написанной на нем откровенной скукой и хронической обидой, под маской которых я раньше замечал добродушное и приятное выражение.

[3:15] «Полностью вышел из-под контроля. Ощущения примерно как от трехсот микрограммов ЛСД. Я расколот. Я должен себя контролировать. Страшно до ужаса. Я свалял дурака. Происходят ли во мне каталитические изменения? Считаю минуты: веселье давно уже испарилось. Я не должен пытаться уснуть, потому что не осмелюсь утратить зрительные образы и вернуться в нормальное состояние. Я вижу, как умираю».

Когда я лег в постель, то увидел себя дряхлым стариком, в которого превращусь в далеком будущем. Я пришел в ужас при виде собственного иссохшего предплечья со сморщенной кожей и проступающими костями. Оно могло принадлежать только умирающему. Я посмотрел на свое тело — я оказался тощим, зачахшим, хрупким, тенеподобным созданием. Я знал, что был бесконечно одинок в этот момент своей жизни, в момент своей смерти, потому что давным-давно, после смерти жены решил остаться один. Кем я был? Я лицезрел самого себя, но почему я видел себя именно таким, на закате жизни? Переживал ли я смерть вместе с Элен? Было ли это видение своеобразным последним обещанием разделить с ней смерть, да еще подобным образом?

[3:45] «Нигилистическая иллюзия, доведенная до завершения нигилистическим организмом, — низшая точка небытия. Если я в состоянии осознать этот абсурд, я должен поправиться. Я надеюсь. Я невероятно напуган. Господи, помоги. Это безумная игра».

За несколько минут я превратился в нигилиста. (Семена, из которых вырос этот нигилизм, должно быть, попали в меня некоторое время назад.) Однако я подумал, что, если могу распознать это умственное расстройство и свое небытие, то должен делать это и с чем-нибудь,

что существует. Я призвал на помощь Урсулу, а затем испытал шок при мысли о том, что у меня с ней связь, которая могла оказать влияние на весь мой мир. Повлияла ли она на те последние судьбоносные мгновения, проведенные мной рядом с умирающей Элен? Действовал ли я самостоятельно, в конце концов? Там вообще был «я»? Я полностью осознавал, как слой за слоем ложатся друг на друга эти мысли. Довольно странно, но эти слои формировали тело и, в некотором смысле, материю для меня, которая по большей части не существовала.

[3:50] «Снова в порядке? Нет, еще не в порядке. Была ли увиденная из окна сцена в духе Вермеера[42] реальностью? Натюрмортом? Какой интеллектуально дерьмовый способ совершить самоубийство. Почему бы не взять пистолет, как настоящему мужчине?»

Я встал с кровати и посмотрел в окно. В данном случае это было все равно, что посмотреть на окно. Я смотрел на нарисованное изображение окна. Через это окно можно было видеть девочку. Она держала лейку с водой и собиралась поливать какие-то цветы в саду. Но чем дольше я всматривался, тем отчетливей понимал, что это действительно было окно, а картина с девочкой находилась на улице. Как это могло быть? Посмотрев на картину мгновением позже, я увидел, что картина сохранила изначальный авторский стиль, только девочку переместили. Это была хозяйка дома Марлин, и она поливала цветы в саду. Но она была застывшей, каждая сцена с ней была статичной, не похожей на другие, ни в одной сцене не было жизни или движения. Я видел мазки кисти, картина была написана на гладком холсте в приятных прохладных тонах. Леди семнадцатого столетия (по имени Марлин) в плотно повязанном на голове платке стояла над геранью с лейкой в руке и, судя по всему, поливала цветок. Я наблюдал за ней через окно. Она и окно были частью одной картины. Если предметы двигались, то в чьем-то чужом времени.

В целом, господствовало настроение смерти или умирания. Я знал, что избежал последнего момента, позволив времени и природе сделать все за меня, сделав мир вокруг себя неживым и позволив себе распадаться. Продолжая жить, я каким-то образом спасался от неизбежного.

[4:00] «Возможность восстановления? Нет, я вновь ее утратил».

[4:20] «Лучше, чем снаружи, но когда снаружи, тогда уж точно снаружи. Окно — это игра ума. Отлично. Это полнейшее безумие. Мой отец, безошибочно узнаваемый, вон прямо там говорит со мной по-русски, читает мне своим спокойным голосом. Я очень маленький, сижу у отца на коленях. Я не был враждебен, просто самоуверен».

Я, двухлетний мальчик, сижу на коленях у своего отца. Он с любовью учит меня русским словам, при помощи которых разъясняются буквы русского алфавита в детском букваре. Я слушал, как отец произносил букву, потом слово, а я повторял за ним, ерзая у него на коленях. Я думал, что он точно пытается увековечить свою жизнь через меня и что это не любовь, но, скорее, эгоизм. Но я чувствовал свое превосходство, потому что был сильным и решительным и не собирался учить эту его чепуху.

Как можно быть таким самонадеянным в возрасте двух лет! Как-то можно. Я смог. Определяет ли состояние сознания ребенка окончательный характер взрослого? Но тогда я был ребенком, не взрослым. Это не было воспоминанием о том, как я сидел у отца на коленях, когда мне было два годика; мне действительно было два года, и я сидел у отца на коленях. Я смотрел на букварь глазами двухлетнего ребенка и видел цветные буквы на бумаге. Мы находились в очень высокой, широкой и длинной комнате.

Почему, задумался я, отец иногда угрожает мне своим ремнем? Вряд ли он когда-нибудь порол меня, но он мог это сделать; можно увидеть шрамы.

[4:45] «Может быть, я уничтожил Элен своей самоуверенностью — так должен ли я убить себя? Все же эта самая самоуверенность, сделавшая меня тем, кто я есть, позволила мне совершить открытия, изобрести что-то новое. Я пережил рождение этой самоуверенности и ее гибель. Сейчас я восстанавливаю основной контроль над ней».

Мне пришло в голову, что Элен покинула всех нас, не оставив после себя ничего. Так же следует поступить и мне. Появится следующее поколение, за ним еще одно и еще, а я, как и она, буду никчемной неровностью на несуществующей поверхности истории. Стали ли причиной смерти Элен моя самонадеянность или неведение? Я помню, мне сказали, что от аппарата искусственного дыхания исходил слабый свет, когда она попыталась дышать самостоятельно. И когда я стоял рядом с ней, охваченный сильной тревогой, когда появился свет, я про себя молил ее постараться, продолжать стараться.

Или свет возник, когда аппарат еще работал? Могла ли она в действительности принять мои послания за ободрение, чтобы позволить машине дышать за нее? Мешал ли я ей выжить, руководствуясь каким-то эгоистическим мотивом? Испытывал ли я необходимость сбежать из ее мира?

[5:00] «Восстанавливающийся контроль. Знаю, куда иду. Не голоден».

Пока я лежал на постели, я осознал, что в течение последних часов какая-то часть меня приняла решение. Я собирался вернуться в мир имеющих ясную цель исследований, в мир МЭМ и ТМ и в особенности 2С-Э. Я отправил мысленное послание: спасибо тебе, Элен, если ты помогла мне увидеть, куда я должен идти.

Еще до смерти Элен я потратил несколько месяцев, педантично синтезируя и пробуя пятнадцать-двадцать аналогов МДМА. Мне удалось установить лишь то, что представители всего семейства — от МДЭ до МДОХ — либо являлись просто опьяняющими веществами, во многом напоминающие МДА, либо оказывались недостаточно сильнодействующими, чтобы с ними возиться. Теперь я понял, что попусту растрачивал ценное время.

[5:15] «Быстрое улучшение. Сейчас чувствую себя лучше, чем когда выходил к обеду в два часа дня».

Мир начал восстанавливать единство. Изображения на стенах моей комнаты постепенно становились менее подвижными и более слитными. Я начал слышать голоса на первом этаже. Там готовился ужин. Я проверил свое тело, и мне показалось, что все в порядке.

[5:40] «Подумываю, а не рискнуть ли отправиться на кухню».

В конце концов, я покинул свою комнату и попал в небольшую толпу гостей. Мимоходом поговорил с хозяйкой дома (теперь ее голову не покрывал платок в средневековом стиле, да и лейки у нее тоже не было). Все закончилось тем, что я стал помогать печь яблочный пирог. Потом я вступил в оживленную беседу с вдовой одного издателя, которого я знал. Выяснилось, что эта очаровательная леди хотела знать английский так же сильно, как я хотел выучиться ее родному языку — французскому. Между нами завязался удивительный, немного неприличный разговор: мы узнавали друг от друга, как будет на французском и на английском «рихтовать автомобильные шины» или «утечка бензина». И я знал, я буду в хорошей форме для завтрашнего семинара.

Это был необычный день — я принял максимальную дозу и получил от этого максимум плюсов. Сделанные во время эксперимента записи стали для меня личным сокровищем. До сих пор переживания, вызывавшие эти записи, свежи в моей памяти. Они стали последовательной цепочкой рассуждений, с помощью которых я окончательно уверился в том, как хотел дальше поступить со своей работой и как собирался этого достичь.

И я принял еще одно решение, возможно, самое важное из всех. Я не буду отрезать себя от богатейшего источника, который имел. Я останусь с людьми, буду работать с людьми, буду учиться у людей. Мой мир был миром изучения новых химических препаратов, и я сам не был единственным тиглем. Я подумал, что другие люди будут смотреть на вещи иначе, чем я, и я должен признать, что их мнение обладает такой же ценностью, как мое собственное. Я не могу удовлетворительно определить наркотик, полагаясь лишь на свой личный опыт. Описание

действия наркотика может быть сделано с учетом мнения тех, кто пробовал это наркотическое вещество. Чем больше людей поделятся своими соображениями относительно данного препарата, тем ближе мы подберемся к истине.

Стоит ли упоминать о том, что никаких экспериментов в Теннесси больше не было.

ЧАСТЬ 2. Голос Элис

Глава 16. Спираль

Когда, в конце концов, я подобрала для этого явления подходящее слово, то назвала его Спиралью.

Вот как все происходило. Готовясь немного вздремнуть (тогда я еще была ребенком) или отходя ко сну ночью, я достигала такой точки релаксации, когда человек почти не сознает свое тело. Мелкие неудобства и зуд в теле перестают заявлять о себе, и разум отправляется в свободное плавание. Стоило мне почувствовать, что это началось (я никогда не знала, когда наступит этот момент), как я, возбужденная и довольная, сразу же приходила в состояние полной готовности, а потом просто лежала, не шевелясь, пока процесс набирал обороты.

Прежде всего изменялось мое дыхание. Оно становилось совсем неглубоким, так что моя грудная клетка едва двигалась.

Если кто-нибудь заходил в комнату и заговаривал со мной — это порой случалось — я могла открыть глаза и ответить как обычно; эксперимент не останавливался, он продолжался в моей голове.

Каждая часть процесса, каждый его этап всегда были неизменными. Цветовая гамма была исключительно черно-белая. Другие цвета отсутствовали, и, как я ни пыталась, особенно где-то в четырнадцать лет, я не смогла вывести цвет на внутренний экран. К тому же у меня никогда не получалось продлить то, что я видела, разве что на несколько секунд. Если все заканчивалось, то ничего поделать было нельзя.

Сначала я видела образ, в соответствии с которым и назвала эти переживания, — образ спирали. Я чувствовала, как мое «я» быстро погружается в крошечную сжимающуюся точку. Она сжималась до предела, а потом внезапно превращалась в туннель. Я неслась по нему с огромной скоростью. Я была совсем малюсенькая и неумолимо продолжала уменьшаться.

Одновременно я расширялась. Я разрасталась до размеров вселенной с той же головокружительной скоростью, с которой уменьшалась. Это сочетание сжатия и растяжения было не только образным, я его чувствовала, осознавала всем своим существом и приветствовала. Переживания самой себя в виде микро- и макрокосма длились ровно четыре минуты.

Изображение спирали обнаруживается везде, где человек оставил свой след. Спираль высекали на поверхности камня, рисовали на стенах жилищ и на глиняных горшках. Спираль встречается в пещерах, в которых проводились инициации. Я уверена, что спираль до сих пор имеет значение для людей всех рас, потому что это символ для обозначения описанных мною переживаний и символ идеи, понимания того, что интеллект формируется не из рациональных, а из духовных переживаний Альфы и Омеги.

Следующий этап наступал неожиданно, как и все изменения в этом опыте. Я смотрела на стоявшие фигуры, в которых смутно угадывались люди. Темные тонкие фигуры вытягивались и становились похожи на скульптуры Джиакометти.[43] Они растягивались еще больше, их руки и ноги уже напоминали черную нить, растягивались до тех пор, когда, казалось, дальше было уже некуда. Тогда сцена менялась, и перед моим взором появлялись округлившиеся тела, двойники без костюмов, вызывавшие отвращение. Их маленькие головки и ножки утопали в раздувшейся плоти.

Эта сцена несла с собой дискомфорт и неприятные эмоции. Появлялось ощущение, будто что-то ужасно меня раздражает. Однажды я засекла, сколько по времени длится эта и следующая сцена. Оказалось, что вместе они продолжаются целых шесть минут. Обе сцены очень мне не нравились.

Потом наступала еще одна резкая перемена. Внутренний экран окрашивался в белый цвет, в ужасный мертвенно-белый оттенок, отвратительный и агрессивный, словно подбрюшье ската. После нескольких секунд самопрезентации эта белая поверхность начинала свертываться, начиная с внешних углов, окрашиваясь в черный цвет, пока весь экран не становился черным. Густой, жуткий, мертвый черный, цвет растекшейся смолы в темной глубокой пещере. После короткой паузы черный начинал свертываться по углам и переходить в белый. Превращение повторялось снова, и мои ощущения были сходны с теми, что я испытывала во время предыдущей сцены, — смешанное с раздражением неприятное чувство, доходящее до отвращения. В воображении у меня всегда стучали зубы, когда я переживала эти ощущения. Но я знала, что через это надо пройти, ибо этот путь нельзя было изменить.

Наконец, я переходила в заключительную стадию. Ради того, чтобы попасть туда, я всегда была и буду готова проходить через неприятную середину своего опыта.

Теперь я находилась на краю необозримой пропасти и смотрела в черноту, но она была совсем не та, что в сцене с переходом белого цвета в черный. Это была глубокая, убаюкивающая темнота бесконечной вселенной — пространства, без конца растянувшегося во все стороны. Мне нравилось находиться здесь, от этого я была совершенно счастлива. Если бы мне позволили, я осталась бы здесь навсегда, втягивая в себя эту прекрасную темноту и до боли знакомое ощущение бесконечности как живой, близкой и теплой, таинственной силы, окружающей меня.

После мгновения этого удовольствия приходило время приветствия Из верхнего левого угла вселенной Нечто, что знало меня и знакомое мне с момента становления времени и пространства, здоровалось со мной. Не произносилось никаких слов. Тем не менее послание было ясным и несло улыбку: «Привет, дорогой друг! Шлю тебе уважение-юмор-любовь. Видеть тебя вновь — это удовольствие пополам со смехом-радостью».

Нечто, здоровавшееся со мной, было бытием, настолько не похожим на что-либо, доводившееся испытывать человеку, что, повзрослев и попытавшись подобрать адекватное слово для описания увиденного, я пришла к выводу, что даже слово «бытие» не подходит. Любое слово задает границы, образ того, что ты описываешь, отличный от иных образов, которые определяются другими словами. А то, что довелось пережить мне, не имело ни образа, ни формы, ни определения, ни границ. Оно просто было. Оно есть.

Оно стало самым первым моим другом и приветствовало меня как равную. Я всегда отвечала ему волной любви, восторга и смеха.

Потом все заканчивалось.

На все про все уходило двенадцать минут.

Эти переживания были доступны мне постоянно, я принимала их как должное и не задумывалась о них, пока была ребенком. Лишь в четырнадцать лет я как следует взглянула на них и поняла, что этот опыт — нечто необычное, особенное, это принадлежавшее мне секретное сокровище. Я начала серьезно размышлять о нем, стала замерять время, в течение которого продолжался этот «сеанс» и предприняла первую — безуспешную — попытку что-либо в нем изменить. Но прошло много лет, прежде чем я отказалась от названия «микрокосм-макрокосм» как слишком длинного и громоздкого, остановившись на более простом слове «Спираль».

Возможно, это началось с самого рождения. Разумеется, точно это установить нельзя, однако, если учесть, что Спираль была частью моей жизни, сколько я себя помню, то я склоняюсь к тому, что она являлась мне с самого начала. Как-то раз мать сказала мне, что время от времени, когда я была совсем малышкой, со мной что-то происходило. Однако, по ее словам, она не волновалась по этому поводу, поскольку, когда все заканчивалось, я приходила в обычное состояние.

Я всегда видела Спираль в одних и тех же условиях (за единственным исключением) —

когда ложилась в кровать, чтобы вздремнуть или заснуть ночью, но задолго до того, как я погружалась в сон.

Один-единственный случай-исключение произошел, когда мне было лет пятнадцать, вскоре после того, как мой отец был переведен в Сантьяго-де-Куба на должность американского консула. Мы жили в гостинице, пока нам помогали подыскать жилье. Отец с матерью, я и мой брат Бой обедали в гостиничной столовой. Я уставилась на масленку, стоявшую на столе. Ровно в центре круглой масленки лежал один кусочек масла. Каким-то образом вид кусочка масла по центру масленки запустил во мне знакомое ощущение, которое я связывала с запуском Спирали. Я удивилась и очень обрадовалась, поскольку никогда прежде эти переживания не начинались в таких необычных обстоятельствах.

Я была довольна еще и потому, что со мной происходило нечто особенное, личное. Попросив извинения и разрешения выйти из-за стола и подняться в свою комнату, я чувствовала собственную важность, что редко случалось, когда я была в кругу семьи. Я дала понять, что начинается моя странная «штука», и мои родители нехотя разрешили мне уйти. Я добралась до комнаты как раз вовремя и успела захватить прекрасные завершающие мгновения Спирали. Как потом выяснилось, пережить Спираль, находясь не в постели, а занимаясь обычными делами повседневной жизни, мне удалось лишь однажды.

Я пыталась вызывать Спираль не раз и не два, экспериментируя с различными предметами круглой формы с пятном в центре, но ни один из них не сработал. Я так и не нашла способ «включать» Спираль. Она приходила ко мне по собственному желанию, неожиданно, время от времени. Ее выбор не зависел от того, что со мной происходило, — ни вообще, ни в частности. В двадцать пять лет, поверьте мне, я цеплялась за любую связь, и ничего не нашла. Будучи ребенком, я думала, что Спираль является ко мне раз в неделю или около того. Но чем старше я становилась, тем реже имела удовольствие видеть Спираль. В тот год, когда мне было двадцать пять, это случилось всего дважды, и больше не повторялось вовсе.

Открытие того, что я была не одна в своем путешествии во внутренний космос, стало для меня полнейшим сюрпризом. Это открытие принесло мне несказанное удовольствие и породило целую серию новых вопросов. Оно настигло меня в двадцатидвухлетнем возрасте. Что само по себе уже интересно, я получила два доказательства в течение всего лишь четырех месяцев.

Оба случая были удивительно похожи.

Первый произошел однажды вечером, на вечеринке, которую устроил один мой приятель в Сан-Франциско. Я находилась на кухне с несколькими остальными гостями, занимаясь тем, что обычно делают люди на чужих кухнях во время неформальных тусовок, — говорила, пила, жевала картофельные чипсы и морковку, а через некоторое время обнаружилось, что я и некий парень по имени Эван остались на кухне одни. Мы с головой ушли в обсуждение необычных переживаний, большую часть информации о которых мы либо вычитали, либо слышали от других. Похоже, такой разговор завязывается гораздо легче в середине энергичной, шумной вечеринки, чем в другое время.

Внезапно Эван стал рассказывать мне о том, что происходило с ним с раннего детства. Он назвал это «по-настоящему сверхъестественной вещью». Помню, что почувствовала покалывание в спине, когда собеседник начал описывать эту вещь. Я тут же поняла, почему на его лице стали проступать смущение и тревога. (Она вот-вот подумает, что я сумасшедший; почему я говорю об этом?) Я постаралась подбодрить Звана кивками и даже по своей воле призналась, что знаю, какая сцена будет следующей, когда он запнулся. Он посмотрел на меня со страхом, почти с ужасом, отпил немного из своего бокала, пробормотал «да, все так и было», и завершил свой рассказ. Конец его истории отличался от моего; его путешествие обрывалось вскоре после свертываний белого и черного. С легкой жалостью я подумала, что, по всей

вероятности, он упускает лучшую часть зрелища, хотя ему и удается пережить поразительную Спираль в самом начале. Я была довольна, что не подсказала ему, как все развивается дальше. Когда Эван закончил свое повествование, я сказала ему, что вижу точь-в-точь такие же образы и что он первый из всех знакомых мне людей, кто разделяет со мной этот опыт. Я умолчала о финальной сцене своих переживаний.

Он уставился на меня во все глаза. Не уверена, что он действительно слышал то, что я ему говорила. В конце концов, он улыбнулся и сказал, что я была первой, с кем он поделился этой личной «сумасшедшей штукой», и что он не может поверить — ведь это совсем из ряда вон — что я на самом деле знала, о чем он рассказывал. Эван сказал мне, что постоянно задавался вопросом, а не является ли Спираль признаком каких-либо психических нарушений. Для него было сущим облегчением узнать, что кто-то еще испытывает то же самое. Мы оба почувствовали — нет необходимости добавлять, что в подобной ситуации также обнадеживает тот факт, что человек, разделяющий твою странность, кажется относительно нормальным.

Я улыбнулась Эвану в ответ и сказала, что отлично понимаю его чувства. Мы ушли из кухни и присоединились к остальным гостям. Я никогда не встречалась с Званом после той вечеринки, да и не то чтобы ожидала или хотела этого. Было достаточно услышать, как другой человек повторяет то, что тебе хорошо известно. И какое это захватывающее ощущение — знать, что мое путешествие, или процесс, уводило меня дальше и продолжалось дольше, чем у Звана. В конце концов, несмотря на то, что я с огромной охотой мечтала избавиться от эксклюзивных прав на Спираль, я не возражала против некоторой толики превосходства.

Второй случай повторился почти один в один с первым с той лишь разницей, что молодой человек (его имя я позабыла чуть ли не сразу же) описал мне «странное видение», в которое он погружается с самого раннего детства, в чьей-то гостиной, а не на кухне, в эпицентре другой, не менее шумной вечеринки. Его видения тоже заканчивались раньше, чем мои, и он пришел в такое же изумление и испытал такое же облегчение, как и Эван, узнав, что на свете есть человек, которому не понаслышке знакомо его «странное видение».

Оба молодых человека показались мне довольно обыкновенными, хотя достаточно приятными и сообразительными. Я больше никогда не виделась и со вторым из них.

Помню, как на короткий миг ощутила желание дать в Chronicle или Examiner объявление, начав примерно так: «Ищу людей, кому довелось пережить…» Разумеется, на этом мое воображаемое объявление и застопорилось.

В последний раз она, моя любимая Спираль, явилась, когда мне было двадцать пять. Тогда, конечно, я еще не знала, что этого со мной больше не случится. Может, это было совпадением, а может, и нет, что не прошло и трех недель после последнего «сеанса», как я впервые встретилась с психоделиком — с Божественным кактусом, с пейотом.

Глава 17. Кактус

В конце пятидесятых я работала в Медицинском центре Калифорнийского университета. Центр объединяет большую группу зданий, где проводится как медицинское обучение, так и медицинская практика, и находится на вершине одного из холмов в Сан-Франциско. Этот холм прозвали горой Парнас. В отличие от места обитания греческого бога Аполлона и муз подавляющее число дней в году сан-францисский Парнас окутан туманом. Я жила всего в двух кварталах от Медицинского центра, и мне редкий раз удавалось поймать проблеск Города, раскинувшегося у подножия холма. Слушая в мае и июне сообщения по радио, в которых говорилось, как в округах Марин и Контра-Коста, расположенных через Залив, люди изнемогают от девяносто градусной жары по Фаренгейту,[44] я с негодованием думала, что полгода на Парнасе непременно отучили бы этих людей жаловаться. (Моя зарплата не позволяла мне иметь машину, а чтобы искать сдающиеся квартиры в районе Залива автомобиль просто необходим. Так что я оставалась на своем месте.)

Я работала машинисткой в отделении патологий, печатала медицинские отчеты. В конце рабочего дня я частенько ужинала в одной из двух огромных больничных столовых. Обычно я устраивалась вблизи больших двойных окон и читала какую-нибудь книжку, которой увлекалась на тот момент. Тогда я много читала, потому что жила одна и, как всегда, книги входили в число моих лучших друзей. Они составляли мне компанию и дарили мне неоценимое богатство, в то время как остальная моя жизнь была неинтересной, тревожной и сероватой. Мне шел тридцатый год. Начав работать в центре, я стала ходить на свидания с ординаторами, работавшими в центре, а потом обнаружила, что сильно привязалась к одному тихому, задумчивому психиатру по имени Пол. Длилось это несколько месяцев. Впервые я проявила интерес к этому человеку однажды вечером, в кафетерии, когда группа врачей, сидевших за дальним концом моего стола, начала возбужденно и аргументированно дискутировать. В числе споривших был привлекательный мужчина с пепельными волосами и приятным смехом. Он отличался заметной чертой характера, которая редко встречается и у обычных людей, а среди врачей — почти никогда: он не возражал, если обнаруживалось, что сообщил какую-то неправильную информацию, или когда он допускал ошибку; казалось, он с одобрением относился к тому, что неверные сведения были исправлены.

Когда он остался за столом один после того, как остальные отправились на дежурство, я набралась храбрости и подошла к нему, чтобы отметить это его качество, ведь он действительно не ломал копья и не обижался, если с ним спорили. Я поделилась с ним своими впечатлениями, тщательно подбирая слова, со всем обаянием, на которое только была способна, и добавила, что, на мой взгляд, это замечательное качество, достойное восхищения. Он рассмеялся и спросил, можно ли присоединиться ко мне и что я думаю насчет того, чтобы еще выпить кофе.

К концу того вечера я узнала, что Пол — умный, интересный человек, что он разводится, что развод проходит тяжело и дошел пока только до середины, а еще то, что Пол мне понравился. К концу следующей недели мы оба знали, что стали друг для друга тем, в чем оба нуждались, — партнером, с которым можно веселиться, заниматься любовью, разговаривать и делиться самым сокровенным.

Спустя несколько месяцев я обнаружила, что беременна. Пол оказался в ужасно противоречивом положении. Пока он был женат, он все время пытался завести ребенка. Но в итоге ему пришлось поверить в то, что он не может иметь детей. Как не вовремя пришлось ему узнать, что он все-таки не бесплоден. В условиях жестокой битвы, в которую превратился развод, было необходимо, чтобы никто не знал о наших с Полом отношениях, а тем более о моей

беременности. Было и еще одно печальное обстоятельство: мы с Полом не собирались жить вместе в будущем. Так что вместо того, чтобы стать приятным сюрпризом, неожиданная беременность обернулась крупным досадным затруднением. Мы начали обсуждать аборт.

Природу совершенно не интересуют всякие там «затруднения», но порой она в самом деле находит способ осуществить правосудие, чтобы исправить некоторые дефекты или недостатки. Должно быть, ей не понравилось то, что происходило во мне к тому моменту, когда я была примерно на втором месяце беременности.

Как-то раз, вернувшись домой после работы, я вновь погрузилась в противоречивые мысли, ставшие для меня обычным явлением (я уже родила одного сына — Кристофера, когда мне было двадцать и была замужем; брак оказался коротким и губительным). С этими невеселыми мыслями я отправилась в ванную. Со стонами боли я села на унитаз. Невидящим взором я смотрела на запотевший черно-белый кафель на полу, пока, наконец, не исторгла из себя плод. Я быстро посмотрела вниз, чтобы только увидеть крошечный комочек, плавающий в крови, и извиниться перед неродившейся душой, которая должна была жить в этом комочке: «Прости; все это было не вовремя, мой дорогой Кто бы ты ни был. Может быть, когда-нибудь…»

Сняв испачканную одежду, я отправилась на поиски чистой пластиковой скатерти. Сложила ее вдвое и расстелила на постели. Потом осторожно легла прямо посередине скатерти и откинулась на груду подушек, совершенно измученная. Когда я чувствовала, как время от времени из моего тела выходят мягкие сгустки крови, я думала, что это был послед. Я продолжала дремать, испытывая облегчение оттого, что боль ушла. В ту ночь Пол дежурил в больнице. Я собиралась все убрать к его приходу утром, но могла лишь отдыхать, пока кровь не остановилась и силы не начали возвращаться ко мне.

Должно быть, прошло не меньше двух часов, прежде чем я смутно ощутила, как что-то холодит мне кожу, и открыла глаза. Я обнаружила, что сижу в сгустках крови по самые бедра. У меня кружилась голова, и до меня дошло, что, вполне возможно, я потеряла больше крови, чем обычно теряет женщина после отхода последа, и что, может быть, мне следует позвонить кому-нибудь и посоветоваться. Я не могла сообразить, кому бы позвонить, потому что не собиралась беспокоить Пола, пока он был на дежурстве. Потом я вспомнила о хорошенькой молоденькой медсестре по имени Тесс, которая жила в соседней квартире. Мне показалось, было бы неплохо, чтобы она меня осмотрела, просто на тот случай, если вдруг я неверно оценивала ситуацию. Когда я попыталась слезть с постели, предупреждающий внутренний голос сказал мне двигаться с крайней осторожностью. Он сказал: «ТЫ НЕ ДОЛЖНА ПАДАТЬ В ОБМОРОК». Я совсем не чувствовала страха, но подумала, что хорошо бы не вставать на ноги из-за головокружения. Так что я медленно поползла на четвереньках в гостиную, нечаянно стащив с кровати свой халат. Я кое-как добралась до телефона в дальней части квартиры. Я сняла телефон с кофейного столика и поставила его на пол, удивляясь, какой же тяжелый был телефонный аппарат.

Тесс оказалась дома. Я доползла до двери, чтобы открыть ее, и легла на пол, где теперь разливалась небольшая лужа крови. Взглянув на меня, Тесс сразу же схватилась за телефон. Я слышала, как она что-то говорила про экстренный случай и потерю крови. Потом она стала на колени и осторожно надела на меня халат. Когда она завязывала пояс, то сказала лишь следующее: «Не двигайся, милая; побереги свои силы». А я улыбалась ей счастливой улыбкой, чувствуя себя умиротворенной и жизнерадостной одновременно.

Когда она пошла за полотенцем для меня, то остановилась рядом с кроватью и пробормотала что-то похожее на «Боже мой!» Дав мне полотенце, чтобы положить его между ног, Тесс собрала мою сумочку, медленно подняла меня с пола и помогла мне спуститься к ее машине. Пока она закрывала входную дверь моей квартиры, я сидела, словно послушное дитя, временами теряя сознание, но чувствуя себя в безопасности и довольной. Когда мы приехали в

больницу, к подъезду, куда подъезжает «скорая помощь», Тесс пошла все подготовить к моему приему, а я открыла свою сумочку и достала оттуда пудреницу. Я только хихикнула, увидев свое отражение в зеркальце: никогда еще мне не доводилось видеть такой цвет лица у человека — бледно-серый, со слабым оттенком зеленого в тени.

Я лежала на кушетке. Вокруг меня суетились люди. Мне показалось, что там было двое врачей и, по меньшей мере, одна медсестра. Они пытались отыскать вену у меня на руке, чтобы воткнуть туда иглу для переливания крови. Но я-то знала, что со мной все будет в порядке, и пыталась сказать серьезным, суетившимся фигурам, чтобы не волновались, убедить их в том, что я не собиралась умирать. В ответ я услышала короткий, резкий приказ лежать спокойно; казалось, мое благодушное настроение их раздражало. Это замечание сначала меня немного задело, потом я на него обозлилась. В конце концов, я ничего с собой не делала, это природа и боги приняли решение.

Почти сразу же обида и гнев исчезли. Я вновь лежала в состоянии приятной эйфории. Древние римляне, должно быть, понимали в ней толк, если учесть, что совершать самоубийство они предпочитали, перерезая себе вены на запястьях и истекая кровью в ванне с теплой водой. Так поступали, по крайней мере, представители высших слоев.

Через несколько дней кто-то объяснил мне, что большая часть сгустков крови не была последом. Они появились в результате кровотечения из какого-то капилляра внутри матки. Он почему-то не закрылся после выкидыша, хотя должен был. Я потеряла немногим больше шести пинт[45] крови. Я забыла точную цифру, зато прекрасно помню, как была поражена, когда мне напомнили, что в теле женщины содержится в среднем лишь девять пинт крови.

Узнав о случившемся, Пол пошел ко мне домой и все прибрал. То, что он увидел там, Пол полушутя описал как «сцену кровавого убийства, совершенного топором». На самом деле он был глубоко потрясен, его раздирали противоречивые чувства — ужас, облегчение и сожаление. Впоследствии он сказал мне, что не сможет забыть, что я чуть было не умерла. Все это было чересчур.

Как-то мартовским вечером я сидела в столовой за чашкой» остывшего кофе и читала при свете уходящего дня, падавшем на книгу из большого окна. Внезапно один мой знакомый прокатил свой поднос с едой по столику напротив меня и уселся там. Д-ра Сэмюеля Голдинга отправили в наш медицинский центр на год — проходить интернатуру. Его направили сюда заниматься психиатрией. Д-р Голдинг был всего лишь на несколько дюймов выше меня ростом, коренастенький, с жесткими черными волосами. Он был одним из самых интересных — и очаровательно странных — людей, которых мне довелось узнать. Он попал в отделение патологий, и с ним мы познакомились, признав друг в друге независимых людей. Мы начали разговаривать за обедом и порой за ужином, когда он оставался на позднее дежурство и заглядывал в кафетерий.

Сэм был очень рассеянным человеком, иногда его рассеянность доходила прямо до беспамятства. Возможно, это была реакция на рабочее расписание, которое он должен был соблюдать, и последствие того, что он должен был уделять много внимания утомлявшим его вещам. Эти вещи он рассматривал как неизбежное зло, которое нужно пережить на пути к одной-единственной имевшей значение цели — стать психиатром. Я была уже достаточно знакома с миром медицины и знала, что к психиатрии относились, как к бедной сиротке, а тех, кто ею занимался, считали чудаками. По крайней мере, такова была стандартная позиция обычного врача и обычного профессора медицинской школы. Поэтому на любого человека, который изучал медицину и давал понять, что хочет заниматься психиатрией, обрушивался целый град саркастических оскорблений со стороны преподавателей, не говоря уже о сокурсниках.

(Я пришла в изумление, узнав, что, по данным, по крайней мере, одного исследования, выходило, что 98 % докторов были республиканцами, а все психиатры, которых я встречала, оказывались демократами. И в самом деле — странно.)

Самый смешной пример рассеянности Сэма, однако, не имел ничего общего со скукой, а, напротив, объяснялся его простодушием. Однажды вечером, ужиная в кафетерии, мы приняли участие в бойком обсуждении ритуальных обрядов какого-то племени американских индейцев. Я сказала Сэму, что мне нужно в дамскую комнату, но что я быстро вернусь. Он встал из-за стола вместе со мной и, продолжая что-то объяснять и жестикулируя обеими руками, проводил меня по коридору к двери с табличкой «Ж». Я полагала, что он будет ждать меня у двери. Я прошла в кабинку и тут же услышала, как Сэм вошел за мной в женский туалет, не прерывая своей речи. Он, очевидно, забыл, что в медицинском центре не было такой вещи, как общий для мужчин и женщин туалет. Я решила не рисковать: мне не хотелось, чтобы Сэм оказался в шоке, если бы я дала ему понять, где он находится. Я просто села на унитаз и стала слушать, порой восторженно ухая в подходящих местах. Я едва сдерживала смех и отчаянно надеялась, что в туалет не зайдет женщина с переполненным мочевым пузырем.

Когда я закончила (чуть быстрее, чем обычно), мы вышли из туалета. Сэм проводил меня обратно в кафетерий, его хирургический халат был не завязан сзади, как это частенько случалось. Мы заняли свои места за столом и продолжили беседу. Я никогда не рассказывала Сэму об этом курьезном происшествии.

Обычно мы с Сэмом обсуждали человеческий разум, говорили о мире в целом и порой о космосе. Однако независимо от темы нашего разговора, она неизбежно сворачивала на одну из двух тем. Первая была связана с племенами севере- и южноамериканских индейцев, о которых, казалось, Сэм знал все — и их обычаи, и традиции, и ритуалы, и верования — все. Или так мне казалось. Второй любимой нашей темой были психоделики, как естественного происхождения, так и искусственно созданные. Разумеется, две эти темы с легкостью и довольно часто перетекали друг в друга, потому что, как выяснилось, почт каждая отдельная культура в племенах американских индейцев использовала изменяющие сознание растения. И Сэм был хорошо о них осведомлен.

Я знала лишь то, что вычитала в книгах, тогда как Сэм какое-то время жил в бассейне Амазонки среди индейцев и лично попробовал разные галлюциногены. Поэтому, в основном, мне отводилась роль благодарного слушателя и ученика, что было удобно нам обоим.

За одним исключением. Я открыла, что у Сэма был настоящий талант к рисованию. Однажды он показал мне написанный от руки отчет о вскрытии трупа, подготовленный к перепечатке» И на полях разлинованной желтой бумаги я увидела небольшие красивые наброски, сделанные карандашом. Там были нарисованы загадочные создания, растения, цветы, деревья и что-то, похожее на драгоценности. Я воскликнула: «Господи, д-р Голдинг, это же невероятно!» Сэм воззрился на меня с искренним недоумением, потом заглянул ко мне через плечо, чтобы посмотреть, о чем это я.

— Это? О, я все время машинально рисую эту ерунду. Что в ней такого необычного?

Выяснилось, что Сэм вырос в семье врачей и ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь отметил его способность рисовать. Очевидно, что его родители не были в этом заинтересованы, не думали они и о том, что рисование интересует их детей. В любом случае, талант художника не имел явного отношения к медицине. Я занималась живописью всю свою сознательную жизнь и поэтому не смогла сдержать возмущения, узнав о таком пренебрежительном отношении. Я предложила Сэму поучить его основам рисования.

Он был тронут моим неожиданным интересом и согласился приходить в мою маленькую квартирку вечером по вторникам в том случае, если он не дежурил в этот день. Он учился тому,

как пользоваться различными кистями и акварельными красками. Я сама никогда толком не училась писать маслом и не могла позволить себе приобрести набор масляных красок, но рассказывала Сэму все, что знала.

Он воспроизводил в рисунках те образы, которые, по его словам, он видел, находясь под воздействием галлюциногенов. Опыты с галлюциногенами проводились частной исследовательской группой под руководством одного из друзей Сэма, которого он назвал Шурой, — это имя сразу вылетело у меня из головы. Сэм входил в эту группу. Он рассказывал мне о собраниях этой группы, пока рисовал у меня. Несколькими месяцами раньше Сэм также принимал участие в серии экспериментов с наркотиками, которые проводились по субботам прогрессивным преподавателем в учебной психиатрической клинике, приписанной к главной больнице. Он тоже считал, что любой, кто планирует заняться карьерой в области психиатрии, должен испытать воздействие самых широко используемых препаратов на себе, поскольку в будущем ему, несомненно, придется иметь дело с пациентами, которые подверглись воздействию этих наркотиков и злоупотребляли ими.

Эти экспериментаторы — большинство из них были врачами-ординаторами на третьем году специализации — снимали на камеру самих себя, когда они находились под воздействием героина, марихуаны, ЛСД и мескалина. На каждый наркотик отводился день. Пока мы сидели в кафетерии, Сэм часами рассказывал мне об этих встречах и о том, что он узнавал. Во время наших вторничных вечеров он рисовал некоторые образы, появившиеся в его сознании после экспериментов в клинике и у Шуры. Рисуя, Сэм рассказывал мне об эмоциях и идеях, которые ему довелось пережить. Его рассказ прерывался лишь тогда, когда время от времени при помощи кисти или большого пальца я демонстрировала ему очередной полезный элемент техники рисования.

Однажды в один из наших вечеров, после того, как мы отложили рисунки и кисти, я отважилась спросить у Сэма, смогу ли я когда-нибудь принять один из этих наркотиков и мог бы он стать моим гидом.

— Не вижу для этого никаких препятствий, — ответил Сэм. -

Какой наркотик ты хотела бы попробовать, как тебе кажется?

Поскольку я читала восхитительный отчет Хаксли о его эксперименте с мескалином, равно как горький рассказ Андре Мишо о его опыте с тем же наркотиком, я сказала Сэму, что, похоже, на протяжении многих столетий пейот принимали тысячи-; людей, об этом сохранились впечатляющие сведения. Мне действительно хотелось попробовать его. Я добавила, что не очень-. то понимаю разницу между мескалином, добытым из пейота, и мескалином, синтезированным в лаборатории. Но я была готова попробовать любой из них, какой удастся достать Сэму.

Сэм сказал, что постарается все устроить, хотя не мог ничего обещать окончательно. Я поблагодарила его и пообещала самой себе не очень надеяться, вдруг ничего бы не получилось по какой-нибудь причине. Зная о рассеянности Сэма, я понимала, что должна подготовить себя даже к тому, что он вообще обо всем забудет.

Я обратилась с просьбой к Сэму две недели назад.

Теперь, отодвинув от себя книгу и заложив нужную страницу бумажной салфеткой, я усмехнулась, Глядя на своего взъерошенного друга, одетого в зеленый хирургический халат, опять не завязанный сзади.

— Как делишки, Сэм?

— Думаю, тебе будет интересно узнать, — ответил он в своей обычной резковатой манере, разрывая кусочек хлеба. — Я завелся несколькими бутонами пейотля, которых будет достаточно для нас обоих.

Я уставилась на него, раскрыв рот от удивления. «Ты до тал? Как замечательно! Они у тебя действительно есть?»

Сэм проглотил ложку супа, а потом спросил: «Ты все ей хочешь это попробовать?»

Мой желудок пустился в странный танец и начал то подпрыгивать вверх, то опускаться вниз. Тем не менее я вытянула лок вперед и, опершись на них, пристально посмотрела на Сэма. «Я в самом деле хочу это попробовать, Сэм. Очень хочу. Просто скажи, где и когда».

— Как насчет следующего воскресенья?

Я одобрительно кивнула: «Прекрасно. Значит, в следующее воскресенье». С каким-то неистовством я размышляла, произойдет ли в назначенный день что-нибудь такое, что мне обязательно запомнится.

Нет, Пол не со мной, и в этот выходной я не увижусь с Кристофером.

Одно воскресенье в месяц я проводила со своим маленьким сыном. Он жил с моим бывшим мужем и его новой женой в округе Марин, потому что она не должна была ходить на работу. Они не хотели, чтобы я виделась с мальчиком чаще, чем раз в четыре недели, поскольку, как они говорили, эти свидания действовали на него разрушительно.

В следующее воскресенье ничего не случится.

— Где мы будем делать это, Сэм?

Сэм съел еще немного супа, после чего спросил: «Где ты будешь чувствовать себя максимально удобно — как насчет твоей квартиры? Мы могли бы начать там».

— Да, конечно. У меня дома, — я чувствовала смущение. До сих пор я никогда не принимала психоделики. Я даже не курила травку. А теперь, совсем неожиданно, чудесный мир Одиса Хаксли вот-вот откроется передо мной. Или, возможно, я увижу демонов Мишо. Я не знала, чего бы еще такого спросить у Сэма.

Между тем Сэм собрал остатки супа кусочком хлеба. Я надеялась, что он не заметит моего замешательства. Он не должен передумать, он не должен!

— Во сколько?

— Что во сколько? — переспросил Сэм, подняв глаза от тарелки. — А, ты имеешь в виду, во сколько мы встретимся в воскресенье? Ну, как насчет девяти часов утра? Не хочу начинать слишком поздно; помяни мое слово, это будет продолжаться целый день.

— Да, само собой, — я прокрутила в уме сказанные Сэмом слова и задумалась над тем, что бы спросить еще. Я чувствовала себя полной идиоткой. Как нужно готовиться к этому дню, который собираешься провести, приняв что-нибудь вроде пейота?

— Мы не будем долго сидеть в четырех стенах, — сказал Сэм. — Может, сходим в парк, если привыкнешь к качке. Во время таких опытов лучше быть на воздухе, на природе.

Внезапно Сэм перестал быть для меня молодым человеком, который не удосужится проверить, одинаковые ли носки он надел, и который забывает о половине конференций, где ему следовало побывать; теперь он был знающим человеком, учителем.

Я кивнула в ответ.

Наверняка есть еще что-то, о чем я должна обязательно спросить Сэма. Что еще я должна узнать перед воскресеньем?

— Может быть, я что-то должна сделать перед этим, Сэм? Я хочу спросить, надо ли мне как-то подготовиться? Может, ничего не есть?

Сэм как раз начал выходить из-за стола с подносом: «А, здорово, что ты напомнила. Да. В воскресенье утром у тебя должен быть пустой желудок. Можешь пить, что захочешь, но не ешь. Тебя может вырвать. Обычно так и случается».

Он уже приготовился уходить, потом обернулся и добавил: «И не добавляй сливки в кофе. Никакого масла или жира. Это замедляет усвоение. Да, еще. Было бы славно, если бы у тебя в

холодильнике стоял апельсиновый сок. Увидимся в воскресенье утром».

Я смотрела, как Сэм пробирается между столами и обходит стулья, встречающиеся на его пути к месту, где надо было сдавать поднос. В голове у меня была полная сумятица, проносились какие-то образы, я что-то начала представлять и жутко разволновалась. На секунду я задумалась, а что если я умру во время эксперимента, и с удивлением отметила, что эта мысль ни чуточки меня не испугала.

Еще не было и восьми утра, как я встала и оделась. Я надела джинсы и светло-голубой свитер. Обычно в этот час я крепко спала, наверстывая ранние — в полседьмого утра — подъемы во время рабочей недели. Я сидела в гостиной, прихлебывая кофе с сахаром и без сливок, и смотрела в окно, поджидая Сэма. Я была абсолютно уверена, что то, что произойдет сегодня, изменит мою жизнь, но как — я не могла догадаться. И еще я знала, что была к этому готова. Пришла пора, подумала я. Пришла пора.

Сэм появился пять минут десятого. Под мышкой он нес большой бумажный пакет. Время от времени мой желудок урчал от голода и беспокойства. Я присела на диван, крепко обхватила себя руками, сделала попытку улыбнуться и спросила: «И как же мы будем это делать?»

— У тебя есть апельсиновый сок?

— Конечно. Подожди секунду, — я принесла бутылку сока и два высоких стакана для напитков. Поставила все это на кофейный столик и вновь села на диван. Сэм все еще стоял. Под моим неотрывным взглядом он открыл пакет и вынул оттуда большую банку, до половины наполненную густой коричневато-черной жидкостью. Там плавали какие-то кусочки. Сэм аккуратно поставил банку на столик. Я пробормотала: «Какая жалость, что это так ужасно выглядит. Это и есть пейот?»

— Да, это заваренные бутоны пейота. Мы смешаем это с апельсиновым соком; может, будет вкуснее.

— На вкус это так же отвратительно, как и на вид?

— О, гораздо хуже, — с готовностью ответил Сэм, присаживаясь подле меня. — Вполне возможно, что это самая мерзкая вещь на свете!

Я вспомнила, что Сэм упомянул рвоту в нашем разговоре в кафетерии. У меня перехватило дыхание, стоило мне посмотреть на банку.

— Сэм, что произойдет, если меня вырвет — я хочу сказать, не повредит ли это делу?

— Нет, — ответил Сэм. — Почему-то рвота не влияет на ход эксперимента, пока тебе удается ненадолго удержать ее до нового приступа.

Господи, кажется, все будет гораздо сложнее, чем я думала. Я украдкой взглянула на колдовскую жидкость: «Сколько там бутонов?»

— Я заварил четырнадцать крупных бутонов, так что на каждого из нас приходится семь, если у меня получится отмерить точное количество, этим я и собираюсь заняться прямо сейчас.

Я смотрела, слегка раскачиваясь, как сидевший рядом со мной Сэм тонкой струйкой наливает густую темную дрянь сначала в один, затем в другой стакан, и продолжает медленно и осторожно доливать до тех пор, пока каждый стакан не оказался наполнен на треть. После чего Сэм открыл принесенную мной из кухни бутылку и долил стаканы соком, оставив до края расстояние шириной в палец. Закончив работу, Сэм откинулся на спинку дивана и сделал мощный выдох.

Я невнятно сказала: «Теперь мы это выпьем, да?»

— Теперь мы это выпьем.

Сэм поднялся с дивана. Я тоже встала и, взяв свой стакан, чокнулась со стаканом Сэма.

Сэм улыбнулся и посмотрел прямо мне в глаза, что было необычно для него; в каком-то смысле, он был довольно робким.

— Пусть боги благословят нас, — сказал Сэм. Я была удивлена и тронута этими словами. Уж от кого, а от Сэма я не ожидала такого услышать.

Я сделала небольшой глоток смеси из своего стакана и тут же выплюнула это обратно. «Боже мой, Сэм! Это УЖАСНО!»

— Да, это так, не правда ли, — согласился он с гордостью. Я взглянула на Сэма. Он продолжал глотать жидкость, лицо скривилось, глаза закрыты. Я перевела взгляд на чудовищную смесь в стакане, который я держала в руке, и подумала, как вообще я смогу это выпить. На вкус содержимое стакана было не просто горьким; как только она попадала в рот, к горлу подкатывала тошнота. Словно тело внезапно решило, что это вещество не подходит для человека, и приготовилось сопротивляться его приему всеми способами.

Я взяла стакан, прошла через арку, отделявшую гостиную от спальни, и присела на краешек кровати. Отсюда я могла беспрепятственно видеть унитаз в ванной комнате. При случае я смогу в мгновение ока добраться до туалета, пришло мне в голову, после чего я сделала глоток и постаралась не думать о том, что я пью.

Полчаса спустя я все еще сидела на кровати. Мой стакан опустел. Сэм расхаживал в гостиной, допивая остатки жидкости. Ни один из нас не произнес ни слова с момента начала испытания. Мне не хотелось двигаться, да и говорить тоже. Я собиралась оставаться на месте и не дергаться, чтобы мой желудок продолжал нормально работать и чего-нибудь не выкинул.

Вдруг Сэм прошел через арку, натолкнувшись на деревянную дверь, и скрылся в ванной. До меня донеслись характерные для рвоты звуки. Я тут же заткнула уши пальцами.

Не позволяй себе думать об этом. Думай о свете, который льется через окна в соседней комнате; думай о том, как ляжешь на кровать и о том, что тебе больше не придется двигаться; думай о том, как приятно и спокойно быть здесь, как спокойно.

Когда я вытащила пальцы из ушей, все, что я услышала из ванной, был звук льющейся воды. С облегчением я улеглась на кровать.

Никаких быстрых движений. Все делай как в замедленном изображении.

Дверь ванной открылась. На пороге возник Сэм. Он смотрел на меня с легким смущением. Я улыбнулась ему: «Ты в порядке?»

— Да. Всегда это со мной случается. А как ты?

— Пока все нормально. Просто собираюсь оставаться в неподвижности какое-то время.

Он забрался на кровать и растянулся рядом: «Хорошая идея. Присоединяюсь».

В комнате было очень тихо. Я не чувствовала никакого напряжения, никакой неловкости оттого, что лежала в постели рядом с Сэмом. Я положила руки под голову и стала рассматривать потолок, ожидая, что что-нибудь произойдет. На тот момент я была уверена лишь в том, что наконец-то мне стало хорошо, что желудок был в порядке, и еще пожелала, как было бы прекрасно больше никогда в жизни не пить эту ужасную гадость.

На мгновение я задумалась, смогу ли теперь смотреть на апельсиновый сок без тошноты, и решила, что смогу, потому что люблю этот сок. Потом я подумала о женщинах и рвоте, о том, тяжелее ли мужчины переносят тошноту, поскольку ведь их тошнит не так часто, как женщин; некоторых женщин тошнит во время менструации, а во время беременности тошноту по утрам испытывает большинство женщин. Они учатся медленно двигаться и успокаивать желудок при помощи воды, крекеров и мыслей о том, что их не тошнит. Наверное, подумала я, мужчины борются с тошнотой, как с врагом, насильно сдерживая себя, что отнюдь не помогает слабому желудку.

Я повернула голову к Сэму, чтобы поделиться с ним своими мыслями, но замерла с наполовину открытым ртом. Глаза Сэма были закрыты, мягкий свет, который шел из окна в гостиной, очерчивал контуры его лица. У него был рот серьезного ребенка, в нем читалась

легкая уязвимость и задумчивость, и лишь в уголках наметилась явная твердость.

Твердость. Где проходит граница между твердостью и упрямством? Ну конечно! Когда человек тебе нравится и ты с ним согласен, это будет твердость, а если ты придерживаешься другого мнения, тогда он будет для тебя упрямцем.

От этого детского лица взрослого человека исходило приглушенное сияние. Я никогда раньше не удосуживалась изучить лицо Сэма. В самом деле, кто будет с пристальным любопытством рассматривать лицо человека, который не является ему ни родственником, ни любовником — по крайней мере, нашей культуре это не свойственно. Поразительно, как много мог рассказать о Сэме его рот, если уделить время и рассмотреть его повнимательней.

Мне казалось абсолютно нормальным вот так рассматривать Сэма.

Я нарушила тишину, осознав нечто большее, чем могла увидеть. «Я только что поняла, Сэм; ты ведь чужой, не так ли? И именно такой путь тебе по душе, тебе нравится быть посторонним». Я по-детски радовалась за себя, за свою способность так глубоко и хорошо все понимать.

Сэм открыл глаза; глаза у него были карие. Он смотрел прямо на меня, в его взгляде не было и следа прежней робости.

Он спросил: «Что ты видишь?»

— Я вижу восхитительное сочетание вещей, которое особенна,1 выдает твой рот, и мне только что пришло в голову — понятия не,| имею, почему — что ты решил остаться вне обычного, ты знаешь, медицинского братства. Клуба врачей. И, скорее, не потому, что они тебя не понимают, не хотят водить с тобой дружбу; ты сам не хочешь, чтобы тебя приняли, ведь они тебе не нравятся. А это значит, что мне не нужно за тебя волноваться, к чему я склоняюсь.

Не думаю, что Сэм усмотрел какой-нибудь смысл в вышесказанном.

Его губы тронула улыбка, он отвернулся. Через некоторое время он сказал: «Посмотри по сторонам. Видишь что-нибудь интересное?»

Я села на кровати и оглянулась вокруг. Во-первых, выясни- 1 лось, что я могу двигаться, не думая о своем животе. Я посмотрела на собственное тело и почувствовала, что оно исчезло; казалось, все было нормально. Никакой тошноты и ощущения, что лучше не двигаться. Теперь я могла отвлечься и перевести внимание на другие вещи.

Поверхность стен в спальне пришла в движение, испуская слабое мерцание. Стоило мне сфокусировать взгляд в одной точке, как в этой области движение останавливалось, но боковым зрением было видно, что в других местах рябь на стенах не прекращалась.

Что-то еще изменилось, но несколько мгновений я не могла точно определить, в чем заключалось изменение. Кровать по-прежнему была кроватью, лампа оставалась той же старенькой, лампой, примостившейся на маленьком столике рядом с кроватью, который все не перестал быть прикроватным столиком.

Через арку я могла видеть окна в моей гостиной, озаренные мягким весенним светом. Мебель выглядела знакомой и дружелюбной. Никаких превращений больше не наблюдалось. Не было никаких танцующих на полу существ. Тем не менее у меня появилось какое-то новое внутреннее ощущение. Мне нужно было рассмотреть его получше. К тому же изменилось время. Казалось, что оно замерло, по крайней мере, на мгновение. Я посмотрела сверху на лежавшего Сэма. «Все кажется обычным, как оно и должно быть. Я хочу сказать, что стулья не превратились в мистических животных или во что-нибудь еще, но во всем появилось что-то очень странное. Это невероятно личное ощущение, в какой-то мере приятное и дружеское, словно я нравлюсь двум своим комнаткам — знаю, это не самое научное наблюдение, которое ты слышал, но появилось какое-то дружеское расположение ко всему — ну, что-то вроде того».

— Я и не просил научных наблюдений, — мягко заметил Сэм.

— И время, — добавила я. — Время идет не как обычно.

Я капельку помолчала, только чтобы еще раз оглядеться, потом сказала: «Свет, идущий из соседней комнаты, просто великолепен. В воздухе плавают пылинки и, мне кажется, они что-то напевают».

Сэм ничего не ответил, но тишина в комнате была чрезвычайно приятной. Я подумала о том, какой славной была тишина. Я бы не возражала, если бы она продолжалась вечность. Впрочем, я была бы не против, если бы она нарушилась. Просто повсюду не было ни признака напряжения или тревоги. Лишь сияние и абсолютное умиротворение.

Я сказала: «У меня внутри все улыбается. И у меня такое ощущение, что с миром все хорошо. По крайней мере, все нормально здесь, в этом уголочке мира».

— Хорошо, — сказал Сэм оживленно, опуская ногу на пол. — Очень скоро мы увидим, что происходит в остальном мире.

— О Господи! Ты имеешь в виду, снаружи? Думаешь, это неопасно?

Сэм, недоуменно: «Неопасно? Почему это должно быть опасным?»

Он беспокоится, вдруг мне нехорошо.

— Я в порядке, Сэм, просто я волнуюсь, а что если люди заметят, то есть я же чувствую себя совсем иначе и не знаю, насколько странными мы покажемся другим людям.

— Ты напомнила мне, что пора бы сделать одну очень важную вещь, — сказал Сэм. — Отправляйся в ванную и посмотри на себя в зеркало Потом вернешься сюда и расскажешь мне, что ты там увидишь.

— Ладно, — я встала с постели, отметив, что мое тело было; невесомым и очень сильным. Я знала, что через меня проходит какая-то энергия, но специфического покалывания или других признаков этого я не чувствовала.

Я включила свет в ванной и посмотрелась в зеркало. Я уви-,3 дела себя в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет, когда я была похожа на киноактрису Ингрид Бергман, причем сходства! было настолько близким, что несколько раз — к моему великому восторгу — незнакомые люди ошибались, приняв меня за i. На лбу и вокруг рта еще не появились морщинки. Глаза был серо-голубые, зрачки неправдоподобно расширились. В этом лице было нечто действительно привлекательное, решила я; и не было больше неглубоких морщинок вокруг глаз и рта, словно говорящих «будь осторожна, не лезь, куда не приглашали» — эти следы раздражения и горечи исчезли. Теперь лицо выражало лишь доброту и чувство юмора. На это лицо и в самом деле было приятно посмотреть.

С таким чувством, будто наткнулась на что-то важное, подумала: передо мной определенно доброе создание; это личностью, на которую я смотрю в зеркале, нужно дорожить, Все совершенные ею ошибки и промахи не отняли у нее душевное тепло и способность проявлять заботу и любить. Я увидела, как у меня затуманились от слез глаза, и была потрясена до глубины души такой сильной симпатией по отношению к самой себе.

Я выключила в ванной свет и сообщила Сэму: «Я выгляжу на десять лет моложе. Это нормально?»

— Так часто случается. Должно быть, это связано с релаксацией и ослаблением обычных защитных механизмов и спадом напряжения. Что-нибудь еще?

— Да, — я задумалась над тем, как сформулировать свою мысль — Мне понравилось лицо, отражавшееся в зеркале. Я хочу сказать, что мне действительно понравилась женщина, которую я видела. Я не привыкла к этому. Думаю, что и большинство людей тоже.

— Теперь мой черед, — Сэм спрыгнул с кровати и пошел в ванную. Я подумала, что проблемы с желудком у него уже закончились. Когда он вышел из ванной, я посмотрела на него и немного подождала, но он лишь улыбнулся и прошел в гостиную. Я последовала за ним. На Сэме были джинсы и джемпер цвета ириски. Я поняла, что не замечала этих деталей раньше,

потому что была слишком взволнованна и растерянна.

Сэм подошел к эркеру и, отодвинув штору, посмотрел на улицу.

— Солнце не такое яркое. У тебя есть плащ, который можно взять с собой7 По радио передавали, возможен дождь, так что надо приготовиться к нему.

— Плащ? — переспросила я, пытаясь вникнуть в смысл этого слова. Я вовсю шевелила мозгами: мне надо было понять, почему все, что меня окружало, словно открылось мне навстречу, излучая при этом свет. Ощущение наполняющего комнату света не проходило, хотя солнечные лучи в комнату уже не проникали.

Я больше чувствовала этот свет, чем видела.

— Ты ведь в порядке? — спросил Сэм. — То есть твой желудок успокоился, не так ли?

— О да, с ним все хорошо.

— Тогда я думаю, что пора пойти на разведку. И не беспокойся насчет того, что кто-нибудь обратит на тебя внимание. Люди видят лишь то, что хотят видеть.

— Согласна.

Я открыла шкаф и вытащила оттуда свой голубой плащ. Он был из тонкой ткани, зато у него имелся капюшон. Я поинтересовалась у Сэма:

— А у тебя есть плащ?

— Он в машине. Я захвачу его, когда мы выйдем из дома.

Я догадалась взять с собой сумочку. Я перекинула лямку сумки через плечо, стараясь выглядеть разумным и нормальным человеком.

— У тебя есть ключи от двери?

Я пошарила в сумочке и нашла ключи:

— Да, вот они.

— Ладно, пошли.

Слава тебе, Господи, что со мной рядом есть кто-то, кто может думать о таких простых, но необходимых вещах, как ключи. Мой разум рвется погулять на свободе.

Когда мы вышли, Сэм взял из машины плащ и надел его, а потом протянул мне руку. Взявшись за руки, мы пошли по тротуару. Сэм сказал мне:

— Если захочешь где-нибудь остановиться и постоять, просто скажи мне. Мы никуда не торопимся.

— Хорошо, конечно. Спасибо.

— Я обвела взглядом тротуар, соседние здания, фонари. Казалось, все вокруг излучает слабый свет. Мы миновали маленький садик. Там рос низкий кустарник, он будто представлял нам себя, призывая обратить на него внимание, признать его. Я улыбнулась в ответ и выдохнула: «Привет».

Впереди нас медленно прогуливался пожилой человек в поношенном пальто. Когда мы поравнялись с ним, я быстро взглянула на его профиль, попытавшись проникнуть внутрь. Я почувствовала невидимые стены и скучную, болезненно чувствительную усталость, готовность прийти в раздражение в любую минуту. Мне подумалось, если бы можно было остановить этого человека и сказать ему что-нибудь в таком духе: «Дорогой сэр, просто откройте глаза и хорошенько оглянитесь; вокруг вас потрясающий мир! Не закрывайтесь от жизни и окружающей красоты».

Не больше нескольких секунд я наслаждалась собственной отзывчивостью и мудростью: в голове внезапно появились новые мысли, прервавшие мое блаженство. Во-первых, я подумала, что этот человек испытывал необходимость в стенах, которые возвел вокруг себя, и не хотел, чтобы его спасали. Во-вторых, ни я, ни кто-нибудь еще не имели права говорить ему, что можно жить по-другому, что есть вариант существования и получше, чем его; ни у кого нет права

уговаривать его увидеть или услышать то, что он не хотел видеть и слышать. Он сам выбрал свой путь, и я не должна совершать ошибку и браться за оценку того образа жизни, о котором я ничегошеньки не знала.

О Боже! Он просто почувствует себя оскорбленным.

Я припомнила, как мать учила меня, что в духовных делах есть одно правило: никогда не предлагать другому человеку то, о чем он не просил. Как она говорила: «Дождись, когда тебе зададут вопрос, и лишь потом предлагай ответ».

Я подумала обо всех книгах, о миллионах книг на свете, в которых люди так много писали о человеческой душе, о жизни и смерти, о сущности Бога, и о том, как мало людей прочли эти книги. Еще я подумала о том, сколько людей принимали пейот. Я много раз слышала, как люди говорили о Хаксли и его ощущениях от мескалина, выражая желание пережить нечто подобное, попасть в такое же приключение. Но сколько из них действительно попытались отыскать мескалин или пейот, чтобы попробовать его самим? В большинстве своем люди держатся за то, что им знакомо. Кто на самом деле отважится изменить свой мир?

Я сделаю это. Я рискну.

Между тем Сэм спросил:

— Может, пойдем в парк? Это всего лишь в нескольких кварталах отсюда.

— Да, конечно.

Мы шли, взявшись за руки. Каждый раз, когда я видела прохожих на тротуаре или на другой стороне улицы, я открывалась им навстречу, чтобы почувствовать движения чужого тела, проникнуть в душу человека, ощутить, чем она была наполнена — несчастьем или мечтами, предвкушением или удовольствием. Прикасаться к эмоциональному полю людей мне казалось легким делом. Правда, приходилось напоминать себе, что невозможно было проверить, имело ли отношение то, что, на мой взгляд, я воспринимала, к реальности — к реальности другого человека.

Не важно. Мне это нравится.

Пройдя несколько кварталов, я осознала, что двигаюсь легкой ритмичной походкой, которая каким-то образом гармонировала со всем окружающим. Я чувствовала, что попадаю в унисон, и все, что я видела, — ребенка, взбегающего по короткой лестнице к двери своего дома, женщину, высунувшуюся из окна на высоком этаже, чтобы вытрясти одежду, мужчину в кожаной куртке, вскапывающего землю вокруг розового куста, — все это было музыкой. Своим бытием, своими чувствами, движениями, которые мы совершали, каждый из нас создавал беззвучную музыку.

Сэм спросил меня: «Хочешь посидеть немного, просто чтобы сориентироваться?»

Мы были уже в парке, и Сэм показывал на основание огромного дуба. Я расстелила свой плащ на земле, села на него и прислонилась спиной к стволу дерева. Сэм разместился рядом. Со всех сторон нас окружали деревья: эвкалипты, виргинские дубы, кипарисы и какие-то еще, названия которых я не знала. Кроме деревьев, была еще и трава. Я различала в ней, по крайней мере, пять разных оттенков зеленого.

На другой стороне тропинки напротив нас рос еще один величественный дуб. Я смотрела на него снизу вверх и, словно глазами самого Ван Гога, видела, как по стволу, беря начало от каждой ветки, движется энергия, и как она взрывается крошечными вспышками, по форме напоминающими листья. Массивное, неподвижное дерево, и все-таки оно живет, находясь в постоянном, необходимом движении. Я знала, что увиденное мною существовало в действительности; просто я забыла, как нужно смотреть, чтобы это видеть.(Много лет спустя в каком-то музее на выставке картин Морриса Грейвза[46] у меня перехватило дыхание от изумления, когда я увидела его поразительные сосны. Вот еще один человек, который вспомнил,

как нужно смотреть!)

Это своеобразная жизненная сила; может, это то, что называют эфирной оболочкой? Есть ли какой-нибудь способ видеть это непрекращающееся движение всегда, не только под воздействием наркотика?

Ответ пришел тут же: «Все, что от тебя требуется, — дать себе достаточно времени, чтобы целиком сконцентрировать внимание».

Проследив взглядом, как растет толстая нижняя ветка дуба, давая рождение более тонким отходящим от нее веточкам, я обнаружила, что ко всему прочему могу и слышать эту ветку как музыкальный звук, как отдельную ноту, вливающуюся в собрание остальных гармоничных нот.

Я вспомнила, как стояла во дворе школы-интерната, которую посещала, пока жила в Канаде. Мне было шестнадцать лет. Я смотрела в небо, там, в вышине, парила птица. И тогда я открыла, что мысленно могу перевести линию этого полета в звук.

— Попробуй что-нибудь, Элис, — сказал Сэм. Забавно было услышать, как он называет меня по имени. Я в самом деле не могла припомнить, чтобы раньше Сэм обращался ко мне по имени. Ну надо же! Очевидно, произошел смелый скачок в глубины неведомого — или что там я сегодня делаю, если доктор Голдинг так напрягся и вспомнил, как меня зовут!

У меня вырвался смешок, но я решила не рассказывать эту шутку Сэму; все это было слишком сложно. Кроме того, я не возражала, когда Сэм вплоть до сегодняшнего дня не называл меня по имени. Это было частью присущей ему робости.

Я улыбнулась Сэму: «Что?»

— Вытяни свою руку перед собой и посмотри на нее.

Это казалось довольно простым делом. Я подняла правую руку и застыла от удивления. Я привыкла к своей прелестной, сильной руке с пальцами пианиста, но теперь по всей ее поверхности носился целый рой невероятно крошечных точек. Я знала, что это такое, и не нуждалась ни в чьих подтверждениях.

— Боже мой! Так вот как выглядят атомы!

Я повернула голову к Сэму и увидела самую широкую из его улыбок.

Он так рад — для него это зрелище тоже, должно быть, поразительно — видеть, как кто-то впервые открывается всему этому.

Я вернулась к рассматриванию своей руки и продолжала наблюдать, как странные силы прорывались сквозь кожу и кружились вокруг. Потом я посмотрела на огромный дуб, на все остальные деревья и их листья, на растущую вокруг траву — все было проникнуто этим беспрерывным движением.

Все есть энергия, энергия, принимающая форму травинок, кроликов, человеческих тел и камней, но мы живем в мире, где нас учат видеть все неизменным, неподвижным, сплошным. Интересно, в каком возрасте мы перестаем видеть этот уровень действительности? Должно быть, в самом раннем.

— Хочешь поделиться своими мыслями? — спросил Сэм.

Я поняла, что он был очень внимателен ко мне, он хотел знать, что со мной происходит, и в то же время не собирался вмешиваться больше, чем надо. Я почувствовала прилив нежности к этому дорогому, упрямому, замечательному индивидуалисту, этому любящему одиночество человеку, которому пришлось преодолеть много препятствий, чтобы открыть мне двери в этот чудесный мир.

Я посмотрела прямо в его глаза и сказала: «Спасибо, Сэм. Огромное тебе спасибо за то, что подарил мне этот день». Сэм моргнул, энергично потер свой нос, пробормотав, что день еще не закончился; впереди был еще долгий путь.

— Сэм, есть кое-что, о чем я должна сказать тебе, прежде чем забуду, потому что это

кажется мне важным.

— О'кей — говори.

— Знаешь, все, что я испытываю, внове для меня, и — ну — каждый раз, когда я оглядываюсь вокруг, вижу то, чего никак не ожидала. Это возможно?

Сэм сидел рядом со мной, склонив голову, и внимательно слушал.

— Забавно, что, несмотря на всю новизну, во всем этом есть нечто такое, что позволяет чувствовать себя так — ну, не могу сказать лучше — словно возвращаешься домой. Будто бы есть какая-то часть меня, которая уже знает — знает эту территорию — и восклицает «о да, ну конечно!» Похоже на припоминание!

Сэм кивнул:

— Со мной это тоже случилось, когда я первый раз попробовал. Ощущение того, что это тебе знакомо. Я уже привык к нему. Я хочу сказать, что привык к мысли о том, что где-то в глубине души я все время воспринимаю мир таким образом, но мое сознание приучено вытеснять это восприятие. Может быть, с точки зрения выживания оно не имеет ценности в отличие от нормального состояния сознания.

— Почему оно может не иметь ценности?

— Ну, — сказал Сэм, поднимаясь на ноги и потянувшись к моему плащу, — если поразмыслить над этим, то получится, что для человека, находящегося в подобном состоянии, тигр-людоед может вполне сойти за образец красоты и очарования, и человек может замереть в благоговении перед этой картиной, восторженно оценивая — не так ли? — ярко-красный язык и нежно сверкающие клыки цвета слоновой кости — «Тигр, тигр, светлогорящий»[47] — и одним человеком на свете будет меньше, ибо этот человек был слишком занят своим восторгом, чтобы заметить, что вот-вот станет тигриным обедом.

Я громко рассмеялась, представив нарисованный Сэмом образ тигра, как вдруг что-то сказало мне «будь осторожна», и я сдержала смех при виде четверых людей, прогуливавшихся по тротуару. Они были одеты в костюмы из твида и плащи. Они смотрели в нашу сторону. Я обнаружила, что впервые делаю то, что спустя многие годы станет привычкой, — внимательно изучаю обстановку, чтобы как можно лучше уловить подлинный уровень других людей, затем совершить необходимые телодвижения и расположить лицо так, чтобы настроиться на этот уровень и остаться незамеченной, не привлечь внимания. Прошедшие мимо нас люди излучали смесь удивления, неодобрения, скуки и любопытства. Ничего такого, о чем следовало бы беспокоиться. Они просто напомнили, что мне нужно сдерживать свой смех и говорить вежливо и ненавязчиво.

— Упс, — тихонько сказала я Сэму, беря у него свой плащ и надевая его на себя. Когда мы пошли прочь от дерева, я почувствовала, как мне на лицо упали капли дождя, и накинула капюшон. Сэм взял меня за руку.

Мы шли медленным шагом. Стволы деревьев потемнели от влаги; под ногами у меня расстилалась омытая дождем трава, а вокруг не было ни души. Я прошла вперед, ощутив потребность побыть какое-то время одной. Шагая по этим холмикам, покрытым изумрудной травой, я вспомнила, что, будучи ребенком, обычно чувствовала себя уставшей, совершая подъем на любую высоту. Какой уставшей я была большую часть детства, подумалось мне.

Здесь, среди этих спокойных деревьев, с листьев которых капала вода, я ступала с очевидной легкостью, я была любовницей, открывающей себя телу любимого человека. Мне не нужно было думать о том, иду ли я в горку или под горку, либо следить за тем, чтобы не споткнуться о камень или палку; мои ноги сами обо всем заботились. Они знали, как идти и куда идти, так что мое удовольствие от прогулки было полным.

Поднимаясь от самых ступней, по всему моему телу распространилось осознание того, что

земля, по которой я шагала, в действительности была телом, живым телом. Она все чувствовала, она была наделена особым сознанием, которое я еще не научилась понимать. Земля на самом деле была Матерью.

Я остановилась и подождала Сэма, чтобы вновь взять его за руку.

Мы забрались в глубину парка «Золотые ворота» и шли по краю дороги, храня молчание, просто прислушиваясь к дыханию мокрых деревьев и прочих набирающих соки растений, как вдруг совсем близко от нас раздался резкий визг тормозов, сопровождавшийся ужасным звуком — так может кричать лишь смертельно раненное животное. Мы прошли дальше по дороге и остановились.

Какой-то одетый в пальто мужчина, очевидно, водитель автомобиля, сидел на корточках, опираясь одной рукой на бампер своей машины, а другой беспомощно обводя в воздухе тело задыхающейся, визжащей собаки, которая пыталась умереть, чтобы не чувствовать боль. На холме, что был справа от нас, стояло трое молодых женщин в плащах. Они замерли под деревьями, с которых стекала вода. Ближе всех стоял желтый плащ, чуть подальше — красный, а сбоку от него — белый. Женщины застыли, словно героини древнегреческой трагедии, как молчаливый, пораженный горем хор, прижав руки ко рту.

Пока мы там стояли, ожидая освобождения маленькой собачки, я осознала, что все живые существа вокруг нас — каждое деревце, птица и насекомое — не издавали ни звука, всеми силами участвуя в борьбе собаки. Каждый из нас пытался помочь освободить ее душу из тела, освободить ее от боли, и по внезапному облегчению, наступившему в природе, я поняла, что собака умерла. Жизнь продолжалась. Защебетала какая-то птаха, и лес вновь наполнился чириканьем птиц и кваканьем древесных лягушек.

Во мне появилась уверенность в том, что все живое на нашей планете взаимосвязано, и эта связь существует все время на некоем неосознаваемом уровне. Все, что чувствует одно живое существо, каким-то образом — я не могла понять каким — чувствуют и все остальные.

В тот момент я не пыталась дать точную формулировку и подобрать адекватные слова, чтобы передать то, что чувствовала. Я просто чувствовала, что мне преподали урок, который я должна была выучить и запомнить на всю жизнь. Я читала об этом тысячу раз в разных местах; это было старое, отличное клише — «Ни один человек не подобен острову»[48] и все такое. Теперь мне была явлена истина, стоявшая за этой фразой, и она была больше, чем подразумевал поэт. Мы были связаны не только с человеческой жизнью; все вокруг было живым.

Потом неподалеку от нас из-за деревьев раздался женский голос. Голос звал собаку, чье неподвижное тело лежало на дороге под взглядом шестерых людей, стоявших под дождем и беззвучно рыдавших.

Пока мы медленно шли мимо машины, мимо склонившегося над собакой водителя, мимо задвигавшихся женских фигур на холме, я поняла кое-что еще. Я сказала Сэму, что, пока животное билось в агонии, я ощутила, что все вокруг нас сжалось, задержало дыхание.

— После смерти собаки все вернулось в обычное состояние, — сказала я Сэму. — Я имею в виду, что врагом, ужасом была не смерть, а боль. Деревья и все остальное вокруг меня вновь задышали, когда боль прекратилась, — я это почувствовала.

Какое-то время мы шли молча, а потом Сэм сказал:

— Помню, как однажды в середине эксперимента с пейотом увидел мертвую птицу, она лежала в траве. Я остановился, чтобы посмотреть на бездыханное тельце, я хотел понять смерть, узнать, что это такое, как она выглядела, когда я смотрел на нее в другом состоянии. Я рассматривал трупик птицы, и тут меня осенило: все части тела птицы разлагались и уходили обратно в землю, какие-то — быстро, какие-то — медленно; так или иначе, все возвращалось в землю, именно так все и было задумано. Жизнь, которая билась в птице, принадлежала иным

сферам, туда она и отправилась, а то, что осталось, — физическая оболочка — возвращалась туда, чему принадлежала ОНА. И это было правильно. Смерть была просто переходом из одного состояния в другое.

Я кивнула Сэму, вспомнив некоторые фразы из прочитанных книг и статей о переживаниях людей под воздействием галлюциногенов, например: «Все происходит так, как должно происходить» или такое же приводящее в бешенство заявление «Я в порядке, ты в порядке», которое всегда звучало невыносимо по-дурацки и самодовольно. Нередко я со злостью думала, что написавшие эти строки без труда забывали о калькуттских младенцах, найденных в мусорных баках, закрывали глаза на горе, боль и одиночество и прочие страдания, выпадающие на долю всех людей в мире. Я говорила про себя, что такое мог написать только ненормальный, восхищающийся тем, что жизнь идет так, как нужно. Несмотря на это, я не отказывалась от чтения подобных произведений, однако, будучи человеком либеральных настроений, я всегда стискивала зубы, сталкиваясь с такими идиотскими фразами.

Теперь — теперь я должна была взять обратно все свое негодование и возмущение, потому что начала действительно понимать, что к чему. Я остановилась на дороге и стала смотреть на Сэма и не только на него — на все, что было вокруг, на серое небо, и я знала, что все в мире происходило в полном соответствии с тем, как было задумано, что со вселенной было все в порядке, что где-то существовал Разум, которому было известно обо всем, что происходит на земле, поскольку он и был всем происходящим. Знала я и то — своим умом я дошла до этого или нет — что все было хорошо. Я просто знала это, как и то, что буду пытаться выяснить это позже, но должна принять эту истину прямо сейчас, стоя на мокрой дороге в парке «Золотые ворота» рядом с терпеливым, молчаливым другом, который ждал, когда я захочу чем-нибудь с ним поделиться.

Я сказала:

— Я только что поняла, что все идет так, как положено. Надеюсь, что ты поймешь, поскольку прямо сейчас я могу выразить это лишь в такой форме.

Сэм снова кивнул мне.

Мы пошли дальше, пока не оказались неподалеку от Калифорнийской академии наук — огромного каменного здания, напротив которого, на другой стороне окружности, расположился музей де Янга. В пространстве между двумя этими зданиями находился небольшой парк. Там не было травы, зато стояла сцена для оркестра, а под деревьями было расчищено место для стульев. Люди приходили сюда весной и летом, чтобы послушать музыку.

— Давай зайдем, — предложил Сэм и потянул меня за руку к крыльцу Академии. Я послушно заторопилась за ним, на ходу пробуя придать лицу обычное выражение и приглушить блеск в глазах, чтобы не поднять невинного встречного человека в воздух, случайно взглянув в его сторону.

Господи, и как это ты ухитряешься не передавать такую энергию остальным людям?

Оставшись незамеченными, мы прошли через обширную ротонду, и Сэм повел меня смотреть на рыб. Там было мило и темно, если бы не эти лампы на аквариумах. Я остановилась перед аквариумом, где плавало много мелких и быстрых рыбок, и превратилась во все эти крошечные серебристые тела одновременно.

Как я могу быть полностью уверена в том, что я — это я, то есть как я могу определить местонахождение своего «я», своего центра, если в то же время я способна рассредоточить свое сознание по сотням рыбешек?

Я переместилась к следующему аквариуму, где в гордом одиночестве плавал немаленьких размеров морской окунь. Теперь я была большой, неуклюжей рыбиной с выдвинутой нижней челюстью. В теле окуня было очень спокойно, но я там не задержалась: было не похоже, что

окунь увлекается чем-нибудь сложным, например, мыслительной деятельностью. Я поискала глазами Сэма и улыбнулась, увидев его у соседнего аквариума — такого же сосредоточенного, какой была я сама. Я присоединилась к нему.

Мы стояли рядом, уставившись на аквариум с тропическими рыбами и пытаясь уподобиться этим невиданным созданиям. Вот проплыла одна из них — с ярко-желтым, канареечным, брюшком, обведенным густо-черным цветом, и недовольно выпяченными губами. За ней плыла похожая на настоящую драгоценность ярко-оранжевая рыбка, оставлявшая за собой два широких конусообразных следа из пузырьков воздуха, а над ней сновало еще несколько малюсеньких полосатых, как зебра, рыбок. Чем дольше мы смотрели, тем фантастичнее становилось зрелище: мелкие красные полоски сменялись голубыми в сочетании с черными; поджатый голубой рот увенчивался стильной маской с угольными глазами, за которой виднелось тело, разукрашенное сине-желтыми полосками, а все это разноцветье завершалось шифоновым хвостом оранжевого цвета.

Пока я рассматривала это великолепие — раскраску, восхитительные геометрические формы, забавные надутые рыбьи личики — мне пришло в голову, что создатель этих маленьких представителей морской жизни был наделен потрясающим чувством юмора.

(Прошло немало времени, прежде чем я уловила всю эту длинную цепочку мыслей целиком: как это получилось, что человек способен различать причуды, красоту и комедию? Что заставляет нас замирать от восторга при виде буйства красок в природе и смеяться при виде каких-то естественных узоров? Что это за странная загогулина в наших генах, благодаря которой мы считаем что-то смешным? Нас сотворили такими, потому что Божественному разуму нужно была компания, чтобы смеяться вместе с ним?)

Мы покинули помещение с аквариумами и пошли в серпентарий, где какое-то время рассматривали пресмыкающихся за стеклом. Я чувствовала лишь жалость и необходимость послать им мысленное извинение: они были жителями лесов и пустынь, и здесь им было не место.

Я перегнулась через край глубокого бассейна, который устроили в центре серпентария, и позволила неподвижному крокодилу из этой ямы захватить себя. Казалось, у крокодила был полный желудок; местом обиталища его души были рот, глотка и кишки, я погружалась в вялое оцепенение. Вздрогнув, я прервала связь с крокодилом.

Потом я нашла аквариум с морскими коньками. Я расположилась напротив изящных миниатюрных серо-коричневых созданий и окунулась в мир, который был сладким на вкус. После чего я ощутила силу и твердость крохотных тел, балансирующих в воде с подрагивающими плавничками. Казалось, что внутри морских коньков светились маленькие искорки. Я посмеялась про себя.

Привет, очаровательные малышки! Эй, вы там1 Ну надо же, разве вы не ответ тому тяжелому из ямы?

Я вновь отыскала Сэма, и мы вернулись в ротонду, прошли мимо людей, стоявших в очереди в планетарий, и через музей, где были выставлены диорамы с фигурами первых пещерных людей и более поздних — более развитых — их собратьев. Все фигуры были сделаны в половину настоящего роста и изображали предков человека, занимающихся обычными повседневными делами.

Больше никого в вестибюле не было.

Нас окружали низкие стены из отполированного камня. Наверху стояли застекленные выставочные камеры с металлической окантовкой. Я разглядывала первый экспонат — это был человек каменного века, одетый в звериные шкуры и, очевидно, пытавшийся разжечь огонь. И тут я почувствовала себя довольно странно.

Было такое ощущение, словно центр моего тела — пространство между пупком и грудной клеткой — внезапно стал пустым, полым. Будто на том месте, где секундами раньше кипела жизнь, образовалась быстро расширяющаяся дыра. Я отошла от стены и застыла в центре вестибюля, полностью сосредоточившись на этом новом ощущении.

Теперь передо мной был прозрачный светло-серый занавес, похожий на беззвучный дождь, и я почувствовала, как из меня истекает изумительная энергия. Я поняла, что начинаю приходить в себя, терять свое место в мире, который открыл для меня пейот. Мне не хотелось, чтобы это случилось. Я оглянулась вокруг, и у меня закралось подозрение. Я сказала Сэму: «Извини, я отлучусь на минутку; мне нужно кое-что проверить, но я скоро вернусь».

Сэм взглянул на меня, озадаченный, но ничего не сказал. Я пошла по коридору обратно в ротонду, пока не поравнялась с очередью в планетарий. Дыра в центре меня снова дала о себе знать. Я остановилась в нескольких футах от последнего человека в очереди, почувствовав, что энергетический голод начал спадать. Я вновь чем-то наполнялась.

Я смотрела по сторонам и глубоко дышала. Пелена моросящего серого дождя перед глазами исчезла. Во мне снова была энергия, я вернулась в мир богов.

Если я не ошиблась насчет того, почему это случилось, я могу с легкостью проверить свою догадку.

Я вернулась в коридор, где меня ждал Сэм. Я медленно прошла мимо него вперед на несколько футов, потом развернулась и пошла обратно. Я получила ответ на свой вопрос. Не прошло и полминуты, как я снова почувствовала потерю энергии. Я широко улыбнулась Сэму и сказала: «Я все объясню, но сначала нужно уйти отсюда». Взяв Сэма за руку, я потащила его прочь из коридора через ротонду к месту, где мы смогли бы прислониться к стене и поговорить.

Пока мимо нас проходили посетители, я рассказала Сэму о том, что со мной произошло.

— Единственное разумное объяснение всему этому, — подытожила я, — состоит в том, что существует основное правило — людям необходимо находиться в контакте с живыми существами, а когда их окружает лишь камень, металл да стекло, они начинают что-то терять. Это было ужасное ощущение, Сэм. Я выходила из мира магии, лишаясь всего.

— Почему ты ничего не сказала?

— Я хотела сначала все проверить. Именно это я и сделала. Я подумала, что просто понаблюдаю, что будет происходить, если я пойду туда, где много живых тел. Я оказалась права! Это сработало, Сэм! Стоило мне приблизиться к очереди тех, кто стоял за билетами в планетарий, дыра в центре меня начала заполняться. Я чувствовала себя голодным человеком, которого вдруг накормили. И все опять вернулось ко мне.

— И как ты сейчас?

— Я чувствую себя превосходно. Все восстановилось.

Я обвела взглядом ротонду, посмотрела на малышей в блестящих желтых или красных плащиках, как у Кристофера Робина; на людей, перегнувшихся через ограждение вокруг огромных размеров углубления в полу, над которым медленно раскачивался большой маятник с металлическим шаром на конце; на маленького ребенка, с открытым ртом взиравшего на ослепительную сферу; я смотрела на людей, выстроившихся в еще одну очередь в планетарий; кое-кто из них читал карманные книжки, чтобы скоротать время, другие разговаривали.

Я знала, что могу настроиться на любого человека; все, что мне нужно было сделать, — двинуть свое сознание навстречу человеку и открыться ему, чтобы принять в себя этого человека и его чувства. Я всего лишь должна была открыться, не делать никаких оценок или суждений, чтобы ощутить тревожную зажатость, нетерпение или удовольствие других людей.

Я проверила себя: в моем теле вновь кипела энергичная деятельность. Я знала, что в середине груди у меня находится! источник энергии и еще один такой же — чуть выше пупка.

Возможно, эти энергетические центры и были тем, что духовны», учителя из Индии называли чакрами. Я не могла вспомнить, сколько всего чакр у человека — пять или, может, семь. В любом, случае, я отчетливо осознавала две из них.

Сэм сказал мне.

— Не знаю, поймешь ли ты, но некоторые исследователи — врачи — дают подобный наркотик добровольцам, дабы изучить его воздействие на человека. Эксперимент производится в соответствии со всеми научными правилами, в чистых больничных, комнатах с белыми стенами, вдалеке от деревьев, цветов и ветра, и потом они еще удивляются, почему многие эксперименты заканчиваются ничем. Стоит ли говорить, что экспериментаторы никогда не принимали галлюциногены сами. Добровольцам — их, разумеется, зовут «испытуемыми» — дают мескалин или ЛСД, и они открываются окружающему миру, обретают повышенную чувствительность к цвету и свету, к эмоциям других людей. А на что они должны реагировать? Они видят лишь металлические рамы и оштукатуренные стены и иногда — человека в белом халате с бумагой для записей на дощечке. Сплошная стерильность. В итоге большинство добровольцев говорит, что никогда не согласится на такое еще раз.

— Господи! Сейчас, после того, что мне довелось только что испытать, это звучит просто ужасно и еще хуже.

— Слава Богу, не все исследования проводятся именно подобным образом, но все равно таких экспериментов, о которых я тебе рассказал, слишком много.

— Какой позор! — воскликнула я, опечаленная такой картиной. — Какой позор!

— Готова продолжить наш поход?

— Конечно. Куда мы отправимся?

— Для начала я хотел бы посмотреть на японский садик для чайных церемоний. Что ты думаешь об этом?

— О да, я за, — ответила я. — Это красивое местечко. Кажется, последний раз я была там несколько лет назад.

Мы вышли из здания Академии и на мгновение задержались на крыльце, чтобы осмотреться. Дождь перестал. Все деревья вокруг испускали слабое сияние. Оно пронизывало все живые существа. В чистом воздухе были отчетливо видны каждый листик и каждая веточка.

Мы пошли по дороге и спустились по ступенькам в парк. Перейдя на другую сторону круглого архитектурного ансамбля, мы остановились перед большим бассейном с лотосами, находившимся перед входом в художественный музей. Наклонившись над краем бассейна, мы смотрели на раскинувшийся внизу мир темно-зеленой и черной воды; то тут, то там на воде мерцали медные отражения обратной стороны листьев лотоса. Оранжево-желтые пятна, мелькавшие время от времени на глубине, напоминали нам, что бассейн служил пристанищем для рыб. Мы затерялись в этом мире цвета нефрита и меди, погрузившись в наблюдение за насекомыми, листьями, травой и похожими на драгоценности жучками, словно они были жителями какой-то другой планеты.

Наконец, Сэм тронулся с места и взял меня за руку: «Пошли». И мы с ним зашагали по направлению к японскому садику. Там мы заплатили за вход (плата была невысокой). Пока мы проходили через ворота с остальными посетителями, я старалась сохранять обычное выражение лица.

Народу в саду было немного, возможно, из-за дождя. Но туда все-таки пришли неутомимые посетители, одетые в плащи и, очевидно, привыкшие к дождливой погоде. Нам приходилось ожидать появления посторонних людей за любым поворотом, так что, по крайней мере, какая-то часть моего сознания была занята тем, что обеспечивала телу нормальные движения и следила за тем, чтобы невзначай не наткнуться на удивленные лица людей, которые могли встретиться

нам на узких тропинках сада.

Мы бродили по саду, останавливаясь через каждые несколько футов, когда кто-нибудь из нас замирал, пораженный линией скалы или изысканностью красок цветущих растений. Я ценила сад и раньше, но лишь теперь до конца осознала его прелесть.

Хорошо продуманное сочетание различных форм и поверхностей, которое можно было наблюдать в саду, не только приковывало взгляд, но и захватывало эмоции. Я могла проследить от начала до конца весь замысел садовника по тому, как он разместил покрытые мхом камни, растения с мясистыми листьями, нежные папоротники, как заставил течь воду. Этот замысел угадывался и в едва уловимых опенках гальки, которую нанесло потоком на дно водоемов. Все это я замечала и во время прошлых прогулок по саду, но теперь я действительно это видела, мысленно выражая благодарность прозрению человека, который с такой любовью создал этот сад, чтобы другие люди смогли увидеть и прочувствовать его красоту. Я сказала Сэму:

— Какое выдающееся произведение искусства!

— Я точно так же отреагировал, когда впервые увидел сад под воздействием галлюциногена. Вот это переживания, не так ли?

Я кивнула, к горлу подкатил комок.

— Между прочим, — сказал Сэм, когда мы стояли и смотрели на воду, любуясь молоденькой ивой, утопавшей в зарослях розово-красных цветов, — ты заметила, как останавливается время, когда ты на чем-нибудь сосредотачиваешь внимание?

Я не обращала внимания на время. Я попросила Сэма:

— Дай мне секундочку, я проверю.

Он хихикнул в ответ.

Я стала внимательно рассматривать иву и ее отражение в воде и ощутила неподвижность. Для меня не существовало «сейчас, переходящего в потом». Все, что было, — ива, вода, я и Этот миг, вечно свертывающийся в самого себя.

Я вновь почувствовала течение времени, когда Сэм положил руку мне на плечо.

Мы тронулись в путь и пришли к низкой каменной стене. Сэм остановился, оперся на стену локтями. «Подойди сюда и взгляни на это», — сказал он. С этого места открывался вид на заросший травой склон, усеянный яркими весенними цветами. Я почувствовала на себе взгляд Сэма, когда, вздрогнув, отступила от стены под натиском красного, оранжевого и ярко-фиолетового. Моим глазам было больно смотреть на буйство цвета — я зажмурилась.

— Я практически не могу смотреть на них, Сэм.

— Они в самом деле шокируют, не правда ли?

Я отвела взгляд, потом попыталась посмотреть на склон снова, чувствуя изумление и досаду одновременно. Я спросила у Сэма, знает ли он, почему цвета причиняют глазам боль. Он рассказал мне про частоты и отдельные части цветового спектра, а также про повышение чувствительности глаза при расширенном зрачке. Я кивнула и сказала, о, я понимаю, сознавая, что не запомню объяснения Сэма — и ничего страшного.

Действительно важным было напоминание о том, что не имеет значения, насколько силен дух или душа, насколько гибок, сложен и волшебен разум — несмотря на это, следует думать и о физическом теле. Тело же функционирует в соответствии с законами, общими для всей материи. Мне напомнили о том, что нельзя позволять себе забывать об этом.

Взобравшись на холмик позади дома для чайной церемонии, мы подошли к огромной золотой статуе сидящего Будды. Нежно улыбающийся Будда наблюдал за верхней тропинкой. Мы долго стояли у статуи, не говоря друг другу ни слова.

Покинув японский садик, мы пошли гуськом по узкой тропке, петлявшей между деревьями. Сэм шел впереди, склонив голову, руки в карманах. Я медленно начала осознавать, что в моем

теле происходит какая-то совершенно новая перемена; что-то происходило, что-то уже произошло. Я шла позади Сэма, пытаясь дать этому название, понять, что же такое со мной случилось.

Мой позвоночник превратился в энергетический канал. Энергия циркулировала во мне от макушки до копчика с такой силой, что я едва могла терпеть. Пока я продолжала идти по размытой дождем тропинке, мне показалось, что поток энергии у меня в спине как-то изменился, и я осознала, что все мое тело пронзило ощущение, которое обычно концентрируется в гениталиях. Его можно было назвать оргазмом. К гениталиям это ощущение не имело никакого отношения, но это точно был оргазм, и он то поднимался, то опускался волной по позвоночнику, захватывая грудь, желудок и ноги. Он чувствовался и в голове, и в горле, и в мочевом пузыре. Я шла по тропинке, как обычный человек, испытывая оргазм, охвативший все тело. При этом мне не нужно было закрывать глаза, и я не утратила самоконтроль над собой и способность думать. Господи, подумала я. Боже мой! Как же я спрошу об этом Сэма?

•Ответ: я не буду спрашивать Сэма об этом.

Когда я посмотрела в спину идущего в нескольких футах впереди от меня Сэма, до меня вдруг дошло, что я могу достать до него своим сознанием и по-настоящему прикоснуться к нему. В процессе размышлений над тем, как бы получше это сделать, у меня в голове возник образ Сэма, с которого я снимала слои, словно очищала луковицу, пока не дошла до сердцевины. Я могла бы достать до нее рукой. Я просто знала, что могу сделать это, и я нашла эту мысль восхитительной и очень забавной.

Идя вслед за Сэмом, я начала мысленно снимать с него слои, один за другим, стараясь действовать осторожно. Спустя какое-то время я почувствовала в центре тела Сэма нечто светящееся, что не имело формы. Я потянулась туда, чтобы дотронуться до этого нечто, и ткнула прямо в сияние. Сэм подпрыгнул прямо на полушаге и обернулся, обеими руками ухватившись за спину. Он посмотрел на меня, стоявшую позади с улыбкой на лице, и спросил: «Какого черта…?»

Я извинилась перед Сэмом, сказав, что ничего плохого не хотела, и объяснив, какие способности я в себе открыла. Я была страшно довольна собой. Я подумала, что так чувствует себя ребенок, которому подарили новую игрушку очень мощного действия. И тут я получила послание: мне говорили, что я должна быть осторожной и не забывать об ответственности, несмотря на все веселье от этой игры.

На лице Сэма была написана задумчивость, и, когда он вежливо попросил меня идти с ним рядом, я рассмеялась и пообещала быть пай-девочкой.

Несущая с собой оргазм энергия продолжала омывать мое тело и разум. Я заметила, что полностью контролировала то, что говорила и делала, и не могла припомнить, когда еще мое мышление было таким острым и блестящим. Я полностью доверяла своим суждениям.

Мы шли рядом, время от времени разговаривая, но чаще погруженные в свои мысли. Так продолжалось, пока мы незаметно не вышли из леса и оказались перед полем. Оно раскинулось во все стороны и было похоже на неглубокую чашу, наполненную мокрой травой и бурой землей.

Мы остановились и оглянулись вокруг, посмотрев на землю, небо и друг на друга. Потом я углядела нечто, возникшее в воздухе почти у меня над головой. Я подумала, что, наверное, это находится в нескольких футах от меня, но затем поняла, что на самом деле вообще не могу разместить это нечто в пространстве. Над нами в холодном воздухе находилось какое-то отверстие в виде движущейся спирали, и я знала, что это были врата, ведущие на другую сторону бытия. Я также знала, что, если захочу покончить со своей обыденной жизнью, то могу шагнуть туда. От спирали не исходило ни малейшей угрозы или опасности, она была абсолютно

дружественной. Но я знала и то, что у меня не было намерения воспользоваться вратами, потому что хотела еще много чего сделать в своей жизни и собиралась прожить достаточно долго, чтобы осуществить все задуманное. Восхитительная спиралеобразная дверь не манила меня; она была просто фактом.

В тот момент всякий страх, который я могла ощущать перед смертью, перед действительным переходом в иной мир, исчез. Я видела путь, который вел туда, и не находила в нем ничего пугающего. Пока я во все глаза рассматривала наполненный энергией участок неба, я осознавала, что не чувствую себя удивленной, ибо какая-то часть меня все время помнила об этом видении.

(И все же я боялась умереть до того, как исполню все, что хочу; однако у меня не было страха ни перед самим путешествием, ни перед тем, что находилось за отверстием в небесах. Я знаю, что, когда попаду туда, действительно узнаю то, что там увижу. Это будет настоящее возвращение домой.)

В течение тех нескольких минут, пока я все это переживала, Сэм хранил молчание. Когда я прикоснулась к его руке и рассказала о тихо вращающейся двери, он выслушал меня, а потом сказал, что однажды видел место смерти сам. Произошло это в процессе одного из экспериментов в группе Шуры Бородина. Но у Сэма переход в иной мир принял форму короткого коридора, ведущего за угол, откуда не было выхода. Видение возникло перед ним во время прогулки по лугу.

— У меня было такое же ощущение; то, что я увидел, было дружелюбным, и в нем не было ничего драматичного или угрожающего. Оно просто дало мне знать, что было там. Я мог зайти за тот угол в любой момент, если бы решил закончить этот акт пьесы. И я сказал: «Спасибо тебе, что показалось мне, но я еще хочу сделать много вещей в жизни, так что мне еще потребуется время.

Я улыбнулась и кивнула Сэму.

Мы покинули спокойную низину и шли в молчании, пока вдруг не оказались на краю шоссе. Стоя на обочине, мы наблюдали за проносившимися мимо нас машинами. Они неслись на чужой для нас скорости и в другом пространстве и времени. Мы знали, что, если захотим перейти дорогу, то будем должны настроить самих себя на это пространство и время и действовать по его правилам, помня о том, что означают красные и зеленые сигналы светофора, и как нужно правильно переходить через проезжую часть.

Сэм улыбнулся и произнес:

— Я хочу есть, а ты?

— Теперь, когда ты сказал об этом, мне кажется, я очень проголодалась.

— Здесь, через дорогу, есть местечко, где подают пиццу. Хочешь попробовать?

— Дай мне секунду, чтобы опять настроиться на эту — эту сторону мира.

— Я к этому уже привык. Просто держись за меня.

Я схватилась за руку Сэма и стала наблюдать за светофором. Когда красный сигнал сменился зеленым, я дважды подумала, чтобы окончательно убедиться в том, что зеленый означал, что машины остановятся и мы сможем без опаски пройти перед ними. Я пробормотала, прислушиваясь к себе с легким удивлением:

— Зеленый, горящий впереди нас, разрешает нам перейти дорогу. Красный означает «стой!», зеленый — «иди!» Правильно?

— Да, — сказал Сэм, поторапливая меня идти по влажной мостовой. — Совершенно верно, ей-Богу!

Аналогичное оргазму состояние постепенно дозревало до такой стадии, когда поток энергии становился менее интенсивным и не так давил на меня, как прежде. Я существовала и

двигалась в ореоле света, в ровном потоке, похожем на незавершенную музыкальную ноту, звучащую где-то внизу, под тем, что можно было назвать не иначе, как блаженством — связь с той стороной Великого разума, Великого духа, которая зовется любовью, радостью и смешным подтверждением.

В маленьком ресторанчике мы постарались отводить взгляд от людей, чтобы наши глаза никого не поразили. Официантка провела нас к столику, покрытому красно-белой скатертью. На столике была обязательная свеча, вставленная в бутылку из-под вина, оплетенную рафией. Здесь было очень мило, и мы не собирались кого-то беспокоить. Меню было на редкость пространным — при виде бесконечного перечисления разных названий пиццы, гамбургеров и салатов я почувствовала острое желание рассмеяться, но подавила его. Я сосредоточилась на особенно длинном описании пиццы, как вдруг ламинированная бумага в моих руках взорвалась обжигающим золотым светом, настолько ярким, что я подскочила и отодвинула меню на расстояние руки. Я посмотрела в сторону Сэма, чтобы поведать ему об этом неожиданном происшествии, и увидела, что он выглядывает из-за своего меню и улыбается озорной улыбкой.

И что ты знаешь! Вот он выяснил, как это делать! Мы сидели и громко смеялись, я сказала Сэму «поздравляю!», он поблагодарил меня. И лишь спустя некоторое время мы поняли, что рядом с нашим столиком стоит официантка. Мы оба знали, что она чувствует себя очень скованно и не представляет, почему. Мы сразу же успокоились и сделали свои заказы таким монотонным и механическим голосом, на какой только были способны, пытаясь вспомнить, как нужно разговаривать в обычном мире, пытаясь приглушить свет, энергию, чтобы не затронуть официантку. Мы старались изо всех сил, чтобы оградить себя ото всех, кто находился с нами в этом зале, чтобы снизить то, что исходило от нас. Я подумала про себя: «Дружище, тебе придется еще столькому научиться, причем в рекордные сроки».

Потом, вернувшись ко мне домой, мы с Сэмом занялись любовью в первый и последний раз. Все было очень просто и прошло в полном молчании.

Провожая его, я сказала: «Спасибо тебе за этот день». Сэм ответил: «Это было исключительное удовольствие, мой друг». И нежно поцеловал меня в щеку.

Я заперла за Сэмом дверь, села на постель и расплакалась. Я подумала, что все, через что я прошла, все пережитые мною боль и горе, все одиночество и черные полосы, выпавшие на мою долю, — все это было уравновешено и оплачено этим одним-единственным уникальным, благословенным днем, который стал ответом на все горести.

Я подошла к книжному шкафу, взяла оттуда «Двери восприятия» Хаксли и в сокровенной тишине очень раннего утра перечитала эту книгу и снова заплакала, мысленно посылая автору благодарность и любовь за то, что сумел подобрать верные слова. Затем я выключила ночник и посмотрела в темноту, в которой где-то находилась прекрасная, смешная и невероятно любящая часть Бога. Поблагодарила ее всем своим существом и заснула.

Глава 18. Начало

Мы встретились с Шурой осенью 1978 года. Был четверг, вечер.

Я пришла на первую встречу новой группы по интересам, которая должна была собираться еженедельно; по крайней мере, мой друг Келли ожидал, что такая группа, в конце концов, сформируется. Я сидела, скрестив ноги, на полу гостиной в старом доме на Адлер-стрит в Беркли, удивляясь тому, как же здесь поместятся тридцать или около того приглашенных. Я пообещала Келли, что приду на первое собрание, добавив, что большего не обещаю. Он сказал, ладно, мол, понимаю.

На самом деле я больше не считала Келли Толла своим другом; он был моим последним коротким увлечением, и, как могла, я старалась завершить наши отношения — без нервотрепки, насколько это было возможно.

Келли был крепким мужчиной с выразительным худощавым лицом, ему было под сорок. Мы встретились с ним четыре месяца назад на собрании в Менее. На следующий день он заявился ко мне и попросил выйти за него замуж. Много позже он объяснил, что, разумеется, ждал отказа и в действительности на него и рассчитывал. Предложение руки и сердца Келли считал эффективным способом привлечь внимание женщины. Этот способ срабатывал довольно часто.

Никто и не отрицал, что все так и случилось.

Мне было сорок восемь лет, я снова развелась. Мое «я» было не прочнее куска трухлявого пенька столетней давности. Ухаживания мужчины, который был моложе меня, давало мне то, чего у меня не было долгие годы: ощущение того, что я все еще была привлекательной женщиной, а не просто матерью средних лет. Всей страстью жизни Келли были компьютеры, хорошо выглядевшие женщины старше него и создание новых тестов на IQ. Еще я обнаружила, что, в основном, он питал к людям презрение, называя большинство из них «индюками», а также склонность к неконтролируемым вспышкам гнева, после чего ему нередко приходилось извиняться за нанесенный чьей-нибудь мебели или отношениям ущерб — обычно и за то, и за другое.

Келли объяснял все это мучительной болезнью, приключившейся с ним в детстве, и тем, что у него был требовательный отец, постоянно его наказывавший. Он просил меня понять его и быть терпеливой. Какое-то время это объяснение действовало (я всегда питала слабость к интеллигентным неврастеникам), но после одного памятного дня, когда он вдребезги разбил одну из моих пластинок на глазах у детей, наорав на меня, потому что я вернулась домой с работы на десять минут позже обычного и заставила его ждать, я сказала ему, что, если он не пойдет лечиться, между нами все кончено.

На что Келли ответил: «Я никогда не встречал психиатра, которого я не мог бы раскусить; я не собираюсь тратить свое время или свои деньги на кого-нибудь из этих кретинов!»

На этой встрече в Беркли Келли надеялся собрать людей, которых он считал достаточно умными, чтобы, как он говорил, оценить то, чему он собирался их научить. Предполагалось, что Келли будет учить пришедших в группу эффективному использованию мышления. Я надеялась, что все пойдет так, как он хотел, но если нет, это будет не моя проблема.

Я сидела рядом с камином, чтобы курить прямо в дымоход и не раздражать некурящих гостей. Как раз тогда началась компания по борьбе с курением, и, как обычно, жители Беркли хотели во что бы то ни стало отличиться. Если в большинстве домов Сан-Франциско и округа Марин еще можно было найти пепельницу, то в Беркли приходилось извиняться, когда хотелось

курить, и выходить во двор за домом, чтобы удовлетворить свою маленькую вредную привычку и быть готовым вновь присоединиться к свободным от нее людям, находившимся в доме.

К восьми часам вечера в комнате нас собралось всего четверо: Келли, я, человек, который жил в этом доме, — низенький, черноволосый мужчина, чуть за сорок, соблазнительно улыбавшийся одной половиной рта. Он занимался переводом медицинских текстов с древнекитайского на английский исключительно из любви к этому делу и на тот момент был безработным. Четвертой была очень привлекательная женщина, адвокат. Она утомительно рассказывала нам, как недавно почувствовала, что ненавидит все, связанное с законом, но не может решить, что теперь делать.

Когда часы показывали четверть девятого, в нашей компании появились еще двое: невысокая блондинка с бледным лицом и нерешительной улыбкой, и человек, у которого были злые глаза. Он назвался психологом. Потом дверь снова открылась, и в комнату вошел стройный мужчина очень высокого роста. У него была серебристая грива волос, как у ветхозаветного старца. Ей подходила аккуратная бородка, в которой светлые волосы смешивались с седыми. На мужчине были коричневые вельветовые брюки и потертый вельветовый пиджак. Келли выкрикнул его имя: «Люди, это доктор Александр Бородин. Друзья зовут его Шура!»

Должно быть, я окинула вошедшего довольно пристальным взглядом, потому что, когда нас представили, он поймал мой взгляд и чуть приподнял свою большую поседевшую бровь. Потом, когда я приглашающе похлопала по полу рядом с собой, он улыбнулся. Того, что я слышала от Келли о человеке по имени Шура, было достаточно, чтобы предположить в нем крайне любопытную личность. Как-то раз Келли заявил мне: «Шура — единственный человек, которого мне доводилось встречать, за исключением доктора Ниддлмана, кого я уважаю. Он настоящий гений, честное слово. Может, его Ю даже выше, чем у меня». После этих слов Келли хихикнул, я поддержала его. Мы оба знали, что, как обнаружил Келли, было трудно поверить в то, что уровень интеллекта какого-нибудь другого человека окажется выше его собственного, равнявшегося 170. Я была заинтригована даже слабой вероятностью того, что человек, удостоившийся уважения моего «трудного» друга, может появиться на собрании. И уж если в глазах Келли этот человек стоял на одном уровне с философом Якобом Нидлманом,[49] он должен быть действительно выдающейся личностью, подумалось мне.

Я рассматривала человека с великолепной гривой волос, пока тот снимал свою куртку и садился на пол слева от меня. Он сцепил руки вокруг коленей и сказал «привет», у него были прозрачные голубые глаза, обращавшие на себя внимание. Я сказала, понизив голос:-Мне очень приятно наконец-то встретиться с одним из двух людей в мире, которых Келли не называет "индюками"!

— О, в самом деле? — Шура посмотрел мне в глаза, потом перевел взгляд в ту сторону, где организатор сегодняшней встречи оживленно беседовал с блондинкой. — Предполагаю, что должен быть польщен, однако я едва с ним знаком. Я встречался с ним пару раз в Центре изучения головного мозга в Беркли. Понятия не имею, почему он так думает обо мне.

Я усмехнулась при упоминании этой крупной и успешной группы для дискуссий и лекций, куда Келли водил меня несколько раз. Как и в большинстве университетских городов, в Беркли было полно подобных групп, они постоянно появлялись и прекращали существование. Центр изучения головного мозга продержался дольше остальных.

Я поинтересовалась у своего соседа:

— Что же заставило вас прийти сюда, если вы не очень хорошо знаете нашего лидера?

— О, у меня оказался свободный вечер. Я закончил свой семинар в кампусе Калифорнийского университета и подумал, что могу отправиться сюда вместо того, чтобы идти прямиком домой. Из чистого любопытства. И еще, не думаю, чтобы я слишком торопился

домой. После смерти жены по вечерам у меня дома стало чересчур тихо.

Я спросила:

— О, дорогой, и давно она умерла?

Он ответил, что около года назад, и я сочувственно вздохнула, подумав, что вряд ли это был счастливый брак. Я сменила тему разговора и спросила, он ведет тот семинар, о котором было упомянуто, или посещает занятия в качестве студента. Он сказал, это семинар по судебной токсикологии и что он ведет его каждую осень.

Он забыл спросить, кто тот второй, который тоже не относится к индюкам. Мне сказать?

— Раз уж вы не спросили, я сама назову имя второго героя

Келли. Его зовут Якоб Нидлман. Вы попали в хорошую компанию.

— Действительно? — ему не было нужды говорить это; было понятно, что он не слышал этого имени.

Я хихикнула: «Все в порядке. Я тоже ничего о нем не знаю, кроме того, что он философ и написал несколько превосходных книг, которые я еще не читала».

В перерыве мы с Шурой вышли покурить и попить кофе в парадный подъезд, а заодно и поговорить. Я выяснила, что он был химиком и специализировался в области под названием психофармакология, а также то, что у нас было много общих знакомых. И он тоже бывал в Эсалене. Шура рассказал мне историю о том, как невозмутимый психиатр, с которым в свое время виделась и я, совершенно голый делал стойку на руках возле одного из известных источников Эсалена в компании известных и приобретавших известность людей, тоже голых, но не с такими, как у психиатра, амбициями. Они прилагали все усилия, чтобы не попасть под прилив. Шура сказал, что это было его любимое воспоминание об Эсалене. Отсмеявшись, я пообещала собеседнику рассказать свой анекдот на тему горячих источников как-нибудь в следующий раз. Я действительно надеялась, что мы еще увидимся, и предвкушала эту встречу. Шура мне понравился, несмотря на то, что Келли был о нем хорошего мнения.

В ходе разговора мне удалось дать понять Шуре, что наше знакомство с Келли продолжается несколько месяцев и что я старалась завершить наши отношения так деликатно, как могла. Был не подходящий момент для того, чтобы сообщать подробности, и я не стала этого делать.

Шура сказал, что был женат тридцать лет. Его жена, Элен, умерла от инсульта в прошлом году. На мой вопрос, были ли у них дети, Шура ответил, что у него есть сын по имени Тео. Он уже вырос и живет самостоятельно недалеко от отцовского дома в Восточном заливе.

Сколько же лет сыну, который «уже вырос»? Я не могла сказать, в каком возрасте был сам Шура. Его седые волосы говорили об одном, но лицо и движения тела — совершенно о другом.

Когда он спросил, есть ли дети у меня, я глубоко вдохнула и быстро ответила, потому что Келли уже призывал всех вернуться и продолжить учиться тому, как мыслить правильно: «Я была замужем за психиатром, но развелась. У меня четверо детей, старший, от первого брака, живет на севере (я подумала, не добавить ли, что во время первого замужества была очень молода — мне было лет пять или около того, но удержалась от искушения). Он очень хороший учитель, преподает в частной школе, и у него семья».

Слово «семья» предполагает детей, и это означает, что я бабушка. Ну да ладно. Бабушка так бабушка.

Я потушила окурок и продолжила: «Я живу с остальными тремя своими детьми, они подростки, в округе Марин, в доме напротив своего бывшего, так что детишкам достаточно забраться на холм, чтобы попасть к своему папочке. Они проводят с ним все выходные и возвращаются домой в воскресенье вечером. Все очень цивилизованно, и я рада, что мне удалось все так устроить, потому что развод — дело несладкое. Я хочу сказать, что дети не очень

пострадали от него».

Остаток информации я выдала с немыслимой скоростью: «Я работаю в больнице, набираю медицинские тексты. Я ненавижу свою работу, но она дает мне средства к существованию». Я выдохнула, а Шура улыбнулся. Мы вернулись в гостиную.

Как хорошо, что я еще вполне привлекательна, что у меня отличные длинные волосы и, слава Богу, я похудела в прошлом году и теперь у меня девятый размер. Я хочу, чтобы этот мужчина заинтересовался мною. Нет, я хочу его очаровать.

Он мне понравился. Мне понравилось его лицо и длинное, худощавое тело. Мне понравился его с хрипотцой тенор, его взгляд и впечатление, которое он производил, — впечатление открытости и прямоты, за которыми скрывалось что-то очень личное.

После завершения встречи мы вместе с Шурой вышли из дома и остановились на тротуаре возле моего старенького «Фольксвагена». Я спросила у Шуры, собирается ли он прийти на следующее занятие, а потом я узнала все остальное, что должна была узнать.

На мой вопрос он ответил:

— Нет, боюсь, я буду должен остановиться на этом, потому что в следующий четверг у меня начинаются уроки французского.

— Вы собираетесь учить язык с какой-то целью или просто так?

— Ну, я всегда хотел выучить французский, но сейчас появился смысл попытаться выучить его настолько, насколько возможно, за очень короткий срок.

Он прислонился к моей машине, сложив руки на груди. Уличное освещение превращало его волосы в оранжево-золотую корону. Его лицо оставалось в тени.

— Примерно год, — начал он, — у меня длятся странные взаимоотношения с женщиной по имени Урсула, которая живет в Германии. Она побывала здесь со своим мужем, изучала психологию, и я влюбился в нее, что несколько неудобно, ведь ее муж — это человек, который мне очень по душе и которого я считаю своим хорошим другом. Но так уж случилось. Мы с Урсулой влюбились друг в друга. Не знаю, что из этого получится, но я собираюсь провести с ней в Париже несколько дней на Рождество, и мы постараемся решить, что делать. А французский — это потому, что она бегло говорит по-французски, а я немного знаю этот язык. Мне легче подучить французский, чем выучить немецкий.

Все, что я могла вымолвить, было: «О, понимаю». Мой собственный Наблюдатель — так я называю часть самой себя, которая следит за всем происходящим, — с интересом отметил, что у меня вдруг засосало под ложечкой. Я мило улыбнулась скрытому в тени лицу и, сама не знаю почему, сказала: «Надеюсь, все пойдет так, как вы захотите».

Перед тем, как сесть в машину, я повернулась к Шуре и на всякий случай закинула крючок.

— Когда вы вернетесь, — сказала я, — мне бы хотелось узнать, как все прошло.

Я порылась в своей сумочке, чтобы найти ручку и маленький блокнот, которые всегда носила с собой. Я написала свое имя и телефонный номер и протянула листок Шуре. Он вынул из кармана брюк большой потертый бумажник и вложил туда листок, проверив, не выпадет ли.

Из окна машины, сидя на водительском сиденье, я посмотрела на высокую фигуру в коричневой куртке и сказала: «Я очень рада, что наконец с вами познакомилась, и надеюсь, что мы с вами еще увидимся». Я произносила самую обычную, стандартную для этого случая фразу медленно, выразительно, словно она открывала мне путь к сокровищу, как заклинание Али-бабы «Сезам, откройся!»

Шура Бородин оперся на край окна моей машины, просунулся внутрь, так, чтобы смотреть прямо мне в глаза, и сказал всего лишь одно спокойное слово «да».

Слабая дрожь пробежала у меня по позвоночнику. Я поехала домой, и улыбка долго не сходила с моего лица.

Больше двух месяцев я не виделась с Шурой. За это время Келли нехотя собрал все свои вещи, которые были в моем доме, и, к моему немалому удивлению, при прощании робко поцеловал меня в лоб и почти с извинением пожал плечами, словно сознавая, что на этот раз его обычная вспышка раздражения ничего не даст. Я была тронута и вздохнула с облегчением, а на следующий день сменила в доме все замки.

Потом пришло Рождество и все, что было связано с ним и напоминало мне о моих материнских обязанностях. Энн, Венди и Брайан были не просто моими детьми, но и моими единственными близкими друзьями. Развод показал — и это было очень больно сознавать — что большинство наших с Уолтером знакомых предпочли поддерживать связь с ним, со своим партнером, у которого была медицинская степень и положение в обществе; очевидно, им просто не приходило в голову продолжать оставаться друзьями с нами обоими.

Мне приходилось работать, чтобы прокормить себя и детей; Уолтер помогал нам немного деньгами — это все, что он мог себе позволить. Но этого было недостаточно, чтобы содержать троих подростков и оплачивать ежемесячные счета.

Энн, старшей из двух моих девочек, исполнилось семнадцать, и она наконец-то могла порадоваться своей фигуре после многолетних страданий, пока она была толстушкой. На год младшая ее Венди тоже боролась с избыточным весом и победила. Год назад мы втроем сидели на диете, и в итоге пришел тот день, когда мы смогли поехать в крупный торговый центр на 101-м шоссе. Все вместе мы пошли в магазин, где продавались только джинсы. Пока Брайан сидел в ожидании, я и девочки натягивали на себя джинсы таких размеров, о которых восемь месяцев назад мы могли лишь мечтать. Я купила каждой из нас новые джинсы, посмеиваясь над преувеличенно скучающим взглядом Брайана (у него-то никогда не было проблем с весом). Праздничный день.

Так что на Рождество, пользуясь соблазнительными кредитными карточками, которых, как мне было известно, я должна была бы избегать, я купила красивую, сексуальную одежду в подарок своим дочерям. Для Брайана, своего нежного, заботливого сына, я подыскала дорогой свитер в скромных коричнево-голубых тонах. Брайану было всего четырнадцать, и он был младшим, однако он уже вышел из детского возраста. Над его верхней губой уже пробивались усики, по поводу которых его сестры то и дело отпускали свои комментарии. Брайан уже имел свои пристрастия: он предпочитал простую одежду в консервативном стиле. В раннем детстве у него была дислексия средней степени, и он научился избегать насмешек и злых шуток школьных хулиганов, оставаясь тихим и скромным. Я подозревала, что его выбор одежды хотя бы частично объяснялся тем, что случилось с ним в детстве.

Энн и Венди были яркими, привлекательными девочками; у обеих были густые светлые волосы, спадавшие прямым блестящим потоком до поясницы. Когда они были помладше, то всегда горько жаловались, почему это у Брайана волосы темнее и вьются, а у них нет. Но в средней школе золотые водопады их собственных волос привлекли к ним столько внимания, что постепенно они перестали завидовать кудрям Брайана. Я угрожала им изгнанием, наказанием или хуже того, если они даже подумают о том, чтобы обрезать хотя бы волосок.

Они были добрыми, вдумчивыми, мои дети. Они замечали то, что чувствуют окружающие, и были терпеливыми, когда я не слишком успешно пыталась совмещать работу с домашними делами. Я всегда была никудышной домохозяйкой, и страдала от приступов чувства вины, понимая, как часто дети убирают в доме вместо меня. Единственная неприятность, которую мне доставляли дети, были их глупые споры друг с другом. Это обычное дело для братьев и сестер. К моему огромному облегчению, они как раз начали перерастать эту специфическую форму веселья и забавы.

Я обожала их не только потому, что они были моими детьми, но и потому, что они были

хорошими и честными по своей природе.

В канун Нового года, когда дети ушли на холм, чтобы побыть со своим отцом, я отправилась на вечеринку общества «Менса» в Сан-Франциско, но вернулась домой относительно рано, намереваясь встретить первые часы нового года подальше от шумных людей с неровной походкой, перебравших спиртного. Я стояла на крыльце, одна, в темноте, и смотрела в усыпанное звездами морозное небо. Я отпустила всю свою боль и надежды, связанные с этой ночью, и обратилась с молитвой к тому человеку, который — в конце концов — станет для меня тем, в ком я нуждалась всю свою жизнь, — мужчине, выдержавшем все перемены, которые с ним случились, и духовные битвы, и превратившемся в настоящего взрослого. Взрослый мужчина. Кто, Боже упаси, не станет возражать против того, что я бабушка. Мужчина наподобие Шуры Бородина — или того, кем показался мне Шура.

Я немного поплакала, потому что мое желание было таким сильным, а чистое ночное небо — таким равнодушным. Все, что было в моем теле и моей душе, может быть, так и состарится, не обретя любовника и друга, который мог стать мне тем, кем могла стать для него я. Я выпила немного вина за себя, за надежду, за новый год и прекрасные холодные звезды, а потом пошла спать.

В конце января мне позвонила одна женщина, с которой я несколько раз встречалась на собраниях в Центре изучения головного мозга. Это была приятная, легко порхавшая по жизни, похожая на ребенка женщина лет шестидесяти, напоминавшая мне венгерскую графиню, с которой мои родители были знакомы в Италии, когда я была еще маленькой. Хильда даже носила такие же драгоценности, как у графини. У нее были тонкие птичьи пальцы, на которых сверкали кольца, а шея была увешана многочисленными цепочками и кулонами. Она была президентом какого-то учреждения, связанного с психологией. Название этого учреждения я никогда не могла толком запомнить. Хильда постоянно трещала о книге, для которой она вечно собирала материал.

Она позвонила, чтобы пригласить меня к себе на вечер, где она намеревалась представить свое новое открытие — «удивительного духовного учителя из Индии» — и сказала: «Ты должна увидеть его, милочка!» Она уговаривала меня не упустить возможность послушать индийскую музыку в живом исполнении (она позвала музыкантов) и посмотреть на гостей, которые, по ее словам, были «самыми интересными, очень особенными людьми, дорогая!» Я сказала про себя, почему бы и нет, а вслух: «Спасибо, Хильда, от вашего приглашения невозможно отказаться — так привлекательно оно звучит».

Вечер был назначен на субботу. Когда я вошла в огромную гостиную в доме Хильды, первое, что я увидела, был восхитительный темно-красный персидский ковер, а вот вторым оказался Шура Бородин. Он стоял у большого камина, легко опираясь одной рукой на каминную полку, и разговаривал с тремя стоявшими спиной ко мне людьми — двумя мужчинами и одной женщиной. Немного оправившись от шока, я обнаружила, что задумалась, где бы могла быть немка Урсула, не зная при этом, на что ориентироваться — на черные или светлые волосы, хотя, можно было предположить, что она будет блондинкой. Я отметила без удивления, что за последние несколько секунд мой пульс заметно участился.

Я поискала глазами другие знакомые лица, чтобы сосредоточиться на них; мне не хотелось, чтобы меня застали за рассматриванием Шуры. Я подумала, что за это время он мог даже жениться, потом вспомнила, Шура же сам сказал, что Урсула была замужем за его хорошим другом (или бывшим хорошим другом), поэтому эту идею можно было отбросить.

Может, он помолвлен. К черту все это. Он ни разу мне не позвонил, так что в Париже все, должно быть, решилось так, как он хотел, и, если она здесь, я вскоре все выясню.

Хильда призвала гостей к порядку и пригласила их, примерно двадцать пять человек,

рассаживаться полукругом на разбросанных на полу полушках. Я села на темно-коричневую вельветовую подушку, поближе к арке. Изящно расправила свою длинную юбку на ковре и напомнила себе, что, занимаясь поисками Шуры и его немецкой дамы, я должна делать это ненавязчиво и незаметно.

Неожиданно на большую подушку по соседству со мной кто-то примостился. От этого человека исходило тепло, от него пахло мужским запахом, который совершенно точно был мне знаком. Мужчина оказался Шурой. Я улыбнулась ему и сказала: «Как приятно видеть тебя снова! Ты привез с собой свою даму из Германии?»

— Нет, боюсь, это было невозможно — на этот раз.

О черт побери, я имела в виду вечер, а не привез ли он ее из Европы. Что он хотел сказать? Что она в Калифорнии, но не пришла на вечер? Или что он не смог привезти ее к себе домой из Парижа?

Я сделала еще одну попытку:

— Когда ты вернулся?

— Из Франции? О, около двух недель назад.

— И все прошло хорошо для тебя?

Он ответил не сразу. Пока Шура искоса оглядывал комнату, я смотрела на его профиль с красиво очерченным носом. Я ждала, все мое существо насторожилось. После показавшегося мне целой вечностью ожидания, а на самом деле после всего-навсего четырех секунд, Шура ответил: «Я действительно не знаю».

Я продолжала смотреть на него и ничего не сказала.

— У меня никогда не было таких отношений, — сказал он. — И порой мне кажется, что я убедил себя в чем-то, чего на самом деле не существует.

Шура сидел согнувшись, опершись руками на колени, его голос звучал подавленно: «И все же я вполне уверен в том, что было сказано, я помню то, что было сделано, и я знаю, что какая-то часть всего этого вполне реальна. Но подозреваю, что какая-то другая часть — нет». Он повернулся ко мне и пожал плечами: «Моя проблема состоит в том, чтобы понять, какая из них та, а какая — эта».

Так, так, оказывается, он не тратит время на сплетни.

Я встретилась с Шурой взглядом и откровенно стала читать по его глазам все, что было у него на душе. В уголках глаз была замкнутость и боль, и что-то еще прямо в центре, а что-то имело отношение ко мне, а вовсе не к кому-то там по имени Урсула. Я подумала, что он действительно видит меня сейчас, я для него не просто дамочка с симпатичными ушками. Это хорошо. Все будет хорошо, пока он не подозревает, как сильно я ненавижу красивых (я думала, она была красивой) немецких женщин, в особенности тех, кто носит имя Урсула. В конце концов, мы виделись всего лишь раз. Возможно, я не показалась ему такой же интересной, каким он показался мне. Нет, подумала я, это не правда. Я не верила в это, и мой Наблюдатель с удовольствием это отметил.

Хильда призвала всех проявить внимание.

Но я не могла стать для него такой же очаровательной, как Урсула, потому что он любит ее. С другой стороны, известно, что любовь исцеляет людей. Особенно, если дела идут не слишком хорошо, а тут появляется кто-то приятный, теплый, заботливый, чтобы помочь склеить разбитое сердце.

Внезапно я представила своего обычно хладнокровного Наблюдателя, в отчаянии сжимающего голову руками. Хорошо, хорошо, буду вести себя спокойно. Мы ведь даже не знаем, приехала ли Урсула в Калифорнию.

Когда именитый гость из Индии с тюрбаном на голове пустился представлять себя, я

приникла губами к правому уху Шуры и прошептала: «Это означает, что Урсула не приехала с тобой?»

Он кивнул в знак подтверждения. Все в порядке. Может быть, она приедет на следующей неделе или еще когда-нибудь, но, по крайней мере, сейчас ее не было рядом с ним. Я старалась, чтобы мое лицо оставалось бесстрастным, и благодарила богов за то, что большинство людей не обладает полноценным телепатическим даром и не транслирует свои чувства и мысли большую часть времени. Мне было бы трудно объяснить сильную вспышку возбуждения, которую я ощутила. В общем-то, объяснить ее самой себе тоже было затруднительно.

После выступления гостя и до начала музыкального отделения вечера был сделан перерыв. Гости угощались вином и кофе, приготовленными Хильдой. Мы с Шурой вышли на просторную веранду, чтобы покурить. Шура прихватил с собой пластиковый стаканчик с вином и уселся на широкие деревянные перила. Я неожиданно вспомнила вопрос, который забыла задать ему во время нашей первой встречи.

— Между прочим, — сказала я, — не сомневаюсь, что ты, должно быть, отвечал на этот вопрос тысячу раз, но все-таки — ты состоишь в родственных отношениях с композитором Бородиным, тем, который написал «Князя Игоря»?»

— Боюсь, мы очень дальние родственники. Так что хвастаться нечем.

— Ладно, теперь будет необычный вопрос. Скажи мне, что ты собираешься делать со своей дамой из Германии. Вы с ней пришли к какому-нибудь решению насчет того, в какую сторону пойдете отсюда? Или оттуда?

Шура стряхнул с сигареты пепел:

— Да, полагаю, можно сказать, что мы приняли некое решение. Она собирается разводиться, паковать свои вещи и вскоре — сколько бы ни пришлось ждать — она приедет ко мне.

Я отметила любопытную монотонность в его голосе и решила рискнуть.

— Все это звучит очень обнадеживающе, но почему ты говоришь — ну, тон, которым ты говоришь, не соответствует твоим словам, если ты простишь мою… — я сделала извиняющийся жест.

Он покачался на перилах, посмотрел на стеклянную дверь и пробивающийся сквозь нее свет из гостиной, обдумывая ответ: «Да, скорее всего, в моем голосе не было особого восторга, возможно, потому, что слишком много раз я принимался рано радоваться. Ведь она не впервые говорит мне, что переедет сюда, однако, кажется, мне никогда не назовут точную дату».

Шура поискал глазами пепельницу, и я предложила ему треснутое голубое блюдце, которое я нашла на полу веранды. Наверное, из этого блюдечка ела кошка.

— Когда она хочет увидеться со мной, — продолжил Шура, — она извещает меня о своих планах незадолго до приезда и никогда не остается у меня надолго. И все же, пока она со мной, она говорит так, словно на самом деле намеревается переехать; когда она рассуждает о том, что изменит в моем доме это и это, ее слова звучат так, будто она не может больше откладывать переезд, хочет остаться со мной навсегда. Но потом, спустя пару недель, она всегда уезжает домой и говорит свое вечное: «Всего лишь несколько месяцев, пожалуйста, потерпи всего лишь несколько месяцев.

Я поинтересовалась: «А что в это время делает ее муж?» Шура посмотрел прямо на меня, глубокая морщина, что была у него между бровей, в отражавшемся свете показалась еще резче:

— Знаешь, возможно, это самый необычный момент в наших и без того странных отношениях; Урсула постоянно повторяет мне, что Дольф страшно расстраивается и злится из-за этого, иногда он готов даже пойти на какую-то жестокость — в конечном итоге, это нельзя исключать. И все-таки, несколько раз он поднимал трубку, когда я звонил в Германию, чтобы

спросить у Урсулы о чем-нибудь важном, что не могло ждать письма. И всегда он разговаривает со мной, как со своим другом. Словно между нами ничего не изменилось, ничего не происходит. Не знаю, что и думать по этому поводу».

— Может, он просто держится молодцом?

— Нет, не похоже. Когда человеку приходится сдерживаться, в его голосе всегда чувствуется напряжение, и ты можешь довольно легко угадать это. Но в голосе Дольфа никакого напряжения нет, как нет намека на что-то, что приходится скрывать. Он говорит так, будто действительно рад слышать меня и по-прежнему меня любит как друга. Его голос звучит просто невероятно. Дольф болтает со мной о статьях в журналах и о прочей ерунде, и мы беседуем также, как обычно, когда он приезжал ко мне. Потом он со мной очень нежно прощается и передает телефонную трубку свой жене.

— Господи, Боже мой, — сказала я в искреннем удивлении. — Все это совершенно бессмысленно, не правда ли? Ведь ты ожидаешь какого-то взрыва или обвинений, или хотя бы какой-то грусти, не так ли?

— Да, — сказал Шура, — думаю, это мне и следует ожидать.

В дверном проеме возникла Хильда и поманила нас в гостиную. Пробираясь в свой уголок, я размышляла над тем, что Шура только что рассказал мне.

Он удивляется, как его женщина может играть в подобные игры; он чувствует, что что-то не в порядке, но не знает, что именно и где искать этот разлад.

Мы уселись на свои подушки, и после того, как трое мужчин, по индийской моде одетые в белые жакеты, подвязанные на груди широкими красными кушаками, поиграли минут десять, Шура очень тихо поднялся. Я вопросительно посмотрела на него. Он схватил меня за руку и повел через открытую арку в темный коридор. Пока он тянул меня вперед, у меня промелькнуло одно подозрение — я хихикнула. Шура обернулся и приложил палец к губам, призывая меня к тишине.

Я последовала за ним в маленькую комнату в конце коридора. Там обнаружился большой стол, два стула и груды книг и журналов на полу. Шура оставил дверь открытой, чтобы в комнатку попадал свет, и уселся на старинный капитанский стул на колесиках. Я села на другой. Наши колени почти соприкасались.

Я улыбнулась ему и спросила: «Да?»

Он улыбнулся в ответ:

— Я решил, что разговор с тобой куда важнее, чем прослушивание прекрасной музыки, ценителем которой я являюсь. Не возражаешь?.

— Ничуть.

— Хорошо. Я хотел поговорить с тобой о том, чем я занимаюсь.

Чем дальше, тем нелепее и чуднее. Он затащил меня в темную комнатушку, чтобы поговорить о своей работе. Я определенно заинтригована. Мне кажется, я обожаю эту изумительную личность и надеюсь, что Германия затонет в море.

Я сказала: «С превеликим удовольствием выслушаю рассказ о твоей работе».

Он начал:

— Ты представляешь себе, что такое психофармакология?

— Не совсем.

— Кажется, я уже говорил тебе тогда, в первую нашу встречу, что я химик и занимаюсь психофармакологией. Те, кто занимаются исследованиями в этой области, изучают влияние наркотиков на центральную нервную систему. Я тоже этим занимаюсь. Однако большинство ученых изучают влияние наркотических веществ на животных, в то время как я — на людях. Я не изучаю все подряд наркотики, лишь наркотики определенного вида.

— Какого определенного вида?

— Наркотики, с которыми я работаю, называются психоделиками или психотомиметиками. Предполагаю, ты что-нибудь да слышала о них.

— Ты имеешь в виду вещи вроде мескалина и ЛСД?

— Точно.

— Ну, ЛСД я никогда не пробовала, а вот один из самых удивительных и важных дней в моей жизни случился тогда, когда я приняла пейот.

Шура даже наклонился ко мне:

— В самом деле! Когда же это было?

— О Бог мой, думаю — мне нужно время, чтобы посчитать — думаю, это было лет пятнадцать — нет, больше — может быть, лет двадцать назад. В это путешествие меня взял очень интересный человек, который потом стал психиатром; его зовут Сэм Голдинг. Ты его знаешь?

Шура рассмеялся:

— Да, я очень хорошо знаю Сэма. В шестидесятых мы с ним на славу поработали; мы действительно написали в соавторстве пару статей. Впрочем, это было давно. Я не виделся с ним, по меньшей мере, год.

— Сэм — необычный человек, и он был хорошим гидом для меня. Я тоже не виделась с ним много лет. В любом случае — продолжай.

— Лет двадцать тому назад я бросил очень хорошую работу в крупной компании, название которой, я уверен, покажется тебе знакомым, — Dole Chemical.

Я кивнула.

— Я вернулся назад в университет, чтобы изучить все, что можно, о центральной нервной системе. Это был в чем-то рискованный поступок, ведь я был должен содержать жену и сына. Однако Элен пошла работать в университет библиотекарем, не сделав даже малейшего намека на протест. Она всегда и во всем поддерживала меня, храни Господь ее душу. Проучившись два года в медицинской школе, я занялся созданием частной лаборатории. Я устроил ее в большом помещении где-то в ста ярдах от своего дома. Это был подвал первого дома моих родителей. Сам дом сгорел в одно лето, и все пропало — остался лишь этот отличный подвал. Потом я долго мучился, пытаясь понять, как вести себя с бюрократией и властями, чтобы приобрести что-то вроде лицензии. Она была мне нужна для того, чтобы я мог осуществить задуманное. Эту интересную историю отложим на другой раз. Так я стал консультантом.

Я все еще пробовала на вкус эти многообещающие слова насчет истории для другого раза, и мне потребовалось мысленно повторить последнее, что сказал Шура, чтобы до меня дошел смысл сказанного.

— Каким консультантом?

— Консультантом в области воздействия психотропных веществ на восприятие человека, особенно воздействия тех наркотических веществ, которые называют психоделиками. Я начал публиковать описание всего, что я делал и открывал. Кроме того, я продолжал находить новые наркотики.

Я задвигалась в кресле, мое колено ударилось о колено Шуры, но не уверена, что я это осознала в полной мере.

— Ты нашел новые психоделики?

— Я создал несколько новых и до сих пор продолжаю синтезировать их. Каждый новый наркотик я испытываю на себе, начиная с очень маленьких доз и постепенно увеличивая количество, пока не почувствую, что наркотик действует. Это спасает немало мышей и собак, поверь мне. Если мне нравится то, что я вижу под воздействием нового соединения, я даю его

членам своей исследовательской группы. Потом описываю результаты и публикую их в журнале, обычно в очень уважаемом Journal of medicinal Chemistry.

Боже! Не могу поверить! Он ИЗОБРЕТАЕТ психоделики! Я вдруг поняла, что уставилась на Шуру с открытым ртом. Я сказала:

— Это кажется одним из самых увлекательных занятий в мире, или я ошибаюсь?

— Нет, ты абсолютно права. По крайней мере, на мой взгляд, так и есть. Однако большинство людей, называющих себя психофармакологами, скажут, что я сошел с ума.

— Почему?

— Потому что пробовать новые соединения на самом себе вышло из моды. Раньше это был единственный ответственный путь для человека, считающего себя ученым, — самому оценить наркотик, предназначенный для употребления человеком, особенно, если это наркотик его собственного изготовления. Теперь ученых бросает в дрожь при одной мысли об испытаниях наркотиков на человеке, а не на животных. Когда доказываешь ему, что мышка или собака не могут рассказать, как изменяются их восприятия или чувства, он пропускает это мимо ушей. Они очень удобно устроились, и мой старомодный подход шокирует их и кажется очень странным и опасным.

— Какие наркотики ты изобрел? Могу я узнать названия?

— Ну, самый печально известный из них я синтезировал, когда еще работал в Dole Chemical, и тот факт, что мое имя связывают с этим наркотиком, заставляет некоторых людей относиться ко мне крайне недоверчиво, несмотря на то, что я не несу ответственности за причиненные этим наркотиком неприятности. Ты слышала когда-нибудь о наркотике под названием ДОМ?

— Нет, боюсь, что нет.

— И понятно почему. Большинство людей никогда не слышали о нем под таким названием. На улицах он стал известен как СТП.

— О, да, я слышала о нем, хотя и не помню подробностей. Смутно помню, как что-то такое было с названием СТП, и у людей были с ним проблемы. Правда, это было давно, когда газеты истерично писали о распространении наркотиков в Хайт-Эшбери.

Шура откинулся назад, стул под ним заскрипел:

— Ну, когда я еще работал на Dole, меня пригласили прочесть лекцию у Джона Хопкинса в Балтиморе. Я рассказал там о нескольких соединениях, включая ДОМ. Это чистой воды предположение, но единственное логичное объяснение, к которому я пришел: мне кажется, что кто-то из аудитории, должно быть, решил поработать с этим препаратом, ввести в продажу под новым названием, потому что в течение нескольких месяцев появились сообщения о новой угрозе на улицах Сан-Франциско, когда людей отвозили прямо в клинику Хайт-Эшбери. Они полностью не контролировали себя и оказывались при смерти.

— Какое несчастье!

— Очевидно, какой-то неизвестный предприниматель выпустил эту штуку в капсулах по двадцать миллиграммов в каждой, а для полной эффективности — я имею в виду абсолютной — достаточно трети от этого количества. В то время я ничего этого, конечно, не знал, потому что у меня не было причины связывать этот СТП с тем, чем я занимался. ДОМ — очень, очень сильный психоделик, но принимавшим его людям не говорили, что проходит два-три часа до того момента, когда они полностью начинают ощущать воздействие наркотика. Поэтому после того, как кое-кто глотал одну пилюлю и ничего не замечал в течение сорока-пятидесяти минут, он принимал вторую.

— Вот это да.

— Когда наркотик начинал действовать по полной программе, люди паниковали и со всех ног неслись в «скорую помощь», потому что они не могли управлять процессом. Не думаю, что

хоть кто-нибудь может справиться с двадцатью миллиграммами ДОМ — даже с количеством вдвое меньшим!

— И как же тебе удалось выяснить, что это был твой ДОМ?

— На это ушло время. Я продолжал по крупицам собирать информацию из разных источников; я слышал, что это был наркотик продолжительного воздействия, больше 24 часов — конечно, при такой-то дозе; что нужно было долго ждать до начала эффекта и что СТП несет с собой Свет, Тишину и Покой.

Я кивнула:

— А, это звучит знакомо.

— Еще я слышал, что, по мнению полиции Беркли, СТП означает Совершенно Тупой Подонок.

Я рассмеялась, повторила сказанное про себя и засмеялась опять.

Между тем Шура продолжал:

— В конечном счете, ко мне просочилась информация от друга из FDA.[50] Он выследил этот наркотик по патенту, выданному Dole Chemical. И компания подтвердила, что это один из наркотиков, синтезированных мною за время работы на нее. Я послал в Управление запрос насчет уточнения данных сведений, но ответа не получил. Наконец, одному моему знакомому химику попался образец СТП, который он проанализировал. Так было установлено, что есть что. Это был мой старый приятель — ДОМ.

Шура закинул ногу на ногу, и я увидела, что он обут в сандалии. Я припомнила, что в первый наш вечер он тоже был в сандалиях.

Может быть, он всегда носит сандалии. Надо будет спросить у него как-нибудь.

— Сколько психоделиков ты изобрел на сегодняшний день?

— О, — вздохнул Шура, — больше сотни, где-то сто пятьдесят или около того. Некоторые из них не стоят того, чтобы заниматься ими дальше, другие заслуживают этого.

Неожиданно все происходящее захватило меня. Здесь сидел мужчина, который понравился мне с первого взгляда и продолжал нравиться все больше и больше — на самом деле, к этому моменту я была полностью им покорена. И только что он рассказал мне, что изобрел около ста пятидесяти галлюциногенов. Я предполагала, что они действуют, как мескалин, по крайней мере, какие-то из них, и делают доступными внутреннему взору человека другие реальности. И здесь, в маленьком кабинете Хильды, сидела я, касаясь коленями человека, который не только владел этими удивительными сокровищами и пробовал их; он создавал их — двери в мир, где растения излучали свет и Бог держал тебя за руку.

Я осознала возникшую паузу и почувствовала на себе взгляд Шуры. Я посмотрела на его бородатое лицо и поняла, что, несмотря на блуждающую полуулыбку и вальяжную позу на стуле, он внимательно наблюдал за мной.

Я искренне улыбнулась ему, чувствуя, как к горлу, словно приступ смеха, подкатывает возбуждение. Я выпрямилась в своем кресле и развела руки, помогая себе говорить:

— Не знаю, как это сказать, но я должна попытаться. На протяжении многих лет я была очарована всем этим — опытами, исследованиями — и читала Хаксли и Мишо и всех остальных, которого могла найти и кто, казалось, что-то знает об этом.

Шура кивнул. Я продолжила:

— У меня даже была тайная мечта организовать или, по крайней мере, принять участие в своеобразном исследовательском проекте для проверки экстрасенсорного восприятия до, после приема психоделика, а также во время его воздействия. И хотя из этого ничего не вышло, эта идея по-прежнему привлекает меня.

Укрытая тенью фигура моего собеседника была неподвижной. Он слушал.

— Трудно поверить, что я наконец-то встретила человека, кто занимается всеми этими вещами, изучает этот мир и не испытывает страха перед тем, что открывает. Это невероятно!»

Шура улыбнулся, потянулся ко мне и взял меня за левую руку. Он держал меня за руку, пока говорил.

— Людей, занимающихся подобными исследованиями, какие провожу я, немало, однако на сегодняшний день я единственный из всех мне известных ученых, кто публикует материалы о воздействии этих веществ на человека.

— Почему же остальные не публикуют?

— Главным образом, потому, что химики хотят заработать достаточно денег, которых хватило бы на то, чтобы содержать семью и дом, а также покупать обычные, доставляющие удовольствие вещи, так что они нанимаются в крупные компании или работают на университеты. А если ты работаешь в университете, это значит, что ты зависишь от правительственных фондов. Когда ты находишься в зависимости от правительственного финансирования или от частной компании, имеющей контракты с правительством, ты уже играешь по правилам, установленным правительством. И раз уж правительство решило, что с психоделиками слишком опасно играть кому бы то ни было, за исключением Пентагона и ЦРУ, оно финансирует лишь исследования, которые проводятся на животных, причем большая часть этих исследований направлена на подкрепление идеи о том, что психоделики опасны для человека.

— Ну, — возразила я, — разве они на самом деле не опасны, если их неправильно использовать?

Шура помолчал секунду, потом сказал:

— В общем, да, конечно, они опасны. Но что значит правильно использовать? Используй их с осторожностью, с уважением к тем изменениям, к которым они могут привести, и ты получишь исключительный инструмент для исследований. Если же ты примешь галлюциноген и пойдешь куда-нибудь гулять в субботу вечером, то ты можешь действительно попасть в дурное место — с психологической точки зрения. Просто отдавай себе отчет в том, что используешь, реши, зачем ты это используешь, и тогда ты получишь богатые переживания. Психоделики не вызывают привыкания, и они, безусловно, не уводят от действительности, однако они являются исключительно ценными инструментами, при помощи которых можно понять человеческий разум и механизм его действия.

— Гораздо больше, чем только разум, — пробормотала я, вспомнив тот день, который мы с Сэмом провели в парке «Золотые ворота».

— Ну, одна из проблем, возникающая в разговоре о подобных исследованиях, — сказал Шура, — это терминология. Для многих явлений в этой области просто невозможно подобрать адекватные определения — такие, с которыми все были бы согласны. К примеру, слово «разум» может означать лишь мыслительную функцию человека, но, с другой стороны, может употребляться для обозначения всего, что не является чисто телесным, то есть психики в целом. За некоторое время, пока пытаешься найти общий язык с кем-нибудь, кто занимается похожими исследованиями, привыкаешь к очень точному употреблению терминов.

Я продолжала неотрывно смотреть на Шуру, стараясь не выдать своего счастья. Редко мне удавалось чувствовать себя такой счастливой. Конечно, замечательная, восхитительная, молодая, умная Урсула никуда не делась (уж лучше было наделить ее всеми этими чудесными качествами), но сейчас Шура держал за руку именно меня, а не кого-то еще.

Из коридора до нас донеслись аплодисменты, раздавшиеся в гостиной. Я подумала, что вот-вот сюда зайдет кто-нибудь, посланный найти нас, и я должна воспользоваться остатками времени, чтобы подготовить продолжение нашего общения.

— Шура, пока они нас не отыскали, не мог бы ты записать одну дату там, где обычно записываешь назначенные встречи, если эта записная книжка у тебя с собой?

Он выпустил мою руку и полез в карман за бумажником. Оттуда он вынул маленький блокнот, а из кармана куртки достал ручку. Сел, приготовившись записывать.

— В феврале я устраиваю у себя дома вечер по случаю Дня св. Валентина, и хочу, чтобы ты пришел, — я назвала ему дату и время, свой адрес и сказала, как проехать к моему дому; я не могла вспомнить, давала ли я Шуре какие-нибудь свои координаты, кроме номера телефона, во время нашей первой встречи.

— Буду счастлив прийти к тебе, — сказал Шура, делая запись в своей книжечке. — У меня ничего не назначено на этот день, что могло бы мне помешать.

— На вечере будут, в основном, люди из «Менсы» (почему-то я не почувствовала необходимости объяснить, что «Менса» — это международное общество, объединяющее людей с уровнем интеллекта выше 132, или специально извиняться за то, что вхожу в это общество). Придут еще кое-какие мои друзья, а также будут мои дети — по крайней мере, трое из них, с ними вместе я живу. И, пожалуйста, постарайся прийти. Я хочу продолжить нашу беседу. У меня к тебе ужасно много вопросов, — подытожила я.

Господи! У меня к нему ВОПРОСЫ!

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы появиться у тебя на вечере, — сказал Шура, поднимаясь с кресла и протягивая мне руку, чтобы помочь встать. Мы как раз выходили из кабинета, когда Хильда включила в коридоре свет и прокричала: «О, вот вы где!»

Когда мы вернулись обратно в гостиную, нас тотчас же разделили и увели с собой разные знакомые. Я решила уйти с вечера, не попрощавшись с Шурой. В этом не было необходимости. Если он хотел увидеться со мной снова, то это произойдет меньше, чем через две недели. У него был мой адрес, телефонный номер, он знал, когда у меня будет вечер, и согласился прийти. Осталось посмотреть, сдержит ли он обещание. Не было никакого смысла вешаться ему на шею и вести себя, как помешанная идиотка. Я поцеловала Хильду и поблагодарила ее: «Спасибо, все было просто замечательно». Я сказала абсолютную правду. Потом взяла свое пальто и ушла, не привлекая всеобщего внимания.

Глава 19. Обольщение

На праздничный вечер я надела черные колготки, черный топ для танцев с глубоким вырезом и длинными рукавами и длинную запахивающуюся юбку расцветки пейсли[51] в темно-красных тонах, а на пояс повесила маленькие красные шарики, которые носила в ушах.

Внимательно осмотрев собственное отражение, я ощутила подлинное удовольствие. Когда в тебе всего лишь пять футов и четыре дюйма роста, мгновенно становится виден каждый лишний фунт веса. Но у тела, отражавшегося в большом зеркале в ванной комнате, были неискаженные линии. Ничего лишнего, за что нужно было бы извиняться, не висело и не выступало. Небольшие груди. Густые русые волосы, волнами спадающие на спину чуть ниже плеч, отливающие красноватым серебром на свету. Мое лицо больше не напоминало мне молодую Ингрид Бергман, но ведь и сама великая актриса не смогла бы этим похвастаться. По крайней мере, морщины у меня, в основном, были мимические, как говорят в народе, от смеха, то есть в обычных местах — вокруг рта и глаз. За последний год или около того дети часто заставляли меня улыбаться, и этого оказалось достаточно, чтобы мое лицо не обрело кислого выражения, что запросто случается, когда тебе уже за сорок и ты развелась после долгих лет мучений совместной жизни.

Напоследок я полюбовалась своими зубами, обнажив их в улыбке, и выключила в ванной свет. В темноте мне снова пригрезился высокий мужчина с внимательным взглядом, и в который раз за этот день я напомнила себе, что надо постараться не очень ждать Шуру. Он мог и не прийти. Мне хотелось верить, что он позвонит, если что, однако мы недостаточно были с ним знакомы, чтобы я могла знать это наверняка. Возможно, он согласился встретиться со слишком многими людьми, и теперь эти встречи наслоились друг на друга. Или вдруг он просто забыл посмотреть в свою записную книжку. Может, ему позвонила Урсула и сказала, что приезжает к нему навсегда, и он напрочь позабыл о моем существовании.

Первым пришедшим на вечер гостем оказался мой знакомый из «Менсы». Ему было не по себе в роли ранней пташки, и в его случае это было неизбежно. Стэнли был одним из двух людей в местном отделении «Менсы», которых можно было причислить к умственно отсталым. Он был неуклюжим, социально не адаптированным человеком. Стэнли было двадцать шесть лет, а общий уровень развития у него был не выше, чем у двенадцатилетнего ребенка. За одним исключением: у Стэнли были выдающиеся способности к математике, ко всем ее разделам. Он решал любые математические задачи со скоростью и точностью компьютера. Один из двух тестов на проверку интеллекта, которые даются потенциальным членам «Менсы», построен на математике — или так мне показалось. Я очень плохо с ним справилась, и меня зачислили в «Менсу» лишь по результатам второго теста, где математики почти не было. У Стэнли получилось точно так же, только с другим тестом.

Я взяла своего робкого гостя за руку и отвела на кухню вместе с принесенной им бутылкой вина. На кухне я выдала Стэнли пластиковый стаканчик и сказала: «Наливай себе, сколько захочешь, и, поскольку ты первый, занимай хорошее местечко у камина». Он улыбнулся и налил себе вина в стаканчик, после чего позволил мне отвести себя к длинному дивану, который я заранее придвинула поближе к большому камину.

Мой дом был построен в форме буквы «А» и снаружи производил впечатление. В доме было три этажа, даже четыре, если считать маленькую комнату под самой крышей — это была комнатка Брайана. Я сдавала небольшую квартиру на первом этаже молодой паре, мы с детьми занимали всю остальную часть дома.

Самым главным помещением в доме была гостиная на третьем этаже с впечатляющим

камином, сделанным из отполированного темного камня и горной породы вулканического происхождения. Из огромных окон гостиной открывался вид на деревья и речку, которая протекала неподалеку от нашего дома. Это было отличное место для проведения вечеров; для обычной жизни такая гостиная подходила меньше. Здесь нигде не проложили изоляционный материал — окна и двери пропускали холодный воздух, и каждую зиму из прохудившейся крыши начинала капать вода. Иногда, если нам везло, новая дыра в крыше заделывалась сама, из-за того, что дерево от влаги разбухало. Но всегда оставалась парочка старых прорех, которые заставляли нас ставить на пол кастрюли и сковородки.

Слава Богу, подумала я, что сегодня нет дождя. Я поставила пластинку, надеясь, что музыка убедит Стэна в том, что вечер все-таки состоится.

Начали прибывать новые гости, и за час их набралось около сорока человек. Они ходили по дому, разговаривая и смеясь, с напитками в руках. Некоторые обсуждали, что будем слушать, читали названия пластинок и спорили, какую ставить следующей. Я заверила их, что музыка будет играть весь вечер, и выложила перед ними подборку джазовых вещей, Саймон и Гарфункеля, а также «Битлз», прибавив кое-что для поздних и сладких вечерних часов — свою коллекцию классики, Коупленда,[52] де Фалью[53] и несколько других пластинок с музыкой, которой был присущ ритм, чувственность и легкость.

Келли пришел со своей новой подружкой, и я искренне обняла его, обрадованная тем, что мы, наконец, стали друзьями. Он обнял меня в ответ, задержав в своих объятиях на несколько секунд дольше положенного, что его спутница в полной мере оценила; я увидела, как плотно сжались ее губы, и поспешила обнять ее сама, прежде чем она могла отшатнуться от меня.

Не волнуйся, дорогая! Он весь твой!

Дверь в гостиную оставалась открытой, и свет от свечей мягко дрожал на коричневом шелке, красной шерсти, изредка попадая на джинсовую ткань. Наконец, я могла на секунду замереть и прислушаться к шуму, раздававшемуся в доме. Я знала, что теперь могу расслабиться. Вечер шел своим чередом.

На мгновение я задержалась в маленькой кухне. От гостиной ее отделяла длинная, покрытая плиткой скамья высотой с целый стол. Обычно мы с детьми использовали ее, когда ели. Гостиная была переполнена, и я уселась на скамью. Я разговаривала с двумя женщинами. Мы смеялись, вспоминая новогоднюю вечеринку, на которой побывали все втроем. Один из наименее замкнутых холостяков из «Менсы» появился там в костюме, состоявшем из большого атласного банта красного цвета, повязанного на пенисе. Больше на нем ничего не было. Вдруг в арке, отделявшей кухню от коридора, я увидела Шуру. По спине у меня побежали мурашки.

Он пришел! Он на самом деле пришел!

Я встала на цыпочки и окликнула его: «Привет, Шура! Неси свою бутылку сюда!» Он стал пробираться ко мне, его легко можно было видеть среди остальных гостей. Когда он подошел ко мне, я вытащила бутылку красного вина у него из бумажного пакета, поставила ее на скамью и снабдила Шуру пластиковым стаканчиком и штопором. После того, как он налил себе вина, я взяла его за руку и повела в большую комнату, обходя гостей. Их набилось, как сельдей в бочке.

Мы отыскали кусочек свободного пространства около стены, и я сказала: «Позволь немного рассказать тебе об этих людях — по крайней мере, о нескольких из них». С пулеметной скоростью я стала давать краткие характеристики самым привлекательным персонажам из «Менсы», когда кто-то из них начинал говорить или проходил мимо нас. Тоном опытного экскурсовода я говорила Шуре прямо на ухо, потому что в комнате было шумно: «Видите вон там мужчину, высокого такого, в красном жилете? Он создал ГОИ — Группу особого интереса, известную как Группа для оргий; я забыла официальное название этой группы — что-то вроде Группа сексуальной свободы, но никто не называет ее иначе как Группа для оргий. Я никогда не

была у них на собраниях, но слышала, что они веселятся от души над теми, кто приходит к ним за этим…» — я взмахнула рукой, чтобы завершить картину.

Хорошо, я явно стремлюсь показаться занимательной и, может, даже шокировала его немного, но зато теперь он может предположить, что я не отношусь к свингерам.

Я продолжила представление гостей: «Вон та женщина в фиолетовом платье, которая стоит по прямой линии между нами и свечами, — я посмотрела на Шуру, и он кивнул, давая понять, что видит, о ком пойдет речь, — это Кэндис. У нее очень доброе сердце, и она очень любит своих детей. Какое-то время ее маленький сын, Робин, был самым юным членом «Менсы» в округе. Ему исполнилось десять лет, и он уже не самый юный среди нас».

Я указала на другой конец комнаты: «Теперь тот щупленький человек с бантом на шее. Он стоит около кушетки. Это лучший игрок в шахматы в «Менее» Северной Калифорнии. Мне удалось выиграть у него лишь однажды, но эта победа подпитывала мою гордость очень долгое время. Он славный и очень забавный. Он из той породы людей, которые, кажется, никогда не чувствуют необходимости говорить гадости о ком бы то ни было. Его зовут Джек, и он мне очень нравится».

Шура сказал, перекрывая стоявший в гостиной шум:

— Мне нравятся шахматы, но я не играл в них лет сто. Было бы забавно попробовать поиграть снова.

Я посмотрела на него и улыбнулась, демонстрируя все свои зубы: «Я уже давно выучила, что самый опасный противник — тот, кто говорит тебе, что не играл в какую-нибудь игру много лет. Он запросто обыграет тебя, да еще будет извиняться за то, что подзабыл, как надо играть.

Шура рассмеялся.

— Наконец, — сказала я, — тот высокий мужчина с черной бородой, что стоит около двери. У него большой дом в Черных горах. Это милое местечко к северу отсюда, но недалеко, там живут состоятельные люди. Он часто устраивает вечера для членов «Менсы». В его бассейне обычно плещутся голые люди — я чуть было не сказала голые члены. Один из прекраснейших моментов в своей жизни я пережила на такой вечеринке прошлым летом. Я была одета в черную одежду для танцев, которая на мне сегодня. К концу вечера я совсем осмелела, сняла юбку и плюхнулась в бассейн прямо в колготках и топе. Вы никогда не видели, чтобы женщина привлекла такое внимание! Все голые мужчины из того бассейна захотели познакомиться со мной и спрашивали, где это я так долго скрывалась; я стала первой красавицей бассейна! Думаю, они устали от обилия обнаженной плоти, и я стала для них настоящим искушением в своей одежде!

Я вновь рассмешила его.

Я рассказала Шуре о компьютере, что встроен в мозги молодого человека на диване, который порой теряется и толком не понимает происходящего. Шура сказал, что его очень занимает подобный тип ума и что позже он подойдет к этому человеку и побеседует с ним. Я выразила надежду, что он не передумает, поскольку мало кто обращает на мальчика внимание, а ведь он очень мил.

Я сказала на ухо Шуре:

— Между прочим, а почему ты не вступил в «Менсу»? Это хороший способ повстречать интересных людей, особенно, когда вы развелись или овдовели.

— Ну, — прокричал Шура, — сказать по правде, я никогда не думал об этом, возможно, потому, что там нужно проходить тест на IQ, а я не пройду этот тест.

— Это почему же, скажи ради Бога?

Я почувствовала, как Шура сомневается, и ждала, станет он объяснять или нет. Наконец, он повернулся ко мне и сказал:

— Я питаю огромное отвращение ко всем тестам на проверку уровня интеллекта и еле сдерживаюсь при виде людей, которые дают их. Когда я был в третьем классе или около того, мне дали так называемый тест на IQ, Бинет-что-то-что-то…

— Тест Стэнфорд-Бинета», — подсказала я.

— …. я честно постарался пройти этот тест. Там были треугольники, и игры с числами, и вопросы типа «если это, тогда что». Стратегия ответов на большую часть этих вопросов была довольно очевидна.

— Так ты справился?

— Конечно, и из-за этого я крупно поссорился с директором школы. Он обвинил меня в том, что я смошенничал, поскольку еще никто не мог показать такой результат, как я, без обмана. Так что меня, по сути дела, выкинули из группы, где давали эти тесты, и я подвергся самому настоящему унижению. Очевидно, они хотели, чтобы результаты колебались около какой-то нормы, а мой результат слишком сильно превысил ее. Моя мать пришла в ярость и устроила директору скандал; она затащила меня к нему в кабинет и прочитала ему лекцию о моей честности. После такого мне еще больше захотелось куда-нибудь убежать и спрятаться. Тогда я поклялся, что больше никогда не буду проходить тесты на IQ, и я этого не делал.

Я сочувственно покивала: «Конечно, конечно».

Тут входная дверь открылась, и я углядела своего бывшего супруга, Уолтера Парра, уважаемого психиатра и автора научных публикаций, любящего отца и неисправимо неверного мужа. Дети пришли вместе с ним. Я взяла Шуру за руку и сказала: «Я хочу, чтобы ты пообщался вон с теми вошедшими. Уолтер — мой бывший муж, он действительно очень хороший человек и с ним очень интересно поговорить. Все это я говорю тебе не потому, что хочу показаться великодушной и способной прощать женщиной, какой, разумеется, я являюсь».

Я забыла; я еще не рассказывала ему о своем браке, так что он не может точно знать, что мне пришлось прощать. Ладно, спокойно.

Пока мы протискивались между разгоряченными телами, я продолжала говорить, перекрикивая разговоры и музыку: «Детей зовут Энн, Венди и Брайан; они самые замечательные люди на свете, и это абсолютно объективное и беспристрастное заключение, как медицинский диагноз».

Когда мы подошли к Уолтеру, я представила ему Шуру и добавила: «Д-р Уолтер Парр — очень хороший психоаналитик, работает по методикам Юнга. Он написал две книги, посвященные мифотворческой способности человеческой психики, и их действительно стоит прочесть. А я сделала несколько отличных рисунков для одной из этих книг». Потом я указала пальцем на грудь Шуры и сказала Уолтеру, прижавшись губами прямо к его уху из-за стоявшего в гостиной шума: «Шура — эксперт по психотропным препаратам и их воздействию на человека. Он также изобретает новые психоделики и публикует всю информацию о них в крупных и важных журналах с химической тематикой!» После этого я изобразила потерю голоса из-за того, что мне пришлось так напрягаться, а мужчины в это время поздоровались и обменялись рукопожатием.

Дети уже разбежались, так что я потянула Шуру за рукав, и мы пошли ловить каждого из них по очереди. Я кричала ему имя, он отвечал «привет». Проделав процедуру знакомства, я жестом показала Шуре, что должна идти на кухню, похлопала его по рукаву и оставила стоящим в гостиной со стаканом вина и ошеломленным выражением лица в окружении незнакомых людей. На протяжении следующих пятнадцати-двадцати минут я старалась не искать глазами крупную голову, окруженную ореолом блестящих волос. Я проверила, достаточно ли еды на кухне, и поздоровалась со всеми, с кем могла, убедившись, что у них есть все, что нужно, и они знают, где находится ванная комната. Впрочем, я достаточно часто смотрела в сторону Шуры,

чтобы удостовериться, что он не ушел. Сделав все, что мне полагалось сделать в качестве хорошей хозяйки дома, я начала проталкиваться туда, где последний раз видела Шуру.

Кое-какие смельчаки пытались танцевать, было похоже, что эта идея захватывает все больше гостей. Я приободрилась, поскольку считала, что именно танцы могут составить разницу между просто хорошим и великолепным вечером. Я пошла дальше, задевая чьи-то теплые плечи и спины, чувствуя, как между грудей текут струйки пота.

Я знаю, что сделало бы этот вечер по-настоящему великолепным: если бы только я могла убедить Большого мужчину остаться после того, как все разойдутся по домам. Останется ли он? Как бы пригласить его так, чтобы ему было бы нетрудно сказать «нет»? Нельзя ставить его в затруднительное положение.

Я пробралась к антикварному столику, стоявшему у дальней стены, и порылась в его ящиках, пока не отыскала несколько небольших раскрашенных пастелью открыток в конвертах, а также ручку. Наклонившись над столом, я старательно написала свое послание на маленькой розовой открытке: «Любезный д-р Бородин, я была бы вам очень благодарна, если бы вы сочли возможным ненадолго остаться после ухода остальных гостей. Хотелось бы получить возможность поговорить с вами».

Я не думала, что слишком забегаю вперед; в конце концов, это могло быть именно тем, чем оно казалось, — приглашением продолжить нашу беседу. У меня не было никакого точного плана. Я просто хотела поговорить, узнать его получше, услышать рассказ о каких-нибудь его приключениях, о том, что он знал. Если это общение приведет к чему-то большему, чем держание за руки, — что ж, хорошо. Я решила, что все случится, когда и если придет время. Я подумала, может, добавить в записке что-нибудь на случай отказа, пообещав попросить приватного общения в другой раз, если Шура должен будет уйти сегодня. Но потом я отказалась от этой мысли. Семь бед — один ответ. Пусть все идет своим чередом. Я вывела печатными буквами имя Шуры на конверте и стала протискиваться через толпу по направлению к белоснежной голове, которую я заметила около одной из деревянных стен.

Большинство из гостей к этому моменту танцевало. Приблизившись к Шуре, я увидела, что он занят тем, что выглядело как оживленная беседа с Уолтером. Я передала ему конверт, сказав лишь: «Думаю, это для тебя». Я тут же упорхнула, услышав, как мужчины продолжили свою дискуссию, и ощущая смесь триумфа и ужаса.

Я только что дала этому человеку основательный и решающий повод уйти из моей жизни и держаться от меня подальше, учитывая тот факт, что он влюблен в женщину по имени Урсула и, очевидно, намеревается связать свою будущую жизнь с ней. Что, черт возьми, я делаю, вмешиваясь в эту ситуацию?

Никогда в жизни я не была частью любовного треугольника; я была слишком горда, возможно, слишком высокомерна или, может, чересчур не верила в себя, чтобы даже на минуту задуматься о том, чтобы соперничать с другой женщиной за мужчину, который мне понравился. Это просто не в моем стиле. Так почему, почему я делаю все это?

Я налила себе водки с клюквенным соком, потом пошла по коридору в ванную и закрылась там, чтобы хоть чуть-чуть побыть в тишине. В зеркале я увидела свои пылавшие румянцем щеки и очень яркие глаза. В конце концов, я сказала своему отражению: «Хорошо. Поживем — увидим. Удачи, подруга».

К полуночи толпа гостей немного поредела. Оставшиеся либо энергично танцевали — пот блестел на их лицах — либо сидели маленькими группами и беседовали, помогая себе открытыми, широкими жестами, в которых участвовало все тело. Такими жестами люди начинают пользоваться после того, как порядком выпили и забыли о неловкости. Шура сидел рядом со Стэном, обхватив руками колени и внимательно слушая молодого гениального

математика. Тот выглядел оживленным и счастливым. Я оставила их одних. Я проверила запас пластинок и добавила еще несколько с танцевальной музыкой. Дрова в камине продолжали гореть и потрескивать, как и должно быть, если огонь хорош.

У него было предостаточно времени, чтобы сказать мне, что он не может остаться. Полно времени, чтобы струсить и уйти. А он все еще здесь. Все еще здесь.

Часы показывали уже четверть второго утра, когда, подкрепившись горячим кофе, ушел последний из гостей, оставив меня наедине с Шурой, шипящими дровами в камине и одной из моих любимых пластинок — «Concerto de Aranguez» Родриго,[54] которую я поставила для того, чтобы ненавязчиво помешать продолжению танцев — и в то же время сохранить спокойное, приятное настроение вечера.

Закрыв входную дверь, я вернулась к Шуре, сидевшему на диване и смотревшему на меня, и сказала: «Мне нужна ваша помощь, чтобы поставить на место парочку тяжелых вещей».

Мы вернули диван на его место посередине комнаты. Потом я отправилась в чулан под лестницей и вытащила оттуда толстый пенопластовый мат, который, как объяснила я Шуре, обычно лежал перед камином, за исключением тех дней, когда в гостиной проводились вечеринки. Мы расстелили мат немного подальше от камина, потому что от огня нет-нет, да летели искры. Я накрыла мат индийским хлопчатобумажным покрывалом размером с две кровати. На покрывале было изображено Древо жизни по классическому образцу — в голубых, зеленых и желтых тонах.

Быстро передвигаясь по гостиной, я собрала все свои подушки для сидения на полу, маленькие и большие, и разбросала их по краям мата. Потом обратилась к Шуре: «Возьми, пожалуйста, сам, что захочешь, на кухне. Я только переоденусь и сразу же вернусь».

Шура пошел к облицованной скамье, а я поднялась наверх, в спальню, и взяла там свои джинсы, которые сидели на мне лучше всего, и белую блузку из жесткой ткани с мягкими кружевами по краям V-образного выреза. Я скинула колготки и топ и сменила белье, надев простые белые хлопчатобумажные трусики и белый лифчик. В ванной я немного побрызгала себе на плечи мускусной туалетной водой, размышляя, стоит ли брызгать еще где-нибудь. Потом решила вместо этого воспользоваться детской присыпкой для того, чтобы добиться теплого, невинного, дружеского запаха. Через несколько минут я была готова. Я спустилась по лестнице в гостиную.

Шура сидел на мате, скрестив ноги. Перед камином, на отполированной каменной плите, стояла полная бутылка красного вина и еще полбутылки белого. Шура отыскал мои бокалы и поставил их вместе с бутылками на темную, мерцающую поверхность, где они сверкали в огне камина.

Когда я тоже опустилась на мат, Шура встал на колени и налил в один из бокалов красного вина, потом спросил, какого вина хотелось бы выпить мне. Я сказала, что белого, поблагодарила и взяла у него свой бокал.

Мы сидели, скрестив ноги, боком к огню. Я сконфуженно улыбнулась ему и сказала то, что была должна: «Надеюсь, ты простишь мою самонадеянность, я имею в виду записку, но я очень хотела продолжить нашу беседу, хотя бы еще немного, понимаешь, без этой шумной компании…» Я беспомощно махнула рукой и пожала плечами, чувствуя себя напуганной и чуть-чуть глупой. Шура смотрел на меня и слегка улыбался.

— Спасибо за приглашение. Это была превосходная идея, и, если бы ты не предложила мне остаться, уверен, что нашел бы способ сделать это сам».

Это были несколько формальные слова, которые должен был произнести галантный джентльмен.

Так-так, может, он нашел бы способ, а может, и нет. Однако он не выглядит человеком,

которого держат здесь насильно; похоже, что ему уютно и удобно, так что больше никаких извинений. Огонь вспыхнул оранжевым, потом опять стал приятно потрескивать.

Интересно, помнит ли он, о чем мы говорили у Хильды. Понятия не имею, сколько раз этот человек разговаривает с интересными людьми, может быть, каждый Божий день; он может и не помнить тот вечер, хотя не могу поверить, что он совсем забыл, как держал меня за руку.

Я отпила немного вина из своего бокала и бросилась в омут с головой: «Я так о многом хочу спросить тебя, что не знаю, с чего начать. Мне ничего другого не остается, как нырнуть в свои вопросы и начать донимать тебя, ты не возражаешь?» Я посмотрела на него, почувствовав внезапную тревогу. Может, он не хочет отвечать на мои вопросы вот прямо сейчас.

— Валяй. Спрашивай.

— Позволь мне сначала рассказать тебе, как я представляю пока твою жизнь. Ты преподаешь химию в Калифорнийском университете, в кампусе Беркли, да? — Шура кивнул. Я заторопилась дальше: «И у тебя есть своя лаборатория за домом, а также официальные разрешения на проведение той работы, которой ты занимаешься, и ты эксперт — консультант по воздействию психоделиков на человека, верно?

— Да.

— Кто спрашивает у тебя, как влияют эти наркотики на чело

века? Я имею в виду, какие люди консультируются с тобой?

— Ну, давай посмотрим, — задумчиво сказал Шура. — Я консультировал Национальный центр изучения наркотической зависимости и еще Национальный центр изучения психического здоровья…

Я кивнула, подтверждая, что слышу названия этих учреждений не в первый раз, и Шура продолжил: «Какое-то время я консультировал НАСА. Это интересная история, я расскажу ее тебе как-нибудь в другой раз. Изредка я выступаю в суде в качестве свидетеля-эксперта на слушании дел о так называемых запрещенных наркотиках и о запрещенных лабораториях — полиция настаивает на этом названии, хотя такой вещи, как запрещенная лаборатория, не существует в принципе, потому что закон не запрещает иметь лабораторию; запрещенной можно назвать лишь деятельность, которой занимаются в подобных лабораториях».

Шура был одет в темно-голубые вельветовые брюки и кремового цвета шелковую рубашку. Сквозь ткань я могла видеть его соски.

Я кивнула, улыбнувшись: «Понимаю. Согласна».

— Кроме того, кое-кто из сотрудников Администрации по контролю за соблюдением законов о наркотиках консультируется со мной и порой присылает людей из других правительственных учреждений, когда те сталкиваются с какой-нибудь необычной проблемой и думают, что я мог бы им помочь ее решить. Плюс лаборатории в местном округе. И еще частные лица, у которых могут быть ко мне вопросы. Думаю, это все, что я могу сейчас вспомнить, — заключил он и сделал глоток вина из бокала.

Он гаже немного переигрывает. Он не относится к тем, кто страдает от ложной скромности и склонности к ахам-охам.

Я рассмеялась и сказала: «НАСА, ничего себе! Хотела бы я послушать об этом! Но сначала — еще один вопрос, ладно?»

Шура подлил себе вина, потом взял у меня бокал и долил чуть-чуть, что я отпила.

— Ты говорил мне, что создаешь новые психоделики и что у тебя есть группа людей, которые их пробуют после того, как ты удостоверился в том, что наркотик безопасен и…

Он прервал меня: «Не безопасен. Такой вещи, как безопасность, вообще не существует. Это касается и наркотиков, и вообще всего. Ты лишь можешь считать что-то относительно безопасным. Если переборщишь с чем-нибудь, то это грозит тебе опасностью, и не важно, что

это будет. Слишком много еды, слишком много выпивки, слишком много аспирина — да чего угодно, и, скорее всего, ты окажешься в опасности».

Он выглядел очень сосредоточенным, почти сердитым.

Ну, мы даем — кажется, задели его за живое, да, точно задели.

— Большая часть того, что я могу сделать с наркотиком, — продолжил Шура более мягким голосом, — определить относительно безопасную дозу для себя, для своего собственного тела и разума, и пригласить своих приятелей-исследователей попробовать тот же препарат, чтобы установить относительно безопасную дозу для их конкретных тел и нервной системы.

Он прервался, посмотрев мне в глаза: «Прости, что набросился на тебя, но я считаю, это очень важно прояснить».

— Ты абсолютно прав, — заверила я его. — Нападай на все, что хочешь. Для меня все это знание внове.

Тут я поразилась самой себе, осознав, что приглашение нападать можно истолковать не только в этом смысле.

Я глотнула вина и продолжила: «Итак, ты проверяешь новые наркотики при помощи своей группы, а затем публикуешь статьи, рассказывая об этих наркотиках, о способах их изготовления в лаборатории и об их воздействии на людей?»

Шура кивнул.

— А все ли правительственные чиновники, которые приходят к тебе за консультацией, знают, чем ты занимаешься, что создаешь новые наркотики и публикуешь всю информацию о них? Я хочу сказать, разве они не чувствовали неловкость, обращаясь к тебе, или не пытались прекратить твою деятельность?

— Ну, что касается первой части вопроса, думаю, у многих из них есть такое предположение, если они хорошо делают свою домашнюю работу, однако большинство людей мало читают, особенно научной литературы. Насчет второй части — нет. Они никогда не пытались встать у меня на пути. Может, они и чувствуют себя немного неловко, когда думают о том, что я делаю, ну, некоторые из них, но у них нет причины останавливать меня. В любом случае, я не делаю ничего противозаконного…

Я быстро кивнула, надеясь, что мой вопрос не выглядел наивным. На самом деле, я как раз была наивной относительно этих вещей.

Шура тем временем говорил: «К тому же я тихий человек; я не делаю много шума на публике, не участвую ни в каких социальных движениях. Я не торгую наркотиками. Я делаю работу по контракту с правительством, который предусматривает изготовление образцов наркотических веществ для него, а потом выставляю счет за потраченное время. Но я не обмениваю наркотики на деньги — это для меня дело принципа. Так намного проще жить. Между тем, вполне возможно, что в правительстве полно людей, которых на самом деле очень интересуют мои публикации. Я ничуть не сомневаюсь, что ЦРУ и, возможно, Министерство обороны пристально следят за некоторыми или за всеми веществами, о которых я пишу; может, они чувствуют, что фактически я делаю немалую часть работы за них».

— Ты хочешь сказать, что испытываешь за них препараты, годные для использования в военных целях — что-то вроде биологического оружия?

Шура пожал плечами: «Или, возможно, для установления контроля над толпой, или для допросов военнопленных, или для одурманивания главы недружественного государства — как знать? Их цели не совпадают с моими».

Я наклонилась к нему и мягко спросила: «Так какая цель у тебя — исследовать, как функционирует человеческий разум или психика, чтобы ощутить восторг оттого, что ты можешь узнать все, что в твоих силах?»

Шура отпил из своего бокала и смахнул капельки вина с усов, прежде чем ответить: «Разве это не достаточная причина?»

Он меня слегка поддразнивает, но в то же время хочет узнать, как я ко всему этому отношусь.

Я сказала: «Конечно, эта цель вполне заслуживает уважения. Но ведь есть еще и другая, не так ли?»

Если он относится к тем людям, что быстро раздражаются, возможно, сейчас я это выясню.

— Ну хорошо, — сказал Шура, не подавая признаков раздражения. — Но позволь сначала переадресовать этот вопрос тебе и спросить, какая цель, на твой взгляд, еще могла бы или должна быть здесь?

Мы оба стремимся как можно быстрее выяснить, какова жизненная философия и образ мыслей другого. И, раз уж на то пошло, в здравом ли уме собеседник, мыслит ли он разумно. Ладно. Приступим.

Я рассматривала свои колени, пока пыталась облечь пространные образы в короткие, крошечные слова: «Ну, день, проведенный мною под пейотом, помог мне прояснить много вещей, о которых я думала и которые я чувствовала всю свою жизнь, но не могла ни точно понять, ни разложить по полочкам. Это был, как я считаю, действительно самый удивительный день в моей жизни. Я обрела такой драгоценный опыт, что, помню, еще подумала, когда пошла спать, что, случись мне умереть на следующее утро, этот день стоил того. Я много размышляла о том, что узнала в тот день, — я думала об этом годами. И чем дальше, тем больше я понимаю этот единственный в моей жизни подобный опыт. Мне до сих пор мало-помалу открывается что-то новое».

Я посмотрела на Шуру. Он облокотился на руку, на лице написано внимание.

Я продолжила: «Мне кажется, что магические растения — и психоделические препараты тоже — существуют потому, что человечество нуждается в некоем способе понимания того, что оно из себя представляет. Ему необходимо средство, чтобы вспомнить вещи, которые мы обычно забываем, когда становимся взрослыми. Я также думаю, что вся эта вспышка экспериментов с психоделиками и их изучения, под знаком которой прошли шестидесятые, объясняется каким-то очень сильным инстинктом, действующим, возможно, на уровне коллективного бессознательного, если использовать терминологию Юнга. Этот инстинкт говорит нам, что, если мы не поторопимся и не выясним, почему мы такие, какие есть, и почему мы делаем то, что делаем, — как биологический вид — то очень скоро мы полностью истребим сами себя».

— Что является, — сказал Шура, — единственной причиной,

по которой я публикуюсь.

— А-а-а, — протянула я и немного помолчала. — Итак, неважно, что люди из ЦРУ, или кто бы там ни был, интересуются твоими наркотиками, исходя из собственных побуждений…

Шура закончил за меня: «Я все равно продолжаю публиковать информацию, распространять ее так широко, как только могу, в таком спокойном изложении, на какое я только способен. И, может быть, среди читателей найдется несколько человек, которых волнует то же, что волнует меня, и которые найдут наркотикам правильное применение».

— Да, я понимаю.

— На это я надеюсь. Конечно, найдется немало идиотов, которые ничегошеньки не знают о химии. Они попытаются изготовить некоторые — простейшие — наркотики, чтобы торговать ими на улице. И этого нельзя избежать. Люди будут принимать купленные наркотики на вечеринках, точно так же, как они употребляют алкоголь, поступая глупо и безответственно. Журналы, в которых я публикуюсь, читают совершенно разные люди. По крайней мере, психоделики не вызывают физиологического привыкания, и большинство людей считает их

всем чем угодно, только не вызывающими психологическую зависимость препаратами. Я надеюсь, что кое-где находятся умные люди, имеющие к тому же и доброе сердце, которые пользуются этими инструментами, и, возможно, с их помощью начали понимать что-то, чего не понимали прежде. И еще я надеюсь на то, что, может, среди них будет несколько смелых людей, способных написать о том, о чем они узнали, чтобы другие люди тоже могли это прочесть и начать думать. И так далее, по цепочке.

— Как Хаксли.

— Да. К несчастью, такие, как Хаксли, встречаются редко. Но каждый голос идет в счет. Все, на что я могу надеяться, — это то, что наберется достаточно голосов и что на это хватит времени.

Я сказала: «Ну, кажется, в мире хватает людей, стремящихся всеми возможными способами изменить сознание; я хочу сказать, существует множество учений, построенных на медитации, а также гипноз, дыхательные техники…»

На что Шура ответил: «Разумеется, есть много способов изменить свое сознание и восприятие; такие способы существовали всегда, к тому же постоянно разрабатываются новые. Наркотики — лишь один из них, но они, на мой взгляд, быстрее всего вызывают изменения и, в некотором смысле, более надежно, что делает их весьма ценными, когда прибегающий к ним человек знает, что делает».

Шура замолчал, чтобы сделать глоток вина, затем продолжил: «Какое-то время я думал, что могу использовать музыку, чтобы достичь желаемого, ибо музыка способна очень сильно изменять сознание. Но, открыв у себя определенную склонность к химии, я решил идти этим путем, сосредоточиться на разработке этих инструментов. Думаю, мой выбор объяснялся, главным образом, тем, что данные наркотики являются средством, вызывающим новые озарения и ощущения, причем быстро и я даже не знаю, если бы у нас было больше времени. Иногда мне кажется, что уже слишком поздно».

Я сидела и думала: «Боже мой!» На мгновение Шура ушел в себя. Я знала, что он находится на своей личной территории и видит то, что у меня не было возможности видеть вместе с ним. Я сидела молча, проникнувшись возможной надвигающейся гибелью всего человечества.

Наконец, я пожала плечами. «Наверное, я неисправимая оптимистка; думаю, у нас есть достаточно времени, следовательно, у нас будет его достаточно и в будущем».

Шура вновь был со мной. Он улыбнулся и сказал: «Может, ты и права, но я не намерен лениться, а ничто лучше не заставит тебя усиленно работать, как мысль о том, что время уходит».

Я допила остатки вина и решила перевести разговор в другую, более опасную плоскость.

— Расскажи мне об Урсуле. Она участвует в твоих экспериментах,

то есть она принимает вместе с тобой наркотики?

— Да, ей это ужасно нравится, и она правильно ими пользуется. Думаю, это один из самых сильных сближающих нас моментов. И в то же время, насколько я понимаю, — одна из причин, по которой мне сложно понять кое-что в наших отношениях, потому что почти невозможно лгать человеку, с которым ты разделяешь измененное состояние сознания. Она очень умная женщина; у нее трудные и сложные видения, и она разделяет их со мной, как я разделяю с ней мои. Я знаю, что она чувствует по отношению ко мне.

Поколебавшись, Шура сказал:

— Я должен поправить себя. Я знаю, что она чувствует по отношению ко мне, когда мы вдвоем. Когда же она возвращается к себе домой, к мужу, она словно исчезает в другом мире; там я не могу дотянуться до нее. Я действительно не знаю, что и думать. И я уже начинаю задумываться над тем, как долго может это все продолжаться, если мы ничего не решим и не

будем уверены в том, что когда-нибудь вообще найдем решение.

— Она так и не начала процедуру развода?

— Нет. Она говорит, что должна дождаться подходящего момента, чтобы окончательно порвать с Дольфом, когда он будет более спокойным, когда уменьшится риск того, что он сделает с собой что-нибудь непоправимое. И ей всегда кажется, что нужный момент еще не наступил.

— И все-таки она оставляет его, чтобы провести с тобой примерно пару недель — как часто?

— Она была здесь два раза и в обоих случаях вернулась домой.

— И после такого ее муж по-прежнему дружески разговаривает с тобой по телефону?

Шура посмотрел на меня, нахмурившись:

— Звучит странно, не так ли?

Я осторожно сказала: «Ну, это похоже на довольно странный брак».

На его лице застыла печаль, в воздухе повисла тревога, и я подумала, что вновь пришла пора сменить тему разговора. Я встала на колени и потянулась за бутылкой белого вина, зная, что огонь очертил мое тело и Шура мог это заметить. Он действительно очнулся и пришел мне на помощь, взяв бутылку и до краев наполнив мой бокал вином.

На этот раз, вернувшись на свое место, я вытянулась на мате, опираясь головой на одну руку, а другой удерживая бокал.

Атмосфера начала неуловимо изменяться. Я знала, что его внимание переключилось и в данный момент он не помнил об Урсуле. Я заговорила почти извиняющимся тоном, остерегаясь сказать что-нибудь такое, что снова повергло бы Шуру в печаль: «Пожалуйста, сразу скажи мне, если не настроен говорить об этом прямо сейчас, но мне бы очень хотелось знать, каким был ваш брак. Что за человек была твоя жена — Элен, да?»

Я заметила, как в его глазах промелькнуло что-то похожее на изумление, и он ответил: «Да, Элен. Нет, я не возражаю против того, чтобы поговорить о ней сейчас. Мне кажется, я уже говорил, что мы были женаты тридцать лет. Она была хорошим человеком, очень светлым, ее интересовали многие вещи. Она целиком и полностью поддерживала меня всегда и во всем, даже когда я решил уйти с очень хорошей работы в Dole — я уже рассказывал об этом — чтобы заняться тем, во что я верил. Когда я сказал ей, что мне нужно два года на изучение медицины, она пошла работать в университетскую библиотеку, чтобы помочь мне оплачивать счета. На самом деле она была рада вновь окунуться в университетскую среду Беркли. Ей не очень нравилась Ферма…»

Я прервала Шуру, переспросив:

— Ферма?

«Мы живем, то есть я живу на ферме площадью двадцать акров. По крайней мере, раньше это была полноценная ферма,

где имелись коровы, козы и лошадь. Там все еще можно выращивать овощи, если заняться этим. Элен хотела бы любить Ферму, но ей недоставало активной среды Беркли, ее друзей, всего того, чем отличается университетский город. Поэтому я думаю, что возвращение к работе очень ее устроило. Наш сын уже подрос, так что Элен не надо было постоянно с ним сидеть. Хотя я получал приличную стипендию, для нас ее зарплата была неплохим подспорьем, пока я учился.

— Она принимала с вами психоделики?

— Нет. Она не могла, потому что недостаточно верила себе; она боялась потерять контроль над собой, а самоконтроль был для нее настоящей религией. Я не пытался переубедить ее, ибо это была единственная вещь, которую она никогда бы не сделала — ни при каких

обстоятельствах. Попробовать наркотик — это такое решение, которое нельзя принять за другого человека. Но на последнем году жизни по какой-то причине Элен решилась попробовать. Однажды она пришла ко мне и сказала, что хотела бы принять мескалин. Она прочла немало литературы о нем и, наконец, решила, что может попробовать мескалин и ничего плохого не случится, потому что у этого наркотика была долгая, внушающая уважение история.

Итак, в одно воскресенье к нам пришли наши самые близкие друзья, и мы все, за исключением человека, который сидел за рулем, приняли мескалин. Потом погрузили еду для пикника и одеяла в машину и поехали туда, где открывается великолепный вид на весь Залив. Мы просидели на склоне холма целый день. У Элен были замечательные переживания, действительно красивые ощущения. И теперь, оглядываясь назад, я задумываюсь, может, Элен интуитивно чувствовала будущее, но, в любом случае, я очень рад, что она решилась попробовать.

— И ей не стоило об этом сожалеть?

— Не стоило. Мне кажется, это был мудрый выбор. И потом, я очень доверяю мескалину, так как он помогает мне самому расширить сознание. Для меня он настоящий союзник. И я очень благодарен за то, что он оказался таким другом и для Элены.

Я вспомнила, как учитель Кастанеды, Дон Хуан, ссылался на своего «маленького союзника», но не смогла вспомнить, о каком растении шла речь. Это было приятное слово — «союзник», в некотором смысле, более сильное, чем слово «друг». Когда на тебя наставлено оружие, союзник окажется рядом, он придет на помощь в случае опасности. Союзник — это друг, обладающий силой, способный доказать свою преданность. Союзник.

Я посмотрела в лицо Шуре и увидела, что он снова витает мыслями где-то далеко, так что я рассказала ему о том, что пришло мне в голову. Он улыбнулся: «Да, это хорошее слово. Не уверен насчет оружия, которое держат наготове, но в самом деле, он обладает силой, чтобы отвести удар. Именно так некоторые психоделики воздействуют на меня — как друзья и союзники». Он задумался на мгновение и добавил: «Или, по крайней мере, они дают тебе доступ к той части тебя самого, которая служит тебе другом и союзником».

К этому моменту благодаря действию вина я совершенно расслабилась. Мне было тепло, я чувствовала себя удобно и непринужденно и в разговоре, и в молчании. Я вглядывалась в огонь, позволив образам и мыслям уйти в свободное плавание. Шура поставил свой бокал на пол и поднялся, чтобы подбросить дров в камин; вернувшись, он сел на другое место — поближе ко мне. Я обнаружила, что снова улыбаюсь, чувствуя удовольствие оттого, что нахожусь рядом с ним. Потом, неожиданно для себя, я встала на колени лицом к Шуре и спросила:

— Ты не устал от всех этих вопросов?

— Вовсе нет, — ответил он и нежно провел рукой по моей щеке. — Понимаешь, я же преподаватель, а все преподаватели любят, когда им задают вопросы. Это значит, что кому-то интересно то, чем они занимаются.

— Ах, да, — сказала я, положив руки ему на плечи. — Я действительно очень заинтересовалась. И ты отлично это знаешь.

Тут Шура сделал совершенно неожиданную вещь. Свою правую руку он положил мне на лопатку, а левую просунул между бедер и подложил мне под спину. Теперь я словно сидела у него на руке, мои груди упирались ему в лицо. Мое тело, там, под джинсами, ответило на давление Шуриной руки волной тепла. Внезапно я осознала, что центральный шов джинсов давит мне. Я немного откинулась назад, поездив по руке Шуры. Это было странное, но приятное ощущение — чувствовать, как длинная мускулистая рука давит на шов, на нежную плоть, скрытую под тканью. Я посмотрела Шуре в лицо, продолжая держать свои руки у него на плечах. Его глаза были широко открыты, и он смотрел прямо в мои, уже не улыбаясь. Я склонила

голову, пока мой лоб не коснулся лба Шуры. Его лицо слегка блестело от пота, я знала, что тоже вспотела.

Правая рука Шуры легла мне на пояс и вытащила край блузки из джинсов, потом я почувствовала, как его пальцы расстегивают мой лифчик. Я подумала: «О Боже, ты ни за что с ним не справишься, — рассмеялась и сказала вслух, — у тебя будут проблемы с этим. Будет лучше, если я немного помогу тебе».

Продолжая ерзать по его твердой, мускулистой руке, я расстегнула пуговицы блузки и медленно, сосредоточившись, сняла ее, а затем отбросила прочь — лишь мелькнул розовый отсвет огня на белом хлопке. Я сказала Шуре: «Я собираюсь принести для нас покрывало, на случай, если огонь погаснет». Шура медленно вытащил свою руку, которая была между моих ног, и ответил: «Хорошо. Но только не очень долго. Мне очень не понравится, если ты успеешь забыть, что я здесь, ты понимаешь?» Ни малейшего шанса, что я забуду тебя, подумала я, улыбнувшись Шуре.

Я вернулась к нему почти мгновенно вместе со старым стеганым одеялом из лоскутов. Это было большое, мягкое, износившееся одеяло. Я положила его на самый дальний от огня угол мата. Шура очень аккуратно размещал очередное бревнышко в камине. К тому времени, как он закончил это делать и повернулся ко мне, я уже избавилась от лифчика и стояла на коленях, приготовившись сбросить джинсы. Он сел на мат, скрестив ноги, за его спиной горел камин; от огня казалось, что у него на голове корона желто-оранжевого цвета. Шура спросил меня: «Не возражаешь, если я разденусь? Без одежды я буду чувствовать себя гораздо удобнее. Здесь сейчас довольно жарко».

Я одобрительно засмеялась. Потом легла на спину и стащила джинсы с поднятых вверх ног, дурачась, словно ребенок, которому сказали готовиться ко сну. Мгновение я колебалась: с одной стороны, заявили о себе скромность и манеры настоящей леди, с другой — мне не хотелось утруждать себя мыслями об одежде. Потом до меня дошло, что и скромность, и благовоспитанность растворились без следа, когда я ездила по Шуриной руке, так что, решила я, трусики тоже можно снять.

Обнаженная, я легла на живот, как двухлетний ребенок на залитом солнцем дворе. Я оперлась подбородком на руки и стала смотреть медленное, заслуживающее внимания шоу, которое мне устроил Шура. Под мягкой бежевой рубашкой у него ничего не было. Его грудная клетка оказалась просто огромной, а живот таким плоским, что почти напоминал живот хронически недоедающего человека. На груди была поросль темных волос и выделялись нежно-розовые соски. Аккуратно пристроив сложенную рубашку подальше от камина, Шура поднялся, чтобы снять брюки. Я не сводила с него глаз, подумав, Боже мой, какой же он чертовски высокий! И сказала: «Я вижу, что на других частях тела у тебя темные волосы, то есть я хочу сказать, на тех частях, которые я пока могу видеть». Когда он вышел из своих боксерских трусов, я хихикнула: «Ну вот, думаю, я вижу уже достаточно много».

Шура опустился на мат и лег лицом ко мне, подперев голову рукой.

— У тебя действительно нет лишнего веса, не так ли? — поделилась я своими наблюдениями.

— Без него я чувствую себя гораздо лучше.

Я пристроилась поближе к Шуре — теперь между нами было не больше двух футов — и вернулась к разговору о цвете его волос:

— Значит ли это, что у тебя везде были черные волосы до того, как волосы на твоей голове приобрели великолепный серебряный цвет?

— Нет, на самом деле не были. Волосы на голове у меня были светлыми, это достаточно странно, потому что, как ты видишь, — тут Шура позволил себе легкую усмешку, — волосы на

моем теле темные.

Я по-прежнему старалась не смотреть на завитки волос у него внизу живота и спросила, когда его волосы поседели, произошло ли это в один момент и не наркотик ли, который Шура в тот момент изучал, был тому причиной.

— Я начал седеть в возрасте тридцати лет.

— В тридцать лет! Боже мой. Была ли конкретная причина — может быть, какой-нибудь шок?

— Нет, никакого шока. И наркотик тут тоже ни при чем. В то время я еще работал на Dole и не приступил к собственным исследованиям.

— Твои волосы прекрасны, и я уверена, что тебе об этом хорошо известно.

На этот раз Шура широко улыбнулся и сказал:

— Благодарю тебя. Мои волосы говорят тебе спасибо. У меня есть лишь одна теория касательно причин моей столь ранней седины. Подозреваю, я бессознательно готовил себя к участи безобидного старого профессора, который иногда может на что-нибудь сгодиться, если заниматься такой работой, какой занимаюсь я. И публиковать то, что публикую я. Звучит разумно, как думаешь?

— Ну, это потрясающая теория, но, мне кажется, с ней ты промахнулся. Ты вовсе не выглядишь безобидным. На самом деле ты похож на воплощение архетипа алхимика или сумасшедшего ученого. Боже мой! Ты идеально подходишь для роли сумасшедшего ученого! — я снова рассмеялась и подумала, что совершенно счастлива и не могу в это поверить. Лежать раздетой рядом с этим глотком свежего воздуха — вот это да! — рядом с самыми восхитительными стройными мужскими ногами из всех, что мне доводилось видеть, и самыми эротичными на свете предплечьями, а он влюблен в девчонку из Германии, и это не имеет значения.

— Элис, — сказал он.

— Да, сэр?

— Ты очень красивая женщина.

— Ты сам довольно привлекателен.

— Все, что я могу тебе предложить, — это правду. Я всегда буду говорить тебе одну лишь правду — о своих чувствах, о том, что я думаю, и обо всем остальном, что должен буду тебе сказать.

Я потянулась к Шуре, коснулась его щеки и сказала: «Спасибо».

Я не чувствовала ни малейших сомнений и ничуть не колебалась. У меня было такое ощущение, что все происходит так, как должно происходить. Это ощущение перерастало почти в уверенность, словно эта часть сценария была написана много лет назад и по-другому сыграть ее было невозможно. Прямо сейчас я не хотела ничего менять. Завтра не существовало, как не существовало в данный момент Урсулы.

Нашлось так много причин, чтобы быть с ним. Его острый, ясный ум, почти осязаемая жажда идей, жажда знания, волнение, с которым он искал новых переживаний и новых мыслей об известных вещах. Печаль, вызванная недавней утратой, и неясность в отношениях с Урсулой скрывали что-то еще, таившееся в глубине его души, — это было нечто смеющееся, сияющее, жаждущее жизни, стремящееся к бытию. Его темная сторона — ее я пока не увидела.

Теперь, подумалось мне, я узнаю этого мужчину с другой стороны. Шура провел пальцем по линии моего бедра. Мы все еще были отделены друг от друга расстоянием около фута, и оба подпирали голову рукой. Спешки не намечалось. Никакой спешки.

Легкие прикосновения продвигались все выше и остановились у меня за ухом. Потом, очень нежно, Шура положил ладонь мне на волосы и придвинулся ко мне. Его губы приникли к моим,

готовым к поцелую, его язык встретился с моим; я ощущала вкус вина и вкус Шуры. Его губы не отпускали меня. Шура убрал руку с моих волос, и я почувствовала, как его ладонь, задержавшись у меня на груди, уверенно заскользила вниз, словно рука гончара, вылепливающего из глины вазу.

Эта рука контролировала ситуацию. Она исследовала мое тело и была настойчивой. Внезапно я почувствовала себя уязвимой: я знала, что Шуре известно о том, что мое тело откликнулось на его ласки, знала, что он улавливает мое желание, позволив себе открыться навстречу моей гордости, моей тяге к нему и всем вопросам, которые я не успела еще задать. Я чувствовала его дыхание у себя на носу и губах.

Я открыла глаза и увидела прямой, ясный взгляд Шуры, выдержала его мгновение и потом закрыла глаза снова.

Мое тело сжималось, и я слышала, как дыхание Шуры участилось, а когда фиолетовый ирис вдруг раскрыл свои лепестки у меня перед закрытыми глазами, я услышала, как Шура кричит вместе со мной, затем его рука, словно благословляя, легла на мой лобок.

Через секунду я открыла глаза, коснулась головы Шуры, лежавшей у меня на животе и сказала: «Знаешь, впервые кто-то проделал со мной такое — я хочу сказать, таким способом. Какая у вас замечательная рука, доктор Бородин!»

Шура поднял голову и сказал: «Ну, я не думаю, что нужно ограничивать себя одной или двумя частями тела, когда занимаешься любовью, не так ли? И — должен сказать тебе, по крайней мере, сейчас, — другой способ, обычный, — в общем, я чувствую, что должен сохранить его для Урсулы. Я знаю, это покажется несколько глупым, но, чтобы войти в тело женщины, мне требуется достичь с ней какой-то степени близости, и пока эта близость должна принадлежать ей, по крайней мере, какое-то время».

— О, — протянула я, подумав, что за странный способ сохранять верность, если не преданность. — Я понимаю, я понимаю.

Я села, тряхнула головой, чтобы расправить волосы, после чего пробормотала «с твоего разрешения» и наклонилась над Шурой.

Я углядела длинный завивающийся белый волосок у него в паху, крикнула «ага!» и вытянула его во всю длину. Шура посмотрел на мои пальцы, зажавшие волосок, и спросил, почему я подняла такой шум.

— Только посмотрите на это! Спорю, ты никогда не утруждал себя и не смотрел сюда, чтобы проверить, нет ли здесь седины, разве я не права?

— Должен признать, мне и в голову не приходило это делать.

Я посмеялась, отпустила волосок, чтобы он вернулся на свое место, и снова склонилась над телом Шуры. Я слышала, как он задышал тяжелее обычного и откинул голову назад. Один раз я открыла свои затуманенные глаза и увидела его руку на подушке с распростертыми, словно в агонии, пальцами. Закрывая глаза, я заметила, как рука стиснула подушку — пальцы цвета слоновой кости в мерцании огня в камине.

Когда настал тот самый момент, из горла Шуры вырвался хрип, как будто он закончил какую-то странную, изматывающую битву. Я медленно оторвала от него свои губы. Прямо через Шуру я потянулась за одеялом и накрыла им нас обоих. Резким шепотом Шура сказал: «У меня это было так давно. Так давно».

— У меня тоже, — честно ответила я. Какое-то время я лежала молча, положив голову на плечо Шуры. Я знала, что сейчас буду должна сказать слова о том, что я не могла удержать внутри себя; просто так должно и быть.

Я обратилась к Шуре: «Я должна кое-что тебе сказать. Только не пугайся. Ты обещал говорить мне правду, и собираюсь сделать то же самое. Пожалуйста, не отвечай мне сразу, я

знаю, что сейчас у тебя нет ответа».

Я посмотрела на прекрасную линию ноздрей, на профиль Шуры с мирно закрытым глазом и сказала сухим, спокойным голосом: «Я влюблена в тебя. Может быть, это не заметно, но тем не менее это так. Теперь — спокойной ночи и хорошего сна». Я поцеловала впадинку у него на шее и с удовольствием поерзала по его телу, а потом уловила насыщенный запах, похожий на аромат гвоздик и свежесрезанной зелени. Запах шел из подмышек Шуры. Это тебе не одеколон и не присыпка, это Шура. Я подумала, какой он приятный на вкус и даже пахнет чудесно. Я должна сказать, что у него очень вкусные подмышки. Слова крутились у меня в голове сами по себе, когда я засыпала.

Глава 20. Дверь закрывается

На следующее утро, пока я готовила омлет и поджаривала английскую сдобу на завтрак, Шура играл на пианино, моем старом, спокойно звучащем пианино, которое стояло в углу комнаты справа от больших окон. Он играл прелюдию из Шопена, наполненную страстью и ласковой свежестью, потом что-то из Бетховена, бурно радостное. Закончив играть, Шура склонил голову, его руки оставались на клавишах. Я помедлила какое-то время, дождавшись, пока деревянные стены не поглотят последние отзвуки музыки, и лишь потом крикнула, что завтрак готов. Когда Шура сел за стол, я сказала ему:

— Я получила настоящее удовольствие. Ты хорошо играешь. Какой кофе ты будешь пить и — ты играешь еще на каких-нибудь музыкальных инструментах?

— Черный, пожалуйста. Я немного играю на пианино, часто играю на альте, когда-то давным-давно играл на кларнете, и, как большинство тех, кто играет на альте, довольно легко могу переключиться на скрипку.

Сидя напротив Шуры, я снова посмотрела на его бородатое лицо и голубые глаза. Они казались темнее, чем ночью. Он ответил мне взглядом, который я уже начинала узнавать: прямой, задумчивый, с намеком на улыбку в уголках глаз. Потом Шура посмотрел на омлет, стоявший перед ним, и взялся за салфетку. Лишь когда он снова посмотрел на меня и улыбнулся, я осознала, что улыбалась все это время.

После завтрака мы взяли чашки с кофе и уселись на мат, скрестив ноги. Шура рассказал мне, как жил на ферме в окрестностях Элмонда, города в Восточном Заливе, о своей любимой корове по кличке Колокольчик и о трех козах. Я спросила, нравилась ли ему вся эта сельская жизнь с животными, и он ответил, что прошел долгий путь с тех пор, как доил буренку, и что, несмотря на всю его привязанность к животным, сегодня он вполне счастлив жить, не имея такой ответственности.

Я спросила:

— А сейчас с тобой живут какие-нибудь животные? Шура потушил окурок и откинулся на подушку, закинув руки за голову.

— У меня две кошки, они живут на улице, и еще суслики и мыши. Раньше у меня был замечательный пес по кличке Бруно. После его смерти я не нашел никого, кто мог бы заменить его. Кроме того, — пожал плечами Шура, — я могу собрать вещи и уехать в любой момент, не беспокоясь о конуре для собак и прочих вещах. Кошки могут прекрасно позаботиться о себе сами. Они охотятся целыми днями, а проточная вода всегда найдется где-нибудь на Ферме.

Я сказала, что никогда не бывала в городке Элмонд и вообще едва ли слышала о нем; казалось, о нем редко говорилось в новостях. Шура ответил: «Это очень маленький и тихий городок. Там найдется не слишком много жителей, готовых пойти на убийство или вооруженное ограбление. Однако жизнь не останавливается и меняется довольно быстро, так что можно рассчитывать на перемены в скором времени; подлинная цивилизация не может быть от нас слишком далеко».

Я рассмеялась и выразила надежду на то, что Элмонд еще долгие, долгие годы останется тихим, нецивилизованным и захолустным городком.

На что Шура сказал:

— Обычно у нас было гораздо больше земли, чем теперешние двадцать акров, но пару участков пришлось продать. Горько говорить, но вершина холма, что прямо за нами, — он поправился, — прямо за мной, застроена целым рядом домов. Они находятся всего в нескольких футах от границы моей собственности. Почему-то я думал, что никто не будет строиться рядом

со мной. Странное чувство охватывает меня, когда я смотрю на холм и через зеленое пространство травы вижу эти смущающие меня дома там, где раньше не было ничего, кроме неба и деревьев, — здесь Шура пожал плечами. — Но именно так все и происходит. Ничто в мире не остается неизменным, и ты учишься приспосабливаться к переменам. В противном случае, — Шура на мгновение замолчал, чтобы отпить кофе, — ты тратишь слишком много сил и времени на сожаления. Или пытаешься удержать то, что не вернется назад. У меня по-прежнему много возможностей для уединения, и я продолжаю каждый год высаживать деревья, чтобы оградить свой дом от чужих взглядов.

Я спросила Шуру о детстве, и он сказал, что родился и вырос в Беркли. Я переспросила: «Беркли! Ты действительно родился в Беркли?»

Он поднял брови: «Да, я действительно там родился. Что в этом такого, что тебя так поразило?»

— Потому что ты слишком необычен, чтобы родиться как простой, обыкновенный человек в таком обыкновенном месте, как Беркли!

— О, понимаю, — улыбнулся Шура. — На самом деле Беркли не такой уж заурядный город. Когда ты поймешь это, то обнаружишь, что в Беркли полно необычных людей.

Я хихикнула. По крайней мере, он не стал отрицать, что один из них.

Я закурила еще одну сигарету, а Шура начал рассказывать о переменах, которые произошли в Восточном Заливе с тех пор, как его родители переехали туда. Тогда рядом с ними жили дикие животные и птицы, змеи и пауки. Потом Шура перечислил представителей местной флоры и фауны, постепенно исчезнувших по мере того, как в округе становилось больше дорог, а холмы обрастали домами. Когда он упомянул «черную вдову»,[55] я сказала:

— Ты уверен? Вдруг ты просто не заметил их?

— Уверен. Меня расстраивает, когда человек изгоняет любую другую форму жизни. Это случается слишком часто и происходит слишком быстро, и это означает, что естественный баланс нарушается слишком во многих местах.

— Я понимаю; разделяю твою тревогу. Просто — ну, мне довольно трудно почувствовать большую симпатию к «черной вдове».

— Ты учишься жить рядом с опасными пауками точно так же, как с другими формами жизни. Обычно, если ты их не трогаешь, они оставляют в покое и тебя. Между прочим, — наклонился Шура вперед, — ты когда-нибудь рассматривала паутину, сплетенную «черной вдовой»?

— Нет, не припомню, что мне доводилось видеть ее. А что?

— Она довольно необычна. Она сплетена из очень, очень прочного шелка, настолько прочного, что во время Второй мировой войны ее использовали для изготовления перекрестья в орудийных прицелах. Ты знала об этом?

— Нет, — ответила я, — не знала.

Я наблюдала за Шурой, пока он рассказывал, как проверить — принадлежит ли эта паутина «черной вдове» или нет. Надо было натянуть одну из нитей пальцем: если она отскакивала назад, как будто эластичная, значит, это была паутина «черной вдовы». Тело Шуры было расслабленным, длинные ноги вытянуты на мате. Я вспомнила удивительный запах его подмышек, запах травы и чего-то похожего на запах гвоздик.

Возможно, бархатцы. Не гвоздики. Бархатцы. У скольких еще мужчин на планете так пахнут подмышки? В этом прекрасном создании нет ничего, что бы мне не нравилось. Во всяком случае, пока.

Должно быть, я улыбнулась, потому что Шура замолчал и вопросительно посмотрел на меня.

— Извини, — сказала я, — я слушала тебя, но внезапно вспомнила кое-что приятное.

Я ждала, что он спросит меня об этом воспоминании, но вместо этого он поднялся и пошел на кухню. Я тоже встала с чашкой в руке. Не произнося ни слова, он налил нам обоим кофе, я добавила себе сахар. Кода мы вернулись в нашу крепость из подушек, я почувствовала перемену. Что-то изменилось.

Какое-то время Шура молчал, очевидно, сосредоточившись на своей чашке с кофе. Потом поднял голову и посмотрел прямо на меня, без улыбки. Я не нарушала молчания и ждала.

— Элис, я должен кое-что тебе сказать. Будет лучше, если я скажу это сейчас. Помнишь, я обещал тебе всегда говорить правду, какой бы горькой она ни была. Я не привык делать это; я не выработал привычки говорить правду в отношениях с другими людьми, может быть, потому, что обычно мне казалось, что будет добрее удержать свои чувства при себе. В любом случае, речь идет о негативных эмоциях. Думаю, у меня есть склонность быть резким, и люди могут обидеться. Даже самые близкие друзья говорили мне, что у меня жестокий язык… — Шура замолчал.

Ого, Боже мой, ты собираешься мне сказать? Лучше приготовиться к чему-нибудь плохому. О, пожалуйста, пусть все не будет слишком плохо, пожалуйста. Я люблю тебя.

Шура продолжил:

— Не так давно я решил — принял решение — быть самим собой и говорить то, что я думаю и чувствую. Тот, кто не может согласиться с этим решением и быть таким же открытым и честным со мной… — он наклонился вперед. — У меня есть дело, которым я хочу заниматься — должен заниматься — и я не знаю, сколько времени у меня еще осталось. Я больше не хочу тратить ни лишнего времени, ни сил на людей, играющих в игры или добивающихся своего всеми правдами и неправдами. Только не на этом этапе моей жизни».

В его голосе звучала горечь.

Он говорит об Урсуле?

Я мягко сказала: «Да».

Да, я с тобой согласна. Да, говорить правду. Да — твоим прекрасным большим рукам, умелым пальцам и всему тебе. Что ты пытаешься мне сказать?

Шура глубоко вдохнул, потом сказал: «Вчера вечером, еще до того, как я пришел сюда, мне звонила Урсула из Германии. Видимо, она сможет — она приедет ко мне на какое-то время. Завтра я еду встречать ее в аэропорт».

Он посмотрел в окно, затем снова перевел взгляд на меня.

— Я не знаю, как долго она пробудет у меня на этот раз. Она никогда не говорит мне точно, и я не могу здесь ничего рассчитывать; обычно я слышу что-нибудь вроде «может быть, я смогу остаться на неделю или на две», или она просто говорит «не знаю», потому что сроки ее отсутствия дома зависят от того, насколько мирится с ситуацией Дольф, или отчего-нибудь другого, что также трудно предсказать. Она необыкновенно мягкий, добрый человек и не выносит причинять боль кому бы то ни было. Поэтому я просто должен сохранять терпение и позволить ей действовать по-своему.

Я отпила немного кофе, потому что во рту у меня вдруг пересохло.

— В общем, все, что я могу тебе сказать, это то, что она приезжает и будет жить у меня неделю или пару недель, или, возможно, на этот раз она действительно останется со мной навсегда. Я просто не знаю.

У меня за спиной были годы тренировки, когда я училась сохранять спокойное выражение лица в критической ситуации и не допускать, чтобы голос дрожал. Я постаралась расслабиться, чтобы горло не перехватило, и лишь потом заговорила.

— Спасибо, что сказал это мне, Шура. Не знаю, что и ответить, но только удачи я тебе не

пожелаю. Честно говоря, я желаю удачи себе, потому что я бы очень Хотела быть с тобой, как я и говорила тебе вчера ночью.

На самом деле я сказала, что влюблена, но не было необходимости повторять эти слова сейчас; если захочет, сам вспомнит.

— Элис, я хочу, чтобы ты это услышала. Мне нравится быть с тобой. Очень, очень нравится. Прошлая ночь… прошлая ночь была… это был великолепный подарок. Мне очень было нужно то, что ты мне дала. Меньше всего на свете я хотел бы как-нибудь обидеть тебя. Я просто понятия не имею, что случится, и понимаю, что все это очень несправедливо по отношению к тебе. Но я не могу ничего сделать, чтобы облегчить ситуацию. Для себя или для тебя.

Я не могла позволить ему продолжать в том же духе, так что я прервала Шуру:

— Нет, нет. Пожалуйста, не делай этого. Я хочу сказать, не пытайся оберегать меня от боли. Если бы я действительно боялась, боялась душевных страданий, вчера я не попросила бы тебя остаться. Не прогоняй меня из своей жизни, пока не поймешь, что должен это сделать, пока точно не узнаешь, что она в самом деле собирается остаться. Обещаю тебе, если все так и произойдет, я тихо уйду в сторону. До тех пор, поверь мне, я выдержу все, что бы ни случилось. Ты знаешь, я действительно сильная.

Моя рука легла ему на колено, он накрыл ее своей.

— Я была бы тебе очень благодарна, — продолжила я, — если бы ты дал мне знать, что происходит — сразу после того, как вы сами с ней что-нибудь решите. Не мог бы ты позвонить мне и быстро все сказать, чтобы я не тратила слишком много времени, гадая, что да как. Ты не против?

Шура поймал мой взгляд, его глаза потемнели, в них читалось напряжение: «Обещаю тебе позвонить сразу, как только пойму, как складывается ситуация. Безусловно, я не оставлю тебя в неизвестности».

У порога Шура еще раз посмотрел на меня, затем обнял и приподнял в воздух. Его губы прижались к моим, и я забылась на миг, чувствуя его вкус, его губы, прикосновение которых было уже таким до боли знакомым. Наконец, он опустил меня на пол и какое-то мгновение держал в вытянутых руках. Его глаза скользили по моему лицу и телу, словно стараясь запомнить. Напоследок он прошептал: «Спасибо, малышка».

А потом он ушел. Я ощутила на коже вокруг рта слабое покалывание после усов и бороды Шуры. Пошла на кухню, сделала себе свежий кофе и вернулась на мат. Там я начала рыдать.

Глава 21. Дверь открывается

Я действительно думала, что «дверь закрылась», как было написано в предыдущем заглавии. Впервые я плакала из-за Шуры.

Я продолжала ходить на работу и заботиться о детях. На следующие выходные я отправилась на вечер в «Менсу», прихватив с собой бутылочку клюквенного сока, смешанного с водкой, и маленькую коробку с шахматами на магнитах. Я сыграла пару хороших партий и порядочно выпила, так что, когда вела машину обратно домой, меня ужасно клонило в сон, после чего я решила больше так не рисковать.

Брайану проверили зрение — обнаружилось, что ему нужны очки для чтения. Мы долго дурачились в магазине, где продавались оправы, и смеялись, когда Брайан примеривал какие-нибудь причудливые оправы. В конце концов, мы выбрали такую, которая подходила ему, — спокойную, немного серьезную оправу, не слишком привлекающую внимание.

Брайан всегда был красивым мальчиком — с вьющимися русыми волосами и огромными серо-голубыми глазами. Когда он был во втором классе и для него наступил тот самый год унижений и страха, из-за своей привлекательности он получал еще больше тычков и пинков, его еще сильнее дразнили: для юных хулиганов красота была куда большим поводом для приставаний, чем неспособность к чтению. Теперь, в возрасте четырнадцати лет, Брайану не было нужды бояться травли. Его уже начали замечать девочки. Я знала, что охотницы за острыми ощущениями не обратят на него внимания, но вот более интересные, толковые девочки будут искать его расположения. Второй класс научил его быть неприметным; я часто убеждала его задавать вопросы на уроке, но понимала, что он предпочитает обратиться за помощью к учителю лишь после того, как одноклассники выйдут за дверь на перемену.

Я не забрала Брайана из второго класса потому, что думала, будто учителя знают больше меня. А они говорили мне, что моему сыну нужно пройти через эти испытания и не надо ему помогать, поскольку это обычное дело среди мальчишек: каждый год находится один из них, кто становится козлом отпущения, и ничего здесь поделать нельзя. Они сказали, что Брайан это выдержит, что с ним все будет в порядке.

Я много говорила с Брайаном на тему психологии детей-хулиганов, но эти беседы не очень помогали. Этот год оставил глубокие шрамы в его душе, и они будут долго заживать. Когда много лет спустя я, наконец, осознала, что учителя ошибались, я поняла, что подсознательно всегда мучалась и чувствовала, что могла и была должна забрать сына из этого ада и перевести его в другую школу, вступив в спор и с администрацией школы, и с преподавателями и потребовав, чтобы они изменили свою политику и перестали смиряться и не обращать внимания на травлю, которой подвергаются отдельные дети со стороны своих одноклассников. Разумеется, они ничего не стали бы менять, но я в любом случае должна была это сказать.

Впрочем, у этих суровых испытаний, выпавших на долю Брайана, был один положительный итог: он очень рано научился сопереживать другим людям — чаще всего, одноклассникам. Он сочувствовал им в беде и терпеливо выслушивал их рассказы о том, как им грустно или страшно. Мне показалось, что в Брайане проявляются качества человека, который обычно становится психиатром, врачом, исцеляющим психически пострадавших людей. Для этого у Брайана хватило бы и сердечности, и ясности ума.

Моя красавица Энн начала открывать, что ей нравятся математика и естественные науки и что она способна и к первой, и ко вторым Ее прямота, привычка говорить то, что она думала, порой не прилагая особых усилий к дипломатии, способствовали тому, что у нее появилось несколько врагов и хороших друзей, количество которых постоянно увеличивалось. Конечно, она

начала привлекать внимание мальчиков, и я старалась по возможности мягко, но настойчиво убедить ее в том, что лучше сначала освоить поле игры, чем сразу сдаться и лишиться девственности. В первом случае у тебя остаются все преимущества. Не уверенная, что мне удастся выиграть эту битву — не уверенная даже в том, что хочу знать, когда эта битва начнется или кто будет моим противником, раз уж на то пошло, — я отвела Энн к нашему семейному доктору, чтобы он прописал ей противозачаточные таблетки.

На вечеринке у своих школьных друзей Энн попробовала марихуану, и ее сильно стошнило прямо на лужайке. На этом закончились ее эксперименты с галлюциногенами.

Венди и Брайан, как и я в их возрасте, чувствовали себя неуверенно в математике, но оба демонстрировали несомненную одаренность в области искусства. Брайан недавно выиграл в школе приз за поделку из кожи: он вывел на куске кожи изображение великолепного дракона, изрыгающего пламя в лучших драконьих традициях. Мы сделали для дракона рамку и повесили его на стене в гостиной.

Ребенком Венди была настолько чувствительна к малейшему признаку неудовольствия родителей, что мы с Уолтером боялись знакомить ее с суровой реальностью школы. Но мы были удивлены — на самом деле просто изумлены — той легкостью, с которой она обзавелась друзьями и очаровала учителей. Наша ранимая Венди оказалась гораздо крепче, чем мы думали, и ее навыки общения укреплялись с каждым месяцем. Она была красивой девочкой, и, как у брата и сестры, у нее было доброе лицо, а также быстро включающееся и непредсказуемое чувство юмора.

Мой старший ребенок, сын Кристофер, родился в период моего весьма недолгого и неприятного замужества, когда мне было девятнадцать лет; я была замужем за знакомым парнем с отделения гуманитарных наук. Кристофер жил от нас в двух часах езды на автомобиле в северном направлении. Он преподавал в частной школе и уже дважды сумел сделать меня бабушкой: в его семье было два маленьких мальчика. Я очень редко виделась с Кристофером и его женой Джейн из-за разделявшего нас расстояния и нехватки у меня свободного времени. Но, когда бы я к ним ни приезжала, я всегда чувствовала большую симпатию по отношению к Джейн. Это была худенькая, робкая девушка, подобно мне, не лучшая домохозяйка. Зато она была очень хорошей, заботливой и внимательной матерью. Джейн продемонстрировала невиданное и неожиданное упорство в своем намерении сохранить брак, хотя это было нелегко с таким мужем, как мой сын. Кристофер был требовательным и нетерпимым в отношении беспорядка в доме: таким он стал после жизни со своей жестокой мачехой Ирен. Она требовала от него военной аккуратности и наказывала за малейшее нарушение своих многочисленных правил, и еще постоянно говорила ему, какой он глупый и невыносимый.

Мне не удалось спасти и Кристофера, еще тогда, много лет назад. После развода с его отцом (тогда мне был двадцать один год) я жила с ребенком в многоквартирном доме — только здесь мы и могли позволить себе жить на те небольшие деньги, что Дик давал нам; молодой человек, рисовавший для рекламных изданий, газет и журналов, не слишком много зарабатывал, пока ему не выпал редкий шанс — получить работу в рекламном отделе крупного магазина, торгующего в розницу, типа Macys или Emporiums.

Мы с Кристофером жили такой же жизнью, какой жили все обитатели многоквартирных домов до эры крэка. В то время совершалось не так много преступлений, как стало впоследствии, однако вскоре я поняла, что в местах, подобных Солнечной долине, те, кто воровал, обрекали на еще большие лишения таких же обездоленных, как они сами. Я узнавала, что значит быть по-настоящему бедной, что бедность делает с человеческим духом. Во время Рождества я старалась не рассматривать красивые витрины магазинов и говорила своим родителям, что с малышом и со мной все в порядке, но что просто был неподходящий момент,

чтобы прийти к нам в гости. Вместо этого мы ходили в гости к моим родителям. У моего отца, выздоравливавшего после сердечного приступа, денег в запасе не было. Я знала, что родители очень расстроятся, увидев место, в котором я живу. Поэтому иногда мы с малышом приходили повидать их, а не наоборот.

Именно тогда, когда мы жили в том многоквартирном доме, я начала испытывать ужасную усталость и эмоциональную притупленность, от которой невозможно было избавиться. Я перестала слушать классическую музыку; она пробуждала во мне чувства, а я не была уверена, что смогу с ними справиться. Красота доставляла мне боль. Я не знала, что страдала от болезни под названием депрессия; я думала, что впервые в жизни увидела мир таким, какой он есть, — место, где во всей своей бессмысленности царят борьба, боль и предательство, где лишь наивные, успокоенные самообманом люди надеются на то, что все изменится к лучшему и жизнь станет счастливее.

Гораздо позже, когда я уже вышла замуж за Уолтера, я прочла газетные статьи и посмотрела несколько телевизионных репортажей о волнениях в Уоттсе — пригороде Лос-Анджелеса. Однажды, зайдя в гастроном, я услышала разговор двух домохозяек, стоявших позади меня в очереди в кассу. Они возмущались, обсуждая, как некоторые бедняки в Уоттсе грабили магазины и уносили оттуда не еду, а телевизоры и прочие предметы роскоши. Я стиснула зубы, пытаясь не дать выхода гневу, и внезапно осознала, что я знаю нечто, что у этих обеспеченных женщин» е было возможности узнать, — что одной пищи человеку недостаточно; что порой живший много лет в нищете человек больше ощущает потребность в какой-нибудь красивой, блестящей безделушке, а не в хлебе, и что банальный телевизор, который есть у всех остальных людей, для этого человека является символом всего, чего он лишен. Это не было правильно или хорошо, но я это понимала.

Иногда по вечерам я играла в покер на сущие гроши с единственными своими друзьями в Солнечной долине — чернокожей супружеской парой, у которой было двое маленьких сыновей. Но чаще всего по вечерам я читала книги, взятые из библиотеки. Лишь во время чтения исчезала унылая, скучная уродливость бытия, и я забывала свой страх. Я заботилась о ребенке, но малыш, должно быть, чувствовал мою депрессию, ведь дети всегда разделяют настроение родителей. Сумрак, в который погрузилась моя душа, без сомнения, очень глубоко проник в ребенка.

Я нашла себе работу в отделении патологии в сан-францисской больнице — печатать отчеты о биопсии тканей и о вскрытии. Я стала отводить своего малыша в место, которое вроде бы называлось детским садом, но я тревожилась каждый вечер, когда забирала его оттуда, потому что он не смеялся и даже почти не улыбался. Но тогда я сама не могла ни смеяться, ни улыбаться.

Поэтому, когда Дик сказал мне, что собирается жениться на замечательной девушке, окончившей неплохой колледж, и стал доказывать, что у Кристофера будет хороший дом, если они заберут его к себе, я очень долго думала над этим предложением, чувствуя в груди какую-то странную, незнакомую боль. В конце концов, я согласилась на том условии, что буду видеться с Кристофером так часто, как захочу, и буду оставаться с ним столько, сколько смогу. Когда сына забрали, я плакала в обрушившейся на меня тишине, но говорила себе, что так будет лучше для него. Я чувствовала себя не в своей тарелке и не знала, как можно было бы поступить по-другому, ведь мой малыш заслуживал настоящего дома и хорошей, веселой матери.

Спустя какое-то время Ирен и Дик попросили меня ограничить мои визиты к ним двумя разами в месяц, чтобы мой сын получил возможность привыкнуть к новой жизни. Они объясняли мне, что после того, как я уходила, проведя с ним несколько часов, он расстраивался. Я сказала «ладно», потому что понятия не имела, что еще сказать. Вдвоем они излучали такой непоколебимый авторитет, что я чувствовала себя одинокой и беспомощной.

Я переехала из многоквартирного дома в Солнечной долине в маленькую квартирку за несколько кварталов от больницы, где работала. Я виделась с сыном два раза в месяц, на выходных; туда, в округ Марин я ездила автобусом, пока Дик и Ирен не сказали мне, что мои посещения два раза в месяц действуют слишком разрушительно на психику Кристофера и обычный распорядок жизни и доставляют ему много беспокойства. И вновь я ощутила себя немытой крестьянкой, торговавшейся с людьми, разодетыми в шелка, и уступила.

Когда сын сказал мне, что приемная мать иногда бьет его, я убедила себя в том, что это все детское преувеличение; я держала его за руку, целовала и отводила туда, где мы могли повеселиться.

Лишь спустя годы, когда у Кристофера уже появились сводные брат и сестра, я позволила себе услышать нотки депрессии в его голосе. Но, когда я, собравшись с духом, рассказала его родителям о том, что меня беспокоит, они стали ужасно возмущаться и отрицать все подозрения в плохом обращении с ребенком. Они не сделали попытки скрыть возросшую холодную враждебность, которую они без того ко мне питали. Я была слишком не уверена и бессильна, чтобы продолжать задавать трудные вопросы. Поэтому я уверила себя в том, что, по крайней мере, у Кристофера была настоящая семья, приемная мать, которая могла оставаться с ним дома, и брат с сестрой, с которыми он вместе рос, тогда как я не могла дать ему всего этого.

Когда Кристофер стал взрослым и обзавелся собственной семьей, он, наконец, открыл мне, что делала с ним Ирен, как она с ним обращалась, особенно после того, как у нее появились свои дети; он подробно рассказал мне, как она его била, унижала, задевала его чувство собственного достоинства. Я проклинала ее и мечтала убить. И я ненавидела себя за то, что до конца ничего не выяснила, не забрала сына оттуда, не попыталась спасти его. Во время этого разговора мы оба плакали, я просила у Кристофера прощения за то, что была слишком молода тогда, сбита с толку и так слепа.

Кристофер сказал, что ему удалось подружиться с Ирен после того, как она развелась с его отцом и вновь вышла замуж. Она стала хорошо к нему относиться, ведь теперь он был взрослым — его уже нельзя было бить или подвергать унижениям. Еще он сказал, что простил Ирен, когда однажды она попыталась извиниться за свои ошибки, за то, что устроила ему такую тяжелую жизнь в детстве.

Я ее простить не могла, как не могла простить и себя.

Кристофер был хорошим отцом. Стараясь быть для своих мальчиков тем, кем его собственные родители не стали для него, он постепенно выздоравливал от полученной в детстве психологической травмы. Подобно большинству людей, с которыми в детстве плохо обращались, он мог бы стать трудным и чрезмерно требовательным человеком, и я благодарила Джейн за ее терпение, упорство и любовь, которые не давали ей уйти от Кристофера, хотя он редко спокойно переносил ее промахи и ошибки. У Джейн тоже было несладкое детство, и порой они причиняли друг другу сильную боль. Но, казалось, между ними существовало какое-то серьезное обязательство, которое удерживало их вместе.

Как-то раз я пришла на урок к Кристоферу посмотреть, как он общается с подростками. Я почувствовала гордость за сына, который оказался таким превосходным учителем. Я вообще считаю преподавание важнейшей из всех профессий. Попрощавшись с сыном, я села в свою машину, слезы катились у меня по щекам. Меня пронзила боль от сознания того, что, если бы у Брайана были такие учителя, как его старший брат, он избежал бы большей части горя, гнева и больше всего беспомощности, которую ему пришлось испытать в очень юном возрасте. Кристофер не позволял никаких издевательств в своем классе.

Теперь я работала в частной больнице, печатала медицинские отчеты. Я делала свою работу очень быстро и аккуратно, правильно набирая все медицинские термины. Вместе с другими

четырьмя сотрудницами я сидела в небольшой комнате, где весь день был включен магнитофон и куда не переставая звонили врачи, находившиеся как в больнице, так и за ее пределами, и сообщали описания хирургических операций, отчеты о медицинских осмотрах, а также диктовали письма своим коллегам. Все это записывалось на пленку. Каждое утро у нас было десять минут на то, чтобы попить кофе, потом полчаса на обед и десятиминутный перерыв во второй половине дня. Мы работали целыми днями по восемь часов в сутки с наушниками на голове; мы были печатными машинами, и наша зарплата была, как у большинства не входивших в профсоюз сотрудников больницы, очень низкой. У меня была собственная теория, объяснявшая такое положение. Когда-то давным-давно руководители медицинских учреждений ухватились за тот факт, что в мире найдется определенное количество людей, любящих медицину больше жизни. Они стали бы врачами, если бы только могли. Но они работают за относительно невысокую плату и зачастую в условиях, вызывающих стресс, лишь бы только быть рядом с теми, кто занимается медициной, и чувствовать себя частью медицинского мира. Я была одной из таких.

У меня была тяжелая работа, но на легких я никогда и не работала. В какой-то степени работа помогала мне не думать о Шуре и об Урсуле. К началу второй недели пребывания у Шуры дамы из Германии я уже привыкла к тревожному ощущению, смеси надежды и беспросветного отчаяния, которые неожиданно заявляли о себе где-то в области диафрагмы. Я сразу же подавляла это чувство, веля себе сохранять терпение. Рано или поздно я все узнаю, а пока ничего сделать нельзя, надо продолжать работать и выполнять материнские обязанности.

Шура позвонил в конце второй недели. Была пятница, вечер. Дети только что ушли на выходные к своему отцу. Когда раздался телефонный звонок, я как раз убирала выложенную кафелем полку, складывая бумаги и несколько книг в одну стопку, одновременно косясь на экран телевизора, по которому шли вечерние новости. После его нежного «привет» включился мой автопилот, и пока я стояла, замерев от шока, я слушала словно со стороны, как бодрым голосом говорю: «Как мило, что ты позвонил! Мне было интересно, как там идут дела».

— Я думал, может быть, ты захочешь узнать, — сказал тенор в трубке. — Урсула была у меня…

Я знаю, знаю.

— …две недели, и она только что уехала обратно в Германию. Я проводил ее на самолет пару часов назад.

— О.

— Мы замечательно провели время. Она сказала, что собирается взять быка за рога, образно выражаясь, и сообщить Дольфу, что намерена получить развод и переехать жить ко мне.

— А, — выдавила я, не чувствуя абсолютно ничего.

— Она говорит, что на этот раз точно сделает это. Да, она по-прежнему волнуется насчет того, что Дольф может совершить какое-нибудь насилие, но она больше не собирается откладывать этот момент.

Словно повторялась та ночь в доме Хильды. Я слышала радостные слова, но голос им не соответствовал. Я глубоко вдохнула и спросила: «Шура, что-то не так? Ты просто устал, или тут что-то другое?»

Тишина на другом конце провода. Когда Шура вновь заговорил, у меня не осталось сомнений — в его голосе действительно звучало разочарование. «Я просто не уверен, вот и все. Так трудно понять, что происходит. Я слышал эти обещания и раньше. Я не знаю. К тому же, думаю, я и вправду немного устал».

Я воспользовалась случаем: «Может, придешь ко мне и просто расслабишься? Дети ушли на выходные. Ты будешь говорить, о чем захочешь, или просто помолчишь, послушаешь музыку и

выпьешь чуть-чуть вина».

О Господи — у меня же нет красного вина.

Еще одна пауза, после которой Шура сказал: «Это было бы несправедливо по отношению к тебе — если бы я пришел и стал говорить о… о ком-нибудь еще».

Пожалуйста, не отказывайся. Я приму тебя на любых условиях, прекрасный мой!

— Что за чепуха. Разумеется, тебе нужно поговорить об Урсуле, и я с удовольствием повидаюсь с тобой. Не усложняй простых вещей. Просто приходи.

— Я ценю твое приглашение, и мне бы хотелось принять его, если ты думаешь, что вытерпишь меня…

— Я потерплю. Хотя есть кое-что, что ты можешь сделать для меня: принеси с собой красного вина. Кажется, у меня в доме его нет.

— С радостью. Я буду где-то через час, хорошо?

— Отлично. Увидимся, когда приедешь.

Когда он наконец-то появился на пороге моего дома, я совершенно успокоилась. Суета предыдущего часа, пока я выбирала одежду — темно-зеленую юбку и бледно-голубую блузку, а также серьги с филигранью, раскладывала подушки на мате перед камином, — суетливое волнение исчезло от ощущения того, что сейчас он будет здесь, со мной. В это мгновение все в мире находилось на своих местах, и в нашем распоряжении было столько времени, сколько нам требовалось.

Шура занялся разведением огня. Пока он складывал дрова в камин, он говорил со мной. Я протягивала ему свернутые старые газеты для растопки и слушала. Он рассказал, как Урсула ходила по его дому, таская его за собой, и показывала, что она хочет поставить сюда и убрать оттуда — какие-то маленькие, домашние вещи, — сказал он. Он начал верить, верить в то, что она на самом деле порвет с мужем и приедет к нему. И останется навсегда.

— С ней было замечательно. Он красивая женщина, добрая и умная, и — и страстная. Мы с ней любим так много одинаковых вещей — классическую музыку, искусство, путешествия в миры, которые открывают нам мои препараты. И есть много вещей, которые нам обоим не нравятся, — Шура улыбнулся. — Это тоже немаловажно.

Я села напротив него с наполовину полным бокалом вина. Без всякого нетерпения я ждала, когда же обнаружится причина грусти и разочарования в голосе Шуры.

— В этот раз мы обсуждали возможность того, что она останется у меня на несколько месяцев, позвонит Дольфу и скажет, что она решила, чтобы у него было время свыкнуться с этим до ее приезда в Германию, чтобы увидеться с адвокатом и забрать вещи.

Я смотрела на его лицо, это молодое, живое лицо с морщинами и седыми волосами.

— Но она не захотела сделать так. Она сказала, что такая новость будет звучать слишком холодно по телефону; она должна была сообщить ее лично, глядя Дольфу в глаза и держа его за руки. Она объяснила, что будет волноваться, вдруг он сделает что-нибудь ужасное с собой, если она неправильно преподнесет свое решение. Несколько дней назад она сказала мне: «Я должна ехать домой. Я хочу справиться с этим, и мне необходимо поехать домой, чтобы сделать это». Так что я посадил ее в самолет, и теперь эта игра с ожиданием подходящего момента началась снова.

Я все еще не понимала причины его депрессии. Я спросила: «Так что же тебя беспокоит? На первый взгляд, все идет так, как ты хотел, разве нет?»

Какое-то время Шура пристально смотрел на огонь, потом повернулся ко мне и ответил: «Уже в третий раз все происходит по одному и тому же сценарию. Она говорит мне, что собирается уйти от него, что она, наконец, решила переехать и остаться со мной. И всегда я жду вестей из Германии, думая, что на этот раз это случится. Потом она пишет мне письмо и

объясняет, какой Дольф хрупкий и взволнованный, и что она должна дождаться подходящего момента. И каждый раз она просит меня просто быть терпеливым».

— Что же происходит, как ты думаешь?

Шура потянулся за бутылкой вина, которую принес, и налил себе полный бокал. Когда он коснулся края моего бокала пальцем, словно спрашивая — долить? — я сказала, нет, спасибо, у меня еще есть.

— Я не знаю, — продолжал он. — Я не понимаю. Порой мне кажется, что она… может быть, у нее есть какое-то фантастическое представление о том, что она живет полной жизнью, лишь когда мы вдвоем, и теряет это ощущение, возвращаясь домой.

— А как насчет Дольфа? Это сокращенное от Адольфа?

— Да, так и есть.

— Ты уверен, что он знает, что его жена проводит время с тобой, когда уезжает из дома?

— О, никаких сомнений; он намекал на ее приезд сюда. Он знает, что она со мной. Вместе с тем, как я тебе уже говорил, когда бы я ни позвонил в Германию и в ответ слышал его, а не Урсулу, его голос звучит дружелюбно и тепло, и он говорит без подготовки. Я не слышу ни одного намека на душевные страдания.

— Это странно.

— Очень странно. Иногда мне на самом деле начинает казаться, что я страдаю от каких-то ложных представлений — просто выдумал все от начала до конца. Но на этот раз — либо она очень скоро переезжает ко мне, либо я начинаю думать, что меня одурачили. Но в любом случае ясности не прибавится. Я знаю, что она чувствует ко мне; я ничуть не сомневаюсь в том, что она любит меня. Невозможно находиться под воздействием психоделиков и играть в игры с правдой. Другой человек все равно это заметит. Особенно очень близкий человек. Можно услышать ложь в голосе, почувствовать ее печенкой. Я знаю, что она не лжет мне о своих чувствах.

Я попыталась подвести итог: «Итак, ты хочешь знать, не исключена ли возможность того, что она полностью не верит в то, что тебе говорит? Что, возможно, она вовсе не лжет сознательно, а просто живет по сценарию, который перестает действовать, когда она возвращается домой?»

Шура не дал прямого ответа на мои предположения, но и не стал ничего отрицать. «Ну, скоро я все узнаю. В конце недели один из нас должен позвонить другому, и к тому моменту она уже скажет Дольфу то, что должна сказать. Что-то должно произойти, что-то ясное и понятное всем».

Это безумие. Не в моем стиле быть замешанной в такую заваруху. Выслушивать человека, в которого я влюблена, человека, с которым я хочу прожить остаток жизни. И это когда он говорит о женщине, которую любит сам! Успокаивать его, быть хорошим другом. Форменное сумасшествие. Но у меня почти нет выбора.

— А если к этому моменту ничего не случится? — спросила я Шуру.

Шура покачал головой, потер глаза рукой и сказал:

— Опять же я ничего не знаю. Думаю, все зависит от того, что она скажет. Перейти этот мост, когда он покажется передо мной.

— Да, полагаю, это все, что ты можешь сделать.

Я незаметно придвинулась к нему. Он позволил себе обратить на меня внимание, сосредоточился на мне.

— Ты очень хороший, великодушный человек, потому что выслушиваешь все это. Я должен извиниться. Это позорный поступок с моей стороны — перекладывать на тебя свои проблемы. Я совсем об этом не подумал.

Я рассмеялась и наклонилась, чтобы похлопать его по колену:

— Пожалуйста, не извиняйся. Мы уже прошли через это, когда говорили по телефону. Я очень беспокоюсь за тебя, и единственное, что я могу сделать для тебя прямо сейчас, — это выслушать и попытаться помочь тебе решить головоломку.

— Ты бы хотела увидеть Ферму?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я уставилась на Шуру с приоткрытым от удивления ртом, потом кивнула:

— Да, я бы с удовольствием осмотрела ее.

— Как насчет того, чтобы приехать ко мне завтра? Я дам тебе хорошие опознавательные знаки — без них будет немного сложно. Мне бы хотелось показать тебе дом и мою маленькую забавную лабораторию.

— Да, пожалуйста.

Я принесла Шуре большой блокнот и ручку. Несколько минут он что-то там быстро писал, затем вырвал страницу и протянул ее мне. Я спросила:

— Когда мне нужно подъехать?

— Какое время лучше всего тебе подходит? Обычно я встаю около семи, даже по выходным, так что приезжай в любое время после семи утра.

— Как я могу судить, отсюда до тебя ехать около часа. Я планирую прибыть в одиннадцать, если ты согласен.

— Значит, в одиннадцать, — Шура встал и потянулся. — Пришло время немножко поспать. Сегодня был длинный день. — Он взял меня за руку, чтобы поднять с мата, и еще раз поблагодарил меня.

У двери он положил руки мне на плечи и развернул лицом к себе. Я посмотрела в его наполненные грустью глаза, обвела взглядом его сочный, сексуальный рот, вспоминая ту ночь две недели назад. Поцелуя на этот раз не было, зато Шура обнял меня и прижал к груди, очень нежно покачивая. Я не открывала глаза до тех пор, пока не почувствовала, что его руки оставили меня. Потом он ушел, а я закрыла за ним дверь.

Я вновь села на мат, лицом к огню, и допила вино, прокручивая в голове фразы, сказанные нами обоими. В мыслях промелькнула фраза «готовься к битве», и я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Глава 22. Окно

Я пропустила нужный поворот. Он спрятался от меня за горой камней и низким кустарником. Я промчалась мимо и проехала еще несколько кварталов, прежде чем нашла место для разворота. Перед въездом на Ферму на столбе с телефонными проводами была прибита небольшая табличка с надписью «Бородин-роуд».

Я непременно должна спросить у него, как он ухитрился это сделать.

Я давно уже представляла Ферму в своем воображении с той поры, когда Шура впервые упомянул ее в нашем разговоре. Пока все было совсем не похоже на то, что я себе вообразила. Слева от узкой дороги расстилались покрытые травой поля, достигавшие леса. За деревьями простиралась широкая долина, а на горизонте, у подножия холмов, я увидела гигантский, размытый туманом силуэт, как я предположила, горы Дьяб-ло. Справа от дороги, которая, в основном, была грунтовой с редкими остатками старого бетонного покрытия, я видела лишь море травы и несколько огромных, величественных дубов с толстыми, узловатыми ветвями, где примостились темные шары омелы.

Большие деревянные ворота фермы были открыты, как и обещал Шура. Я проехала по дороге к немаленькой парковке в форме круга, расположенной перед открытым гаражом. Я рассматривала одноэтажный деревянный дом: обретенный им сизо-серый цвет показывал, что дому порядком досталось от плохой погоды.

Пока я парковалась, на лестнице, подведенной к дому, появился Шура. Окруженный по бокам не подстриженными кустами можжевельника, он стоял на красных кирпичах, из которых была выложена лестница, — расставив ноги и засунув руки в передние карманы своих вельветовых брюк. На нем была шерстяная спортивная рубашка в сине-зеленую клетку. Легкий ветерок разметал его волосы, лицо светилось широкой улыбкой.

Пока мы шли в гостиную, у меня в груди все сжалось. Я не знала, чего ожидать, но примерно это и надеялась увидеть. Одну стену полностью занимали книги — многоярусные книжные полки, стеной доходившие до самого потолка, делили комнату на две части. В дальнем конце комнаты находились большие окна, через которые я могла видеть гору. В углу гостиной стояло пианино. На полулежало несколько потертых персидских ковриков, а позади кофейного столика помещался длинный голубой диван. Над небольшим камином висела большая, выполненная в сине-белых тонах карта в рамке. Подойдя поближе, я узнала очертания острова Сите благодаря многим фотографиям Парижа, которые я видела раньше. На карте были изображены улицы и здания по обеим сторонам Сены. Я посмотрела на Шуру и сказала: «Изумительная карта. Ты так хорошо знаешь Париж?»

— Не очень. На это ушло бы много лет. Но я люблю то, что мне довелось увидеть в Париже. Ты никогда там не бывала?

— Нет. Я выросла в Италии. Там я провела большую часть детства. Мой отец был американским консулом в Триесте. Мы с братом были в Венеции и в других местах, но я никогда не ездила во Францию. Или в Англию. Или в большинство других европейских стран.

Боже мой, как бы я хотела вернуться туда! Я так хочу снова увидеть Европу, на этот раз уже взрослой, понимая, что я вижу. Вряд ли это когда-нибудь случится.

Кухня была удобная, большая. Линолеум был настолько старым, что его первоначальный узор уже стерся, и он приобрел однородную коричневатую окраску. Пол был чисто подметен, но я решила, что ни веник, ни швабра его уже не спасут. Подальше я увидела скромных размеров столовую, где на китайском ковре бежевого, синего и серого цветов стоял овальный стол. Его полированная поверхность блестела в лучах утреннего солнечного света. На столе красовалась

корзина со свежими фруктами; я напомнила себе, что, возможно, фрукты были приготовлены для Урсулы.

Потом Шура показал мне спальню. Размеры его кровати были больше обычного — на таком ложе мог бы без труда уместиться даже очень высокий человек. Всю внешнюю стену спальни занимали окна. Пол был выложен красно-коричневой плиткой.

Здесь прекрасно. На этой кровати он занимался любовью с Урсулой. Не смотри сюда слишком долго; он чертовки хорошо знает, о чем ты думаешь.

За спальней дальше по коридору находился кабинет Шуры. В кабинете громоздились три книжных стеллажа высотой до потолка, полки ломились от книг; еще больше книг было сложено в стопки между стеллажами. Длинные полки над столом были заполнены разнообразными журналами и толстыми каталогами; у дальней стены кабинета выстроились металлические картотечные шкафы. В центре большого деревянного стола было свободное пространство, однако по обеим сторонам лежали какие-то бумаги. Я бросила взгляд на них: мне показалось, что в одной стопке были письма и конверты, а рядом лежал журнал Journal of Bychoactive Drugs. Я рассмеялась при виде этой поразительной, казавшейся такой привычной мешанины. Да, настоящий кабинет ученого.

Я вспомнила другой кабинет, который мне довелось увидеть много лет назад, когда мы с Уолтером навещали писателя и философа Алана Уоттса. [56] Мы пришли в его плавучий дом в Сосалито. Гостиная в доме Алана была выполнена и обставлена в японском стиле. Там царила безукоризненная чистота и ничем не нарушаемое спокойствие. Пол был покрыт широкими отполированными досками. Вся мебель была тщательно подобрана, что было сделано не только для удобства, но также для соблюдения формы и цвета, в гармонии которых рождалась красота. Эта гостиная была просто произведением искусства. Она была создана для неторопливых размышлений и медитации. Когда же Алан показал нам свой кабинет, я пришла в восторг от контраста. Весь пол был завален различными записями, фотографиями и заметками, в каждом углу высились книги и брошюры. Никакой японской ясности и безмятежности; это был кабинет занятого ученого, человека, который много читал и писал. Таким был и кабинет Шуры.

— Ну что? — спросил Шура, наклонив голову, чтобы посмотреть прямо мне в лицо. Всем своим видом он показывал, что ему весело за мной наблюдать.

— О, это просто… это так похоже на то, что я ожидала увидеть…

— Подожди, впереди еще лаборатория, — сказал Шура. Он повел меня по коридору и вывел через заднюю дверь дома. Мы пошли вперед по грязной узкой тропинке, пробегавшей мимо зарослей ранних нарциссов и дальше — под конскими каштанами и соснами. Наконец, мы дошли до небольшого каменного здания, которое когда-то было выкрашено белой краской. Стены здания были увиты плющом. Ветки сосен склонились над крышей и царапали маленькую дымоходную трубу.

Войдя внутрь, я увидела лабораторию, интерьер которой был навеян всеми когда-либо снятыми фильмами о сумасшедшем ученом. Свой колорит, которого не увидишь в кино, этой лаборатории придавали небольшие коричневые кучки засохших листьев, сметенных под рабочие столы, где стояли необычно большие стеклянные бутылки и металлические канистры. Я предположила, что листья занес в лабораторию ветер. Листья придавали этому месту определенное своеобразие — так же, как и паутина, которая перекочевала сюда не иначе как из замка самого д-ра Франкенштейна.

В дальнем конце комнаты был камин, выложенный из камня; рядом с камином, сбоку, лежали дрова и были аккуратно сложены какие-то картонные коробки. С другого бока стоял старый, вышедший из моды застекленный книжный шкаф. Он был наполнен подписанными бутылками всех размеров. Над камином тоже были полки, а на них стояло еще больше бутылок,

большинство — маленькие. Повсюду были металлические трубки, стеклянные лабораторные стаканы и резиновые шланги.

Я снова рассмеялась: «О Боже милосердный!»

— Этого ты тоже ожидала?

— Нет, — покачала я головой, — нет, конечно, я не могла этого ожидать!

— Это рабочая лаборатория, — сказал Шура. — Настоящая рабочая лаборатория должна выглядеть как мастерская художника, а не стерильная комната со столами без единого пятнышка и коврами во весь пол, как показывают по телевизору. В его голосе прозвучали оборонительные нотки.

— Я никогда не думала, что химическую лабораторию можно сравнить со студией художника; это интересный взгляд. Но он имеет смысл лишь тогда, когда думаешь об этом.

— Здесь было сделано много работы, — сказал Шура. — И много магических событий случилось в этом месте на протяжении многих лет.

Он любит это место; он действительно любит эту комнату и то, что он здесь делает. Я чувствую, как эта привязанность витает в воздухе.

— Думаю, это удивительное место, — сказала я. — Странное, таинственное, оно выглядит, как лаборатория сумасшедшего ученого из кинофильма. Уверена, ты это понимаешь.

— Я никогда не смотрел фильмы про сумасшедших ученых, — ответил Шура.

— Доктор Джекилл и мистер Хайд? Франкенштейн? Шура покачал головой и пожал плечами: «Наверное, я просто культурно отсталый».

— Да ладно тебе. Я должна вытащить тебя на эти спектакли, если их снова будут ставить в театре. Может быть, тебе удастся поймать эти фильмы по телевизору. Обычно старые фильмы показывают ночью в пятницу, иногда в субботу.

— Боюсь, это не получится, потому что я не смотрю телевизор. У меня в доме есть один, но я не помню, когда включал его в последний раз.

— Ничего страшного, — улыбнулась я, — не беда. В любом случае, ты ничего не теряешь.

По крыше вдруг что-то резко ударило, и я посмотрела наверх, испугавшись.

Шура сказал: «Может быть, сосновая шишка; они всегда падают с крупных деревьев».

— А что это там, в больших коробках около камина? — спросила я у него.

— А, это… по большей части, показания с судебных заседаний.

— Судебных заседаний?

— Я думал, что уже говорил тебе, что на суде выступаю в роли так называемого свидетеля-эксперта. Меня привлекают к делам, связанным с наркотиками — запрещенными наркотиками. И иногда полиция привозит мне доказательства по делу вот в таких коробках. Проанализировав то, о чем меня просили, я уведомляю их, что я закончил. Предполагается, что они должны приехать и забрать этот хлам, но порой он просто остается здесь, потому что никто за ним не приезжает. Возможно, дело забирают из суда, или происходит еще что-нибудь такое, и все теряют к делу интерес. Никогда не знаешь наверняка, да у меня нет ни времени, ни желания прослеживать причины. Так что эти коробки стоят здесь годами.

— Понимаю. Думаю, что ты не отваживаешься выбросить что-либо подобное, даже с учетом всех вышедших сроков. Просто на всякий случай, да?

— О, не думаю, что кто-нибудь приедет забирать эти коробки. По правде сказать, они находятся здесь так долго, что я уже их просто не замечаю. Наверное, мне надо как-нибудь разобрать эти судебные материалы и выбросить совсем уж старые.

Когда мы собрались уходить, я увидела прикрепленные к стене рядом с дверью какие-то листки бумаги, похожие на официальные документы. Я уже потянулась к одному из них, как Шура сказал: «Это разрешение, которое позволяет мне работать с наркотиками, внесенными в

пять списков Администрации по контролю за соблюдением законов о наркотиках. В списке I числятся такие наркотики, как ЛСД, марихуана и героин; они запрещены, незаконны, и ты не можешь иметь с ними дела, даже в исследовательских целях, без того, чтобы полдюжины правительственных учреждений не заглядывали тебе через плечо.

Направо от входной двери располагался просторный кабинет с окнами, переплеты у которых были освинцованы. Он был побольше, чем тот, с камином. На полках я снова увидела много бутылочек, стоявших в три ряда. На некоторых из них были совсем свежие этикетки, надписи же на других были такими стертыми, что я не могла их разобрать. На одной из бутылочек я прочла «Петрушка». Я подошла поближе к полке, всмотрелась в остальные бутылочки и увидела этикетки «Укроп», «Сафрол». Еще я увидела чистую бутылку с небрежной надписью «Азарон», сделанную жирными черными буквами.

Я потрясла головой, не совсем веря в реальность увиденного, — все эти официальные лицензии, листья и паутина, большая, как в прачечной, каменная раковина, полки с чистыми колбами (одна из полок немного прогнулась в середине, словно устала держать годами то, что на нее ставили). Обстановка в лаборатории была глубоко личная, это было царство алхимии.

— Порядок? Я выключу свет, ты готова? — спросил Шура. Когда я кивнула, он потянулся к потолку и дотронулся до выключателя. Мы покинули лабораторию. Снаружи лучи бледного зимнего солнца блестели на траве, листьях деревьев и на узенькой кирпичной лестнице, ведущей на холм. Мы взобрались по лестнице, и Шура повел меня на другой конец зеленой террасы. Под нами круто обрывался холм. Отсюда я могла увидеть долину, простиравшуюся внизу. Почти весь горизонт занимала гора Дьябло. Она казалась бледно-лиловой и голубой в легкой туманной дымке, поднимавшейся из долины. Я глубоко вдохнула. Здесь так спокойно, подумалось мне. Шура называл города, которые были там, внизу, и сказал мне, что главный город округа, Мартинез, расположен далеко слева и уже не виден. «Какой потрясающий вид!» — сказала я.

Какое-то время мы стояли молча, вглядываясь в соседние поля на холмах и дома вдалеке, слушая пение птиц. Потом Шура взял меня за руку и повел обратно, вниз по лесенке.

Пока я шла за ним к дому, я думала о том, насколько по-другому это все смотрится из округа Марин, то есть с Залива. Я никогда не бывала в других городах округа Контра-Коста раньше. Я даже не могла припомнить, что когда-нибудь видела гору Дьябло, разве что только во время местных новостей по телевизору. Я хочу жить здесь. С ним.

Шура налил нам вина, мне белого, себе красного. Я села за стол в столовой. Казалось, Шура слегка поколебался, прежде чем сказал: «подожди секунду, я хочу кое-что тебе показать» и пошел в свой кабинет. Он вернулся с фотографией в рамке и без всяких слов поставил ее передо мной. Я увидела черно-белый снимок, на котором была запечатлена молодая женщина лет за тридцать, откинувшаяся, судя по всему, на спинку деревянной скамьи, и нежно улыбающаяся. Рядом с ней в такой же позе сидел Шура, очевидно, совершенно расслабленный, с одной из своих полуулыбок на лице. На заднем фоне виднелись заросли плюща. Ни разу в жизни я не изучала фотографию с такой скрупулезностью.

— Это Урсула? — Да.

— Она очень мила. Выглядит приятной и умной женщиной.

Вот враг и обрел свое лицо.

— Да, так и есть.

— И ты любишь ее, не так ли?

— Я и не знал, что значит любить, пока в моей жизни не появилась Урсула. Она все во мне перевернула.

— В каком смысле?

— Я был — и самые близкие мои друзья без колебаний подтвердят это — я был резким

человеком, склонным к сарказму, настроенным очень негативно, раздражительным. Часто со мной трудно было находиться рядом. Поверь мне, они скажут тебе, что я был не очень приятным и не особенно добрым. На самом деле, мои лучшие друзья скажут, что понятия не имеют, как это они терпели меня на протяжении последних двадцати лет или около того. Они также сообщат тебе, что я изменился. Теперь я почти приятная компания. По крайней мере, я стал гораздо тактичнее, чем был. А все потому, что Урсула сделала меня открытым для тех чувств, которых я не знал раньше. Думаю, можно было бы сказать, что с ней я научился, что называется, открывать сердце.

На его лице появился легкий румянец.

Ладно. Мы всем обязаны Урсуле. Спасибо вам, прекрасная женщина, возможно, ставшая всем, чем не могу стать я. Так какого черта я здесь делаю? Зачем он пригласил меня в свой дом, в свою жизнь?

— Спасибо за то, что показал мне ее. Трудно иметь дело лишь с именем, — сказала я.

Шура поднялся и отнес фотографию обратно в кабинет. Когда он вернулся, мы чокнулись бокалами и отпили вина. Шура откинулся на своем стуле и спросил меня: «Ну и чем же ты хотела бы заняться сегодня? Я полностью в твоем распоряжении. Мой дом, мои кошки и мои плетущие сети пауки — тоже».

Слава Богу, он не предложил отправиться в спальню. Прямо сейчас это было бы немыслимо. С нами в комнате была бы Урсула.

Я попросила у Шуры того, чего мне хотелось, поскольку не видела причины, почему бы и нет: «Мне бы хотелось знать, есть ли у меня возможность принять одно из твоих веществ. Я просто подумала, что, может быть, есть что-нибудь, что действует не так долго и что я могла бы попробовать».

Слово «вещество» куда приятнее. «Наркотики» звучит просто ужасно — плохо, опасно, безответственно. Думаю, меня запрограммировали так же тщательно, как и всех остальных.

Шура немного помолчал, рассматривая свой бокал. Я задержала дыхание. Затем он положил локти на стол, наклонился и сказал: «Да, есть кое-что, что может показаться тебе интересным. Я немного расскажу тебе об этом веществе. Для начала — это не мой препарат. Он был открыт давно, в 1912 году, в Германии. На него не обращали внимания, пока одна хорошая моя знакомая — очаровательная, забавная, чуть-чуть сумасшедшая девчонка, которая ко всему прочему еще и очень хороший химик, — не привлекла мое внимание к одной старой публикации. Там упоминалось несколько соединений, в том числе и то, о котором идет речь. Она сказала, что, на ее взгляд, это соединение было бы интересно синтезировать. Это была чистой воды интуиция, какая-то исключительная интуиция…»

— Как оно называется?

Шура усмехнулся, его глаза поддразнивали меня: «Мети-лендиоксиметамфетамин, или МДМА — для краткости». Я повторила эту аббревиатуру на одном выдохе.

— В любом случае, думаю, что могу приписать себе честь считаться приемным отцом этого препарата, если не его изобретателем, — продолжил Шура. — Я синтезировал его в своей лаборатории и принял небольшую дозу, после чего у меня образовалась приятная легкость в сознании. Вот и все. Никаких галлюцинаций или чего-нибудь в этом духе. Никаких движущихся стен или светящихся цветов — ничего подобного. Просто явно радостное настроение. И желание заняться работой, делать вещи, которые нужно делать. Поэтому я решил, что это мог быть своего рода антидепрессант. Я дал попробовать его своему старому другу, Адаму Фишеру, психологу. Ему тогда было далеко за шестьдесят или даже немного за семьдесят. Он сказал, что собирается уйти на пенсию и начинает свертывать свою практику. Я знал, что по части психоделиков он очень опытный человек, он изучал их воздействие много лет. Так что я спросил у него, не хочет

ли он попробовать МДМА, а потом поделиться со мной впечатлениями.

Я отпила вина из бокала. В груди внезапно стало очень тепло, и я поняла, что очень счастлива. Быть здесь, слушать Шуру, видеть отблеск солнечного света на фруктах в вазе — мне было достаточно этого мига, просто быть в нем, позабыв обо все остальном.

Между тем Шура продолжил рассказ: «Адам попробовал предложенный мною препарат. Результат эксперимента был… — Шура замолчал, хихикнув, — ну, короче говоря, д-р Фишер передумал уходить на пенсию. Он внес изменения, в свою практику. В некотором смысле можно сказать, что МДМА полностью изменил всю его жизнь».

— А как он изменил свою практику?

— Ну, с тех пор — а МДМА я дал ему попробовать около семи лет назад — все свое рабочее время он посвятил обучению людей, в основном, невропатологов и психиатров. Он учит их применять МДМА. Адам рассказал об этом наркотике уже, наверное, нескольким тысячам врачей по всей стране, научил их, как правильно его использовать и им самим, и их пациентам. По крайней мере, тем пациентам, которые подходят для эксперимента.

— Это все-таки оказался антидепрессант, как ты и предполагал?

— И да, и нет. Такой относительно мягкий эффект имел место в моем случае, однако гораздо более значительное воздействие наркотик оказал на Адама и на большинство других людей, как теперь можно сказать. По их словам, этот препарат позволяет им ощутить поразительные прозрения — они постигают собственную жизнь, то, как они живут и что они делают. Они видят, как сами создают себе проблемы или растрачивают то, что имеют, то, чем они являются. Похоже, этот наркотик способствует прозрению, но он открывает путь к пониманию, не заставляя людей ощущать страх. Здесь нет угрозы потери самоконтроля.

— Чего большинство людей как раз и боятся… — поддержала я Шуру.

— Да. Пожалуй, страх потерять контроль над собой и оказаться беспомощным — это явление универсальное, и, разумеется, он возникает у людей, которые раньше никогда не принимали галлюциногены. МДМА позволяет вам полностью сохранять контроль и в то же время — взглянуть на себя как следует. Адам сказал мне, что МДМА расправляется с барьером страха, как назвал это Адам, страха, который люди испытывают перед тем, что творится внутри них, перед самим собой. Большинство людей описывают такое ощущение, словно они принимают себя, что позволяет им внимательно в себя всмотреться. В итоге получается, что подобное прозрение относительно не угрожает человеку.

— А бывали ли неудачные случаи? — поинтересовалась я.

— О, конечно. Я слышал о нескольких по-настоящему неудачных трипах. Мне рассказывали о них Адам и другие врачи. Самое главное, что в большинстве этих случаев люди не хотели принимать МДМА; принять наркотик их уговаривали муж или жена, или врач, тогда как они сами не были внутренне согласны прибегнуть к этому средству ради собственного спасения. Они принимали препарат под внешним давлением. Результаты были отрицательными, что вполне предсказуемо. Участвовавшие в таких экспериментах врачи получили хороший урок.

— Ты хочешь сказать, что нужно по-настоящему захотеть принять этот наркотик, а в противном случае все пойдет наперекосяк?

Шура наклонился вперед и сказал: «И не только в данном случае, это касается любого психотропного наркотика. Именно поэтому у людей случается то, что они называют плохими трипами, когда какой-нибудь умный сукин сын незаметно добавляет наркотик в пунш, — в общем, когда наркотик им подсовывают без их ведома. Вот это я считаю действительно непростительным поступком — давать человеку галлюциноген любого вида, не предупредив его об этом и не получив его согласия. Лично я думаю, что и врач не должен так поступать даже с наркотиком, который он прописал пациенту; этого ни в коем случае не следует делать с

галлюциногеном. Или с чем-нибудь вроде МДМА, потому что он, хотя и не относится к психоделикам, оказывает определенное воздействие на сознание человека».

Глаза Шуры сузились от гнева.

Я кивнула ему и спросила: «Сколько времени продолжается сам опыт?»

Его лицо прояснилось, он посмотрел на меня: «Ты уверена, что хочешь попробовать? Именно сегодня? Сейчас?»

— Если тебе нравится эта идея и если тебе это не помешает.

— Продолжительность опыта, — начал Шура, — около трех часов, если не принять дополнительную дозу, которая обычно составляет примерно одну треть от первоначальной. Если где-то через полтора часа после приема первой дозы принять добавку, то максимальный эффект продлится на час дольше.

— Есть ли возможность принять этот препарат нам обоим? Как тебе эта идея? Пожалуйста, скажи мне, если не очень хочешь — по какой бы то ни было причине.

— На самом деле, сочту за честь, — ответил Шура.

— Ты всегда называешь это МД… что там дальше. Извини», — я изобразила угрызения совести, ударив себя по голове ладонью.

— МА, — закончил Шура.

— МДМА. Спасибо.

— Метилендиоксиметамфетамин, — напомнил он мне с усмешкой. В ответ я показала ему язык.

— Это ТЕБЕ легко сказать!

Шура встал из-за стола со словами: «Поброди здесь, если хочешь. Я вернусь через пару минут».

Я осталась на месте и стала рассматривать книги в шкафу и читать заголовки: «Искусство Индии», «Пещеры Ласко», «Голоса тишины» Мальро, «Юриспруденция» (в двух томах), «Босуэлл в Голландии», Чаплин, Бернард Шоу, лимерики и коллекция эротического искусства (ах, ну как же без этого!). Я также увидела «Выбор Софи»[57] и книгу под названием «Мудрость Китая и Индии» Лин Ютаня. Я вспомнила, что когда-то очень давно тоже читала это произведение, которое, кстати, сильно меня потрясло, но не могла припомнить его названия. Две полки книжного шкафа были полностью заполнены работами Олдоса Хаксли, некоторые из них были в двух экземплярах.

Конечно же, ему нравится Хаксли.

Тут вернулся Шура. Он принес четыре маленьких стеклянных пузырька с белыми крышечками. Он прошел на кухню, я последовала за ним и стала смотреть, как он открывает буфет и достает оттуда бокалы для вина. Он поставил их на покрытый кафелем стол около раковины. Бледный и потускневший, потерявший свой голубой цвет кафель, наверное, такой же старый, как и пол, подумала я. По крайней мере, кафель можно протирать и держать чистым. Между тем Шура открыл два пузырька и высыпал оказавшийся в них белый порошок в бокалы — один пузырек на один бокал. Потом добавил в бокалы немного горячей воды из-под крана и слегка взболтал получившуюся смесь, прежде чем протянуть один из бокалов мне. Он стоял прямо, почти как на официальном приеме. Шура чокнулся своим бокалом с моим и сказал: «С Богом».

Я залпом выпила жидкость из бокала и сразу же прижала ладонь ко рту: меня чуть не вырвало. Вкус у смеси был горький и гадкий. Я так и сказала Шуре.

На что он ответил: «Я считаю, что нужно узнать это на вкус до того, как понять, что оно делает. Я должен был тебя предупредить; приходится признать, что большинству людей это не по вкусу. В следующий раз, если захочешь, можно будет добавить сок».

Спасибо тебе за «следующий раз», любимый.

Я с подозрением уставилась на него: «Только не говори мне, что тебе нравится это!»

Он сказал несерьезным тоном: «Думаю, это довольно приятный вкус. Абсолютно честный и откровенный. Вкус с характером, я бы сказал. Вкус, имеющий индивидуальность!»

«Да ты с ума сошел!» — с этими словами я залезла в холодильник, нашла там бутылку грейпфрутового сока и налила себе столько, чтобы избавиться от этого особенного характера и индивидуальности у себя во рту. Шура только хмыкнул, глядя на искаженное гримасой мое лицо. Гримаса отвращения была лишь чуть-чуть преувеличена.

Ладно, Урсула, иди. Настал мой день — Шура принадлежит мне, хотя бы ненадолго.

Из кухни Шура повел меня в теплую гостиную. Я бросила свою сумочку на кофейный столик и присоединилась к Шуре, вставшему у окна. Он спросил у меня: «Ты знаешь Дьябло? Когда-нибудь там бывала?»

— Не думаю, что вообще видела ее раньше в реальности. На самом деле, кажется, я вообще не бывала в этом округе. Несколько раз я добиралась до Беркли, но никогда не проезжала по туннелю на эту сторону.

— Между прочим, — сказал Шура, продолжая рассматривать гору, — ты должна знать, что я дал каждому из нас очень низкую дозу МДМА — сто миллиграммов, если быть точным. Этого хватит, чтобы ты в полной мере ощутила его воздействие, но недостаточно для чего-то чрезвычайного. Если, конечно, ты не окажешься особо чувствительной к этому соединению. Эту возможность всегда необходимо учитывать, когда пробуешь новый для себя препарат.

— Когда я должна что-нибудь почувствовать?

— О, где-то минут через тридцать-тридцать пять. Обычно в первый раз люди замечают странное и незнакомое ощущение примерно через полчаса после приема наркотика. Если ты можешь просто расслабиться и не пытаться избавиться отданного ощущения, то оно пройдет в течение двадцати или чуть больше минут. После этого наркотик начнет действовать, и это будет продолжаться примерно час. Потом, если тебе понравится и ты захочешь продлить удовольствие еще на час, я дам тебе добавку — еще сорок миллиграммов препарата.

— И это просто продлит эффект и больше ничего не сделает?»

— Именно так. Ты не почувствуешь никаких изменений — интенсивность переживаний сохранится на прежнем уровне; дополнительная доза просто позволит тебе немного дольше остаться там, куда ты попадешь.

Пока я смотрела в окно, я вспомнила вопрос, который пришел мне в голову, когда я ехала к Шуре. «Между прочим, — спросила я, — как тебе удалось назвать улицу, где ты живешь, своей фамилией?»

— Ах, да, — хихикнул Шура. — Здесь все чисто. Когда мы с родителями переехали сюда, здесь повсюду росли ореховые деревья и фруктовые сады, на их месте сейчас ты можешь видеть дома и шоссейные дороги. Здесь не было автострад, а проехать можно было только по проселочным дорогам. Мы поселились в единственном доме в округе. Это был старый, ветхий, заброшенный дом, который его прежние хозяева оставили много лет назад. Он уже покосился. Думаю, он не рухнул лишь благодаря росшей рядом акации, дерево поддерживало его. В доме была одна центральная комната, окруженная верандой, пол которой почти везде провалился.

Мы с родителями начали отстраивать это жилище — именно в нем мы сейчас и находимся. Мы занимались строительными работами как раз тогда, когда шла Вторая мировая война. И однажды к нам зашел кто-то с почты и сказал, что Элмонд превращается в цивилизованный город и не может никому позволить жить на какой-то там проселочной дороге. Люди должны жить на улице, было сказано нам.

— И как же будет называться эта улица?»- спросил мой отец.

— Назовите ее сами, — сказал начальник почтового отделения или кто там мог быть.

— Бородин-роуд?

— Отлично. Почему бы и нет? — сказал наш гость.

Потом, через несколько лет появилась новая администрация и новый начальник почтового отделения. Он пришел к нам и сказал: «Вы не можете просто жить на дороге, у вас должен быть и номер дома».

— Как насчет № 1? — спросил отец, что было совершенно разумно, ибо на Бородин-роуд жила лишь наша семья.

— Назначать номер первый не входит в компетенцию почтового отделения. Пусть будет № 1692, - сказал начальник.

Мой отец согласился. «Почему бы и нет?» — сказал он. На том и порешили. Никто так никогда и не узнал, почему был выбран именно такой номер; думаю, никто этим и не поинтересовался у начальника почтового отделения, а сейчас уже слишком поздно спрашивать. Это было и остается тайной и по сей день!

Я рассмеялась: «Великолепная история. Но, помнится, ты говорил мне что-то насчет того, что цивилизация еще не добралась до Элмонда?»

— Я имею в виду настоящую цивилизацию, которая подразумевает убийства, ограбления банков, людей, которые не здороваются с тобой в бакалейной лавке.

Я снова засмеялась: «А, теперь понимаю!»

Отвернувшись от окна, я замерла от удивления. С этой стороны стены, разделявшей комнату напополам, висел большой портрет в антикварной золоченой раме. На картине был нарисован мальчик, одетый в голубую шелковую рубашку с высоким воротником и вышивкой в русском стиле. Я поняла, что это был Шура, и подошла поближе, чтобы рассмотреть его лицо. Светлые волосы, очень светлые. Твердый подбородок и такая же нижняя губа, рот решительного человека. Внимательные светло-голубые глаза.

Оставшийся позади Шура заговорил:

— Я не знаю точно, сколько лет мне здесь. Может быть, двенадцать.

— Прекрасный портрет. Он мне понравился.

Ребенок держал в руках музыкальный инструмент, показавшийся мне знакомым. Я спросила Шуру, что это такое.

— Это балалайка. Она сохранилась у меня до сих пор; на самом деле, она лежит на пианино, но, как ни горько это говорить, на ней не играли много лет.

Я посмотрела в сторону пианино и уже увидела очертания инструмента, который лежал сверху, но вдруг решила, что подробный осмотр нужно отложить. Я почувствовала, что что-то во мне происходит.

Я сказала Шуре, что пойду посижу. Я свернулась калачиком в углу дивана, где были разложены подушки, и сосредоточилась на том, что должно было вот-вот произойти. Шура сел в большое кресло, лицом ко мне, положив ноги на маленькую скамеечку, обитую тем же материалом, что и кресло. Я обнаружила, что пристально вглядываюсь в рисунок обивки — нежно-голубые полоски на сером, отливающем серебром фоне со слабым отпечатком крошечных цветов. Кресло было старомодным, подумала я, и удобным. Как вся комната.

Я оглянулась вокруг, увидев вещи, которые раньше не заметила. Большая ваза в восточном стиле на полке книжного шкафа, стопка альбомов с фотографиями на полке пониже, миниатюрная каменная сова на каминной полке, а рядом — маленькая фотография какой-то женщины в рамке.

Хотела бы я посмотреть вблизи на эту фотографию. Может быть, это его жена. Кажется, рамка старая. Возможно, это его мать. Впрочем, я не сдвинусь с места, пока не выясню, что со

мной происходит. Странное, незнакомое ощущение, сказал он. Ладно. Вдохни поглубже и расслабь тело.

— Что-то замечаешь? — спросил Шура.

— Не знаю, — ответила я и полезла в сумочку за сигаретами. На кофейном столике, выложенном маленькой бежевой плиткой, нашлась медная пепельница. Рядом с ней стояла круглая керамическая ваза песочного цвета. В вазе были белые маргаритки. Несколько уже завяло.

Цветы для Урсулы.

Теперь точно что-то происходило, и в этом нельзя было ошибиться. Действительно, это было незнакомое ощущение. Оно было не похоже на то, которое я почувствовала тогда, когда начал действовать пейотль. В тот раз вокруг меня изменился свет, точнее, изменилось мое видение света, вспомнила я. Казалось, что я могу его потрогать, он как будто ощутимо присутствовал в комнате.

Я почувствовала, что Шура наблюдает за мной, но сейчас я не собиралась обращать на это внимание. Я решила, что появившееся странное ощущение было вполне физическим и находилось оно, в основном, в груди. Там я чувствовала смесь страха и возбуждения.

Хорошо, подумала я, это всего лишь новое ощущение. Я мысленно проверяла свое тело, отметив покалывание в основании шеи и напряжение в позвоночнике. Ничего удивительного я не заметила. Однако вскоре то ощущение, которое расположилось у меня в груди, распространилось по всему телу.

Словно какой-то голос говорит внутри, только без слов. Вовсе не противно. Просто непривычно.

— Можно не разговаривать, — тихо сказал Шура. — Ты должна чувствовать, что вольна делать все, что захочешь. Все, что тебе приятно.

— Да, — ответила я. В голове у меня тоже что-то изменилось. Она стала легкой. Никакого головокружения, просто легкость. И было еще кое-что, что я только начинала осознавать, — чувство умиротворения, заменившее ощущение странности. Простое, переполняющее душу умиротворение.

— Я чувствую, что расслабилась больше, — сказала я Шуре. Я совсем забыла — ведь он тоже принял наркотик. Узнать бы, что чувствует он. Но пока я не намерена его об этом спрашивать. Какое-то время я должна прислушиваться к себе.

— Возможно, наркотик уже действует на тебя или очень скоро начнет действовать, — сказал Шура. — То, что ты ощущаешь сейчас, ты и продолжишь ощущать с незначительными изменениями. Я имею в виду интенсивность переживаний. Она сохранится на том же уровне, что и сейчас, примерно в течение следующего часа или около того. Усиления быть не должно.

— Понимаю. Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — ответил Шура, мягко, без поддразнивания.

Он смотрит, слушает, все замечает. Для него облегчение узнать, что со мной все в порядке. Он заботится обо мне, и он хочет, чтобы все это принесло мне пользу.

— Это очень приятное ощущение, очень умиротворяющее и спокойное, — сказала я.

— Хорошо. Я надеялся, что именно так оно и будет.

— Я думаю, что встану и немного прогуляюсь, если можно.

Шура встал и протянул мне руку, медленно подняв меня с дивана. Потом Шура накрыл своими ладонями мои руки и посмотрел мне в глаза. В падавшем из окон свете его глаза казались пронзительно голубыми. Я тоже посмотрела ему в глаза и увидела в них серьезность и явную симпатию — ошибиться в этом было невозможно. Забота и настороженность были в них. Я потянулась вверх, чтобы взять в руки его лицо. Стоя на цыпочках, я слегка коснулась губами

его губ. Потом развернулась и пошла по направлению к кухне.

До меня долетел голос Шуры: «Хочешь, чтобы я пошел с тобой, или предпочитаешь остаться одна?»

Я остановилась подумать и в тот же миг поняла, что мне нужно побыть одной, чтобы изучить, что со мной происходит. Я сказала это Шуре.

Он понимающе кивнул: «Если что, я буду в своем кабинете. Не торопись. Можешь прийти ко мне или просто позови, если захочешь, чтобы я составил тебе компанию. Я тебя услышу, если ты будешь недалеко от дома».

Он думает, что у меня какие-то проблемы, но не станет говорить об этом вслух. Он не хочет программировать меня и настраивать на что-нибудь плохое.

— Спасибо тебе огромное, мой милый, — сказала я и ушла. Чувствуя легкость во всем теле, двигаясь легко и свободно, я пошла к задней двери. Я не колебалась, когда говорила «мой милый». Я знала о симпатии, которую Шура питал ко мне. Не было нужды подвергать цензуре свои чувства или даже крошечное их проявление.

Я вышла на глинистую тропинку, покрытую пятнами солнечного света и тенью листвы. Было прохладно, и я порадовалась, что надела шерстяную кофту. Я присела на траву справа от тропинки, не так далеко от дома. Я полезла в карман юбки, куда положила сигареты, и так и застыла. Вместо умиротворения я почувствовала нечто другое. Что-то, чего я вовсе не ожидала, поднималось во мне — внезапный приступ печали, причем настолько мощный, что мне пришлось обхватить себя руками.

О Господи, нет. Мне это не нужно!

Словно стена воды обрушилась на высохший пустынный берег. Слезы душили меня, и я позволила себе расплакаться, даже не пытаясь противостоять этому напору, потому что знала — это бесполезно. Часть меня ругалась, упирая на то, что подобные ощущения ни капли не способствуют желанию попросить Шуру дать мне эту дрянь еще раз — или любой другой психотропный наркотик, раз уж на то пошло. Но в то же время где-то глубоко во мне крепла и начинала преобладать над всем остальным уверенность в том, что это горе копилось во мне очень и очень долго — годами — и что эту боль надо пережить, надо от нее освободиться, если я хочу обрести силу и цельность.

Было и что-то еще, заставлявшее себя услышать. Что-то, что было выше всех душевных травм и огорчений моего прошлого и настоящего, — послание, обладавшее собственной энергией, которая не позволяла ему затеряться в моем плаче.

Мною руководит страстное желание, потребность выяснить — узнать — что, как и почему. Узнать правду о самой себе, остальных живых существах, о мире и о том, что движет вселенной. Это Первая заповедь моей жизни, и, хотя я не понимаю почему, надо, чтобы это желание знать и стараться узнать всегда оставалось моей Первой заповедью.

Страдание накатывалось на меня волнами, как всегда и происходит, однако мой разум продолжал работать ясно и четко, не завися от слез и рыданий, сотрясавших тело. Я подумала об одном циничном наблюдении, которое прочла однажды. Согласно автору этого умозаключения, желанием понять все Что, Как и Почему относительно жизни и космоса человек обычно одержим в юности, и чаще всего это желание изживается к концу второго года обучения в колледже. Таким образом, подытоживал автор, было бы уместно назвать эти вопросы Великими вопросами студента-второкурсника.

Пусть будет так. Я проклятая второкурсница.

Хорошо же. На данный момент истина предельно проста: я нашла мужчину, не похожего на всех остальных, которых я когда-либо знала; этого мужчину я ждала всю свою жизнь; я хочу быть и жить вместе с ним, вместе с ним познавать жизнь, а он любит женщину по имени

Урсула. Я решила быть так близко к нему, как он позволит, и оставаться с ним так долго, как только возможно. Будь что будет — выиграю или проиграю. И я должна признать, что всем своим существом отдалась этому выбору. Всю ответственность несу я сама.

Я долго плакала, обняв себя руками и покачиваясь на месте. Я рыдала, сидя на траве, пока поток слез не стал утихать. Тогда я смогла обратить внимание на Наблюдателя. Он отметил, что умиротворение не исчезло, и хорошо бы мне снова посмотреть на него.

Под ужасным горем скрывалось спокойствие, безмятежность и нечто похожее на радость, во что просто не верилось.

Не пытайся понять. Достаточно знать, что все это в тебе. Бог держит тебя за руку и баюкает своей совершенной любовью. Все хорошо, даже если прямо сейчас это кажется бессмысленным.

Я не услышала ни звука, однако внезапно поняла, что Шура был поблизости. Я чувствовала, что он стоит в коридоре, но я не могу его видеть. Я знала о его беспокойстве. Но под этой тревогой было кое-что еще — его собственная печаль и неясность в отношениях с Урсулой. И я поняла, что снова расплакалась, уже без сильного надрыва, на этот раз — из-за Шуры.

Наконец, все закончилось.

Я терпеливо дождалась, чтобы мое дыхание пришло в норму. Теперь лишь редкое содрогание напоминало мне о том, через что я прошла. Я поднялась с травы и пошла в дом.

В коридоре не было ни души. Я слышала, как шелестит бумага, и поняла, что Шура вернулся в кабинет.

Остановившись на пороге кабинета, я сказала: «Спасибо за терпение. Кажется, я была должна что-то узнать от себя самой, теперь все закончилось». Я непринужденно улыбалась, зная, что у меня покраснели глаза и, может быть, они даже опухли, но это было не важно.

Шура подошел ко мне и обнял, крепко прижав к своей груди. «Прости», — прошептал он.

Я посмотрела на него и твердо сказала: «Нет. Извинения — это не то, чего я хочу от тебя; на самом деле, именно извинений мне бы меньше всего хотелось. Я наслаждаюсь, когда оказываюсь рядом с тобой, и это не твоя вина, что я тебя люблю — это даже не моя вина, просто так оно и есть. И пока мы оба абсолютно честны друг с другом, все будет хорошо. Поверь мне, что бы ни случилось, все будет в порядке».

Понятия не имею, откуда берется эта уверенность, но она кажется правдоподобной, так что ничего страшного, что я ему это сказала.

Шура кивнул: «Я не хочу, чтобы ты страдала по моей вине. Я просто не хочу причинить тебе боль каким бы то ни было способом».

Я прижалась щекой к его груди и сказала: «Я знаю. Но если бы мне пришлось выбирать быть с тобой и как-то от этого страдать или не быть и не испытывать боль, ты отлично знаешь, что я выберу. Пожалуйста, пусть все остается на своих местах. Я не верю в то, что буду жалеть о своем решении, и надеюсь, ты тоже».

Мы вернулись в гостиную. На этот раз мы говорили обо мне. Я рассказала Шуре о своем детстве, проведенном в Италии, в деревне Опичина, расположенной высоко на горных склонах позади Триеста. В этом городе мой отец проработал консулом шесть лет, еще до Второй мировой войны. Я рассказала и о своем брате Эдварде. В Италии его всегда звали английским прозвищем — Бой. Когда мы возвратились в Штаты, я должна была привыкать обращаться к нему уже как ко взрослому — Тед. Я продолжила свое повествование:

— Мой отец был евреем, но у него, конечно, была дипломатическая неприкосновенность. Мы с Боем мало что знали о происходящем, но я помню строгие наказы, которые нам давали перед прогулкой. Каждый день гувернантка выводила нас на прогулку, и иногда мы доходили до деревни, что случалось довольно редко, поскольку обычно мы шли гулять в поля за домом. Но если мы действительно добирались до деревни и хотели что-то сказать о человеке, которого

называли дуче, или о другом человеке, которого взрослые звали Гитлером, мы, дети, должны были использовать кодовые имена — мистер Сильная Рука и мистер Жестокое Сердце. Нам хорошенько внушили, что это была не игра и что у родителей, а значит, и у всей семьи, могут быть серьезные проблемы, если какой-нибудь «не тот» прохожий услышит, как мы зовем этих людей по-другому.

— У вас были проблемы в школе?

— Нет, — ответила я. — Мы вообще не ходили в школу. Там было засилье фашистов. Мы учились дома, а нашими преподавателями были гувернантки. Они учили нас по системе Калверта. Эту систему разработали в Балтиморе, и я подозреваю, что она используется до сих пор. Все материалы присылались в семьи сотрудников дипломатической службы, где были дети, а родителей отправляли на работу туда, где было слабо налажено образование или существовали другие причины, по которым детей было нежелательно отдавать в местные школы. Между прочим, это было прекрасное образование. Веришь или нет, но вместе с обычной чепухой, которой учат в начальной школе, шла греко-римская мифология!

Я рассказала Шуре о том утре, когда на наших железных воротах обнаружилась надпись, сделанная наспех огромными красными буквами. Мы с Боем не могли ее понять, но нам сказали, что там написано «еврей». Мы смотрели, как служанка и наш отец отчищают черные железные ворота от краски, а я в это время думала, следует ли мне спросить у взрослых, кто это такой — еврей. И еще о приятном соседе, пожилом человеке, который ходил согнувшись и жил через дорогу от нас. Я не помнила его имени, но знала, что однажды ночью он исчез, и больше никто его не видел.

Я продолжала:

— Нам сказали, что он исчез, потому что был евреем, а мистер Сильная Рука и мистер Жестокое Сердце были плохими, но очень могущественными людьми, и они не любили евреев и цыган и вообще всех, кто был с ними не согласен. Иногда они их забирали и не говорили куда, а мы, дети, не должны задавать много вопросов. Думаю, шел 1939, может быть, 1940 год, и люди начали бесследно исчезать по ночам, но нам с Боем ничего не говорили об этом.

Шура внимательно меня слушал, но потом, когда я ненадолго остановилась, он вдруг вскочил со стула и сказал: «Обожди секунду, я должен проверить время» — и помчался на кухню. Вернувшись, он объявил: «Прошло полтора часа, так что я должен спросить у тебя, хочешь ли ты принять добавочную дозу или нет?»

— О, — ответила я и безмолвно проконсультировалась с самой собой. — Если я приму добавку, я просто дольше буду там, где я сейчас нахожусь?

— Совершенно верно. Приблизительно на час дольше.

— Тогда да, пожалуйста. Мне бы очень хотелось добавки, если не возражаешь.

— Нет, конечно. Я тоже приму. Подожди, я сейчас вернусь.

Когда Шура снова принес наши бокалы, меня прямо передернуло при воспоминании о вкусе их содержимого. Шура извинился: «Я забыл. Позволь мне принести тебе сока». Уже из кухни он прокричал мне: «На самом деле, ты должна сейчас много пить, потому что этот наркотик способствует выведению жидкости из организма, вызывая небольшое обезвоживание».

Я извинилась и сказала, что мне нужно в ванную. Сидя на унитазе, я рассматривала бледно-зеленый кафель на стенах и старомодную раковину. В одном из углов у светло-голубого потолка я увидела искусно сплетенную паутину. Я предположила, что ее нарочно здесь оставили, потому что в ванной было чисто убрано.

В гостиной я чокнулась с Шурой бокалами и без труда выпила растворенный в соке порошок.

Я уселась обратно на диван, обитый голубым твидом, а Шура принес кувшин, где была вода

со льдом, и пластиковый бокал. Я улыбнулась, когда он поставил это на столик передо мной: «Спасибо. Я постараюсь помнить о том, что нужно пить».

— Это важно, — сказал Шура, садясь в кресло. Я увидела стакан воды на маленьком столике рядом с креслом.

— Прежде чем ты продолжишь свою историю, — сказал он, — я бы хотел, чтобы ты сказала мне, не замечаешь ли ты какие-нибудь физические эффекты в данный момент?

— Физические? — я прислушалась к себе и сообщила: — Теперь, когда я подумала об этом, чувствую некоторую сухость во рту. И еще такое забавное ощущение, что-то вроде трения в челюстях, под ушами. Но это не проблема.

— Есть ли что-нибудь странное с глазами?

Я повращала глазами, посмотрела вправо и влево и сказала: «Когда я смотрю вбок, изображение идет чуть-чуть волнами. Я не против этого. На самом деле, даже смешно».

— Это называется нистагм. Он случается у большинства людей при приеме МДМА, особенно, когда они пробуют его впервые.

Я несколько раз специально посмотрела в сторону и рассмеялась от новых ощущений.

— Тебе комфортно в этом состоянии?

Я ответила «да», подумав, что слово «комфортно» не очень подходит в данном случае и я бы выбрала другое. Я по-другому смотрела на собственный мир. Я по-прежнему чувствовала умиротворенность и ясность, на что бы я ни смотрела внутри себя или снаружи. Я не испытывала страха, мне не было тревожно. Внезапно я осознала, что большую часть своей жизни прожила в состоянии тревоги, которое стало привычным. Я настолько к нему привыкла, что уже давно не замечала этой постоянной тревоги и не удивлялась ей. Беспокойство стало моим образом жизни. Было очень необычно — и восхитительно — не чувствовать его.

Пока это нельзя изменить. Слишком много вещей, за которые надо нести ответственность. Дети. Работа. Счета. Вряд ли у меня когда-нибудь появится близкий человек, вот как этот, с которым я разделила бы свою жизнь. Так много всего необходимо сделать, за всем следить. Невозможно расслабиться и довериться вселенной.

Шура попросил меня: «Пожалуйста, рассказывай дальше. Я не хочу, чтобы ты подумала, будто я тебя совсем не слушал, когда вспомнил о добавке».

— О, нет-нет, — сказала я. — Я вовсе так не думаю. Просто сейчас меня захватили немножко другие мысли. Я поняла, что постоянно живу в тревоге. Я раньше не замечала, что определенный уровень беспокойства стал для меня привычкой. Возможно, я жила так многие годы. Не уверена, что могу припомнить время, когда все было иначе. Наверное, единственным исключением был тот день, когда я приняла пейот. Шура кивнул.

— Это очень интересное прозрение. Не то что бы я могу теперь изменить ситуацию, именно сейчас, в этот период моей жизни. Но думаю, что было для меня важно осознать это.

Я посмотрела на Шурино лицо, которое попало в тень от разделявшей комнату стены. На мгновение я совершенно забылась, изучая эту львиную гриву, глубокие морщины, которые пролегли от носа ко рту, крупные губы, казавшиеся сейчас мягче обычного. Я подумала, что МДМА подчеркнул в этом мужчине его душевную теплоту. Сейчас на этом лице читались открытость и уязвимость — таким оно было лишь в ту ночь, когда мы занимались любовью.

У него очень развит самоконтроль, но иногда он ослабляет его; сейчас он не так сильно контролирует себя, как обычно. У него очень красивое лицо. Вряд ли он так смотрит на других людей.

Шура улыбнулся мне, его глаза сверкнули в тени.

— Я любовалась твоим лицом, — сказала я. — Ты красив и знаешь об этом.

— Как красива и ты, мой маленький друг, — ответил Шура, потом снял ноги со скамеечки

и наклонился ко мне.

— Я собираюсь попросить тебя кое-что сделать, прямо сейчас, если сможешь. Сходи в ванную и посмотри на себя в зеркало. Не задерживайся там; в таком состоянии очень легко загипнотизировать самого себя. Я хочу, чтобы ты взглянула на себя, сразу вернулась и рассказала мне о том, что увидела в зеркале».

Я вспомнила, что Сэм тоже просил меня об этом в тот день, когда мы с ним приняли пейот.

Я пошла в ванную комнату и посмотрелась в зеркало. Я увидела сияющее лицо, сверкающие глаза и расширенные зрачки. Лицо было открытым и беззащитным. Я увидела печаль, доброту, сильную жажду чего-то и слабый лучик надежды. Я улыбнулась своему отражению.

Вернувшись в гостиную, я сказала лишь следующее: «Я увидела человека, который мне очень понравился».

Шура сказал: «На это я и надеялся. Мне ты тоже очень нравишься, даже если для тебя это немного значит».

— Спасибо. Для меня это значит очень много.

Я догадалась, что это любовь и в равной степени симпатия, но это не может контролировать ни один из нас.

Я села на диван и уже собралась продолжить рассказ, как вдруг у меня возник вопрос.

— Шура, ты сказал, что ты никогда не любил до Урсулы. Разве ты не был влюблен в Элен, когда женился на ней?

Шура погладил свою бороду, обдумывая ответ.

— Нет, не любил. Нам было комфортно друг с другом и нравилось что-то делать вместе, но подозреваю, что мы поженились больше для того, чтобы спастись от одиночества, а не потому, что по-настоящему любили друг друга. И еще чтобы позлить родителей. Ее родители ясно дали понять, что хотели бы видеть кого-нибудь другого в роли мужа для своей дочери, а мои почти точно чувствовали, что я мог бы сделать партию получше. Нам обоим казалось, что мы совершаем очень забавный поступок, и мы решили сбежать, думаю, для того, что наказать своих родителей.

Блеск, который я видела в его глазах какое-то время назад, погас. Я гадала, не из-за воспоминаний ли.

— Должен с сожалением сказать, что наша совместная жизнь была не очень счастливой. Она была хорошим человеком, доброй, умной, и, в основном, именно она вносила необходимый порядок в мою жизнь; понимаешь, чистота в доме, свежие рубашки и обед вовремя, даже тогда, когда она снова стала работать. Благодаря этому у меня был режим, какая-то структура, на которую я мог опереться, особенно в ту пору, когда у меня появлялись сомнения насчет правильности принятых мною решений — ухода из Dole, возвращения к учебе. Я не всегда был уверен в том, что, работая консультантом, смогу следовать своим собственным, особенным путям».

— Но разве вы не были счастливы друг с другом?

— Нет, счастья не было. Приходится признать, что мы столкнулись с несколькими крупными препятствиями, ни у одного из нас не получилось найти удачный обходной путь. Скажем, Элен страдала разными фобиями. Она много чего боялась. Как я уже говорил, больше всего она боялась потерять контроль над собой, стать уязвимой, и это сказывалось на наших отношениях, затрагивая определенные их стороны.

Я налила воды в чистый бокал, который Шура поставил передо мной. Я почувствовала сухость во рту и вспомнила, что он упоминал про обезвоживание.

Шура понял мой намек и тоже отпил из своего бокала, прежде чем продолжил:

— Когда она рожала Тео, ей было очень больно, и она объявила мне, что не хочет еще раз

проходить через все это. Она сказала, что Тео будет единственным ребенком в нашей семье, потому что она не может пройти еще через одни роды. Ее слова огорчили меня, ведь я сам рос единственным ребенком. Порой я думал, что, может, было бы лучше, если бы я имел братьев и сестер, — может быть, от этого многие вещи в моей жизни изменились бы к лучшему. Но Элен так настаивала, что у меня не было другого выхода, кроме как смириться с ее решением.

— Вы с ней не думали об усыновлении?

— Нет, я даже не помню, чтобы мы обсуждали этот вопрос, хотя, наверное, следовало бы это сделать. Возможно, мы оба считали себя принадлежавшими к элите, чтобы серьезно думать об усыновлении.

— Ей перевязали трубы?

— Нет, ничего такого. Она слишком боялась хирургического вмешательства. Она не выносила противозачаточные таблетки и не доверяла презервативам, что в какой-то степени обоснованно. В итоге мы стали заниматься любовью все реже и реже. Мы начали отдаляться друг от друга, — тут Шура нахмурился. — Ты точно хочешь все это слушать?

— Пока ты готов делиться со мной, я с удовольствием буду тебя слушать. В конце концов, это целых тридцать лет твоей жизни. И еще это означает, что ты мне доверяешь.

— Нет, я не против того, чтобы поговорить об этом. На самом деле, даже хорошо, что я об этом говорю. Я никому не рассказывал об этой стороне моего брака, даже Урсуле. Она и Дольф знали Элен; они были искренне привязаны друг к другу, и между ними были хорошие отношения. Мы все вчетвером отлично ладили. Мы привыкли ездить вместе куда-нибудь на выходные, и это продолжалось даже после того, как я понял, что влюбился в Урсулу, а она призналась мне, что тоже любит меня. Конечно же, Элен ничего не подозревала. Слава Богу, она никогда не узнала об этом.

— Знал ли это Дольф?

— Тогда я думал, что нет, но теперь не могу с уверенностью говорить об этом. В то время он не подавал вида, что его отношение ко мне изменилось, но ведь и сейчас он не выдает себя, когда мы разговариваем с ним по телефону. Но сейчас-то он наверняка должен обо всем знать!

Шура замолчал, чтобы отпить воды, я спокойно ждала продолжения.

— Элен и я, мы изо всех сил старались быть хорошими родителями. Полагаю, мы и были неплохими родителями, за одним исключением. Тео так и не почувствовал, что мы его приняли и очень любим, а он очень нуждался в этом. У Элен это лучше получалось, чем у меня, но все же Тео чего-то не хватало. Я не оказывал ему такой поддержки, какую должен был, и я глубоко об этом сожалел, но не знал, как исправить ситуацию. Как я уже говорил, в ту пору я не очень был способен любить.

Я кивнула.

— Думаю, я был чересчур критично и субъективно настроен. Я знаю, что нередко был нетерпелив с бедным Тео, а он страдал от этого. В глубине души он никогда не мог быть по-настоящему уверен в том, что он заслуживает безусловной любви. И в этом я повинен больше, чем Элен. Но, если быть честным — перед самим собой, я постепенно превращался в эдакого сухаря и все больше отдалялся от людей.

Шура закурил, я последовала его примеру.

— Я думаю, что на протяжении многих лет я был не способен по-настоящему дарить любовь кому бы то ни было. Пока в моей жизни не появилась Урсула. И я начал оттаивать. Даже моя любовь к Элен стала сильнее, чем когда-либо. И временами я чувствовал в себе доброту и прикусывал свой язык вместо того, чтобы отпускать свои обычные слишком наблюдательные и язвительные комментарии. Разумеется, я старался не показывать тех изменений, которые во мне происходили. Не стоило никого настораживать!

Я засмеялась. Я не могла представить Шуру недобрым человеком с равнодушным сердцем. Критичность и нетерпение — намеки на эти качества я уже заметила и могла в это поверить. Но в недостаток доброты — ни за что.

Он себя слишком строго судит, вспоминая прошлое? Или предупреждает меня — может быть, бессознательно г о некоторых своих чертах, о которых я пока не знаю?

— Мы с Элен слишком часто раздражали друг друга. Мы много спорили о мелочах, из-за которых вовсе не стоило ругаться. Наши споры были отражением скрытого разочарования в наших отношениях, в нашем браке, которое мы оба испытывали.

— Но ты говорил, она никогда не пыталась помешать твоим исследованиям?

— Да, она не была настроена против них. Ей были интересны мои описания воздействия наркотиков, но она всегда отказывалась принимать участие в экспериментах. За исключением того единственного раза с мескалином. Должно быть, иногда ей было очень тяжело, когда она осознавала, какими исследованиями я занимаюсь; уверен, с ее-то страхами она часто боялась, что я причиню себе какой-нибудь вред. Однако она сдерживалась, и я благословляю ее за это.

— А что за страхи у нее были?

— Она боялась напрягать свое тело, поэтому избегала секса. И, конечно, она боялась пораниться. Я всегда помогал ей на кухне, если надо было что-то нарезать острым ножом. Она испытывала страх и перед смертью. Я понимаю, что в этом нет ничего необычного, однако временами казалось, что мысль об угрозе смерти становилась у нее навязчивой. У нас была небольшая парусная шлюпка двадцати футов длиной. Элен нравилось плавать на ней, когда мы садились в шлюпку все вместе, но она боялась за меня, если я плавал один. В конечном итоге, она стала бояться плавать на шлюпке даже вместе со мной и сыном.

— Бедняжка!

— Когда я учился летать на маленьком самолете, — продолжил Шура, — она отказывалась ездить со мной в летную школу. А если нам нужно было куда-то лететь на обычном самолете, я был вынужден давать ей «Милтаун», прежде чем мы поднимались на борт. Как ты понимаешь, ни один из этих страхов не мешал ей быть вполне нормальным человеком. Просто ее фобии стали частью нашей совместной жизни и проявлялись самым разным образом.

— Она никогда не проходила какой-нибудь курс лечения?

— О нет. Психотерапия ее тоже пугала. Подобные предложения она отметала сразу же.

— К несчастью, — сказала я, — это не так редко встречается. Многие люди считают, что психиатр собирается открыть все плохое и недопустимое, что в них есть; они действительно ожидают от него в некотором роде профессионального «окончательного решения».

Шура кивнул, потушив сигарету.

— После первого слабого инсульта, который она перенесла за несколько лет до смерти, мы изменили наши отношения. Она позволила себе доверять мне, а я помогал ей. Я хотел, чтобы она как можно скорее перестала зависеть от лекарств, и обучил ее обратной биологической связи. Она научилась регулировать давление и в итоге смогла отказаться от медикаментов, разумеется, с разрешения врача и притом без всяких негативных последствий.

— Это замечательно!

— Она продемонстрировала недюжинную смелость. Я был очень тронут ее храбростью и доверием. И все старания окупились. Она смогла перестать думать о себе как об инвалиде и вернулась на работу в Беркли, которую так любила.

— Ты говорил, что ей не нравилось жить здесь, на Ферме?

— Не совсем. Она хотела, чтобы ей здесь нравилось, просто такая жизнь не для нее, вот и все. В глубине души она всегда была городской девчонкой. Просто так обстояли дела. Она обо всем заботилась и была превосходной хозяйкой, как я уже говорил. Я не слишком аккуратный и

дотошный человек, поэтому я предоставил Элен следить за тем, убраны ли вещи и все ли идет как надо. Именно это она и делала, но она оказалась не способна полюбить это место, как полюбил его я.

Ему нужно, чтобы с ним жил кто-то организованный и аккуратный. Не могу похвастаться ни тем, ни другим.

Я спросила у Шуры: «У нее случился еще один удар, или причиной ее смерти послужило что-нибудь еще?»

— Это случилось примерно через три года после первого удара. Она была в библиотеке и пожаловалась своей подруге, что ее правая рука внезапно онемела. Потом она потеряла сознание и… в общем, она больше не приходила в себя. Кровоизлияние в мозг, обширный апоплексический удар.

— О Боже мой. — Я знала, что на скрытом в тени лице появились слезы, и подумала, как же хорошо, что он захотел об этом мне рассказать. Интересно, не МДМА ли, случайно, вызвал такое доверие и открытость.

— Спасибо, что рассказал мне об этом.

— Думаю, мне нужно было выговориться. Спасибо, что проявила к этому интерес.

Я улыбнулась Шуре, потом сосредоточилась на своем стакане с водой: во-первых, я чувствовала жажду, а, во-вторых, хотела дать Шуре возможность вытереть глаза. Я услышала, как он беззастенчиво громко высморкался, и потом увидела на полу скомканный бумажный платок.

Шура спросил хриплым, но бодрым голосом:

— Как ты себя чувствуешь сейчас?

Я сказала ему, что подозреваю, что воздействие, похоже, начинает ослабевать: «Это едва заметное ощущение. Возможно, я просто начинаю привыкать к этому состоянию».

— Не исключено. Однако не удивлюсь, если мы начнем чувствовать спад переживаний.

— Уже?

Шура улыбнулся:

— Я слышу признаки разочарования в голосе?

— О, конечно, тебе не показалось. Было бы здорово побыть в этом состоянии подольше.

— Я рад, что ты получила хорошие ощущения. Очень рад.

Он хочет показать, что действительно доволен. Любопытно было бы узнать, он доволен потому, что волнуется за меня, или потому, что считает это вещество хорошим и хочет, чтобы оно оказывало положительное воздействие на всех подряд. Может быть, немного того и другого. Не важно.

Следующий час мы провели, прогуливаясь по Ферме. Я спросила у Шуры, как МДМА подействовал на него, и он сказал, что он получил приятные ощущения, но все равно этот наркотик не оказывает на него такого воздействия, которое, судя по всему, он оказывает на многих других людей.

— Думаю, все дело в особенностях моего личного химического состава, — сказал Шура. — Да я и не возражаю.

— Не возражаешь?

— Нет. Я наслаждаюсь тем, что этот наркотик дает мне, и поскольку в настоящее время я употребляю его лишь в компании других людей, я также получаю удовольствие от возможности видеть, как они идут на откровенность и открывают самих себя. Я не так часто практикую это, но каждый раз, когда с кем-нибудь делю подобные переживания, чувствую себя по-настоящему привилегированной личностью. Только так это можно назвать.

Мы пошли за гараж, вниз по заросшей травой тропинке, и пришли к маленькой тепличке, в

которой не хватало несколько стекол. Шура открыл дверь в теплицу, и я увидела, что там в задней стене была дыра и через нее пробивалось несколько виноградных лоз. На земле в теплице местами пробивались пучки пожелтевшей травы, на старом столе из красного дерева были собраны в кучу красные горшки. В некоторых горшках росли какие-то растения, которые было невозможно узнать, а в одном был маленький кактус.

Шура сказал с сожалением в голосе: «Здесь нужно все поправить и как следует поработать».

Мы прошли мимо поросшего травой склона, где единственная лоза, оставшаяся почти без листьев, обвилась вокруг грубой деревянной рамы. Подальше стоял очень старый сарай, в котором Шура показал мне остатки огромной винной бочки и целую батарею бутылок с домашним вином из десертного винограда, едва видневшихся в темноте. Он сказал, что электричества здесь давным-давно нет и что он очень хочет починить его буквально со дня на день. Тут Шура предупредил, что я должна смотреть под ноги, потому что на полу сарая валяется куча всяких вещей, так что подвернуть лодыжку здесь проще простого.

За сараем росло еще больше винограда. А на холме Шура показал мне место, где раньше был огород. Шура собирался вернуть его к жизни. Возвращаясь назад, мы говорили об удовольствии, которое доставляет выращивание собственных овощей, и обсуждали достоинства капельного орошения. Я сказала ему, что мне показалось, будто воздействие наркотика закончилось или почти сходит на нет.

— Что ты чувствуешь?

Мы стояли на верхней ступеньке кирпичной лестницы, которая вела в дом. Я трогала можжевельник и тщательно обдумывала ответ.

— Умиротворенность все еще не покинула меня. Я словно принимаю вещи такими, какие они есть, чувствую, что все имеет смысл. Я чувствую это не умом, потому что, когда начинаешь думать, обязательно запутаешься, я чувствую это сердцем. И еще у меня есть ощущение, для которого я могу подобрать лишь слово «волнение». Какая-то часть меня не может ждать, чтобы увидеть, что произойдет в жизни в следующий момент! Меня охватывает предвкушение, но без обычной тревоги. А под всеми этими эмоциями у меня такое чувство, что мы оба принадлежим этому месту, вот прямо сейчас, какими мы есть.

Похоже, я очень хорошо высказалась. Даже сама прониклась.

— Ты не голодна? — спросил у меня Шура.

— Голодна?

И что это за ответ на мою блестящую речь?

Шура продолжал допытываться, в его голосе слышалось поддразнивание: «А как насчет свиных отбивных с картофельным пюре?»

Я представила себе отбивные с картошкой и ответила: «Не самая соблазнительная вещь в мире, вот уж точно».

Он одобрительно усмехнулся, словно я успешно сдала трудный экзамен.

— Это нормально. МДМА резко снижает аппетит. Возможно, ты не захочешь думать о еде еще несколько часов.

Мы вернулись в гостиную, и я отметила, что, хотя не чувствую голода, зато очень хочу пить, и выпила оставшуюся у меня в стакане воду.

— Молодчина, — похвалил Шура. — Продолжаешь пить.

Я ответила ему улыбкой послушной девочки, улыбнувшись во весь рот, а потом сказала то, что должна была сказать: «Мне бы лучше подумать о возвращении домой, понимаешь».

На мгновение на его лице появилось выражение замешательства, словно мои слова удивили его. Потом он посмотрел в сторону и сказал: «Да, конечно. Честно говоря, я не думал, что ты

сегодня поедешь домой».

О, спасибо, любовь моя.

— Шура, я себя превосходно чувствую. Я бы не стала заговаривать об отъезде, если бы у меня были малейшие сомнения насчет того, смогу ли я вести машину.

— Нет, конечно, нет, — сказал Шура. — Но все равно позволь мне быстро тебя проверить. Иди в комнату, а я пока достану фонарь. Господи, что же он собрался делать фонарем?

Когда Шура присоединился ко мне, он погасил в ванной свет и велел мне стать спиной к окну. Потом добавил: «Скажешь, если увидишь какие-нибудь следы — понимаешь, о чем я?»

— Это такое ощущение, которое остается после того, как посмотришь на движущийся луч света, если воздействие наркотика продолжается, да?

— Правильно.

Шура включил фонарь и поводил светом в поле моего зрения, потом выключил. Я уверила его в том, что никаких следов не было.

— Прекрасно, — сказал он, отводя меня в гостиную. — Но ты все еще можешь увидеть вспышки света на периферии зрения. Просто будь к ним готова, особенно когда тебе в лицо будут светить фары. Не теряйся.

Я сказала, что уверена, что не растеряюсь, и вообще пока не видела этих вспышек.

Шура продолжал настаивать: «Обещай мне, что, если почувствуешь слабость по дороге, то вернешься сюда или хотя бы съедешь с шоссе и посидишь спокойно какое-то время. Хорошо?»

Он держал меня за плечи и смотрел в лицо.

— Конечно, я так и сделаю, — пообещала я Шуре. — Поверь мне, я очень дорожу своим здоровьем и безопасностью. Я обязательно вернусь к тебе, если что-нибудь будет не так.

Пока я заводила машину, Шура пошел вперед, к выезду с фермы, чтобы запереть за мной ворота. Подъехав к воротам, я остановилась и вышла из машины. Я крепко обняла его, положив голову ему на грудь: «Спасибо тебе за этот чудесный день и за то, что ты такой, какой есть».

— Какой бы ни был, — рассмеялся он, обнимая меня в ответ.

— Какой бы ни был, — согласилась я.

Шура наклонился и поцеловал меня в кончик носа.

По дороге домой я осознала, что ни один из нас не заговорил о моем повторном приезде на Ферму. Мы даже не договорились о новой встрече. И это было не важно.

Мы подождем. Все в руках богов. Он будет ждать Урсулу, а я — его.

Глава 23. Группа

Поздним утром на следующий день Шура позвонил и спросил, как я себя чувствую. Я ответила, очень хорошо, спасибо, добавив, что, к моему огромному восторгу, по-прежнему не хочу есть. Я выразила надежду, что аппетит еще долго будет отсутствовать. Он сказал, что рад тому, что я получила положительные эмоции.

— Я очень благодарна тебе, — ответила я. — Как мило с твоей стороны, что ты сделал это для меня — и со мной.

Шура произнес: «Я сделал это с удовольствием».

Ничего не было сказано об ответном приглашении.

В среду вечером, надев свою ночную сорочку, я устроилась перед телевизором посмотреть последние новости. Дети уже спали. Я была измотана работой, но идти в постель мне не хотелось, потому что после ночи меня ждал лишь ранний подъем и возвращение под гнет Отделения медицинских документов, обстановка в котором с уходом двух заболевших гриппом машинисток была безумней обычного.

Когда зазвонил телефон, я сразу подумала, что это, наверное, срочный вызов, ведь уже так поздно, а я была не настроена на всякие чрезвычайные обстоятельства. Я не ожидала услышать в трубке Шурин голос. Должно быть, в моем голосе прозвучало удивление, потому что он спросил меня: «Я звоню слишком поздно? Я совсем не хотел разбудить тебя, ты спала?»

— Нет, нет! Вовсе нет. На самом деле я смотрела новости. Как приятно слышать тебя!

— Я позвонил, чтобы сказать тебе, что в следующую субботу ко мне придут друзья, участники моей исследовательской группы. Я подумал, что ты могла бы захотеть присоединиться к нам, если у тебя нет других планов.

Ноющая боль у меня в плечах и шее вдруг исчезли.

— С превеликим удовольствием. Во сколько? И мне что-нибудь принести?

— Я прошу всех прийти к десяти утра. Принеси любой сок, какой тебе нравится, и, пожалуй, мы могли бы подкрепиться свежими фруктами. Обо всем остальном я позабочусь. О, кстати, возможно, ты захочешь пропустить завтрак.

Почему? Может, они собираются устроить поздний завтрак?

В субботу было прохладно. Накануне прошел дождь, поэтому воздух был чист и наполнен свежестью. Я заехала на рынок, чтобы купить апельсинов, яблок и бананов, а также бутылочку своего любимого клюквенного сока. В багажнике моей машины была припрятана красивая сумка для покупок, оставшаяся после Рождества. Там лежала моя зубная щетка, запасная блузка и моя лучшая бледно-голубая шелковая сорочка.

Никогда не знаешь, что может случиться, как говорят бойскауты.

Когда я свернула на Бородин-роуд, то поняла, что ощущаю не просто обычную, повседневную тревогу; я была напугана до смерти. Через несколько минут я увижу лучших Шуриных друзей; они неизбежно будут сравнивать меня с Урсулой — с восхитительной, нежной, молодой, умной Урсулой — и, возможно, сочтут меня плохой заменой. Они, без сомнения, удивятся моему появлению. Я сама удивляюсь этому.

Ладно. Ничего не остается, как чувствовать себя счастливой, потому что Шура пригласил меня к себе, и надеяться на то, что его друзья имеют склонность к милосердию и состраданию.

В кухне было шумно от разговоров, смеха и стука бокалов и ножей по кафелю. Шура обернулся и, увидев, что я заколебалась и остановилась на пороге, прокричал: «Элис! Я не слышал, как ты подъехала. Проходи!»

Я поставила пакет с фруктами и соком на стол, а Шура тем временем счастливым голосом

громко объявил, что хотел бы представить присутствующим свою хорошую подругу — Эллис Парр. Я быстро улыбнулась расплывающимся перед моими глазами лицам, потом постаралась себя отвлечь и стала выгружать фрукты в пустую корзину, давая возможность своему рту расслабиться. Я опасалась, что у меня лицо задергается от тика, как бывало раньше.

Это продолжалось почти всю мою сознательную жизнь: когда меня представляли множеству незнакомых людей, крошечные мышцы по обеим сторонам моего рта начинало сводить, если я пыталась сдержать ненужную улыбку, пока на меня пялились со всех сторон. Я не могла узнать, видит ли кто-нибудь из окружающих мой тик, да и не намеревалась это выяснять. Только когда один из незнакомцев начинал подавать мне жесты или заговаривал со мной, напряжение спадало, и я получала возможность улыбнуться в ответ, но уже как будто бы спонтанно. У меня уже давно не было такого, но сейчас я почувствовала, как знакомо сжалось горло. Рисковать было бессмысленно.

Когда мгновение спустя я повернулась к гостям, я была уверена, что смотрела на них с приятным ожиданием, но без улыбки.

Я обменялась рукопожатием с пятью людьми, стараясь запомнить имя каждого из них, зная в то же время, что моя нервозность не позволит мне сделать это. Я с самого детства привыкла объяснять, что мне трудно запоминать имена с первого раза, но потом обнаружила, что это заблуждение, которое я разделила с немалой частью остального человечества.

Первой стояла Рут Клоуз, за ней — ее муж, Джордж. Рут была маленького роста, на несколько дюймов ниже меня, с приятным округлившимся телом и лицом, выражавшим доброту и душевное тепло; это было лицо матери. Ее черные волосы были коротко подстрижены и слегка покрылись сединой на висках. Когда она протянула мне свою руку, ее темные глаза, дружеские и вопрошающие, посмотрели прямо в мои.

Джордж, который был ненамного выше своей жены и такой же кругленький, наклонился ко мне с широкой улыбкой, его глаза искоса смотрели на меня из-за очков; он взял обе мои руки и с восторгом потряс их: «Здравствуйте! Так вы и есть Элис! Добро пожаловать в сумасшедший дом!»

С приветствием Джорджа мое напряжение испарилось. Неожиданно ко мне вернулась естественная способность улыбаться, и я поняла, что тик мне не грозит.

После Клоузов я поздоровалась с Ли Кэнтрелл, высокой, худой, похожей на девочку женщиной; ее орехового цвета волосы были перевязаны сзади голубой лентой. Карие глаза всматривались в мои, словно желая все обо мне разузнать. Я ощутила немедленную приязнь к этой спокойной, привлекательной женщине с чутким лицом.

Ее мужа Шура представил мне как «доктора Морриса Бенджамина Кэнтрелла, которого зовут просто Бен».

Бен сказал мне: «Добро пожаловать, Элис! Рад с вами познакомиться». Было похоже, что говорил он искренне. У него был звучный и теплый голос с оттенком авторитетности. Бен был плотным мужчиной с тонкими седыми волосами и умным, впечатляющим лицом. Очевидно, он был гораздо старше своей жены. Улыбаясь, он смотрел прямо мне в глаза.

Последним здоровался со мной Джон Селларс, стройный мужчина с гладкими розовыми щеками, которому, на первый взгляд, было не больше сорока лет. Лишь рассмотрев потом его поближе, я увидела у него на лбу и вокруг глаз множество тонких морщинок и поняла, что его соломенного цвета волосы уже почти все поседели. У Джона было неотразимое лицо — лицо бот-тичеллевского ангела средних лет с задумчивыми глазами.

Пока Рут мыла салат для обеда, она расспрашивала меня, где я живу, где работаю, как познакомилась с Шурой. Я охотно ей отвечала, улавливая в ее голосе участие и живейшее любопытство. Потом, отвечая на один из вопросов, я сообщила Рут, что у меня четверо детей.

Она сказала, что хотела бы иметь собственных, но не может. Я сказала ей, что удивлена, услышав такое, потому что она показалась мне женщиной, у которой много детей и которая всех их любит. Она ответила с тихим смешком: «Ну, я думаю, что компенсирую отсутствие собственных детей тем, что забочусь обо всех вокруг».

Тут голос Шуры позвал нас из столовой: «Ну ладно, народ, собирайтесь». Разговоры в доме умолкли. Мы столпились вокруг стола.

— Сегодня мы попробуем кое-что новенькое, — сказал Шура. — И это не просто новое вещество, но еще и представитель целого нового семейства. Я назвал его Алеф-2. Он оказывает максимальный эффект при дозе от четырех до восьми миллиграммов. Как я уже сказал всем вам по телефону, по-моему, воздействие продолжается относительно долго, около восьми-девяти часов. По крайней мере, у меня было именно так. Для тех из вас, у кого повышенная чувствительность, есть вероятность, что эффект будет держаться дольше. Поэтому я предложил вам захватить с собой спальные мешки.

Мне он не сказал ни слова про спальные мешки. Он даже не предупредил меня об эксперименте. Может, он не говорит о таких вещах по телефону. О, конечно! Вот что он имел в виду, когда сказал насчет пропущенного завтрака!

Ли сказала: ««Боже мой! Давненько мы не пробовали чего-нибудь новенького».

Джордж громко вздохнул и закатил глаза: «На какие только жертвы не приходится идти ради науки!»

На что Рут ответила: «Только если он не снижает аппетит, ведь я приготовила великолепный салат!»

— Тогда вы будете счастливы услышать, что это свойство не
входит в число его достоинств, — обнадежил ее Шура.

— Ура! — прокричал Джордж.

Началось обсуждение размеров дозы, подходящих для каждого участника группы. Я заметила, что Рут и Джордж сразу же согласились с предложением Шуры дать им четыре и пять миллиграммов соответственно. Хотелось бы знать, то ли они такие чувствительные к подобным наркотикам, то ли консервативно настроены, потому что этот препарат им еще неизвестен. Мне было любопытно посмотреть, выберет ли кто-нибудь из присутствующих максимальную дозу, упомянутую Шурой.

Ли тоже остановилась на скромных четырех миллиграммах, но вот ее муж попросил шесть. Джон задумчиво почесал в затылке, а потом сказал, что рискнет принять семь миллиграммов.

Шура записал выбранную каждым дозу на большом листе бумаги, после чего объявил: «Что касается меня, на этот раз я тоже буду семь миллиграммов. Я пробовал восемь, и эта доза оказалась крепковатой».

Затем Шура посмотрел через стол на меня. Я почувствовала, что краснею, и он ободряюще улыбнулся: «Элис, твое участие больше, чем приветствуется, но только если сама захочешь. В противном случае, просто побудешь с нами, не принимая препарат». Потом Шура добавил: «Не уверен, что ясно дал тебе понять, что сегодня у нас будет эксперимент».

Я покачала головой: «Да, ты ничего не сказал мне об этом, но ничего страшного. Я с большим удовольствием присоединюсь к вам, если это нормально».

Остальные разразились ободряющими возгласами.

Шура сказал мне: «Если хочешь попробовать, то позволь мне предложить тебе четыре или пять миллиграммов. Это небольшая доза, но ты должна ощутить воздействие во всей его полноте».

— Тогда пять, пожалуйста.

Шура попросил Бена помочь ему, и они вместе пошли в лабораторию, взяв с собой семь

разнокалиберных стаканов. Я присела на стул рядом с раздвижной стеклянной дверью, которая образовывала одну из стен столовой.

Какого черта я собираюсь принимать новый психоделик, да еще и в компании незнакомых людей? Я должна быть осторожной и вести себя очень хорошо. Они не знают меня. Я не хочу, чтобы они узнали обо мне слишком много и слишком быстро.

Ко мне подошла Рут. Она спросила: «Элис, у вас есть опыт с психоделиками?»

— Ну, много лет назад я пробовала пейот, а на прошлой неделе впервые принимала МДМА. Вот и все, — потом я припомнила еще кое-что. — О, однажды я покурила марихуану, но, боюсь, мне не очень понравилось.

Рут положила руку мне на плечо: «Ну, не волнуйтесь. Знаете, мы не кусаемся, и вам будет просто хорошо. Да уж, что за необычный и трудный способ знакомить человека с целой группой неизвестных ему людей, не так ли!» Я с удивлением уловила слабую неодобрительную нотку в ее голосе.

Я улыбнулась Рут и полностью с ней согласилась.

Ей не приходит в голову, что Шура должен был поставить меня в подобное положение. Впрочем, он предоставил мне возможность выбора. Он сказал, что меня здесь примут и без наркотика. Вероятно, он думает, что я взрослая девочка и сама могу делать выбор.

Вернулись Шура и Бен и осторожно поставили на стол стаканы, аккуратно закрытые сверху алюминиевой фольгой. На каждом из стаканов были написаны инициалы присутствующих. Рут принесла несколько бутылок сока.

Все собрались вокруг стола посмотреть на то, что там стояло. Каждый думал о своем. На мгновение наступила тишина. Потом кто-то громко вздохнул, и Шура спросил: «Ну, мы готовы?»

Ли ответила, что готовы, и взяла свой стакан, прочитав вслух написанное на нем: «Л.К., если не ошибаюсь». Шура протянул мне мой, и я увидела на дне стакана немного белого порошка. Я подняла глаза и встретилась взглядом с Джорджем. Сначала он мне улыбнулся, потом уставился на свой стакан и притворно задрожал, издав хрип пришедшего в ужас человека. Затем он снова взглянул на меня и очень серьезно сказал: «Я очень советую вам добавить сока; стряпня Шуры на вкус обычно оказывается абсолютно невыносимой, и бьюсь об заклад, это блюдо не будет исключением».

Я продолжала смеяться, наливая клюквенный сок в свой стакан.

Шура запротестовал: «Ничего ужасного тут нет; вкус — это часть индивидуальности наркотика, один из элементов, образующих его уникальность, его душу. Подумайте о том, чего вы лишаетесь, подумайте о том, чего никогда не узнаете…»

Джордж прервал эту пламенную речь еще одним стоном, выражающим содрогание. Рут хихикнула и похлопала Шуру по спине, а Ли сказала: «Да знаем мы, Шура, все знаем о прекрасных маленьких душах твоих наркотиков, и мы обнаружили, что им недостает аппетитности».

Мы перебрались на кухню и встали в кружок со стаканами в руках. Я стояла между Беном и Джоном и смотрела на Шуру, как и все остальные. Он сказал «ваше здоровье!», и все стали чокаться с пожеланиями «счастливого путешествия», «благослови вас», а мне говорили «добро пожаловать, Элис».

Первые признаки воздействия наркотика появились больше часа спустя, и случилось это у Джорджа.

Надев свитера и куртки, мы все вышли на улицу. Бен и Ли сидели на пострадавшей от непогод скамье из красного дерева рядом с домом. Рут стояла на другом конце кирпичной площадки, которой спереди был окружен весь дом, и беседовала с Шурой и Джоном. Я сидела

на большой подушке для пола. Кто-то притащил ее из гостиной. Джордж расположился неподалеку от зарослей плюща, прислонившись к громадному дубу, чьи корни начали пробиваться сквозь кирпичи мощеной дорожки.

Бен рассказывал мне о своем детстве, проведенном в Бруклине, и о том, как жизнь в нищете, или, как назвал сам Бен, «моя первая школа выживания», повлияла на всю его дальнейшую жизнь. От него я узнала, что он основал и возглавил отделение аспирантуры по специальности психология в каком-то городке на севере Залива. Бен называл свое детище институтом. У него был острый, проницательный ум и соответствующее чувство юмора.

В ответ я рассказала Бену о своем, правда, более коротком опыте жизни в нужде, о многоквартирном доме, где мы ютились вместе с Кристофером, о том, чему меня научила эта жизнь. Но я не упомянула о том, что на собственном опыте узнала значение термина «хроническое депрессивное состояние».

Тут внезапно со своего места у дуба заговорил Джордж, который с тех пор, как мы вышли из дома, не проронил ни слова: «Между прочим, кто-нибудь еще чувствует, как это начинает действовать? Должен сказать, что я чувствую!»

Откликнулась Ли: «Да, я тоже. Сильно». Она положила руку на бедро своего мужа и спросила: «Тебе не холодно, милый? Хочешь, принесу одеяло?»

Бен выглядел задумчивым, словно проверял себя впервые в жизни. Он ответил, что прекрасно себя чувствует и что ему не холодно. Ли поднялась со скамейки и пошла в дом. Я прислушалась к себе и пришла к выводу, что вышла из обычного состояния, как сказал бы Шура. Но изменения были слабые, пожалуй, как после одной стопки водки. Я позвала Джорджа и спросила, как он.

— О, — ответил Джордж напряженным голосом. — Трудно сказать. Ужасно много чепухи перед глазами; плющ идет волнами, не останавливаясь. Не возражал бы против пятиминутной передышки.

Появилась Ли с горой одеял разных размеров и цветов. Джордж сказал: «А, спасибо тебе, большое спасибо. Сейчас я не откажусь от парочки или даже пяти одеял». И схватил одеяло, которое протянула ему Ли. Джордж завернулся в одеяло и лег под дерево, свернувшись калачиком, как ребенок. Я поблагодарила Ли за одеяло, но сказала, что пока оно мне не нужно. Ли присоединилась к Бену. Она тоже обернулась одеялом, и было видно, что она дрожит. Муж положил ей руку на плечи и поцеловал в щеку.

Я спросила Бена: «А что чувствуете вы?»

— Ну, пока что мне кажется, что это спокойный, приятный препарат. Безусловно, его действие усилилось, пока мы с вами разговаривали, — он довольно усмехнулся. Я бросила взгляд в сторону Джорджа, которого теперь было не видно под одеялом.

Я приняла такую же дозу, что и он, но я ничего такого не чувствую. Хотя я ведь много разговаривала. Может, это одно из проявлений воздействия наркотика.

Я нажала на Бена: «У вас есть какие-нибудь зрительные эффекты?»

— Да, я должен сказать, что перед глазами много движения. Я понял это сейчас, после того как обратил на это внимание.

Я услышала, как позади меня по кирпичам зашаркали Шурины сандалии. Он подошел к Бену и Ли и наклонился к ним, чтобы всмотреться в их лица. Он спросил: «Ну, как все идет? Что вы чувствуете?»

— Все очень мило, в самом деле, — сказал Бен. — Он показывает свои возможности, Шура. Немного изменилось зрение, телу приятно, довольно сильный эффект. Я бы сказал, что он тянет на плюс три.

— У меня тоже, — ответил Шура. Он положил руку на укрытое одеялом плечо Ли. — Как

ты, детка?

— Сейчас эффект довольно интенсивный. К тому же мне очень холодно. Я дрожу не переставая, но уверена, что все уляжется через некоторое время. На мой взгляд, это очень сильный плюс три, и я надеюсь, что он смягчится хоть чуть-чуть. Я пока потерплю и не буду много разговаривать.

Позади меня встала Рут, обхватив себя руками, чтобы прижать свитер плотнее к телу. «Для разнообразия скажу, что он оказался не очень сильным для меня. Приятный, хотя не уверена, что могу точно сказать вам, что со мной происходит. Просто совершенно очевидно, что я вышла из нормального состояния», — Рут улыбнулась, потом пошла к заросшему плющом холмику и вскарабкалась туда, поближе к Джорджу.

Шура сел на корточки передо мной. Его глаза потемнели, стали текучими. Зрачки расширились, и я поняла, что мои, должно быть, тоже. Его лицо светилось от искреннего удовольствия. Я улыбнулась ему; глядеть на это открытое лицо можно было только с улыбкой.

Я сообщила Шуре: «У меня относительно слабый эффект, скажу для разнообразия. Приятное, расслабляющее чувство, но всего лишь… ну… как от одного коктейля, вот и все».

Шура выглядел озадаченным и спросил у меня:

— Сколько я тебе дал? Пять?

— Да, пять.

— Джону довольно легко, Рут тоже; у Бена эффект средней силы, у Ли — очень сильный, а… — он посмотрел в сторону Джорджа, — Джордж окукливается, как я вижу. Джордж? — Шура поднялся и взобрался на холм. Джордж что-то пробормотал из-под одеяла. Шура похлопал его и спустился вниз, оставив его на попечение Рут.

— Вот зачем нужна исследовательская группа, — сказал мне Шура, засунув руки в карманы своей вельветовой куртки. — Но должен сказать, воздействие этого препарата трудно определить. Похоже, что пока реакция на него самая разнообразная, ужасный разброс.

Он снова нагнулся ко мне и спросил: «Тебе нравится то, что ты чувствуешь, или же ты предпочла бы попробовать принять добавку в размере двух миллиграммов? Просто посмотреть, увеличит ли она эффект».

Я без колебаний ответила:

— Я не возражаю против усиления, если ничего плохого не будет.

— Я отмерю тебе еще два миллиграмма. В итоге твоя доза достигнет размеров моей, и, разумеется, эффект усилится.

Я пошла за Шурой в дом. На кухне он выдержал паузу, держа в руке приготовленный для меня стакан, и тихо спросил меня: «Ну как?»

— Очень хорошо. На самом деле, прекрасно. Я хорошо поговорила с Беном, и он мне действительно нравится.

— Да, мы с Беном прошли долгий путь. Наши отношения похожи на братские. Думаю, у нас у обоих нет родных братьев. Я рад, что вам представилась возможность поговорить с ним. — Тут Шура улыбнулся:

— Я собираюсь приготовить твой стимулятор. Вернусь в мгновение ока.

Я послонялась по гостиной, увидела еще две большие подушки на ковре за пианино и вытащила их наружу. Джордж по-прежнему лежал под деревом, закутавшись в одеяло. С ним рядом лежала Рут и что-то нежно ему шептала. До меня доносились лишь какие-то слабые звуки, которые подавал Джордж. Я задумалась, что за трудности у него могли случиться.

Впрочем, я его не знаю; вообще никого из них не знаю. Может, во время экспериментов Джордж всегда свертывается калачиком в одеяле. Может, Ли всегда дрожит от холода.

Я не могла понять, почему так относительно спокойно отреагировала на наркотик. Хотя

всегда существовала вероятность того, что моя потребность в сохранении самоконтроля перекроет все остальное. Невозможно объяснить. Возможно, два дополнительных миллиграмма изменят ситуацию.

Шура принес мой стакан, долив туда немного сока. Я поблагодарила его и выпила содержимое стакана. Шура пошел к Джорджу и Рут.

Я обнаружила, что беседую с Джоном Селларсом. Он вежливо, по-дружески расспрашивал обо мне и сказал, что по профессии он антрополог. Потом мы выяснили, что оба любим искусство: он, по собственному выражению, оказался вечным студентом и критиком, а я всю жизнь рисовала. Мы с живым интересом обсудили коллекцию Брандейджа в парке «Золотые ворота». Для этой коллекции сделали целую пристройку к зданию, где хранится несколько величайших шедевров восточного искусства, известных всему миру. Я рассказала Джону о том, как много лет назад, когда я была под пейотом, вид статуи сидящего Будды над садом японской чайной церемонии пронзил мое сердце. В свою очередь Джон поделился со мной своим опытом в Оклендском музее. Он тогда находился под воздействием одного из Шуриных препаратов и был околдован голубыми и красными лошадьми Франца Марка.[58]

Интроверт, подумала я о своем собеседнике. Медленно начинает доверять новым знакомым. И все-таки казалось, что он ценит мои ответы. У него была удивительно приятная мимолетная улыбка.

Наконец, я поднялась в ванную комнату. Мимо меня прошла Ли. Она протянула мне руку, и я взяла ее. Она посмотрела на меня и улыбнулась с теплотой, в которой нельзя было ошибиться. Я почувствовала такой сильный прилив признательности к ней, что у меня от слез перехватило горло. Когда я пожала ей руку, она отпустила меня и опять пошла уединяться со своим одеялом.

Через несколько минут я в одиночестве села на диван. Мое состояние по-прежнему всего лишь ненамного отличалось от обычного, несмотря на добавочную дозу. Ко мне пришел Бен и примостился на скамеечке для ног. Он наклонился вперед, сцепив руки, лицо посерьезнело.

— Я надеялся, что у меня появится возможность поговорить с вами наедине, — сказал Бен. — Я подумал, наверное, вам было бы интересно услышать еще чье-нибудь мнение о нашей девочке, об Урсуле.

— Да, — сказала я, удивившись. — Конечно, интересно.

— Я собираюсь говорить с вами довольно откровенно, безоколичностей, — начал Бен. — Она привлекательная молодая женщина, яркая, обворожительная и очень сильно манипулирует людьми. Она полностью ослепила Шуру; он не может видеть, какая она есть на самом деле, и, разумеется, он не захочет говорить на эту тему ни с кем, кто не боготворит землю, по которой ходит его Урсула. Так получилось, что я еще раньше познакомился с таким типом женщин. У Шуры было относительно мало женщин в жизни, и, без сомнений, такие ему не попадались. Конечно, у него нет опыта общения с людьми разного сорта, опыта, который есть у практикующего психолога. Поэтому бессмысленно ожидать, чтобы он понял, с какой проблемой он столкнулся. Боже мой, в чем дело? Она ему не нравится! Урсула ему не по душе! Я кивнула Бену, мои глаза были прикованы к нему.

— Урсула — это, как бы получше сказать, такая женщина, которая, если ее влечет к мужчине, интуитивно чувствует, каких эмоций ему не хватает. В ней просыпается непреодолимое желание стать для этого мужчины такой женщиной, которая ему нужна. Вероятно, каждый раз она убеждает себя, что это настоящая любовь, но сомневаюсь, что она способна ощутить то, что большинство из нас считает подлинной любовью. У адептов Юнга есть такой термин — «женщина-анима». У такой женщины не очень устойчивая самоидентификация. Как у многих великих актеров, ощущение цельности собственной личности приходит к ней вовремя игры своей роли, она как бы заимствует это ощущение на время. В

данном случае она играет роль музы, вдохновения, обожаемой женщины-мечты. Она делает реальной фантазию, и можете представить, какое потрясающее эмоциональное вознаграждение она получает, играя эту роль, пока длятся ее отношения с мужчиной. Но, разумеется, все продолжается лишь до тех пор, пока в ее жизни не появляется другой нуждающийся в ней привлекательный мужчина.

Кстати, все это происходит совершенно бессознательно; не думаю, чтобы у Урсулы была хоть малейшая догадка насчет ее деяний и причин, заставляющих ее поступать именно так. Или, раз на то пошло, вряд ли она подозревает, почему мужчины, к которым ее влечет, всегда оказываются женатыми. Когда наступает пора развивать отношения дальше, она объявляет им, и, не исключено, что верит в это сама, что все кончено, поскольку она не может жить, сознавая свою ответственность за разрушенный брак.

Я сидела, оглушенная, и слушала Бена.

— Когда она впервые присоединилась к нашей группе, мы долго с ней беседовали, перед этим приняв препарат, который дал нам Шура. И она немало рассказала мне о своих отношениях с женатыми мужчинами; она рассказала мне больше, чем намеревалась. Это была изощренная попытка выставить себя с лучшей стороны под видом беседы о своих проблемах с мудрым, симпатичным психологом, вы понимаете?

Он быстро улыбнулся мне.

— Со временем я сложил разрозненную информацию в одну картину и понял, с кем имею дело. К этому моменту, — хихикнул Бен, — она перестала делиться со мной подробностями своей личной жизни. Я понял, что в моем присутствии ей становится неловко. Внешне это было незаметно, слишком явно она меня не избегала, но тем не менее… — Бен сделал паузу и добавил: — Как я уже говорил, у нее превосходная интуиция.

Я закурила, заметив, что мое тело слегка дрожит. Ощущение было на редкость приятным. Между тем Бен продолжал:

— Побудительные мотивы такого психологического явления лежат глубже, и я не хочу вдаваться в детали. Но есть одна вещь, которая меня особенно беспокоит. На мой взгляд, Урсула просто-напросто не способна на подлинную привязанность к кому бы то ни было. Как я говорил, она будет играть свою роль какое-то время — пока ей не встретится кто-нибудь еще, кого она сочтет привлекательным, другими словами, у кого в душе будет пустота, молящая о том, чтобы ее заполнили. И тогда она примет этот новый вызов.

— Именно это и случится с Шурой. Я в этом уверен. Я знаю это! Я его очень сильно люблю, понимаете, мы все его очень любим, а рано или поздно ему придется страшно страдать. Вот почему я даже не могу выразить, насколько я рад вашему присутствию здесь. Я не знаю, какие у вас с Шурой взаимоотношения, но ясно, что вы за ним присматриваете, и я надеюсь, что, хм, вы будете поблизости. Чтобы смягчить удар, когда он придет; чтобы дать ему что-нибудь реальное, за что он мог бы зацепиться, когда фантазии начнут рассеиваться. А это, я уверен, случится в скором времени, поскольку Урсула обнаружила, что ее теперешний партнер совершенно неожиданно стал свободным и предложил ей жить вместе. Ее призвали к ответу.

О, вы прелестный человек! Тучи расходятся надо мной. Сквозь облака пробивается солнце. Двадцать тысяч чирикающих пташек дерут свое чертово горло!

Я ответила:

— На самом деле, Бен, знаете, Шура уже несколько разговорил мне, что он начинает сомневаться в том, что она когда-нибудь попросит развода у своего мужа, как она обещает. У него появилось несколько циничное отношение ко всем обещаниям, которыми она продолжает его кормить. Он понимает, что некоторые вещи просто не стыкуются, не имеют смысла, как, например, поведение ее мужа. Шура говорит, что, когда он звонит в Германию и трубку

поднимает Дольф, то он разговаривает с ним как ни в чем не бывало. Дольф по-прежнему относится к Шуре так, как если бы они были лучшими друзьями. От обманутого мужа сложно такого ожидать, не так ли?

Бен смотрел на меня и время от времени кивал.

— Быть может, интуиция подсказывает Шуре то, что не хочет признать его разум, — продолжила я. — В противном случае, с чего бы он позволил мне войти в свою жизнь, хотя бы так непрочно? Я не перестаю задаваться этим вопросом — ну почему, если он так сильно любит Урсулу? Ведь ему известно, что… — я заколебалась, не испытывая уверенности в том, что могу доверить Бену эту информацию, но потом поняла, что он все равно уже догадался. — Я влюблена в него. Я говорила ему это, я дала ясно ему понять. Возможно, мои чувства не отпугнули его, потому что он уже почувствовал какие-то намеки…

— Вы облегчили мне душу. Спасибо, что рассказали мне это, — сказал мне Бен. Потом он пожал плечами и добавил: — Конечно, я могу ошибаться; Урсула еще может удивить нас обоих. Но не думаю. Не мог я ошибиться на ее счет.

Около минуты Бен пристально разглядывал свои сцепленные руки, затем улыбнулся мне и сказал: «Желаю вам удачи. И еще — побольше отваги. Шуру нелегко понять, и, может быть, он не относится к тем людям, с кем легко жить. Но за него стоит побороться. По крайней мере, я так считаю. Впрочем, я ведь не влюбленная в него женщина, и мне не угрожает такая боль, какая может поразить вас в этой ситуации».

В нашу сторону шла Рут. Я почувствовала, что она горит желанием узнать, что тут происходит, но она всего лишь помахала нам и пошла дальше, на кухню.

— Спасибо вам, — поблагодарила я поднимавшегося со скамейки Бена. — Разумеется, все сказанное вами я оставлю при себе. Это действительно помогает, когда слышишь мнение другого человека, что-нибудь кроме того, какая Урсула замечательная, чуткая и умная. Особенно если учесть, что у меня не было возможности оценить ее лично.

— Я рад, что вы здесь, Элис, — сказал Бен. Он крепко сжал мне плечо и пошел на улицу к остальным.

Я долго сидела на диване, прокручивая в голове только что состоявшийся разговор слово за словом и рассеянно куря сигарету.

Вся вселенная сместилась со своего привычного места. Реальность сдвинулась.

Ранним вечером мы собрались все вместе поужинать. Джордж тоже сидел за столом, по-прежнему обернутый одеялом, и предпринимал героические попытки поддержать беседу. Он улыбнулся мне дрожащими губами и произнес: «Должен сказать, этот день преподнес мне сюрприз, которого я никак не ожидал. Похоже, я оказался капельку чувствительней к Алефу-2, чем все вы. Порой это случается».

С Джоном вроде бы все было в порядке; он черпал ложкой приготовленный Ли суп и вспоминал с Шурой и Беном прошлые эксперименты. Рут и Ли смеялись, временами добавляя забытые мужчинами подробности. Рут то и дело посматривала на Джорджа, который принялся за суп с хлебом. Еда очевидно пошла ему на пользу; я подумала, что он постепенно приходит в себя.

Наконец, Шура откинулся на спинку стула, громко рыгнул и после осуждающих восклицаний и свиста сказал: «Настало время подводить итоги, да? Бен, почему бы тебе не сделать это первым?»

— Для меня хороший день, — сказал Бен. — Хороший разговор. Приятные ощущения в теле. Не могу припомнить и намека на беспокойство — ни в физическом, ни в психическом смысле. Плюс три и общая положительная оценка.

Шура делал записи. Он повернулся и указал на Джона.

— У меня тоже все хорошо, хотя я чувствовал свет. Еще была легкая дрожь какое-то время, но ничего неприятного, просто как-будто я чувствовал приток энергии. Никаких темных закоулков. Никаких особенных прозрений, хотя я был слишком увлечен беседой, чтобы углубляться в себя. Для меня это был дружественный препарат. Что еще? О, да. Я бы поставил ему плюс два, совершенно точно. И я бы был не против принять его еще раз.

Подошла очередь Ли. «Большую часть времени я жутко мерзла. Честно говоря, я только-только начала отогреваться. Наверное, пища помогла. Что касается озарений, ну, — она помолчала, — кажется, я не очень много разговаривала, поэтому пересмотрела некоторые происходившие недавно вещи, — сложные отношения с неким профессором, парочку неплохих дискуссий, которые состоялись у меня с другими людьми, — в общем, все в таком духе. Я смогла взглянуть на эти вещи по-новому и заметить кое-что, что было недоступно мне прежде. Так что я должна сказать, что прозрение было, да, было». Она с ехидцей рассмеялась: «Конечно, может быть, наркотик здесь вовсе ни при чем. Может, я просто дала себе возможность спокойно посидеть и хорошо подумать. Сейчас я чертовски занята, и я просто забыла, что должна обязательно выкраивать время на раздумья о том, что со мной происходит».

Шура хихикнул: «Так было не у всех, милочка, не у всех!» Ли закончила: «Я бы дала плюс три, довольно сильный препарат, единственный минус — то, что испытываешь холод; в доме мне было так же холодно, как и на улице. Казалось, я нигде не могла согреться. Если отбросить холод, то, в основном, все нормально, но гораздо больше я повеселилась с другими веществами».

— Я поддерживаю это мнение, — отозвалась Рут. — Для меня это тоже был нормальный препарат, но с ним было не так весело, как с другими. Конечно, я еще немного волновалась за Джорджа, и, возможно, это беспокойство сказалось на моем состоянии. Я бы сказала, что это было не больше, чем на два с плюсом, и, сказать по правде, я не уверена, что очень хочу повторить этот опыт.

Мы засмеялись.

Шура наставил свою ручку на меня, так что я глубоко вдохнула и доложилась: «Я вышла из привычного состояния, но не слишком сильно. Даже после добавочной дозы я не смогла почувствовать ничего, кроме приятного расслабления, словно после одной порции водки с соком».

Шура сделал пометку и сказал: «Я поставлю плюс один».

— Впрочем, думаю, что я много говорила, — добавила я. — И я забыла о своем страхе перед тем, что подумают обо мне лучшие Шурины друзья.

На лицах присутствующих появились приветливые улыбки, и за столом пронесся шепот одобрения. Даже Джордж улыбнулся и хриплым голосом произнес: «Аи да молодец!»

Не совсем правда. Я по-прежнему гадаю о том, что они думают обо мне. Но я больше не напугана до смерти, просто испытываю обычную повседневную тревогу вроде того-что-там-еще-случится.

Слово взял Шура: «Я хорошо провел время. Плюс три, с телом все замечательно, ум работает блестяще, мысли отточенные, наблюдения глубокие — как обычно, мог бы я добавить».

В ответ на эти слова раздалось громкое улюлюканье и фырканье. После того, как шум стих, Шура продолжил: «Не помню никаких особенных прозрений, но я был слишком занят, обмениваясь вольными сказочками и теплыми воспоминаниями большую часть времени, чтобы затрудняться их поиском. Впрочем, думаю, что семь миллиграммов — это мой предел, больше я не захочу».

Шура снова что-то записал, потом посмотрел на Джорджа. «Сегодня у тебя была перегрузка, дружище. Прости. Плюс три и слишком сильный зрительный эффект?»

— Да, и я бы еще уточнил, — сказал Джордж, чей голос уже окреп. — Действительно,

около плюс трех, но даже с закрытыми глазами я не мог остановить движение. Вы знаете, что обычно я люблю зрительные эффекты, но этот оказался настолько мощным, что меня почти затошнило.

— Не могу понять, — пробормотал Шура. — Такой разброс очень необычен; у Элис едва плюс один при общей дозе в семь миллиграммов, а ты места себе не находил после пяти. Похоже, мне следует быть осторожным с остальными Алефами, если окажется, что такое разнообразное действие характерно для всего семейства.

Через час я уже была готова ехать домой и чувствовала себя абсолютно нормальной, в трезвом уме, вернувшейся в обычное состояние.

Рут с Джорджем согласились остаться переночевать на большом мате, который Шура расстелил для них на полу в гостиной.

Джон готовился к отъезду. Он сказал, что чувствует себя хорошо и вполне способен вести машину. В то же время он продолжал оживленно беседовать с Шурой и Клоузами — было очевидно, что он не хотел, чтобы этот день закончился.

Бен и Ли уже уехали. На прощание они обняли меня, и Ли выразила сожаление по поводу того, что ей не удалось по-настоящему поговорить со мной. Но она пообещала компенсировать это упущение в следующий раз.

Я попрощалась с оставшимися. Когда мы с Шурой стояли рядом с моей машиной, я взяла обеими руками его лицо и поцеловала его в лоб, подозревая, что за нами наблюдали из дома. Я сказала ему: «Спасибо. Это был очень хороший день, хотя наркотик не так сильно на меня повлиял».

Шура заключил меня в свои объятия и сказал, что вскоре проявится. И еще он поблагодарил меня: «Спасибо, что оказалась такой смелой и так грациозно прошла через все это».

По дороге домой я смаковала слово «грациозно», перекатывая его в уме. В конце концов, я решила, что на вкус оно напоминает превосходный карамельный крем.

Проезжая через мост Сан-Рафаэль, я послала мысленное сообщение.

Всем сердцем благодарю тебя, Бен. Да благословит тебя Господь. Спи спокойно.

Лишь приехав домой и выйдя из машины, я вспомнила о голубой ночной сорочке в пакете для покупок и рассмеялась.

В следующий раз. С Божьей помощью, в следующий раз.

Глава 24. 2С-Б[59]

Так получилось, что решающий ответ, который, как надеялся Шура, раз и навсегда прояснит, выполнит ли Урсула свои обещания, пришел ему в письме. Вопреки ожиданиям Шуры, этот ответ оказался не настолько твердым и окончательным, однако достаточно убедительным, чтобы воскресить в нем надежду. Он позвонил мне в четверг, чтобы зачитать отрывки из письма.

В письме были и страстное желание, и печаль. Урсула уверяла Шуру, что Дольф знает, что их браку пришел конец и она скоро оставит его. Вместе с тем, она предупреждала, что эмоциональное и психическое состояние ее мужа довольно нестабильное. Порой она опасается, что он может потерять контроль над собой и «совершить что-нибудь ужасное», если она не сгладит его боль и не убедит Дольфа в ценности его собственной личности. «Прежде чем я от него уйду, — писала Урсула, — в душе он должен понять, что я всегда буду беспокоиться за него и что во всем случившемся его вины нет». Урсула умоляла Шуру поверить, что разрыв с мужем не займет много времени. Она должна поступить именно так и разойтись с супругом полюбовно. «Иначе, — заключала она, — наше блестящее будущее будет омрачено чувством вины».

Я сама начинала верить ей.

— Ей свойственно сострадание, — сказал Шура. — Безусловно, я могу понять, почему она хочет закончить свои отношения с мужем как можно мягче, хотя лично я не думаю, что это самый мудрый способ.

После прочтения письма Шура спросил, не хотелось бы мне приехать на Ферму в пятницу после работы, чтобы остаться у него на выходные. Я поколебалась всего лишь секунду, прежде чем ответила, что с огромным удовольствием приму его приглашение.

В пятницу вечером мы с Шурой приняли наркотик под названием 2С-Б, который Шура определил как один из своих любимых препаратов и одно из лучших своих открытий. Он сказал, что этот психоделик действует относительно недолго — примерно часов пять-шесть.

— В отличие от МДМА, — объяснил мне Шура, — этот препарат обостряет все чувства. Ты будешь наслаждаться едой, запахами, цветом и осязанием. Прикосновение к коже, например, — тут он взглянул на меня с невозмутимым выражением лица, — и прочие стороны сексуального контакта принесут с собой немало удовольствия.

Я кивнула в ответ, сохраняя такое же серьезное выражение лица.

— Большинство людей не могут достичь оргазма после приема МДМА, однако 2С-Б не ставит таких ограничений, в чем, надеюсь, ты убедишься сама. — Шура попытался изобразить нечто похожее на вожделение, и я расхохоталась при виде его смешной физиономии.

— Думаю, для начала мы попробуем небольшую дозу, — продолжил ничуть не смутившийся Шура. — На мой взгляд, восемнадцать миллиграммов даст тебе эффект на три с плюсом и при этом не приведет в замешательство. Я приму столько же.

Он выдал мне бокал для вина, на дне которого белело совсем немного порошка, после чего долил туда чуть-чуть воды, сказав: «Это вещество медленно растворяется; поэтому здесь нужна теплая вода». Залив белые кристаллы порошка водой, Шура вернул мне бокал и попросил подождать. Мы тщательно взбалтывали содержимое бокалов, пока белые частицы полностью не растворились.

Затем Шура сказал: «Я хочу, чтобы ты попробовала этот препарат сейчас, до добавления сока, просто чтобы почувствовать его на вкус в чистом виде, потому что вкус — это одна из граней характера наркотика. Пусть даже ты попробуешь его без сока один-единственный раз».

Я улыбнулась, вспомнив, как Ли поддразнивала Шуру маленькими душами наркотиков.

Я сделала маленький глоток. На вкус 2С-Б был совершенно не похож на МДМА, но не менее отвратительный. Так что я сказала: «Да! Сожалею, но мне придется добавить сока».

— Нет проблем, — ответил этот спартанец. — В холодильнике есть яблочный сок. По крайней мере, теперь ты знаешь, какой вкус спрячешь под соком.

— Уж конечно, — сказала я. — Это незабываемое воспоминание не оставит меня долгое, долгое время, поверь мне!

Я переоделась в халат и в течение всей переходной фазы (это время между первыми признаками начинающихся под воздействием наркотика изменений до вступления его в полную силу) спокойно сидела на диване. Шура сообщил мне, что переход может занять от сорока пяти минут до часа, а само действие наркотика длится около трех часов.

Я сказала Шуре, что хотела бы прочувствовать переход сама, и поэтому он ушел в кабинет поработать. Спустя полчаса я отправилась в ванную комнату, где все приготовила заранее. Забралась в ванну, наполненную теплой водой, и стала знакомиться с природой 2С-Б и его проявлениями в моем теле и разуме. Прежде всего, я заметила легкое движение висевших рядом с раковиной полотенец для рук и слабое мерцание зеленой занавески для душа. Зрительные эффекты, подумала я; удивительная терминология. Через несколько минут я поняла, что, хотя с моим телом было все в порядке, про остальную часть себя я этого сказать не могла; казалось, передо мной проходили мои худшие недостатки — неаккуратность, неорганизованность, ненадежность. Я видела их один за другим, словно они проходили парадом. Во мне стал закипать гнев и подниматься презрение по отношению к этому жалкому шествию, когда, выдав резкий комментарий, вмешался мой Наблюдатель.

К тому же, разумеется, мы обладаем самым худшим из недостатков — постоянно осуждаем и не прощаем себя. Тебе даже в голову не придет так обращаться с кем-нибудь из друзей; что дает тебе право относиться к себе с меньшим терпением и сочувствием, чем к другу? Бросай это дело!

Чувство юмора медленно возвращалось ко мне.

Хорошо, хорошо. Я справлюсь.

Выбравшись из ванны, я почувствовала в теле то, что назвала вибрацией энергии. Это было довольно приятное ощущение.

Я надела под халат свою чудесную, сексуальную французскую сорочку бледно-голубого цвета.

В спальне я осмотрела комоды, шторы, напольную плитку и с удовольствием отметила, что мысль о том, что здесь уже побывала Урсула, перестала казаться мне важной. Я была в другой реальности, и она не имела ничего общего с той, где была Урсула.

Одетый в халат Шура растянулся на кровати. Он спросил у меня: «Как ты себя чувствуешь?»

— Ну, лучше, чем раньше. Какое-то время я переживала все свои худшие стороны и одновременно была и заключенным на скамье подсудимых, и судьей, но это прошло.

Шура заметил: «С восемнадцати миллиграммов передозировки быть не должно, если только у тебя не окажется повышенной чувствительности к данному препарату».

Я заверила его, что прекрасно себя чувствую. Никакой передозировки.

— А как твои ощущения? — поинтересовалась я.

— Восхитительно!

Когда я сняла свой халат, Шура посмотрел на меня и спросил: «И что ты собираешься делать в сорочке?»

— Что ты имеешь в виду, спрашивая у меня, что я собираюсь делать в сорочке? Это моя единственная лучшая и самая сексуальная сорочка, и предполагается, что она сразит тебя

наповал!

Шура сбросил халат и сказал: «Не верю я в то, что в постели надо лежать одетым. Как можно ощутить кожу другого человека, когда ты с ног до головы упакован вот в такое одеяние? Кроме того, ночью всегда в нем запутываешься».

Вздохнув, я позволила бледно-голубому шелку соскользнуть с моих плеч и упасть на пол.

Шура выключил ночник, оставив из освещения лишь подсвеченную шкалу на радиоприемнике. А я тем временем забралась на кровать и улеглась на спину, чтобы оценить потолок Шуриной спальни, который оказался бледно-кремового цвета. Неожиданно Шура лег на меня. Словно со стороны я услышала свое сбившееся дыхание, когда его язык проник в мой рот. Я закрыла глаза и ответила на поцелуй.

Внутренним зрением я видела голубые небеса за огромной крепостной стеной; я знала, что где-то справа возвышаются сторожевые башни, хотя и не могла их видеть. Я стояла в траве, вблизи росло несколько маленьких маргариток и множество одуванчиков. Оказалось, что высившаяся передо мной стена построена из желто-коричневых камней, поросших мхом. Рядом с ней я чувствовала себя совсем крохотной, почти малюткой. У меня было такое чувство, что все это мне смутно знакомо, и это ощущение не было ни приятным, ни отталкивающим; это был мой мир, мир, в котором я жила. Здесь было одно место, которое я считала своим. Я знала, что любила играть там, где стена уходит в высокую траву. Туда я и направилась. Взобравшись на холм, я пошла по траве, мимо луговых цветов.

Потом я вспомнила, где я была на самом деле, то есть в обычной жизни, чем занимались мой язык и горло и что страстный рот Шуры вытворял со мной. Я была в постели с мужчиной, которому принадлежала и который принадлежал мне. И мы занимались любовью под легкое гуденье небольшого напольного обогревателя и музыку Бетховена.

Но вот новый образ захватил меня. Он был соткан из всех возможных оттенков красного — кораллового и розового, пурпурного и бордового. Цвет принял форму тела, гладкого, скользкого и сильного. Мы были Мужчиной и Женщиной, Шивой и его невестой, увлеченными Великим танцем: мы сходились и расходились, чтобы сойтись вновь. Мы слились в один узел огромной сети, связавшей нас со всеми остальными людьми в мире, которые занимались любовью.

Мы стали той Точкой, куда стремятся все линии жизни, Точкой, откуда исходят все линии жизни.

Казалось, что кое-где на красном фоне мелькает золото. Нас окружала вечность, поэтому мы не двигались, наши губы и руки замерли. Мы были. Нас ничто не разделяло.

После мы накинули халаты и пошли на кухню. На плите стояла кастрюля с супом из черных бобов, который я принесла из дома. Оставалось добавить в суп немножко хереса и приправ. Я включила плиту и оперлась на покрытый кафелем стол, дожидаясь, когда Шура вернется из ванной. Теперь воздействие 2С-Б выражалось лишь в виде легкой пульсации энергии внутри моего тела. Я замечала ее, если специально обращала внимание. Ножки красного кухонного стола светились, и вся кухня казалась живой от наполнявшего ее мягкого света.

Внезапно около стола возникло нечто. Оно было размером с человека, темного, черно-коричневого цвета. Я не могла разглядеть его черты. Физического присутствия не ощущалось, но чувствовался чужой разум. Я поняла, что это нечто с презрением улыбается мне, являя собой воплощение умышленного зла, обладающего силой.

Это был Враг. Я уставилась на него, гнев затопил меня.

Какого черта ты здесь делаешь? Убирайся отсюда! Ты не можешь дотронуться до меня. Я наполнена добротой и миром, и я обладаю силой десятерых, потому что в сердце моем чистота, как сказал Ланселот. Или Гавейн,[60] или еще кто-то там.

Темная, похожая на человека фигура по-прежнему оставалась на своем месте в намеренно

небрежной позе, наслаждаясь моей злостью и излучая превосходство.

То, что я сделала потом, внушило мне знание, которого не было в моем сознании. Я стала понимать, что борьба и противостояние были духовной ловушкой. Чтобы уничтожить этого врага, я была должна использовать его же оружие, играть по его правилам и на его поле. Я также догадалась, что он преуспел в подобных играх гораздо больше, чем я. Но я вовсе не хотела научиться в них играть.

Я сделала единственную вещь, какую только могла сделать: закрыла глаза и сложила руки так, словно прижимала к своей груди ребенка. Я нарисовала в воображении этого ребенка, которого обнимала, — просто образ ребенка. Я выбросила темную фигуру за пределы собственного мира и полностью сосредоточилась на воспоминании о том, что значит любить, заботиться, кормить, прогонять страдание и боль. Я стояла на кухне и позволила любви наполнить себя. В тот момент существовало лишь это явление любви, и я погрузилась в него всем своим существом.

Когда я, в конце концов, открыла глаза, сгусток темноты уже исчез.

Пришел Шура, и я разлила суп в тарелки, попросив его достать ложки. Мы отправились в гостиную, где я усадила Шуру и объявила, что буду знакомить его с телевидением. Постепенно, пообещала я. Никаких крайностей. Что-нибудь восхитительное и английское, вроде шоу «Вверх-вниз», которое он должен увидеть хотя бы раз в жизни.

Шура скептически хмыкнул, но протестовать не стал. Через несколько минут просмотра он увлекся и пришел в полный восторг, на что я и надеялась.

Я уселась в свой любимый уголок на диване и решила поразмышлять о том, что случилось на кухне, прежде чем рассказать об этом Шуре. Мне что-то открылось, но потребуется какое-то время, чтобы узнать что именно.

Кое-что здесь все-таки очевидно. Если ты будешь отвечать злу ненавистью, то проиграешь. Ненависть принадлежит темной стороне сущего. Да, искушение поступить именно так очень велико. Тебе хочется напасть на противника, поразить его, подавить, уничтожить. Но все эти эмоции — это его оружие. Может быть, полученный урок заключается в том, что, если ты действительно хочешь сказать твердое «нет» тому, что этот темный, неясный образ представляет, ты должна отказаться от прямого противоборства с ним. Ты просто становишься тем, чем он не является, — любовью. Ты воплощаешь собой любовь. И стоит тебе сделать это, как он исчезает, и получается, что его вообще никогда и не было.

Когда мы с Шурой легли спать, прижавшись, друг к другу, я сказала ему: «Спасибо тебе за этот опыт с 2С-Б. Он был очень необычен. Я опишу свои ощущения завтра утром, обещаю, и отдам копию тебе».

— Молодец, — похвалил меня Шура. Мы засыпали под лившуюся из радиоприемника мелодию Моцарта и щебетанье пересмешников за окном спальни.

Глава 25. Драконы

В наших отношениях установился новый порядок. Шура звонил мне на неделе, почти каждый вечер, чтобы просто поговорить. Он рассказывал о судебных заседаниях, в которых он участвовал в качестве свидетеля-эксперта, описывал мне адвокатов и судей; рассказывал он и об университетской политике, о главах университетских отделений и о студентах, которым он преподавал; он рассказывал о том, чем занимался в своей лаборатории, и свободно использовал в разговоре химические термины, понимая, что в такой информации мне будет доступна лишь, как говорил сам Шура, «музыка». Он прекрасно знал, что я ничего не смыслю в химии, но обязательно попрошу его пояснить, если понадобится. Он делился со мной и тем, что происходило у них с Урсулой в свете их переписки, причем говорил об этом суховатым тоном.

В свою очередь, я рассказывала ему о детях, о книге, которую читала в данный момент, слегка затрагивала и работу — эта тема была настолько гнетущей для меня, что я не могла с легкостью обсуждать ее, а потому избегала говорить о своей работе слишком много. Как старый друг, я слушала отрывки из писем Урсулы с описанием ее забот и проблем, которые зачитывал мне по телефону Шура. Я вслушивалась в его голос, улавливая в нем все изменения и невольное напряжение. Я старалась не произносить ничего резкого и негативного.

Потом, ближе к выходным, он приглашал меня на Ферму после работы в пятницу, если у меня был рабочий день. Я отвечала, что с удовольствием приеду, словно его приглашение было для меня приятным сюрпризом. Никогда нельзя знать наверняка, напоминала я себе, потому что это может прекратиться в любую минуту и прекратится, как только «мисс Германия» решит устроить себе очередные каникулы в солнечной Калифорнии.

Я начала вести дневник, куда записывала все, что не могла сказать Шуре.

На книжной полке рядом с кроватью в спальне Шуры стоял стереомагнитофон со встроенным радиоприемником. Мы знакомили друг друга с нашей любимой музыкой. Обычно это была классика. Если мы включали приемник и слышали отрывок музыкального произведения, узнать сразу который мы оба не могли, то мы соревновались в угадывании композитора. Шура ставил мне записи Баха в исполнении Гленна Гульда, я принесла ему кое-что из Прокофьева, которого он в свое время ухитрился проглядеть, а также «Чудесный Мандарин» Бартока. Эта вещь удивила и восхитила Шуру.

Длинные, прекрасные ноги этого мужчины стали мне родными. Его маленькие, крепкие ягодицы приводили меня в восхищение, которое я не скрывала. А его спина стала моей игровой площадкой. Там я показывала Шуре, что можно сделать кончиками ногтей, если провести ими от бедра до самой шеи; он дрожал от удовольствия, когда я поглаживала покрывавшуюся пупырышками кожу своей ладонью и начинала все сначала, но теперь уже мои ноготки пробегали по его животу. То же самое он проделывал со мной, хихикая, когда я реагировала. У него превосходно получилось с первой попытки.

Иногда пятничным или субботним вечером мы с Шурой принимали какой-нибудь из его психоделиков, после чего отправлялись в постель. Он дразнил меня, припоминая фразы, сказанные мною давным-давно, пока мне не начинало казаться, что такие наркотики можно принимать лишь один раз в несколько лет, потому что один-единственный опыт может дать богатейшую пищу для размышлений и важнейший урок. Я смеялась и напоминала ему фразу, которую он не уставал мне повторять, — вещи меняются, сама жизнь есть изменение.

— Выходит, — говорила я, — я узнаю новые вещи!

— Мы оба узнаем, — отвечал мне Шура.

Мы оба узнавали новое. Возможно, свое влияние на нас оказывала мысль о том, что все

может закончиться в любой момент; как бы там ни было, когда мы делились своими переживаниями под воздействием наркотиков или даже нашими сексуальными фантазиями, мы почти ничего не утаивали друг от друга, выясняя реакцию другого.

Как-то поздней весной одним субботним вечером мы приняли по пять миллиграммов Шуриного ДОМ, заработавшего дурную репутацию. Об этом наркотике, который попал на улицу под названием СТП, он рассказал мне тогда, в кабинете Хильды.

Шура предупредил меня: «Детка, это препарат очень длительного действия. Ты точно не возражаешь против того, чтобы так долго пробыть в измененном состоянии сознания?»

Я сказала, что не возражаю, и добавила:

— Ты же сам говорил мне, что, если принять верную дозу, то может получиться изумительный опыт. Я уверена, что ты не ошибешься с дозировкой. И вообще, сколько все-таки длится это твое «очень долго», ты мог бы сказать?

— По меньшей мере, двенадцать часов и, может быть, даже больше, в зависимости от твоей личной физиологии. Знаешь, ты получишь немало пользы от этого наркотика!

Я передразнила его и сказала: «Ты просто завидуешь, потому что у тебя воздействие закончится раньше, чем у меня. Это одно из немногих преимуществ замедленного обмена веществ; на самом деле, других я и не знаю!»

Пока Шура принимал душ, я смотрела телевизор. Потом помылась и я, отметив волнообразное движение перед глазами и рябь сбоку, которые стали нарастать. Я следила за своим телом, содрогавшимся от потока энергии, наблюдая, как появившаяся сначала тревога растворилась в доверчивом принятии этого состояния. Мне было интересно, куда все это меня заведет.

Я насухо вытерлась и, не одевшись, села на унитаз.

Какое-то время назад Шура попросил меня: «Пожалуйста, никогда не закрывайся в моем доме. Даже когда ты в ванной. Я очень сильно боюсь, вдруг что-нибудь случится, и я не сумею быстро открыть запертую дверь; этот страх остался во мне после болезни Элен. Я умоляю тебя исполнить мою просьбу».

Я и соблюдала это правило в точности.

Теперь в коридоре раздались шаги, и вдруг дверь распахнулась. Я даже задохнулась от возмущения и воскликнула «эй!»

На пороге ванной возник Шура в халате и с улыбкой на лице. Увидев, с какой яростью я схватила свое полотенце, он поддразнил меня: «А я-то думал, мы стремимся достичь полнейшей искренности в наших отношениях!»

— Но всему есть предел, Шура!

— Предел? Нет, нет! Мы не договаривались о каких-то пределах, — он рассмеялся, поцеловал меня в губы и поласкал грудь на прощанье. Дверь закрылась с той стороны. Я по-прежнему сидела на унитазе, во мне боролись возмущение и удивление. Потом мне в голову пришла не очень приятная мысль.

А вдруг он один из тех, кому нравится смотреть на вещи, подобные мочеиспусканию?

Я вошла в спальню. Ночник испускал мягкое желтое, как сливочное масло, свечение, от которого махровые розы на старинных обоях шли волнами. Я заползла на кровать и, не снимая халата, села, скрестив ноги, рядом с Шурой. Я посмотрела на него, растянувшегося голышом на одеяле, такого розового и блестящего от только что принятого душа. Он улыбался мне. Я задала ему вопрос, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал легко и обычно: «Между прочим, ты не из тех ли, кто обожает подглядывать за людьми в ванной, или ты просто дразнил меня?»

В его волосах и бороде бегали крошечные разноцветные искорки. «Нет, я не закоренелый вуайерист. Я действительно люблю поддразнивать людей. У меня есть про запас немало

секретных штучек, но эта не входит в мой арсенал. А как насчет тебя?» Лицо невинного младенца, огромные голубые глаза, рассматривающие меня. Я заверила его, что подглядывание совершенно не в моем вкусе.

Шура продолжил спрашивать меня: «Как ты пока себя чувствуешь? Ощущения приятные?»

— Да, с учетом того, что это, как ты сказал, довольно сильный психоделик, который, очевидно, не подходит наивным и невинным личностям, я чувствую себя даже очень неплохо. Особенно в свете того факта, что мне пришлось испытать шок оттого, что ко мне… вторглись, понимаешь? Да еще в ту минуту, когда я сидела на горшке. Невероятно, но это был тот самый заслуживающий доверия джентльмен, который попросил меня не закрываться в его доме!

— Разве я когда-нибудь называл себя джентльменом? Разве претендовал на это звание?

Я признала, что такого не было.

Шура покрутил настройку приемника и остановился там, где передавали Сибелиуса. Потом он закинул руки за голову и с подчеркнутой фамильярностью начал: «Если говорить о странных, темных увлечениях…»

О-о, вот это важно.

Он взглянул на меня: «Во время твоих многочисленных свиданий с мужчинами тебя когда-нибудь связывали, или, может, ты сама кого-нибудь связывала — просто чтобы узнать, какие ощущения можно испытать при этом?»

Я ответила, что в реальности никогда такого не делала, но часто представляла подобные сцены в своих фантазиях.

Шура приподнялся на локте: «Тогда почему ты никогда не пробовала исполнить эти фантазии?»

— Наверное, потому, что для этого нужен человек, которому я могу полностью открыться, а я встречала не слишком много мужчин, которым могла бы настолько доверять. Кроме того, никто из тех, с кем я была по-настоящему близка, не заговаривал об этом, так что я не хотела никого шокировать, предложив такую игру первой.

«Ты действительно думаешь, что это может шокировать?» Он хочет услышать, что человек не становится ненормальным, если у него такие фантазии.

— Меня это не шокирует, — ответила я. — Ведь это называется садомазохизмом? Насколько я понимаю, многим людям он приносит удовольствие. Я как-то прочла прелюбопытную статейку, кажется, в журнале по психологии, в которой говорилось, что огромное количество мужчин, получающих наслаждение оттого, что их связывают в любовных играх, в жизни оказываются очень сильными людьми, занимающими ответственные должности, например, судьями, сенаторами и докторами. В статье объяснялось это явление. Дело в том, что они ловят кайф от чувства беспомощности с тем человеком, кому они доверяют. А все потому, что в жизни им приходится принимать слишком много решений, за которые они несут ответственность. Связанные, они получают возможность забыть об этом и наслаждаться сексом, не испытывая бремени ответственности.

Помолчав секунду, Шура произнес: «Мне всегда хотелось узнать, что чувствуешь, когда тебя связывают».

Я переварила услышанное и сказала: «Помнится, позади твоего дома я видела веревку для сушки белья. У тебя есть что-нибудь вроде этого поближе?»

— Конечно. Такого добра у меня много.

— Надеюсь, у тебя найдется что-нибудь нейлоновое, потому что веревка из хлопка — довольно жесткая вещь, а я бы не хотела поранить тебя. — Я замолчала, потом наклонилась к Шуре и, сощурив глаза, спросила его: — Или… тебе нравится, когда больно?

— Нет, не нравится.

— Мне тоже, — сказала я, испытав огромное облегчение от ответа Шуры.

— Подожди здесь, — сказал он. — Я сейчас вернусь.

Он набросил халат и ушел, оставив меня наедине с музыкой и движущимися розами на обоях. Пока что, подумала я, этот ДОМ очень даже ничего. Время от времени я ощущала дрожь от пробегавшей внутри меня энергии. Дрожь все еще была довольно сильной, но я уже привыкла к ней.

Почему мы не осознаем этот поток энергии в нашем теле постоянно? Почему надо принимать наркотик, чтобы почувствовать его? Может, нет необходимости в том, чтобы ощущать эту энергию все время.

Вернулся Шура, в руках у него был моток белой нейлоновой веревки. Я засмеялась: «Настоящий гордиев узел!» Мы приступили к подготовке шоу.

Мы стали резать веревку на куски разной длины. То и дело нас разбирал смех, потому что мы не попадали в такт с Бетховенским Третьим концертом для фортепьяно. Потом Шура предложил, чтобы я была первой. Я согласилась, подумав сразу о нескольких вещах. Во-первых, надо очень постараться, чтобы не чувствовать себя глупо в такой ситуации. Во-вторых, было очевидно, что Шура ни разу этого не делал раньше; отсюда вытекало, что он не делал этого и с Урсулой. В-третьих, то, что мы собирались делать, ни один из нас не сделал бы с партнером, которой не пользовался бы абсолютным нашим доверием.

Если в ком-нибудь из нас есть неизвестная темная сторона, будет лучше, если вытащить ее наружу — по крайней мере, мы увидим ее хотя бы мельком. Это нужно будет признать и обсудить.

Когда Шура закончил привязывать меня, заиграл наш любимый Прокофьев. Я посмотрела на Шуру и попыталась улыбнуться, неожиданно ощутив полную беззащитность и болезненную робость. Его глаза блестели, но блуждавший по мне взгляд был больше задумчивый, чем похотливый. Потом Шура двинулся вниз, и я закрыла глаза.

В голове у меня расцвечивалась сине-зеленым и золотым музыка Прокофьева. Я вдруг осознала, что мое тело дрожит и кричу я очень громко. Мир сузился до размеров туннеля, завертелся спиралью и ушел в мягкую тьму, из которой потом вынырнула далекая тень. С самодовольной медлительностью она подплыла ко мне — бесконечность из раскрывшихся лепестков. Из моего горла вырвался последний, протяжный крик, и волна обжигающего света ударила мне по глазам и вышла через макушку.

Шура молча развязал меня и лег рядом, закинув ногу мне на бедра и положив руку на живот. Мой пульс начал медленно приходить в норму.

Когда я снова могла ровно дышать, я повернулась к нему и прошептала: «Спасибо, любовь моя».

— Я был с тобой, малышка. Я прошел с тобой.

Спустя какое-то время, я приподнялась на локте и с улыбкой сказала Шуре: «Настал твой черед».

Пока я возилась с веревками, стараясь привязывать его так, чтобы нейлон не мог врезаться в запястья и щиколотки слишком сильно, я обнаружила, что Шура смотрит на меня, после чего решила, что буду чувствовать себя не настолько неловко, если завяжу ему глаза. Я велела ему расслабиться и сказала, что мне нужно взять что-то очень важное. И вышла. Отыскала свою большую сумку, ту самую, с которой ездила к Шуре на выходные, и достала оттуда длинный шелковый шарф. Обычно я обертывала им голову после того, как мыла волосы. Вернувшись в спальню, я завязала шарфом Шурины глаза, оставив открытыми уши, чтобы он слышал музыку.

Он выдохнул долгое «ах!»

Рассматривая его, я знала, что он просто захлебнулся в ощущениях, которые до сих пор мог

только представлять в своем воображении. Именно это он хотел почувствовать, исследовать. На его лице была написана та же серьезность, та же сосредоточенность, которую можно увидеть на лице маленького ребенка в тот миг, когда он разворачивает долгожданный рождественский подарок. Я почувствовала прилив нежности и задумалась, что же делать, когда я привяжу Шуру окончательно.

У меня не было шаблона действий, которым я могла бы воспользоваться. Я не очень-то много об этом читала.

Итак, придется положиться на инстинкт. Просто быть уверенной, что это красиво.

Когда я завязала последний узел, закончив привязывать ногу Шуры к кровати, по радио стали передавать вальс Штрауса. Я заворчала от нетерпения и сказала, что собираюсь поискать что-нибудь другое.

— Это не самая эротичная музыка на свете, не правда ли? — Шура наконец-то улыбнулся.

— Нет. Наоборот — чересчур.

Я настроилась на еще одну из наших любимых радиостанций, DFC, и радостно выдохнула «ура!» Это был Бах, что-то до боли знакомое.

— Так, так, — сказала я, вернувшись к своей жертве. — Боги улыбаются нам.

— Это из «Бранденбургских концертов», — с удовлетворением сказал Шура.

Когда мы впервые оказались в его постели, он сообщил мне, что у него очень чувствительные соски и что ему очень нравится, когда к ним прикасаются. Я не спросила, ласкала ли их Урсула; логично было предположить, что да. Теперь их касалась я, наблюдая за тем, как они съеживаются от холода. Бах превращался в серебряную нить, движущуюся на голубом и изумрудном фоне. Затем я увидела другие цвета — оранжевый и солнечный, они толчками исходили из музыки и быстро вливались в меня.

Потоки насыщенно оранжевого цвета с красным по краям затопили мой мозг. Я на секунду приоткрыла глаза и увидела, как голова Шуры отрывается от подушки, пока тело старается освободиться от веревок. И потом Бах оглушил нас финальными аккордами, отразившимися от стен.

Вот и хорошо, именно этого я и хотела. Ради этого стоило прикладывать усилия — на что бы это ни было похоже и что бы там дальше ни случилось. Спасибо, спасибо, спасибо.

Мы лежали, прижавшись друг к другу. Веревки валялись на полу, в темноте светилась лишь шкала приемника. Мы говорили о том, что значит — настолько доверять кому-то, и какие ощущения испытываешь, чувствуя такое доверие.

— Это удивительное ощущение — сознавать, что ты обладаешь абсолютной властью над другим человеком, что ты можешь причинить ему боль, злоупотребив своей властью, — сказал Шура. — Ты можешь сделать с ним все, что захочешь. Но ты не делаешь ничего такого, не идешь этой дорогой; ведь ты можешь положиться на самого себя, даже на самые темные закоулки своей души, и не сделаешь того, чего не хочет остальное твое «я».

— Ага.

— А потом настает твоя очередь побыть в роли беспомощного, и вот уже другому приходится осознавать скрытые прежде темные импульсы и делать свой выбор.

Я пробормотала: «И все, что ты можешь сделать, — лежать и надеяться на то, что человек отдает себе отчет».

— Да, — поддержал меня Шура. — И все-таки… — Он помолчал немного. — Должен тебе сказать, что не испытывал ни малейшего страха. Я просто знал. Знал, что ты можешь доверять мне. Да. Само собой, ты знал. Так же, как ты знаешь и другое, что не позволяешь себе признать.

Я спросила у Шуры, доводилось ли ему видеть рисунки немецкой художницы Суламифи Вулфинг.[61] Он ответил, что имя не кажется ему знакомым.

— Большинство людей знают ее работы по ежегодным календарям, которые она расписывает, — пояснила я. — Старые ее календари продаются по той же цене, что и современные, потому что поклонники ее таланта делают все возможное, чтобы прибрать к рукам ее рисунки, независимо от года календаря. В конце концов, ее издатели выпустили открытки, в округе Марин их можно найти в любом книжном магазине. Есть один рисунок, который нравится мне больше всего и который больше всего тронул меня. На нем изображена голова огромного темно-зеленого дракона. Из открытой пасти дракона высовывается длинный красный язык, на котором спит крошечный малыш.

Шура улыбнулся.

— Вот о чем напоминает мне наш маленький эксперимент, — сказала я. — Это словно выманить из пещеры красивого огнедышащего дракона и подружиться с ним.

— Прогулка с драконом, — сказал Шура. — Мне нравится образ.

— Мне тоже.

Он приподнялся на локте, волосы у него растрепались. Он посмотрел мне в глаза и спросил: «Тебе понравилось так же, как мне?»

— Ты прекрасно знаешь, что да.

Закрыв глаза, я увидела разноцветного дракона, покрытого сверкающей, как драгоценный камень, чешуей. Черные крылья были тронуты позолотой, а на шее был ошейник с длинным коричневым поводком, против которого, как дракон сам меня заверил, он ничуть не возражал.

Глава 26. Гриб

Как-то раз в пятницу, когда я уже вымыла посуду после ужина и мы с Шурой сидели за столом, потягивая вино, он рассказал мне о письме от Урсулы, которое пришло накануне.

— Она пишет, что поведение Дольфа пугает ее по-настоящему; похоже, что признаков депрессии у него становится все больше и больше. Пару раз он вспылил с такой силой, как никогда раньше. Она говорит, что ей снятся кошмары, в которых Дольф убивает их обоих. Теперь он почти с ней не разговаривает, соблюдая приличия лишь в присутствии других людей.

Шура провел пальцем по краю своего бокала и добавил:

— Она написала, что не сомневается, что я пойму причины, по которым она должна выждать, прежде чем все объяснить и сказать ему окончательное «прощай», ну и все в таком духе.

— Звучит плохо.

— Да, — сказал Шура. — Не слишком свежо, но довольно не оптимистично.

Я подождала, зная, что услышу кое-что еще.

— Так вот, сегодня утром я позвонил в Германию, — он посмотрел на меня, — чтобы убедить ее немедленно приехать, просто собрать немного вещей в сумку и выбираться оттуда, не дожидаясь, пока случится что-нибудь трагичное — только не сейчас, когда она так близка к окончательному решению!

Я поняла, что у меня челюсть отвалилась от изумления, и поспешила закрыть рот.

Шура сделал глоток вина и продолжил: «К телефону подошел Дольф».

У него несомненный дар делать драматические паузы, независимо от того, осознает он этот дар или нет.

— О!

— Я не должен рассказывать тебе о том, что произошло!

Я не произнесла ни слова.

Шура откинулся назад на стуле и распростер руки:

— Старина Дольф! В его голосе слышалась неприкрытая радость, его просто переполнял восторг от моего звонка; он поинтересовался, как я поживаю и читал ли я последнюю статью об энкефалинах в Arzneimittel Forschung. После того, как мы поговорили пару минут, он спросил, желаю ли я поговорить с Урсулой, и я слышал, как он зовет ее к телефону: «Дорогая, иди скорей, это Шура!»

— У меня такое чувство, будто я уже это слышала.

— Если он играл, то он из тех, кто получает всевозможные призы на этой церемонии в Голливуде — как там она называется?

Я рассеянно кивнула:

— Оскар.

— Да без разницы.

Что происходит? Что творится в том доме в Германии?

Шура снова оперся локтями на стол. «К телефону подошла Урсула. Она прошептала в трубку, что я не должен звонить; ситуация очень шаткая и все время меняющаяся. Я пошел напролом и выложил все, что задумал сказать. Собирай вещи. Немедленно выбирайся оттуда. Уезжай. Она ответила, что больше никогда не сможет говорить со мной по телефону, но обо всем напишет в письме. Потом она по-прежнему шепотом сказала, что любит меня, а теперь должна идти, и попрощалась».

Застыв на месте, я ждала продолжения рассказа.

— И что же мы должны думать? — Шура посмотрел на меня без всякого выражения.

Я вспомнила, как сидевший напротив меня тогда в гостиной Бен сказал, что очень скоро Урсула постарается завершить отношения с Шурой. Но это было не похоже на прекращение отношений, это было форменное сумасшествие, и оно все не заканчивалось и не заканчивалось.

Я ответила: «Как и прежде, нам остается только предполагать».

Шура кивнул.

Нужно что-то делать. Он не может жить в постоянном состоянии неопределенности и страданий. Боже мой, ну что происходит?

После ужина Шура пошел в кабинет поработать. Он сказал, что заканчивает первый черновик статьи, которую он собирается предложить новому журналу по химии. Спать легли рано, оба уставшие.

Свернувшись клубочком под спиной у Шуры, я попыталась настроиться на то, что было у него на душе, пока он засыпал. За хорошим настроением, оставшимся у него после последних двух часов, я почувствовала темный клубок замешательства и страха.

Что это за женщина — наша красотка Урсула? Может, она постепенно разочаровывает Шуру, лишая его надежды? Или Бен ошибается, и она говорит правду и на самом деле намеревается приехать и остаться здесь? Впрочем, этим не объяснить, почему ее муж так тепло и дружески разговаривает с Шурой по телефону. Если только Шура не разбирается в звучаниях голоса. Вот это возможно. Что бы ни было, это не может больше продолжаться.

Следующее утро началось, как обычно. Шура любил начинать новый день в тишине, с кофе и чтения San Francisco Chronical. Он всегда начинал читать газету с последней страницы, двигаясь к первой; я же читала наоборот. Шура читал быстро, едва проглядывая какие-то репортажи. Я старалась прочесть каждое слово в газете, за исключением колонок, посвященных бизнесу и спорту, которые я обычно вообще пропускала. Когда мы закончили чтение, я подлила нам кофе, а Шура откинулся на стуле и спросил меня: «Ты бы хотела попробовать сегодня один из великих классических галлюциногенов?»

— И какой же великий классический галлюциноген ты имеешь в виду?

— Слышала когда-нибудь о псилоцибине? Волшебном грибе?

— О, да, разумеется. Помню, много лет назад читала о нем замечательную статью в журнале Life. Уоссон? Так звали автора?

— Да, Гордон Уоссон. Ты никогда не пробовала этот гриб?

— Ни разу. Но любопытство сжигает.

— Ну так что, рискнешь?

— Конечно. С превеликим удовольствием.

— У меня нет самих грибов, но зато имеется некоторое количество их активного ингредиента — псилоцибина, — сказал Шура. — Так что тебе не придется жевать целую кучу этих маленьких сушеных штучек.

— А псилоцибин сам по себе дает тот же эффект? Я хочу сказать, такой же — эффект, что и от грибов?

— Ну, я принимал его в обеих формах — и в грибах, и в виде белого порошка, и скажу, что не обнаружил никакой разницы. Впрочем, конечно, найдутся люди, которые будут готовы поклясться, что подлинные ощущения может дать лишь гриб. Просто лично я так не считаю.

Шура вспомнил, что ему нужно проверить экзаменационные работы студентов, поэтому мы решили отложить поход в мир грибов до вечера, когда он справится со всей своей бумажной работой. Я провела день в гостиной, печатая на Шуриной машинке письма, которые не успела набрать раньше.

В семь часов вечера, помывшись и облачившись в халаты, мы приняли по пятнадцать миллиграммов блестящего порошка в кристаллах, предварительно растворив их в соке. Как обычно, Шура письменно зафиксировал время приема. Потом мы отправились в лабораторию, обняв себя руками, потому что вечером было довольно прохладно. Шуре нужно было закончить какую-то химическую реакцию, которую он проводил целых полдня, и закрыть лабораторию на ночь.

В лаборатории я прислонилась к двери и заговорила о том, о чем Шура упомянул утром.

— Знаешь, я думала о твоих словах насчет людей, которые верят в то, что, если существует природный психоделик, то нужно обязательно использовать естественный продукт, а не синтезированную форму — как ты это назвал? — в виде активного ингредиента?

— Да, — подтвердил Шура, производивший какие-то манипуляции с запорными кранами и колбами. — Среди моих знакомых есть один очень интересный и очаровательный человек по имени Теренс Маккенна. Он пишет и читает лекции о священных растениях; это его специальность, и на эту тему он говорит совершенно убедительно.

— Это имя кажется мне знакомым, хотя я не могу припомнить, где я его слышала.

— Неважно, — продолжил Шура. — Он считает и даже абсолютно в этом уверен, что лишь в растении можно отыскать то особенное сочетание, можно сказать, духовных компонентов или воздействующих факторов и непосредственных химических веществ, благодаря которому человек ощущает неповторимые переживания. Именно такие ощущения должны обеспечивать растения или, как в данном случае, гриб. Теренс твердо верит в то, что синтезированное искусственно вещество не дает подлинных ощущений. Уже многие годы мы спорим с ним на эту тему, по-дружески, разумеется.

— Ну, — сказала я, немного поколебавшись, — на самом деле, его взгляд мне очень импонирует, и мне бы хотелось проверить это на практике.

— Конечно, — ответил мне алхимик в коричневом халате, беря меня за руку и выключая свет в лаборатории. — Расскажи мне. В конце концов, как я могу убедить тебя в том, что ты заблуждаешься, если я не знаю твою точку зрения?»

Я остановилась на тропинке, чтобы изобразить, будто я хлопаю его по заднице. Шура увернулся и снова взял меня за руку.

— Знаю, что для ученого это будет звучать смешно, но я выросла, веря в определенные вещи, и до сих продолжаю в них верить. Мне кажется, что все живые существа обладают — даже не знаю, какое слово-то подобрать — некоей формой сознания. Это не человеческое сознание, но все же сознание, — сказала я.

Шура открыл передо мной дверь в дом, а я добавила: «Помнишь те эксперименты, которые доказали — ну, похоже, что доказали, — что растения реагируют на мысли человека?»

— Морковь, переживающая нервный срыв, когда кто-нибудь думает полить ее кипятком? Да, помню.

— Ну и?

— И что? — Шура обходил дом, запирая двери и закрывая окна, я плелась за ним. — Допускаю ли я, что у растений есть какой-то нефизический уровень понимания? Ну, позволь мне сначала провести так называемые научные эксперименты. Я не знаю деталей тех экспериментов, поэтому не могу распространяться о них. Думаю, я должен посмотреть на это своими глазами, прежде чем безоговорочно принять какие-либо утверждения. И даже с учетом моего личного присутствия, честно говоря, я настроен скептически. Боюсь, ученые могут ввести в заблуждение самих себя, как и люди, не принадлежащие к ученой касте, особенно когда они «сочувствуют» определенному исходу эксперимента. Я кивнула. Шура приблизился ко мне вплотную: «Прежде чем мы продолжим обсуждать эту очень интересную тему, я должен

проверить твое самочувствие».

— Чувствую что-то вроде озноба. Похоже на дрожь от энергетического потока. Он то появляется, то исчезает.

— Что-нибудь еще?

Я ушла в себя и проверила свое состояние, потом доложила Шуре: «Да. Я вышла из обычного состояния, в этом нельзя ошибиться. Пока что-то слабое, но определенно, оно есть».

Шура улыбнулся.

— А как ты? — спросила я Шуру, заметив свечение в его глазах, какое бывало всегда, когда он принимал наркотик.

— Примерно так же, как и ты, с тем исключением, что не чувствую твоего маленького озноба.

Я улыбнулась ему: «Знаешь, ты светишься».

Он рассмеялся и сжал мою руку: «Разреши мне привести кабинет в нормальный вид, там все разбросано. Не возражаешь, если я оставлю тебя одну всего лишь на пару минут?»

Я ответила, что совершенно не против, и сказала: «На самом деле я бы предпочла немного побыть в одиночестве, чтобы понаблюдать за происходящим».

Я удобно устроилась на диване, передо мной на столике стоял стакан сока. Слева от меня на книжной полке стоял ночник, он мягко светился в темноте. Из задней комнаты доносились звуки музыки, там была включена аудиосистема. Звучал концерт Брамса для фортепьяно № 2, который я знала наизусть. В окно мне были видны два крошечных огонька, белый и красный, горевшие на вершине горы Дьябло. Я чувствовала одновременно и умиротворение, и возбуждение, находясь в ожидании изменения мира.

Я привстала с дивана, чтобы взять одну из книг по искусству, которую положила на стол еще днем, и уселась обратно полистать ее. Книжка была большой и довольно тяжелой. В ней были собраны рисунки и наброски Гойи. Я держала книгу на коленях и осознавала, что внезапно погрузилась в одно из тех драгоценных состояний, которые дарят психоделики. Наступает момент, который кажется бесконечным, ты находишься там, что проще и правильнее всего назвать Сейчас.

Время исчезло, просто спокойно осознаешь свое существование — как держишь эту книгу, как сидишь, скрестив ноги, на диване. Сейчас ты являешься самой собой, где-то там ходит другой человек, это Шура, сложный и удивительный человек, с которым я решила связать себя, не важно, надолго ли. Он в другой комнате, но мы с ним неразделимы.

Я посмотрела поверх книги и увидела, что комната полностью преобразилась. Я сидела в одной из половин комнаты, разделенной тем, что раньше было книжным шкафом, но теперь казалось обычной стеной, проходившей посередине какой-то лачуги аборигенов. Тени поглотили привычные предметы, благодаря которым это место напоминало гостиную Шуры. Слева от стены стоял стул, который я поставила туда раньше. На его спинку был наброшен гватемальский шарф, ярко блестевший в мягком свете ночника. Я рот открыла от изумления при виде желтых и бледно-зеленых полос, чередовавшихся с красными и черными, и подумала, может быть, шарф вызывал у меня ассоциации с туземной хижиной в каком-то неведомом краю. Я оглянулась вокруг, определив, что китайская ваза оставалась на своем месте, на полке, почти скрытая в темноте. Я увидела очертания пианино по другую сторону от разделявшей комнату стены и узнала книжные полки над окнами; все было на месте, и все-таки я не могла избавиться от ощущения, что я стояла на грязном полу в чужой хибаре где-то в Центральной или Южной Америке. Я бы не удивилась, увидев железный горшок для супа, установленный на чурбанах над маленьким очагом, и связки перца, сушившиеся в углах комнаты.

Мир действительно изменился, о, да. Как необычно. Словно видишь это место в совершенно

новом измерении.

Пока я оглядывалась по сторонам, привыкая ко всем этим странностям, к превращению знакомого пространства в необъяснимо иное место, я начала кое-что понимать. Я воспринимала комнату так, словно никогда здесь не бывала прежде, и она предстала передо мной в новом свете, как будто я впервые открыла дверь, зашла в нее и села на диван, оказавшись в незнакомом, темном месте. Я воспринимала окружающее — коврики, камин, потолочные балки, отблески на окнах, стул — с точки зрения чужака, для которого каждый предмет в незнакомой обстановке обладает равнозначной важностью, потому что у него нет возможности узнать относительную значимость любого из них.

Лишь живя в комнате можно заставить разум установить недоступные сознанию приоритеты и приобрести новый взгляд на веши.

Я подумала, что, когда разуму знакомо некое место, он будет замечать лишь определенные элементы интерьера и не обращать внимания на другие. Человек проходит мимо того или иного стола или стула, сознательно не думая об этом предмете. Лишь при отсутствии какой-либо привычной вещи о ней вспомнят. Внимание человека сосредоточено на тех частях комнаты, где он чем-либо занимается в данный момент.

Маленький стол рядом с дверью всегда замечаешь, когда проходишь мимо него, потому что обычно мы с Шурой кладем на него разнообразные вещи, которые должен забрать кто-нибудь из нас при уходе, — письма, посылки или книги, которые надо вернуть в библиотеку. Пианино и книжные полки не привлекают сознательное внимание. Они просто стоят на своих местах, и мы не замечаем их, проходя мимо.

Я решила, что мое первоначальное предположение насчет причины, вызывавшей ассоциацию с туземной хибарой, верно; оно было навеяно плетеным гватемальским шарфом. Мое подсознание создало на этой основе красочный образ, создав нечто узнаваемое из обстановки, неожиданно превратившейся в чужую территорию.

Когда в дверном проеме возник Шура, я поднялась с дивана и пошла к нему, начав объяснять то, что только что увидела. Мы отправились в спальню. Шура закрыл за нами дверь, чтобы сохранить в комнате тепло.

Когда я рассказала ему, что, на мой взгляд, образ хижины был навеян шарфом, Шура сказал: «Может быть, но не забывай, что тебе кое-что известно об истории священного гриба, и, возможно, что этот образ родился потому, что ты связала псилоцибин с определенной местностью — Мексикой или Центральной Америкой; в конце концов, ты же читала о первом эксперименте Уоссона, а он произошел в месте, которое без всякого сомнения напоминает увиденное тобой, как думаешь?»

Я поразмыслила над тем, что сказал Шура, и признала, что, вполне возможно, он прав.

Мы лежали на кровати лицом друг к другу, все еще в халатах. Я посмотрела на электрические часы на тумбочке и увидела, что после приема белого порошка не прошло и сорока минут. Мне же казалось, будто уже миновало несколько часов, и я сказала Шуре, что, похоже, это вещество значительно замедляет время.

— Да, я тоже это заметил, — подтвердил он. Потом он спросил меня, все ли со мной в порядке.

— О, да. Впрочем, довольно интенсивные ощущения. Мы уже достигли максимального эффекта, или будет еще сильнее?

— О, не думаю, что мы уже дошли до максимального уровня. Это случится через некоторое время, где-то минут через пятнадцать-двадцать.

Я проверила дружелюбные розочки на обоях и увидела, что они слабо движутся. На книжном шкафу рядом с кроватью стояли пыльные, блестевшие золотыми корешками

сокровища. Они словно пытались что-то сказать или, может, просто хотели, чтобы на них обратили внимание. Прямо напротив я видела лицо мальчика с седыми волосами, мерцавшими изнутри, наполненного жизнью, юмором и еще чем-то близким, — этого было достаточно, чтобы полюбить его и заполнить пространство внутри меня, где гнездилась боль.

Я вспомнила наш недавний разговор.

— Ладно, — сказала я, — вернемся к обсуждению природных и синтезированных наркотиков. Даже если ты не можешь безоговорочно согласиться с результатами экспериментов с растениями или с выводами тех, кто эти испытания проводил, то есть с утверждением о том, что растения обладают каким-то сознанием, неужели ты не можешь допустить, что растение может существовать в ином измерении? Обладать некой неизвестной энергией, если тебе угодно?

— Конечно, это не так уж невероятно, — ответил Шура. — Все существующее, причем не только растения, но и камни, животные, в общем, все, что мы видим и что видеть не можем, раз уж на то пошло, представляет собой форму энергии. Разумеется, имеет место взаимодействие энергетических полей, но ведь это утверждение далеко отстоит от приписывания растению личностных качеств или способности телепатически улавливать человеческие мысли. Безусловно, для подобного утверждения нет никакого научного основания.

Я запротестовала: «Я ничего и не говорила о научном доказательстве; я просто думаю, можешь ли ты допустить возможность того, что каждому растению присуще какое-то особое, индивидуальное энергетическое поле, неотделимое от него? То есть того, что, в принципе, можно даже увидеть, ну, знаешь, некоторые люди видят то, что они называют феями, эльфами там, гномами, — разве возможно, по-твоему, чтобы…» — я сбилась, не уверенная в том, что хочу спросить у Шуры, потом все-таки вспомнила, с чего начала. Я покрутила рукой в воздухе, как бы завершая свою мысль.

Шура сохранил спокойствие, в его взгляде был лишь намек на удивление.

— Ну хорошо, позволь мне закончить, — сказала я, сев со скрещенными ногами на кровать и пытаясь не обращать внимания на активное движение роз на обоях. — Я точно не знаю, во что там верит твой друг Теренс, но зато мне доподлинно известно, что в мире полно людей, считающих, что каждое растение обладает некоей — полагаю, ты бы назвал это сущностью. Поэтому, когда ты ешь растение, вместе с чисто физическими веществами ты вбираешь в себя эту сущность, духовную субстанцию, если угодно. И эти люди, возможно, верят в то, что в синтезированном наркотике нет этих энергий, субстанций. Словно ты получаешь лишь чистую химию, которая не идет от земли и не имеет связи с землей, так что ей не свойственна духовная цельность, присущая растению. Понимаешь, к чему я клоню? Эти люди чувствуют, что синтезированное искусственно вещество не имеет души, как ты бы сказал».

Шура откинулся на подушку и уставился в потолок. Спустя какое-то время он приподнялся на локте и произнес: «Позволь мне сказать тебе кое-что, что может заинтересовать тебя».

Я кивнула, и заполнившие комнату призмы кивнули вместе со мной.

— Я не могу говорить за остальных химиков, скажу за себя. Когда я работаю в лаборатории, синтезируя новое вещество, я исследую его не только вдоль и поперек во всех трех измерениях у себя в уме, но также чувствую и другую сторону рождающегося соединения. Можно назвать это характером или, если прибегнуть к твоей терминологии, сущностью. По мере моей работы эта сущность начинает обретать форму. Я пытаюсь почувствовать ее, решить, дружественная она или нет, способна ли она открыть разуму новые горизонты и т. п. Я стараюсь выяснить, есть ли у нее темная сторона, которая выльется в чрезмерную нагрузку на нервную систему, или другие неожиданные сложности.

К тому моменту, когда новое соединение готово полностью и его уже можно употреблять,

оно обретает свой характер. Я его еще пока не знаю, потому что для этого мне необходимо начать с ним взаимодействовать, мое тело должно вступить в контакт с веществом, которого оно никогда не знало, но даже после первого раза я не могу постичь характер нового препарата. Лишь когда я изучу его активные уровни, его природа станет для меня ясной, и его «сущность» вберет в себя часть моих стремлений, которые двигали мною при создании этого препарата. Без малейших колебаний могу сказать, что каждое открытое и испробованное мною соединение обладает собственным характером, и он так же явно заметен, как и то, что приписывают растениям.

В полном изумлении я смотрела на Шуру, потом наклонилась к нему, чтобы сказать:

— Впервые в жизни я слышу что-либо подобное. Я ведь не имела никаких представлений о том, что происходит в лаборатории. Твои слова высвечивают многие вещи в совершенно другом свете. Ты когда-нибудь объяснял это своему другу Теренсу?

— Нет, я никому еще не говорил об этом. Понимаешь, это не то, что можно услышать на лекции в Нью-йоркской академии наук.

Я рассмеялась, после чего спросила у Шуры, не кажется ли ему, что рисунок на обоях стал ужасно активным, даже больше, чем обычно.

— Думаю, да. Теперь, когда я посмотрел на обои, да. Как ты? Душа и тело по-прежнему вместе?

Я ответила, что со мной все в порядке.

— Эффект очень сильный. Наверное, я не проследила за изменениями, пока мы разговаривали, но теперь меня накрыло!

— Меня тоже. Похоже, произошел скачок с того момента, когда мы последний раз говорили о своем состоянии.

Бог мой, какая мощная штука! Все вокруг движется, идет волнами и излучает какой-то смысл.

Мое тело пронзила сильная дрожь, и зубы у меня громко застучали. «Как насчет того, чтобы прямо сейчас забраться под покрывало?» — предложила я.

Шура спустил ноги с кровати и снял халат. По коже на его левом бедре пошла слабая рябь, словно через него пропустили электрический ток. Я любовалась большой, мускулистой спиной и восхитительными маленькими и подтянутыми ягодицами, но еще не расслабилась настолько, чтобы потянуться и хлопнуть по ним. Внутреннюю дрожь уже стало невозможно игнорировать. Я сбросила халат на пол и забралась под простыню со своей стороны кровати, схватив Шуру за руку и наблюдая за крошечными веерами всех цветов радуги, которые заполонили потолок.

Я закрыла глаза. У меня дыхание сперло от удивления, когда я увидела многообразие разноцветных образов, возникших на моем внутреннем экране. Я стояла на полу в мечети, рассматривая арки, разукрашенные позолоченными рисунками.

Я почувствовала, как Шура отбросил покрывала.

Мы влились в сотканную из света сеть, охватывавшую всю землю, добавив самих себя, свои эмоции и мысли, свои представления о запахах и вкусе другого в общий аромат. В условиях замедленного времени каждое прикосновение рукой и ртом становилось явлением красоты, наша жизненная сила и энергия хотели получить подтверждение собственного существования. Мы говорили «да» самим себе, друг другу, самой жизни, и «да» пульсировало позади нас.

Каким образом мы учимся заниматься любовью? Откуда узнаем, как чертить пальцами круги на коже возлюбленного, как сказать «я хочу тебя», сопроводив слова ударом лодыжки по бедру, как воздать должное красоте изгибов тела и его косточкам, используя руки и рот? Это язык тела, и он открывается человеку, когда в его сердце и ум приходит любовь. Его невозможно объяснить. Ему учишься с каждым касанием.

Когда Шура закричал, в спальне звучали «Ночи в испанских садах» де Фальи.

Через некоторое время он вернулся ко мне. Где-то вдалеке я видела какой-то прозрачный самоцвет, похожий на бледный аквамарин. Из него спиралью исходили бело-голубые камни, постепенно окрашивающиеся в розовато-лиловый, а потом в фиолетовый цвет, пока они плыли на другую сторону моей головы.

Я чувствовала ауру Грааля. Поток ощущений затопил меня, и я очутилась на поверхности моря из мягкого голубого света.

Я прошептала «спасибо» и легла рядом с Шурой, все еще не открывая глаз и ровно дыша.

Внезапно я встала с постели, вместе со мной поднялся и Шура. Мы поплыли к потолку и прошли сквозь него, наши головы оказались по ту сторону потолка. Мы не могли двигаться дальше. Нас окружала бурая земля, и в нескольких футах от нас я увидела расчищенный участок перед маленькой хижиной; под покрытой соломой крышей едва ли была одна комната. Вокруг нас было полным-полно цветов и листвы. Похоже, здесь было раннее утро. Воздух был теплым. Я узнала крупные желтые лилии в коричневую крапинку и крохотные ярко-красные цветки на толстом стебле, который обвивал забор на пригорке позади нас. Под навесом деревьев виднелись высокие темно-зеленые растения с широкими листьями, росшие группами. Я увидела мельком деревянные корзины, они свисали с крыши хижины. В них росли розовые и белые цветы. В воздухе был разлит запах жирной, увлажненной почвы и растений.

Мы с Шурой были детьми, которым на миг позволили просунуть голову в место, которое принадлежало взрослым. Мой взгляд привлекла соломенная крыша, слева от которой я увидела необъятную тень, неподвижную, как скала. В тени прорисовывались очертания трех огромных голов. Их силуэты были видны на фоне медленно светлеющего неба. Я знала, что вижу три массивных тела, сидящих рядом. Они смотрели на нас. Меня охватил дикий ужас, когда я ощутила мощь и непостижимое величие сидевших около хибары. Я почувствовала себя ребенком, застигнутым врасплох там, куда ему запретили соваться.

Один из Великих посмотрел свысока на наши головы. В его взгляде я уловила смесь доброго удивления и нежного нетерпения. Я приняла послание: для вас, малыши, больше и дольше, чем достаточно. Теперь вы вернетесь в тот мир, к которому принадлежите.

Я осознала себя лежащей на постели, стискивающей Шурину руку.

— Ты это видел?

«Что видел?»

— Этих троих — Будд или Богов, или кого-то еще. Ты был со мной, прямо рядом.

— Расскажи-ка мне о том, что видела.

Я рассказала ему все, сознавая, что мой голос дрожит от слез и не очень об этом заботясь. После того, как я закончила свое повествование, Шура прижал меня к себе. Мы молчали до тех пор, пока по радио не зазвучал Вагнер. Мы одновременно вскрикнули «о, нет, только не это!» и расхохотались, когда Шура потянулся к приемнику, чтобы сменить радиостанцию.

Глава 27. Сибирь

Нам с Шурой пришлось узнать и темные стороны друг друга.

У меня была проблема, которая, как я начинала понимать, беспокоила большинство живущих на земле людей, — в глубине души я не верила в ценность собственной личности. Где-то в моей душе жили и ярость, и сила, но я чувствовала их лишь во время каких-нибудь внутренних кризисов и переживаний по поводу потерь.

Духовная сила по-настоящему пробуждалась во мне несколько раз, например, когда после восьми лет замужества я, наконец, окончательно обнаружила, что Уолтер имеет давнишнюю привычку крутить романы с другими женщинами, которые зачастую оказывались его пациентками. Он заводил новую интрижку примерно каждые полгода. Но хуже всего, что он не смог понять и принять ту боль, которую я испытала, узнав о его привычке. На полном серьезе он сказал мне следующее: «Мои отношения с… (не важно, какая женщина была у него в тот момент) никоим образом не могут повлиять на мою любовь и привязанность к тебе». Какое-то время я пила водку, чтобы заглушить боль. Но потом, однажды, когда мы ехали на рынок, во мне проснулась разъяренная львица, и, словно со стороны, я услышала, как твердым, протокольным голосом говорю Уолтеру немедленно собирать вещички и убираться из дома на все четыре стороны. Еще я добавила, что начну процедуру развода. Помолчав секунду, он сказал все, что обо мне думает: звучащим разумно и здраво голосом он объявил меня женщиной неразумной и не в здравом уме.

Но он ушел.

К этому моменту изрядно потускневший образ львицы пришел совсем в плачевное состояние, что было неудивительно. Некоторое время я самолично холила и лелеяла свою уверенность в том, что я уродлива, если не телом, так душой, а, кроме того, еще и не удовлетворяю требованиям, которые предъявляются женщинам, и ни у кого не вызываю симпатии (за исключением моих детей — для них я всегда была лучше всех, благослови их Господь за это). Наконец, во мне снова зарычала та самая львица, или кто там был. Она вспыхнула, яростная и страстная, и заявила, что если я такая, какая я есть, то быть посему. Я просто должна продолжать жить и пытаться сделать свою жизнь лучшей.

Мы с детьми переехали в наш новый дом в форме буквы «А». Он находился через улицу от дома Уолтера. Развод был завершен, уже могла смотреть на себя в зеркало и думать, что, по крайней мере, снаружи я была не так уж плоха. Однако представление о самой себе как о никчемной и отталкивающей личности осталось моим маленьким секретом — грустным и неприятным.

Одним из бессознательных способов добиваться расположения и одобрения было мое стремление сделать все, о чем меня просили те, для кого я выполняла работу или кого я любила, независимо от того, хотелось мне это делать или нет. В итоге результаты работы, как и следовало ожидать, оказывались хуже, чем если бы я сделала ее с настоящим энтузиазмом, а время от времени и вовсе неудовлетворительными.

Другой способ заключался в том, чтобы вкусно и обильно кормить окружающих. Каждые выходные я приносила с собой на Ферму столько еды, сколько хватило бы накормить маленькую армию, в течение целого месяца упорно пробивающуюся сквозь снежный буран, бушующий где-нибудь в России. Шура начал прибавлять в весе и, в конце концов, объявил, что пусть лучше у него живот прилипнет к спине, и попросил меня не готовить так много еды для него. Я указала ему на то, что он всегда съедает все, что я кладу ему на тарелку, на что он раздраженно ответил: «Я такой же жадный, как и человек, сидящий рядом со мной, так что пусть у меня на тарелке

будет меньше искушающей меня еды».

— Ладно, — ответила я и приступила к объяснениям. — Дело в том, что я, как ты помнишь, наполовину еврейка, и еврейская кровь побуждает меня быть матерью согласно еврейским представлениям, не в плохом, конечно, смысле, а в смысле приготовления пищи для близких…

Шура резко оборвал меня: «Я хочу, чтобы моя порция стала меньше, хорошо?»

Я ответила, о'кей, извини, и умолкла.

Любовный треугольник, в который я втянулась, был благодатной почвой для чувства ненадежности и сомнений в самой себе. И мне частенько приходилось напоминать себе, что именно я и никто другой сделала этот выбор, что никакого принуждения и полуправды со стороны Шуры не было, он мало что скрыл от меня. Мы оба видели сложившуюся ситуацию, и это я убедила его разрешить мне играть такую роль, пообещав, что не заставлю его сожалеть об этом. Я была взрослой девочкой и сама несла ответственность за свои решения.

Но порой меня пронзала мысль о том, что я была лишь временной заменой, второсортной вещью, и тогда мое внутреннее «я», менее склонное слушаться ясных доводов разума, чем остальная часть меня, странным образом выплескивала свой гнев и страх, причем в самые неожиданные моменты и вопреки моему желанию избежать проявлений стресса.

Однажды вместе с Рут и Джорджем мы пошли в театр Беркли. Во время антракта, когда все зрители выстроились в очередь за закусками, которые продавались за прилавком в фойе театра, Шура спросил меня, не хотелось бы мне выпить кофе. Я пришла в полнейшее замешательство; этот простой вопрос разбрызгался в моем мозгу, как пятнышки краски на рисунках Джексона Поллока.[62]

Я посмотрела на Шуру непонимающим взглядом и сказала: «Кофе. Я даже не знаю. Почему-то я чувствую себя абсолютно сбитой с толку, как бы не здесь, словно я где-то в другом месте». Он ответил мне ледяным взглядом — иначе не назовешь — и отошел. Через несколько минут он принес мне кофе, черный, как любил он сам, но не я. Сказал «вот», развернулся и снова ушел.

Я зашла за колонну, к горьким к безрадостным чувствам, выбравшим явно не подходящий момент, чтобы заявить о себе, добавилось еще и смущение. Горячий кофе пролился мне на руку, и я ощутила себя неловкой, нескладной и глупой. Все, о чем я могла подумать в тот момент, была мысль о том, что Шура даже не потрудился вспомнить, какой кофе я обычно пью; я не так много значила для него, чтобы он помнил такую малость. Я с трудом сделала вдох и стиснула зубы, чтобы не дать себе расплакаться. Неужели ты собираешься раскрыть себя таким невообразимым, ужасным способом прямо здесь, на виду у этих милых театралов, думала я про себя.

Мне и в голову не пришло, что я переживаю классический приступ тревоги и что рациональное осмысление моего состояния может оказаться бесполезным.

Когда мы возвращались на свои места перед началом второго акта, Шура не подал мне руки, как делал обычно. Как застывшая, я сидела рядом с ним и не могла придумать, как вернуть себе обычное спокойствие и чувство юмора.

Весь оставшийся вечер мы чувствовали напряжение и были подчеркнуто внимательны друг к другу. Ночью мы легли спиной друг к другу и заснули без ставших традиционными нежных слов и прикосновений.

Много позже я поняла, что Шура не был готов видеть меня в таком смятении да еще без предупреждения, в самом разгаре приятного вечера в театре. Я поклялась ему, что не буду играть роль жертвы и тем самым превращать его в мучителя, если он позволит мне войти в свою жизнь в это трудное и тревожное для него время. А там, в театре, я стала жертвой, прижавшись к стене, как беспризорный ребенок, с умоляющим взглядом, от которого Шуру прожгло чувство

вины. Он стал холодным и отдалился от меня, не зная, что еще мог сделать.

Бывали дни, когда я чувствовала себя уязвимей, чем обычно, и с большей силой ощущала стену, которую воздвиг внутри себя Шура, а также легкую эмоциональную сдержанность. Я могла понять ее и согласиться с ней умом, но не сердцем. В этот момент чувство ущербности затопляло меня, уплотняя воздух между нами. Тогда Шура чаще всего отстранялся от меня, открытое выражение его лица сменялось защитной маской, а потом становилось жестким и холодным.

Эти инциденты обычно случались в начале выходных, а после проведенной вместе ночи я просыпалась с вновь обретенной смелостью и легкостью. На протяжении оставшихся до раннего понедельничного утра, когда я должна была ехать на работу, часов мы могли расслабиться и смеяться вместе.

Шура признавал свою склонность к молчаливому высокомерию и относился к ней критически. Однако я не считала эту его черту отталкивающей. Она придавала ему не только необходимую силу, но и, на мой взгляд, своеобразную аристократическую избранность, с какой рождаются многие дети, обладающие большими задатками. Чувство избранности сохраняется и у взрослых, если только ее не разрушит враждебность одноклассников в школе.

Кроме того, как я говорила Шуре, то, что он называет высокомерием, могло просто оказаться чем-то похожим на чувство собственного достоинства, и, если данная черта его характера не заставляет чувствовать остальных неполноценными людьми, а я никогда не видела, что бы такое случалось, то это чертовски замечательно — иметь ее.

В своей жизни я встретила достаточно много одаренных людей, чтобы понять, через что пришлось пройти большинству из них. В школе они были еще слишком малы, для того чтобы осознать, что, если ты выделяешься из общей массы благодаря своим способностям, то становишься врагом для одноклассников, если тебе не повезло и тебя не перевели в спецшколу, где учились такие же талантливые дети, как ты. Большинство из них были не настолько везучими. Травля в классе могла оставить след на всю жизнь. Повзрослев, такие дети либо продолжали подвергать свою речь цензуре, говорить неуверенно, избегая слов или фраз, которые могли обнаружить их интеллектуальное превосходство, или, подобно Келли, становились агрессивными, как неврастеники, задиристыми и даже шли на оскорбление людей, с которыми им приходилось иметь дело. И в том, и в другом случае они всегда чувствовали свое отличие от обыкновенных людей и жили в затаенном одиночестве, которое никогда от них не уходило.

Шура избежал обеих ловушек. К тому времени, когда я повстречала его, он как-то понял или решил для себя, что просто будет таким, какой он есть, не делая попыток спрятать какую-то сторону своего «я». Год за годом он приучал себя к терпению, отыскивая способы доходчиво объяснять своим студентам то знание, в области которого, как он хотел, они стали бы настоящими специалистами. По собственному признанию Шуры, он знал, что именно он должен был подобрать правильные слова. Если же студент чего-то не понимал, то это Шура считал своей неудачей; непонимание ученика означало, что он недостаточно хорошо учил его.

Но временами какая-то его часть становилась злобной, разочарованной, проявляя себя в такой форме, какую я не могла предугадать или подготовиться к ней. Когда это случилось впервые, я не почувствовала никакой тревоги.

Однажды вечером, посмотрев в кинотеатре фильм, мы отправились в небольшое кафе и заказали себе чизбургеры. Пока мы ели, Шура сказал мне, что серьезно подумывает о том, чтобы бросить Ферму и переехать куда-нибудь в Северную Калифорнию, где никто его не знает, а он ни с кем не связан. Время от времени кусая чизбургер, он объяснил, что устал от людей, устал вообще от всего, и подумал, что настала пора сняться с насиженного места и начать новую жизнь. При этом, добавил Шура, большую часть времени можно было бы посвятить самому себе,

с тем чтобы не быть втянутым в проблемы других людей или не впутывать их в свои.

Я пристально вглядывалась в него, пытаясь понять, что могло вызвать подобную горечь, и надеясь, что я не входила в число тех людей, от которых Шура устал. Но спросить об этом я не осмелилась. Я очень разволновалась при мысли о том, что Шура в самом деле может продать свою прекрасную ферму и уехать в другое место. Я прямо сказала ему о своих опасениях. В ответ он лишь пожал плечами и сменил тему разговора.

Когда через несколько дней после этого, еще на неделе, мы говорили с ним по телефону, Шура ничего не сказал о своем плане или намерении уехать, и, в конце концов, я объяснила тот разговор за счет непродолжительной печали и раздражения, которые прошли без следа, и решила не принимать его всерьез.

В следующий раз нечто подобное случилось уже спустя многие недели. Эта странная ситуация продолжалась три дня, и чуть было не вылилась в настоящую катастрофу.

Я приехала на Ферму, как обычно, в пятницу, и сразу почувствовала, что что-то не так. После резкого приветствия Шура ушел от меня, сообщив, что у него полно работы, поэтому какое-то время я должна позаботиться о себе сама. Я заверила его, что все будет в порядке, задумавшись над тем, что же случилось.

Пока я готовила обед, Шура то и дело слонялся по дому, не говоря ни слова и с мрачным лицом, словно все, что он видел, включая меня, было неправильным. Он сказал мне несколько преувеличенно вежливых слов, в которых не было и следа его восхитительного озорного чувства юмора.

Обед прошел в полном молчании. Я ужасно страдала, будучи уверена, что Шура такой из-за меня, что мои промахи привели его в озлобленное состояние и что он почти готов попросить меня убраться из его жизни.

Прибрав стол, я мягко сказала Шуре, что собираюсь вымыть посуду, а потом посмотреть телевизор и отдохнуть, пока он будет заканчивать работу. Он кивнул и пошел к себе в кабинет с бокалом вина.

Я не пробовала объяснить такую внезапную перемену настроения; я безоговорочно верила, что сама была причиной негативных эмоций, которые чувствовал Шура. Наведя порядок на кухне, я села за столом в столовой, крепко обхватив руками свои колени. Когда Шура вышел из кабинета и прошел через столовую, игнорируя меня, поколебавшись, я спросила, глядя в его удаляющуюся спину: «Шура, я чем-то тебя разозлила?» — Нет, — бросил он и даже не обернулся. Разумеется, я ему не поверила.

Мне понадобилось больше часа, чтобы набраться смелости войти в его кабинет и встретиться лицом к лицу с тем, чего было не миновать. Я встала прямо на пороге, опустив и стиснув руки перед собой, и покорно ждала.

Когда Шура поднял глаза и увидел меня, он заговорил. В его голосе звучало напряжение, смешанное с раздражением: «Меня так тошнит, просто тошнит, быть человеком, который все за всех решает. Мне надоело давать другим наркотики и протирать штаны в лаборатории за созданием новых препаратов, новых инструментов для изучения человеческого мозга и механизмов его работы, пока все вокруг меня только и жаждут заполучить средство для нового трипа. Никто не понимает сути настоящего исследования, подлинной научной работы в этой области. Никто, кроме меня, не хочет связываться с написанием и публикацией статей, описывая то, что они получили от этих наркотиков. Они обращаются ко мне, чтобы я накачал их наркотой, дал им сладкую конфетку. Ни один из них не подумает и не позаботится обо мне. Они любят лишь человека, который дает им наркотик, а не Шуру Бородина».

Я замерла на месте, оглушенная. Это был отталкивающий вопль жалости к себе, что было совершенно не свойственно Шуре.

Запинаясь, я попыталась сказать:

— Конечно, тебе приходится нести много ответственности, ты многое делаешь для людей, но ты должен знать, что друзья очень любят тебя, Шура, даешь ты им наркотик или нет! Ты же не можешь на самом деле верить в то, что только что сказал…

— Да нет же, я верю в это! — закричал он, ударив по столу кулаком. — Я знаю это! — Понизив голос, он продолжил. — Я долго обманывал себя, принимая все за настоящую любовь и заботу, но это лишь вызывающая жалость иллюзия, и пришло время, когда я увидел ее. Пришла пора бросить все это и переехать в другое место. Я намерен продать этот дом и перебраться на север, где никто не будет знать, кто я такой. И я начну все с начала, подальше от всех вас. Я даже не собираюсь кому-то сообщать, куда я еду. Я просто хочу, чтобы наступил такой день, когда я избавлюсь от своей известности, а все остальные начнут сами нести за себя ответственность. И меня не будет здесь, и я не буду решать все их чертовы проблемы».

Это чьи же чертовы проблемы ему пришлось решать? О чем он вообще толкует?

Я рискнула пройти немного вглубь комнаты, но сесть еще не отваживалась, подозревая, что весь этот взрыв на самом деле объяснялся тем, что Шура рассердился на меня или на себя за то, что позволил мне находиться рядом с собой, и за то, что оказался таким слабовольным и безропотно ждал Урсулу, не получая удовольствия от жизни с другой женщиной.

Я снова спросила у него, не разозлила ли я его чем-нибудь.

— Ну, от тебя было мало помощи, — сказал он, уставившись на меня. — Ты повсюду оставляешь вещи; по всему дому разбросан хлам, который ты не удосужишься прибрать. Знаю, что я не самый аккуратный человек на свете, но даже для меня это слишком — сталкиваться с тем же самым бардаком, как и у меня самого! Мне нужно хотя бы какое-то подобие порядка в доме, в противном случае я просто не смогу нормально функционировать. И раз уж мы заговорили о том, что меня бесит, скажу, что ты с маниакальной настойчивостью продолжаешь приносить мне слишком много еды, не обращая внимания на то, что я уже несколько раз просил тебя не делать этого. Я раньше не говорил об этом, потому что твоя неуверенность заставляет меня чувствовать, что я должен обращаться с тобой поласковей, чтобы ты не разошлась по швам.

Полностью окаменев, я стояла и смотрела на его побагровевшее, искаженное злостью лицо.

А Шура беспощадно продолжал: «Я не должен был ни за что разрешать тебе делать с собой такое — влезать в эту идиотскую ситуацию, возникшую между мной и Урсулой. И я виню себя за то, что допустил, чтобы все это дошло до такой стадии, когда, того и гляди, причинит всем боль. Глупо, глупо! Это невозможно, и с моей стороны было глупо допустить это». Он ударил себя по лбу ладонью. Я развернулась и вышла из кабинета, бесшумно закрыв за собой дверь. Грудь и горло у меня сжимались от слез.

Мы легли в постель, не сказав друг другу ни слова. Шура выпил много вина и сразу же погрузился в сон, а я вглядывалась в темноту и тихонько плакала, пока не уснула, окончательно обессилев.

На следующий день я не выходила из гостиной, понимая, что должна собрать вещи и уехать отсюда, несмотря на то, что была всего лишь суббота, а не понедельник. Я не переставала надеяться, что Шура придет ко мне и скажет, что все в порядке, что я могу остаться, что он хочет, чтобы я была здесь. Но он так и не появился. Время от времени я слышала, как хлопает задняя дверца когда он выходил в лабораторию. Я свернулась клубочком на диване и зарыдала, охваченная желанием умереть прямо сейчас и злясь на немыслимую несправедливость, с которой Шура отнесся ко мне. Я ненавидела себя за то, что так ошиблась, что влюбилась в него, и не могла понять, что же мне теперь делать.

Я знала, что он был прав, ведь я сделала так много всего, чтобы заставить его потерять терпение. Я была неорганизованной, потакающей своим слабостям, по сути дела лентяйкой,

небрежной особой, а, кроме того, моя неуверенность в себе наводила на людей тоску. Конечно, ее можно было понять, но Шура не должен нести такое бремя.

Потом я услышала, как Шура открывает холодильник на кухне, и подумала о том, чтобы приготовить ему ланч, но не осмелилась, вспомнив, что он сказал мне, и подозревая, что он еще не отошел от обиды. Я пыталась читать, но не смогла. Все, чем мы были друг для друга, друг с другом, перестало существовать. Запланированный мною финал, в котором Урсула приезжает и остается навсегда, а передо мной достойно и с любовью закрывается дверь в Шурину жизнь, может быть, и насовсем, никогда не станет реальностью. Вместо этого все заканчивалось тем, что я оказывалась страдающей и сбитой с толку жертвой с распухшими от слез глазами, которая не могла даже набраться смелости, чтобы собраться и уехать прочь, чего, несомненно, ожидал от меня Шура.

Уже наступили сумерки, когда в гостиную пришел Шура. Он сел в кресло и, как мог, попытался мне рассказать о том, что происходит.

— Элис, я сожалею. Тебе пришлось впервые столкнуться с той стороной моего внутреннего мира, которую я не в силах объяснить. Это порой случается со мной — такое странное состояние сознания, и я даже не знаю, что его провоцирует. Словно что-то темное берет во мне верх. Я чувствую абсолютное одиночество, и не могу никому и ничему верить; я полностью теряю способность доверять. Остается лишь раздражение, и я злюсь на всех, а больше всего — на себя самого. Что бы я ни делал, что бы ни планировал сделать, внезапно начинает казаться бессмысленным, бесцельным. Надеюсь, ты сможешь пережить это и простить меня за то, что я наговорил тебе и что могло причинить тебе боль. Порой ты действительно действуешь мне на нервы, как, уверен, иногда действую тебе на нервы и я, но я не собирался уязвлять тебя и заставлять тебя страдать. Я очень благодарен тебе — или буду благодарен, если опять смогу испытывать чувство благодарности — в общем, какая-то часть меня благодарит тебя за то, что ты осталась. Это все, что я могу сказать.

Я смотрела на размытое пятно, которое было на месте его скрытого в тени лица. Мне был виден лишь блеск его волос и бороды. Я была в шоке, мои мысли и чувства запутались в мешанине страха, горя и стыда. Я все еще ждала, что Шура окончательно меня прогонит. Лишь мой внутренний Наблюдатель отследил сказанное. Он медленно переварил полученную информацию, сообщив мне, что я не должна уезжать, что Шурин взрыв не был окончательным приговором и что мне пора перестать реветь. Мне было сказано вести себя с достоинством, встать и подойти к нему, но не прикасаться.

Я встала и пересела на скамеечку около кресла. Колени Шуры оказались в нескольких дюймах от меня. Я спросила его: «Ты все еще в этой… в этой темноте или уже вышел оттуда?»

— Нет, боюсь, я еще не покончил с ней. Пожалуйста, потерпи меня таким еще какое-то время. Я буду признателен, если ты составишь мне компанию, даже если буду не слишком разговорчивым.

Его голос звучал непривычно невыразительно, тускло. Это называется депрессией. Это, без сомнения, острая депрессия. Но пока я лучше помолчу,

— Ничего, если я приготовлю тебе что-нибудь поесть?

Шура дернул головой и ударился о спинку кресла с криком:

«О, Боже мой, я не собираюсь есть! Ты не должна так испытывать меня; я чувствую себя просто чудовищем!»

— Прости. Я приготовлю тебе на ужин чуть-чуть еды.

Я смылась на кухню и сунула пару готовых замороженных обедов в духовку, после чего отправилась в ванную, причесалась и немного подкрасила губы (Шура не любил макияж в принципе, так что я лишь слегка провела помадой по губам, чтобы убрать с них бледность). А

вот с припухшими веками и краснотой вокруг глаз я ничего сделать не могла. Я казалась себе опустошенной и безобразной, вызывающей жалость и чуть ли не отталкивающей. Шура вежливо поблагодарил меня за ужин и извинился, потому что должен был идти в кабинет, чтобы закончить кое-какие письма. Я сказала ему, что посмотрю телевизор или почитаю и что буду превосходно чувствовать себя и в одиночестве. Мы оба знали, что сейчас нам лучше всего какое-то время побыть порознь. Шура ушел к себе в кабинет, я помыла тарелки и почистила все поверхности, которые нашла на кухне. Я старалась делать это как можно тише, чтобы он не услышал шума и не вышел поинтересоваться, что здесь происходит. Я не хотела, чтобы он почувствовал свою вину еще острее с учетом того, чего он наговорил мне о соблюдении порядка в доме.

Закончив уборку, я включила телевизор и пошла в гостиную прибирать свои вещи. Аккуратно повесила свое пальто в шкаф за входной дверью, собрала свою рисовальную бумагу, краски и кисти и упаковала в сумку для покупок, в которой возила их, а сумку поставила рядом с диваном.

Потом села и сфокусировала взгляд на экране телевизора. Я почти ничего не видела и не слышала, в голове теснились мысли, из которых я пыталась выстроить цельную картину. Через некоторое время я почувствовала, что у меня сбилось дыхание, а тело напряглось, практически затвердело. Усилием воли я расслабила мышцы и повращала головой, чтобы размять одеревеневшую шею и спину.

Когда Шура пришел звать меня ложиться спать, я была уже в халате, почистила зубы, проглотила гормональные таблетки и еще раз причесалась. Оказавшись в постели, мы не пытались заняться любовью. Шура одной рукой обнял меня за плечи и прижал мою голову к своей груди. Мы заснули под грустную, тоскующую мелодию Стравинского из «Петрушки».

К тому моменту, когда мне надо было уезжать на работу, казалось, что все худшее позади. Когда Шура позвонил мне вечером во вторник, в его голосе слышался привычный энтузиазм, и не было сомнений насчет того, что чувство юмора полностью вернулось к нему.

В конечном итоге я даже придумала название для этих прорывов темной стороны Шуриной души — безлюдные сибирские просторы.

Много позже я поговорила с Тео, и он помог мне восстановить недостающую информацию. Шурин сын сказал мне, что такие эпизоды случались с отцом еще тогда, когда он был совсем ребенком. По его словам, каждый раз все начиналось одинаково. Если в раковине лежали грязные тарелки, отец ни с того ни с сего начинал их мыть. «Обычно, — сказал Тео, — папа оставлял мытье посуды и уборку кухни матери. Теперь, когда вы здесь, он ведь поступает так же, да?»

— Правда, — ответила я. — Когда он живет один, он делает основную уборку, но когда я приезжаю на выходные, то уборкой занимаюсь сама. Но обычно он не грузится по этому поводу.

— Точно, — подтвердил Тео. — Несколько немытых тарелок и вилок его не волнуют, за исключением того момента, когда у него начинается этот его приступ. Я очень рано понял, что, когда папа оказывается у раковины, моет посуду и чистит столы с остервенелым выражением лица, значит, мне пора удирать куда подальше. Я просто сбегал из дома, шел в амбар или забирался на холм, чтобы не показываться отцу на глаза, и сидел там, пока не подходило время ужина и мне было нужно возвращаться домой. — Тео рассмеялся. «Интересно, доводилось ли Урсуле сталкиваться с «безлюдными просторами», — подумала я.

Когда через несколько месяцев у Шуры вновь начался приступ депрессии и раздражения, меня посетило вдохновение. Я спросила его, примет ли он МДМА вместе со мной, и он согласился, ясно дав понять, что считает эту затею бессмысленной.

За сорок минут его напряженное, озлобленное лицо разгладилось. Он сидел в кресле и

улыбался мне. А еще через несколько минут он протянул мне свои руки и потребовал, чтобы я подошла и немедленно, сию секунду, села к нему на колени.

Сибирь была побеждена.

Я понимала, что наркотик не был окончательным решением проблемы Шуриных срывов, но, без сомнения, МДМА был эффективным средством борьбы с неожиданными атаками его подсознания.

Время от времени Шура давал волю своей темной стороне, когда выпивал слишком много вина и позволял себе говорить намеренно саркастическим тоном и резко шутить. Однако в полном объеме «безлюдные сибирские просторы» больше о себе не заявляли.

В конце концов, я совершенно случайно открыла способ, с помощью которого можно было разрядить эту мерзкую обстановку во время чрезмерного алкогольного расслабления. Однажды вечером, когда Шурин острый язык вел себя агрессивнее обычного и колкости в мой адрес летели одна за другой, до меня вдруг дошло, что его атака из остроумной превратилась простоев нелепую. Эта мысль заставила меня рассмеяться. Я хохотала, пока не согнулась пополам от смеха. Когда я немного пришла в себя и выпрямилась, то, увидев мельком застывшее от изумления Шурино лицо, начала смеяться снова. Он проиграл. Сначала он забормотал что-то, потом пару раз хихикнул, после чего бросил сопротивляться и разразился смехом. Мы хохотали до потери пульса, а потом стали поддерживать друг друга, выбившиеся из сил, задыхающиеся и чувствовующие себя абсолютно превосходно.

Глава 28. Мир света

Поздней весной, в четверг вечером, Шура позвонил мне, чтобы сообщить о полученном по почте длинном письме от Урсулы.

— А, — протянула я, усаживаясь со скрещенными ногами в кресло.

Она Та, Кто Слушает. Она Та, Кто ждет.

— В письме обычная чепуха насчет крайне нестабильного состояния Дольфа, — начал Шура. — Она пишет, что не дает мужу сорваться, стараясь быть любящей и нежной с ним. Она чувствует, что он постепенно привыкает к мысли об ее отъезде, а когда этот день придет, он окончательно восстановит чувство само уважения и у него появятся виды на будущее.

Я сочувственно забормотала, искренне жалея Дольфа.

— Она велела мне не волноваться. Она очень хорошо знает своего мужа и не может допустить, чтобы произошла какая-нибудь трагедия. Думаю, так она отвечает на мою настойчивую просьбу собрать вещи и немедленно уезжать от Дольфа.

— Да, конечно.

— Я просто передаю тебе общее настроение письма, ты же понимаешь.

— Разумеется, — ответила я. — Но, знаешь, я не могу не задумываться о том, что она рискует. Ну, разве исключается такая возможность, что Дольф будет удерживать ее вечно, продолжая страдать? Я хочу сказать, может, он делает это бессознательно, но, если именно его душевные страдания не дают ей уйти, с какой стати ему вдруг чувствовать себя лучше или привыкать к чему-то?

— Полагаю, это может случиться, — сказал Шура. — Но, с другой стороны, ей же придется сказать «хорошо, дела обстоят так: я уезжаю, желаю тебе всего наилучшего, мне очень жаль, прости-прощай» или что-нибудь в этом роде. Неважно, насколько нежно она скажет это, в конце концов, эти слова должны быть произнесены.

— Думаю, что да.

— Кроме того, — продолжил Шура, — все сводится к тому, что лишь она может управлять ситуацией; даже если бы я был там, я не мог бы сделать это за нее. Так что мне не остается ничего другого, как не вмешиваться и позволить ей довериться своим инстинктам, надеясь, что она выберет правильный путь, пока события не докажут обратного.

— Да. Это все, что в твоих силах.

Но на этом Шура не закончил. «Самое приятное я оставил напоследок, — сказал он. — Урсула сообщила мне кое-что очень обнадеживающее. Она наконец-то упаковала все свои книги в большой контейнер и отправила его сюда наземным транспортом за день до того, как написала письмо. Невозможно рассчитать, сколько времени займет доставка контейнера — его повезут по морю, разумеется, — но, по крайней мере, он уже в пути».

Я сказала, что это хорошая новость, и постаралась, чтобы мои слова прозвучали достаточно убедительно.

— Она написала, что знает, именно такую новость я и ожидал услышать, — сказал Шура. — Должен признать, я вздохнул с облегчением. Пока я не прочел это место в письме, и я не знал, какая пропасть мелких сомнений накопилась во мне за последние несколько недель…

— Ну, до сих пор ты получал ужасно много неопределенных обещаний; это известие звучит куда реальней.

У меня внутри все свернулось в холодный, тугой узел.

Набитый книжками грузовик плывет через глубокое соленое море-океан, черт бы ее побрал. Она настроена серьезно. Я обманывала себя, веря в правоту Бена. Я хотела верить в то, что он

прав. Но книги… книги — это реальная вещь. Книги просто так не посылают.

Шура что-то говорил об исследовательской группе, которая вновь соберется у него дома в следующую субботу. На этот раз, пообещал он, у меня будет возможность познакомиться еще с двумя участниками группы. Они жили дальше всех, в долине Оуэне, около двух часов езды от Долины смерти. Шура спросил, была ли я когда-нибудь в Долине смерти.

Выброси Урсулу из головы. Следи за разговором.

— Нет, не была, — ответила я. — Я давно хотела увидеть это место, но случая так и не представилось.

— Это место ты должна обязательно увидеть! Это же одно из чудес света вроде Большого каньона и Вавилонской башни. — Так или иначе, — оживленно продолжил Шура, — Данте и Джемина Сэндемэн живут в маленьком городишке, который называется Золотое Дерево. Они перебрались туда несколько лет назад и построили себе отличный дом: задней стеной ему служат горы, а по ночам вокруг с воем бродят койоты. Словом, замечательное место. Я давно их знаю и очень люблю обоих.

— С нетерпением буду ждать встречи с ними.

Это просто смешно. Меня познакомят с новыми людьми, которые, возможно, понравятся мне, а потом появится Урсула и все приберет к рукам, мне же придется уйти со сцены. Это бессмысленно.

— Между прочим, — заметил Шура, — никто не зовет ее Джеминой, только Джинджер.[63] Это прозвище подходит и к цвету ее волос, и к ее характеру.

— Ты хочешь сказать, что она темпераментна, как все рыжеволосые?

— Нет, нет, я имел в виду не темперамент, хотя он у нее тоже совсем неплох. Я говорил об энергии и… э… об искре, думаю, можно и так сказать. Она как девчонка. Что же касается Данте… ну, о нем я тебе расскажу, когда ты приедешь ко мне в пятницу».

— Ладно, — сказала я. — Значит, Данте и Джинджер. Вот это имечки! Даже я не смогу забыть их.

Я ездила на работу в больницу и не забывала о своих обязанностях по дому. Мой мозг словно заснул на какое-то время. Я постаралась как можно лучше заморозить все свои домыслы, надежды и страхи. Я крепко обнимала детей и не забывала, что надо улыбаться, но время от времени ловила на себе их серьезный взгляд, словно они чувствовали, что что-то не так.

В пятницу вечером, проводив детей к отцу, я положила в машину ингредиенты для большого салата, как попросила меня Рут, занимавшаяся подготовкой субботнего обеда. Я взяла сваренные вкрутую яйца, помидоры, авокадо, маленькие зеленые луковицы, три вида салата (на всякий случай) и две бутылочки салатной заправки — «Тысяча островов», которая нравилась Шуре, и еще одну итальянскую. На этот раз мне не нужно было опасаться того, что я привезу слишком много еды, поскольку Шура ждал немало гостей.

Шура встретил меня крепкими объятиями и поцелуем в губы. Он явно прекрасно себя чувствовал. Я решила не обращать внимания на контейнер с книгами, поселившийся у меня в желудке, и вести себя так, словно настоящее было единственной реальностью и лишь этот выходной имел значение.

Когда вечером я сказала что-то насчет ожидавшихся завтра девяти гостей, Шура ответил: «На самом деле, их будет десять. Ты слышала, как я упоминал Дэвида Лэддера, молодого химика, который приходит сюда раз в неделю и работает со мной в лаборатории? Мы много чего опубликовали в соавторстве, и, как все мои знакомые, я считаю его хорошим химиком, лучше себя по многим параметрам».

— Да, знакомое имя. Так он завтра придет?

Шура энергично закивал:

— Последние несколько недель он выбивал грант для своей лаборатории, чтобы финансирование не прекратилось, а недавно наконец-то закончил с этим. Это означает, что завтра группа соберется в полном составе. Это случается лишь тогда, когда Сэндемэны возвращаются домой, повидав родственников или самого младшего внука, или еще кого-нибудь.

— Расскажи мне о Дэвиде.

— Конечно, — откликнулся Шура. — Мы давно с ним знакомы. Ему под сорок, хотя выглядит он как юнец, которому едва разрешили пить спиртные напитки, только с сединой в волосах. Отец у него психиатр. Предвижу твой вопрос и сразу скажу, что работает он по Фрейду. Отец весь в морщинах, но дружелюбный и жизнерадостный. У них большая семья. Сестра Дэвида, Джоанна, профессионально играет на виолончели, она превосходно владеет инструментом, действительно заслушаешься. Еще есть два брата, оба математики. Дэвид — единственный химик в роду. Что еще тебе бы хотелось узнать?

— Какие у него отношения с близкими?

— На самом деле, похоже, что все они питают искреннюю любовь друг к другу, насколько я могу судить по своим многолетним наблюдениям. Они привязаны друг к другу, многие вещи делают сообща. Кажется, Дэвиду нравится семейная атмосфера. Он прямо расцветает после очередного визита к малюткам племянникам или после семейных праздников и всего такого.

Я накрыла на стол, и мы сели ужинать. Шура продолжал рассказывать:

— Дэвид — тихий человек, где-то интровертный. Подозреваю, что он унаследовал ген робости от своей матери. Но когда он оказывается в лаборатории, робости у него как ни бывало. Он любит химию даже больше меня. Меня могут вдохновить и другие вещи — я могу видеть себя писателем или музыкантом. Но я действительно понятия не имею, чем бы занялся Дэвид, лиши его лаборатории. Лаборатория занимает главное место в его жизни, это его средство самовыражения. Конечно, много для него значит и музыка, но лишь химия — его подлинная и неизменная любовь.

— Он женат?

— Нет, — вздохнул Шура. — Пару лет он жил с какой-то девушкой, а потом все сошло на нет. Возможно, она устала быть на втором месте после химических журналов! Мы не говорили с ним на эту тему. Он очень замкнут, и, когда он заходит ко мне после работы, обычно это случается по средам, мы просто погружаемся в наш мир таинственных нитростиролов, где царит странный запах серы. И обсуждаем мы, главным образом, нашу работу и то, как описать ее результаты. Ну и грязные сплетни о других химиках — не без этого.

Звучит так, словно между ними установились отношения отца и сына. Что бы там ни было, это важно.

— Дэвид — это один из немногих честнейших людей в мире, — подытожил Шура. — Он абсолютно честен в области науки, чего я не могу сказать о многих своих знакомых ученых. Не то что бы они шли на сознательный обман или подтасовку данных, или выборочно сообщали о результатах. В лаборатории мало кто жульничает. Тут, скорее, дело в разумном компромиссе, на который соглашаются слишком многие из них, особенно те, исследования которых финансирует правительство. Как ни жаль, но приходится говорить, что в наши дни в академической науке не осталось почти никого, кто не субсидировался бы правительством — прямо или косвенно.

Я уточнила: «Что за компромисс и почему они на него идут?»

— Проблемы, которые ты изучаешь, вопросы, на которые ты пытаешься ответить, ставятся тем, кто дает тебе деньги, — ответил Шура. — И свои ответы ты часто формулируешь наиболее удобным образом, чтобы источник твоего финансирования был доволен тобой.

— Ты хочешь сказать, что найдется немало ученых, которые представляют лишь такие результаты, которые удовлетворят их… источник их финансирования?

— Да нет, — замахал рукой Шура. — И у серого цвета есть свои оттенки. Встречаются те, кто докладывает своим боссам лишь то, что последние хотят слышать, но есть и такие, кто в точности сообщает те результаты, которые были получены, даже если они расходятся с популярной ныне общественной философией. Остальные 99 % исследователей балансируют между этими крайними позициями. Дэвид относится к тем, кто ничего не утаивает. Надеюсь, что понравлюсь Дэвиду.

Когда мы закончили ужинать, я налила Шуре бокал красного вина, себе немного белого и спросила: «Между прочим, что ты планируешь дать нам завтра? Мы ведь что-нибудь примем, не так ли?»

— Ну, когда с нами оказываются Данте и Джинджер, мы с удовольствием празднуем эту встречу чем-нибудь особенным.

— А-га!

— И я подумал, а не устроить ли нам соревнование, если народ согласится. Все они, кроме Дэвида, уже имели дело с мескалином. Я собираюсь предложить каждому принять мескалин в дозе, превышающей ту, которую он пробовал раньше, установив верхний предел в размере пятисот миллиграммов. Эта доза, конечно, для самых крепких.

В постели мы предприняли несколько нерешительных попыток заняться сексом, но потом были вынуждены признать, что дело было гиблое, обняли друг друга и заснули.

На следующее утро, после кофе, Шура рассказал мне о Данте Сэндемэне.

— Несколько лет назад он уволился с радиостанции. Можно было бы ожидать, что такая работа оставит на нем профессиональный отпечаток и даже наградит цинизмом, но с Данте этого не случилось. Он один из самых доверчивых людей на земле и старается сохранить веру в людей, веря всему, что они говорят ему. После того, как нам переваливает за двадцать пять или за тридцать, у большинства внутри просыпается такой тоненький предостерегающий голосок, который советует примерно так: «Смотри и внимай. Искренен ли этот человек с тобой? Он на самом деле такой или только прикидывается? Я не прав?»

— У-у-у!

— Наш Данте не таков, — Шура сделал паузу, отпил кофе и уточнил. — Я не собираюсь преувеличивать его невинность. Он очень проницательный парень, умный, наблюдательный; просто он склонен верить людям на слово. Стоит ли говорить, что несколько раз он сильно обжигался.

Я сказала: «Похоже, что ваш Данте являет собой образец добродетельного человека».

Шура откинулся на спинку стула и начал:

— В шестидесятых годах жил да был один человек, заработавший себе дурную славу, очень сложный человек с диким характером, потрясающе сообразительный. Звали его Билл Проктор — Уильям Шелли Проктор, который мнил себя Храбрым Портняжкой от ЛСД. Ему нравилось одурманивать людей наркотиками, и в свое время он многих накачал. О нем можно немало порассказать, но скажу лишь одно: он был первым известным мне человеком, который установил, что ЛСД является ценным средством, отворяющим душу. Он твердо считал и во всеуслышанье заявлял о своем убеждении, что каждый — или почти каждый — должен пережить этот опыт. И можешь мне поверить, что он приложил максимум усилий, чтобы добиться поставленной цели.

— Как же он уговаривал людей попробовать?

— Да он просто подначивал человека, которого считал подходящим кандидатом, и затаскивал его в пустыню. Он считал, что для первого раза пустыня была наилучшим местом. Потом он давал парню четыреста микрогран.

Я знаю, ты никогда не имела дела с ЛСД, но можешь мне поверить — после четырех сотен

микрограммов человек погружается в измененное состояние чертовски глубоко. Так или иначе, Билл Проктор вышел сухим из воды, потому что все, кого он «туда» отправил, считали полученный опыт невероятно полезным. Никто никогда не подавал на него в суд, не арестовывал, не вытаскивал пистолет и не всаживал пулю ему в лоб. Разумеется, — издал коротенький смешок Шура, — некоторые из нас временами дразнили его, ну, знаешь, примерно так — эй, Билл, что ты делаешь в случае плохих трипов, а? Сколько тел ты оттащил в дюны, Билл? Но правда в том, что, на мой взгляд, ему действительно удалось провести немало удачных опытов.

— Но ведь он не был хорошим человеком? Ты сказал, что он был…

— Хорошим? Да он был виртуозом по части мошенничества! У него всегда была про запас схема по выкачиванию денег из чужих кошельков. Он убедил Данте вложить порядочную сумму в какую-то аферу, а потом, когда все дело рухнуло, как и должно было произойти по всем ожиданиям, Билл бесследно растворился в закатных лучах солнца, по-видимому, со всеми деньжатами, оставив Данте, как и многих остальных, думать, во что же он вляпался, черт возьми. На деле все было, конечно, гораздо запутанней, но я передал самую суть.

Билл был просто неподражаем. Он являлся на вечеринки в полицейской униформе — Бог знает, откуда она взялась у него — и важно вышагивал с пистолетом на поясе, полностью войдя в роль. Это была поразительная личность. Было забавно наблюдать за его действиями, зная, что он задумал. Но быть обманутым им — это уже было не так смешно. Данте все еще не любит вспоминать об этом.

— Как же так? — спросила я. — У него хорошо получалось работать с ЛСД, и он знал о духовном измерении и обо всем подобном, и все равно оставался жуликом? Не понимаю.

— Сейчас поймешь. Психоделики не изменяют тебя, не затрагивают твой характер, если только ты сам не захочешь измениться. Галлюциногены способны вызвать изменения, но они не могут навязывать их. Проктору нравилось быть таким, каким он был. Он наслаждался самим собой. Ему нравилось быть крутым духовным проводником в мир ЛСД. И, без сомнения, он получал удовольствие, видя восторг и благодарность людей, которых он отправлял в трипы. Должен признать, что во время этих сейшенов в пустыне проявлялась какая-то часть его души, которая была скрыта от нас, потому что участники поездок в пустыню действительно преклонялись перед Биллом Проктором.

ЛСД не мог наградить его совестью, ибо он не испытывал в ней нужды. Наркотик не сделал его скромным или честным, раз уж на то пошло, потому что он не нуждался в скромности, а истина была для него очень гибкой, и использовал он ее исключительно в своих интересах. Нет, Проктор был абсолютно доволен собой. Однако, в конце концов, он получил своеобразную взбучку, причем в очень забавной форме.

— Что с ним случилось?

— Где-то в семидесятых им овладела настоящая паранойя. Он вбил себе в голову, что кто-то собирается вломиться к нему домой и конфисковать все его запасы ЛСД. Так что он поехал в Долину смерти, которая была его любимым местом для трипов, и зарыл большую часть наркотиков у особого столба, там, в пустыне, в заброшенном уголке, куда не сунется ни один турист. И отправился домой.

Но паранойя его не оставила. Примерно через год он вернулся в пустыню, чтобы выкопать свое добро. И не смог отыскать забор. Конечно, здесь могла вмешаться песчаная буря; в Долине смерти много вещей исчезает именно из-за бурь. Так или иначе, Билл все искал и искал, копал и копал, не останавливаясь. Несколько недель он не бросал свои поиски, но так и не нашел свой тайник с ЛСД. Так что где-то в ползучих песках Долины смерти лежит солидный куш — или что было таковым — в виде ЛСД. Возможно, его никогда не найдут! — Шура захихикал и

добавил. — Наверное, это уже бесполезно. ЛСД очень чувствителен к жаре и свету, а Долина смерти — один из самых жарких уголков планеты!»

Я засмеялась:

— Прелестно, прелестно. Кто-нибудь еще пытался отыскать наркотики, не знаешь случайно?

— Никогда не слышал об этом. Не слишком много людей знают эту историю. Билл никому не рассказал о месте, где зарыл наркотики, что нужно поставить ему в заслугу. Он умер несколько лет назад, и в мире стало чуточку безопаснее. Интересная личность. И часть прошлого Данте, с которой он еще не примирился. Ему по-прежнему больно думать, что его так обманули и что он настолько ошибся в человеке. Даже тот факт, что он был далеко не единственной жертвой нашего Билла, не очень помогает ему.

Так вот что нужно делать — стараться, чтобы тебя не обманули или не облапошили? Нужно быть очень искушенным человеком. Нужно доверять своей интуиции. И все равно тебя могут одурачить.

О Джинджер Шура сказал следующее:

— Она обладает изумительной энергией; она привязана к земле, она щедра, от нее исходит душевное тепло. Она мирится с теми — даже не знаю, как сказать — периодами, когда Данте впадает в депрессию, становится озлобленным и везде находит недостатки, что бы ни делала она или больше всего — он сам. Думаю, в их браке случались плохие времена, потому что они научились использовать психоделики для того, чтобы наркотики помогали им быть честными друг с другом и добиваться проникновения в эмоциональную сферу каждого, в общем, чтобы понять те вещи, которые затрудняют их отношения. Они оба чудесные, добрые люди. В конце концов, чтобы верить в других людей так, как верит или верил раньше Данте, требуется немало честности и добродетели.

— Да, — сказала я. — Я всегда думала, что люди, которые доверяют другим, чаще всего заслуживают доверия, и получается, что они проецируют это свое качество на остальных. На мой взгляд, лучше уж так, чем наоборот, даже если это означает, что порой придется страдать. На свете и без того слишком много циничных и подозрительных людей.

— Ну, — ответил Шура, — теперь Данте доверяет людям меньше, чем прежде, но все равно остается человеком, которому можно вручить собственную жизнь. В любом случае, я бы вручил.

Я улыбнулась.

Шура продолжил: «Между прочим, Джинджер — превосходная художница. Она занялась живописью всего лишь несколько лет назад, начав с акварели. Они живут высоко в пустыне, в прекрасном месте, и она рисует то, что видит вокруг».

Может быть, когда-нибудь и я вернусь к живописи. Сейчас мне не хватает для этого ни времени, ни сил. Нет. Это просто оправдание. Если я постараюсь, я найду способ, как это сделать.

— Они оба бывалые путешественники, — сказал Шура. — Данте увлекается путешествиями с давних пор. Он был одним из основателей учреждения под названием Института по изучению сознания — или что-то в этом роде. Он занимался этим сто лет назад, еще в пятидесятых, в Беркли, когда ЛСД был еще легальным или, по крайней мере, его еще не запретили. Слышала об этом?

— Припоминаю, что слышала о какой-то клинике, куда мог прийти каждый желающий и, кажется, за двадцать пять долларов провести там день под ЛСД. С ним рядом сидел специалист и заботился о нем в ходе эксперимента. Это было где-то в Беркли.

— Это тот самый институт и есть, — подтвердил Шура. — Они проделали значительную работу, особенно с алкоголиками, и уже начали привлекать внимание медицинского

сообщества, когда вышел закон, запрещающий любые исследования с использованием ЛСД, если только они не проводились под контролем правительства. Конечно, если кто-нибудь обращался за разрешением к правительству, официальные лица находили практически невозможным любые исследования воздействия наркотиков на людей, любой вид терапии. Между тем, как всем хорошо известно, — подчеркнуто сказал Шура, — ЛСД ушел в подполье и попал на улицу, став доступным каждому хиппи и студенту колледжа, который хотел получить этот наркотик. Естественно, что хотели все, потому что, как они говорили, если эта фигня запрещена правительством, то ее стоит попробовать; она должна быть хороша!

Я кивнула: «Я все думала, что же случилось с этим институтом. Я знала кое-кого, работавшего там какое-то время. Эта женщина, психиатр, сама захотела работать там в качестве одного из консультантов. Она поведала мне потрясающую историю, которая произошла с ней. Возможно, я расскажу ее, когда приедет Данте. Он должен знать эту женщину».

К десяти часам утра на Ферму подъехали Рут с Джорджем. Затянутое облаками ночью небо очистилось и к утру радовало глаз своей голубизной. Хороший денек для эксперимента, подумала я. Днем должно быть тепло.

Следующим прибыл Джон Селларс, а через несколько минут появились Бен и Ли Кэнтрелл еще с двумя людьми, которые, наверное, и были четой Сэндемэнов.

Я улыбнулась, увидев и услышав проявления Шуриной экстравертности. Он всегда приветствовал близких друзей громким криком «эй!» и крепкими объятиями, а еще он поднимал женщин над полом. На людях он иногда опускал эту часть приветствия.

Данте оказался не слишком высоким мужчиной, но зато он был мускулистым и сложен как боксер. Мне было сказано, что хорошую физическую форму он поддерживает благодаря длительным пешим прогулкам, которые он совершает несколько раз в неделю вместе с Джинджер. Частенько они гуляют по склонам горы Уитни, находящейся неподалеку от их дома. Облысевшая макушка Данте была загорелой и покрылась веснушками, а в оставшихся волосах было полно седины. На его треугольном лице около рта пролегли глубокие морщины — следы частого смеха и боли. Улыбка Данте была широкой и открытой, но его глаза, спрятавшиеся под кустистыми песочного цвета бровями, сохраняли скорее настороженное, чем любопытное выражение. Он ответил мне крепким рукопожатием и сказал, немного глотая окончания слов: «Я так много слышал о вас, Элис! Какое удовольствие наконец-то познакомиться с вами!»

Кто рассказал им обо мне? Шура или кто-то другой из группы? Хотелось бы мне знать, что им наговорили. Хотелось бы знать, что все они думают обо мне. Не важно. Не важно. Неуверенность поднимает проклятую голову. Надо просто быть самой собой, и пусть все идет, как идет.

Джинджер схватила мою руку обеими руками и сказала: «Привет! Нам давно было пора познакомиться с живым человеком!» Ростом она была почти со своего мужа. Ее рыжие волосы были коротко подстрижены и напоминали перышки. Один глаз у Джинджер был голубой, другой — зеленый. Ее лицо не портил даже немного широкий рот — оно все равно привлекало своей силой и живостью. Она была похожа на человека, готового в любую минуту начать радоваться и смеяться. У нее была отличная фигура — худая, атлетическая, но с пышным бюстом.

Никакой шелухи в этой леди. Сколько ей — сорок? Пятьдесят? Намек на внутреннюю неуверенность. Боец. Последний, оставшийся в живых. Пока что они оба мне по душе. Глупо — ведь я их совсем еще не знаю. Но чувствуется, что они хорошие люди. Приятная, теплая энергия.

Последним приехал Дэвид Лэддер. Теперь я поняла, что слышала, как Шура часто упоминает его имя в связи со сложностями в синтезе наркотиков или в контексте статьи, которую они готовили вместе. Он выглядел на удивление молодо. Как и сказал Шура, лишь

седина в его светлых волосах могла навести на мысль, что ему уже за тридцать. Он был высок и по-мальчишески худощав. Он быстро пожал мне руку, едва взглянув мне в лицо, а потом сразу отвернулся и стал смотреть в сторону, словно боялся, что его сочтут назойливым.

И в самом деле робкий. Приятное лицо, доброе. Ранимый. Умный, возможно, с очень развитой интуицией.

Мы собрались на кухне, где все имеющиеся поверхности были заняты разнообразной едой, привезенной каждым из нас. Джинджер искоса посмотрела на верхнюю часть одного из окон и с удовольствием сказала мне: «Вижу, Шура по-прежнему верен своим маленьким паучкам! Думаю, он предупредил вас под страхом высылки с Фермы не лишать бедные создания чувства безопасности!»

Я рассмеялась в ответ: «Ну, мы пошли на компромисс и договорились, что в каждой комнате будет висеть несколько символических паутин, а остальные я убираю без особого разрешения».

Кто-то легко коснулся моего плеча сзади, и, развернувшись, я получила поцелуй в щечку от Ли: «Привет, Элис. Рада снова видеть тебя».

Я посмотрела в широко раскрытые, задумчивые глаза и обняла худое тело Ли, сказав, что тоже рада ее видеть.

Джон Селларс подарил мне слегка заговорщическую ангельскую улыбку, когда проходил через кухню.

Наконец, Шура призвал всех собраться, и мы сгрудились в столовой. Когда в комнате стало тихо, Шура рассказал о своей идее.

— Я подумал, что по случаю редкого присутствия Сэндемэнов мы могли бы дерзнуть и попробовать что-нибудь эдакое, на которое способны здравомыслящие люди, особенно настоящие мачо, в которых, конечно же, нет недостатка в нашей маленькой группе…

Рассеянные аплодисменты и смех за столом, громкий стон Джорджа.

Шура продолжил: «Я вношу на ваше одобрение предложение принять каждому больше мескалина, чем ему когда-либо приходилось, с предельной дозой в пятьсот миллиграммов». Шура широко улыбнулся всем присутствующим. Он сидел, наклонившись вперед и положив ладони с растопыренными пальцами на стол.

Данте предложение Шуры очень понравилось. Он нахмурился и стал вслух рассуждать, какую же дозу он отважится принять. Джордж забормотал, что пятьсот миллиграммов будет для него немного чересчур, и Рут страстно закивала, поддерживая мужа. Бен с задумчивым лицом сказал, что думает о четырехстах миллиграммах, но считает, что ему не стоит пробовать больше.

Шура призвал присутствующих к порядку: «Тихо! Для начала скажите, всем ли нравится эта идея? Может, кому-то она не кажется привлекательной?»

Все стали кивать и заверять Шуру, что его идея на самом деле просто восхитительна. Данте распростер руки и закричал: «Не могу представить себе более захватывающего способа, каким нас могли бы встретить в прекрасном районе Залива и на любимой Ферме, да еще все наши друзья!»

Шура взял блокнот, где была разлинована страница, и начал записывать имена и дозу каждого. Сначала он спросил у Бена: «Ты уверен насчет четырехсот?»

— Да, — ответил Бен, сидевший скрестив руки на груди. — Это больше, чем я принимал раньше, и предполагаю, что после такой дозы я не буду скучать».

Шура повернулся к Ли: «Что ты думаешь об этом, милая? Немного меньше?»

Ли выглядела задумчивой, ее тонкие пальцы беззвучно барабанили по столу. Затем она сказала: «Полагаю, я приму двести и посмотрю, что получится. Я ведь смогу принять добавку, если этого окажется мало?»

Шура пообещал ей: «Да, разумеется. Дополнительная доза может продлить воздействие наркотика на пару часов».

Он громко обратился ко всем: «Минутку внимания! Если кто-то из вас захочет по старинке начать со скромной дозы, потом вы сможете принять добавку». Потом он добавил: «Я отмерю парочку доз по сто миллиграммов и парочку по пятьдесят на тот случай, если кому-нибудь понадобится дополнительное ускорение. Я собираюсь сделать это заблаговременно, потому что, честно говоря, не знаю, смогу ли после пятисот миллиграммов мескалина точно отмерить дополнительные дозы с учетом того, что никогда столько не принимал».

— А я-то думала, Шура, что ты попробовал все, что можно, в самых мифических дозах! — сказала Рут.

— Почти, почти, — ответил волшебник с подобающей скромностью.

На розовощеком лице Джона, чей возраст было трудно определить, мелькнула лишь легкая улыбка, когда он сказал, что попробует пятьсот миллиграммов. «Это должно быть интересным», — добавил он и с удивлением отвел взгляд в сторону, услышав восклицанья и гиканье остальных.

— Джон — пятьсот, — повторил Шура, записывая эту информацию.

Пришла очередь Данте. Он вновь нахмурился: «Ну, если потом при необходимости можно будет принять добавку, думаю, я последую примеру Бена и для начала приму четыреста, а там посмотрим».

— Я способна лишь на триста, — сказала Джинджер, — по крайней мере, для начала, Шура.

Я посмотрела на Джинджер и улучила момент, чтобы полюбоваться красивой мексиканской рубахой ручной работы, которая была на ней. Хлопок просто сиял своей белизной, контрастируя с загорелыми руками Джинджер. На вырезе рубашки были вышиты крупные красные и розовые розы.

Похоже, настоящая мексиканская рубаха. Я хочу когда-нибудь очутиться в Мехико и прикупить там такой одежды. Восхитительные розы.

Джордж решил, что триста для него будет вполне достаточно, а Рут сказала, что приняла бы поменьше, например, двести, на что Шура ответил, что это звучит неплохо, и нацарапал соответствующие цифры в своем блокноте.

Дэвид откашлялся и сказал следующее: «Я проявлю немного осторожности и приму двести пятьдесят, потому что впервые буду пробовать мескалин».

Шура молча кивнул, записал, а потом вопросительно взглянул на меня.

— Я бы с удовольствием присоединилась к тебе и приняла бы пятьсот миллиграммов, если не возражаешь.

На этот раз никто не улюлюкал и не стал дразниться.

— Элис — пятьсот миллиграммов», — записал Шура. Он глубоко вдохнул, перечитал вслух записанное и спросил: — Я все правильно записал? Никто не хочет что-нибудь исправить, пока я не ушел в лабораторию?

Поскольку желающих не нашлось, Шура встал и попросил Дэвида помочь отнести в лабораторию стаканы.

После ухода Шуры с Дэвидом за столом поднялся шум, потому что Данте и Джинджер стали рассказывать о себе, смеясь и отвечая на вопросы остальных. Все начали обмениваться неизвестными мне именами людей и названиями мест. Я просто слушала, улыбаясь при виде бившей через край энергии присутствующих. Вернулись Шура и Дэвид. В стаканы долили сока по вкусу, после чего мы прошествовали на кухню и встали там в круг.

Шура торжественно объявил: «Порадую вас — я открыл способ, помогающий избежать

тошноты. Если выпить этот напиток не сразу, а маленькими глотками на протяжении получаса, то не будет никаких проблем. Так что не спешите, пейте медленно, и, в конце концов, неизбежное перестанет быть таковым!»

Означает ли это, что искусственный мескалин вызывает тошноту точно также, как и природный? Я думала, это случается только с растительным мескалином. Надо будет потом спросить у Шуры.

После тостов за Сэндемэнов и за всех нас, после традиционного чоканья стаканами все разбрелись кто куда, осторожно потягивая содержимое стаканов.

Я задала Шуре свой вопрос, и он кивнул мне: «Да, это очень интересный факт; неважно, в какой форме ты принимаешь мескалин, все равно тошнота кажется неотъемлемой частью переживаний. Но только если принимаешь мескалин быстро. Я наконец-то додумался принять его по-другому, просто чтобы посмотреть, что изменится. На самом деле этот способ очень похож на то, как индейцы юго-запада США едят пейот, и я счастлив признаться, что он сработал и в моем случае. Надеюсь, он окажется действенным и для всех остальных. В этом случае, ну, следующая остановка — Нобелевская премия! На первое!» Я хихикнула и поддержала его шутку. Через полчаса Шуру заверили, что он действительно невероятно облагодетельствовал род человеческий. Тошноту не почувствовал никто, хотя кое-кто из группы все же решил немного прогуляться вокруг дома, поскольку находясь в помещении они слишком прислушивались к своему желудку.

Я решила, что хочу немного побыть одна, и пошла в столовую, откуда открывались разные виды: из большого окна была видна гора, а через раздвижные стеклянные двери — внутренний двор и лестница, ведущая к входной двери. Я села за стол, намереваясь оставаться в неподвижности, пока окончательно не удостоверюсь, что со мной точно все в порядке. Я не чувствовала тошноты, даже никаких намеков, но не хотела искушать судьбу.

Разумеется, я надеялась пережить что-нибудь сопоставимое с тем первым опытом, который имел место много лет назад, когда я приняла пейот вместе с Сэмом Голдингом. Впрочем, Шура предупредил меня, что на это не стоит особо надеяться, и напомнил мне известную цитату насчет реки, куда нельзя войти дважды.

На этот раз начало воздействия было едва заметным. Я почувствовала что-то знакомое, но не была абсолютно уверена в том, было это из-за мескалина или просто признаком перехода в измененное состояние сознания. Я обратила внимание на слабое, довольно приятное покалывание в горле и в пояснице.

Со своего места я разглядывала маргаритки, которые купила накануне по пути на Ферму. Они нежно светились в простенькой стеклянной вазе, стоявшей на книжном шкафу. Казалось, что каждый из белых и желтых цветков слабо трепетал в падавших из окна солнечных лучах, словно благодаря их за подаренное тепло.

Их срезали, оторвали от корней, но они все еще живы. Этот момент вмещает все их существование, а ведь где-нибудь во вселенной есть место, где это мгновение длится вечность, сотканную из маргариток, мягких зеленых стеблей и солнечного света.

Я слышала и читала об акашических записях. Это название происходит из Индии и обозначает уровень реальности, где записывается информация обо всем, что когда-либо существовало во вселенной. Посвященный может черпать ее оттуда в форме видений, звуков и ощущений, относящихся к любому моменту времени, если он знает, как сделать это.

Как можно научиться этому? И каким образом происходит запись о том или ином событии — с чьей точки зрения, чьи глаза и уши участвуют в этом процессе? Чьи чувства и эмоции становятся частью вечной записи? Маргариток или наблюдателя? А что если наблюдатель отсутствует? Будет ли тогда записываться информация о маргаритках и с какого ракурса?

Я послала цветам улыбку, добавив к ней свою любовь и уважение, и поднялась со стула. Похоже, с желудком было все в порядке.

Я зашла на кухню. Там на плите дожидалась своего часа большая кастрюля с супом, а на разделочном столе лежали салат и ярко-красные помидоры в плетеной корзине. Был здесь и хлеб — черный и плетенка белого, обсыпанная маком.

Вот где основа. Все мы, люди, устанавливаем связь друг с другом, принося и разделяя пищу, — и так во всем мире. Прочие животные поступают точно так же. И птицы. Разделить пищу — значит, разделить жизнь. Совместное принятие пищи — это способ связывания жизненных сил разных людей. Все мы — люди и животные — берем то, что посылает нам из своего тела земля, и возвращаем назад то, что исторгает наше тело. Так замыкается жизнь. Мы являемся неотъемлемой частью всего другого — остальных людей и нашей земли.

Как и много лет назад, когда мы с Сэмом приняли пейот, я видела, хотя на этот раз в других образах, планету как живую сущность, обладающую сознанием, не сопоставимым с человеческим разумом, ибо оно выходило за пределы обычного человеческого опыта. Я видела, что в человеческой психике есть такая часть, которая осознает нашу планету как живое существо и ищет способы взаимодействия с ней, пути сохранения связи с ней, будто маленький ребенок, тянущийся к руке кормящей матери и получающий удовольствие от прикосновения к ее коже и твердым косточкам пальцев.

Так и люди прикасаются к коже земли, сажая растения и собирая урожай. Так они касаются костей планеты, покоряя горные вершины. Раньше мы находили себе пристанище внутри нее, в пещерах, как и другие животные. Потом мы рискнули выйти на белый свет и научились строить человеческие жилища. Но, когда мы можем, то по-прежнему укореняем их в крепких костях Матери.

Перед моим взором промелькнули образы людей, запертых в городах из стали и бетона и оторванных от земли. Людей, которые могут прикоснуться лишь к случайному деревцу, пробившемуся через асфальт. Людей, потерявших связь с телом матери-земли. Какая-то их часть постепенно теряет силы, высыхает до смерти.

Я пришла в себя и обнаружила, что стою посередине кухни. Переживания увиденных образов и сопровождавших их ощущений заняли, наверное, не больше минуты, но для меня она стала долгим, текущим, как поток, промежутком времени.

Как забавно. Я забыла, что под психоделиком не всегда переживаешь открытие чего-нибудь нового и потрясающего; вероятнее всего ты обнаружишь, что тебе напомнили о простых вещах, которые ты знаешь, но забыл об этом. Ты видишь их свежим взглядом — старые, основные истины, давным-давно ставшие распространенными клише, на которые ты перестал обращать внимание.

Я ушла с кухни — светящееся энергией тело. Я чувствовала, будто испускаю свет. Улыбнувшись себе от этой мысли, я заглянула в ванную, чтобы посмотреться в зеркало. Просто проверить, вдруг это происходит на самом деле. Я увидела мягкое свечение вокруг своей головы. Но оно возникло благодаря свету, идущему через толстые стеклянные блоки позади меня. Зато к излучению, исходившему из распахнутых серо-голубых глаз с расширившимися зрачками, стеклянные блоки не имели никакого отношения. Это излучение возникает в глазах каждого, чей разум начинает по-другому видеть и думать.

Я помахала рукой подруге из зеркала и покинула ванную.

В гостиной меня встретила Рут: «Привет, привет! Как ты? Должна ли я спрашивать? Нет, мне не нужно спрашивать тебя об этом!» Она улыбнулась и похлопала меня по руке: «Думаю, все возвращаются обратно в дом. Они все решили, что на улице слишком тепло».

Я спросила у нее о самочувствии, и она ответила: «Кажется, я угадала свою дозу. Мне бы не

хотелось испытывать более сильные ощущения. Примерно с таким количеством я и могу справиться. На самом деле, воздействие довольно интенсивное. Но я в порядке. Думаю, все будет хорошо». Рут скрестила руки на груди. Ее пальцы рассеянно барабанили по голубому шелку рукавов одежды.

Она почти перепугана до смерти. Но она слышала свой голос, говоривший, что все будет нормально. И она верит в это и добьется этого.

Я поинтересовалась состоянием ее мужа, вспомнив, что во время последнего эксперимента на Ферме Джорджу пришлось нелегко. Как потом рассказал мне Шура, Джорджу понадобилось почти три дня, чтобы полностью восстановиться, чего раньше никогда не случалось. Шура сказал, что Джордж поклялся быть более консервативным — что бы это ни значило — особенно с новыми препаратами.

— Джордж принял триста миллиграммов — на пятьдесят больше, чем я, — ответила Рут. — Похоже, у него все хорошо, обошлось без проблем на этот раз. По крайней мере, пока, — добавила она со смешком.

В дверь вошел Джон, его худощавое лицо светилось изнутри. Его взгляд просто пронизывал, но его было невозможно понять. Я знала, что Джон сосредоточился на том, что происходит внутри него, и доволен тем состоянием, в котором находился. Он подошел к груде тонких одеял, которые я сложила рядом с пианино. Завернувшись в одно из них, Джон сел на большой кусок пенки. Утром мы с Шурой расстелили пенку посередине комнаты. Несколько минут Джон слабо раскачивался, а потом лег на пенку и закрыл глаза.

Мимо меня на кухню прошагали Данте с Шурой. Данте просил «только пятьдесят». Я предположила, что речь шла о дополнительной дозе. Я задумалась, сколько же времени прошло, и взглянула на часы. Стрелки смотрели в разные стороны, но я не могла понять, что это означает. Я попыталась припомнить, что говорил Шура, пока мы еще не разошлись, и вспомнила его слова: «Почти ровно одиннадцать». Это было начало. Теперь надо было выяснить, что же это означало. Суть концепции времени ускользала от меня. Я не могла ею воспользоваться; она не имела отношения к происходящему.

Я захихикала и уселась, пытаясь вникнуть в то, что показывали мои часы.

Я не могу вспомнить, зачем я посмотрела на часы. Каким вопросом я задавалась при этом? Зачем я хотела узнать, который час?

Я засмеялась про себя, стараясь не потревожить остальных. Эта неясность со временем была сплошной нелепицей и очень меня насмешила.

В комнату вошел Шура, за ним плелись Данте и Ли. Он посмотрел на меня и, удивленно подняв бровь, спросил, что происходит.

— Я чувствую себя полнейшей идиоткой, — ответила я. — Я не могу понять то, что вижу на своих часах! Я хотела узнать, сколько времени, а теперь даже не могу вспомнить зачем!

Шура улыбнулся мне и пошел на кухню, где висели большие электронные часы. Он вернулся и сообщил, что было двадцать минут первого и что на дворе по-прежнему май.

Я поблагодарила его и неожиданно вспомнила свой вопрос:

— О, да! Я вспомнила! Я задумалась о том, сколько времени прошло с того момента, как мы приняли мескалин, то есть хотела узнать, добрались ли мы до плато. Вот почему я посмотрела на часы.

— Прошло около полутора часов, — ответил Шура, — и нам придется еще немножко покарабкаться, чтобы дойти до максимума. Тебе пока нравится? Все в порядке?

Я сказала, что со мной все в порядке, за исключением несуразицы с часами и со временем.

Ко мне подошла Ли. «Мне показалось маловато, как и Данте, так что Шура дал нам добавку, — сказала она. — Возможно, тому причиной мое воображение, но могу поклясться, я

уже чувствую воздействие!»

Я подумала о Рут и понадеялась, что она выдержит оставшийся подъем, ожидавший нас. Она сидела на диване, на лице был лишь легкий намек на тревогу.

Интересно, как далеко можно еще зайти? Я уже переполнена энергией и светом.

Я встала и пошла к входной двери. Я едва чувствовала свой вес, и каждое движение моего тела, каждый жест были полны изящества.

Я хожу грациозно. Я двигаюсь грациозно. Я живу в Грации.

Снаружи меня ожидал мир зелени. Высокая сосна по ту сторону кирпичной дорожки была старым моим другом, на ее ветвях всегда сидели птицы и белки, и, конечно, разнообразные насекомые, каждый год забиравшие все больше соков у сосны, жизнь которой близилась к концу.

Я посмотрела на неровные кирпичи под ногами. Некоторые из них выступали на несколько футов над землей, их выталкивали корни сосны. Я улыбнулась, думая о дереве, потребности которого так преобразили дорожку, ведущую к дому. Шура всегда предупреждал тех, кто бывал у него впервые, чтобы они смотрели под ноги. Наверное, многие из них про себя удивлялись, почему дорожка перед входом содержится в таком виде — каждый второй или третий кирпич вылез. Шура объяснил мне, что, если начать обрезать корни, вылезшие под дорожкой, то это ускорит гибель сосны. А он хотел, чтобы она прожила всю отведенную ей жизнь, так что гости Фермы просто должны быть повнимательней.

Услышав раздавшийся в гостиной смех, я поспешила в дом, отложив на время дальнейшие исследования.

Мы впервые собрались на кухне в полном составе с момента приема мескалина. Джон все еще лежал на спине, укутанный в одеяло, с закрытыми глазами и безмятежным выражением лица. Рут сидела на диване бок о бок с Джорджем, положив руку ему на ногу. На лице Джорджа сияла легкая, довольная улыбка. Ли сидела на стуле, медленно перелистывая страницы одной из больших Шуриных книг по искусству. Бен сидел в кресле, стоявшем рядом со стулом Ли. Голову он откинул на спинку кресла, глаза закрыл. Данте устроился на краю пенки вблизи от Джона, обняв своими мускулистыми руками колени. Он тихонько раскачивался.

Джинджер стояла около большого окна, воздев руки и пристально вглядываясь в гору Дьябло и расстилавшуюся у ее подножия долину. Ее ноги стояли на месте, но остальное тело двигалось, словно в такт музыке, которую слышала лишь она.

Шура сидел на банкетке для игры на пианино и беседовал с Дэвидом, прислонившимся к инструменту.

Здесь же нечего пить. Я как-никак хозяйка. Надо сходить на кухню, принести воды, сок и стаканы. И забыть про растерянность до конца всего этого.

Открывая кухонные шкафы и собирая все необходимое, я заметила, что мои мысли движутся свободным потоком. Я поняла, что буду должна специально фокусировать свое внимание на выполнении каждой отдельной задачи, если что-нибудь надо будет сделать. Я говорила с собой, пока пересчитывала стаканы, убеждала кубики льда вылезти из формочки и плюхнуться в кувшин с водой, ободряла разные соки, наливая их в различные емкости. Уцепившись за звук собственного голоса, как за спасительный якорь, я ухитрилась проследить за своими действиями. Время от времени я слышала свое хихиканье. Меня веселила мысль о сильном кайфе, под которым я оказалась.

Когда я притащила все необходимое на кофейный столик в гостиной, я разрешила себе какое-то время побыть безответственной и уселась, скрестив ноги, на пол рядом с разделявшим комнату книжным шкафом. Из чистого интереса мой внутренний Наблюдатель отметил, что я выбрала место, где мне обычно нравилось находиться, в какое бы общество я ни попадала. С

этого места я могла видеть всех присутствующих в комнате и следить за происходящим. Я была частью этой группы, но одновременно на отдалении от всех остальных.

Наблюдатель. Чужак. Или Писатель? Что одно и то же. Это позиция человека, который не хочет полностью вливаться в какое-либо объединение людей, который желает сохранить определенную часть себя обособленной, не поглощенной происходящим. Это хорошо или плохо? Ни то, ни другое. Просто так оно и есть. Это способ моего бытия. Вот почему я способна уловить отшельническую часть Шуриной души, которая порой хочет ускользнуть, улететь к горе. В каждом из нас живет кто-то, кто обожает общение и совместную деятельность, чувство общности, но лишь на какое-то время. Потом мы снова нуждаемся в одиночестве, в возможности пополнить истраченную энергию за счет внутренних резервов.

Я услышала обрывок фразы Рут: «… цвета действительно яркие; кажется, они запрыгивают на меня, понимаете, и маленький красный кричит мне «привет» здесь, а голубой здоровается со мной уже в другом месте. И кажется, что все, попадающее в поле моего зрения, совершает легкие движения».

— Движется! Эй, оно движется! — воскликнул Джордж.

Шура наклонился вперед и спросил:

— Джордж, с тобой все в порядке, все нормально?

— Да, — ответил Джордж. — Немного трудно этим управлять, но думаю, что для меня это не слишком много. Сказать по правде, пока что я чувствую себя очень хорошо.

— Так, — сказал Шура. — Пожалуй, вы останетесь там, где сейчас находитесь. Прошло почти два часа, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что мы добрались до плато.

Я вспомнила, как однажды Шура сказал мне, что иногда требуется два с половиной часа, чтобы дойти до плато. Он должен был сказать об этом сейчас, подумала я, чтобы Джордж с Рут были начеку и наблюдали, не будет ли дальнейшего усиления воздействия.

Раз они говорили себе, что способны справиться со своими ощущениями, они могли принять слабое ускорение — если подобная возможность оставалась — за колебания безопасного, терпимого плато.

Он довольно сносно размышляет после пятисот-то миллиграммов, если он действительно думает. Да и я не так уж плохо соображаю с учетом того факта, что сижу здесь, как Будда женского пола, сделанная из сверхактивных световых молекул, и не уверенная в том, что у меня вообще есть тело.

— Услышать об этом — такое облегчение, — произнес Джордж. — Лучше хорошего плато друга не сыскать!

Рут похлопала его, улыбаясь в знак согласия.

Подняв глаза, я увидела, что Шура смотрит на меня. Его взгляд был теплым и вопрошающим. Я ответила ему улыбкой, давая знать, что со мной все отлично.

Он встал и вышел из комнаты. Через минуту до нас донеслись звуки музыки (звук шел из колонок в задней комнате). Григорианские песнопения. Все замолчали, слушая искусное пение с закрытыми глазами. Джинджер оставалась у окна, но повернулась лицом к нам. Теперь она медленно двигалась в такт музыке, закрыв глаза и опустив руки, выражение лица сосредоточенное.

Наконец, я прикрыла глаза сама. Я оказалась под сводом какого-то собора с золотым куполом, наполненным светом. Я плыла наверх, мимо витражного стекла, чьи цвета расплывались у меня перед глазами, превращаясь в звездное сияние. Я приближалась к точке, где сходились все балки. Я чувствовала, как что-то звало меня, убеждая выбраться наружу с другой стороны.

В дело вмешался Наблюдатель. Он сказал, что, судя по всему, я собиралась покинуть свое

тело, а в данных обстоятельствах это не самое лучшее, что можно сделать, особенно, если учесть, что я находилась в полнейшем неведении насчет того, что произойдет с той частью меня, которую я намеревалась оставить, и что мне с ней делать. Если ввяжешься в эту авантюру, предупредил Наблюдатель, можешь побеспокоить или даже по-настоящему встревожить остальных, особенно, если твое тело шлепнется на пол, как тряпичная кукла. Могут подумать, что я невнимательна по отношению к другим или нарочно привлекаю к себе внимание, или еще что-нибудь в этом роде.

Я открыла глаза и выдохнула, не разжимая губ. Я искала способ сохранить твердую устойчивость, продолжая чувствовать притяжение того места под куполом и сильное желание пройти сквозь центр к тому, что было снаружи.

Мне пришло в голову, что все, что мне нужно было делать, — это держать глаза открытыми. Вокруг меня были тела и лица людей, на которые можно было смотреть, на которых можно было сосредоточиться. Удерживая на них свое внимание, я бы могла удержаться от запредельного парения.

С кресла поднялся Бен, направившийся в ванную. Его движения были немного замедленными, но, похоже, на ногах он держался твердо. Ли положила книгу по искусству на пол и сидела, обняв колени и склонив голову. Я знала, что она вошла в состояние медитации, то есть расслабилась, но сохранила способность трезво мыслить. Радость сотрясала ее, я чувствовала это через всю комнату.

Джордж открыл глаза и оглядывался по сторонам с таким видом, словно ожидал, что вещи в комнате начнут двигаться и парить в воздухе. Его лицо было по-детски открытым, на беспокойство указывала лишь рука, прижатая к свитеру. Она то сжималась, то разжималась, короткие пальцы конвульсивно вытягивались и потирали шерсть, а потом опять сжимались в кулак.

Рут погрузилась в концентрацию, она сосредоточилась на том, что видела внутренним зрением. Ее руки свободно лежали по бокам.

По возвращении Бен во всеуслышанье объявил: «Вот это ощущения — пытаться постичь предназначенье различных элементов туалета и различных элементов тебя самого, причем одновременно! Не говоря уже о том, как сложно пристроить их друг к другу соответствующим образом!»

Глаза остальных распахнулись, и со всех сторон повалили комментарии вроде: «Все, что необходимо помнить, — сиденье поднять наверх, а отливать вниз». Или: «Я иду следующий. Если через полчаса не вернусь, высылайте большую мохнатую собаку с чем-нибудь вокруг шеи, чтобы я мог уцепиться», — выдал Дэвид. «Боже, спаси меня от переполненного мочевого пузыря еще на какое-то время», — застонал в ответ Джон.

Где-то в следующем часе Шура поднялся с места, послал мне ослепительную улыбку и тихо вышел из комнаты. Через мгновение музыку выключили. Шура вернулся в гостиную и на цыпочках прокрался к своей скамейке около пианино.

Я рассматривала сборник сказок с иллюстрациями великого чародея Артура Рэкхэма.[64] Вокруг меня довольно долго сохранялась тишина: каждый ушел в свой внутренний мир. Внезапно в комнате раздался один мощный удар по клавишам пианино. Тело Джона, лежавшего на пенке, дернулось от шока. Он издал пронзительный крик «о!», сел, потом развернулся, чтобы найти глазами Шуру, а тот сидел позади и улыбался во весь рот, продолжая держать палец на клавише.

Джон зашипел на Шуру: «Ты хоть понимаешь, что творишь?]» Это было сказано с таким возмущением, что все остальные, которых этот неожиданный, похожий на удар молота о наковальню, звук заставил подпрыгнуть, согнулись от смеха. Шура поднял брови и ударил по

другой клавише. Звук прозвучал не тише предыдущего. Он внимательно смотрел на нас. Джон снова подскочил, словно его ударили по позвоночнику. На этот раз ему удалось выдавить из себя слабую улыбку, когда он запротестовал, обращаясь к Шуре: «Не ДЕЛАЙ этого, умоляю!»

Раздавшийся в третий раз звук пронзил всех нас, и мы сочувственно смотрели на Джона, съежившегося под своим одеялом. Теперь он беспомощно смеялся над собственной ранимостью и кричал:

— Прекрати, прекрати, прекрати, Шура! Пожалуйста, больше не надо!

— Ну разве не замечательно, — подытожил Шура, удовлетворенно улыбаясь. — Какой чувствительной становится нервная система под воздействием наркотика.

Мальчишка, подложивший на стул кнопку и услышавший ожидаемый визг, — вот объяснение этого научного эксперимента.

— Это было довольно сильно, — сказал Данте.

— Хотя никто не подскочил до потолка, за исключением бедного Джона, — заметила Джинджер.

— Да уж, бедняга Джон, — пробормотал тот, о ком шла речь. — Мне было по-настоящему больно, я хочу сказать, это было похоже на физический удар. И не будешь ли ты добр предупредить меня, если захочешь повторить это снова, чтобы я мог уйти из комнаты? Я на самом деле больше не хочу подобных сюрпризов, Шура.

Он это серьезно. Нет больше Мистера рубахи-парня.

У Шуры хватило вежливости изобразить легкое смущение: «Ладно, можете мне поверить, я не стану вас больше пугать. Мне просто было необходимо это попробовать, чтобы посмотреть, насколько может возрасти чувствительность нервной системы. Джон, я не ожидал такого эффекта! Ты, без сомнения, стал звездой среди подопытных крыс!»

Джон сердито посмотрел на Шуру и сказал: «Ну, спасибо тебе, огромное!» После этого Джон тоже стал смеяться вместе с остальными. Однако он не лег обратно на пенку. С того места, где он сидел, Джон мог присматривать за клавишами пианино.

Джинджер сидела, прислонившись к стене и скрестив лодыжки. Она довольно мурлыкала, а потом сказала: «Пожалуй, мне нравится мое состояние. Думаю, что могла бы привыкнуть к этому уровню, если бы чуть-чуть попрактиковалась».

Дэвид подобрал подушку для пола и положил ее рядом с кофейным столиком. Потом уселся на нее и аккуратно налил себе полный стакан сока. Оглянувшись по сторонам, он спросил, хочет ли кто-нибудь еще пить.

Шура громогласно объявил: «Между прочим, и это касается всех, не забывайте пить. На столе полно жидкости. Не допускайте обезвоживания».

Мы послушно поднялись, чтобы наполнить свои стаканы и бокалы. Затем каждый вернулся на свое место. В гостиной снова стало тихо, лишь изредка было слышно, как кто-то громко дышал, да еще с улицы доносилось чириканье птиц. Я обвела взглядом лица остальных. Их глаза были закрыты. Я с удовольствием закрыла свои.

Прежде всего я осознала, что мое тело наполнено энергией чудовищной силы, а внутренний экран залит светом. Внезапно у меня возникла уверенность в том, что, если я сосредоточусь особым образом, — я точно не знала, каким, но знала, что этот способ существовал, — то обрету способность видеть окружающий мир сквозь закрытые веки. Я просто не до конца понимала, как это сделать.

Волны микроскопических пузырьков или частиц света, или чего-то еще, проходившие через меня, усиливались. Я чувствовала, что снова готова отправиться в какое-то другое место или измерение. И я хотела туда переместиться.

Я открыла глаза и посмотрела на Шуру. Он сидел на скамейке с закрытыми глазами. Я

обратилась к нему со всей возможной непринужденностью: «Шура, могу я попросить тебя подойти ко мне на секунду?»

Он сразу же подошел ко мне, и я зашептала: «Может, это прозвучит чересчур мелодраматично, но у меня такое чувство, словно я вот-вот выйду из тела. Я думаю, что не должна этого делать в таких обстоятельствах. Это будет похоже на проявление дурных манер. Так что мне делать? Это притяжение, которое заставляет меня идти дальше и выйти за пределы, очень сильное, и я не уверена, что смогу долго ему сопротивляться». Я ткнула пальцем себе в грудь и улыбнулась. Глаза у Шуры были огромные и светились, а его волосы обрамляли голову, как белые языки пламени.

Он поднялся в полный рост и громко сказал, обращаясь ко всем участникам группы: «Я бы попросил всех вас подняться и на пару минут встать в круг, взявшись за руки. Это может помочь удержаться тому, кто думает, что он заплывет слишком далеко, хорошо?»

Все встали, сдвинули стулья, освободив место, и взялись за руки, замкнув круг. Я огляделась и увидела напротив себя Данте, Рут и Джорджа. На их лицах было похожее выражение — как у людей, глубоко ушедших в себя. Глаза у всех были закрыты. Я глубоко вдохнула и тоже закрыла глаза. Желание подняться куда-то наверх, пройдя через собственную макушку, все еще не оставило меня, но я также ощущала удерживающее присутствие ладоней и пальцев других людей, стоявших по обе стороны от меня, — Дэвид справа, Джинджер слева.

Я почувствовала себя неповторимой индивидуальностью, обособленной ото всех на свете, но в то же время взаимодействующей с другими, членом семьи, в которую входило все человечество. Как и много лет назад, в тот день, проведенный под пейотом, я осознавала некий уровень реальности, где каждый человек был связан со всеми остальными людьми, и эта связь осуществлялась не через разум или личность, а через какие-то базисные вещи. Это было духовное или психическое прикосновение, которое большую часть времени блокируется сознанием, но тем не менее существует с рождения и до самой смерти человека. Мы все были вплетены в один гобелен, и на глубинном, подсознательном уровне каждый из нас разделял знания и чувства всех остальных, живущих на планете.

Почему это должно быть скрыто от нас, за исключением тех случаев, когда кого-нибудь посещает откровение, неожиданная благодать, или когда кто-нибудь из нас решает открыть себя через медитацию или при помощи галлюциногена? Почему это знание скрывается от нас? Возможно, потому, что наше предназначение заключается в том, чтобы жить собственной жизнью, творить свою уникальную историю. Мы не можем этого делать, свободно воспринимая эмоциональные и духовные переживания всех других людей.

Мы не смогли бы сосредоточиться, развиваться в качестве отдельных сущностей, если бы мы были наделены способностью постоянно чувствовать все, что происходит с другими людьми. В этом случае мы представляли бы собой коллективное сознание, каким, похоже, являются все остальные формы жизни на земле. Но людям предназначено существовать в виде отдельных личностей, сохраняя ту основную связь. Почему? Потому что вселенский Разум считает этот способ следующим этапом приключения, следующей главой повествования. Чье это приключение? Чье повествование?

Мне пришло на ум воспоминание о спирали, моем опыте переживания микро- и макрокосма и безымянном Друге-собеседнике, который каждый раз в самом конце приветствовал меня смехом и любовью. Это путешествие Друга, подумала я.

И поэтому оно в такой же степени мое. Мой непостижимый Друг — это и я тоже. У нас одинаковые цели, хотя мне и не позволено их помнить, пока я живу в физическом смысле. И каждый человек на планете — это я. Мы все разные, неповторимые формы Друга.

Я открыла глаза. Наблюдатель оценил, сколько прошло времени с того момента, как мы

встали в круг, и сообщил, что прошло не больше двух минут. Шура вопросительно смотрел на меня. Я улыбнулась и кивнула ему, показывая, что со мной все в порядке и что у меня больше нет проблем с выходом из тела.

Джордж пробормотал «уф!» и открыл глаза. «Я думаю, когда мы стоим в круге, ощущения становятся еще сильнее, а не уменьшаются!» — хихикнул Дэвид.

Джинджер стиснула мою руку и мягко стукнула своей головой об мою, после чего сказала: «Это предельный уровень, на котором мне доводилось находиться. Я правильно выразилась? Я имею в виду, что не припомню, что когда-нибудь была так… ах…»

— Я бы сказал «высоко», милая», — рассмеялся Шура, и все разразились смешками и замечаниями насчет подходящих слов для обозначения определенных психических состояний: Бен предложил «одурманенный», Дэвид — «улетевший», а Рут поинтересовалась, нельзя ли оставить понятное всем «под кайфом».

— У кого-нибудь есть проблемы? — спросил Шура внезапно посерьезневшим голосом, вглядываясь в наши лица.

— Довольно интенсивно, но нормально, — сообщил Джордж.

«Впрочем, не думаю, что захочу попробовать повыше, — добавил он. — По крайней мере, до тех пор, пока мне не доведется привыкнуть к этому уровню. А чтобы привыкнуть к нему, потребуется много, много времени!

Мягкий взгляд Ли. «Это прекрасно, Шура, — сказала она. — Я знаю, что ты имел в виду, когда говорил о том, чтобы надежно закрепиться. Я по-прежнему чувствую, что с легкостью могу улететь в космос или куда-нибудь еще, если не буду удерживаться в своем теле».

— Ну так лети, если именно этого ты хочешь, — ответил Шура. — Мы позовем тебя есть суп, когда придет время перекусить.

Джон сказал, что чувствует себя отлично, как никогда раньше, но только тогда, пока Шура остается подальше от пианино.

— Обещаю больше не подходить к инструменту, — рассмеялся Шура. — Но вы должны признать, что те звуки дали любопытный эффект, разве не так?

— Прелюбопытнейший, что правда то правда, — заметил Джон с улыбкой, несмотря на попытку вложить сарказм в свою фразу. — Запомнится на всю оставшуюся жизнь. Но мне бы не хотелось испытывать его еще раз, уж будь так добр!

Кое-кто из группы решил снова выйти на улицу. Джордж выразил желание попробовать суп. Аппетит проснулся в нем после того, как Шура напомнил Ли об обеде. Рут пошла с мужем на кухню, держа его за руку.

Шура положил свою руку мне на спину и нежно подтолкнул меня к коридору, который вел из кухни к задней двери.

Мы вышли на свежий воздух. Я стояла рядом с Шурой и вертела головой в разные стороны. Каждое дерево, каждый кустик излучали свет. Я вспомнила, как тогда, во время первого эксперимента с пейотом, мне пришлось отвести глаза от пульсирующего разноцветья полевых цветов. Теперь несколько настурций на пригорке справа от тропинки пылали насыщенным желтым и оранжево-красным огнем, который я чувствовала у себя в желудке, пока трава воспевала жизнь, сияя зеленым цветом.

Шура положил руку мне на плечо и сказал: «Мне захотелось привести тебя сюда, чтобы сказать тебе кое-что, что до сих пор я оставлял при себе. Тебе уже известны мои остальные секреты, и, пожалуй, это будет последней моей тайной».

Я смотрела на него и ждала.

— Когда я впервые принял мескалин, — начал Шура, — я с удивлением обнаружил, что попал в мир, в котором я жил, пока не вырос. Я прожил детство, находясь в реальности, которая

выглядела и воспринималась подобно этой, открывающейся под наркотиком. Разумеется, я был убежден в том, что все остальные видят и чувствуют так же, как я. Но постепенно до меня стало доходить, что, может быть, это не так. Казалось, что остальные мальчики моего возраста вовсе не хотели тратить время на рассматривание цветов или на спаривающихся жучков, как любил делать это я, когда оставался один. В конце концов, я начал понимать, что в каком-то отношении был не похож на других. И я научился умалчивать об этом и имитировать поведение остальных мальчиков в школе, чтобы не привлекать внимания…

Шура прислонился к стене дома и стал глядеть куда-то вдаль.

— …потому что инстинктивно я знал, что, если сверстники почувствуют мою особенность, то они начнут третировать меня. Поэтому я вел себя, как обычно, пока школьные годы не остались позади. Я смог вернуться домой, и у меня появилась пара часов в день свободного времени, которое я мог проводить по собственному желанию.

Несколько минут назад я смотрел в окно в гостиной и увидел двух собак в поле, внизу от дома. Они находились в своем собственном мире, они ничего не знали обо мне. Я просто выступал в роли заинтересованного наблюдателя, и я рассматривал их. Я увидел, что, несмотря на то, что они шли друг за дружкой, они не двигались.

— Не двигались?

— Ну, конечно, они перемещались — умом я это понимал, но магия такого препарата, как мескалин или любого другого действенного психоделика, состоит в том, что позволяет тебе избавиться на время от верхнего — рационального — слоя сознания и воспринимать окружающее мгновенно и непосредственно. Во время моего первого опыта с мескалином я вспомнил, как видел мелких жучков на жимолости, которая росла у забора позади моего дома. Я был тогда очень маленьким. И я вспомнил, что тогда жуки не двигались; просто время от времени они меняли свое местонахождение в моей реальности. Как собаки в поле — сегодня. Они были неподвижны; менялось лишь место, где они находились. По крайней мере, с точки зрения той реальности, в которой был я, когда наблюдал за ними. Разумеется, я не могу сказать, что испытывали в тот момент собаки.

— Знаешь что, дорогой, — медленно произнесла я, — подозреваю, что в определенный момент, в очень раннем детстве все дети воспринимают мир таким образом. Мне показалось, что твое отличие было в том, что такое состояние, такое видение мира сохранилось у тебя дольше, чем у большинства остальных.

Шура бросил на меня задумчивый взгляд, потом отвел глаза и сказал: «Возможно, ты права. Будучи ребенком, живешь в мире, который можно назвать психоделическим. Он окружает тебя со всех сторон».

— Я помню, когда была под пейотом, у меня возникло похожее чувство, словно тот мир, который открылся мне, был мне знаком, — сказала я. — Место не казалось мне не знакомым; я просто его забыла.

— Точно. От себя могу лишь добавить, что во время того первого опыта с мескалином я оказался в абсолютно дружелюбной обстановке и вновь обрел утраченную способность делать те вещи, которые когда-то казались проще простого. Я вернулся домой. — В голосе Шуры послышалась хрипотца. Через некоторое время он полез в карман, достал оттуда мятый носовой платок и высморкался.

— Твои родители знали об этом? То есть о том, что ты видишь мир по-другому, не так, как большинство детей твоего возраста?

— Я думаю, моя мать кое-что знала, по крайней мере, у нее были какие-то подозрения. Я знал, что порой она беспокоилась; наверное, она волновалась за мою способность жить в мире, обычном для остальных людей. Однако она никогда не говорила об этом прямо. Предполагаю,

что мои успехи в учебе частично успокаивали ее.

— Какое трудное, должно быть, у тебя было детство!

Шура повернулся ко мне и улыбнулся: «На самом деле это была чудесная пора, особенно, когда я был предоставлен самому себе. Помню, когда мне было лет шесть-семь, я мог пересечь весь парк, что был рядом с домом, ни разу не коснувшись земли, — просто перелезая с веток одного дерева на ветви следующего! Это было супер!»

Я посмеялась вместе с Шурой. «Ну, это звучит как обычное хвастовство нормального мальчишки!» — заключила я.

— Думаю, что я напрягался, когда пытался не выделяться и вести себя, как остальные ребята в школе, но в этом я преуспел, — сказал Шура.

— Когда ты утратил это… это особое видение, помнишь?

— Не могу вспомнить какой-то конкретный момент; оно посте

пенно слабело, как, наверное, происходит со всеми остальными детьми. В конце концов, я позабыл, что это такое. Пока не принял в первый раз мескалин. После этого я все вспомнил; я вспомнил, что уже видел мир таким. Воспоминания вернулись ко мне.

— Я вот думаю, почему мескалин пугает некоторых людей? — спросила я Шуру.

— Возможно, мир их детства был наполнен страхом или заставил их страдать каким-то образом; может, эти переживания были вытеснены из их сознания, чтобы не давать хода плохим воспоминаниям. И поэтому опыт с мескалином, возвращающим их в далекое прошлое, может стать для них поистине жутким. Это же просто ужасно — вновь пережить то, что они гнали от себя столько лет.

— Да, да… Я просто не подумала об этом.

Я снова окинула взглядом деревья, траву и цветы и почувствовала проникающее в мое тело сияние, словно исходившее от окружающей природы. Мы с Шурой были созданы из света и стояли в крошечном уголке вселенной, которая показывала и напоминала нам, каким мир был на самом деле.

Эта переплетающаяся, общая энергия, она связывает всех живых существ. Мой Любимый Друг из спирали живет жизнью всех живых организмов, где бы они ни находились.

Шура взял меня за руку и повел по тропинке к лаборатории. Мы шли медленно, храня молчание, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы получше разглядеть красивую линию или оттенок цвета. Каждый изгиб ветви или цветочного стебля был своеобразным словом, способом связи, осуществляемым окружавшей нас энергией.

Я опять вспомнила, как в шестнадцать лет, когда я еще училась в школе-интернате, я сделала великое открытие. Оказывается, любая линия может трансформироваться в звук у меня в голове. Первая догадка мелькнула у меня во время одной прогулки. Я шла одна и наблюдала за птицей, медленно летевшей высоко в чистом небе. Тут линия ее полета превратилась для меня в простой чистый звук. После этого я начала экспериментировать — смотрела на спинку антикварного стула или на очертания стоявшей на столе вазы. С каждым разом я все больше убеждалась в том, что могу услышать про себя любую линию, движущуюся или неподвижную. Разумеется, об этом открытии я никому не рассказывала.

Я рассказала Шуре об этой ассоциации линии с музыкой. Я уже знала, как называется это явление, — синестезия. Я поделилась с ним историей про то, как началась моя любовь к музыке Баха.

Моим первым мужчиной и моей первой любовью стал молодой русский. У него были блестящие способности. Мы влюбились друг в друга, когда учились в средней школе. Потом мы долго не виделись. Но он снова вошел в мою жизнь как раз в тот момент, когда я развелась с отцом Кристофера и жила с ребенком в многоквартирном доме. Его звали Вадим Мишель

Иванофф, и он любил Баха. Обнаружив, что я не понимаю музыку его любимого композитора, он объявил мне, что научит меня слушать ее так, как надо.

Однажды вечером, когда он был у меня, а мой сынишка спал наверху, он велел мне сесть на старый диван в гостиной и не разговаривать. Потом он принес коробку с двадцатью свечами — дешевыми, простыми белыми свечами — и зажег одну, после чего погасил свет. Пока я молча, как было велено, наблюдала за ним, он установил остальные свечи, расплавив воск у их основания, и зажег их тоже. Он поставил их в ряд на цементном полу. Линия из свечек протянулась до выкрашенной белой краской цементной лестничной клетки, и маленькая комната озарилась их светом.

Потом он взял кассету и вставил ее в мой магнитофон. Музыка Баха (я не знала, что это был за отрывок, а он не сказал) заполнила пространство вокруг меня. Я лежала на диване с закрытыми глазами и от удивления затаила дыхание. Перед моим внутренним взором возникла хрустальная гора, созданная из музыки. Музыка показывала мне оттененные синевой расселины, пологие склоны и вершины — красоту, принадлежавшую к другому миру. В ту ночь я влюбилась в Иоганна Себастьяна Баха, как и хотел Вадим.

— Я всегда буду благодарна ему, — закончила я. — За две вещи: во-первых, за то, что он научил меня готовить русские гамбургеры, а, во-вторых, за то, что он показал мне, как надо слушать Баха. В остальном наши отношения принесли мне, в основном, боль и страдания, но эти два дара заслуживают признания.

Шура улыбнулся мне: «Не знаю точно, на что похожи русские гамбургеры, но вот музыку Баха я, без сомнения, оцениваю как один из элементов, необходимых для полноты жизни!»

— Теперь и я ценю ее, — рассмеялась я.

Шура взял меня за руку. Я ощутила его прикосновение всей кожей. Потом я обнаружила, что размышляю о том, как здорово было бы заняться любовью прямо сейчас. Я не поддержала эту идею; было бы невежливо оставлять остальную группу так надолго. Мы были хозяевами. Может быть, позже удастся осуществить это желание.

По дороге обратно в дом Шура сказал:

— Пока мы еще не присоединились к остальным, я бы хотел напомнить тебе, что еще никому, кроме тебя, не рассказывал о своем детстве. Возможно, ты права насчет того, что вся разница между мною и сверстниками заключалась в том, что я продолжал жить в том мире гораздо дольше, чем большинство детей. Но в то время это была чудовищная разница, поверь мне!

— Это останется между нами. Но почему ты не рассказал об этом Урсуле?

Думаю, он действительно умолчал об этом.

— Потому что я привык держать в себе многие вещи, и так продолжалось почти всю мою жизнь. Особенно я не распространялся о том, что, на мой взгляд, могло заставить людей думать обо мне как о чудаке. Так получилось, что меня все равно считали оригиналом, но не потому, что не могли проникнуть в мой внутренний мир. Такое случилось у меня лишь с тобой, одному Богу известно почему, — сказал Шура с улыбкой. — Я впервые принял решение быть искренним до конца и открыть другому человеку то, каков я на самом деле и что происходит внутри меня.

Я поблагодарила Шуру.

Если мне придется остаток жизни провести без тебя, это ощущение станет моим личным сокровищем — быть первым человеком, которому ты полностью доверяешь. Нет нужды говорить тебе, что этот твой большой секрет поняли бы куда больше людей, чем ты думаешь.

На кухне заливались смехом Рут с Ли. Ли попыталась объяснить нам с Шурой причину столь буйного смеха:

— Это все плита! Понимаете, она гораздо сложнее, чем тебе кажется, когда ты

задумываешься над тем, что на самом деле означают слова «передняя правая» и «задняя левая» и что с ними делать, когда хочешь разогреть кастрюлю с супом. Я знаю, вы думаете, это очень просто! Я сама всегда считала именно так. Но сейчас я осознала тщательную связь, которую устанавливает мозг между этими глупыми маленькими словами на панелях и… — она засмеялась пуще прежнего, схватившись за живот.

У Рут потекли из глаз слезы, пока она смеялась вместе с Ли.

— Шура, попробуй сам сосчитать суповые тарелки! Просто чтобы посмотреть, как далеко тебе удастся продвинуться, прежде чем ты собьешься со счета! Я пыталась сделать это несколько раз, но мне удавалось доходить лишь до трех или четырех. Сколько нас здесь, а?

Мы с Шурой тоже засмеялись. Между тем он начал считать тарелки. Как выяснилось, со счетом у него не было никаких проблем, что по какой-то необъяснимой причине вызвало у двух женщин новый приступ смеха. Они хохотали до тех пор, пока не стали задыхаться. Затем Рут потянулась к полке над плитой и взяла оттуда половник. Она держала его так, словно он был неопознанным предметом, добытым археологической экспедицией. Мы ушли из кухни под звуки возобновившихся затрудненных вдохов и хрипов.

— Боже мой, что там происходит на кухне? — заворчал сидевший в кресле Бен. — В данный момент у меня нет ни малейшего желания двигаться, так что вы должны все нам рассказать.

Шура просто покачал головой и ответил: «Это надо видеть собственными глазами».

Дэвид лежал на пенке в нескольких дюймах от Джона. Они оба лежали на спине с закрытыми глазами. Дэвид улыбался. Наверное, в ответ на доносившиеся с кухни звуки, подумалось мне.

— Вот это эксперимент, должен сказать тебе, Шура! — сказал Джордж, расположившийся на диване. В устах Джорджа эти слова могли иметь разный смысл, но его лицо не выражало тревоги, улыбка была обычной, из чего я заключила, что ему хорошо и именно это он хотел сказать. Поскольку Шура не задал ему ни одного вопроса, я предположила, что он получил все ответы, глядя на лицо Джорджа, и пришел к тому же выводу, что и я.

Я села на подушку для пола и стала наблюдать за Шурой. Он неслышно передвигался по комнате, внимательно вглядываясь в лица своих друзей, отыскивая любой признак недомогания. Очевидно, он удовлетворился увиденным, потому что после осмотра сбросил свои сандалии и сел на стул рядом с Беном, откинув голову назад и прикрыв глаза.

Довольно долго в комнате стояла тишина.

В конце концов, я вспомнила об Урсуле. Об Урсуле и контейнере, полном ее книг.

У меня нет такого чувства, что приезд Урсулы и ее дальнейшая жизнь здесь — это обязательная реальность. Словно это лишь один из нескольких исходов этой истории, этого конкретного сценария. Это не единственный финал. Но, с другой стороны, не я автор этого сценария. Кто же сделает выбор в этой пьесе?

К тому моменту, как мои часы и часы на кухне показывали полседьмого, мы все сидели за столом. Непонятный прежде половник был использован по своему прямому назначению. Мы ели суп, с энтузиазмом отрывая куски от булки и доливая добавку. Мы обсуждали сегодняшний эксперимент и сравнивали его с другими. За столом рассказывали истории, например, вспоминали о том, как однажды Данте зациклился на чувстве вины и самобичевании, а Шура с Беном устроили ему словесное истязание. В конце концов, Данте взбунтовался и решил, что не стоит превозносить до небес роль жертвы.

Данте лег на стол, раскрасневшись от смеха. Мне еще не довелось поговорить с ним, но я уже влюбилась в его лицо, в котором удивительно смешивались дружелюбная сердечность и склонность к внутреннему поиску.

— Помните, — начал кто-то, — когда Элен впервые отважилась принять мескалин, она не смогла выйти из машины в Тилден-парке, потому что гравий у нее под ногами был похож на усыпанное драгоценными камнями тело гигантской змеи, а она не хотела топтать грязной обувью такую красоту.

Я спросила, испугалась ли Элен змеи.

— Нет, не испугалась, — ответил Шура. — Она знала, что на самом деле видит перед собой дорогу, но не смогла избавиться от образа драгоценностей. Мы потратили немало времени, убеждая ее, что она не навредит змее, если поставит свою ногу на ее искрящуюся спину. В конце концов, она рискнула это сделать, но, поверь мне, согласилась она не сразу!

Урсулу не упомянул никто.

Джордж и Рут остались ночевать на Ферме. Они устроились на пенке в гостиной. Джордж пока не чувствовал уверенности за рулем, у него не прошел зрительный эффект.

Мы с Шурой медленно занимались сексом, до последнего цепляясь за воздействие мескалина. Ни один из нас не мог кончить. Мы смеялись над своими тщетными попытками настроить наши сознания и тела на необходимый для достижения конечного результата лад. Нам и без того было приятно, мы довольствовались стиранием границ, полным контактом и взаимопроникновением наших тел, светом, который стоял у нас перед глазами, когда мы закрывали их. Мы с радостью чувствовали себя детьми, играющими на полях Господа.

В конечном итоге я обняла Шуру, прижавшись животом к его спине, и мы уснули в середине какой-то до боли знакомой мелодии Шуберта, название которой мы так и не вспомнили.

Глава 29. Письмо

Шура часто давал мне письма Урсулы. Он знал, что, читая написанные ее рукой послания, я приобретаю независимое, хотя и ограниченное, мнение об этой женщине. Делать это по-другому я не могла, у меня не было такой возможности. Иногда я становилась для Шуры своеобразным индикатором реальности происходящего. Чувствуя слишком сильную привязанность к Урсуле и чрезмерное доверие к собственным суждениям, Шура мог протянуть мне очередное письмо и спросить, что я думаю о том-то и о том-то. Я внимательнейшим образом прочитывала письмо и отвечала Шуре со скрупулезной объективностью, отключив на время свои эмоции и заставляя работать голову.

Письма Урсулы дышали страстью — не в эротическом, а в духовном и эмоциональном смысле. Она никогда не упоминала занятия сексом, изредка лишь деликатно намекая на эту область отношений, но зато она часто взывала к душе. Когда речь заходила о ее будущей совместной жизни с Шурой, в этих пассажах неизменно сквозило духовное, космическое начало. У нее был хороший стиль, порой просто превосходный, особенно с учетом того, что ее родным языком был немецкий. Проскальзывавшую временами склонность к излишней старательности и медовой приторности следовало отнести за счет того, что ей, влюбленной женщине, пытавшейся донести до Шуры свои чувства, приходилось объясняться с ним не на родном языке. Я избрала себе образ честного и справедливого свидетеля, и он требовал, чтобы я постоянно помнила об этом.

Я не осмеливалась задать вопрос о подлинности эмоций, о которых писала Урсула. Ее стойкость я могла подвергать сомнениям сколько угодно, но то, что я читала в ее письмах, часто походило на сильные переживания и несомненную острую тоску, прожигавшую лист бумаги и заодно — меня.

Потом пришло письмо, изменившее все на свете. Все произошло в субботу, во второй половине дня. Шура вошел в гостиную. Я свернулась калачиком с книжкой на диване. Он молча протянул мне только что полученное письмо. Подняв глаза, я увидела его помрачневшее лицо. Я погрузилась в чтение, продираясь сквозь заостренный почерк Урсулы, которому ее научили в немецкой средней школе. Я все еще с трудом разбирала его.

После обращений к Шуре — здравствуй, моя любовь, мой задушевный друг и прочее в таком же духе — она со всеми подробностями описывала свою поездку в старинный город Нюрнберг, которую она совершила вместе с Дольфом и двумя близкими друзьями. Они поехали туда ради четырехдневных празднеств в честь цикла Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов». Она явно испытывала волнение и восторг во время этой поездки.

Я подумала, что это одно из самых приятных ее писем. Она рассказала о платье, которое было на ней в ночь открытия: «Когда я стояла перед зеркалом, то чувствовала как ты, дорогой, с улыбкой смотришь на меня. Я слышала, как ты говоришь мне, как я хороша в этом платье из гладкого белого шелка, в серебристых туфлях и с дамской сумочкой в тон, с этим вышитым шарфиком на плечах. Ты так гордился мной, любимый!»

Дальше она описывала великолепие театра, темно-синий вельветовый занавес, превосходное освещение и декорации сцены. Она писала о том, как сидя на обитом красным плюшем сиденье, она представляла сидящего рядом с ней Шуру — он держит ее за руки, а великолепная музыка Вагнера уносит их души ввысь.

Либо она не знает, либо забыла о том, что он не выносит Вагнера.

Затем следовало описание нескольких женщин из зрительного зала. Урсула на редкость очаровательно сумела обвинить их в дурновкусии, высказав свое мнение об их прическах,

драгоценностях и нарядах.

Дольф был упомянут всего лишь раз, да и то мимоходом. «Дольф и наш общий друг Руди сошлись на том, что мужская партия не соответствовала ожиданиям, которые породил остальной божественный состав. Несомненно, в следующем году ему не дадут такую ответственную роль!» — писала Урсула.

Потом она упомянула о напряжении, в котором находилась, пытаясь следить за разговором с ее спутниками, одновременно про себя думая о том, что должно произойти: «О, уже скоро, очень скоро, мой близнец, мое второе «я», мы будем вместе, и никто не разлучит нас. Благодарю тебя за терпение, за то, что даешь мне время, которое мне необходимо для того, чтобы успокоить бурю, терзающую сердце бедного Дольфа, чтобы я могла освободиться, воспарить, подобно музыке, и приехать к тебе уже навсегда».

Шура сидел в кресле, дожидаясь, когда я прочту письмо до конца. Когда я отложила его, он спросил:

— Ну, что ты думаешь об этом?

Да что же его так разозлило?

— Ты не должен забывать, — осторожно сказала я, — что я не могу читать эти письма твоими глазами. Что тебя задело?»

— Разве ты не заметила? — спросил он с напряжением в голосе. — Она расписывает эту восхитительную поездку, эти несколько дней, проведенные в компании Дольфа и приятелей, на «Кольцо Нибелунгов». Ее письмо ничуть не похоже на рассказ женщины, не находящей себе места из-за суицидальной или еще какой-нибудь…альной депрессии мужа! Я не нахожу в этом письме ни одного указания на то, что Дольф чувствовал себя хуже остальных, а ты?

— Ну, она не собиралась на этот раз говорить о Дольфе, милый. Это письмо посвящалось поездке и театру…

Шура не дал мне договорить, ударив кулаком по подлокотнику кресла:

— Или я схожу с ума, или… Разве так надо поступать, когда хочешь отдалить от себя мужа, чтобы он смирился с распадом брака? Она отправляет свои книги через океан, а потом берет мужа, которого с минуты на минуту собирается оставить, и парочку друзей, и они все вместе едут слушать это чертово «Кольцо Нибелунгов» в старом Нюрнберге!

Я что-то упускаю. Мне это не показалось странным.

— О, я просто не знаю, не знаю! — с этим словами Шура ударил себя по лбу. — Это показалось мне таким… таким бредом, полной неожиданностью. Все это веселье и игры в опере, и это в тот момент, когда предполагается, что Дольф мучительно страдает от предательства, а Урсула нянчится с ним, стараясь помочь ему смириться с мыслью о ее скором отъезде. И на фоне такого напряжения и боли — этот поход в театр! Это потрясает не меньше отчаянно фальшивой ноты!

Я на секунду задумалась, восстанавливая в памяти сочетание очевидного восторга с окрашенным печалью и тоской желанием Урсулы видеть рядом Шуру.

Будь максимально объективной.

Тщательно подбирая слова, я медленно заговорила:

— Ну, я вполне допускаю, что таким образом она просто хотела сгладить ситуацию, потому что, ты же понимаешь, обстановка у них дома становится слишком напряженной. Может быть, она подумала, что всем станет легче, если они просто расслабятся и съездят на «Кольцо Нибелунгов». Она пишет, что скучает по тебе и жалеет, что тебя не было рядом.

— Да, — кивнул Шура. — Похоже, ей запомнилось каждое прекрасное мгновение, а потом она наговорила кучу ласковых слов, чтобы я не подумал, будто ей было по-настоящему хорошо. Но ведь ей на самом деле было хорошо. Каждая строчка в ее письме говорит мне об этом. Это

просто не… я не могу встроить это в общую картину. Ничего не стыкуется. Все это бессмысленно.

Урсула допустила грубую ошибку. И что теперь?

Пока я смотрела на Шурину львиную голову, спрятанную в ладонях, мне в голову пришла кое-какая идея. Я решила сыграть на его страхе перед тем, что такое положение дел никогда не изменится, что эта ситуация никогда не разрешится по-настоящему, на его прячущемся в глубине души подозрении, что его дергают за ниточки, словно куклу, — по неизвестным и непостижимым причинам.

— Я только что подумала кое о чем, что могла бы сделать, любимый, — сказала я. — Думаю, пришла пора немного подтолкнуть очаровательную дамочку, и я знаю, как это сделать. Я собираюсь написать ей.

— Что? — Шура поднял голову и посмотрел на меня, на лице — полнейшее непонимание.

— Позволь мне заняться этим, ладно? Конечно, я дам тебе прочесть письмо, и лишь от тебя будет зависеть, отошлем мы его или нет. Но если да, то должно казаться, что я написала его исключительно по собственному желанию. Ты же не хочешь, чтобы она подозревала тебя в том, что тебе хоть что-нибудь известно. Иначе этот шаг будет выглядеть тем, чем он на самом деле и является, — хитростью. Толчком. Просто выждем и посмотрим, что получится.

— Даже не знаю, — пожал плечами Шура. — Если хочешь что-нибудь попробовать, я не могу тебя останавливать, но… черт возьми, что ты ей напишешь?

— Я вложу письмо в твои горячие руки, когда все будет готово. Сейчас нет смысла подробно излагать его содержание. Мне потребуется пара дней, чтобы написать его, потом посмотрим, что ты скажешь.

Это было самое странное письмо, которое мне доводилось писать. Слова шли прямо из сердца, и после того, как я переписала его в четвертый раз, я могла назвать его настоящим шедевром (по крайней мере, оно было таким для меня), хотя и знала, что для Шуры, если только он решит отправить мое письмо, оно станет лишь средством, которое заставит его любимую женщину почувствовать ревность и неуверенность и, возможно, побудит ее поскорее покончить со всеми делами в Германии.

Берясь за письмо, я руководствовалась простыми рассуждениями. Если Бен был, в конце концов, прав, то мое послание могло бы стать для нее поводом для разрыва с Шурой. Иначе говоря, это письмо сняло бы ее с крючка. С другой стороны, если она действительно хотела Шуру, намеревалась приехать и навсегда остаться на Ферме, наслаждаясь счастливой жизнью, но не могла, потому что ее задерживали многочисленные причины, то почти наверняка письмо дало бы ей импульс, в котором она нуждалась. Даже если потом ей придется узнать, что все это не навсегда, в любом случае, события начнут развиваться быстрее, какая бы ни была развязка. С этой точки зрения, рассуждала я, все, что ускорит дело, будет хорошо; Шура становится слишком подавленным. С этим надо что-то делать.

«Урсула,

я осмелилась обратиться к вам напрямую, без ведома Шуры, поскольку полагаю, что вы должны узнать о происходящем, а также потому, что он очень страдает, читая ваши письма, или, скорее, от того, чего он в них прочесть не может.

Я влюбилась в Шуру осенью прошлого года, сразу после нашего знакомства. Наши отношения продолжаются уже многие месяцы. Мы позволили себе сойтись, потому что оба страдали от одиночества и, будучи интеллигентными людьми с необычными, как наши, интересами, испытывали трудности с поиском партнера, в котором нуждались.

О своей любви к вам он рассказал мне во время первой нашей встречи. Он никогда не

избегал упоминать ваше имя, говорить о вас как. о любимой женщине, с которой он хочет прожить остаток жизни. Полностью осознавая это, я все же решила завязать с ним отношения, которые, разумеется, должны закончиться, когда вы, наконец, приедете, чтобы остаться с ним, жить вместе с ним и сделать это место своим домом.

То, что я пытаюсь сделать, отправляя это письмо, — это сказать вам следующее. Я верю, что этот мужчина стоит той боли, которую доставляет мне сознание того, что его сердце не может принадлежать мне. Боли, от которой я буду страдать, когда мне придется отказаться от нашей близости и удивительного общения. Я могла бы оградить себя от этой боли — и в прошлом, и в будущем, если бы решила не становиться частью его жизни. Но я сделала другой выбор. В первый раз в своей жизни (и почти уверена, что в последний) я позволила себе попасть в любовный треугольник — я позволила себе влюбиться в мужчину, который любит другую. Я старше вас, Урсула, но не лишена привлекательности и, безусловно, гордости, так что для меня это было непростое решение.

Хочу, чтобы вы знали, что на его воссоединение с вами я смотрю без ревности или враждебности, потому что я люблю его и хочу, чтобы он получил то, к чему стремится. Он считает — и поэтому так должна считать и я — что вы единственная женщина в мире, которая может дать ему подлинное счастье. Раз так, я лишь могу надеяться — и буду молить об этом — на то, что ваша любовь к нему окажется достойной его любви к вам. В этом случае я буду довольна и даже удовлетворена.

Пожалуйста, поймите, что сейчас многие сомнения и душевные муки заставляют его страдать. Возможно, вы осознаете, что ему необходимо от вас какое-то ясное подтверждение того, что процесс действительно идет и вы прилагаете все силы, чтобы оставить ваш брак и вашу родину. Эта ситуация все сильнее его обескураживает, и я прошу вас, пожалуйста, сделайте или скажите что-нибудь, что придаст ему уверенности.

Я верю, что в конце концов вы бы узнали о моих отношениях с Шурой, поскольку он ничего не хочет от вас скрывать. Наша странная, сложная и наполненная заботой друг о друге связь основана на абсолютной искренности и не допускает полуправды. И я знаю, что он будет настаивать на абсолютной честности и открытости в вашей будущей совместной жизни. Я чувствую, что после того, как вы придете в себя от удивления и от шока, открыв, что кто-то еще разделяет похожие на ваши чувства к Шуре и близок к нему, вам понравится то, что я должна сказать: он любит вас одну.

Шура постоянно говорит мне о вас как о единственной и настоящей его любви. Еще лучше услышать это из уст «другой женщины». И от меня вы это услышали. Он ваш, леди, его сердце и душа принадлежат вам. Я лишь прошу вас беречь это сокровище так, как берегла бы я, если их подарили бы мне.

Нет необходимости мне отвечать. Надеюсь когда-нибудь стать вашим другом, но это целиком и полностью зависит от вас.

Храни вас Господь,

Элис Парр».

Я от руки написала свой обратный адрес на конверте и взяла письмо с собой, когда в следующую пятницу поехала на Ферму.

Я сидела на табуретке в Шурином кабинете, когда он читал мое письмо, и в уме воспроизводила его содержание.

Ну, хорошо, вы та, которую любит мужчина, с которым я хочу прожить всю свою оставшуюся жизнь; если вы действительно такая, какой он вас видит и в какую верит, вы достойны быть неоспоримой владелицей этой территории, и я уступлю и стану Великодушной

неудачницей. Но если вдруг выяснится, что вы играете в какую-то игру, милочка, я буду поблизости, чтобы собрать кусочки. И не только. Если вы останетесь здесь, а у меня появится причина полагать, что на самом деле вы не любите его, я сделаю все, что в моих силах, чтобы побороться с вами за него!

Когда Шура закончил читать, я сказала: «Решение я оставляю за тобой. Ты можешь отправить письмо или нет — как хочешь. Это решение должно быть твоим, потому что невозможно узнать, как она отреагирует на что-нибудь в этом роде, а если запахнет жареным, я не собираюсь нести ответственность».

Он кивнул и вложил письмо в конверт.

Его заставили прочесть о моих чувствах, увидеть их в полном объеме. От этих слов не спрятаться. Да, не надо причинять ему боль, напоминая об этом.

На следующее утро Шура объявил мне:

— Мы с Дэвидом разработали новое семейство и назвали его 2С-Т. К сегодняшнему дню мы закончили синтез 2С-Т-2, 2С-Т-4 и 2С-Т-7, и я довел Т-2 до активного уровня.

— Что-что? — пробормотала я.

— Довольно любопытно. Я подумал, что тебе могло бы захотеться попробовать его со мной сегодня.

— Что верно, то верно, — ухмыльнулась я.

— Просто хочу убедиться, что ты обладаешь полной информацией и правильно опишешь наркотик в своих записях, — Шура со значением посмотрел на меня, а я резко кивнула, подтверждая, что, разумеется, напишу отчет. — Полностью его название звучит как 2,5-диметокси-4-этилтиофенэтиламин гидрохлорид.

— Премного благодарна. Именно это мне и нужно было услышать. Какая дозировка?

— Ну, я принял пятнадцать миллиграммов и дошел до плюс двух, так что, полагаю, мы могли бы рискнуть и пойти дальше, приняв по восемнадцать, и посмотреть, можно ли поставить ему плюс три.

Раздался телефонный звонок. Звонил прокурор, который хотел, чтобы Шура выступил со свидетельскими показаниями в суде со стороны защиты по делу, связанному с грибами Psilocybe. Потом позвонил один журналист из Сан-Хосе. Ему была нужна информация о МДА. Шура сказал ему то, что обычно говорил в таких случаях: «Я с радостью предоставлю вам любую информацию, которой располагаю, но только не для печати. Я не хочу, чтобы мое имя упоминалось в прессе». Я сидела рядом и смеялась, наблюдая за его бессловесной пантомимой, которую он разыгрывал передо мной в ответ на обычные протесты и аргументы собеседника.

Шура объяснил мне, что предпочитает играть, что называется, скромную роль. Ему нет никакой пользы оттого, что его имя время от времени мелькает в газетах. Если желание репортеров получить необходимые сведения было искренним, то они должны соглашаться на его условие. По словам Шуры, они всегда спорили с ним, но, в конечном итоге, соглашались.

Я приняла ванну. Вернувшись в кабинет Шуры, я обнаружила, что он снова разговаривает по телефону. «Это был мой старый друг, Тэрри Мэджор, — сказал Шура, закончив разговор. — Он входил в мою экспериментальную группу в ту пору, когда там еще был Сэм Голдинг. Терри и его жена Паула были со мной, с Элен и с Клоузами в тот день, когда Элен решилась на опыт с мескалином».

— О да, — вспомнила я. — Сверкающая драгоценностями змеиная кожа.

— Они мои давние друзья, и мы провели с ними немало исследований. В последние несколько лет их стало гораздо меньше. Терри работает психологом в университете, а в остальное время они с Паулой выращивают грибы, обычные съедобные грибы, а не галлюциногены, и читают литературу об уходе за ними. Хорошие люди. Как-нибудь я тебя с

ними познакомлю. Дольф и Урсула подружились с ними и общались, когда бывали здесь.

Надо сделать так, чтобы он выбросил из своей головы и Урсулу, и Дольфа, и эту Германию.

Я присела и сообщила Шуре, что готова принять как там его…

— 2C-T-2, - напомнил он. — Это двууглеродный аналог, фенэтиламиновый аналог Алефа-2. Буква «Т» значит «тио» — так химики обозначают замещение атома кислорода атомом серы.

— О, — сказала я. — А почему два?

— Какое два?

Сколько здесь этих проклятых двоек? О, да.

— Второе два.

— Потому что Алеф-2 — это второе синтезированное мной соединение из семейства Алефов.

— О, это все объясняет, — сказала я без тени сомнения в голосе. — Спасибо тебе огромное.

Шура улыбнулся мне своей фирменной улыбкой сукиного сына и поднялся. «Тогда я пошел отмеривать дозу», — сказал он.

— Я уже приняла ванну, так что ты можешь использовать воду, чтобы принять душ.

— Сначала давай примем нашу Экспериментальную Субстанцию. Плато наступает в промежутке между часом и двумя после приема. Так что для душа будет полно времени.

— Сколько длится все воздействие?

— От шести до восьми часов, если судить по моему опыту. Учитывая последний эксперимент, возможно, ты растянешь его на все десять или двенадцать!

Я рассмеялась. «Хорошо, — сказала я. — Прежде всего — Экспериментальная Субстанция».

Мы пошли на кухню и чокнулись там стаканами. Шура посмотрел на часы над раковиной и засек время: «Два часа, плюс-минус». Мы выпили за себя любимых и за чудесную теплую субботу. Я свернулась клубочком на голубом диване и стала листать книги по искусству, которые заранее выложила на кофейный столик. Рассматривание картин настолько захватило меня, что я забыла о том, что приняла 2C-T-2, пока организм не напомнил мне об этом, — у меня по спине, вдоль позвоночника, побежали мурашки. На моих часах было тридцать пять минут третьего.

Я встала с дивана и включила телевизор. По каналу Discovery, одному из моих любимых, показывали документальный фильм про Непал. Я посмотрела его от начала до конца с неослабевающим интересом. В три часа я уже оценила свое состояние на плюс один, и это еще было только начало. Я села за Шурину пишущую машинку, устроившись у окна, и приступила к своему отчету. Сначала я зафиксировала принятую дозу, дату и время приема. Потом отметила, что на отметке плюс один чувствую себя нормально.

Вошел Шура и поинтересовался моим состоянием. Я ответила, что все хорошо, что воздействие медленно нарастает, и тоже спросила его о самочувствии.

«Довольно твердое плюс два. А сколько дашь ты?» — спросил он.

«Чуть поменьше двух». «Хочешь побыть какое-то время одна?» Я ответила, да, спасибо, и сказала ему, что, как примерная девочка, пишу отчет об эксперименте. «Да не оскудеет свет чудесами!» — сказал Шура и вышел из гостиной.

В течение следующего получаса я почувствовала легкое напряжение в теле и сильный поток энергии, который только еще давал о себе знать; поначалу он концентрировался лишь в области лопаток, но вскоре распространился по всему телу. Мой желудок начал задавать вопросы, однако тошноты не было, одна тревога. Ощущая легкое беспокойство, я вышла на улицу и стала поливать из шланга новые кусты роз у Шуры во дворе. Их посадил Тео в самом начале весны.

Ко мне подбежали Шурины кошки, Мейл и Мисс, и стали активно тыкаться носами мне в

ноги. Обычно они вели себя очень дружелюбно, но человек в измененном состоянии сознания действовал на них, как кошачья мята. Я нагнулась и легонько ударила их.

Спустя несколько минут мы с Шурой уединились за закрытой дверью в спальне, чтобы не слышать телефонных звонков, и сели на кровати, скрестив ноги, лицом друг к другу.

— Как он для тебя пока?

— Пока нормально, — ответила я. — Во время перехода какое-то время я сомневалась, все ли будет в порядке с моим желудком, но все обошлось. Энергетический поток заставляет меня сильно дрожать, но я начинаю привыкать к этому. Думаю, мне понравится твой этот два как его там.

— Какую оценку ты бы сейчас поставила?

— О, плюс три, совершенно точно.

— Я тоже, — сказал Шура. Он не отрываясь смотрел на меня,

его глаза и губы улыбались, пока он снимал халат.

Из радиоприемника лилась изысканная, величественная музыка, которая, согласились мы друг с другом, могла принадлежать только Генделю.

Шура выключил ночник.

У основания моего языка распростерлись угольного цвета небеса с рассыпанными по ним звездами. Там действует какая-то другая магия. Интересно, что чувствует сейчас Шура.

Я увидела какую-то речушку с низкими берегами. Вдоль берегов стояли особняки с заботливо ухоженными лужайками, друг от друга их отделяли цветники; передо мной мелькали розовые деревья, ноготки, островки голубых и фиолетовых лобелий. Мне показалось, будто перед одним из больших домов я видела греческие колонны.

Земля аристократов. Сплошной Гендель. Умиротворенность, размеренность, а потом нежное, игривое звучание цветов. Мило, мило, ничего не скажешь.

Пот стекал у меня по лицу. Огромный шар ярко-красного цвета, похожий на миниатюрное солнце, вставал над рекой. Я знала, что это был за шар. Я услышала, как Шура стал задыхаться от нехватки воздуха и как из его горла вырвался продолжительный финальный крик.

Мгновение я оставалась неподвижной, положив голову на его бедро и разделяя с ним уходящую красоту.

Потом я забралась под одеяло и легла рядом с Шурой. Он приподнялся на локте и посмотрел на меня сверху вниз. Я закрыла глаза.

Как легко было достичь оргазма в молодости. Теперь он стал предметом поиска для центра моего «я»; это трудная работа, это битва за необъяснимую вещь, для которой я даже не могу подобрать названия. Сначала нужно, чтобы нити собрала воедино душа, и лишь потом тело может ослабить их.

Музыка Рахманинова рисовала в воображении гигантские лепестки чувственного фиолетового и розового цвета с тычинками мерцающего желтого посередине. Джорджия О'Киф,[65] без всякого сомнения. Вдруг где-то вдалеке разгорелось крошечное пламя. Огонь медленно распространялся и нес с собой почти невыносимую сладость, затоплявшую все вокруг. Я чувствовала ее все сильнее по мере того, как пламя становилось ближе ко мне, проходило сквозь меня.

Шура оказался прав: я «растянула» 2С-Т-2 больше чем на десять часов. Около восьми вечера я закончила печатать свой отчет и пошла в кабинет Мастера, чтобы вручить плоды своего труда лично ему в руки. Шура хлопнул себя по щеке и сказал, что глазам своим не верит, не может быть, чтобы я отдала ему свои заметки без обычной задержки в несколько недель. Я продемонстрировала ему полное пренебрежение и бросилась вон из кабинета, очень довольная собой.

Я привезла из дома суп, густой гороховый суп по-голландски, с кусочками ветчины. Мы сели ужинать в гостиной. Я включила телевизор, там повторяли одну из старых серий про Коломбо с Питером Фальком в главной роли. В течение следующих полутора часов мы сидели перед телевизором, как загипнотизированные, отлучаясь лишь во время рекламы в ванную или за добавкой супа.

Ковры и стены теперь вели себя спокойнее, и энергетическая дрожь в моем теле наконец-то превратилась в мягкое приятное жужжание.

Прижавшись к Шуриной спине и уже погружаясь в сон, я вспомнила письмо к Урсуле. С непоколебимой уверенностью я осознала, что Шура отошлет его.

Глава 30. Окончание

Ответ Урсулы пришел через две недели. Она написала письмо на двух страницах и приложила к нему мое, требуя объяснений. Гнев, боль, ощущение, что ее предали, возмущение, шок, горечь — в письме была целая гамма эмоций.

Шура чувствовал явное облегчение. Он широко улыбался мне, протягивая письмо. Я просмотрела письмо и поняла, что хотя бы ее ревность и огорчение указывают на то, что она действительно любит Шуру.

Но это предположение я удержала при себе.

Интересно, подумала я, что она умудрилась совершенно пропустить в моем письме (по крайней мере, она не упомянула об этом) главную и, несомненно, позитивную мысль. Я попыталась поставить себя на ее место — насколько смогла — и пришла к выводу о том, что — в конце концов, по крайней мере — я бы хоть как-то посочувствовала, хоть немного пожалела человека, написавшего такое письмо, как мое, любую женщину, которая вынуждена сказать своей сопернице: ты выиграла, а я осталась ни с чем; будь счастлива и сделай счастливым его, и благослови тебя Господь. Оказавшись на ее месте, на самом деле я бы обратилась к проигравшей женщине с благодарностью. Ну, со временем.

Все, что она написала, кричало об уязвленной гордости, что, разумеется, было понятным. Однако она никак не прореагировала на мое упоминание о тревоге и страданиях Шуры. Она даже не разозлилась на него за то, что он сомневается в ней, что, без сомнения, сделала бы я.

Но, в конце концов, я же не была Урсулой. Мне не хватало информации, чтобы понять ее жизнь, среду, в которой она жила, или ее образ мышления. Я располагала лишь Шуриным отношением к ней, анализом Бена и разрозненными сведениями, собранными из ее писем. У меня сохранялось такое ощущение, что я вглядываюсь в нее через темное стекло.

Странно, почему она не позвонила ему после того, как получила мое письмо? А ты-то думала, что она сразу же позвонит и выльет на Шуру все свое удивление, возмущение и т. д. и т. п. Забавно.

Через неделю, в четверг вечером, Шура позвонил мне и сказал: «Ну, наверное, вот оно!»

— Что оно? — мой желудок ухнул куда-то вниз.

— Она приезжает. Она выезжает в следующую среду и приедет сюда ровно через неделю, чтобы на этот раз остаться навсегда. Она звонила и сказала, что твое письмо заставило ее осознать, что она больше не может откладывать объяснение с Дольфом. Так что оно состоялось. Она попрощалась с мужем и попросила близких друзей присмотреть за ним после ее отъезда и… — в голосе Шуры послышалась хрипота, но потом он взял себя в руки. — Спасибо, Элис. Спасибо тебе за письмо. Я никогда этого не забуду, ты знаешь.

— Я знаю, — подтвердила я, не давая воли чувствам. Только после того, как разговор будет закончен.

— Может, ты бы приехала ко мне в последний раз, чтобы мы поговорили? Я могу попросить об этом? — в его голосе зазвучали тревожные нотки.

Я должна забрать оттуда все свои вещи, все, что я там могла оставить. Мне будет тяжело, ведь все будет в последний раз. Возможно.

— Да, конечно, ты можешь попросить меня об этом, все нормально. К тому же, мне нужно забрать свои вещи, так что я приеду — когда? В пятницу вечером, как обычно, или я должна приехать в субботу?

Поколебавшись секунду, Шура ответил:

— О, приезжай, как раньше, Элис. Я знаю, как раньше уже не будет, и понимаю, что тебе

придется нелегко, но и мне тоже, я хочу, чтобы ты знала. Мне тоже будет трудно пережить все это. Но если ты… если ты четко видишь свой путь, то будет просто здорово, если ты приедешь в пятницу. Мне нужно побыть с тобой, поговорить.

— Хорошо. Значит, в пятницу.

Положив телефонную трубку на место, я села и молча закурила. Мой внутренний Наблюдатель пришел в неописуемую активность. Он велел мне разложить все по полочкам — все, что я знала о сложившейся ситуации. Трезво взглянуть на нее, все пересмотреть и не спешить убиваться, потому что впереди были выходные с Шурой.

Ну, хорошо. Как я могу сейчас заглушить боль, а? Пока я сижу, часть меня уже начинает скорбеть. Я не могу остановить это. И не важно, думаю я, что она навсегда останется с ним, или обратное. Мне все еще нужно пройти через закрывающуюся дверь, словно она существует всегда. Ибо неважно, что случится в будущем, потому что все и без того изменится. Должно измениться.

Что, на мой взгляд, должно произойти, что подсказывает моя интуиция насчет действий Урсулы? Полагаю, она снова его кинет. Может, она задержится на шесть недель. Или на полгода. Но не думаю, что она останется с ним навсегда.

И почему же мне кажется, что она не останется? Потому что Бен так считает, и я хочу в это верить. Нет, нет — все гораздо глубже. Слишком много странностей в поведении этой девочки, которые не имеют явного смысла. Женщина-анима, как сказал Бен, а в проницательности ему не откажешь. Господи, пусть Бен окажется настолько умным!

Я отправлялась спать с расколотой на две половинки душой: одна часть меня готовилась к наплыву горя, гнева и боли, а другая спокойно предвкушала выходные, планируя быстро и бесстрастно собрать мои разнообразные вещи, разбросанные по всей Ферме, вроде расчесок, заколок для волос и старого свитера, и размышляя о том, получится ли у нас с Шурой заняться любовью. Я нарисовала у себя в уме достойное и красивое последнее «прощай». То, что будет потом, позаботится о себе само.

Что бы ни случилось в будущем, я изолирую себя от этих отношений и выдержу свое горе. Это было в последний раз. Больше никогда в жизни. Что бы там ни было, я больше никогда не буду переживать такое, ни ради Шуры, ни ради кого-нибудь другого. Никогда!

В ту пятницу Шура встретил меня долгими, крепкими объятиями. Глядя в его глаза, я поняла, что по телефону он сказал правду: ему тоже было нелегко. Он будет скучать по мне, и он уже знал об этом.

Я прошлась по дому, тщательно выискивая следы своего присутствия и собирая все, что находила. Я собиралась со всей искренностью играть роль эдакой чистюли. Не оставить ни одной, даже самой маленькой вещи, напоминавшей обо мне. Я не хотела, чтобы она еще больше обижалась на меня; зачем заставлять ее страдать?

Какая я молодчина! Ну, все в порядке. У меня есть кое-какие исключительные воспоминания и чувство собственного достоинства, а это дорогого стоит.

Ночью мы крепко обнимали друг друга, не пытаясь ничего сказать, прежде чем отвернулись и заснули.

На следующее утро, когда мы пили кофе, Шура посмотрел на меня — на его лице были написаны и счастье, и страдание, и задумчивость — и спросил меня: «Как насчет последнего эксперимента со мной?»

Я сказала, что на самом деле, это было бы даже очень хорошо для нас обоих.

Или это, или придется попрощаться с ним до конца выходных, потому что боль становится все сильнее. Она теснится в животе и груди. Хороший психоделик может помочь мне частично справиться с этой болью. Но даже если он не поможет, все равно он займет нас на какое-то время и отсрочит прощание.

— Мне бы хотелось разделить с тобой один из старых добрых препаратов, — сказал Шура. — Он называется ДОБ.

— Ух!

— Ты должна знать, что он отличается особой продолжительностью воздействия — между двадцатью и двадцатью четырьмя часами. Также надо сказать, что он довольно мощный. Мне бы хотелось, чтобы ты об этом знала, в том случае, если ты чувствуешь себя нормально и готова попробовать.

— Спасибо, я готова.

— Я подумал об изрядной дозе размером три миллиграмма. Он полностью активен и при двух миллиграммах, но, на мой взгляд, ты выдержишь и три, если не испугаешься.

Я искренне улыбнулась — впервые с той поры, когда услышала о приезде Урсулы.

— Он начинает действовать в полную силу через полтора, может, через два с половиной часа после приема, так что нам хватит времени, чтобы привыкнуть, — сказал Шура и пошел отмеривать наркотик.

На этот раз мы чокнулись стаканами молча. Часы над раковиной на кухне показывали 10:53. Субботнее утро последних выходных. Посмотрим.

Он надеется, что у него с Урсулой пойдет все хорошо, а я не буду сильно страдать; я надеюсь на то, что у него с Урсулой будет все отвратительно, а я не буду сильно страдать.

Приняв ванну, я пошла к удобному голубому дивану и свернулась в уголке, чтобы отслеживать воздействие наркотика. Был теплый летний день. На мне было свободное хлопчатобумажное платье, голубое с широкими полосами нежно-желтого, коричневого и розового цвета. Оно было уже старенькое, поношенное и очень удобное.

Пока я ждала начала, в моей голове проносились различные образы и сказанные когда-то фразы.

Я вспомнила, как однажды ночью Шура сказал мне, что Урсула ни разу не смогла испытать с ним оргазм. Я была просто в шоке от услышанного. Я спросила у Шуры, хватает ли у него психологических знаний, чтобы понять, что это могло бы значить, после чего меня самым бесстыдным образом просветили насчет этой информации. Тогда я еще подумала, что вот она, другая сторона прекрасной, яркой, замечательной Урсулы.

Теперь, глядя в окно на мерцавшую в туманной дымке великолепную гору, я мысленно перебрала все, что знала, или думала, что знала, о женщинах, не способных испытывать оргазм, причем здоровых, нормальных женщинах, и поняла, что знаю не все. Предположим, они эмоционально незрелые или не могут расслабиться, «выключить» самоконтроль, или в каком-то смысле психологически меньше собранны, — что бы это ни значило — чем женщины, у которых нет проблем с оргазмом.

И такой диагноз обычно ставят мужчины, не так ли? После этого начинаешь им слегка не доверять. В конце концов, когда наши отношения только-только начинались, именно Уолтер сказал мне, что лишь вагинальный оргазм может считаться зрелым и что необходимость стимуляции клитора — явление незрелое и регрессивное или что-то в этом роде. Вот почему я симулировала оргазм все время, пока была замужем за Уолтером, и подлинное наслаждение доставляла себе лишь сама. Я не хотела, чтобы он считал меня незрелой женщиной. Я приняла на веру, что он знает, о чем говорит, раз уж он психиатр. И так продолжалось до тех пор, пока не началось движение в защиту прав женщин и не появились статьи, в которых говорилось о многом, о чем раньше не писали. Только тогда я наконец-то поняла, что Уолтер ни черта не знал о женской сексуальности.

Я проверила свое состояние. С момента приема прошел час, и я уже была на уровне плюс один.

Урсула может здорово запутать всех нас. Она может оказаться верной, преданной, способной на настоящее чувство и все такое. Может, она даже научилась получать сексуальное удовлетворение. С таким-то мужчиной, как Шура, который отдает немало времени сексу, это вполне возможно.

Я улыбнулась, возвращаясь к своим воспоминаниям. Как-то в самом начале наших отношений Шура отметил странную привычку американских женщин брить подмышки и ноги. Он сказал мне, что ему гораздо больше нравится, как поступают европейские женщины, не препятствующие росту волос. Как поделился со мной Шура, волосы — это один из самых сексуальных признаков женщины, и он не понимает желания сбривать их где бы то ни было. Я пошутила, сказав, что, возможно, это какое-то глубоко укоренившееся проявление педофилии в американской психике, добавив, что мне, в общем-то, самой нравятся волосы на теле. Без сомнения, в своих ранних фильмах Софи Лорен выглядит просто великолепно и с небритыми подмышками. Еще я пообещала Шуре, что, если буду жить с ним всегда, то с удовольствием откажусь от бритвы до конца своих дней.

Внезапно я осознала какую-то внутреннюю перемену и заметила, что допрыгнула до плюс двух всего лишь за последние пятнадцать минут. Я отчетливо чувствовала, что мое состояние изменилось, но никаких сильных зрительных эффектов еще не наблюдала. Никакой ряби или волн перед глазами не было. Ощущение усиления воздействия нарастало, словно мир собирался с силами и готовился передать мне некое послание. Однако это было обычное явление для переходной фазы, и оно имело место в случае с любым галлюциногеном.

Пора задавать серьезные вопросы и посмотреть, какие будут ответы. В конце концов, этот опыт может оказаться последним на долгое время. Начнем с простого: в чем смысл и цель жизни?

Ответ пришел ко мне без всякого напряжения, почти случайно: «Смысл и цель жизни в самой жизни».

Ладно. Я рада, что мы это выяснили.

Тут последовало продолжение.

— Все существование есть проявление Единого разума. Аллах, Основание всего сущего, Я, Бог — вот некоторые названия того, что формирует самое себя, любит себя, ненавидит себя, учит себя и учится у себя, рождает и питает себя, убивает и пожирает себя, неизменно и бесконечно.

Я по-прежнему сидела застывшая, без малейшего движения. Потом сделала глубокий вдох и выдох.

Господи Боже мой! Попробуй уютно устроиться с ЭТИМ перед камином у себя дома!

Я почувствовала, что замерзаю. Это обычный озноб во время перехода, подумала я, и пошла за легким хлопчатобумажным покрывалом, в которое можно было завернуться.

Вернувшись обратно в свой уголок на диване, я сделала еще одну попытку.

Что такое любовь?

«Любовь — это когда говоришь «да» от всего сердца».

Теперь спросим про что-нибудь неприятное, подумала я, зададим вопросик, который всегда выглядывает из-за угла.

А как насчет той части… Бога, Оно или что там есть, которая убивает и уничтожает?

«Она служит жизни, она нужна, чтобы не дать циклу остановиться. На уровне Бога уничтожение и смерть тоже являются способом сказать «да» жизни».

Я не могу остановить этот процесс. Вопросы возникали сами собой, а ответы проталкивались внутрь меня мгновенно и безжалостно.

Это не объясняет одиночество, боль, садизм, пытки — всю жестокость и страдания! Почему

темная сторона должна быть настолько темной, злой, такой ужасной?

«Чтобы существовала жизнь, в мире должна быть двойственность — да-нет, положительное-отрицательное, мужское-женское. Чтобы существовала жизнь, у Единого должно быть две половины, Инь и Ян, каждая из которых определяет себя через противоположную: свет не поймет, что он свет, пока не встретит тьму. Без этого дуализма будет лишь Семя, но не цветы. Тьма существует. Свет существует. И первая, и второй растут, изменяются и преобразовываются, ищут новые формы, выражают себя по-новому, уничтожают и вновь порождают себя вечно».

Мою душу тяготило серое, безжалостное бремя.

Я сошла с ума. Это не смешно. Хотела бы знать, будет ли во всем этом хоть какой-нибудь проблеск надежды.

«Внутри Инь есть островок Ян, как в пределах Ян есть островок Инь».

Господи, где же ЭТО оставит меня?!

«Там же, где ты начала».

Острый приступ отчаяния угрожал взять надо мной верх; я отпихивалась от него всеми силами.

Здорово. Спасибо огромное. Где искать сострадание, заботу и все остальное, когда в них нуждаешься? Где искать любовь в этой ужасной огромной вселенной?

«Ты ищешь сострадание и заботу в той стороне Единого, которая любит, во Христе и Будде, в Великой матери, в Кван-инь, в бесконечных формах любви вокруг себя. Все они живут в твоем «я» так же, как и их противоположности. Ты смотришь в свое сердце».

Все, что я вижу, — ужасное космическое равнодушие.

«Поскольку все мы являемся формами Единого, о равнодушии речи не идет, пока существует хотя бы одно существо, чувствующее удовольствие, печаль, боль или надежду. Все, что чувствует одно живое существо, чувствует и Единое. Все, что испытывает одно живое существо, испытывает и Единое. Единое — в каждом из нас, Единое — это все мы».

Я не могу согласиться с идеей о том, что в одной половине Единого сосредоточено так много зла — то, что я считаю злом.

«Инь и Ян — это закон жизни, и они не нуждаются в твоем одобрении. Это ты нуждаешься в них, и твоя потребность и есть твой выбор».

Я хотела сказать «иди к черту!», но злиться не было смысла, и, кроме того, я знала, что мое негодование будет проигнорировано.

Могу ли я посмотреть на все это как-нибудь по-другому? Есть ли способ облегчить это?

«Жизнь — это рассказ Единого о самом себе самому же себе. Это все повествование».

Я не могла понять, как это заявление должно помочь мне.

Какую роль играю я в этой чертовой вселенной? Я хочу сказать, какое значение я имею в этом положении вещей, если вообще имею?

«С твоим рождением вселенная изменилась. Когда ты впервые открыла глаза, Божественный разум увидел себя так, как никогда не видел раньше. В твоих ушах все звуки были созданы вновь. Тобой Единое открывает новую историю».

И все это происходит с рождением любого живого существа, я права?

«Да».

Я вспомнила одну книгу — «Путешествие к Арктуру» Дэвида Линдснея. Он входил в группу Толкиена, которая объединила оксфордских друзей-писателей. Странная, темная и захватывающая история. Произведение было не из самых блестящих, но зато в нем была великая сила. Я читала ее очень давно и в тот момент была уверена, что рациональная часть моего сознания не понимает написанного. Однако другая его часть все-таки понимала; она запомнила

образы, отвоевала их, не позволив им бесследно раствориться и уйти из памяти даже после того, как я закончила эту книгу и взялась за новую.

Особенно мне запомнилась одна сцена. Герой шел по какой-то долине и повсюду вокруг себя видел растения, их были десятки тысяч. Каждое из них отличалось от всех остальных, одни были невероятно красивы, другие — нелепы и уродливы; он видел, как каждое из них появлялось на свет, цвело, увядало, а потом безжизненное падало на землю. При виде такой картины героя обуял ужас. Не выдержав, он убежал из долины.

Я вспомнила, как меня бросило в дрожь, когда я читала описание этой сцены, которая, очевидно, была аллегорией человеческого существования. Каждый новый человек рождался с особенными, неповторимыми набором генов, отпечатками пальцев и психической структурой. Миллиарды таких необычных существ постоянно рождаются и умирают на всей земле. Эта картина отражала ужасное расточительство и колоссальное равнодушие производящей силы. Она повергла бы в пучину страха любого человека, и, подобно герою книги, он попытался бы убежать от нее прочь.

Как и тогда, я вновь подумала о том, в чем же заключается смысл всех страданий, всей радости, поисков смысла жизни, если этот грубый процесс рождения и смерти, этот безжалостный бросок в цветение жизни, а потом рассыпание в прах и уход обратно в землю — это все, что происходит на самом деле? И почему, скажите ради Бога, если Бог — нечто другое, нечто большее, чем бездумная, непреодолимая созидающая и разрушающая сила, почему все это происходит?

Что противостоит этой бессмысленной машине природы, этому безумному и бесконечному сотворению и отниманию жизни? Лишь инстинктивное знание того, что на самом деле это всего лишь часть правды, это не вся правда. Я знаю, это не все.

Я знала это, потому что мне был дан ответ, когда неделю за неделей, год за годом, половину своей жизни я видела Спираль. Здравствуй, мой дорогой друг, говорили мне, я приветствую тебя уважением, любовью и смехом. Какая радость встретиться с тобой снова, слышала я.

Вот это было Целое.

В гостиную вошел Шура. Он был в домашнем халате и с босыми ногами. Его волосы торчали во все стороны, как это всегда бывало, когда он находился в измененном состоянии сознания. Он посмотрел на меня, спрашивая взглядом, как у меня дела. Я улыбнулась ему в ответ.

— Как все идет? — спросил он, наклоняясь, чтобы осмотреть мое лицо.

— В общем, я не обратила внимания на эффекты, потому что была слишком занята охватившими меня идеями и мыслями и прочей подобной ерундой.

— Ну, прочая подобная ерунда и есть часть эффектов. Какой уровень, на твой взгляд?

— Теперь могу сказать, что очень сильный плюс три. А ты что думаешь?

— Хорошо бьет по голове. Плюс три, без вопросов. Я тогда оставлю тебя наедине с твоими мыслями. Если что, ты знаешь, где меня найти. Мы еще не достигли плато, но ждать осталось недолго.

— Да, — ответила я, потянувшись к его руке. — Думаю, что довольно скоро присоединюсь к тебе. Просто осталось выяснить до конца пару вещей.

Он поцеловал меня в макушку и вышел. Я вернулась к разговору с дикой вселенной. Последний вопрос, если можно. Как мне перестать бояться?

«Надо понять, что безопасности не существует нигде. Ее никогда не было и никогда не будет. Перестань искать ее. Живи со страстным намерением не растратить попусту ни капли себя, ни капли жизни».

Потом пришло заключительное послание.

«Поверни свой страх. Его обратная сторона — возбуждение».

Шура сказал это Данте во время эксперимента с мескалином. Не могу припомнить, в каком контексте, но точно помню эти слова.

Я сделала глубокий, медленный вдох и вернулась на свой удобный старый диван. Все вокруг меня слегка пританцовывало по краям и струилось по центру, и это напомнило мне о любимых розочках на обоях в спальне. Настало время присоединиться к Шуре.

Но сначала — на горшок.

Пока мое тело освобождалось от ненужной жидкости, я плавала там, где не было времени, и все было мягким и пульсирующим. Наступил мир после битвы.

В постели мы полностью растворились в мире, созданном нашими губами, кожей, сплетенными ногами и соленым потом. В тот момент, когда Шура лежал на мне, я понимала, что совсем не ощущаю горя и надвигающейся потери. Приезд Урсулы перестал быть реальностью. Имело значение лишь то, что мы делали и чувствовали сейчас. На какой-то миг мы осознали, что наш союз, связь между нами неразрывны. Это знание пришло само по себе, оно не поддавалось рациональному анализу, разум не мог придать ему форму.

Больше никого не было, кроме нас, вдыхающих запахи друг друга, наслаждающихся знакомым вкусом друг друга, смешавших кожу и волосы.

Боги довольны. Мы хорошо показываем им себя. Им нравится, как мы это делаем.

Шостакович, Барток и восхитительный Хуммель составили нам компанию.

Немного погодя я села на кровати и сказала Шуре: «Помнишь, я говорила тебе о прелестном случае, о котором слышала от человека, который добровольно работал в институте Данте в Беркли? Ну, знаешь, в той клинике, в которой желающих могли отправить в трип с ЛСД? Я еще собиралась рассказать об этом всей группе в тот день, когда мы приняли мескалин».

Шура кивнул.

— Ну, тогда я забыла это сделать. Теперь, раз уж я снова вспомнила об этом эпизоде, я расскажу тебе о нем, а ты можешь пересказать его Данте.

— Хорошо, — сказал Шура. — Но до того как ты начнешь, мне нужно сходить в туалет.

— Ладно, мне, кстати, тоже, — ответила я, вставая с постели, чтобы натянуть на себя платье. — Почему бы мне не разогреть суп? Я могу рассказывать, пока мы едим кое-что вкусненькое.

— Звучит замечательно!

Когда мы сели за стол, я приступила к рассказу.

— Я расскажу тебе то, что смогу вспомнить. Однажды вечером, на какой-то вечеринке мы с Уолтером стали участниками разговора о психоделиках, в особенности об ЛСД. Дискуссия разгорелась нешуточная. Там было несколько психиатров, одна из них и была той милой, симпатичной леди с круглым лицом и светлыми волосами. Звали ее Евой. Она-то и рассказала нам о том, что какое-то время по собственному желанию работала в этой клинике Данте. Она сказала, что эта работа, когда она сидела рядом с людьми во время их путешествий в мир ЛСД, стала одной из самых восхитительных страниц в ее жизни.

Шура ел медленно, внимательно прислушиваясь ко мне.

— Я помню, как сказала ей, что никогда не пробовала ЛСД, но что у меня был удивительный опыт с пейотом, во время которого я встретилась с тем, что я назвала вратами смерти. Эта дверь была красивой и выглядела дружелюбно, но я не поддалась искушению войти в нее, поскольку знала, что мне еще не время, я еще много чего хотела сделать в своей жизни. Я сказала, что с тех пор все время задавалась вопросом, что может случиться с тем, кто увидит этот выход из жизни и поддастся искушению. Что произойдет, если он действительно войдет в

ту дверь или попытается это сделать?

Я съела несколько ложек супа и продолжила.

— Она уставилась на меня во все глаза и сказала, что на самом деле у нее есть ответ на мой вопрос, по крайней мере, она может рассказать мне, что случилось с одним из ее клиентов в клинике, который сделал именно это. Она сидела рядом с его кушеткой, когда, очевидно, он увидел выход и решил пойти туда. То, что она увидела, — лежащего на кушетке молодого парня, который вдруг перестал дышать. Она стала звать его. Не получив ответа, она попыталась определить его пульс, но не нашла его. Он находился в состоянии клинической смерти, сказала Ева. Она бросилась за помощью. К тому моменту, когда прибежали врачи делать ему инъекцию и что-нибудь еще, что заставило бы его сердце снова забиться, он был мертв уже в течение трех минут.

Ева сказала, что, когда они ворвались в комнату, он открыл глаза. Он вернулся. Когда паника улеглась, он сказал ей, что увидел открытую дверь и захотел войти туда, что и сделал. Он попал в какое-то место, где некая сущность сказала ему очень твердо, но с добротой, что ему нельзя здесь оставаться, потому что его время умирать еще не пришло. Он должен вернуться и ходить по земле, пока не придет его время. После этого — бах-тара-рах! — он просыпается на кушетке, а в комнату вбегают люди, размахивающие шприцами и прочими медицинскими штуками.

Еще он сказал ей, что больше никогда не будет думать о том, чтобы прервать свою жизнь. И, конечно, он не будет бояться смерти, когда придет время уходить. Один из выводов, к которым Ева пришла, был следующий. Должно быть, в нас живет своеобразный…э… Надзиратель, который, так сказать, следит за всем, что происходит с нами. Она сказала, что никогда не рассказывала об этом происшествии вне стен клиники и уж конечно другим психиатрам, надо ли это говорить!

Шура задумчиво покосился на меня, потом кивнул. Через секунду он сказал: «Спасибо. Я расскажу об этом Данте, если он не знает. Вот это история».

Пообедав, мы пошли в гостиную. Я свернулась клубочком на своем любимом месте на диване, а Шура подвинул оттоманку поближе и сел с краю, наклонившись вперед. «Я когда-нибудь рассказывал тебе о своей теории про Двушки и Трешки?» — спросил он у меня с улыбкой.

Я отрицательно покачала головой.

— Не думаю, что заикался. Я мог бы объяснить тебе эту теорию в любое другое время, но не вижу причин, почему бы не сделать этого сейчас, пока нас вытурили из наших черепов. Готова? Я усмехнулась: «Конечно! Что это за дву-Шки и тре-Шки?»

— Ну, помнишь эти великие древние — как там ты их называешь? — Вопросы студента-второкурсника? Особенно тот, в котором спрашивается, каким образом на земле зародилась жизнь.

— Эй! — запротестовала я. — Это кто-то другой придумал им такое имя. Нечего возлагать на меня ответственность за это.

— Хорошо-хорошо, но в любом случае, речь идет о том, откуда мы, разумное человечество, взялись на этой планете или еще где-нибудь. Да?

— Точно. На самом деле, это один из моих любимых вопросов.

— Позволь мне кратко очертить предысторию. Любое животное, растение, насекомое или вирус можно вполне определить как последовательный ряд молекул. Эти молекулы называются нуклеотидами.

Я кивнула Шуре, надеясь! что у меня получится следить за подробностями. В то же время я была уверена, что, по крайней мере, уловлю музыку, как сказал бы Шура.

— С левого края этого ряда находится первый нуклеотид, а крайним справа будет миллиардный. Эта последовательность, взятая как отдельная единица, называемая хромосомой, полностью определяет данное животное или растение, или насекомое, или вирус. Она обусловливает не только структуру данного организма и механизмы его функционирования, но устанавливает и каждый инстинкт, и принципы поведения. Все формы и все модели поведения включены в эту одну-единственную последовательность нуклеотидов, и в мире не найдется двух живых существ с одинаковой нуклеотидной цепочкой.

Пока все хорошо, я еще ничего не упустила. В нем так много энергии, когда он так говорит. Прекрасный мужчина. Он делает идеи такими же сексуальными, как и игры в постели.

— Небольшая часть этой длинной цепочки, где молекулы объединены в триплеты, представляет собой код для аминокислот, при помощи которого программируется белковая структура. На данный момент роль оставшейся части нуклеотидной цепочки не ясна. Но ведь, — здесь Шура наставил на меня свой палец, — мы еще не знаем, как кодируются инстинкты и воспоминания, не так ли?

— Да.

— Кодирование идет при помощи триплетов, а поскольку на каждую позицию в триплете может попасть один из четырех нуклеотидов, то потенциально мы имеем шестьдесят четыре аминокислоты. Ну, вообще-то шестьдесят две, потому что нужен один код для того, чтобы сказать СТАРТ, и еще один, чтобы сказать СТОП. Но на самом-то деле существует лишь около двадцати аминокислот, так что эта система во многом оказывается избыточной. К тому же в нескольких аминокислотах главную роль играют только первые два нуклеотида — они определяют аминокислоту независимо от того, какой нуклеотид занимает третью позицию. Ты пока понимаешь меня?

— Пока да.

Я чего-то недопоняла насчет шестидесяти четырех аминокислот, но, в основном, мне все ясно.

— Так вот, — сказал Шура, слегка раскачиваясь на своем месте, — меня всегда очень привлекала одна мысль. Мысль о том, что эта система триплетов — я называю ее «Трешкой», — возникла из более простой, двунуклеотидной системы — «Двушки».

Я усмехнулась и исправила про себя свой первоначальный вариант этих слов.

— Я с удовольствием ставлю перед своими студентами эту теоретическую проблему и говорю им, если бы вам дали соответствующие физические и химические средства, позволяющие достичь безграничного мастерства, смогли бы вы сконструировать копию живого организма, взяв за основу «Четвернушки»? Для этого потребовалось бы вытянуть всю хромосому, представляющую данный организм, и вставить после каждого триплета четвертый нуклеотид. Нужно было бы создать рибосому, которая, для того чтобы определять аминокислоту, должна была бы оказаться Четвернушкой, но при этом четвертая позиция ничего бы не решала, то есть четвертым мог быть любой нуклеотид. Для этого потребовалось бы пройти через всю генетическую структуру, превращая три в четыре, а потом еще и не использовать четвертый. Если эту новую хромосому можно было бы вставить в живую клетку, из нее получился бы тот же самый организм, с такой же внешностью и инстинктами, каким бы он был с триплетами».

Интересно, было бы мне легче разобраться во всем этом, да еще и запомнить, если бы я была в обычном состоянии, не под кайфом? Пожалуй, что нет.

— Теперь взгляни на эту фантастическую комнату, которая находится в распоряжении эволюции! Со временем эта четвертая позиция, возможно, перестанет быть нейтральной. Ее могут приспособить для выживания, адаптации, развития, причем таким образом, который

совершенно невозможно предсказать. Интересный эксперимент, — Шура мотнул головой в мою сторону. — И, как я полагаю, потенциально осуществимый.

Я кивнула ему, стараясь быть похожей на очень умного человека.

— И я считаю, что именно так Трешки возникли из Двушек! — улыбнулся мне Шура. Он наверняка надеялся увидеть в ответ восторженное изумление или, что было бы даже лучше, удивленное недоверие. Вместо этого я наклонилась к нему и выразила свое искреннее согласие. На большее я была не способна.

— Давным-давно, — продолжил Шура, — далеко отсюда жили разумные существа, у которых РНК и ДНК были соединены в форме бинарного генетического кода. Возможно, по этой причине количество их белков было изначально ограничено шестнадцатью аминокислотами или четырнадцатью, сказал бы я, потому что один код нужен для СТАРТА и еще один для того, чтобы сказать СТОП…

Я засмеялась.

— …однако они развивались без этого ограничения и выработали сложный генный механизм для создания новых аминокислот. Как и мы — мы, Трешки, — нуждаемся в аминокислотах, которых нет в наших хромосомах.

— Итак, давным-давно какой-то профессор в этом далеком месте спросил у своих студентов: как вы думаете, можете ли вы создать систему, в которой все двучленные пары в наших хромосомах включат в себя третью структурную единицу и превратятся в триплеты? Разумеется, сказал он, вам придется переделать рибосомы, чтобы они состыковались с триплетами и не обращали внимания на третий компонент — об этом мы говорили раньше, когда четвертая позиция должна была быть нейтральной, помнишь? Третий должен остаться в резерве, на будущее, если хочешь.

И я верю, что именно так и случилось на самом деле. Я думаю, что споры этой системы триплетов были рассеяны по всей вселенной. Какие-то из них упали на пламенеющие солнца, а большинство, без сомнения, продолжают плыть по воле волн. Но, по крайней мере, один их них упал на нашу планету. Из него появился живой организм, который по внешнему виду похож на наши Двушки из прекрасного далека. Но у него уже есть третий нуклеотид, благодаря которому через миллиарды лет на Земле родился человек!

Я уставилась на Шуру с открытым ртом. Он был абсолютно серьезен. У него была замечательная теория (я могла сказать это о том, что поняла), и я в нее поверила.

— Ты думаешь, — спросила я, — что можно будет точно установить, откуда мы произошли? Я хочу сказать, откуда, с какой планеты или из какой системы был тот профессор?

…—Конечно! — звездная карта наших родителей закодирована в структуре созданной ими рибосомы, но, как говорится, это уже совсем другая история. Это значит, что до этого он еще не докопался. — Чтобы не обрывать полет фантазии, можно сказать следующее, — произнес Шура, и, зная его достаточно хорошо, я предположила, что сейчас он выложит мне то, что считает реальной возможностью, но что хочет оставить открытым, как аварийный люк, на тот случай, если ему придется что-нибудь исправлять. — Если теория происхождения Трешек из Двушек имеет смысл, тогда нельзя избежать вопроса о происхождении Двушек из Однушек. И мы упремся в то же самое: где-то далеко-далеко, еще дальше, чем в предыдущем случае, и еще раньше некто, похожий на профессора, имел при себе хромосомы из наших знаменитых четырех нуклеотидов. Но в этом случае каждый из них представлял аминокислоту. Ну, в итоге получалось не четыре аминокислоты, потому что нужна была одна для того, чтобы сказать СТАРТ, и еще одна, чтобы сказать СТОП. Так или иначе, этот препод, который был Однушкой и состоял из белка, в котором было, по большому счету, две аминокислоты, велел своим студентам создать Двушку.

Теперь мы дошли до самой сути. С учетом вышесказанного, вопрос о происхождении жизни сводится к тому, что можно очень хорошо объяснить в свете некоторых последних исследований случайного развития сложных молекул. Им нужно было бы лишь поместить вместе несколько нуклеотидов. Из них сложился бы белок, в состав которого вошло бы несколько аминокислот. В конечном итоге, последовательность нуклеотидов каким-то образом закрепилась бы. Другими словами, вся соль в трансформации нуклеотидов в аминокислоты, в результате которой после многих неудачных попыток возникла бы одна аминокислота, которая смогла бы сама воспроизводить себя. На это ушло бы немыслимо много времени, но, очевидно, именно это и произошло. Вряд ли это произошло на нашей планете — ей всего-то четыре миллиарда лет, большую часть из которых условия для жизни были здесь неподходящими».

Шура развел руки в стороны, а потом опустил их, улыбаясь, чтобы показать, что он закончил. «Я абсолютно в это верю, — сказала я. — Верю каждому фантастическому слову в этой теории. Ты когда-нибудь думал о том, чтобы все это опубликовать?»

Шура покачал головой: «Не совсем. Скорее, нет. Эта теория просто доставляет мне удовольствие. Я думаю, что каждый раз, когда я предлагаю ее студентам, кто-нибудь зацепляется за нее и продолжает разрабатывать. Пожалуй, можно сказать, что она все еще развивается».

Когда мы отправлялись спать, мы оба еще находились под воздействием ДОБ. У Шуры уровень снизился до плюс одного, я опустилась до мягкого плюс два. Мы были не уверены, что нам удастся заснуть, но где-то в середине Девятой симфонии Бетховена сон, должно быть, сморил нас, потому что мы не слышали ее окончания.

Утром наступило воскресенье. Я решила, что должна уехать именно в воскресенье, чтобы дать каждому из нас день перед началом рабочей недели. Я знала, что мне нужно будет порыдать, а Шуре — изменить в доме тысячу вещей, все поправить, чтобы приготовиться к приезду любимой в четверг.

Нежась в интимной теплоте постели, обнимая меня в последний, как казалось ему, и, как надеялась я, далеко не в последний раз (хотя, в конце концов, так действительно могло оказаться), Шура сказал фразу, которая должна была прозвучать как задумчивая полушутка: «Знаешь, вам с Дольфом следовало бы сойтись; если бы вы были друзьями, вы составили бы друг другу компанию, помогли бы друг другу пройти через это, понимаешь? Идеальное решение!»

На мгновение я задержала дыхание, не позволяя себе выпалить первое, что пришло на ум, и надеясь, что я не поняла Шуру, хотя знала, что все поняла правильно. Как он может быть таким мудрым, как смог достичь такого исключительного понимания многих вещей и в то же время сморозить такую очевидную глупость!

Я выскользнула из его объятий и села на край постели, чтобы надеть халат. Повернувшись к нему спиной, я сказала: «Ты имеешь в виду нас, бедных, несчастных, маленьких отвергнутых созданий? Ну разве было бы не славно, если бы мы ободряли друг друга, чтобы наши страдания не бросали тень на счастье Принца и Принцессы? Должна сказать, это не лучший из твоих сценариев, дорогой».

За моей спиной повисло молчание. Я слышала, как Шура встал с постели, а когда я выходила из комнаты, до меня донеслось тихое: «Я очень сожалею. Это было довольно глупо».

Да, подумала я, это было чертовски глупо.

Как оба мы могли надеяться на то, что эти выходные пройдут без задевающих и неловких фраз? Это было просто невозможно. Ладно, забуду об этом. Я же не хочу в последний раз смотреть на него сквозь пелену злости.

У ворот Шура наклонился и просунул голову через окно ко мне в машину и очень ласково поцеловал меня в глаза. Я сказала, не без гордости отметив про себя, что мой голос звучал

ровно, приятно и нежно: «Постарайся дать мне знать, что происходит, когда сможешь. Я навсегда останусь твоим другом, любимый, и надеюсь стать подругой и Урсуле».

Шура ничего на это не сказал, но по его щекам текли слезы. Пора было уезжать.

По дороге домой я с удивлением отметила, что пока никакого горя не чувствую. Вместо этого во мне ключом била энергия. Я подумала, что, наверное, удерживаю себя от эмоций…

Находишься в состоянии отложенных эмоций. Неплохо для разлетевшейся вдребезги психики. Совсем неплохо.

…нахожусь в своеобразном полушоковом состоянии, поэтому я могу совершенно спокойно вести машину. Я напомнила себе, что за рулем надо быть максимально внимательной и стараться не попасть в ловушку, позволив мыслям привести себя в растерянность. Я сдерживала свой адреналин, повторяя себе на протяжении доброго получаса езды по автостраде, что надо быть осторожной и еще раз осторожной. После этого я решила, что дальше со мной все будет в порядке. Разумеется, пока я не доберусь до дома. Просто будь внимательна, пока едешь, вполголоса твердила я себе. Вот дома ты сможешь расслабиться.

Оказавшись дома, я начала горевать. Опять. Снова по новой. Это в последний раз, повторяла я себе. Больше не буду такой дурой. Это было мое и только мое решение — сделать то, что я сделала, но Господи Иисусе, с меня хватит, хватит, хватит. Даже самый замечательный мужчина в мире не стоит этого — чего? — двух захлопнувшихся дверей и желания вернуться. Трех дверей? Баста, как говорят в Италии.

Наконец, разозленный внутренний голос утих, и вместо него пришли слезы. Мой Наблюдатель вздохнул с облегчением, зная, что рыдания и ноющие ребра означали, что начало исцеления не за горами.

Глава 31. Вулкан

Когда дети вернулись от Уолтера, проведя у него выходные, я объявила им следующее: «У меня есть повод серьезно расстраиваться. Приезжает дама из Германии, Урсула. Она собирается остаться. Лично я не верю в то, что она приезжает навсегда, но мне приходится вести себя так, будто это на самом деле ее окончательный приезд, потому что я ничего точно не знаю. Неважно, что случится потом, мне все равно пришлось снова захлопнуть дверь и закончить отношения с Шурой. Вам известно, как я к нему отношусь (они действительно все знали; я ничего от них не скрывала), поэтому сейчас мне очень тяжело. Мне нужно пройти через этот разрыв до конца, ибо в будущем все будет по-другому, независимо от того, как все обернется. Так что, прошу вас, будьте терпеливы ко мне следующие несколько дней. И не беспокойтесь. Через некоторое время со мной все будет в порядке, обещаю».

Дети кивнули, внезапно став робкими. Они крепко обняли меня перед тем, как пошли спать.

В понедельник я позвонила в больницу и сказала, что по чрезвычайным семейным обстоятельствам мне нужен отгул. Несколько часов я не отрывалась от своей записной книжки: дневниковые записи помогали мне не обращать внимания на поток, который почти беспрерывно лился у меня из носа. Заходя в ванную, я старалась не смотреть на себя в зеркало. Я открыла банку с супом, а о том, чтобы его разогреть, вспомнила лишь два часа спустя. Я слабо понимала, что делаю. Я действовала механически, пока описывала свои чувства и переживала боль, которая волнами накатывала на меня. Мой Наблюдатель следил за мной, как семейный доктор. Вот что я написала:

«Обрушивающиеся потоки боли, желудок скрутило и трясет. Голову стянуло, словно обручем, из-за чего начинается головная боль. Как будто ребенка рожаешь, но только все происходит в обратном порядке, — чем больше ты кричишь, тем длиннее промежуток между волнами боли и короче ее приступ.

Как только Урсула оказывается поблизости, он готов оставить меня. Он сказал, что Дольфу и мне хорошо бы сойтись; это была шутка, но правда в том, что он был бы счастлив видеть меня с кем-нибудь другим, с новым любовником. Он вздохнул бы с облегчением, потому что это сняло бы с него бремя ответственности. Окончательный разрыв в том и заключается, что человек, которого ты любишь, надеется (и говорит об этом вслух) на то, что ты встретишь кого-нибудь еще и он тебя полюбит.

Что он написал в своем, письме к Урсуле? Утрата доверия. Я чувствую, что перестала верить в его чувства, касающиеся меня. Теперь я вижу полнейшее отсутствие любви и заботы.

Я оплакиваю смерть. Гибель того, что между нами было, — хорошего и не очень. Не важно теперь, что сделает Урсула, наши с ним отношения уже никогда не будут прежними. Я не буду относиться к ним так же, как раньше. Он принадлежит ей, поэтому он никогда не сможет полностью отдать себя мне, а я больше никогда не соглашусь на то, что было. Больше никаких любовных треугольников, никакой любви наполовину, никакой сдержанности. Так что, в любом случае, прошлое — это прошлое, и оно безвозвратно ушло, оно мертво».

Это помогло мне — излить свои чувства на бумагу.

«Как я могла допустить такое? Потому что я люблю его. И это стоило того — стоило всей моей боли и злости. Даже три раза за год, что должно быть записано. И мне отвечали взаимностью. Не словами, а чем-то несоизмеримо большим. Этого мне было достаточно, чтобы какое-то время чувствовать себя невероятно счастливой. У меня есть это, но еще — и чувство собственного достоинства, и гордость».

Позже я добавила:

«Не чувствую аппетита. Оказывается, под болью скрывалось осознание правильности всего случившегося и, что совершенно неожиданно, радость! Не знаю, откуда она взялась, но она точно тихонько сидит во мне. Где-то в глубине души я знаю, что все хорошо, хотя продолжаю разрываться на части».

Пришли из школы дети. Посмотрели на мое покрасневшее, опухшее лицо и состроили понимающие гримаски. Они тихо делали уроки и, как обычно, с большим воодушевлением уселись за стол, заняв длинную покрытую плиткой скамью. Я спрашивала у них, как дела в школе. У меня получилось говорить ровным голосом и сосредоточиться на их ответах. Они всегда прекрасно чувствовали мое настроение, я знала это. Если бы я стала притворяться, они бы сразу раскусили меня. Поэтому я не пыталась маскировать свое состояние, дав детям возможность самим справиться с ним.

Венди, как всегда, вела себя, как заботливая мать, — она гладила меня по голове, проходя мимо, и крепко обнимала меня перед сном. Энн обычно переживала трудные ситуации, полагаясь на чувство юмора и легкость духа, или видимость такой легкости. Сейчас ее охватила глубокая грусть, сочувствие к моей боли переполняло ее. Я положила руки ей на плечи и сказала, как могла, практичнее: «Не позволяй себе погружаться в мои переживания, милая. Через пару дней со мной все будет в порядке, поверь мне. Горе не убивает, а сердечная рана обязательно заживет. Все будет хорошо».

Брайан, где-то понимавший, что слишком большая близость ко мне может вывести его из равновесия, оказываясь рядом, иногда бросал на меня взгляд, полный беспомощного сострадания. Но большую часть дня он просидел в своей комнате, занимаясь уроками.

Во вторник я пошла на работу и рассказала своим коллегам из отдела медицинских отчетов коротенькую историю о своем любимом родственнике, который неожиданно скончался от сердечного приступа. Мне посочувствовали и оставили в покое. Я держалась целый день, забывая о своем горе лишь на несколько минут, когда нужно было особенно сконцентрироваться на потоке медицинской информации, час за часом вливавшейся мне в уши Я печатала на полной скорости и ушла из больницы в пять часов вечера, с облегчением думая о том, что за весь день мне удалось ни разу не расплакаться и не вызвать подозрений у остальных сотрудниц. Это были хорошие женщины, но они не входили в число моих близких друзей, поэтому волновать их было бы нечестно, да и не помогло бы мне.

Приступ гнева потряс меня лишь по дороге домой, в начале шестого

Я остановила машину посередине серого тротуара, поперек очерченного парковочного места. Я застыла, потому что нахлынувшая вдруг кровавая ярость застлала мне глаза. Ее сила была пугающе велика. Мой Наблюдатель полушутливо сказал «о-о» и пожал плечами, зная, что это было неизбежно. Потом он громко заговорил со мной, напоминая, что подобная ярость может спровоцировать аварию на дороге и что лучше бы обуздать ее любым способом, пока я не доберусь до дома

Я вела машину очень осторожно, следя за каждым своим движением и за движением водителей вокруг, словно была вдребезги пьяна и не доверяла своим рефлексам и концентрации.

Войдя в дом, я сквозь зубы поздоровалась с детьми, сознавая, что я вот-вот начну трястись, и попросила их самим позаботиться об ужине. «Я только что пережила внезапный приступ острой злости, — объяснила я. — Вообще-то такое иногда идет на пользу, но сейчас мне нужно побыть одной пару часов, если вы не против».

Я услышала в ответ «да», «конечно», «ладно». Они просили меня не беспокоиться и обещали, что позаботятся о себе сами.

На кухне я взяла стакан и бутылку клюквенного сока и пошла к себе в спальню. Я открыла

ящик, где хранила МДМА, который когда-то давно дал мне Шура, и вытащила оттуда маленький конверт с пометкой «120 миллиграммов» и еще один — с пятьюдесятью миллиграммами на случай, если мне понадобится добавка. Я растворила первую дозу в соке, выпила и легла на кровать.

Ярость была просто ужасной и жгла меня изнутри, где-то глубоко в желудке. Я зажимала ее там, пока ехала домой. Теперь я разрешила ей выйти на поверхность. Вулкан взорвался в районе моего пупка, и поток обжигающей, убийственной ненависти хлынул вверх, подобно раскаленной лаве. Я лежала на спине, стиснув руки. Меня била дрожь. Я уговаривала себя не кричать вслух, потому что в доме были дети. Сила и размах этого бешенства слегка испугали меня. Одно дело — умом понимать, что страдание переходит в гнев, а он, в свою очередь, смягчается до степени принятия ситуации, и что все это часть процесса выздоровления. Совсем другое чувствовать, как сотрясается твое тело, понимать, что такая острая, атакующая ярость заставляет некоторых людей убивать себе подобных, просто чтобы избавиться от этой уродливой боли, передав ее кому-нибудь другому.

Я снова и снова вспоминала Шурину фразу насчет того, чтобы мне сойтись с Дольфом, — раз за разом переживала оскорбительную жалость и заносчивый эгоизм, скрывавшийся в этих словах. И потоки лавы извергались из пышущего огнем вулкана, сжигая деревья и поля, Шуру с Урсулой, и все в пределах видимости, уничтожая все живое вплоть до линии горизонта

Мой Наблюдатель подкинул мне соблазнительную мыслишку, что бедного парня можно было бы извинить с учетом сложившихся обстоятельств за то, что он не сумел понять чужое горе. Да ладно тебе, успокойся ради Бога, говорил мне внутренний голос. Не искажай свое восприятие и свой образ мыслей, даже если ты чувствуешь себя такой кровожадной. Тебе нет нужды оправдывать свой гнев, ты имеешь на него право. Просто переживи это. Пропусти его через себя. После этого ты придешь» себя. Ты выздоровеешь.

Одна мысль пронзила меня. Я подумала о записной книжке, в которой описывала свои чувства после ухода от Шуры. Я подумала о боли, которой дышали последние страницы, о свежей крови, которая упала на них.

Я решила вырвать эти страницы. Я представила, как вкладываю их в конверт из манильской бумаги, запечатываю и адресую письмо д-ру Александру Бородину. Я воображала, как Шура открывает конверт и читает написанные мною строки. Я знала, что это был достойный ответ на его последнее неосторожное и глупое оскорбление. Он никогда не забудет то, что прочтет на этих страницах. Я знала, что такое не забывается. Он будет помнить откровения о моей агонии всю свою оставшуюся жизнь, как буду помнить и я.

Да, разумеется, это было мое решение рискнуть и пойти на это; конечно, последнее слово оставалось за мной, и это я сказала «да», и мне было известно, что я буду страдать, когда все это закончится. Но это не извиняет его нечаянной просьбы уйти мне со своей болью куда подальше, чтобы не омрачать его счастья. Это не извиняет его, испортившего то, что должно было бы стать нежным, красивым прощанием.

Я начала чувствовать первые признаки воздействия МДМА. Во мне появилась точка спокойствия, просто намек на бледное, прохладное, серо-белое предчувствие конца бушующего пожара.

Я снова разразилась рыданиями. Мое тело продолжало дрожать.

Возможно, дрожь объясняется тем, что тело сдерживает избыточную энергию, рождающуюся в гневе. Все правильно. На самом деле это не худшие ощущения.

Я закрыла глаза и почувствовала неясно вырисовывавшиеся, пузырящиеся очертания эмоций, перемешавшихся внутри меня; я видела ярость, подтачивающее меня горе и ощущение потери. Было здесь и что-то похожее на самоуничтожение, что-то, что со стоном молило о

помощи и просило прекратить мучившую меня боль. Я позволила себе соскользнуть в эти переживания, ожидая, что они хорошенько встряхнут меня, а потом уйдут, оставив меня очистившейся и, может быть, не такой страдающей.

Вдруг безо всякого предупреждения я услышала голос. Он заставил меня открыть глаза и подпрыгнуть на кровати. Его не было слышно, но произносимые им слова ясно читались у меня в голове. В этом голосе чувствовался непререкаемый авторитет, и можно было почти с уверенностью сказать, что он не принадлежал моему Наблюдателю.

«Прекрати это сейчас же! — сказал голос. — Познай свой гнев, дай ему выйти наружу и избавься от него. Забудь о своем желании отослать в конверте вырванные из записной книжки страницы. Хотя бы на время перестань жалеть себя. У Шуры тоже скоро будет разбито сердце. Возможно, ты понадобишься ему, причем не через полгода, а даже очень скоро. Ты должна оставаться его покровительницей. Будь готова. Он вскоре с тобой свяжется, ты будешь нужна ему».

Голос пропал. Во мне возникло умиротворенное, нежное и довольно необычное ощущение того, что мне стало легче. Я подумала, что странность, возможно, была другим измерением горя и борьбы. В центре моей груди все еще оставалась тяжесть, но ее гнет уже не был таким сильным.

Я никогда прежде не испытывала чего-либо подобного.

Впрочем, подумалось мне, это послание бессмысленно. Урсула прилетает в четверг, всего лишь через пару дней. Она приезжает. Что этот голос имел в виду, говоря, что Шурино сердце будет разбито, что он будет чувствовать боль и очень скоро? Разобьется самолет, в котором летит Урсула? Я не хотела этого, не хотела причинить ей вред. Это ничего бы не решило. В этом случае он любил бы память о ней. Лучше уж постепенно забыть друг друга, чем что-нибудь в этом роде.

Что бы там ни должно случиться, это явно не трагедия. Может ли быть так, что, в конечном счете, она не приедет? В это просто невозможно поверить. Насколько я могу судить, она еще никогда так не делала — не приезжала, перед этим сказав Шуре, что собирается приехать.

Сидя на постели и размышляя о том, что же, черт возьми, это послание означает, еще не придя в себя от благоговейного трепета перед тем, что только что случилось, я вдруг поняла, что больше не чувствую ярости. Она бесследно растворилась. Все, что от нее осталось, — редкие всхлипы, перехватывавшие горло, когда я забывала ровно дышать. Я чувствовала полный покой, какой снисходит на луг после жестокого ливня, — в груди и в желудке, там, где несколько минут назад бурлила ярость, все было кристально чисто и спокойно.

Я даже была способна посмеяться над собой.

Не важно, что это было за посещение, главное, оно излечило тебя, да? И что ты собираешься делать теперь?

Пойти вниз, решила я.

Дети сидели в разных углах гостиной. Венди и Брайан корпели над домашними заданиями. Энн смотрела телевизор, сделав звук потише, из чего я предположила, что со своими уроками она уже расправилась. Я села на диван, улыбнулась им всем троим и сказала: «Знаете, с моим поразительным гневом случилось кое-что забавное. Я ненадолго оторву вас, чтобы рассказать о том, что произошло, а потом обязательно умолкну. Между прочим, я чувствую себя очень даже хорошо».

Я поведала им о МДМА (они уже слышали от меня рассказы о моих опытах с этим наркотиком) и о голосе, который подобно потоку ледяной воды пролился на раскаленные угли внутри меня. Не умолчала я и о том, что сообщил мне голос. Энн смотрела на меня широко открытыми глазами и с облегчением рассмеялась.

Без сомнения, ее приободрило мое взаправдашнее хорошее настроение и отсутствие во мне боли, которой был наполнен наш дом в последние дни. Венди сказала очень мягкое «вау!», а Брайан широко улыбнулся и произнес: «Эй, жду не дождусь, когда время покажет, что все это действительно так!»

— Ну, — протянула я, — даже если все это окажется лишь игрой моего воображения и в реальности ничего такого не произойдет, должна признать, что МДМА подарил мне потрясающее чувство того, что я прошла через самое худшее, что могло быть в этой ситуации, и вышла из нее с другой стороны Может быть, это было не последнее испытание, но я на самом деле чувствую некое облегчение, что-то похожее… ну, будто кровотечение остановилось, можно сказать. И, ко всему прочему, хочу поблагодарить всех вас за то, что так помогли мне, когда я оказалась в таком состоянии. Я очень благодарна вам и очень вас люблю. Конец речи. Продолжайте делать уроки.

Когда я проводила их в постель, обняв каждого покрепче, чтобы они почувствовали своими телесными антеннами, что боль из меня ушла, на часах было 10:00.

Я посмотрела на телефон. Было ясно, что я собиралась поднять трубку, позвонить Шуре и рассказать ему о случившемся.

Мой Наблюдатель посоветовал мне воздержаться от этого шага и сохранить только что пережитое при себе, хотя бы на какое-то время.

Я думала, что это благоразумный и здравый поступок и на самом деле звонить Шуре было бессмысленно. Я повела бы себя, как полная дура, и, больше того, могло показаться, что я пытаюсь омрачить его радость и предвкушение приезда Урсулы. Но внезапное желание разделить с ним свои чувства было настолько сильно, что наводило на мысль о том, что оно было приказом Кого бы там ни было

Когда Шура взял трубку, в его голосе звучал тревожный и полный надежды порыв, подсказавший мне, что он ждал звонка от Урсулы. Я постаралась, как могла, смягчить ему разочарование.

— Привет, мой друг, я почувствовала необходимость позвонить тебе Ты не возражаешь?

— Конечно, я не против, милая Элис. На самом деле не могу даже выразить, как мне приятно слышать твой голос.

Похоже, не врет, будь благословенно его сердце. Знаю, что он надеялся услышать Урсулу, но он сделал так, чтобы в его голосе звучало неподдельное удовольствие.

Внезапно я с абсолютной уверенностью осознала, что после моего отъезда Урсула не звонила ему. Было нелепо подозревать это, но я знала, что так и было на самом деле. Ради вежливости я спросила у Шуры, звонила ли дама его сердца и сообщила ли, каким рейсом ее ожидать.

— Нет, — ответил он, — еще нет, но жду звонка с минуты на минуту.

— Хорошо, — сказала я, — я испытываю какие-то странные ощущения по поводу того, рассказывать тебе о том, что только что со мной произошло, или нет. Но по какой-то причине я уверена, что мне следует рассказать тебе об этом.

Я вкратце рассказала ему о том, что со мной было после приема МДМА, опустив подробности о пике ярости и умолчав о конверте из манильской бумаги, листках из своей записной книжки и жажде мести. Я рассказала ему о голосе, отметив, что такого со мной никогда еще не случалось. Я также выразила свое сомнение по поводу того, что этот голос когда-нибудь снова напомнит о себе Я сказала Шуре, что не имею ни малейшего понятия о том, что означало полученное мною послание. Зато, сказала я, это были очень сильные переживания, крайне меня впечатлившие.

Шура никак не прокомментировал то, что сообщил мне голос, но после секундного

молчания он очень тихо сказал в трубку «Спасибо, что поделилась со мной Правда, я ничего не могу добавить к тем объяснениям, к которым ты пришла сама. Мы просто должны ждать».

— Разумеется, я приняла в расчет все обычные причины подобных переживаний, что-нибудь наподобие стресса и желания убежать от него и т. д. и т. п., - сказала я, — но это все, что в моих силах Как ты сказал, все, что нам остается, — посмотреть, выйдет ли все так, как показалось, или нет.

— А как показалось? — в Шурином голосе сквозило смущение.

— О, понимаешь, это как экстрасенсорика, ну, что-то в этом духе Голос, приходящий из будущего или из космоса — откуда-нибудь оттуда…» — во мне заскреблось нетерпение, и я сказала Шуре отправляться в постель и забыть все, что я только что ему наговорила. Мне ужасно захотелось сказать ему кое-что еще, и я уступила этому желанию. — Спокойной ночи и крепкого сна. Можешь мне поверить, эта фигня не кусается.

Шура издал смешок и пожелал мне хороших снов. Напоследок он еще раз поблагодарил меня.

Когда я положила трубку, мой Наблюдатель неодобрительно покачал головой. Но я-то знала, что сделала то, что от меня требовалось. Было бессмысленно сомневаться в этом.

Той ночью мне снилось, что я была хозяйкой скоростного шоссе в горах. По одну руку от меня высились скалы, по другую был отвесный обрыв. Моя работа заключалась в том, чтобы ровно расстелить широкую красную ковровую дорожку на дороге, чтобы вылетающие из-за поворота грузовики не заносило, а шоферы не теряли управление. Настроение у меня было самое бодрое.

Глава 32. Переход

В четверг вечером мне позвонил Шура. В его голосе сквозило напряжение. Он сказал мне, что накануне, не дождавшись звонка Урсулы насчет рейса, которым она прилетает, он позвонил в Германию сам.

— Что случилось?

— Трубку взял Дольф, — сказал Шура. — Он разговаривал со мной, как обычно, приветливо и дружелюбно. Он сообщил мне, что Урсула оставила для меня записку. Там говорилось, что она уехала в какое-то уединенное место, чтобы поразмышлять о некоторых жизненных противоречиях, и что по возвращении она свяжется со мной.

— О Боже, — выдохнула я в трубку. Что бы там ни было, но нет ни самолета, ни чемоданов, ни этого проклятого четверга.

— Я спросил у Дольфа, когда, на его взгляд, она может вернуться, и он очень благожелательно ответил, что не думает, что она будет отсутствовать больше нескольких дней, хотя, разумеется, абсолютно точно он сказать не может.

— Вот это да.

— Да. Вот это да.

— Но, Шура, она же отправила свои книги!

— А она действительно отправила? — его голос был убийственно спокоен.

— О, понимаю, что ты имеешь в виду. Здесь мы можем лишь поверить ей на слово. Ведь контейнер еще не прибыл.

— В точку.

Я подумала об Авторитетном голосе, прервавшем разгул моей ярости два дня назад.

Спасибо за то послание, за предупреждение, спасибо тебе, Кто бы ты ни был. Спасибо, что заставил меня подождать. Если бы я поддалась своему гневу и отправила свои записки Шуре, я бы сейчас удавилась. Не исключено, что я могла потерять его навсегда.

— Я могу тебе как-то помочь? — спросила я.

Шура вздохнул, потом, помолчав некоторое время, сказал: «Мне хорошо от сознания того, что ты есть. Спасибо тебе, мой друг, за то, что поговорила со мной. Я просто не понимаю, что происходит и чего ждать дальше; я не знаю, что она собирается делать, чего хочет и почему она оставила меня в подвешенном состоянии, зачем заставила ждать и мучиться? Почему она не позвонила мне сама? Оставила меня в полном неведении, в ожидании вестей и сообщения о прилете. Я просто не понимаю, как можно так поступать с человеком, которого любишь».

— Я тоже этого не понимаю, — сказала я мягко. Я не хотела, чтобы ему пришлось защищать Урсулу.

— Можешь себе представить, что лезло мне в голову, пока я ждал ее звонка о подробностях прилета, а она все не звонила и не звонила!

— О, конечно, я понимаю, — сказала я, внезапно осененная одной мыслью. — Наверное, ты думал об убийстве или о самоубийстве.

— Я начал погружаться в пучину кошмара, представляя себе самые жуткие сценарии. Я уже настолько уверился в том, что произошло нечто ужасное, что в первую секунду ушам своим не поверил, когда услышал голос Дольфа в телефонной трубке, тоесть я удивился не только тому, что он живехонек и говорит со мной по телефону, но и тому, что его голос звучит совершенно нормально. Какое-то мгновение я просто не мог уместить это в голове, а потом ощутил огромное облегчение, потому что понял, Дольф так бы не разговаривал, если бы что-нибудь произошло, ну, ты понимаешь. Какую-то долю секунды я думал, а не сошел ли я с ума и не

выдумал всю эту любовную историю сам. Я был совершенно сбит с толку».

— Да. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Реальность перевернулась с ног на голову.

— А теперь, — напряжение в Шурином голосе немного ослабло, — я думаю, что возьму бутылку бургундского, там еще что-то осталось, напьюсь, как сумею, и пойду спать.

— Все случилось вчера вечером?

— Да, вчера вечером. Сегодня целый день я пытаюсь взять себя в руки. Я почти не спал после разговора с Дольфом. Сегодня надо наверстать.

— Дорогой мой Шура, — сказала я нежно. — Я с тобой, я буду рядом с тобой, когда бы я тебе не понадобилась, ты это знаешь. Выспись и дай мне знать, что происходит, когда выяснишь это.

— Спасибо тебе, Элис, — сказал Шура голосом человека, постепенно возвращающегося к жизни. — Я расскажу тебе все, что мне удастся узнать, как только узнаю это сам. Ты этого заслуживаешь.

— Да, — согласилась я, — я чертовски этого заслуживаю.

— О, кстати, — сказал Шура. — Напоследок я хотел бы поделиться с тобой еще одним соображением. Я не могу отделаться от ощущения того, что Урсула все время была там и слушала, как Дольф говорил мне, что она уехала в монастырь думать о бренной жизни. Просто молча стояла рядом с ним, понимаешь?

— Это довольно мрачная мысль», — сказала я, думая, что, похоже, он попал в точку.

— Да, мрачнее некуда.

— Иди поспи, милый, — шепнула я в трубку.

Я положила трубку и села рядом с телефоном, пытаясь обдумать услышанное. Но в голове у меня крутился лишь один очень глупый вопрос.

Он сказал, в монастырь. В монастыри принимают женщин? Или это был женский монастырь? Не важно. Не важно.

Пока Шура ждал вестей от Урсулы, он звонил мне каждый вечер и рассказывал новости. Его голос звучал угнетенно, подавленно. Я вкладывала в свой голос столько теплоты, сколько могла, понимая, что он сейчас в таком состоянии, что почти не вникает в смысл того, что я говорю, а слышит лишь мой голос.

Я не заикалась о своем приезде на Ферму. Я понимала, что броситься сейчас в объятия Шуры — это последнее дело. Я не была заменой Урсулы и не собиралась быть ее временной дублершей. Если мне суждено занять место в Шуриной жизни, то оно должно быть совершенно иным, чем прежде. А сейчас этого может и не случиться. Урсула может позвонить в любой момент и сказать, что она все-таки приезжает, что она победила свою трусость, что она уже готова, садится на самолет и прибудет таким-то и таким-то рейсом. Это все еще могло произойти.

Однако Голос, посетивший меня во вторник вечером, ни слова не сказал о «временном дискомфорте». Он сказал, что Шура будет страдать и нуждаться во мне. Пока что он оказывается прав.

Воскресным вечером, уложив детей спать, я села за печатную машинку и написала свое второе и последнее письмо немецкой дамочке.

Уж вот это письмо она не отошлет обратно Шуре.

«Урсула,

я пишу вам в последний раз. Я постараюсь не испытывать бесполезной злости, а лишь надеяться на то, что при помощи этого письма мне удастся чего-нибудь добиться, ибо, судя по всему, вы живете в непонятном для меня мире, и я не могу разделить ваши чувства и поступки,

хотя и пыталась сделать это на протяжении более полугода.

Шура представил мне вас как очень умную, впечатлительную, глубоко чувствующую и ответственную женщину; женщину, открывшую двери внутри него, которые были заперты долгое время, и показавшую ему путь к эмоциям, которые он хранил глубоко в себе большую часть своей взрослой жизни. Вы представлялись очаровательной, прекрасной и любящей женщиной, которая была его защитницей, его вторым «я», его будущим.

Долгое время я верила, что получила от Шуры полный ваш портрет, пусть и с учетом его очевидной склонности видеть вас сквозь розовые очки Намек на то, что в вас есть кое-что другое, я получила от близкого к Шуре человека, который искренне любит его и хочет видеть его счастливым. Этот проницательный и мудрый человек сказал мне нечто, что сейчас похоже на удивительное прозрение: «Урсула нуждается в том, чтобы ее хотели и обожали, но одного мужчины, который хотел бы и обожал ее, ей мало. Внутренний импульс побуждает ее воплощать фантазии мужчины, стать его идеалом, его вдохновением. Она представляет собой классический вариант женщины-анимы, если пользоваться термином Юнга, и совершенно не осознает свои побудительные стимулы и мотивы. Я считаю, что она не способна по-настоящему отдать себя другому человеку — ни своему мужу, ни кому-нибудь еще. Она не может целиком отдаться эмоциям. И я очень опасаюсь того, что она может сделать Шуре, может быть, через неделю, а может, через год. Она не останется с ним после того, как схлынут первые восторги. А он будет ужасно страдать». Шурин друг не сказал всего этого самому Шуре, ибо знал, что Шура этому не поверит, а вот их дружеским отношениям, которые имеют большое значение для этого человека, подобный разговор мог навредить. Однако он рассказал о своих выводах мне.

С другой стороны, от Шуры я немного узнала о ваших поисках самой себя, о вашем настойчивом желании никому не причинять боли, вашем намерении завершить отношения с мужем без скандалов, а только добротой и заботой, чтобы не оставлять все как попало. Я узнала о вашей большой любви к Шуре, о вашем горячем стремлении быть с ним. Я верила в это очень долго.

Я принимала вашу очевидную борьбу за поиск лучшего способа уладить эту ситуацию с двумя мужчинами в вашей жизни. Понятно, что эта борьба, этот поиск должны были прийти к своему логическому завершению, привести к окончательному ответу.

Похоже, единственный ответ, к которому вы пришли, заключался в том, что время от времени вы пересекали океан и навещали своего обожаемого Белого рыцаря в Калифорнии (ясное дело, ваши визиты были просто захватывающими). Вы проводили у него неделю или около того, пока тяга к вашему обожаемому мужу не отзывала вас обратно в Германию. Вы проводили с ним недостаточно времени, и поэтому ваш медовый месяц все никак не заканчивался, и вы не познакомились с суровой реальностью — с отстойниками, холмами, покрытыми сухой желтой травой, приступами иронии и раздражения, с нетерпением и насморком, с усталостью, которая мешает заниматься любовью. Вы были с Шурой недостаточно долго, чтобы увидеть все это и примириться с ним. Того времени, которое вы проводили с Шурой, хватало лишь на то, чтобы подкрепить обожание и жгучее желание, чтобы погреться в огне плотской страсти и откровенной любви, становившейся еще более откровенной и наполнявшейся духовностью под воздействием химических препаратов. Хороший отдых и для тела, и для души.

Он был ваш, целиком и полностью ваш, и он ждал. Вы знали, что он вас очень любит и что не отступится от вас просто так. Ваша привлекательность, интеллект, способность находить контакт с этой влюбленной душой не были для вас секретом — вы достаточно хорошо это сознавали, чтобы предположить, что он будет принадлежать вам, пока вы не решите остаться с ним подольше, если захотите. А там, у вас дома, был другой мужчина, который тоже тосковал,

хотел и нуждался. При таком богатстве выбора любая женщина оказалась бы в замешательстве.

Когда твой возраст приближается к сорока, возможность играть такой властью становится еще заманчивей. Возможность удостовериться, что ты можешь привлечь и удержать интересного и желанного мужчину. От этого соблазна каждый учится — или должен учиться — отказываться. Способность обольщать несет с собой немало возбуждения. Наделенная умом и интуицией женщина распознает эту способность и определяет в ней потенциальную опасность для себя и для мужчин, которые в нее влюбляются. Она учится с осторожностью открывать то, что она, несомненно, не будет в себе развивать. Буддисты говорят, что, если ты спасешь человека от смерти, ты несешь за него ответственность до конца его жизни. Отсюда не вытекает, что не нужно спасать людей от смерти; это означает, что нужно осознавать суть своих поступков и их последствия. Открывая душу другого человека, вы точно так же должны понимать, что вы делаете, проявлять осторожность и нести ответственность.

Видя Шурину любовь, потребность в вас, его тревогу, какое-то время назад я отправила вам письмо, письмо, которое мне было очень непросто написать. Я говорила о многих обстоятельствах своей любви к Шуре, которые были выбраны не мной, но, не приняв которые, я не смогла бы быть с ним. Я не могла решить, как будут развиваться ваши с ним отношения. Впрочем, у меня был выбор — посылать вам письмо или нет. И чтобы облегчить свое сердце и душу, я предоставила вам своеобразные заверения, которые любящая женщина желает Получить и, разумеется, никогда — почти никогда — не получает от своей соперницы. Я сказала вам, что мужчина, которого я люблю, любит вас. Кто мог просить бы большего, Урсула?

После того, что вы сделали потом и, в особенности, за последние две недели, я больше не могу смотреть на вас глазами Шуры. Я верю в ваш ум, но не верю в вашу интуицию. Я верю в то, что вы нуждаетесь в любви, но я отказываюсь верить в вашу способность на подлинное, глубокое и продолжительное чувство. Я могу поверить в ваши страдания и внутренний конфликт в условиях необходимости выбора между мужем и любовником, но я уже не уверена в том, что за этим стоит нечто большее, чем нужда в драматических — эмоциональных — переживаниях. Они делают вашу жизнь захватывающей, а письма и телефонные звонки позволяют поддерживать эту иллюзию. Драматические переживания подпитывают вас, не дают угаснуть искре в вашей жизни. И, что самое главное, благодаря им Урсула не теряет уверенности в собственной неотразимости.

Пока я пишу эти строки, может быть, вы на самом деле летите к Шуре. Может быть, я угадала, что вами движет, возможно, и нет. Скорее всего, вы совсем не осознаете их. Но я не верю в то, что вы приедете к нему, изменившись в такую сторону, как надеялся и продолжает надеяться Шура. Не думаю, что вы способны на эти перемены или достичь такого уровня зрелости. И здесь я ничего не могу поделать. Я могу лишь пожелать, чтобы вы смогли понять и признать существующую на самом деле настоятельную необходимость освободить Шуру.

Я желаю вам добра, Урсула. Но ничего не поделаешь — я люблю мужчину, который любит вас. И я хочу увидеть, что всю оставшуюся жизнь его будут любить так, как способен любить он.

Прощайте.

Элис Парр»

Я подумала, что не стану рассказывать Шуре о письме. Может быть, когда-нибудь, но не сейчас. В этом случае оно не достигнет своей цели. Я отправила письмо на следующее утро, когда ехала на работу.

Я не спросила Шуру о встрече на будущих выходных, а он не пригласил меня на Ферму. В его душе был полный мрак, и он намеревался справиться с ним самостоятельно, как сделала бы и я на его месте.

В воскресенье, во время нашего телефонного разговора, он дал выход своей горечи: «Не думаю, что когда-нибудь допущу, чтобы нечто подобное случилось со мной снова. Я больше не собираюсь позволять себе быть таким уязвимым. Ничто не стоит такой боли. Ничто и никто».

Я всмотрелась внутрь себя, чтобы найти правильные слова и подходящий тон. Я стала говорить слова, которые шли у меня от сердца: «Шура, не глупи. Об этом просто больно говорить, но ты ведь чертовски хорошо знаешь, что не будешь отгораживаться от жизни лишь из-за одного предательства. Да, это заставляет страдать и сердиться на себя за свою доверчивость, но это не значит, что ты совершил преступление; ты любил, а нормальные люди, влюбившись, начинают доверять».

— Я не знаю. Не перестаю удивляться тому, как мог человек с такими мозгами, которые, как предполагается, есть у меня, не разглядеть…

— Шура, — сказала я с мягкой настойчивостью, — ты человек. Ты был влюблен. Любовь — это непонятная болезнь, гораздо сильнее изменяющая восприятие, чем твои психоделики. С тобой такого не случалось прежде, если исходить из того, что ты мне сам рассказывал. С большинством такое происходит хотя бы раз в жизни — когда человек влюбляется и чуть-чуть слепнет. И все люди делают похожую ошибку. Это не имеет ни малейшего отношения к логике или к уму.

— Возможно, ты права, но сейчас я чувствую себя так, словно передо мной вдруг открылось все, чего я раньше не видел. Теперь я другими глазами смотрю на все ее письма, в которых раньше многого не понимал. Я вел себя, как зациклившийся мальчишка, способный видеть и слышать лишь то, что хотел я сам. Что за идиотизм!

Впервые с начала разговора мне показалось, что он выпил вина; я заметила нотки нарочитой пренебрежительности в его голосе. О, черт. Я должна быть там.

— Мне бы хотелось быть рядом с тобой, дорогой, — сказала я, вложив в свои слова побольше нежности. — Конечно, мой приезд целиком и полностью зависит от тебя. Но, пожалуйста, почувствуй мое тепло. Ты не один в этой ситуации, не забывай об этом».

— Спасибо, дружок. Сначала мне нужно в какой-то степени пережить это самому. Прежде чем я попрошу тебя приехать.

— В конце концов, Шура, — сказала я неохотно, — нельзя исключать возможность того, что она действительно обдумывает какие-то очень сложные проблемы и что она все еще может приехать и остаться с тобой, разве нет?

— Нет, — ответил Шура неожиданно жестко. — Нет, такой возможности не существует. За последние несколько дней мне стало совершенно ясно, что между нами все кончено. Она просто не знала, как свести все это к такому хэппи-энду, после которого все будут довольны. Думаю, она зашла в тупик и была вынуждена попросить Дольфа помочь ей выбраться из ловушки, в которую она загнала саму себя. Она играет с иллюзиями, Элис. На мой взгляд, она по-настоящему верит в них, по крайней мере, какое-то время. Полагаю, между нами продолжалась бы бесконечная духовная любовь, как виделось это ей, если бы Элен не умерла. С ее смертью положение дел решительно изменилось, и она не знала, каким богам молиться, чтобы быть со мной, но не углублять наши отношения, чего она совсем не хотела Она никогда не собиралась уходить от Дольфа. Это странный брак, хотя бы здесь я оказался прав. Что касается всего остального, то я был слепым, сходившим с ума от любви глупцом.

О Боже мой. Это может оказаться слишком тяжелым ударом для девочки. Впрочем, вряд ли. Разве Бен не говорил, какой она предстала перед ним, когда была под галлюциногеном? Разве она не рассказала ему о своих проблемах с женатыми мужчинами?

— Шура, — спросила я. — Хочу задать тебе из ряда вон выходящий вопрос, но ты что-нибудь знаешь насчет того, было ли у нее нечто подобное с кем-то другим. Я имею в виду, у нее

до тебя уже были такие отношения, пока она была замужем? Знаешь ли ты об этом?

— О, да, — ответил он — Она и не скрывала этого. У нее были и другие увлечения, например, какой-то профессор из Германии, как раз перед тем, как она познакомилась со мной. Она описала все так, будто это был короткий роман, которому она положила конец, потому что профессор оказался женат, а она не хотела нести ответственность за разбитый брак. Но все, что я знаю, — это, разумеется, лишь ее версия событий. Подробности мне не известны, да я и не спрашивал о них. Она клялась мне, что еще никогда не любила так, как… — я услышала, как Шура резко вдохнул и замолчал; через секунду он продолжил, контролируя свой голос. — Так что отвечаю «да» на твой вопрос. Я был у нее не первый. И подозреваю, что не последний.

После того, как Шура пожелал мне спокойной ночи и положил трубку, я осталась сидеть у телефона, напряженно обдумывая наш разговор В каком-то смысле это было похоже на открытие, которого я, затаив дыхание, ожидала на протяжении последних дней, не зная точно, что это будет. Я предполагала, что Урсула может передумать и все-таки решит приехать в Калифорнию на неизвестный срок. Я также думала, что Шура будет не в состоянии сопротивляться еще одной встрече с ней. Я не ожидала от него такого ожесточенного реализма. Это означало, что он действительно перестал видеть ее сквозь розовые очки и что она больше не сможет манипулировать им. Это много чего значило.

Шура позвонил на следующий вечер и хладнокровным голосом сообщил мне: «Надеюсь, ты понимаешь, сколько я всего передумал. Возможно, какое-то время я не буду звонить тебе так часто, как обычно. Пожалуйста, потерпи. Потом я обязательно позвоню тебе и расскажу, что решил, если что-нибудь решу на самом деле. Но некоторое время, наверное, я должен буду пожить в изоляции, пока не покончу со всем этим».

Было такое ощущение, словно в мой желудок со всего размаху запустили ледяной снежок. У меня внутри все громко и протяжно зазвенело. «Я прекрасно все понимаю, дорогой, — сказала я Шуре. — Если нам суждено быть вместе, стоит ли говорить, что наши отношения должны быть построены на совершенно других основаниях. И это означает, что нам обоим придется о многом подумать».

Ну-ну, тебе тоже нелегко, малыш! Я не собираюсь умолять, ты знаешь. Хватит. Больше нет миссис Сюси-пуси для нашего малютки. Либо я нужна тебе и ты меня любишь или, по крайней мере, видишь возможность любви ко мне, либо ты потеряешь меня. Больше никаких вторых мест, никогда. Это будет еще хуже, чем не увидеть тебя снова. Где-то внутри я в это не верю, но это правда.

Так началась новая агония, и она продолжалась в течение трех недель.

Первую неделю Шура вообще не звонил мне. Я ходила на работу. Одни раз я сказала детям о том, что происходит, но больше к этой теме не возвращалась. А что тут можно было говорить, когда мужчина, которого я любила, решал, что он собирается делать со своей жизнью и со мной.

В начале второй недели он позвонил мне, чтобы прочесть письмо, только что полученное от Урсулы. Шура разговаривал со мной тепло, с нежностью. В его голосе был лишь едва заметный намек на отстраненность, из чего я заключила, что он еще не принял решение.

Он прочел мне все письмо от начала до конца, не делая никаких комментариев…

«Дорогой, дорогой мой Шура,

перед тобой широко распахнулось окно, через которое ты почувствовал душу, ощутил любовь и красоту жизни — жизни с другим человеком. Где на двоих одно дыхание, легкое прикосновение, внутренняя улыбка. Я могла бы провести эти часы, ничего не говоря тебе о них, и ты бы никогда не узнал, что я чувствую сейчас. У тебя были бы лишь свои переживания.

Но я могла бы разделить свои чувства с тобой.

Именно это я и делаю.

Пространство, в котором мы с тобой находимся, лежит за пределами географии, за пределами событий, обстоятельств, желаний, стремлений, сомнений и огорчений. Это пространство любви. Любви и стирания границ самозащиты. Прикосновения рук и ласкающий взгляд — вот что окружает нас.

Да, я вновь чувствую эту ауру. Безоговорочное «да» всему, что есть, и что будет.

Я чувствую свет в этом благословенном месте. Я освободилась от того, чем мы с тобой были, но я снова и снова чувствую, что мы действительно есть, и это навсегда.

У меня не всегда получается освободиться. Мои тяжелые сны о прошлых неделях и ночах открыли мне, насколько я все еще к тебе привязана, — к твоей личности, к нашим планам, к ферме. Должно быть, это особенное место на земле глубоко проникло в меня; я привязана к каждому холму, дереву, к каждой травинке, к каждому углу в твоих комнатах, к виду, открывающемуся из окна, — ко всему, что там есть. Все это вошло в мое сознание и память. Я жила там и по-прежнему там остаюсь, по крайней мере, в своих самых ярких снах. Я вижу перемены, происшедшие вокруг тебя и коснувшиеся как материальных, так и духовных вещей. Я часами вижу это. Если бы я могла хорошо рисовать, я показала бы тебе свои видения!

Особенно часто я вижу твою лабораторию, но теперь там такая стерильность! Все убрано, все на своих местах, нет больше особой атмосферы. Конечно, этого не может быть на самом деле. Ах, это странное царство разума!

Позволь мне прямо сказать тебе то, что я хотела сообщить тебе в какой-нибудь подходящий момент. Сейчас подходящее время, и я не могу сдерживаться.

В прошлой жизни, примерно две тысячи лет назад, ты перерезал мне горло длинным ножом, ты забрал мою жизнь, убил меня там, в пустыне! Ты был вождем нашего племени, а я была молоденькой девчонкой, и ты убил меня! Причины к делу не относятся Я видела это снова и снова, и другие люди, которые жили с нами в то время, приходили ко мне в этой жизни и предупреждали меня, что я должна помнить об этой древней кармической связи.

Думаю, тогда мы были кочевниками в Северной Африке.

Погружение в наше прошлое имеет значение в том смысле, что оно бросает свет на наши теперешние проблемы, звезды, травмы и т. д. Не вижу смысла копать глубже. Либо это обнаруживает себя, либо нет. Поэтому единственная причина, по которой я упоминаю эти «тени прошлого», состоит в том, что я хочу помочь нам понять нашу сегодняшнюю ситуацию.

В этот момент искренней любви ты должен поверить мне, моим словам, поверить в то, что из-за этих видений у меня не было никаких опасений или задних мыслей во время этой путаницы в наших чувствах.

Нет, единственное, что движет мной и что очень реально для меня, — это желание освободиться и дать такую возможность и тебе Избавиться от этих старых оков эмоционального рабства, которые не должны повториться в этой жизни. В этой жизни благодаря нашей сильной любви у нас есть реальный шанс изменить это, вытащив это наружу. Мы разорвали кармическую связь и больше не должны слепо нести бремя нашей прошлой жизни и трагедии.

Я ухожу от Дольфа и уезжаю туда, где я смогу начать новую жизнь одна. Не думаю, что снова выйду замуж. Я должна в одиночестве искать свой подлинный духовный путь.

Я очень сильно тебя люблю. Я собираюсь жить собственной жизнью. Ты останешься удивительной духовной ее частью. Может статься и так, что ты будешь и материальной частью ее. Но теперь ты должен жить настоящим и дышать полной грудью.

Шура, мой дорогой, я хочу, чтобы ты был свободен, как птица расправь свои крылья и оставь всю боль позади, оставь накопившиеся чувство вины, беспокойство, печаль. Будь свободен, родись заново и лети на восход!!!!

Лети и будь! Урсула»

От себя Шура добавил: «Между прочим, на полях была маленькая помета красными чернилами, где было сказано «пожалуйста, читай только в одиночестве!»

Я засмеялась. Я смеялась и не могла остановиться. Так хорошо было наконец-то освободиться от сдерживаемых эмоций; я сто лет так не смеялась. Сейчас меня не волновало, понравится ли это Шуре, я просто отдалась этому смеху. Восстановив контроль над собой, я вяло сказала в трубку: «Прости. Может быть, это не самая подходящая к данному случаю реакция, зато она была искренней. Надеюсь, я не задела твои чувства».

— Да не-е-е-ет», — протянул Шура с подчеркнутым сарказмом в голосе. — Продолжай, я не возражаю. Даю полную свободу твоему самовыражению!

Я снова расхохоталась, и мне показалось, что на том конце провода подавили смешок.

— Ладно, ладно. Буду вести себя хорошо, — сказала я, отсмеявшись.

— Я просто подумал, что ты захочешь узнать, — сказал Шура. — Сразу же, как я получу весточку от дамы.

— Да, спасибо тебе огромное, спасибо

— Как ты? — в его голосе не было теплоты, которой мне бы хотелось услышать; он по-прежнему звучал отстраненно

— Спасибо, хорошо. Настолько хорошо, насколько можно ожидать с учетом всех этим странностей, происходящих в моей жизни, наподобие ожидания звонка от д-ра Александра Бородина и его сообщения о том, что же он решил делать со своим будущим, если, конечно, именно этот вопрос он сейчас напряженно обдумывает. Наподобие заботы о моих замечательных детях, которые, похоже, большую часть времени заботятся обо мне лучше, чем я о них. А еще мне приходится сосредоточиваться на медицинских отчетах по восемь часов в день. Ну, все такое, ты же понимаешь.

— Как дети?

— С ними все в порядке, за исключением Брайана. У него никак не закончится этот противный насморк.

— Пожалуйста, передай им привет от меня, — на этот раз в Шурином голосе было побольше теплоты.

Я пообещала передать, и мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Ну, хорошо. Он порвал с Урсулой, он сидел один и страдал, а теперь это письмо все завершило. Она любит его духовно и всегда будет так его любить — вот суть ее послания То убийство в пустыне может быть подлинным воспоминанием о прошлой жизни — как знать7 Не думаю, что она смогла бы написать такое, если бы не была убеждена в том, что это правда. И теперь, когда она столкнулась с необходимостью принять окончательное решение, эти так называемые воспоминания легли в основу решения быть с ним в разлуке — телесно, но, конечно, сохраняя связь на духовном уровне. Если бы это не было так смешно, так забавно, это было бы — чем? — почти милой попыткой ребенка сочинить свою собственную сказку, чтобы помочь объяснить самой себе, что происходит и что нужно делать.

Шура предположил, и, возможно, он угадал, что она полностью верит в то, что говорит, в тот момент, когда она это произносит; может, она на самом деле верила, когда приезжала к нему на Ферму, что была его настоящей любовью, а он был ее Может, она не сомневалась в том, что уйдет от Дольфа и приедет сюда навсегда Потом, по возвращении домой, она оказывалась в другой реальности, в которой она была женой Дольфа. Воспоминания о Ферме и Шуре блекли, становились нереальными Какая невероятная бессознательность! и какой вред может нанести такая личность, не желая того

Я припомнила пассаж о Шуриной лаборатории — сплошной порядок, аккуратность, стерильность, как привиделось ей. Как там она написала? «Нет больше особой атмосферы»? Ну разумеется Она хотела сказать следующее: «Без меня в твоей жизни не будет волшебства. Кто бы ни была эта другая женщина, она, без сомнения, привнесет порядок и аккуратность в твою жизнь Она подавит твой гений, загасит твою искру, задушит твое воображение, твою способность восторгаться и удивляться. Лишь в твоих мыслях обо мне, в твоей духовной связи со мной ты сохранишь свою способность чувствовать фантастические вещи»

Я снова рассмеялась, думая о лаборатории под сенью деревьев, с засохшими листьями на полу и паутиной на стенах, о воздухе внутри нее, наполненном энергией. Волшебство было там в каждом пыльном углу.

Нет, леди. Если он попросит меня вернуться в его жизнь, то уж не потому, что я делаю его жизнь организованной и аккуратной А потому, что я несу ему любовь — такую, которая остается и пускает корни, и потому, что я разделяю с ним и приключения, и восторг.

Я вспомнила ее слова насчет того, что ее душа привязана к каждому уголку Фермы. Этим она наверняка хотела сказать. «Я всегда буду там, я всегда буду рядом с тобой Никакая другая женщина не сможет занять мое место»

Я рассказала детям о письме Урсулы «Ну, кажется, твой Голос из Прекрасного Далека знал, что говорил!» — сказала Энн.

«Да, похоже на то! — ответила я. — Но это не меняет дела — Шура продолжает думать о будущем, и нет никакой гарантии, что он захочет быть со мной».

На их лицах проступило смущение и что-то похожее на замешательство. Я поняла, что они не представляют, как может быть так, что их мать не желанна для человека, которого она любит, или отвергнута им Особенно теперь, когда соперница исчезла с поля боя.

Я постаралась очертить им возможную перспективу «Порой, когда ты проходишь через такие страдания, — сказала я детям, — у тебя может появиться нечто вроде аллергии на тех людей, которые имели к этому отношение; ты не захочешь быть рядом с людьми, которые напоминают тебе о том, что ты пережил, — по крайней мере, какое-то время не захочешь. Кроме того, как я уже говорила, у нас с Шурой все не может быть по-старому, и я не знаю, какими будут наши отношения. Решать ему. Я ничего не могу сделать, только ждать, когда он придет к этому решению. Но, — заключила я, послав детям улыбку, — по крайней мере, Дама из Германии нам больше не мешает, слава Богу!»

Раздались одобрительные возгласы, и Венди протанцевала вокруг дивана, празднуя это событие.

Как мы узнали гораздо позже, ни в какой монастырь Урсула не уехала. Не оставила она и Дольфа. Где-то через год Шура получил счастливое известие о том, что у них родился первый ребенок, девочка весом ровно семь фунтов и вылитая мать.

Глава 33. Решение

К концу второй недели Шура так и не позвонил мне. У меня было довольно мрачное настроение. Я сдерживала свои эмоции, но иногда в глубине души я чувствовала страх, уверенность в том, что я была недостойна, не достаточно хороша в том-то и том-то. Это была старая пластинка, и Шурино молчание запустило самую худшую из знакомых мне записей. Она тихо наигрывала во мне, сопровождая все мои поступки и мысли. И, что еще хуже, в ответ на негативные мысли, какая-то часть меня, заинтересованная исключительно в моем выживании, становилась ужасно злой. Когда я рискнула заглянуть в глубь самой себя, то увидела темное полотно, похожее на картины Клиффорда Стила,[66] рассеченное надвое тонкой молнией красной ненависти. Я нашла, что смысл этого образа в самозащите, и поддержала свое молчание и чувство собственного достоинства.

Один раз я сводила детей в кино, а по вечерам разговаривала с ними о школьных делах, выспрашивая больше подробностей, чем обычно, погружаясь в их мир. Они были добры и единодушны в своем отношении ко мне и рассказывали мне разные истории из школьной жизни.

Когда они отправились на выходные к своему отцу, я нарядилась, взяла свои магнитные шахматы и поехала на вечер в «Менсу». Я намеревалась хорошенько напиться собственной водкой с клюквенным соком, но не смогла заставить себя сделать это. Выслушав занудную историю о страданиях недавно разведенного мужчины, которой он мучил меня целый час, я ухитрилась организовать партию в шахматы. Но мой партнер был слишком пьян и не смог сосредоточиться на игре. В конце концов, я бросила это дело и поехала домой. Я чересчур устала, чтобы еще о чем-нибудь думать или заботиться. Я хотела лишь спать.

На работе я печатала как автомат, и начала серьезно подумывать о поисках другого места, потому что знала, если мне придется жить и работать без Шуры, а именно так складывалась ситуация, мне лучше подыскать работу, на которой мне не будет грозить такая ранняя смерть, как на этой.

К тому моменту, когда в четверг, на третьей неделе ожидания, раздался телефонный звонок, я перестала позволять себе слишком много переживать. Я чувствовала любовь к детям, и лишь мои отношения с ними убеждали меня в том, что я еще не превратилась в камень. Я все больше молчала на работе и во время перерывов на кофе и на ланч держалась в стороне от коллег, потому что не могла найти в себе достаточно энергии, чтобы делать вид, что у меня все в порядке.

Внутри меня злость уже не пряталась. Теперь она стала моим другом, тайным ложем из горячих углей, ожидающим меня под темным покровом оцепенения и неспособности реагировать на что-либо, который образовался во мне за последние недели.

Шура постарался говорить непринужденно, спрашивая, что я думаю насчет приезда к нему на следующие выходные.

Я чуть не задохнулась от нахлынувших противоречивых чувств и мыслей. Откашлявшись, я сказала в трубку: «Прекрасная идея. Когда мне лучше подъехать?»

— О, как насчет того, чтобы в пятницу, после работы? Это тебе подходит?

— Замечательно, — ответила я, сознавая, что мой голос звучит немного тускло и не зная, как оживить его, не позволив при этом вырваться наружу своей ярости; ладно, пусть пока будет тускло.

— Мне необходимо спросить тебя, — сказала я, тщательно подбирая слова. — На сколько ты меня приглашаешь? Поскольку начинается новая глава, как я догадываюсь, никто не хочет… а-а… принимать что-нибудь на веру». Моя фраза могла показаться смешной, но в каком-то

смысле в ней не было ни капли веселого смеха. Лишь сарказм слышала я в своем голосе, дрожавшем от беспомощного страха. Я отчаянно надеялась, что Шура не уловит этого сарказма.

— Как насчет того, чтобы остаться до понедельника? Тебе это нравится?

На этот раз я попыталась придать своему голосу легкость: «Да, нравится, спасибо. Увидимся в пятницу вечером».

Положив трубку, я расплакалась, радуясь, что дети уже легли спать. Я выплакивала и ярость, и любовь, и облегчение, и страх, и желание убить, и снова любовь. Потом я пошла спать.

Лишь по дороге на Ферму в пятницу вечером я начала понимать возможные причины, объяснявшие Шурино молчание, холодность, все признаки отдаления, которые заставили меня испытывать кричащую боль и унижение на протяжении последних бесконечных дней.

Вот ублюдок, если он действительно заставил меня пройти через мини-версию того, что заставила пережить его Урсула, — не звонил, дергал за веревочки. А все потому, что он считает — сознательно или нет — что соединение со мной неизбежно. Он чувствует себя пойманным в ловушку этой неотвратимости вместо того, чтобы наслаждаться тем, что это может обещать. Вот откуда это молчание, из-за которого я начала подозревать, будто он больше не считает меня достойной в этот проклятый момент своей жизни. Он чувствует себя так, точно у него в самом деле нет выбора, и злится. Возможно, он думает что-нибудь вроде того: «Или я заменю Урсулу Элис, или стану жить отшельником». С этим он борется? Если так, то, черт возьми, что я могу здесь сделать? Я больше не буду играть роль треклятой святой и мученицы. Я не собираюсь облегчать ему жизнь.

Я все еще находилась в ступоре, но мой Наблюдатель сказал, что это нормально. Эта оцепенелость вполне понятна, добавил он, и, возможно, такое состояние безопаснее, чем другие варианты.

Шура встретил меня, когда я только-только подъехала к дому. Обычно он так и делал. Он стоял рядом с машиной, пока я выбиралась оттуда со своей сумкой для покупок, набитой одеждой и еще кучей вещей, которые мне требовались на выходных.

Мы не очень пытались улыбаться, и, здороваясь со мной, Шура не сжал меня в медвежьих объятиях и не поцеловал в губы, как прежде. Его руки потянулись к моему лицу, и он прижал свой лоб к моему. Я мельком подумала, что такой жест гораздо больше других выражал сочувствие и казался вполне уместным.

Войдя в дом и свалив свою сумку на пол около дивана, я оглянулась по сторонам. Знакомые книги, камин, видневшаяся из окна громада Дьябло в туманной дымке. Все это стало неотъемлемой частью меня. Эта комната, дом были пропитаны воспоминаниями о нас. И все же в этот момент эта обстановка казалась мне чужой, странной. Мне потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что эта отчужденность была отражением моего собственного страха. Намеренно отстраняясь от своих эмоций, я чувствовала, что отдаляюсь от пианино, от ковриков на полу, от дивана — от всех старых друзей или от тех предметов, которые раньше таковыми были. Я старалась не дать выхода своей боли, замешательству, сильному гневу. Пока все эти эмоции были надежно укутаны и спрятаны поглубже, я не могла управлять своими чувствами.

Все, что я видела вокруг себя, дышало воспоминаниями, говорило о прошлом, и я застыла в этом месте, которое не было для меня частью прошлого, но не стало и чем-то другим. Я не могла поверить, что у нас с Шурой есть будущее. Я не осмеливалась в это верить, потому что эта вера сделала бы меня до предела уязвимой. Я не могла так рисковать. Поэтому я была не должна верить в будущее, связанное с его домом, с его мебелью, его кактусами и всем остальным, что окружало меня. Возможно, все это будет принадлежать лишь моему прошлому. Надеяться на то, что будет иначе, я не решалась.

Он пригласил меня на выходные. Это могло означать, что он хотел продолжить наши

отношения. Однако могло оказаться так, что его мысли насчет условий, на которых мы снова будем вместе… в общем, я могла и не согласиться с такими условиями, которые грозили разрушить то, что осталось от моего духа и веры в себя.

Если ты не захочешь быть второй, возможно, тебе, малышка, придется остаться ни с чем, потому что может статься так, что он ничего, кроме второго места, предложить тебе не захочет.

Мы сели за обеденный стол в столовой. Мы смотрели друг на друга, не позволяя себе видеть больше, чем было на поверхности.

Я чувствовала стену, воздвигнутую Шурой, и знала, что он чувствует мою.

Да уж, веселенькие будут выходные.

— Мне бы хотелось предложить кое-что, что могло бы помочь нам обоим, — сказал Шура, откинувшись на стуле и не отрывая взгляд от края ковра. — Если бы ты согласилась, я бы с удовольствием сделал вместе с тобой то, чего мы никогда раньше не делали. Мне бы хотелось принять с тобой микрограммов сто ЛСД на двоих. Большинство людей порядком побаиваются ЛСД, в основном, из-за той чепухи, которую в шестидесятых писали про этот наркотик в газетах, и из-за негативной пропаганды против него, начавшейся с той поры. Я подумал, что, может, ты захочешь испытать это на себе и составить собственное мнение об ЛСД. Если только ты не отложишь это мероприятие, что, разумеется, я пойму».

Я посмотрела на Шуру и на секунду задумалась, догадывается ли он хотя бы чуть-чуть, в каком состоянии я сейчас нахожусь, и какое море бурных эмоций может вот-вот прорваться наружу. Я окинула взглядом его тело и поняла, что Шурина расслабленность была показной. Настроившись на его чувства, я узнала, что он очень напряжен и дрожит от страха. Он боится сказать что-нибудь не так.

— Хорошо, — сказала я. — Как долго это длится? Я хочу спросить, мы будем под ЛСД почти всю ночь?

— Возможно, — ответил Шура, и я поймала беглый взгляд его голубых глаз, рискнувших посмотреть на меня. — Ты не против? Просто лично у меня нет никаких планов на завтрашнее утро, и мы могли бы выспаться.

— Ну, я готова принять ЛСД. На самом деле мне очень по душе идея насчет того, чтобы наконец-то встретиться с опасным врагом лицом к лицу, если ты думаешь, что это хорошая идея, то есть с учетом того факта, что мы оба находимся в странном… ну, состоянии сознания, по меньшей мере.

Это не самая ясная фраза из всех, которые когда-либо были произнесены.

— На самом деле, — сказал Шура, — я подумал, что это могло бы помочь нам сломать наши различные — как бы ни называть их — преграды, барьеры. Сейчас я чувствую себя очень скованно, и не очень хорошо представляю себе, как эту скованность преодолеть, а наркотик мог бы помочь это сделать. Я предположил, что ты столкнешься с такой же проблемой, а если так, то прием ЛСД мог быть интересным способом раскрепоститься. Наркотик помог бы нам сказать то, что мы должны сказать друг другу.

Он почти так же волнуется, как и я. Почему? Все зависит от него, не от меня. Он один решает все. Может быть, он просто не уверен в своих чувствах.

— Конечно, — сказала я. — По крайней мере, скучный вечер нам не грозит.

— В этом, — сказал Шура, улыбнувшись мне первый раз за все время, — можешь быть уверена.

Пока я принимала ванну, мои мысли пребывали в самом беспорядочном состоянии. Одна мысль не давала мне покоя: то, что Шура предложил сегодня новый опыт, означало, что он продолжает учить меня, открывает мне что-то новое, а это не характерно для ситуации, когда человек, который учит, хочет остаться с тем, кого он учит.

Ну ладно. Это не повод для беспокойства. Конечно же, он хочет, чтобы я была рядом с ним, хотя бы для хорошего секса. Но что если, в конце концов, он решит заделаться отшельником, и будет лишь время от времени проводить со мной выходные — или с какой-нибудь другой женщиной, раз уж на то пошло? Что я скажу на это? Я хочу быть частью его жизни, хочу жить с ним до конца жизни. И больше не желаю быть временной заменой. А что если он чувствует, что может дать мне то, что я хочу от него, и даст ясно об этом понять и скажет об этом на выходных, — что мне делать? Вот чертова проблема!

Одетые в домашние халаты, мы стояли на кухне друг против друга, пока Шура давал мне необходимые пояснения:

— Действие этого препарата длится около шести часов, плюс-минус, в зависимости от твоей восприимчивости. Единственное, что отличает его от всех прочих психоделиков, — быстрое начало воздействия. Здесь не надо ждать полчаса или час. Обычно воздействие заявляет о себе в течение пятнадцати минут. ЛСД известен как «толчковый» препарат. Возможно, ты уже слышала, как я упоминал это его качество. Это одна из причин, по которой на ЛСД жалуется большинство людей, даже те, кто его любит; говорят, он захватывает, толкает. Приняв повышенную дозу, не привыкшие к ЛСД люди порой чувствуют, что контролируют себя меньше, чем хотелось бы. Это просто нужно знать, и касается это всех психоделиков. Если ты знаешь, как скоро начинает действовать препарат, и понимаешь, что можешь контролировать ситуацию в любой момент, причин для тревоги нет. Все эти страшилки, в основном, распускают наивные люди, принимающие слишком высокую дозу в первый раз…

— Да, я слышала несколько довольно страшных историй про первый раз.

— …а остальные случаи касаются людей, у которых оказалась слабая психика. Если у тебя слабая психика или тебя легко свалить, значит, любое событие может выбить тебя из колеи — будь то прием ЛСД, влюбленность, потеря близкого человека или крупная ссора с отцом.

— Думаю, что в твоих словах есть скрытый комплимент в мой адрес, — сказала я, слегка улыбнувшись. — По крайней мере, я его услышала. Ты хочешь сказать, что у меня не слабая психика, да?

— О, — сказал Шура, при этом его брови взметнулись вверх. — Абсолютно, абсолютно. Я имею в виду, я совершенно не то хотел сказать! Конечно, нет! Ты натура крепкая, хотя в эмоциях у тебя полная путаница…

Я онемела от изумления. Меня взяло такое зло. Но одновременно захотелось вдруг расхохотаться. Пару месяцев назад я бы ударила его по яйцам за это, но сейчас все было по-другому. Я постаралась придать своему лицу невозмутимый вид, а Шура тем временем закончил: «… но твоя психика, без сомнения, непоколебима».

До меня дошло, что он знал, что я контролирую себя, но я знала то, в чем он мог и не быть уверен: у меня был превосходный контроль над собой, и так легко я бы его не утратила — с ЛСД или без него. Пока я сама не захочу его отключить. А пока мне этого не хотелось.

После того, как мы выпили бесцветную жидкость, которая, главным образом, представляла собой дистиллированную воду и крошечное количество ЛСД, растворенное в ней (Шура объяснил мне, что в воде из-под крана содержится хлор, способный уничтожить ЛСД практически сразу, как и сильный свет), мы сели в гостиной — я на диване, как обычно, а Шура устроился в большом кресле. Я слушала его рассказ о последней неделе.

— Я рассказал Рут и Джорджу о письме Урсулы, и они договорились со мной пообедать у меня, чтобы обсудить письмо. Я прочел им письмо. Они пришли в полнейшее смущение. Они не увидели в нем повода для смеха в отличие от тебя и не пытались анализировать ее мотивы. С другой стороны, думаю, они очень хотели помочь мне оправиться и знали, что атаки на Урсулу и обвинения в ее адрес были не тем, что я хотел тогда услышать.

— Нет, конечно, нет.

— Они просто стали для меня семьей. Позволили мне выговориться и уложили меня в постель после того, как я перепил вина, а утром накормили меня чудесным завтраком. Я почувствовал себя гораздо лучше. Они оказали мне большую поддержку.

Я кивнула, а потом подняла руку вверх, как на уроке, и спросила: «Я могу уже кое-что почувствовать?»

Шура встал с кресла и пошел на кухню посмотреть на часы. Вернувшись, он сказал, что, да, конечно.

— Ну, тогда я думаю, что началось.

— Что ты чувствуешь?

Я проверила себя и, тщательно подбирая слова, ответила Шуре: «Словно мои клетки пытаются выстроиться в один ряд по-другому, не так, как обычно».

— Это приятно или нет?

— Приятно — это не то слово. Правильней было бы сказать -

интригует.

Шура мягко рассмеялся и сказал: «Звучит нормально. Просто позволь этому быть; через некоторое время ты поймешь, в чем здесь суть».

Я оглянулась вокруг и сказала: «Много цвета. Он стал более заметным, чем обычно, то есть я повсюду вижу все эти маленькие призмы и радуги».

Шура молча кивнул в ответ.

Я посмотрела в окно, на улицу, где уже сгустились сумерки, и добавила: «Я понимаю, что ты имел в виду, когда назвал ЛСД толчковым. Он оказывает своеобразное давление. Возможно, потому, что переход начинается так быстро. Но ведь он еще и очень интенсивный, да? Я хочу сказать, ощущение такое, будто на русских горках катаешься».

Шура снова кивнул мне.

— Если сбросить все это со счетов, то территория мне знакома. Пока.

— Как насчет того, чтобы отправиться в теплую постель и включить музыку, или тебе было бы лучше остаться здесь? -

О Боже, как осторожно он это сказал! Вместо ответа я поднялась с дивана и пошла через кухню, столовую и дальше по коридору, который вел в спальню, место, где царили любовь и музыка. Пока я шла, я чувствовала прочную связь с физическим миром. В то же время у меня было такое ощущение, что мое тело состоит, скорее, из энергетических частиц, а не из плоти и крови. Ощущение оказалось довольно приятным, когда я позволила себе почувствовать эту приятность. Когда я открывала дверь в спальню, мне пришло в голову, что пора бы перестать волноваться насчет сохранения контроля над собой и думать, в каком свете я предстану; настало время быть самой собой и позволить себе переживать эмоции, в том числе и смех, потому что поступать иначе значило проявить несправедливость по отношению к себе, манипулировать Шурой и даром потратить время, которое могло бы стать грандиозным опытом.

Мы легли на кровать. Шура был обнажен, я все еще была в халате. Когда я закрыла глаза, внутренний мир предстал передо мной во всех подробностях. Шура поднялся и включил радио. Он нашел Шопена и вернулся ко мне. Я села и сняла халат. Не открывая глаз, я увидела любовную сцену. Мы с Шурой стояли на открытом балконе и смотрели во двор. Вокруг нас были сплошные балконы, этаж за этажом. Они были в цветах. По стенам и колоннам дома ползли плющи. Посмотрев вниз в центр круглого сада, я увидела там выложенную плиткой платформу, на которой стоял рояль. За ним сидел молодой человек в смокинге и играл, разумеется, Шопена.

Услышав, как Шура начал задыхаться и кричать дрожащим голосом, я на миг встревожилась. Я поняла, что, должно быть, нас было отлично видно тем, кто мог стоять на

соседнем балконе, и что у нас будут серьезные проблемы, если мы будем шуметь. Пианист мог прекратить играть и посмотреть, что там над ним происходит. Я подумала, что надо бы предупредить Шуру, чтобы он не кричал, как обычно, но прежде чем я заговорила, я поняла, что мы в абсолютной безопасности на этой широкой кровати и что реальность и фантазия у меня смешались. Шура застонал, сидя на постели и вцепившись одной рукой в мои волосы.

Пианист продолжал играть, не прервавшись, и, лежа на полу балкона, я хихикнула в Шурин живот и ударила его по ляжке.

— Какое-то мгновение, — сказала я, — я действительно думала, что мы напугаем лошадей.

— Лошадей?

Я напомнила Шуре известный афоризм миссис Патрик Кэмпбелл, подруги Джорджа Бернарда Шоу, которая сказала, что ее не заботит, что делают люди, занимаясь любовью, если только они не делают это на улице и не пугают лошадей.

— О!

Я рассказала Шуре о своих видениях, и он рассмеялся, все еще немного задыхаясь.

— Ты кончила? — спросил он, как всегда.

Я села и, поджав под себя ноги, ответила: «Сказать по правде, я отвлеклась от процесса из-за своего воображения, смешавшего границы фантазии и реальности. Я думала о том, насколько легко оказаться захваченной внутренней картиной и как это может быть забавно, но и пугающе для того, кто раньше никогда не пробовал галлюциногены и не знает, как вернуться назад в нормальную, обычную реальность, потому что он не может сказать, где эта реальность.

— Но ведь тебя не одурачили, не так ли? — спросил Шура. — Я хочу сказать, даже очень наивный человек, обнаруживая, что он видит какие-то места и вещи с закрытыми глазами, где-то все равно знает, что может открыть глаза. Если, конечно, он не передознулся. Чтобы уловить смысл происходящего при передозировке, нужно действительно обладать большим опытом и даже при этом условии могут возникнуть трудности».

Я подвинулась и легла рядом с Шурой. Его длинные пальцы начали легонько ласкать меня, а я пока смотрела на потолок и видела на затененной поверхности огромное количество крошечных калейдоскопов. Они двигались и ударялись друг о друга, словно клетки крови под микроскопом. Я улыбнулась и, когда Шурина рука на мгновение замерла, а его глаза открылись пошире в немом вопросе, я объяснила ему, что происходило на потолке. Он посмотрел наверх и сказал: «Да, это штука довольно активно действует, правда?»

Его рука продолжила свое исследование. Я подумала о том, насколько хорошо он знает мое тело, а потом услышала, как он заговорил, слегка улыбаясь: «Знаешь, я проделал небольшой эксперимент, который мог бы заинтересовать тебя. На прошлой неделе я задал Рут и Джорджу тот же вопрос, который задавал всем остальным участникам группы, за исключением Дэвида. Я спрашивал их, что они думают о моем решении жить с тобой. Веришь или нет, все они сказали одно и то же, и звучало это примерно так: нет, не делай этого, а то разочаруешься, не думаю, что она подходит тебе, Шура. Не припомню, чтобы хоть один из них сказал что-нибудь позитивное об этой идее. Разве это не интересно, с учетом сложившихся обстоятельств?»

Я сделалась неподвижной. Мой Наблюдатель отметил, что они ответили отрицательно, потому что им задали такой вопрос; если ты вынужден спрашивать об этом, то, скорее всего, в ответ ты услышишь «нет».

Я открыла рот, чтобы выложить Шуре это, и объяснить ему спокойно, с точки зрения здравого смысла, почему все его друзья ответили именно таким образом, но внезапно, без всякого предупреждающего знака, что-то во мне разбилось вдребезги и пылающие угли отправились в дымоход. Я пыталась сосредоточиться, пока горячие слезы катились у меня из глаз, стекая по подбородку. Не помня, как я встала, я обнаружила, что сижу на кровати, а мои

руки вцепились в одеяло. За несколько секунд мой внутренний мир сократился до размеров темного, пурпурно-красного туннеля, в котором не было ничего, кроме боли. Я рыдала, содрогаясь с такой же силой, с какой пульсировало во мне горе, поднимаясь со дна этого туннеля и обжигая мне глаза. Потом я почувствовала, как меня пронзил ярко-оранжевый свет — гнев, после чего поток энергии стал другим. Мой плач словно пробивался теперь через какую-то преграду; я смутно осознала, что мои челюсти крепко сжаты. Я перестала понимать, что происходит, и слышала лишь звуки собственного взрыва. Мне показалось, что я кричу сквозь стиснутые зубы, и кричу довольно громко.

Мой Наблюдатель, почти потерявшийся в этом хаосе, с легким удивлением подумал, а не выпустил ли случайно мой дорогой мужчина на волю тигра покрупнее, чем он ожидал.

Шура спокойно ждал, когда разразившийся шторм начнет утихать. В этот момент я неотчетливо чувствовала своими внутренностями, что выкрикиваю ему слова вроде «это жестоко», «по-садистки», и «невыносимо»; еще я уловила отголоски слов «ужасно» и даже «глупо». Я лежала, уткнувшись лицом в мокрую от слез подушку, и чувствовала, что поток замедляется. Его цвет уже не был пурпурно-красным, оранжевым, желтым или черным; единственные цвета, которые были доступны моему восприятию, были голубой и фиолетовый с розовым по краю. Я очистилась от эмоций и лежала умиротворенная.

Я приподнялась и медленно перевернулась на спину. Я уставилась в потолок, зная, что между мной и Шурой возникла стеклянная стена. Эта стена была моим другом, и она не исчезнет, пока у Шуры не появится очень подходящий довод, доказывающий, что ее нужно убрать. Самое лучшее в этой ситуации, подумала я почти с удовлетворением, — это то, что я больше не испытываю боли. По крайней мере, на данный момент мне все равно. В центре моей груди образовалось озерцо с чистой голубой водой, и я могла там плавать в свое удовольствие долго-долго, пока все не заживет.

Шурин голос донесся до меня откуда-то справа, с другой стороны стеклянной стены: «Кажется, я не сказал того, что хотел сказать, или подобрал неверные слова, или что-нибудь еще. Понимаешь, как я тебе уже сказал, это был своего рода эксперимент — спросить их. Признаю, это не самый тактичный способ обращения со старыми друзьями, но какое-то время назад я поспорил с самим собой, что все в этой группе — опять скажу, что не задал Дэвиду этот идиотский вопрос, но он был единственным исключением — так вот, я поспорил сам с собой, что все они, как один, будут предупреждать меня не разделять, как говорится, свою судьбу с тобой. Я заключил с собой пари, потому что был уверен в том, что знаю, почему они будут против моего решения, и я думал, когда расскажу тебе об этом, ты тоже сразу все поймешь. Это была глупая, злая шутка, и ее устроила та часть меня, которой можно восхищаться меньше всего, — понимаешь, та часть меня, которая получает удовольствие, видя, как сбываются самые худшие ожидания».

Я слушала его, но его слова меня совершенно не трогали. У меня не было причин, чтобы заговорить.

— Я был уверен, — продолжил Шура, — что каждый, кого я буду спрашивать, в какой-то степени побеспокоится о женщине, которую они успели узнать и полюбить, но которая станет настолько близкой мне, что сможет влиять на мои отношения с ними. Я знал, что они всегда опасались влияния Урсулы, ты понимаешь, но я никогда не спрашивал их, что они думают о ней; я никогда не давал им возможности сказать «нет», и они знали, что не надо пытаться настраивать меня против нее. Им всегда было неловко с ней. Мне было известно это. Поэтому на этот раз, просто шутки ради и чтобы доказать себе свою правоту, я подумал, что дам им шанс как-то повлиять на меня. Я спросил каждого из них с глазу на глаз, что они думают о моей жизни с тобой.

Я предполагал, что все они скажут — не делай этого, потому что все боятся, что ты изменишь устоявшееся положение дел каким-то образом, каким они не могут предвидеть. Они не хотят, чтобы я стал меньше нуждаться в них, проводить с ними меньше времени. Это был глупый эксперимент, и он лишь подтвердил мои подозрения.

Я посмотрела на Шуру и заговорила голосом, который мой Наблюдатель определил как ровный и здравомыслящий:

— А тебе не приходило в голову, что сам факт, что ты спрашивал их, означал отрицательный ответ? Будь я на их месте, я бы сама сказала «нет». В любви есть такое правило: если тебе приходится задавать друзьям такой вопрос, значит, ты не уверен, а если ты не уверен, значит, это не настоящая любовь. Или что-нибудь в этом роде.

— Да, — сказал он, — думаю, так оно и есть. Но я также считаю, что они чувствуют ревность к любому человеку, который становится мне ближе, чем они.

— Ладно. Может, ты и прав. Это был жестокий эксперимент, как ты и сам признал. И чего ты ожидал от меня в ответ — смеха?

— Да, я думал, что ты увидишь в этом юмор.

— Ха-ха, ни тени юмора. Это было не смешно.

— Это стало мне уроком. Прости, Элис.

Шура опустил голову и потом сказал:

— Слушай, ведь извинения здесь не помогут, не так ли? Я не хочу тратить на них время. Итак, почему бы мне просто не спросить тебя: что ты думаешь насчет того, чтобы бросить свою работу и переехать отсюда вместе со мной?

— Господи! — пробормотала я.

— Вы звонили? — ответил он.

Против воли я рассмеялась и пробубнила, уткнувшись ему в бок:

— Ты идиот!

— Ну так как?

Приготовившись отвечать, я обняла его за шею и увидела, как стеклянная стена, разделявшая нас, раздвигалась, превращалась.

— Ты уверен? — прошептала я.

— Что ты имеешь в виду, спрашивая, уверен ли я?! Да ни в чем я не

уверен! Может быть, я круглый дурак, и, может, это путь к полной катастрофе. Конечно же, я не уверен! Но я хочу, чтобы ты жила со мной, потому что приезд на выходные — это просто смешно, и, кроме того, ты не плохая малышка, с учетом всего, а я, возможно, мог сделать гораздо хуже!»

Я стала колотить его по груди, тогда он схватил меня за кисти, а когда я снова начала плакать, он прошипел: «Перестань, не то брошу тебя через всю комнату!»

Я смеялась и рычала одновременно, а Шура повторял свою угрозу тоном, который, наверное, должен был имитировать интонацию чикагского гангстера. Наконец, я легла на подушку с лицом, мокрым от слез, задыхающаяся от смеха. «Ладно, ладно, ладно!» — прокричала я.

Внезапно я подумала о том, что было слишком важным, чтобы откладывать его на потом. Мне нужен был немедленный ответ, если я должна была поверить во все это. Я села, пытливо посмотрела на Шуру и спросила у него: «Значит ли это, что сейчас мы можем делать это в миссионерской позиции?»

Он уставился на меня и переспросил: «Сейчас! Боюсь, прямо сейчас я не очень способен на это. Ты не могла бы подождать до завтрашнего утра? Мне все-таки уже не восемнадцать, понимаешь; мне нужно несколько часов, чтобы восстановиться!»

Я опрокинула его на спину, зашипев: «Я имела в виду с этого момента, ты, вошь! Не прямо сейчас!»

Он усмехнулся, и я поняла, что он прекрасно все понял.

— Конечно, — сказал он. — Раз ты настаиваешь.

— Просто время от времени, — сказала я. — Чтобы убедиться, что мы не забыли, как это делать классическим способом, ну, по старинке.

— Я пытаюсь вспомнить, — проворчал Шура. — Но мне кажется, что это делается как-то так, — он сделал кольцо пальцами левой руки и начал совать туда указательный палец правой, совершая движение, понятное всем людям в мире.

Я интенсивно кивнула, захихикала и сказала: «Ха-ха, точно!»

Урсуле больше ничего не осталось, Спасибо, спасибо.

Я икала и смеялась, и снова икала. Моя икота была серебристыми шипами на разноцветном потолке.

Глава 34. Четвертое

Четвертого июля 1981 года в ответ на около восьмидесяти приглашений на пикник, устроенный на Ферме, прибыло шестьдесят семь человек. Они привезли мясо для барбекю, а некоторые из гостей прихватили с собой переносные решетки и вертела и несколько пакетов с углем про запас. Гости приехали в коротких брюках, слаксах и топах на бретелях. Приглашенные навезли хот-догов, мяса для гамбургеров, цыплят, картофельного салата, овощей, тортов, желе и мороженого.

День выпал жаркий. Куда бы я ни посмотрела, повсюду были люди. Я знала, что такого многочисленного сборища Ферма еще не видела. Большинство гостей были знакомы друг с другом, но находился один-другой, которого нужно было представить остальным, потому что он не входил в объединение, названное нами сетью. Среди новичков было несколько моих старых друзей и две женщины из больницы, где я работала год назад.

Уолтер тоже был приглашен, как и дети, которые теперь жили с ним. За последний год Шура с Уолтером стали нормально общаться, и раз в две недели мы собирались на обед в доме Уолтера в округе Марин. Компанию нам составляли друзья. Такой вот был у нас способ поддерживать тесные семейные связи.

Немного удивленная, Рут поделилась со мной своими наблюдениями, когда мы на секунду уединились в уголке в гостиной: «Не могу поверить, что Шура на самом деле пригласил такую толпу народа! На моей памяти он никогда не приглашал к себе больше двенадцати человек за раз!»

Я сказала ей, что это была моя идея, а он согласился реализовать ее лишь единожды. «Я подумала, что это будет действительно весело — пригласить всех наших друзей на барбекю, понимаешь? Он сказал, ладно, но при условии, что этот эксперимент мы не будем больше повторять».

«Поразительно! Никогда не думала, что мне удастся когда-нибудь увидеть такое», — рассмеялась Рут. Потом она широко улыбнулась мне и добавила: «И разве не чудесно, что Данте и Джинджер оказались здесь именно в эти несколько дней!»

Данте и Джинджер позвонили Рут и Джорджу пару недель назад и спросили, могут ли они остановиться у них. Они навещали родственников, живших поблизости, и услышали про наш пикник. Поэтому они хотели поехать на Ферму вместе с Клоузами. Рут с Джорджем несказанно обрадовались и предложили Данте и Джинджер свою вторую спальню.

Из всей исследовательской группы лишь эти двое — Данте и Джинджер — знали о наших планах. Они жили так далеко от нас, и было бы сложно уговорить их проделать такой долгий путь лишь ради барбекю по случаю Четвертого июля. Мы с Шурой поняли, что должны посвятить их в нашу задумку, взяв с них клятву не разглашать тайну.

Кроме Данте и Джинджер, о том, что будет происходить во время праздника, знали сын Шуры Тео, мои четверо детей и очень хороший Шурин друг Пол Фрей из Федеральной лаборатории по изучению наркотиков. Сегодня он собирался выступить в роли священника Церкви Вечной Жизни.[67]

Я прониклась к Полу настоящей симпатией. Он был очень умен, вдумчив и обладал отнюдь не тонким чувством юмора. Шура охотно подхватывал шуточки Пола. Обычно это происходило за бутылкой красного вина время от времени по воскресеньям.

За Шуриным домом было заросшее травой место. Трава росла ниже тропинки. В самом широком месте длина лужайки доходила до двадцати футов, потом она постепенно сужалась до футов пяти. Полянка была укрыта тенью деревьев, и там было относительно прохладно летом.

Мы накидали на лужайку персидских ковриков и несколько больших подушек для пола. Когда народ стал спрашивать, для чего все это, мы сказали, что позже, во второй половине дня у нас будет камерная музыка. Все вежливо заметили «как мило!» и вернулись к своим разговорам.

В два часа дня я собрала детей и дала им задания Пока они разбежались по Ферме, зазывая гостей на специальную программу, которая состоится за домом (некоторые гости смотрели на них с недоумением, другие пошли на открытое сопротивление, которое можно было предвидеть), мы с Шурой заперлись в спальне и переоделись.

Я облачилась в индийское платье из тонкой набивной ткани розового, золотого и коричневого цветов. Оно было из чистого хлопка и длиной до пола. К нему полагалась розовая комбинация На ногах у меня были простые танцевальные тапочки, тоже розовые. Шура надел песочного цвета слаксы, новый твидовый пиджак и повязал галстук. Поглядев на себя в зеркало, на струйки пота, стекавшие у нас по лицам, мы рассмеялись, потом быстро поцеловались и вышли из спальни.

Мы ждали за задней дверью, пока Брайан выкладывал каменные ступеньки по направлению к нам от того места, где сидела гудящая толпа изнывающих от любопытства и наполовину встревоженных гостей, которых вежливо заставили прийти сюда. Увидев, как Брайан махнул нам, мы вышли из дома и пошли по ступенькам, держась за руки. Справа от нас, под сенью деревьев, стоял Пол Он звонил в подвешенный к крепкой ветке большой латунный колокол — сувенир, оставшийся у Шуры после службы на флоте.

Испытавшие шок гости онемели, когда мы прошествовали перед ними, направляясь поддерево к разбросанным коврикам, чтобы предстать перед Полом Фраем. У него в руке был текст написанной нами свадебной церемонии. Спокойным, глуховатым, слегка дрожащим голосом Пол начал читать знакомые прекрасные слова. Я посмотрела направо и обменялась улыбками со своим сыном Кристофером. Он держал мое кольцо. Взглянула я и налево от Шуры, где стоял Тео, ставший шафером отца. У его ног на коврике лежала видеокамера.

— Дорогие возлюбленные! Нас собрали здесь, чтобы стать свидетелями священной церемонии брака, которым сочетаются этот мужчина и эта женщина.

В церемонию мы вставили благословение, позаимствованное у апачей

Так, взявшись за руки,
Крепко держа друг друга,
Вы можете пройти свой путь вместе

После того, как Шура надел кольцо мне на палец, Пол продолжил. Постепенно его боевой задор стал сходить на нет под напором душивших его слез:

Отныне вас не намочит дождь,
Ибо каждый из вас станет навесом для другого.
Отныне вы не почувствуете холода,
Ибо будете дарить тепло друг другу.
Отныне одиночество для вас не существует,
Ибо два тела вы,
Но жизнь у вас теперь одна.
Идите же сейчас в ваше жилище,
Чтобы войти в дни вашей совместной жизни.
И пусть ваши дни будут хороши

И продлятся долго на этой земле!

С мокрыми от слез щеками наш дорогой Пол закончил: — Я соединяю вас друг с другом и со всеми нами, кто любит вас Объявляю вас мужем и женой».

Потом, на кухне, когда Рут перестала плакать, а с носа Ли сошла краснота, я объяснила, почему мы решили провести свадьбу таким образом. «Шура сказал, что не против того, чтобы пожениться, если только мы обойдемся без масштабной суматохи подаркодарения, потому что он ненавидит все это. Раз уж он так решил, нам не нужны никакие подарки на свадьбу Он хотел, чтобы все было просто. Поэтому я сказала ему, почему бы не пригласить всех вас на пикник и не преподнести вам сюрприз. Так родился этот план. Мы решили, что никто, кроме наших детей, не должен знать о готовящейся церемонии. Нам была нужна их помощь, к тому же было весело из-за того, что им пришлось хранить такой секрет Конечно, — улыбнуласья Рут, — Джинджер и Данте должны были знать, для чего им проделывать весь этот путь, да и Пола тоже надо было поставить в известность, потому что ему предстояло быть нашим священником!»

— Не помню сюрприза, который так бы меня удивил, — сказала Рут, вновь принявшаяся рыдать. Я крепко обняла ее, потом прислонилась к раковине, сложила руки и сказала им: «Я хочу, чтобы вы обе знали — и, конечно, все остальные в группе — что наш брак ничего не изменит в вашей дружбе и в ваших взаимоотношениях с Шурой. Этого мне хотелось бы меньше всего. Я знаю, вы все его очень любите, и у меня нет ни малейшего желания отдалять его от друзей. Это не в моем стиле. Думаю, вы боялись этого, когда с ним была Урсула, но я не Урсула…»

Ли сделала преувеличенный жест облегчения, вытерев свой лоб тыльной стороной ослабевшей руки. Рут рассмеялась.

— …я не должна держать его при себе и ни с кем не делиться. Чем больше семья, тем лучше, по крайней мере, я так считаю. Вы все нужны ему, и я хочу поблагодарить вас за то, что вы стали его друзьями. И моими тоже.

Чудовищно сентиментально. Но им надо было это услышать. Теперь достань бумажный платок, высморкай свой проклятый нос и иди отсюда, чтобы они смогли поговорить между собой.

Энн, Венди и Брайан окружили меня и с явным удовольствием сообщили, что они наблюдали за реакцией своего отца, когда мы с Шурой встали перед Полом и уже стало ясно, что будет происходить.

— У него челюсть упала от удивления, — сказал Брайан. — Он так и стоял с открытым ртом все время.

Эту картину удачно проиллюстрировала Венди, скосив глаза и отвесив челюсть.

— Ты никогда в жизни не видела настолько ошарашенного человека, — засмеялась Энн, держась за живот. — Это было чудесно, мамочка. Я бы не променяла эту сцену ни на что на свете!

— Молодец, — сказала я. — Ребята, у вас какое-то странное чувство юмора, вы понимаете?

Я обняла всех их по очереди и от души поблагодарила за то, что так прекрасно справились со своими обязанностями.

— Ну, — подметила Энн, когда они собрались присоединиться к вечеринке, — по крайней мере, ты никогда не забудешь дату годовщины своей свадьбы, да?

— Это будет нелегко, моя хорошая.

Четвертое июля. Празднование свободы. Свобода, заключающаяся в том, чтобы всегда быть связанной с мужчиной, с которым я хочу быть связанной навечно. Спасибо Тебе, Господи, и

всем вам, Маленьким богам. Посылаю вам свою радость и благодарность. Благослови и храни вас, аминь.

ЧАСТЬ 3. Оба голоса

Глава 35. Аахен (Голос Элис)

Через несколько недель после нашей свадьбы Шуре представилась возможность посетить конференцию по ядерной медицине, которая проходила в Германии, в Аахене. Мы решили съездить туда вместе и сделать эту поездку частью медового месяца. Наш медовый месяц также предполагал посещение Лондона и Парижа. В этих городах я должна была побывать впервые.

Я не была в Европе с тех времен, когда меня еще ребенком увезли в 1940 году на последнем корабле, предназначенном для беженцев, из итальянского города Триеста, где мой отец служил американским консулом. Мысль о том, что я снова увижу Европу, казалась мне слишком чудесной, чтобы быть правдой. Годами я мечтала о таком возвращении с нараставшим неверием в то, что это когда-нибудь произойдет на самом деле.

Мне снова предстояло пересечь Атлантику, на этот раз на самолете, а не на океанском лайнере. И я вот-вот должна была впервые увидеть Англию, Францию и Германию. О Германии я думала со смесью нежелания и волнения. Нежелание связываться с этой страной я чувствовала потому, что для меня ее название обычно ассоциировалось со словом «нацист». Но в то же время меня охватывало волнение, поскольку я предвкушала встречу со страной, где я никогда не бывала, со страной, давшей миру великих музыкантов, художников и философов. Меня ждала встреча с Германией замков, рек и эльфов из Шварцвальда. С родиной Баха и Моцарта.

Шура сказал мне, что мы будем путешествовать так, как он любит больше всего, — с рюкзаками и без остального багажа. Как объяснил Шура, это позволит нам не задерживаться в аэропортах в ожидании наших чемоданов, и нам не придется постоянно приглядывать за ними. Все, что нам нужно, будет у нас за спиной.

В моей семье я была известна тем, что начинала паковать вещи за месяц — и это каждый раз, когда я собиралась поехать куда-нибудь на выходные. Но сейчас я хотела попробовать метод Шуры. В этой идее отправиться в Европу с одними рюкзаками было нечто многообещающее. В конце концов, это имело смысл. Кому хочется быть сиделкой у собственного чемодана. К тому же новый опыт есть новый опыт.

Мы приобрели вместительные рюкзаки темного цвета без металлической основы. В них просто было много отделений. Шура взял с собой запасные темно-синие вельветовые слаксы, а я упаковала для себя джинсы, юбку из денима и несколько блузок. Я собиралась прожить наш медовый месяц в одежде из денима — в юбке и брюках — потому что это был единственный материал, который не так быстро грязнится и, конечно, отличается носкостью.

А все потому, что, пока мы упаковывали вещи в рюкзаки, Шура напомнил мне следующее: «Мы не собираемся посещать формальные концерты или дорогие ночные клубы, так что наш гардероб вполне может быть практичным и относительно неброским». Кроме того, он добавил: «Не важно, какую одежду мы возьмем с собой, потому что в любом случае через пару недель нас будет тошнить от нее». С этим замечанием я не могла не согласиться.

Моя старенькая камера Yashica должна была документально засвидетельствовать нашу поездку и особенно помочь мне в тех случаях, когда мои глаза и разум могли бы утомиться и пропустить важные детали, как это нередко происходит во время длительных путешествий по новым местам. Шурину камеру в чехле из мягкой кожи мы тоже захватили с собой. Он будет снимать более обдуманно и аккуратно.

После очень длинного перелета я высунулась из окна гостиницы на площади Пикадилли и полной грудью вдохнула воздух Лондона — резкий, пахнущий копотью и влажный от недавнего дождя. Это был город из детсадовских стишков, и скоро я была должна увидеть места, о которых услышала в то время, когда только научилась говорить («У Букингемского дворца меняется

караул, и Кристофер Робин пошел вместе с Элис»). Как и предсказывал Шура, мне было суждено влюбиться в Британский музей.

Спустя несколько дней мы отправились в Аахен, сначала самолетом, потом поездом, и, наконец, я оказалась в Германии.

Аахен — это очень древний город, известный в разных языках под различными названиями, потому что он расположен на границе Германии, Бельгии и Голландии. Самое популярное неформальное название Аахена — Э-ла-Шапель. Судя по всему, история этого города началась в ту пору, когда римляне открыли горячие источники поблизости и построили здесь бани, считая местные источники лечебными. Оставшиеся от того времени красивые колонны все еще можно встретить в любой части города. Теперь их окружают магазины, кафе, пиццерии под черепичными крышами и, конечно же, ящики с геранями. (С тех пор, когда я маленькой девочкой покинула Европу, стоило мне услышать или прочитать слово «Европа», как тут же в моем воображении появлялись красные и розовые герани, посаженные в ящике на окне, и я слышала эхо церковных колоколов.)

Мы увидели Аахен ранним воскресным утром. Когда мы вышли из вагона поезда, безмерно уставшие, грязные и горевшие желанием помыться, нас интересовала единственная вещь — как можно быстрее найти подходящую гостиницу. Мы искали кого-нибудь, кто мог бы подсказать нам, где остановиться, но в этот час около вокзала было очень мало людей, так что мы пошли в город сами. Мы оба думали, что найдем кого-то, кто говорит по-английски, так как все наши знакомые, хоть что-нибудь знавшие о Европе, заверили нас, что практически все немцы говорят по-английски.

После нескольких попыток завязать разговор с улыбающимися и радовавшими своими приятными лицами прохожими, которые рано поутру вышли выгуливать своих собак и забрать газету, нам стало понятно, что в каждом правиле есть исключения, и вот в этом исключительном месте мы и находились. Казалось, что никто в этом уголке Германии не говорил по-английски или хотя бы по-французски. И ни один человек не понимал слова «отель», которое, как я считала, знают во всем мире. Встречавшиеся нам прохожие производили впечатление дружелюбных и готовых помочь людей. Но они не подавали ни малейшего признака понимания, когда мы пытались говорить с ними на двух доступных нам самим языках.

В конце концов, идя по очередной вымощенной улице, мы увидели признаки трехзвездочной гостиницы. Обычно мы считали, что трехзвездочные отели немного нам не по карману, но сейчас мы так вымотались, что сказали друг другу, возможно, эта гостиница не окажется настолько дорогой. Войдя внутрь отеля, мы обнаружили, что молодая и симпатичная женщина за стойкой говорит по-английски, хотя и с ужасным акцентом. Здешние цены были терпимы. Мы благодарно вздохнули и улыбнулись ей. Ключи от номера на втором этаже мы взяли с признательностью и облегчением.

Приняв душ и поспав несколько часов, мы распаковали вещи и надели свежую одежду. Пришла пора исследовать город. Мы прошлись по улицам Аахена, выпили пива и кофе в открытом кафе и с восхищением осмотрели огромный старый собор, который назывался «Dom» (мы также открыли, что слово «Dom» на немецком языке означает «кафедральный собор»). Мы зашли внутрь собора на несколько минут. Этого было достаточно, чтобы увидеть его знаменитую люстру и небольшую статую Мадонны в расшитом вручную одеянии. Кажется, в Аахене есть несколько женщин, которые взяли на себя обязанность шить изумительные платья из парчи для статуи. Так что каждую неделю на Мадонне был новый наряд. Этот обычай существует уже несколько столетий, и большая честь для дочери унаследовать привилегию шить платья для статуи Мадонны от своей матери. В тот день на Мадонне было расшитое золотыми нитями розовое платье и бело-золотой плащ.

Аахенский кафедральный собор был возведен в восьмом веке нашей эры. Под его величественными сводами было тихо. Мягкий свет свечей отражался насыщенными оранжевыми огнями в отполированных спинках скамеек, стоявших перед статуей Мадонны. Над гигантскими столбами была приятная темнота, и мы смогли увидеть там очень большую люстру в форме круга, подаренную собору Фридрихом Барбароссой — Великим рыжебородым. Не в первый и не в последний раз я пожалела о том, что не так много читала и не так много могла вспомнить о таких людях, как Барбаросса. Я слышала это имя, будучи еще ребенком. У меня сохранилось смутное воспоминание о крупном мужчине с рыжими волосами, который был важным и могущественным вождем в Германии. Или императором? В средние века или когда там?

Из чувства дискомфорта, возникшего во мне при мысли о том, как мало я знаю и сколько всего, возможно, я упустила из-за того, что не почитала побольше перед поездкой, постепенно родилось приятное ощущение благоговейного страха. Мы с Шурой стояли здесь и смотрели на предмет, который могущественный человек подарил в далеком-далеком прошлом этому самому зданию. У меня по спине побежали мурашки, стоило мне задуматься о том времени, представленном простым бронзовым кругом.

(Пару дней спустя вместе с другими участниками конференции по ядерной медицине нам устроили частную экскурсию по собору и провели нас в менее доступные для обычных посетителей уголки. Нам показали гладкий мраморный трон без всяких украшений, на котором короновался император Карл Великий, и вместе с остальными мы стояли перед этим троном, затаив дыхание. Мы словно уткнулись в закрытую дверь, ведущую в иной мир; простота трона и отсутствие украшающих деталей как ничто другое говорило об уверенности императора в его абсолютной власти.)

Но тогда, в первый день, поскольку мы провели в Аахене всего лишь несколько часов, то решили отложить подробное изучение собора на потом; за эти первые часы нашего пребывания в новом городе мы должны были попробовать его на разные лады, ощутить соблазнительный запах и прочувствовать его натуру. Пока мы слонялись по улицам Аахена, казалось, что на лицах всех без исключения встречавшихся нам людей написаны дружелюбие и беззаботность. В какое бы кафе мы ни заходили, чтобы купить легкое пиво для Шуры и кофе для меня, нас повсюду ждал вежливый прием и улыбки. С другой стороны, у нас создалось такое ощущение, что за пределами гостиницы нет ни одного англоговорящего жителя.

А вот на следующий день, когда я пошла гулять по городу без Шуры, так как он читал лекцию на конференции (правила безопасности не разрешали мне там присутствовать), меня ждало настоящее открытие. Теперь я оказалась одинокой иностранкой. Спрашивая пачку сигарет в киоске или чашечку кофе в кафе, я обнаружила, что все дружелюбие и обходительность у окружающих как ветром сдуло, стоило только мне остаться без мужчины. Меня игнорировали, нарочно не замечали и в одном случае даже стали открыто насмехаться. Это было любопытно.

Но в наше первое воскресенье мы с Шурой еще не узнали эту сторону Аахена (на самом деле такое отношение нередко обнаруживается по всей Германии). Мы открывали для себя изумительные улицы, выложенные булыжником или плиткой. Какие-то из них были старыми, узкими, другие — широкими и явно современными. Во время Второй мировой войны Аахен бомбили, и после войны разрушенные части города отстроили с заметным воображением и в каком-то смысле с причудливым чувством юмора.

В восстановленном Аахене повсюду были фонтаны. Эти фонтаны были сложнее по композиции, веселее и красивее, чем все другие, которые нам с Шурой доводилось где-либо видеть. Идя по одной из улиц, мы остановились перед входом в какой-то парк, увидев там

фонтан пятнадцати футов высотой, по форме напоминавший цветок лотоса и покрытый отражающими металлическими пластинами, сверкавшими, как серебро. Мы смотрели, как лепестки лотоса медленно закрываются, образуя бутон, а потом медленно и бесшумно открываются вновь, превращаясь в распустившийся цветок, из центра которого вылетает тонкая струя воды.

Через несколько кварталов на небольшой оживленной площади мы нашли маленький, какой-то детский фонтанчик в виде бронзовых кукол с двигающимися головами, ручками и ножками. К вершине столба, поднимавшегося из центра колодца, была приделана маленькая бронзовая фигурка солдата на лошади. Какая-то возбужденная маленькая девочка звала своих родителей посмотреть, как она наклоняется и распрямляет ручки у какой-то бронзовой крестьянки. Я взглянула на Шуру; он усмехнулся и жестом показал на мою камеру. Свою он оставил в гостинице.

Рядом с вокзалом мы обнаружили еще один фонтан, построенный в честь «игольных мальчиков» Аахена — подростков, работавших на игольных фабриках города перед Второй мировой войной. Три тощих фигуры стояли с поднятыми правыми руками. На каждой руке был виден длинный маленький палец, он был согнут, потому что, как нам потом объяснили, своими маленькими пальцами мальчики отделяли хорошие иголки от бракованных.

В какой-то момент нашей разведывательной прогулки Шура сказал мне: «Ты заметила, что где бы мы ни шли, все, что нам нужно, — это посмотреть наверх и увидеть там вершину собора. Если ты думаешь, что заблудилась, просто найди взглядом эту вершину и иди по направлению к ней». Я не заметила этого раньше, но Шура оказался прав. Величественный серый собор, возвышавшийся над центром города, был виден над крышами домов, спокойный и надежный, словно почтенная бабушка, приглядывавшая за своими внучатами.

Мы купили хлеба, фруктов и сыра, большую бутылку апельсиновой содовой для меня и пива для Шуры и понесли все это в гостиницу. В номере нас ждали странным образом приготовленные постели (подушки были скатаны в валик, а простыни сложены так, что невозможно вытянуть ноги; предполагалось, что ты должен застилать постель самостоятельно). Я села за маленький стол около окна и стала смотреть на город. Я почувствовала, что у меня засосало под ложечкой.

— Знаешь, — сказала я Шуре, — я только что начала чувствовать себя немного странно, причем впервые с момента нашего отъезда из дома. Не знаю, почему я не ощущала этого раньше, тоесть я хочу сказать, почему не осознавала, что нахожусь в другой стране, которой не принадлежу, которая не является моим домом. Может, это из-за того, что я не знаю языка. Совершенно точно, я не чувствовала себя так в Англии. Думаю, это из-за языка. Не понимать, что говорят люди вокруг, и знать, что они не понимают меня. Из-за этого действительно чувствуется разница.

— Да, чувствуется, — согласился со мной Шура. — По крайней мере, мы с тобой не станем никому говорить, что не надо волноваться, путешествуя по Германии, потому что практически все там говорят по-английски!

Я засмеялась и застонала при воспоминании о наших поисках гостиницы ранним утром.

Посмотрев на наши небольшие съестные припасы, разложенные на столе, я приняла решение.

— Шура?

— Элис?

— Меня только что осенило. Может быть, сейчас подходящее время для 2C–I,[68] как ты думаешь? Вдруг это позволит мне управлять этим отчуждением? Это лишь идея. Скажи «нет», если очень устал, или считаешь, что по какой-то причине мы не должны этого делать.

Мы привезли с собой четыре дозы МДМА и две дозы 2С–I — просто так, на всякий случай. Мне подумалось о том, может статься, что мы впустую потратим хороший, сильнодействующий галлюциноген, если окажется так, что мы не сможем заниматься любовью по причине усталости. Однако перспектива принять 2С–I и испытать то, что мы могли бы испытать, была очень заманчивой.

— Отлично, — сказал Шура. — Но если мы собираемся это делать, то нужно поторопиться. Завтра целый день я буду занят на конференции.

Я потянулась и зевнула: «Прямо сейчас — мне подходит. Мы не должны проспать, если примем то, что надо, сейчас».

Шура распаковал свой набор с пузырьками и достал оттуда два из них. На каждом было написано «2С–I, 16 мг». Мы набрали немного водопроводной воды в каждый пузырек и аккуратно встряхнули их. Потом мы чокнулись нашими пузырьками. «За нас», — сказал Шура. «За приключения», — сказала я, и мы проглотили содержимое пузырьков. На вкус эта штука была не лучше остальных. «Бе», — покривилась я, а Шура стал рисоваться передо мной, причмокивая губами и протягивая аппетитное «у-у-у», проигнорированное мной. Я открыла бутылку с апельсиновой содовой и налила себе немного в стакан, который взяла из ванной, заметив Шуре, что, если уж ему так нравится вкус 2С–I, то я не предлагаю ему содовую, чтобы запить наркотик. Он сказал, что выпил бы чуть-чуть, чтобы составить мне компанию.

Пока Шура ходил в ванную, я поняла, как надо расстилать простыни и стеганые одеяла. Потом я проверила жалюзи, но перед этим еще раз выглянула на спокойную улицу под нашим окном. Когда Шура вернулся в комнату, мы сдвинули кровати вместе, недовольно бурча и в этой связи размышляя о сексуальной жизни немцев. Мы же просили двуспальную кровать, а они дали нам номер с двумя узкими односпальными.

Потом, раздевшись догола и нырнув под большие стеганые одеяла, нежными прикосновениями мы начали исследовать кожу друг друга и делиться впечатлениями от увиденного за день. Мы почувствовали первые признаки воздействия 2С–I, и тогда я окинула беглым взглядом комнату, освещенную лишь мягким светом одного ночника. Обои в нашем номере были в викторианском стиле — с цветочками, в сине-серых и белых тонах. Стоявший в комнате стол был из полированного темного дерева. Ковер на полу был красным, а на окнах висели шторы цвета какао. Я решила, что комната мне нравится, особенно обои. Все вокруг меня слегка двигалось и мерцало. Это означало, что эффект 2С–I можно было сейчас оценить, по меньшей мере, на плюс два. Наконец, я вернулась к Шуре. Пока мы разговаривали, наши лица разделяло не больше нескольких дюймов. Внезапно я осознала, что прямо за нашим окном что-то есть. Оно было огромным и мощным, и я испугалась, подумав, а что если оно попытается проникнуть внутрь. Я вскочила и села на кровать. «Что такое?» — спросил Шура.

— Меня только что пронзило необычное ощущение. Мне показалось, что за окном что-то есть, я почувствовала чье-то присутствие. Понятия не имею, что это такое, но, Боже мой, какое же оно сильное!

— Ты хочешь, чтобы я посмотрел туда?

— Не думаю, что ты на самом деле что-нибудь увидишь, милый. Это что-то ужасно огромное, размером с гору, и очень могучее. Кажется, темно-серого цвета. Честно говоря, оно меня немного пугает. Что, черт возьми, может там быть? Я никогда ничего подобного не чувствовала раньше.

— Ну, я взгляну в любом случае, — сказал Шура Он выбрался из-под одеяла и поднял жалюзи. — Ничего, все чисто. — Он вернулся на кровать и сел, скрестив ноги. Он внимательно смотрел на меня.

— Это очень странно, — сказала я, обхватив свои колени и пытаясь представить, что могло

быть за окном и стараться проникнуть к нам в комнату, чтобы мы его признали. Я склонила голову и закрыла глаза, максимально открывшись навстречу присутствию.

— Это похоже… мне трудно придать этому форму, но если бы мне пришлось, я бы сказала, что, может быть, оно похоже на пирамиду, что-то вроде того. Я даже не знаю, добро оно несет или зло; просто оно громадное и сильное. Это самое точное, что я могу о нем сказать. Похоже на пирамиду, ужасно старую и невероятно огромную. Не похоже, что в этом есть что-то человеческое.

— Если ты не чувствуешь там ничего человеческого, то что оно тебе напоминает? — спросил Шура.

— Я не могу сказать, что оно мне что-то напоминает. Это абсолютно новые для меня переживания, — я продолжала пытаться коснуться этой штуки своим разумом, будто слепец, ощупывающий скульптуру настойчивыми руками.

Через несколько минут я сказала Шуре: «Теперь я не уверена в том, что там нет ничего человеческого. Возможно, у него есть что-то общее с людьми, но оно не похоже на человека. Думаю, в каком-то смысле это часть человеческого мира, но оно слишком большое, чтобы быть отдельным человеком». Я взяла Шуру за руку и добавила: «Я знаю, все это бессмысленно, но я изо всех сил стараюсь понять, что это. Больше всего я хочу оттолкнуть это, но, может быть, моя реакция объясняется лишь тем, что оно такое странное, и я не могу определить, что это такое».

— Оно тебя пугает? — спросил Шура.

Я задумалась на секунду, потом сказала: «Нет, не совсем так. Просто испытываешь сильное удивление, когда совершенно неожиданно начинаешь чувствовать что-нибудь такое огромное, как это».

— Почему бы тебе не лечь на спину и не закрыть глаза, — предложил Шура. — Просто позволь прийти ощущениям. Не пытайся отталкивать это Позволь ему самому сказать тебе, что оно такое.

Я сказала, что дам ему возможность сделать это.

Мы легли рядом, и я стала вслух размышлять о том, что это могла быть за штука. Может быть, это собор, который находится всего в нескольких кварталах отсюда? Но это невозможно, потому что собор был наполнен теплом и миром. Может, это какие-то воспоминания о фашизме? И это тоже было не то. Эта штука не излучала зла.

— Мне кажется, оно находится где-то за пределами добра и зла, — сказала я, продолжая мысленно, каждой своей антенной, прощупывать то, что было за окном. — Или, может, оно включает в себя и то, и другое.

Ответ пришел ко мне, как обычно приходят такие ответы, — как подтверждение того, что какая-то часть меня уже знала. Ответ был ясным, четким и несомненным.

Я повернулась к Шуре и сказала: «Я знаю, что это такое! Это город. Аахен! Это город целиком, все, чем когда-либо был Аахеи за прошедшие тысячелетия. Я чувствую город, все жизни и смерти, которые случались здесь, и все, что здесь происходило!»

Шура кивнул мне.

Я снова села на кровать, продолжая говорить:

— Вот оно, милый, вот оно! Боже мой, вот это опыт! Я раньше никогда не чувствовала город таким образом. Он не похож на человека, но у него есть своя сущность, это почти личность; он на самом деле имеет форму пирамиды и напоминает гору, и он невероятно сильный!

— Теперь, когда ты выяснила, что это такое, каким ты его чувствуешь — дружелюбным или нет? — спросил Шура.

— Ни тем, ни другим. Он просто находится там. Он существует. Он вмещает в себя и добро,

и зло, и все остальное, чем является человеческая жизнь. Вау! Это просто фантастика!

— Ну, — сказал Шура, укладывая меня рядом с собой, — если мы выяснили, что это такое, как насчет того, чтобы сделать наш собственный вклад в город Аахен, а?

Мы занялись любовью. Я все еще чувствовала давление с той стороны окна, но оно больше не требовало к себе внимания, и я знала, что оно постепенно исчезнет, потому что я поняла, что это такое, и признала его

Потом, когда мы молча лежали на Шуриной кровати и наш пот стекал ему на грудь, перед моими закрытыми глазами возник новый образ. «Я вижу кое-что интересное у себя в голове, — поделилась я с Шурой. — Я попытаюсь рассказать тебе об этом, хорошо?» Он утвердительно хмыкнул, и я стала описывать картины, разворачивавшиеся перед моим внутренним взором.

Я видела большую покрытую травой поляну в лесу. Она была, наверное, футов сто длиной. По краям поляны росли высокие деревья с необхватными стволами, а на траве лежал солнечный свет. Вокруг овального пятна солнечного света были люди, некоторые из них стояли, другие сидели. Здесь же с визгом и смехом бегали маленькие дети, бросаясь в кусты и за деревья и выбегая обратно. Но они не смели ступить на солнечный круг. Взрослые хранили молчание, и все, как один, смотрели в центр поляны, где солнечный свет казался ярче всего.

Я знала, что эти люди чему-то поклоняются. Для этого они собрались в этом месте, где жизненная энергия била ключом, и просто позволяли себе слиться с ней, приветствуя ее и позволяя ей приветствовать себя, чувствуя свои тела и свои души.

— Они знают, что эта энергия, жизненная сила — называй, как хочешь — повсюду, что они могут контактировать с ней, погрузиться в нее. Похоже, это одно из их любимых мест — поляна, где солнце запуталось в траве, — сказала я Шуре.

Потом картина изменилась, и я увидела мужчину, гонимого, искреннего и одержимого тем, что он считал целью своей жизни. Он собирал камни, чтобы построить стену вокруг другой солнечной поляны, очень похожей на ту, что я видела чуть раньше. Этот мужчина руководил другими людьми, говорил им, как класть камни, а они выполняли его инструкции, кто-то добровольно, кто-то — с негодованием. Все они думали, что он не совсем здоров — неуравновешен, негармоничен в каком-то смысле. Но они выполняли его желание, потому что оно было очень сильным и настойчивым. Я поняла, что эти люди не развили в себе психические или эмоциональные границы.

Этот человек строил культовое место, возводя каменные стены вокруг солнечного пятна, намереваясь спрятать его за стенами. Я видела, что он не знал и не мог понять, как все остальные, что поющая жизненная энергия была разлита повсюду и ее нельзя было удержать за стенами.

А он верил, что он был избран в качестве Великого существа, чтобы построить здесь стену из камней, которую будет сам контролировать, потому что именно он ее воздвигнет. Он установит правила для этого места, ибо оно станет творением его рук, а еще потому, что он избран в качестве орудия Божественной вещи, которая приказала ему построить стену.

Мне стало жаль этого человека, как было его жаль и некоторым членам его племени. Вдобавок я почувствовала раздражение и нетерпение, которое начинали чувствовать и остальные; я предвидела, что очень скоро они оставят его одного в этом каменном круге и уйдут искать другое место, потому что для них потеряет всякий смысл жизнь вместе с такой темной, печальной душой, глухой ко всему, что они ей твердили.

— Он здорово болен, как мне кажется, — пробормотала я Шуре. — Но вдруг здесь отразилось начало новой линии развития среди людей? Я имею в виду, вдруг он был результатом какой-нибудь мутации, понимаешь?

— Мутации?

— Ну, может, это стало началом индивидуальности. И этот человек был одним из первых индивидуумов, тем, чем, в конечном итоге, и стали люди — замкнутым индивидуальным «я». Они не смогли бы развить в себе индивидуальность, если бы сохраняли телепатическую связь друг с другом, если между ними не было бы психических границ. Это означало частичный отказ от существовавшей между ними связи для развития единичного, обособленного «я» — чего бы это ни стоило! Конечно, эту картину не назовешь особенно счастливой, должна признать; на самом деле очень печально видеть этого оторванного от остальных, жаждущего власти маленького мутанта.

— Ну, — сказал Шура, обнимая меня за плечи, — вся история человечества в каком-то смысле наполнена грустью, если посмотреть на нее под определенным углом зрения, ты не находишь? Но с другой стороны, если выбрать другой угол, то она вовсе не кажется печальной. Скорее, просто удивительной.

Когда образы стали тускнеть, я уважительно поприветствовала город Аахен, который все еще возвышался за окном, и про себя поблагодарила его за подаренные мне переживания. Потом я пробормотала «спасибо» Шуре, а он поцеловал меня в нос и повернулся ко мне спиной. Я прижалась к нему, и мы стали засыпать.

Глава 36. 5-ТОМ[69] (Голос Элис)

Где-то в начале восьмидесятых годов Дэвид с Шурой разработали новый наркотик, которому они дали обворожительно странное название — 5-ТОМ. Осенью 1983 года Шура начал его «поднимать» (так он называл первые пробы любого нового препарата). Изредка я ему в этом помогала. В конце концов, мы установили, что для нас этот наркотик становится активным при дозе примерно в двенадцать миллиграммов. Что касается природы этого препарата, то ее мы смогли определить при более высоких дозах — между тридцатью пятью и пятьюдесятью миллиграммами. В своих блокнотах мы записали, что 5-ТОМ оказывает благоприятное воздействие, снимает стресс и способен вызывать галлюцинации, хотя и не слишком позволяет концептуализировать увиденное.

В апреле 1984 года мы решили отпраздновать день рождения Шуры, ему исполнялось 59 лет (мы всегда отмечали дни рождения участников группы каким-нибудь экспериментом, за которым следовал обед, состоявший из супа и хлеба с сыром, а также торт со свечками и процедура дарения символических подарков). И поскольку Данте и Джинджер не могли приехать к нам на этот раз, пообещали прийти Тео и его подружка Эмма.

Тео стал участником нашей исследовательской группы несколько лет назад. На каком-то поэтическом вечере он встретил миниатюрную и изящную Эмму и уже через шесть недель после знакомства переехал к ней. Спустя несколько месяцев, после обычных в таких случаях консультаций с постоянными участниками группы, ее пригласили в группу. Молодая пара не так часто принимала участие в наших экспериментах, потому что они всю неделю работали и, как большинству людей, которым слегка за тридцать, в выходные им было, чем заняться.

Эмма была ростом ниже пяти футов. У нее была чудесная фигурка и тонкие черты лица, которое выдавало в ней нежную, чувственную натуру. Я никогда не уставала разглядывать ее. Как натура поэтическая, она была склонна к интроверсии и мрачному настроению, посещавшему ее иногда. Но когда она была в хорошем расположении духа, в ее карих глазах искрились смешинки и она смеялась низким, бархатным смехом. Когда Тео приезжал на Ферму во второй половине дня по воскресеньям, чтобы провести дома несколько часов, обычно Эмма приезжала с ним. Она с большим изяществом исполняла роль благодарного ценителя Шуриных выкрутасов.

Я не очень следила за современной поэзией, хотя мне следовало бы это делать. Однако мне казалось, что стихи, которые Тео и Эмма писали, будучи совершенно разными по стилю и содержанию, были необыкновенно хороши. Меня всегда удивляла их требовательность к себе как к поэтам и их безжалостная критика собственных прекрасных творений. Пару раз в месяц они оба принимали психоделики или МДМА, используя их в качестве инструментов для творческого процесса. Потом они приносили нам с Шурой копии стихов, написанных под воздействием наркотиков. Эмма также приносила свои изысканные акварели, на которых были изображены цветы и мандалы. Она писала их под некоторыми препаратами из группы 2С-Т. Больше всего ей нравились 2С-Т-2 и 2С-Т-8.

Для меня было большим удовольствием узнать, что Тео с Эммой придут на Шурин день рождения. Я сказала им, что мы будем пробовать новый препарат со смешным названием 5-ТОМ. Итак, апрельским субботним утром, в десять часов, мы собрались у Клоузов в Беркли. Бен и Ли, Рут и Джордж, Джон Селларс и Дэвид, Шура и я, Тео со своей любимой Эммой поздоровались друг с другом в гостиной Клоузов. Из их гостиной с высоким потолком открывался вид (когда туман рассеивался) на мост Золотые ворота и кусочек центра Сан-Франциско.

Дом был для Клоузов настоящим сокровищем. И хотя у них всегда царила безукоризненная чистота, их дом удивлял своим комфортом. На диваны и низкие столы можно было класть ноги, а если на персидские коврики что-то проливалось или опрокидывалось, то последствия убирались бумажным полотенцем или губкой без всякого шума и скандала. Дом был похож на своих владельцев — такой же аккуратный, организованный и гостеприимный.

Пока Шура отмеривал разные дозы препарата на кухне, мы — Ли, Дэвид, Тео и я — сидели в столовой. Ли рассказывала нам, что после многолетней работы она наконец-то закончила свою кандидатскую диссертацию. «Не могу поверить, что все позади! — сказала она нам. — Теперь мне будет трудно снова научиться расслабляться, ну, понимаете, время от времени потратить просто так всего лишь несколько минут. Это сложно после такого давления. Конечно, мне предстоит сделать еще кучу вещей, прежде чем я получу степень, но самое худшее позади, я сделала это!»

Мы зааплодировали ей, а Дэвид вспомнил про свою кандидатскую. «Никогда не забуду тот день, когда я закончил свою диссертацию, — сказал он. — Нет ничего похожего на это чувство, когда ты смотришь на стопку бумаги и понимаешь, что тебе уже не надо что-нибудь перечитывать, переписывать или даже переосмысливать, больше не надо! Лично я, получив официальное свидетельство, почувствовал спад напряжения».

Бен позвал нас на кухню. Там стоял Шура, опершись на раковину и сложив руки. Он был готов рассказать о наркотике, который нам предстояло принять. За ним, выстроившись в ровный ряд, на столе стояли десять стаканов разных форм и размеров.

71 2-метокси-4-метил-5-метилтиоамфетамин. Это, — начал Шура, — один из серных аналогов ДОМ и ДОЭТ. Дэвид и я потели над его созданием несколько месяцев. Полностью он называется 2-метокси-4-метил-5-метилтиоамфетамин, но вы можете называть его просто 5-ТОМ. Семейство этих наркотиков мы называем ТОМы и ТВАТы». Подождав, пока стихнут охи и ахи, Шура объяснил: «Название последнего на самом деле пишется как Т-0-Э-Т, потому что это серный аналог ДОЭТ. Но произносить это можно как ТВАТ, [70] по крайней мере, так кажется нам с Дэвидом.

— На прошлой неделе, — засмеялся Дэвид, — мы обедали вместе с группой очень достойных химиков с Восточного побережья, и один из них, как обычно, из вежливости поинтересовался у нас, над чем мы сейчас с Шурой работаем. Когда Шура рассказал ему, ну, знаете, совершенно естественным тоном и с непроницаемым лицом обо всех этих ТОМах и ТВАТах, за столом наступила мертвая тишина. Потом один из них расхохотался, а остальные подавились своими сэндвичами. После этого обстановка стала гораздо более непринужденной».

— Так или иначе, — продолжил Шура, после того как тишина на кухне восстановилась, — мы с Элис дошли до пятидесяти миллиграммов, и я собираюсь снова попробовать эту дозу, — он взглянул на меня, и я кивнула. — Но кто-то из вас, возможно, захочет принять поменьше, поскольку препарат из числа новых.

Джордж энергично кивнул, то же самое сделала и Рут. Я была уверена, что Джон примет те же самые пятьдесят миллиграммов, что и мы с Шурой, потому что обычно он принимал максимальную дозу. Выбор Бена предсказать было невозможно; порой он не уступал Шуре, а в другой раз казался очень осторожным. Вполне вероятно, что его осмотрительность объяснялась тем, что в последнее время у него поднималось давление. Не намного, как сказал он нам, но все-таки в его возрасте это был повод для беспокойства.

Между тем Шура продолжал:

— Среди эффектов могут быть искажение восприятия времени, многочисленные галлюцинации с закрытыми глазами, а еще Элис обнаружила, что под этим наркотиком очень интересно рассматривать рисунки в книгах по искусству. Чтобы дойти до плато, требуется где-

то от сорока пяти минут до часа и чуть больше. Снижение эффекта начинается на четвертом или на пятом часу после приема. Препарат из тех, что действуют долго; в зависимости от дозы пройдет восемь-двенадцать часов, прежде чем вы сможете уснуть. Я чувствовал, что полон энергии и на следующий день, но вот Элис сказала, что она порядком ослабела. Так что кому-то потребуется воскресенье на восстановление, а кому-то нет.

— Мы приготовили маты и покрывала для всех, — сказала Рут, — на тот случай, если кто-то захочет остаться у нас на ночь. А на завтрак мы запасли много яиц и ветчины!

— А как эта штука сказывается на теле? — спросил Тео.

— Со мной все было нормально. Элис как-то раз почувствовала тяжесть, но потом все было в порядке, так что ничего предсказать не могу. В любом случае, мы не почувствовали угрозы нервной системе.

После обычной для такого случая дискуссии Рут решила поскромничать и остановилась на тридцати пяти миллиграммах, а Джордж сказал, что попробует сорок; Эмма, которая чаще всего была склонна к риску — она гордо называла себя китайской куклой с железной головой — сказала, что примет сорок пять. Бен, Тео и Дэвид сошлись на том, что доза в сорок пять миллиграммов будет разумной. Джон, как я и ожидала, выбрал ту же дозу, что и Бородины, — пятьдесят миллиграммов.

Чокнувшись стаканами в нашем традиционном круге и проглотив свою порцию 5-ТОМ, мы разбрелись в разных направлениях. Я вышла с кухни через заднюю дверь во дворик. Здесь я могла сесть за круглый белый стол и курить под изумительными вьющимися стеблями киви, которое Клоузы холили и лелеяли уже много лет. По деревянным шпалерам киви распространилось вокруг и заняло часть внутреннего двора. Каждую осень дерево давало Клоузам целые корзины плодов. Клоузы угощали ими всех, кто, как им было известно, любил этот нежный, просвечивающий зеленый фрукт.

Я вернулась на кухню, чтобы взять стакан воды со льдом, и наткнулась там на Рут. Она улыбнулась мне и спросила:

— Как ты?»

— Пока все нормально. Какое-то время назад я почувствовала

сигнал. Думаю, наркотик начинает действовать. А ты что скажешь?

Она затеребила свой свитер знакомым жестом: «Я не знаю. Думаю, у меня все идет немного вяло. Неплохо, но и не очень смешно пока. Наверное, я просто посижу с остальными в гостиной и послушаю, как состязаются Шура с Беном; это отвлечет мое внимание, пока я буду доходить до плато».

Я снова пошла во двор, залитый мягким солнечным светом, и некоторое время оставалась там. Я курила и наслаждалась одиночеством, отслеживая воздействие наркотика. Все больше и больше я стала осознавать какой-то дискомфорт и назвала его тем же словом, что и Рут, — «вялость». Еще я почувствовала смутную боль в плечах. У меня просто было беззаботное настроение, только и всего. Хотя на самом деле я начинала чувствовать легкую подавленность. Может, действительно присоединиться к остальным «морским свинкам»? Чаще всего переход оказывается для меня занудным. Ничего нового.

В гостиной я нашла Тео. Он лежал на спине на одном из ковриков рядом с большим камином. На другом конце длинной комнаты тоже на коврике свернулся клубочком Дэвид, в нескольких футах от него пристроился Джон. Бен с Шурой сидели на диване, обмениваясь неприличными каламбурами, а Эмма, подобрав под себя ноги, сидела на кресле и смеялась. Похоже, она неплохо себя чувствовала.

Рут сидела в другом кресле, она казалась неспокойной; ее босые ноги переплелись и терлись друг о друга, а руки либо барабанили по юбке, либо перебирали агаты в ожерелье.

Джордж очень спокойно сидел в своем кресле, только подушечки его пальцев двигались по подлокотникам. Пока я наблюдала за ним, он вдруг задрожал и встал с кресла, объявив необычным безжизненным голосом, что он идет наверх. «Мне нужно забраться под одеяло с электрообогревом, мне очень холодно. Извините меня, пожалуйста», — сказал он.

Рут пошла вместе с ним, а Бен и Шура, позабыв про свое добродушное подшучивание, смотрели им вслед с дивана. Я видела, как они обменялись внимательными взглядами, а потом Шура спросил всех остальных: «Кого-нибудь еще знобит?»

Ему никто не ответил.

— Как чувствуете себя? Есть проблемы?

Заговорил Тео. Он лежал на коврике, закинув руки за голову. «Я бы не сказал, что это самый мягкий материал из тех, что мне доводилось пробовать. Я чувствую легкие колики в животе, и вообще не похоже, чтобы мне было по-настоящему приятно, какое положение я бы ни придавал своему телу».

Я посмотрела в его сторону. Я тоже сидела на полу, в нескольких футах от него. Я согласилась с Тео:

— Да, я того же мнения. Не то что бы у меня были проблемы с желудком, но ощущения у меня тяжелые; они немного напоминают мне «плащ МДА». Это не самые любимые мои переживания.

— Что такое «плащ МДА»? — донеслось из угла под большим окном, где лежал Джон.

— Это причина, по которой я не принимаю МДА. У меня появляется такое ощущение, будто у меня на плечах надет свинцовый плащ. И я не могу его сбросить. Это все, о чем я могу думать под МДА. Этот наркотик означает для меня потерянное даром время, потому что я вообще больше ничего не чувствую. Никаких прозрений, ни приятных визуальных эффектов, ни образов, ни галлюцинаций. У меня лишь болит спина, и мне хочется поскорее выйти из этого состояния.

— О, милая, — сказал Джон. — И это ты чувствуешь сейчас, под 5-ТОМ?

— Не настолько плохо, но, похоже, и ничего интересного, что могло бы компенсировать физический дискомфорт, внутри меня не происходит, по крайней мере, пока.

Эмма потянулась, зевнула и доложилась:

— Ну, лично для меня это здорово, пока. Он великолепно расслабляет Я трещу без умолку и хорошо провожу время, но я понимаю, о чем говорит Элис, то есть что какого-то продвижения вперед нет. Цвета яркие и дружелюбные, и листья вон того растения на каминной доске приятно движутся, но в другом отношении… ну, у меня такое чувство, если я попробую писать стихи под этим, то у меня не особо получится.

— Хорошо, — сказал Шура. Потом он повернулся к Бену: «А ты, Бенджамино?»

— Я согласен с тем, что он расслабляет, но что до остального, должен признать, что был слишком занят шутками и не обратил внимания. Я не заметил никаких физических проблем. Довольно приятно, на самом деле. Я сосредоточился на психологической стороне и жду, что будет происходить.

В ответ на вопросительный взгляд Шуры Ли, сидевшая на полу облокотившись на кофейный столик, улыбнулась и сказала:

— Я вижу какие-то приятные визуальные эффекты и чувствую себя хорошо, я очень расслабилась. Думаю, особенных прозрений ждать не следует, но сейчас со мной все в порядке. Мне нужно было расслабиться. Мне хорошо, Шура.

Шура слегка повысил голос и спросил: «Дэвид, как ты?» Длинное, тощее тело Дэвида с неохотой поднялось с коврика. Он медленно сел, обнял свои колени, обтянутые брюками из денима, откашлялся и сказал: «Больше всего здесь… э… депрессивных моментов. Я вновь

пережил некоторые случившиеся со мной разочарования и крушения надежд. И еще — много одиночества. Я пытался переключиться на другой канал, но это не сработало. Похоже, я буду видеть одну и ту же запись. Боюсь, не слишком положительный отзыв».

Не в первый раз я ощутила острое желание, чтобы кто-нибудь нашел подходящую девушку для Дэвида. Она тоже должна любить химию и приходить от нее восторг, как и он. Или просто любить его и восхищаться им настолько, чтобы смириться с тем, что химия была его первой любовью, его источником жизненной силы. Ей надо было привыкнуть к мысли о том, что в его сердце она будет занимать второе место, пусть даже и частично второе.

Зато ей не придется беспокоиться о соперничестве с другой женщиной; если только с метиловыми группами и сексуальными штуками о четвертой позиции!

Шура поднялся с дивана. «Пойду проверю Джорджа. Я сейчас вернусь», — сказал он.

— Думаю, что попробую сесть за стол. Посмотрим, смогу ли я писать, может быть, начну свой отчет по 5-ТОМ, — сказал Тео. — Подозреваю, что, если буду лежать на полу и ничего не делать, то буду обращать слишком много внимания на неприятные ощущения в теле.

Я смотрела, как он поднимается с пола, и пожелала ему удачи. Он был красивым молодым мужчиной с темной бородой и густыми волосами. Хотя светло-голубые глаза он унаследовал от отца, лицом он пошел в мать. Тео в шутку называл меня своей «злой мачехой», и мы с ним стали очень хорошими друзьями.

Когда Шура спустился вниз, Эмма делилась своими впечатлениями от посещения выставки в Оклендском музее искусств. Шура подошел к Бену и пробормотал ему на ухо: «Пойдем со мной в спальню на минутку. Взглянешь на Джорджа. Мне нужно твое профессиональное заключение». Я увидела, как Шура надевает свои сандалии, которые несколько часов назад он сбросил.

Бен нацепил очки.

Как-то давно Шура сказал мне немного в шутку, что всегда можно понять, когда во время эксперимента случаются проблемы. В этом случае он надевает свои сандалии, а Бен — очки. «Этому есть свое логическое объяснение, — сказал Шура. — Так мы реагируем на проблему. Это первый инстинктивный шаг, позволяющий настроиться, собраться и приготовиться иметь дело с вышедшей из-под контроля ситуацией».

Я пошла в столовую. Там сидел Тео и что-то писал в своем блокноте. Я села за стол напротив него и сказала: «Твой отец пригласил Бена посмотреть на Джорджа. Должно быть, что-то происходит».

Тео поднял глаза и спросил: «Что ты думаешь об этом? Рут сошла вниз?»

— Нет. Думаю, я на цыпочках поднимусь туда и все разузнаю. Между прочим, как ты себя чувствуешь? По-прежнему не очень хорошо?

— Мне стало лучше, — признал Тео. — Я сделал кое-какие записи, но это похоже на работу, а не на вдохновение. Наверное, меня не проймет.

— Меня тоже, — сказала я. — Я пытаюсь избавиться от дискомфорта, стряхнуть его, но не могу, а больше мне не на чем особо концентрироваться. Ни идей, ни космических откровений, ничего. На самом деле, если я бы ни была так встревожена, то просто бы умерла от скуки!

Мы рассмеялись.

— Могу я посмотреть, что ты написал? Ты не против?

— Вперед. — Тео развернул блокнот и толкнул его мне. Запись начиналась с пометки [1:25], означавшей, что с момента приема препарата прошел час двадцать пять минут.

«Пожалуй, +2. Какой-то зрительный эффект, особенно похожий на светотень. Цвета набегают друг на друга. Проблем с письмом нет. Легкие желудочные колики, усталость в мышцах. Что-то беспокоит по краям поля зрения. Явное изменение восприятия времени, но оно

не слишком беспокоит. Очень активное периферийное зрение. Кажется ядовитым для тела, но не для разума. Чувство «выхода нет». Движение и глубина как-то испортились. Хочется сделать что-нибудь, но что?

Тяжело собраться с мыслями. Это означает токсичность, или просто наркотик так действует? Не продуктивно».

Я кивнула Тео и поблагодарила его, толкнув блокнот по столу ему обратно. Проходя мимо гостиной, я услышала, как Эмма и Ли все еще продолжают оживленно говорить о музее. Я пошла по покрытой ковром лестнице на второй этаж. Шура с Беном поддерживали Джорджа под руки с обеих сторон и заставляли его идти. Рут стояла рядом с кроватью, на ее лице застыла тревога. Шура посмотрел на меня и намеренно спокойным тоном сказал: «Несколько странных неврологических признаков. Как и я, Бен думает, что тепло от одеяла с электрообогревом, возможно, усилило воздействие — между прочим, он поставил подогрев на максимум. И теперь мы пытаемся убедить его сойти вниз, где мы сможем наблюдать за ним».

У Джорджа было спокойное, приятное лицо, но он молчал. Я попыталась поймать его взгляд, наладить контакт, и мне стало ясно, что он меня не видит.

— У него проблемы с координацией зрения, — сказал Шура.

— Он, конечно, в сознании, — отметил Бен, — но реакции на внешние раздражители нет, и он не взаимодействует с внешним миром.

— Похоже, не черный ящик», — подытожил Шура. — И моторная координация нарушена.

— Мы здесь, Джордж, — сказал Бен, словно обращался к малому ребенку. — А теперь медленно пойдем по лестнице. Мы тебя держим, так что ты не упадешь.

Ему вторил Шура, державший Джорджа с другой стороны: «Пошли, Джордж. Это же всего лишь несколько ступенек. Ты в абсолютной безопасности».

Джордж остановился в нескольких дюймах от лестницы. Он по-прежнему не издал ни звука, но его тело говорило само за себя — он не мог идти дальше.

— Милый, с тобой все будет в порядке, — запричитала Рут. — Мы просто хотим отвести тебя в гостиную, слышишь? Я рядом с тобой. Ты не упадешь, дорогой! Просто сделай один шаг.

Безрезультатно. Еще после нескольких неудачных попыток уговорить Джорджа сойти вниз по лестнице Шура предположил, что Джорджа, может быть, будет легче убедить, если его место займет Рут, потому что физический контакт с женой мог до него дойти.

Рут какое-то время пыталась достучаться до мужа, но он не шевелился.

Когда Рут была вынуждена отлучиться в ванную комнату, я вызвалась подменить ее. Я держала Джорджа под мышку, мягко и беспрерывно убеждая его: «Пошли, Джордж, подними ногу, а потом опусти ее. Мы тебя держим. Пошли, дорогой, двигай ногами!»

Пока мы с Беном меняли положение, чтобы поддерживать Джорджа за спину, его левая рука скользнула по моей груди, и его пальцы бессознательно сжали ее, словно ручка новорожденного младенца, цепляющаяся за материнскую грудь во время кормления.

Я заметила Шуре, что какая-то часть сознания Джорджа поняла, что он трогал женскую грудь, но в любом случае я не думала, что его можно было убедить спуститься вниз, по крайней мере, не сейчас.

Шура с Беном решили отвести Джорджа в его кабинет, где он мог посидеть на маленьком диване и побыть в покое, пока не придет в себя.

Никто из нас не сказал вслух о том, о чем все мы думали: что Джордж может не поправиться, что существовала крошечная, очень пугающая возможность того, что он останется в бессознательном состоянии, с беззащитным и открытым лицом, с невидящими глазами и не способным говорить.

Когда мужчины повели Джорджа в новом направлении, он вроде бы охотно пошел, хотя его

шаги были по-прежнему неуклюжими. Я нисколько не сомневалась в том, что, если его не поддерживать, он мешком упадет на пол.

Мы по очереди дежурили около Джорджа в кабинете. Время от времени едва слышимый звук вырывался у него из горла. В этом была какая-то настойчивость и беспомощность, но я не увидела в этом признаков страха или беспокойства. У меня было такое ощущение, что он пытается говорить со мной, и на мгновение я задумалась над тем, сколько времени может уйти у нас, чтобы начать понимать его язык, если в этом возникнет необходимость.

Медленно и нежно я разговаривала с Джорджем. Я говорила с ним о фотографиях, которые он прикрепил к стене над своим рабочим столом, о его друзьях, сидевших внизу, о том, что мы его любим и что все будет хорошо. Я говорила ему все, что приходило мне на ум. После того, как меня сменил Шура, я спустилась вниз и нашла Рут на кухне. Она была занята приготовлением обеда. Она казалась очень спокойной, и, когда я вслух отметила это потрясающее отсутствие паники или гнева — оба эти чувства были бы понятны в сложившейся ситуации — она сказала:

— Ну, понимаешь, у меня не исчезает такое чувство, что с ним все будет в порядке. Может, на меня так действует 5-ТОМ, но каждый раз, когда я задумываюсь о том, что я буду делать, если он не выйдет из этого состояния, какой-то тоненький голос внутри меня говорит, что не надо волноваться. Мне говорят, что нужно просто сохранять терпение, он очень скоро оправится. Так что я решила поверить этому голосу и накрыть настал. Хорошая еда может только улучшить настроение. К тому же, как только Джордж начнет возвращаться оттуда, куда он попал, он почувствует голод, не так ли?»

— Уж в этом мы можем быть уверены!

Я вышла на улицу, захватив свои сигареты и стакан воды. Я предупредила Рут, что какое-то время посижу под киви, на случай, если ей за чем-то понадоблюсь.

Через час, когда Ли сидела рядом с Джорджем наверху, все остальные уселись за обеденный стол, наслаждаясь вкусом и запахами еды и благодаря за вкусную пищу и хороших друзей. Мысленно мы все тянули Джорджа назад.

Мы уже приступили к десерту и уже разрезался легендарный пирог с маком, который испекла Рут, как Дэвид, чья очередь пришла дежурить в кабинете, сбежал по ступенькам и сказал нам: «У меня такое чувство, что Джорджу становится лучше. Я почти уверен, что что-то меняется. Его взгляд стал более сосредоточенным, и я думаю, что, возможно, он узнал меня. Почему бы нам снова не попробовать уговорить его сойти по лестнице и посмотреть, что получится?»

Через пятнадцать минут Джордж спустился вниз. Его усадили в любимое кресло в гостиной. Он начал вспоминать английский. Ли принесла ему кусочек свежего дрожжевого хлеба с маслом и сыром. Рут сидела рядом с ним, кормя его с ложечки супом. Его лицо было счастливым, а глаза, похоже, стали нормально видеть. У меня было такое ощущение, что какая-то часть его души все еще привязана к тому месту, где он был, но эта связь ослабевает. Он определенно возвращался назад.

Первая фраза, выговоренная Джорджем, звучала так: «Что за дела! Почему меня кормят, как ребенка?»

Рут со смехом протянула ему ложку, и он доел суп без ее помощи. Потом он откинулся в кресле, благодарно рыгнул, и обвел взглядом комнату, задержавшись на наших лицах. Мы внимательно наблюдали за каждым его движением и улыбались ему. Он улыбнулся нам в ответ.

— Оно уходит, — пожаловался он. — Я был в удивительнейшем месте. Там много всего происходило, но теперь я теряю это. Я не хочу забывать об этом. Я должен рассказать вам все, что запомнил, пока это не исчезло из моей памяти.

Мы сгрудились вокруг Джорджа, рассевшись на креслах и на полу. Он медленно говорил,

стараясь запомнить увиденные образы:

— Я помню море. Я находился на длинном, изогнутом пляже. Над ним ярко голубело небо. Это было прекрасно. Я помню, что видел нечто похожее на полосы светового спектра. Какое-то время я думал, что они отражали мои энергетические уровни, но теперь мне кажется, что при помощи этих горизонтальных линий мой разум пытался придать тому, что происходило со мной, знакомый и узнаваемый вид.

В конце концов, я увидел какие-то картины, но они были жутко искажены, похожи на рисунки Пикассо в стиле кубизма, причем яркого и очень странного цвета. Там были цвета, которые я видел впервые, но теперь мне трудно их вспомнить. Почему я так быстро их забываю?

Мы стали убеждать его рассказать нам как можно больше, пока амнезия не наступила окончательно, и Джордж сказал:

— Я знаю, что я совсем не боялся. Все было добрым ко мне. Когда я начал приходить в себя, я понял, что пережил нечто удивительное, но я не был готов к тому, чтобы оно стало исчезать с такой скоростью!

— Тебе хотелось бы принять этот препарат снова? — спросил Шура.

Джордж, не колеблясь, ответил: «Да, конечно, я бы принял его еще раз, но чтобы доза была поменьше». Мы разразились хохотом.

— Я задал этот вопрос не случайно, — пояснил Шура. — Важно было отследить твою спонтанную реакцию на возможность повторения этого опыта, поэтому я спросил тебя, пока ты еще не отошел, так сказать.

— Конечно, я согласен на повторение, — широко улыбнулся Джордж. — Это был уникальный, фантастический опыт, и уверяю вас, я буду тосковать по этому пляжу, как по родному дому. Это было самое красивое, самое приятное место из всех, где я когда-либо в своей жизни бывал, хотя я и не могу объяснить вам почему.

Потом мы снова все собрались за столом, чтобы спеть «Happy Birthday» и посмотреть, как именинник разворачивает маленькие шутливые подарки и читает поздравительные открытки. После этого Шура обошел всех нас и выслушал наши комментарии об эксперименте.

— Сожалею, но должен сказать, что мне он не подошел, — признался Тео. — Еда помогла моему желудку, но даже сейчас я себя не очень хорошо чувствую. Если бы что-нибудь захватывающее происходило у меня в голове, чтобы компенсировать физический дискомфорт, все было бы по-другому. Но ничего такого не случилось.

Я повторила то, что говорила раньше насчет свинцового плаща у меня на плечах, и сказала, что мне тоже жаль, но я вынуждена сказать, что этот наркотик не для меня. Я добавила, что, возможно, не буду участвовать в будущих испытаниях препарата, хотя его название мне нравиться не перестало.

«Я чувствую себя почти что виноватой, — сказала Эмма, — потому что я так хорошо провела время. Но я действительно хорошо его провела! Мне понравилось!»

Мы стали ее успокаивать, сказали, что все в порядке и не надо извиняться, а Дэвид заключил: «В конце концов, ну хоть кто-нибудь должен же был получить удовольствие от этого бедного препарата!»

— Впрочем, — добавила Эмма, — я соглашусь с одной вещью, которую сказали Тео и Элис. На самом деле он не давал какого-то большого удовольствия. Он действовал очень расслабляюще, и я чувствовала себя ужасно жизнерадостной, но больше ничего и не происходило. Не было таких насыщенных и богатых переживаний, которые дают мои любимые препараты.

Заговорила Рут. Ее стул стоял так близко к креслу мужа, насколько это было возможно. «Для меня в этом эксперименте есть один очень положительный момент, о котором я должна

сказать. Все это время, пока Джордж оставался наверху и был не в порядке — хотя догадываюсь, что он не думал, что с ним случилось что-то плохое, зато все мы так подумали! — как бы там ни было, все это время я не чувствовала страха. Я знаю, что должна бы испугаться за Джорджа, но у меня было очень сильное ощущение, о котором я сказала Элис, ощущение того, что все закончится хорошо. Какой-то голосок велел мне не беспокоиться, поэтому я просто хлопотала на кухне и перестала трепать себе нервы, хотите верьте, хотите нет!»

Шура потянулся, чтобы пожать Рут руку, и мягко сказал: «Я готовился к тому, что ты будешь очень на меня злиться, малышка. Я с большим облегчением услышал, что ты не держишь на меня зла из-за того, что твой муж внезапно ушел куда-то погулять, а всему виной был один из моих наркотиков. Я бы понял, если бы ты прокляла меня и послала бы всю мою работу к чертовой матери!»

— …не дал мне запаниковать, — пожала плечами Рут. — Все-таки я не могла до конца избавиться от мысли, что Джордж мог никогда не выйти из этого состояния, вы понимаете…

— В какой-то момент эта мысль тоже пришла мне в голову», — признался Бен, и Шура согласился с ним, придав своему лицу горестное выражение.

— …И в этот момент я и получила это сообщение о том, что с Джорджем будет все нормально, — продолжила Рут. — Что же касается остальных моих переживаний, если отвлечься от беспокойства за мужа…

Ее перебил Дэвид, с усмешкой припомнивший старую шутку: «А кроме этого, миссис Линкольн, как вы находите эту пьесу?»[71]

«Да, точно, — хихикнула Рут. — Ну, на самом деле в остальном пьеса была не так уж плоха, хотя и я не следила за своим состоянием после того, как Джордж ушел наверх. Думаю, в течение первого часа я была очень неспокойна, меня как будто трясло — другого слова подобрать не могу, но больше ничего интересного, о чем можно было бы рассказать, со мной не случилось».

Шура делал для себя записи. «Ты примешь его еще раз?» — спросил он Рут.

— Нет, ответила она.

Отчет группы об эксперименте продолжил Бен. «У меня не было никаких сложностей ни с телом, ни с психикой, — сказал он. — Мне было очень хорошо, особенно с учетом нашего активного обмена каламбурами, Шура, пока Джордж не пошел в спальню и не захватил наше внимание целиком и полностью!»

Джордж рассмеялся вместе с нами.

Ли сказала, что для нее это был неплохой опыт, но только она не видит причин, по которым можно было бы принимать 5-ТОМ в дальнейшем. «Есть немало других препаратов, — объяснила она, — которые дают больше, чем расслабление, и дарят приятные ощущения. А этот, похоже, не обладает большой глубиной или насыщенностью, как сказала Эмма. Того, что он дал, недостаточно, чтобы тратить время на его исследования, особенно с учетом случившегося с Джорджем».

Я решил поделиться своими ощущениями: «Сначала я тоже чувствовал беспокойство. И соглашусь с остальными — этому препарату не хватает глубины. Я не смог с ним работать, потому что он не дал мне никаких прозрений. На мой взгляд, он всего лишь опьяняет и ничего больше. И нет, — сказал он, предвидя Шурин вопрос, — не думаю, что захочу принять его повторно».

— Для меня он тоже оказался не слишком хорош, — сообщил Дэвид. — С телом у меня все было в порядке, но думаю, что отныне всегда буду связывать 5-ТОМ с попаданием в петлю грусти и мыслей о сильном одиночестве, от которой я не смог избавиться. Возможно, в следующий раз такого со мной не случится, но я не горю желанием это выяснять, сказать по правде.

Наконец, пришел черед Джорджа. «Похоже, у меня был лучший опыт из всех! — сказал он. — Не знаю, куда я попал, но зато я доподлинно знаю, что это было на самом деле сказочное место! Я не против того, чтобы принять этот препарат еще раз, может, миллиграммов пять, просто чтобы посмотреть, что будет».

За столом поднялся шум. Рут сказала свое слово последней. Ее замечание было предельно ясным и самым весомым: «Мы с тобой немного поговорим наедине, дорогой!»

Когда мы расселись по своим местам, Шура сложил перед собой свои записи. Потом он откинулся на стуле и сказал: «Ну, получается какая-то мешанина. Похоже, кому-то из нас было совсем неплохо, зато другим пришлось туго».

Шура перевел взгляд на Джорджа и сказал ему: «Подозреваю, что у тебя оказалась странная и совершенно уникальная чувствительность к 5-ТОМ, которую было невозможно предсказать».

— Ну, я довольно чувствителен и к другим серным препаратам, — заметил Джордж.

— Да, немного. Но не настолько же. Насколько я помню, ты всегда уходил в кокон под Алефами, но сегодня это было больше, чем обычный кокон; на этот раз ты просто окуклился!»

У Джона начался один из его приступов неудержимого смеха. Он хохотал, держась за бока, и пока мы смотрели на него, то сами начали хихикать и покряхтывать. Смех Джона всегда был заразительным.

Когда все более или менее успокоились, Джордж спросил у Шуры: «Думаешь, моему телу может по каким-то причинам не понравиться сера?»

— Даже не знаю, — ответил Шура. — Но сомневаюсь, что это так. Твоя реакция на остальные 2С-Т-соединения, в общем, положительна. Помнишь, ты здорово провел время, находясь под их воздействием, а ведь все они содержат серу в кольце.

— Значит, возможно, это одно конкретное соединение, к которому у меня повышенная чувствительность? Только к этому 5-ТОМ?

— Полагаю, что да, — кивнул Шура. — Но мы могли бы проверить это, чтобы знать наверняка.

Он повернулся к Дэвиду и спросил: «Как насчет того, чтобы синтезировать неактивное серосодержащее вещество — абсолютно неактивное — и дать его Джорджу, чтобы посмотреть, вдруг его организм по-другому перерабатывает серу, чем наши».

Дэвид наклонился вперед и охотно поддержал Шурино предложение: «Эй, отличная идея! Почему бы не дать это соединение всем участникам группы, а потом собрать у всех мочу на анализ и провести настоящее исследование! Если анализы Джорджа окажутся необычными, то эти результаты можно было бы опубликовать в каком-нибудь журнале!»

— Вы могли бы озаглавить эту статью «Эффект Джорджа» или «Неизвестная ранее реакция на серу в пятой позиции», — пошутил Тео.

— Или, может, «Тяга Клоуза к атому серы», — добавил Шура. Игра в каламбуры началась по новой.

Я подумала, каким искренним был смех и насколько глубокое облегчение стояло за ним.

Потом, обнимая на прощание Рут и Джорджа, Шура сказал:

— Ну, кажется, сегодняшний день больше чем напомнил нам наш любимый афоризм про то, что случайных экспериментов не бывает.

— Думаю, эту мысль нужно постоянно держать в голове, если ты занимаешься подобными исследованиями. Ты должен быть готов к неожиданностям, случающимся время от времени, — согласилась с ним Рут.

Мы больше никогда не принимали 5-ТОМ.

Глава 37. Фуга (Голос Шуры)

Слово «фуга» всегда было одним из самых приятных для меня. В переводе с французского оно означает побег или эскападу, то есть некое приключение, которое недолго длится. «On fait une fugue» — эта идиома обозначает, что человек сбежал из дома, но всего лишь на несколько дней.

С музыкальной точки зрения фуга — это вращение музыкальной фразы вокруг себя. Это подъем мелодической линии после некоторого замедления, при этом линия остается той же и темп музыки тоже. Линия может быть идентичной, может гармонически сместиться или транспонироваться, но в любом случае ее можно узнать. В то же время две содержательно одинаковые линии, отличающиеся лишь смещением во времени, могут сформировать двухголосную мелодию, которая окажется совершенно новой и не похожей на оригинал. Создается такое ощущение, будто начальная тема гонится сама за собой, и вы никогда не будете уверены, чем все это может закончиться, если она не поймает саму себя. Как среди двух ребятишек, гоняющихся друг за другом, может определиться победитель? Бах был мастером этой идиомы.

В сфере психологии словом «фуга», по моим представлениям, обозначается состояние сознания, подвергнувшегося амнезии и на какое-то время потерявшего контакт с самим собой. Подобное состояние вызывается очень сильным стрессом.

Сам организм здесь ни при чем, это не результат приступа, припадка, такое состояние имеет чисто психологическую природу.

Три раза в жизни я испытывал нечто вроде фуги, хотя, возможно, мне не следует употреблять это слово для обозначения своего состояния, так как я помню, что со мной происходило, могу воспроизвести каждую деталь. Единственное, что оказывается мне не по силам, — разглядеть в этом какой-нибудь смысл. Но мне нравится это слово, так что я намерен использовать именно его. В конце концов, это моя история.

По своей природе эти три раза похожи друг от друга, их отличает лишь длительность. Между каждым из них прошло около десяти лет.

Позвольте мне восстановить по памяти первый и самый продолжительный из этих трех случаев. Он произошел со мной где-то в середине семидесятых. Как-то поутру я встал с постели, оделся и вышел на дорогу, чтобы взять газету. Внезапно я осознал, что все вокруг меня повернулось на девяносто градусов. Окружающий мир был мне абсолютно знаком, я знал, что север был прямо от меня, восток — справа и т. д. Но сейчас у меня было такое ощущение, словно меня подняли, развернули и поставили обратно, так что на том месте, где обычно был север, теперь оказывался запад. Все было каким-то неправильным, компас забарахлил.

Наверное, у каждого когда-нибудь сбивались пространственные координаты, и он чувствовал что-то похожее на головокружение. Предположим, однажды вы оказались на конференции, проходившей в странном городе, в гигантском, напоминающем коробку отеле. Вы паркуете машину и входите в отель через ближайший из четырех входов, которые имеются с каждой стороны отеля. Внутри вы обнаруживаете коридоры. Они поворачивают то направо, то налево. В этих коридорах вы видите комнаты, а также запасные выходы, ведущие из комнат в другие коридоры.

Проведя целый день в этом отеле и не обратив внимания на последовательность левых и правых поворотов, вы где-то совершаете ошибку и при выходе через ту дверь, которая кажется вам правильной, вы обнаруживаете, что очутились на незнакомой улице. У какого выхода припаркована ваша машина? Вы понимаете, что вышли не туда, но не знаете точно, почему или

где вы ошиблись, а мысленно исправить эту ситуацию невозможно. В этом случае вам просто следует обойти отель, чтобы все стало на места, и избавить себя от этой путаницы.

С другой стороны, в моем «фуговом», состоянии привычность окружающего меня ландшафта не вызывала сомнений, однако ощущение того, что все сдвинулось, присутствовало. Мне показалось, что я не смогу вернуть себя в обычное состояние. Мне предстояло жить с ним, и нельзя было сказать, как долго.

Вернувшись домой, я обнаружил еще одну странность — у меня возникла тревожная неуверенность в значении некоторых слов. В этот момент я начал делать записи, которые закончил на следующий день.

«Все слова, имеющие конкретное значение, звучат для меня нормально и совершенно дружелюбно. Вон там за окном растет дерево. Мягкая штука на полу у меня под ногами — это коврик. Вот это — фотография, она стоит там, на книжном шкафу. Я нахожусь в мире с этими репрезентативными названиями — дерево, коврик, фото, книжный шкаф. С именами людей тоже все в порядке, наверное, потому, что они тоже представляют конкретных личностей. Там на фотографии — Мануэль. Поскольку Мануэль — это конкретный человек, я узнаю его лицо. Итак, любое изображение немного склоняется к символизму и прямо пропорционально отклоняется от материальной реальности. В итоге фотография человека равнозначна самому этому человеку.

Но слова, значения которых ясны лишь в определенном контексте, кажутся мне совершенно незнакомыми. Фотография, на которой запечатлено лицо Мануэля, имеет смысл, но попытка посмотреть на «лицо» часов[72] и узнать, который час, — нет. Там нет лица. У Мануэля лицо есть, а у часов нет. Время, которое показывают часы, чересчур абстрактно. Смысл не очевиден, если смотреть на отдельные цифры и буквы или пытаться проанализировать эти компоненты».

Я помню, что в процессе психологического теста при определенных формах умственного расстройства пациента просят объяснить смысл идиоматических выражений. Под лежачий камень вода не течет. Дорога ложка к обеду. Один стежок, но вовремя, стоит девяти. Что-нибудь в этом роде. Я уверен, что, находясь в «фуговом» состоянии, я был способен иметь дело лишь с буквальными значениями этих идиом и поэтому с полтычка завалил бы тест. У меня даже возникли бы проблемы с выражением «с полтычка». Я пришел бы в восторг, спрашивая у себя значения знакомых, но звучащих как иностранные слов.

Тогда я не подумал об использовании радио в качестве источника речи для проверки собственного понимания. Думаю, я нормально бы воспринимал речь из радиоприемника, но очень сильно подозреваю, что, если бы мне пришлось читать текст, соответствующий тому, что говорилось по радио, у меня возникли бы некоторые проблемы.

Лучше всего прояснит природу «фугового» состояния мой опыт с цифрами. Все три раза, когда это случалось со мной, я обнаруживал, что старательное, структурное использование цифр было превосходным способом, помогающим определить и описать мое состояние в тот момент.

«Цифры воспринимаются непосредственно. Я могу складывать их, совершать арифметические действия, могу считать обратно от ста, отнимая по семь, или от двухсот семидесяти пяти, отнимая по двадцать семь. Я по-прежнему способен извлекать квадратный корень в уме. Однако, если для цифр, так же, как и для отдельных слов, требуется поясняющий контекст, все идет кувырком. Телефонные номера не имеют логической связи с реальными людьми. Я могу вспомнить самые разнообразные номера телефонов, но их набор оказывается для меня полной бессмыслицей. Мой разум знает, что, если я нажму на кнопки, то услышу чей-то голос в трубке. Но на самом деле я не могу понять, как нажатие в определенной последовательности кнопок на телефонном аппарате должно привести к разговору с человеком!

Адреса также абсурдны для меня. Ну, например, я живу на Березовой улице, дом 3038. Что

Березовая — это ладно, улица — куда ни шло, хотя уже не так понятно. Но цифры 3038 не имеют в этом контексте ни малейшего смысла.

Стараться понять время на электронных часах — тоже тщетная затея. То, что они показывают, не дает мне никакого намека на время. Разумеется, я вижу цифры — 10:40, но где это 10:40 и что это значит?

Даты тоже обрели для меня какое-то таинственное значение. Сегодня девятнадцатое июня 1978 года. Что за 1978 год? Если сложить эти цифры между собой, то получится двадцать пять, а если продолжать складывать дальше, то в итоге имеем целое число семь. Однако я не вижу никакого очевидного отношения этих цифр к чему-либо еще, включая Рождение Христа.

Я помню, что раз шесть смотрел утреннюю Chronicle, пытаясь хоть как-то соотнести дату на газете и назначенные встречи в своей книге для записи деловых встреч. На газете написано, что сегодня девятнадцатое июня. Это понедельник, и в моей записной книжечке помечено, что в 2:30 я должен быть в Федеральном суде, чтобы выступить в качестве эксперта-свидетеля со стороны защиты по какому-то уголовному делу. Мне следует прибыть в зал судебных заседаний на семнадцатом этаже.

Электронные часы у меня на столе показывают 10:40. Как эти цифры сопрягаются с 2:30? И что значит — на семнадцатом этаже?

Мне понятен день недели из газеты и из календаря на стене, но он никак не вписывается в мое ощущение времени. Могу ли я найти способ ограничить это явление, а потом сжать эти границы до самого маленького момента — до Сейчас? И быть абсолютно уверенным, что это у меня получится?

Наверное, у меня начался какой-то легкий бред. Так и слышу, как говорят: «Совершенно ясно, что он страдал от одного из самых печально известных негативных последствий, связанных с приемом наркотиков, расширяющих сознание, — от флэшбэка».[73] Что, несомненно, таковым не было».

Можно ли назвать подобный опыт обратным эффектом? Да, но в такой форме он проявляется довольно редко, к тому же всегда остается сомнение в том, что такого рода состояние вызвано действием наркотика. Предполагается, что имеет место воздействие как химических, так и психологических механизмов. Но включение химического механизма, то есть неожиданная активизация неактивных молекул, здесь ни при чем. Если бы сто микрограммов ЛСД были сегодня настолько эффективны, что уровень наркотика снижался в крови наполовину за пару часов, а потом через несколько дней в теле человека оставалось бы такое его количество, которое невозможно было бы обнаружить.

Если бы такое исчезающе малое присутствие какого-либо наркотика оказалось активным, то это бы означало, что данный препарат обладает очень высоким потенциалом. Такое соединение нам пока еще неизвестно.

Итак, причина этого состояния имеет не физическую природу. Может ли она быть психологической? Без сомнения. Но высказываюсь в пользу того, что любой флэшбэк в той или иной степени связан с каким-либо травматическим переживанием. Скажем, к примеру, несколько месяцев назад вы попали в серьезную аварию. Вам пришлось бросить машину в сторону, чтобы не сбить пешехода в красной рубашке, который внезапно появился прямо перед вами, и вы врезались в большой грузовик с пивом. В результате этого ДТП вы сломали правую ногу. Из больницы вам пришли счета на сумму свыше двух тысяч долларов. Ваша страховка эту сумму не покрывает. Держу пари, что, заметив красную рубашку на каком-нибудь пешеходе, мелькнувшую перед вашей машиной через несколько месяцев после аварии, вы почувствуете острую боль в ноге. Если точнее, то в правой ноге. Таков механизм флэшбэка, и он работает одинаково и в случаях с наркотиками, и в ситуациях, когда наркотиками и не пахнет. Это

условный рефлекс.

Если у вас был опыт с наркотиками, обернувшийся для вас памятной травмой, то обратный эффект может вам помочь пережить этот опыт снова и залечить травму. Все, что вам требуется, — это катализатор, другими словами, красная рубашка. После этого неприятная сцена может неожиданно всплыть из вашего подсознания и снова прокрутиться у вас в голове ярким цветным кино, не говоря уже о звуковых эффектах и эмоциях.

Однако мои «фуговые» состояния не имели явного отношения к пережитым мною травмам любого рода.

В тот день я решил последить за своим давлением. Еще мне показалось, что моему мозгу требуется сахар. С учетом того, что во второй половине дня мне было необходимо явиться в суд, у меня не оставалось другого выбора, кроме как вытащить себя из этой странной ситуации.

Я должен был одеться по сан-францисской моде (белая рубашка, спокойный галстук, пиджак, чистые носки). Результаты грубой процедуры вычитания (отнять от назначенного времени текущее время) подсказали мне, что я должен быть в суде меньше, чем через четыре часа. Для начала мне нужно было чертовски быстро уяснить смысл понятия «четыре часа».

Пугающая мысль поразила меня. А что если я буду давать свидетельские показания, по-прежнему находясь в таком специфическом состоянии диссоциации? Смогу ли я понимать задаваемые мне вопросы? Будут ли сам вопрос и ответ иметь для меня смысл? Смогу ли я просто стиснуть зубы и вынести допрос без посторонней помощи?

Я подумал, что надо бы ответить на эти вопросы, послушав радио; может, оно поможет мне определить геометрию странного измененного места, в котором я оказался.

Включив радио, я сразу поймал концерт для фортепьяно из поздних произведений Моцарта. Я воспринимал музыку совершенно естественно. Звездная красота без малейшего следа разрозненности. Отлично, подумал я, а теперь найдем новости и послушаем слова.

За первую минуту прослушивания информационной волны на меня вылились сообщения о времени, о погоде, реклама транспортных услуг и отчет о состоянии дел на фондовой бирже. У меня было такое чувство, словно у меня в руке были карты для игры в покер, и каждая из них была разной масти и разного достоинства. Все услышанное не имело для меня смысла.

Я не горел желанием поскорее оказаться под энергичным перекрестным допросом на месте свидетеля в суде. Может, все дело было в беспрецедентном падении уровня сахара у меня в крови. Я с жадностью съел пару апельсинов и начал готовиться к поездке в город. Я принял душ (все прошло нормально), подобрал подходящую рубашку (а вот это было нелегко) и нашел приемлемые элегантные сандалии.

Могу ли я сесть за руль? Мне предстояло это выяснить.

Как оказалось, я вел машину безукоризненно. Совсем другое дело — разобраться в запутанных лабиринтах подземной парковки в центре города. Но мне удалось вызвать правильную процедуру парковки из аварийного банка памяти и поставить машину без сучка и задоринки.

Все еще думая, что все дело в уровне сахара у меня в крови, я присел перед буфетной стойкой и заказал высокий стакан апельсинового сока.

Постепенно и незаметно вещи начали возвращаться в свое обычное состояние. Мое тело медленно поворачивалось обратно на девяносто градусов, и север с югом заняли привычные места. Я стал все больше и больше понимать, что сегодня понедельник, девятнадцатое июня, потому что вчера было воскресенье. Завтра, конечно же, наступит вторник.

К часу дня все было почти в порядке. В порядке? Да, в порядке. Я чувствовал, что, когда окажусь на свидетельском месте в зале суда, то все будет под контролем. Так и оказалось.

Что же это было такое, думал я впоследствии? Подобно птице с большими крыльями, я

парил над многими вещами, казавшимися мне бессмысленными, и все же на каких-то уровнях мой разум работал правильно. Я находился в этом — «фуговом» — состоянии около пяти часов.

Потом я еще дважды попадал в точно такое же состояние, но оно длилось меньше. В самом последнем случае «фуговое» состояние продолжалось у меня всего лишь двадцать минут.

Наверняка кто-нибудь заметит: «Может, некоторые клетки у него в мозгу сгорели начисто в результате многочисленных экспериментов с наркотиками!»

Но эта мысль не выглядит логичной. Если так, то как эти клетки могли восстановиться за два-три часа? Профессиональные нейрохимики скажут, что эти клетки никогда сами не восстанавливаются.

Флэшбэк, как я уже сказал, — тоже не очень хорошее объяснение, поскольку в этом случае о явной травме речи не идет. «Фуговое» состояние обладает качествами, отличающими его от любого наркотического опыта, пережитого мной.

Могла ли быть всему виной гипогликемия? Не думаю. Во время остальных двух случаев я не обратил никакого внимания на уровень сахара в крови.

На мой взгляд, подобное состояние может быть элементом нормальной жизнедеятельности мозга. Возможно, те, кто испытывал такие необычные ощущения, приписывали их стрессу или недосыпу, или большому количеству алкоголя, выпитого прошлой ночью. Ясно, что делать в таком случае, — позвонить боссу и сказать, что приболел, а потом лечь спать, пережидая это состояние.

Быть может, где-нибудь в лесной глуши Айдахо ходит человек. Он гуляет по своему лесу, по своей земле, но внезапно осознает, что знакомая местность стала вдруг чужой. Он почувствовал себя чужестранцем в этом лесу, принадлежащем кому-то или чему-то другому. От вставших дыбом волосков у него начинает покалывать в шее. Он разворачивается и возвращается домой.

Я убежден в том, что этот феномен — «фуговое» состояние — человек унаследовал от человекообразных животных.

И на каком-то очень глубоком уровне я понял, что это состояние (в котором я, слава Богу, пребывал не так долго) может быть повседневной реальностью для какого-нибудь парня с улицы.

Эта мысль рождает у меня чувство безмерного сострадания.

Предвкушаю свой четвертый опыт. Судя по предыдущим случаям, следующая фуга должна наступить лет через пять и продлиться всего-навсего несколько минут. Этого времени очень мало, чтобы проделать эксперименты со словами и вызванными ими ассоциациями, а также с обратным счетом, но я попробую сделать и то, и другое. Меня сжигает любопытство.

Глава 38. Кризис (Голос Элис)

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Это рассказ о сильном изменении сознания. Наверное, это случилось потому, что для этого пришло время.

Все началось во второй половине воскресного дня, в ноябре, в середине восьмидесятых. Шура работал в своем кабинете, а я была в спальне. Я собиралась разобрать кучу собственного накопившегося хлама — одежду, пояса, чулки, фотографии и старые журналы. Все эти вещи ждали, когда их положат на место. Этот хлам был символичным и напоминал мне о той стороне моего собственного «я», которую я ненавидела лютой ненавистью. Она была рассеянной, неорганизованной и любила тянуть время. Я не была уверена в том, что было хуже, — смотреть на этот кавардак или бороться с ленивой вялостью, всегда охватывавшей меня, когда я пыталась взять себя в руки и навести порядок.

Я понимала, откуда взялось угнетенное состояние. Мне уже были давно известны внутренние конфликты, к которым приводила моя попытка прибрать скопившиеся предметы, которые говорили об определенных моих качествах, особенно нежелательных. Однако мое понимание не решало проблему.

Итак, я приступила к уборке — стала задвигать коробки под кровать и складывать одежду в шкаф, чувствуя себя вялой и отупевшей.

Так что, когда Шура прокричал мне из кабинета «эй, как насчет того, чтобы помочь отодвинуть крайнюю плоть науки, пока ты работаешь?», я ответила, что не могу вообразить ничего более привлекательного. Я также спросила, что он задумал.

Шура вышел из кабинета, пересек коридор и выглянул из дверного проема спальни: «Я о той новинке, дозу приема которой я довел до тридцати миллиграммов. Я еще не уловил какой-либо активности и подумал, может, ты захочешь поднять планку повыше и принять, скажем, сорок миллиграммов. Можно почти с уверенностью сказать, что ты не почувствуешь никаких эффектов, но я бы оценил, как оно поведет себя на уровне повыше, если ты вызовешься добровольцем».

— Конечно, — согласилась я. — Что это за штука?

— Это 3,5-диметокси-4-метилфенэтиламин. Для краткости — ДЕСОКСИ.

— Ладно, я буду добровольцем, — сказала я. Вся моя усталость вдруг испарилась без следа. Даже если эти сорок миллиграммов на меня не подействуют, подумала я, мне хотя бы полегчает морально от сознания того, что я поднимаю новый наркотик на следующий уровень. Образ Элис-полезной поможет нейтрализовать образ Элис-неряхи.

Шура отправился в лабораторию и вернулся оттуда со стаканом, на дне которого белело небольшое количество порошка. Он махнул мне, приглашая за собой на кухню. Я спросила, будет ли он принимать что-нибудь сам, на что он ответил: «Нет. Я принимал неактивную дозу кое-чего другого вчера, и сегодня мне нужно оставаться чистым».

Я налила в стакан с порошком немного лимонада розового цвета. Шура чокнулся со мной своей кофейной кружкой со словами «за науку». Я поддержала его тост и выпила содержимое стакану после чего покривилась и плеснула себе еще лимонада, чтобы избавиться от противного привкуса во рту.

— Спасибо, сладкий! Я чувствую себя полезной, добродетельной и значимой! — сказала я Шуре, крепко обнимая его.

— Ну, — предостерег он, — честно говоря, я не ожидаю проявления активности, но тут никогда не знаешь наверняка. Ты можешь дойти до порога, если нам повезет. Но я на это не рассчитываю.

Когда мы уходили с кухни, я спросила у Шуры: «Что заставляет тебя с такой уверенностью думать, что активного воздействия не будет?»

Он объяснил, что, так как он не обнаружил никаких эффектов при дозе в тридцать миллиграммов, то при ее повышении всего лишь на десять миллиграммов вряд ли можно чего-нибудь ожидать, если только порога, но это максимум. «Все наркотики, — сказал Шура, — имеют так называемую кривую зависимости от дозы. Чем больше доза принятого тобой препарата, тем сильнее его эффект. Но у большинства таких соединений, как эти фенэтиламины, наклон этой кривой довольно небольшой. Если на одном уровне ты ничего не ощутил, то вероятность того, что ты что-то почувствуешь даже при удвоении этой дозы, очень мала».

Я задержалась в дверях и напоследок уточнила: «Хорошо. Но ведь ты обычно не удваиваешь дозу нового соединения на первых этапах его изучения, разве не так?»

Шура покачал головой: «Нет, когда может начаться зона активности. Но я могу это сделать на раннем этапе. В любом случае, сейчас мы не удваиваем дозу, а прибавляем лишь треть от исходного количества. Обычно я добавляю половину при каждой попытке, так что одна треть — это довольно скромное повышение».

Я вернулась к своим делам и стала аккуратно складывать пачки писем и списков, накопившихся между стародавними номерами The Saturday Review и Newsweek. Я прислушивалась к радио, которое помогало мне отвлечься от занудной процедуры уборки.

Минут через сорок до меня дошло, что кое-что изменилось. Я не могла понять, что именно, я просто знала, что вышла из обычного состояния. Я пошла в кабинет и сказала Шуре, что процесс пошел, только я не могла сказать точно, каким образом. «Здорово! — ответил он. — Я действительно не ожидал ничего подобного. Думаешь, этого достаточно для порога?»

— На самом деле это уже тянет больше, чем на плюс один, — сказала я. — Но поживем-увидим, что будет дальше.

— Ну, держи меня в курсе.

— Можешь быть уверен!

Я наклонялась и с ворчанием подбирала с пола вещи, бросая мятую одежду в корзину для глажки. Я просматривала фотографии и аккуратно складывала их в обувную коробку, которую потом надо было задвинуть под кровать. Я все больше чувствовала себя странно. Это было не совсем приятно Вроде бы никакой тяжести в теле я не ощущала, меня просто охватила какая-то тревога, и я не могла прогнать ее.

Спустя примерно час после приема наркотика я пришла к выводу, что его действие превысило оценку плюс один и что я больше не хочу наводить этот чертов порядок в спальне. Мне хотелось прилечь, так что я отодвинула лежавшие на кровати коробки, освободив себе место. Я все еще не могла ясно определить, в чем заключался дискомфорт.

Явного зрительного эффекта, который наблюдается при превышении уровня плюс один, я не наблюдала; ничего не двигалось на потолке или на стенах, рябь по краям штор тоже отсутствовала. Но стоило мне посмотреть в окно на гору Дьябло и ее предгорья, как они предстали передо мной в тревожном виде. Я люблю Дьябло; я видела так много восходов над этой горой Нередко я любовалась восходом в конце хорошего эксперимента. Шура был рядом и обнимал меня. Особенная форма этой горы стала частью нас, частью нашего дома, одной из первых вещей, которые мы ищем взглядом, возвращаясь домой из отъезда. Еще никогда мне не приходилось видеть гору такой, какой она предстала передо мной в тот момент, — гнетущей,

недружелюбной, почти враждебной. Я отвела взгляд от окна.

Чувствуя, что замерзаю, я достала из шкафа старенький мягкий свитер светло- и темно-коричневого цвета и надела его, прежде чем снова лечь на кровать. Мне казалось, что лучше будет какое-то время не шевелиться, потому что любое движение вызывало волну холода, проходившую через меня. К тому же я почувствовала намек на тошноту.

Закинув руки за голову, я лежала на постели и осматривала комнату. Ничего необычного я не увидела; это была просто комната, а не дорогое мне место, где мы с Шурой занимались любовью и слушали музыку. Меня окружали просто стены, просто мебель и гора хлама у дальней стены. Подо мной была просто большая кровать, на которой громоздились пыльные картонные коробки. Я не чувствовала привязанности ко всему этому.

На самом деле, поняла я, я вообще не чувствовала никаких эмоций, лишь слабое отвращение.

Когда в спальню пришел Шура и спросил, как продвигаются дела, я ответила: «Это действительно странно. Не думаю, что мне это очень нравится».

Он присел на кровать и спросил, какого уровня активности достиг, на мой взгляд, наркотик. «Мне кажется, где-то плюс два», — сказала я.

У него взметнулись брови от удивления. Потом Шура нахмурился и сказал мне: «Может, ты очень чувствительна к этому соединению; не могу понять, как ты достигла уровня плюс два при увеличении дозы всего лишь на десять миллиграммов от той, что принимал я».

Я сказала, что тоже не могу этого понять, но очевидно, что этот препарат не войдет в число моих любимых ни на одном уровне. В этом я была уверена. По крайней мере, все, что было до сих пор, мне не очень нравилось.

Шура спросил о нагрузке на тело и на нервную систему. «С этим, похоже, все нормально, — сказала я. — Я просто чувствую психический дискомфорт».

Он задумчиво похлопал меня по ноге, а затем предложил: «Почему бы тебе не выйти на улицу? Вдруг это улучшит дело?»

— Ладно, я попробую, — сказала я, вовсе не чувствуя прилива энтузиазма от этой идеи. Я встала с кровати и пошла по коридору к задней двери. До меня донесся Шурин голос: «Тебе составить компанию?»

— Нет, спасибо, позволь мне попробовать это самой, по крайней мере, вначале.

Я медленно пошла по тропинке мимо лаборатории и вверх по короткой кирпичной лестнице. Я обнимала себя руками, спасаясь от холода, и чувствовала легкое раздражение. Я добралась до края заросшего травой откоса. В хорошую погоду мы частенько сидели здесь с Шурой на полотняных стульях, качавшихся на неровной земле, и смотрели на долину.

Я перевела взгляд на гору, высившуюся на востоке, а потом посмотрела на север, где находилась столица округа, старинный городок Мартинез прятался под тонким белесым покрывалом из тумана. Кроме небольшого раздражения, я больше ничего не ощущала. Не было ни восторга, ни депрессии, ни страха; не было вообще никаких эмоций. Лежавшая внизу долина и гора были на своих местах, но вокруг себя я не видела ни красоты, ни уродства и не чувствовала привязанности к чему бы то ни было.

Все, что открывалось моему взору, усиленно заявляло о своем существовании, но не имело ко мне никакого отношения.

Окружающий мир кажется холодным, ясным, отстраненным и не вызывает во мне ответной реакции. Меня ничто не заботит. Это означает, что этот проклятый наркотик не пойдет дальше Шуры и меня. Ну, ну, почем знать! В конце концов, словосочетание «проклятый наркотик» подразумевает некоторое чувство. Какая-то часть меня чувствует злость! Это интересно.

Пока я стояла, наблюдая за туманом в конце долины, в моем отношении к нему появился

новый момент: туман стал казаться мне живым — холодной, белой и чужой субстанцией. Похоже, мрачно подумала я, на мое собственное состояние, воплощенное в природе.

Я чувствую себя так потому, что я вижу природу такой, какая она есть на самом деле, то есть без сентиментального ретуширования, к которому обычно прибегают люди? Люди всегда думают: «Мне нравится это дерево или вон та речка; я люблю эту гору, эти холмы. Поэтому я им тоже нравлюсь, они любят меня». Сами того не осознавая, мы проецируем на природу исключительно человеческие чувства, которые она не разделяет и до которых ей нет дела. Так ли это? Я не чувствую никаких эмоций, потому что настроилась на то, что меня окружает, и вижу этот мир без прикрас. Передо мной предстал природный ландшафт, в котором эмоциям вообще нет места. Лишь животные и люди испытывают их. Больше в природе их не существует.

Мой желудок по-прежнему не был уверен в себе, поэтому я пошла обратно в дом и остановилась в дверях Шуриного кабинета, чтобы сказать ему, может, мне стоит немного поесть.

— Как внешний мир? — спросил Шура.

— Боюсь, я не смогла оценить его по достоинству. Все вокруг было очень странное, прохладное и не особенно дружественное, так что я подумала, что лучше мне вернуться домой и подогреть себе супа. Ты будешь со мной?

— Конечно, с удовольствием. Тебе помочь?

— Да что ты, нет, спасибо. Я в порядке.

За столом Шура взял меня за руку и на минуту задержал ее в своей руке. Горячие сливки в томатном супе и хлеб помогли мне почувствовать себя немного лучше.

Когда мы закончили обедать, Шура откинулся на стуле, посмотрел на меня, слегка улыбаясь, и произнес:

— Ну, кажется, мы должны сказать, что это удивительный эксперимент, по меньшей мере!

— Да уж. Но не очень-то он приятный. У меня как-то выровнялись все эмоции, а это мне просто… не… нравится. Это на самом деле странное ощущение; я осознаю, что какая-то часть меня злится на происходящее, но я не могу связать себя с этой злостью. Я знаю, что смогу это пережить завтра, когда вернусь в нормальное состояние, но сейчас, похоже, я не в силах почувствовать собственное ожесточение. Я просто знаю, что оно есть.

Шура кивнул.

— На каком уровне ты сейчас находишься? — спросил он.

— О, думаю, эффект снижается. Слава Богу, я уже спускаюсь вниз. Наверное, где-то плюс один.

— Хорошо. С этого момента я собираюсь быть очень осторожным с этим препаратом. С одной стороны, может оказаться так, что он стоит того, чтобы с ним работать дальше, а с другой — после того, что ты рассказала, насчет этого возникают кое-какие сомнения. Бесспорно, мы наблюдаем очень резкое возрастание чувствительности к данному наркотику.

— Угу, вот уж точно.

— С тобой все будет нормально?

— О, да. Я помою посуду, потом просто отдохну и посмотрю телевизор, пока окончательно не приду в себя.

Шура подошел ко мне и прижал мою голову к своему животу. Он погладил рукой мои волосы, потом наклонился и поцеловал меня в лоб. Я крепко обняла его и встала, чтобы убрать со стола.

К девяти часам вечера я уже почти вернулась в обычное состояние. Оставалось лишь ощущение эмоциональной вялости, и еще не до конца исчезло впечатление оторванности от окружающего мира. Но я заняла себя телепрограммами и оторвалась от телевизора лишь тогда,

когда приступ зевоты просигнализировал, что пора бы идти спать.

Прижавшись спиной к спине Шуры, я обнаружила, что с моей нервной системой не все в порядке. Один раз я даже задрожала. Это явление, когда человек вздрагивает во время беспокойного засыпания, Шура называл «рывками». Через несколько минут в моем правом ухе раздалось ужасно агрессивное гудение, проникавшее все глубже в меня. Я испытывала такое раньше и знала, что это жужжала лишь воображаемая оса, но чувство уязвимости у меня на некоторое время осталось. Я послала Шуре мысленное сообщение о том, что мое тело оказалось слишком чувствительным к этой штуке.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Я хорошо поспала. Проснувшись, я посмотрела на солнечные лучи, залившие потолок, и подумала, Боже мой, что за ужасный день был вчера. Это было просто жутко! Я села на кровати, спустила ноги на пол, собираясь бежать в туалет, снова оглянулась вокруг и в короткий миг охватившего меня шока поняла, что я все еще была под наркотиком. Его воздействие не закончилось.

Впервые я по-настоящему испугалась.

Я пошла по коридору в ванную. Мой мозг бешено работал.

Что это такое? Я думала, что вчера вечером я вернулась в нормальное состояние; я была в этом уверена. Как это так — у Шуры не было никакой активности при тридцати миллиграммах, а у меня не только эффект дошел до плюс двух и даже чуть больше, но еще и продолжается на следующий день? Возможно ли, что в моей психике что-то открылось и не закрылось обратно?

Я села на унитаз и уставилась в пол. Я пыталась понять, в чем дело.

Я не хочу находиться в таком состоянии. А что если я в нем заперта? Я чувствую присутствие какого-то интеллекта; он похож на холодный, наблюдающий Разум. Он повсюду и за всем следит. Он видит меня. Что он чувствует по отношению ко мне? Исследует. Никаких эмоций. Я не могу уловить никаких чувств. Только сознание. Я не хочу быть рядом с ним. Я хочу возвратиться к своему старому «я» и в свой знакомый мирок.

Сегодняшнее мое состояние имело одно явное отличие от вчерашнего — сегодня утром я могла переживать эмоции. В основном, это было отчаяние. А еще — злость.

Натянув джинсы и свитер, я пошла на кухню и приготовила кофе и омлет. Потом села за стол с Шурой и стала ковыряться в тарелке, совершенно не чувствуя аппетита. Я подождала, пока он закончит читать свою Chronical, и сказала ему: «Я все еще там, милый».

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Шура. — Ты еще что-то чувствуешь от вчерашнего эксперимента?

— Я знаю, что ночью я вернулась в обычное состояние. Были какие-то остаточные явления, потому что я дрожала, пока засыпала, но, определенно, тогда все закончилось. А сегодня утром я встала и поняла, что я опять там. На самом деле я сейчас на уровне где-то плюс два.

Шура внимательно осмотрел меня, потом потянулся ко мне и взял мое лицо в руки.

— Не знаю, что и сказать на это, моя прелесть. Это просто бессмысленно».

— Сама знаю.

— Я могу что-нибудь для тебя сделать?

— Ничего, милый. Тебе не нужно оставаться дома или делать что-нибудь еще. Я сама справлюсь, поверь. Если я почувствую себя совсем странно или потеряю контроль, или действительно встревожусь, то обязательно позвоню тебе на работу и скажу, что со мной, обещаю.

На самом-то деле я уже чувствую себя очень странно и, без сомнения, не могу контролировать ситуацию хоть насколько-то. А слово «встревожиться» вообще здесь не подходит, все гораздо хуже. Но я должна поработать над этим сама.

Шура вышел из-за стола и начал собирать необходимые бумаги с книжной полки.

— Ты уверена в том, что мне не нужно побыть с тобой? Я могу позвонить…

— Да, уверена. Я рассказала тебе об этом лишь потому, что ты должен знать о продолжении наркотического воздействия. Я не представляю себе, как это могло случиться, но что еще это может быть?

— Не глупи! Конечно же, ты должна была сказать мне об этом! Никогда не скрывай от меня что-нибудь подобное, дорогая! Если бы я оказался на твоем месте, а ты на моем, неужели ты бы не ожидала, что я тебе обо всем расскажу?

— Ожидала бы.

Пока Шура одевался (два раза в неделю он работал с Дэвидом в исследовательской лаборатории в Сан-Франциско), я стояла на кухне и смотрела на него. Его голубые глаза омрачились тревогой. «А что если это состояние станет постоянным, милый? Знаю, что это неправдоподобно звучит, но все-таки?» — спросила я у Шуры.

Он посмотрел мне прямо в глаза, глубоко вдохнул и ответил: «Ну, если это произойдет на самом деле, мы выясним, как тебе можно будет приспособиться к жизни на уровне плюс два. У тебя не будет другого выбора, кроме как привыкнуть к этому состоянию. И ты знаешь, что адаптируешься, как адаптировался бы я, случись такое со мной».

Я выдавила из себя слабую улыбку: «Да, думаю, именно это мне и пришлось бы делать в такой ситуации».

Это был вопрос напуганного до смерти ребенка. Он ответил мне, как взрослому человеку, благослови его Господь за это.

— Элис, я не думаю, что это случится, — сказал Шура, ставя на пол свой старомодный портфель и крепко обнимая меня.

Господи Иисусе, мне нельзя сейчас плакать! Мне нужно подождать, пока он не выйдет за дверь. Он ничего не может сделать, а мои слезы лишь заставят его волноваться.

Я сжала его в объятиях и сказала самым спокойным и обыденным голосом, который смогла выдавить из себя: «Я знаю, что этого не произойдет, любимый. Это дичь какая-то. Ты знаешь, что я могу позаботиться о себе. Если бы у меня были хотя бы какие-нибудь сомнения, я бы не отпустила тебя на работу. Тебе бы следовало уже знать, что я не склонна к мученичеству».

Мне показалось, что мой голос звучал вполне убедительно. Шура поцеловал меня, сказал, что позвонит днем, и повернулся к двери. На пороге он заколебался и пробормотал: «Я ничего не понимаю. Это полная бессмыслица — или я это уже говорил?»

— Я пришла к такому же заключению, — сказала я. — Это невозможно объяснить. Но именно этим я и собираюсь заняться.

Я поцеловала его на прощанье и посмотрела, как он уезжает на своей пыльной маленькой зеленой машине.

Возвратившись на кухню, я припомнила случай, о котором Шура когда-то давно рассказал мне. Как-то раз, проснувшись утром, он обнаружил, что состояние его сознания полностью изменилось (при этом в течение нескольких дней до этого события он не экспериментировал с наркотиками). Он пытался найти способ вернуть себя в обычное состояние, даже ел апельсины, чтобы повысить уровень сахара, но все было бесполезно. Я вспомнила, как он сказал мне, что ближе к полудню это странное состояние стало проходить, а на следующий день с ним вообще все было в порядке. Ему так и не удалось понять, что это было и каковы причины, вызвавшие это состояние, сказал Шура, и, возможно, он никогда не сумеет выяснить это.

Возможно, со мной случилось нечто подобное, подумала я, и, может быть, это пройдет к тому моменту, как Шура вернется домой.

Я начала мыть тарелки, которые лежали в раковине, наблюдая, как регулирую температуру воды, чищу вилки, споласкиваю посуду, словно я была кинокамерой, снимавшей фильм под названием «Один день из жизни…». Войдя в спальню, я стала смотреть, как поправляю сбившуюся простыню на постели, отметив про себя энергичность, с которой я совершала привычные повседневные действия. Я пыталась вспомнить психологический термин, которым обозначается подобное разъединение. Единственное, что пришло мне на ум, было слово «раскардаш». Оно, без сомнения, было подходящим, но я искала какое-нибудь другое. (Гораздо позже я вспомнила то слово, которое хотела; разумеется, это было слово «диссоциация», означающее расщепление личности.)

Все это время я поддерживала стену, которую возвела между собой и Вещью. В качестве временного названия я решила присвоить ей имя Белый Разум — белый, как туман. И лед. Я знала, что рано или поздно мне придется с ним столкнуться, но сейчас я достаточно контролировала ситуацию, чтобы решать, когда это случится. А случится это лишь после того, как я сделаю всю работу по дому.

Я не потрудилась посмотреть в окно, поскольку знала, что увижу там.

Наконец, посидев несколько минут за чашечкой кофе, я отперла заднюю дверь и вышла из дома. Я пошла на улицу не потому, что Белый Разум находился там; скорее, я выбирала место битвы с ним. Я хотела, чтобы это произошло там, где меня окружали деревья, трава и небо, где я могла двигаться, гулять, чувствовать пространство.

Отойдя на несколько футов от дома, я остановилась и окинула взглядом долину. На этот раз я чувствовала холодное, бесстрастное сознание не только непосредственно вокруг себя. Я стояла, сложив руки в инстинктивном порыве защититься. Рядом со мной была пустая грядка, где по весне мы с Шурой высаживали луковичные — гиацинты и нарциссы. Я знала, что настраиваюсь на безграничное чистое и абсолютно четкое сознание. Это было кристальное сознание, оно было разлито повсюду и наблюдало за всем в мире, никогда не чувствуя ни симпатии, ни неприязни, ни каких-либо других эмоций к чему бы то ни было, что оно видело. Оно наблюдало за любовью и ненавистью и запоминало их; оно наблюдало за атомами и слонами и запоминало их; оно видело смертельную агонию и оргазм — и тоже запоминало. И оно училось на всем увиденном, оно все время училось.

Внезапно я вспомнила, как герой Карлоса Кастанеды, Дон Хуан, описывал явление, которое назвал Орлом, — бесконечную, непреклонную, бесстрастную духовную силу, живущую ради единственной цели — познания. Я читала об Орле с отвращением, и хотя это было давно, я все еще помнила, как внутренне сопротивлялась идее существования такой субстанции на любом уровне реальности.

Я вернулась в дом и нашла отрывок у Кастанеды про Дар Орла:

«Сила, управляющая судьбой всех живых существ, зовется Орлом… потому что она является провидцу в виде громадного абсолютно черного орла… его высота достигает бесконечности.

Этот Орел поглощает сознание всех созданий, которые жили на земле, а теперь умерли. Они плывут к его клюву, подобно нескончаемому рою светлячков, чтобы встретиться со своим владельцем, с причиной, благодаря которой они жили. Орел пожирает их, ибо сознание — это его пища».

Задрожав от сильной злости, я поставила книгу на место и снова вышла на улицу.

Я не стану называть это Орлом. Этот образ придуман Кастанедой, он из его мира, из его вселенной. Я не стану называть это — что бы это ни было — этим вшивым и забытым Богом именем птицы, которым его назвал кто-то другой!

Присутствие этого сознания прижимало меня к земле.

Почему я так злюсь? Это больше, чем просто гнев, я чувствую почти что ярость. Я улавливаю в этой Вещи нечто такое, что нажимает на все мои кнопки, и я должна выяснить, почему так происходит. Ладно, это потому, что для меня нет ничего чудовищней безликого разума, мысли, не связанной с чувствами. Почему это настолько ужасно? Потому что это не свойственно человеку, то есть бесчеловечно. Что плохого в нечеловеческом разуме? Я не питаю враждебности к идее насчет негуманоидных существ, живущих на других планетах и, возможно, посещающих землю. Почему бы и нет? Но я верю — предпочитаю верить — в то, что у них тоже есть чувства.

Впервые за день я улыбнулась. С чего бы это я вообразила себе, что у инопланетян с другого конца галактики обязательно будут какие-то чувства?

Возможно, потому, что сам факт, что они прилетят к нам, будет означать, что им любопытно и они хотят все про нас разузнать, разве не так? Любопытство — это ведь чувство, равно как и умственная деятельность. Камням не присуще любопытство, рекам и деревьям — тоже. Любопытство встречается лишь в мире животных. Поэтому я считаю, что прилетевшие к нам не гуманоиды будут чувствовать то, что мы сможем понять, — желание познать. А если они могут испытывать одну эмоцию, то они должны уметь испытывать и другие, по крайней мере, по логике вещей. И тогда мы сможем войти с ними в контакт, касаться друг друга, взаимодействовать посредством чувств, даже если мы не сумеем заговорить на их языке.

Я посмотрела на туманное ноябрьское небо и подумала, а вдруг это кристально чистое и холодное сознание — это Разум Создателя?

Что бы это ни было, я его ненавижу.

Я вспомнила другой момент в своей жизни, когда давным-давно я узнала, что Бог есть все существующее, хорошее и плохое, и что Он испытывает все эмоции и ощущения, которые чувствует каждая его частичка.

Ну хорошо, это не Божественный Разум. С другой стороны, что если ответ, полученный мною ранее, не правилен и что природа этого управляющего космосом сознания именно божественная? В противном случае, почему я чувствую его универсальность? Почему оно находится повсюду, из-за чего я не могу настроиться ни на что другое? И что тогда мне делать с этим?

Во мне вспыхнула ядовитая ненависть к этой Вещи, к этому Белому Разуму, который наблюдал и запоминал. Я понимала, что ни моя ненависть, ни тот факт, что я сознательно пыталась с ним взаимодействовать, ничуть не заботили его. Он продолжит наблюдать, фиксировать и изучать без предубеждений, пристрастий или эмоций.

Я пошла по узкой тропинке, проскочив мимо молодой травы, которая пробилась из-под земли после первых осенних дождей. Темно-желтые верхушки калифорнийских холмов, высушенных летним солнцем, начинали кое-где покрываться давно забытой зеленью. Я ничего не замечала вокруг себя, пока шла по грязной, едва успевшей высохнуть после последнего дождя тропке; я принимала решение.

Я отвергаю это. Я не приму это как силу, управляющую моей вселенной. Я не согласна с духовным разумом, который ничего не чувствует и ни о ком не заботится.

Тут я обнаружила, что стою перед дорогой моему сердцу старой, облупившейся, грязной дверью в лабораторию. Я дотронулась до одного из окон в двери; когда-то очень давно эти окошки покрасили изнутри белой краской, чтобы непрошеные гости не подсматривали.

Шура. Прекрасный, потрясающий мой мужчина. Как мы только ухитрились найти друг друга? Как он оказался таким душевным и терпеливым, что может мириться со мной?

Я развернулась и, склонив голову, медленно побрела по направлению к дому. Кроме

потоков мысли, проходивших сквозь меня, я ничего не осознавала.

Что происходит с нами после смерти? Нас поглощает это незамутненное, непоколебимое сознание, этот нечеловеческий, безразличный Протоколист? Получается, что весь человеческий опыт значит лишь прибавление материала в некий космический информационный банк?

Это было не похоже на правду. Я что-то упустила из виду.

Как мог некий Сверхразум, не имеющий эмоций, все время создавать живые существа, обладающие этими эмоциями?

Время перестало идти вперед. Я почувствовала, что стою на пороге неведомого открытия, что могла узнать, по крайней мере, хотя бы часть ответа; я чувствовала отгадку, она была где-то близко.

Я знала, что Враг наблюдал за последовательностью моих мыслей и вопросов, питая себя тем, что происходило внутри меня, точно так же, как поглощал он все остальные человеческие переживания.

Я не могу жить с этой Мыслящей Машиной! Я не приму ее как окончательную правду о сущности Бога. Я не согласна!

Я остановилась у молодого дубка и посмотрела на облака, которые сгущались у меня над головой.

Во мне снова поднялась злость вперемешку с ненавистью.

Ты слышишь меня, ты, проклятый отвратительный сукин сын?! Я говорю тебе «НЕТ»! Я ОТРИЦАЮ ТЕБЯ!

Я поняла, что уже какое-то время по моему лицу текут слезы, я просто не замечала их раньше. На них не нужно было обращать внимания, я была слишком занята сейчас. Я только что сообщила тому, что могло оказаться самим Создателем, что не собираюсь играть в его вшивой песочнице. И что теперь?

Почему я не боюсь? Потому что это слишком важно для меня, и мне не хочется впустую тратить время, трясясь от страха. Кроме того, чего бояться? Самое худшее, что любой космический Разум может сделать с крошечным человечком, уже случилось: он обнаружил свою природу, и в процессе этого ему удалось лишить мой мир всякого смысла, всякой цели, Лучше бы я столкнулась с восьмируким демоном с острыми, как бритва, клыками! С демоном можно сражаться, его можно видеть и понять; но что, черт возьми, сделаешь с долбанным божественным компьютером?!

Я дотронулась до кедровой ветки, потому что нуждалась в прикосновении чего-нибудь дружелюбного.

Я должна разобраться с одним довольно серьезным вопросом, причем побыстрее. Вопрос следующий: если я отказываюсь жить во вселенной, управляемой этой… этой Вещью, и если я не намерена совершать самоубийство, то в какой вселенной я соглашусь существовать? И что мне надо сделать, чтобы создать ее?

Мне пришло в голову интересное наблюдение.

Если я могу ощутить Белый Разум и отвергнуть его, это означает, что у меня есть выбор, потому что я сделала его. Очевидно, что у меня есть право сказать «нет», потому что я только что сказала это.

Я села на заросший травой склон рядом с коричневой тропинкой и начала раскачиваться взад и вперед, чтобы помочь себе думать.

Если сущность всей жизни во вселенной, в том числе и человеческой жизни, на самом деле заключается в этом Разуме, который лишь думает, учится и ничего не чувствует, то я выбираю вселенную, управляемую сознанием, которое может чувствовать. Разум, способный любить. Означает ли это, что он так же должен быть способен на ненависть? Мы уже проходили это,

если вспомнить старого доброго Яхве. Нет. Да. Нельзя иметь лишь положительную сторону; все или ничего, дружище. Если приемлемый для меня Божественный разум любит, значит, он и ненавидит. Если он испытывает хотя бы одну эмоцию, он испытывает и все остальные. Боже! Все начинается снова.

Меня отыскала одна из кошек. Я знала, что она от меня не отстанет до тех пор, пока я не посажу ее к себе на колени и постараюсь не обращать внимания на страстное царапанье, которое будет сопровождать мурлыканье, или просто встану и пойду в дом. Для начала я решила пустить кошку на колени, потому что хотела продолжать искать ответ здесь, на свежем воздухе, под небесами.

Я продолжала работать, пытаясь понять, что понадобится для создания другой вселенной и другого Бога, с которым я могла бы согласиться, и какие правила должны быть в этой вселенной. Я уже знала, что всегда должно присутствовать две противоположности — позитивное и негативное, мужское и женское, Инь и Ян. Чтобы была жизнь, должна существовать смерть. Я понимала это очень хорошо. Должна быть боль как признак нарушения равновесия или признак того, что что-то необходимо отрегулировать. Если живое существо будет привязано к другому существу, то оно будет испытывать чувство потери, когда тот уйдет из жизни; если открываешь себя любви, также открываешься и навстречу горю.

Я резко потрясла головой, чтобы прояснить мысли, и смахнула слезы нетерпеливой рукой.

На протяжении многих тысячелетий, пока люди пытались выжить в разных уголках нашей планеты, с трудом добывая себе пищу и сооружая жилища, находя немного радости в любви, в работе и в пении хором, все они отчаялись найти ответ на вопрос — в чем смысл их жизни, в чем смысл всех страданий и боли, всей существующей красоты. Они пытались понять это, потому что при сотворении были наделены таким разумом, который заставляют пытаться понять. Его встроили в нас, это настойчивое желание узнать.

Перед моим внутренним взором проносились разнообразные картины: забытые старики, умирающие в грязных комнатах, рыдающие дети, обиженные своими родителями, молодые солдаты, потерявшие на войне руки, ноги и свою мужественность; передо мной простиралась бесконечность боли и страданий, страха и утраты надежды.

Мой Бог и все маленькие боги! И это все — лишь пища для какого-то ужасного Наблюдателя-Протоколиста-Компьютера?!

Я зарыдала, переживая за всех невинных, обиженных, отвергнутых и беспомощных людей и прочих живых созданий в мире. Мою грудь сдавила мучительная боль, и я вспомнила, что однажды уже была в этом месте, где царит горе. Это случилось несколько лет назад, вечером, после того, как я приняла одно из Шуриных соединений. Я вспомнила и то, что назвала это место Обителью скорби, Долиной смертной тени. Тогда я поняла, что это было нечто вроде преисподней, и спросила у Шуры, что мне с ней делать.

— Выходить оттуда, — ответил он. — Теперь, когда ты поняла, что это такое, реши, что ты пробыла там достаточно долго, и просто выходи. Возвращайся в мир жизни, любви и веселья. Он существует рядом с тем местом, где ты оказалась, и он не менее реален.

Я спросила у Шуры, как бы он вытащил себя оттуда, если бы попал туда сам, на что он сказал: «Сталкиваясь с трудностями, я иду в лабораторию и начинаю мыть стеклянную посуду для химических реакций. Я занимаюсь этим до тех пор, пока трудная задача не решится или не трансформируется в нечто иное. Рано или поздно так и происходит. Но поскольку мытье лабораторной посуды тебе не подходит, почему бы тебе не сесть за свою печатную машинку и перенести все на бумагу? Ты могла бы написать один из своих великолепных отчетов для Данте и Джинджер!»

Я печатала до тех пор, пока постепенно не начала улавливать образ улыбающегося Будды.

Потом я увидела много маленьких детей, игравших в траве, и обнаружила, что выхожу из Обители скорби.

Настала пора выходить оттуда во второй раз, подумалось мне. Если смогу, конечно. Передо мной все еще стояла проблема № 1.

Раз уж я не согласна с тем, чтобы этот Белый Разум управлял моей вселенной, мне придется придумать такой Божественный разум, который я смогла бы принять.

Я сидела на траве, покачиваясь и рассеянно поглаживая кошку.

Очевидно, что единственный способ представить себе другой тип Божественного разума — это сформулировать его из самой себя, задействовать свой собственный ум и душу.

Понимание приходило ко мне по капле.

Это и есть я? Частица самого Божественного разума, пытающегося дать себе новое определение? Или я совершу полный оборот и закончу тем, что укреплю существующее положение вещей?

Через заднюю дверь дома я услышала телефонный звонок. Я согнала кошку с колен и пошла в Шурин кабинет, надеясь, что это будет несложный для понимания звонок. Но, коснувшись телефонной трубки, я уже знала, что звонит Шура.

— Ну как ты, моя прелесть?

— Я в порядке, милый. Воюю с космосом, но держусь.

— Есть изменения к лучшему?

— Даже не знаю. Я хочу сказать, что трудно смотреть на происходящее со мной достаточно объективно, чтобы сказать, есть такие изменения или нет. Я сейчас ужасно занята выяснением сути.

— Не прошло?

— Не думаю, любимый, но в глубине души я знаю, что это состояние не будет длиться вечно, поэтому я делаю то, что должна, и жду, пока все не закончится.

Интересно-интересно. Я и не знала, что скажу такое. Слова пришли от той части меня, которая ДЕЙСТВИТЕЛЬНО знает, что все это не навсегда, что это пройдет.

Шура сказал, что любит меня и уже скоро будет дома. Я сказала ему, что нет необходимости переживать за меня, повторив, что, в основном, я в порядке — в каком-то особенном смысле. Напоследок я сказала, что очень его люблю.

Когда я положила трубку, в моем сознании возникло лицо психиатра Адама Фишера, нашего любимого, похожего на доброго дедушку человека и мудреца. Я пошла в гостиную, где я могла устроиться на диване и воспользоваться пепельницей, и набрала его номер.

— Адам, — сказала я в трубку, — это Элис.

Он сказал «привет» своим теплым, улыбающимся голосом.

— Я в беде, и мне нужна помощь, — сказала я ему.

Я почувствовала, как он торопливо сосредоточился на другом конце провода, и услышала «рассказывай».

Я стала рассказывать, то и дело замолкая, чтобы проглотить подкатывавшие к горлу слезы.

Потом я подвела итог: «Я живу во вселенной, проникнутой каким-то холодным разумом, который за всем наблюдает и все запоминает и которому не свойственны никакие чувства. Очень может быть, что это и есть Бог, хотя на самом деле я так не считаю, но я не знаю, что это может быть в таком случае, потому что он повсюду и я не могу оторваться от него. Я решила, что не приму его. Я знаю, это звучит нелепо, но именно так я себя чувствую».

Я стиснула зубы, чтобы не задохнуться от подступивших слез, и продолжила: «Похоже, я способна лишь обдумывать то, что лезет мне в голову, и постоянно реветь этими глупыми слезами, а внутри кричать «НЕТ, НЕТ!» в ответ тому, кому на все наплевать. Черт возьми, я хочу

выйти отсюда!» Я остановилась на секунду, чтобы откашляться.

Я услышала в трубке резкий и выразительный голос Адама:

— Во-первых, ты ничегошеньки не узнала о космосе. С чем бы ты ни столкнулось, оно находится не вне, а внутри тебя. Это ты, а не Бог и не вселенная. Начни разбираться с этим как с частью самой себя.

— О! — выдохнула я.

— Во-вторых, — продолжил Адам, — то, что с тобой происходит, — это процесс. Сейчас у тебя нет никакой возможности понять, что это такое и почему оно случилось с тобой. Ты и не пытайся это понять прямо сейчас. Тебе просто придется принять тот факт, что в тебе протекает какой-то процесс, который должен пройти в тебе. И единственная вещь, которую ты можешь сделать и которую ты должна сделать, — это пустить дело на самотек.

— Господи, Адам, — воскликнула я, — неужели я застряну здесь навечно?

— Нет, — ответил Адам потеплевшим голосом, — ты не останешься там навсегда. На самом деле могу тебя заверить, что ты выберешься оттуда к концу недели.

С короткой вспышкой изумления и восхищения я поняла, что он программирует меня — или мое подсознание — на восстановление к выходным. Меня затопила волна благодарности. Мысленно я ткнула локтем себе под ребра и подумала: «Слышишь, ты, слышишь, что он сказал? Выходи оттуда к концу недели!»

— Спасибо тебе огромное, Адам. Слушай, если я буду доверять себе настолько, что смогу сесть за руль, то могу ли я приехать к тебе и немного поговорить? Ты будешь дома пару следующих дней на случай, если я смогу вести машину и все такое?

Голос Адама стал совсем мягким, и я поняла, что он говорит более отчетливо и чуть медленнее, чем обычно, чтобы я услышала его, несмотря на свое замешательство и путаницу в голове: «Ты можешь мне звонить в любое время дня и ночи, а если меня не будет дома, оставь сообщение на автоответчике, и я перезвоню тебе, как только вернусь домой. А когда ты сможешь уверенно вести машину, приезжай ко мне и оставайся сколько захочешь. Я помогу тебе, — сказал он подчеркнуто, — я помогу тебе в любое время так же, как ты помогла бы мне».

Я поблагодарила Адама еще раз и положила трубку. Потом я положила голову на раскрытые ладони и долго рыдала.

Когда Шура пришел домой, он поцеловал меня и привлек к себе, затем окинул взглядом мое лицо и снова крепко обнял. Я знала, что он встревожен и что этому нельзя помочь — такая я уж была. Но что бы со мной ни происходило, с этим нужно было жить. Я сказала Шуре, что мысли так и кипят у меня в голове и что я не могу остановить этот поток. Поэтому я буду либо говорить ему, о чем думаю, либо изливать все это на бумаге, хотя образы и идеи стали настолько продолжительными и сложными, что было довольно трудно подолгу сосредоточиваться на них, чтобы записать. Еще я добавила, что, похоже, пересматриваю все аспекты человеческой жизни и опыта, но сильнее всего улавливаю мучительную, горестную и трагическую их сторону. И это становится настоящим бременем для меня.

Я пошла за Шурой в столовую, где он всегда складывал свои рабочие бумаги и почту. Я предложила ему почитать письма, пока я приготовлю обед. Это означало, что мне надо было вытащить из холодильника замороженное мясо и положить его в духовку. Давай не будем готовить ничего сложного, попросила я Шуру, будучи уверена, что он все поймет с учетом сложившейся ситуации.

Он ответил мне, что с удовольствием прогуляется куда-нибудь и съест чизбургер, если мне не хотелось сегодня готовить. Я заверила его, что могу приготовить обед из полуфабрикатов без всяких проблем. Я услышала в своем голосе тихий смешок. Мой голос звучал приятно и нормально.

Когда Шура закончил просматривать письма и счета, я села за стол и изложила ему краткую версию своих сегодняшних борений и передала содержание своего звонка Адаму.

— Он сказал, что все, что я переживаю, находится внутри меня самой, что я столкнулась с какой-то стороной самой себя, — подытожила я. — Адам сказал, что этот процесс из разряда неизбежных, в противном случае этого бы со мной вообще не случилось. И еще он сказал, что все, что мне нужно делать, — это не мешать этому процессу.

Шура улыбнулся краем рта и кивнул, сказав, что для него слова Адама звучат разумно.

Я улыбнулась ему в ответ и добавила: «Кроме того, он сказал, что я выберусь оттуда — что бы, черт побери, это ни было! — и вернусь в нормальное состояние к выходным. Разве не здорово?»

Мы оба рассмеялись.

Когда я поставила его тарелку с мясом на стол, Шура попытался убедить меня поесть хоть чуть-чуть, но я сказала, что у меня нет аппетита. Меня это вполне устраивало, если принять во внимание мою вечную проблему с лишним весом. Я спросила у него, не будет ли он против того, чтобы поесть в одиночестве, а я тем временем сяду за машинку и попробую перенести на бумагу все это сумасшествие. Он сказал, что совсем не против этого, и попросил позвать его, если мне что-нибудь понадобится, в том числе и простая нежность. Я поцеловала его и отвернулась, чтобы он не видел, как у меня из глаз снова катятся слезы.

У двери на кухню я оглянулась и решила сказать Шуре о заплаканных глазах вместо того, чтобы прятать слезы, потому что это было невозможно.

— Шура?

Он быстро поднял на меня глаза, на лице появилось выражение тревоги. «Да?»

— Думаю, мне нужно объяснить тебе, что часть этого — что бы там ни было — процесса — это почти постоянные слезы. Иногда я плачу по-настоящему, но чаще всего слезы льются у меня из глаз без какой-то определенной причины, понимаешь. Они просто льются, вот и все. Кажется, они связаны с тем, что со мной происходит, но я не имею ни малейшего понятия, почему я все время реву. Так что тебе не нужно обращать на них внимания, ладно? Пока со мной происходит эта чепуха, мои слезы не означают то, что они обычно означают.

Шура улыбнулся мне и пообещал: «Хорошо. Я не буду обращать на твои слезы внимания, пока ты мне не скажешь это делать».

— Отлично, — усмехнулась я, смахивая с ресниц последние слезинки.

Я села за свой стол и включила электрическую печатную машинку. Пора было печатать отчет обо всех этих странностях.

«ДЕСОКСИ, 40 мг, — начала я. — Это самый необычный эксперимент из всех, что у меня были. Я уже принимала наркотики, угрожавшие негативными последствиями, но сталкивалась лишь с проблемами неврологического свойства. На этот раз сложности носят не физический, а психический характер».

Я вкратце описала свои вчерашние переживания, потом продолжила:

«По словам Адама, все дело во мне самой. Это значит, что я проецирую во внешний мир какую-то часть своей психики, которая за всем наблюдает, все запоминает и учится. В этом состоит ее функция».

Я вспомнила давление этого невидимого сознания, почти физическое ощущение решительного напора, пока я стояла снаружи дома у задней двери.

С другой стороны, можно вспомнить старую поговорку «как вверху, так и внизу», которую можно перефразировать и немного по-другому — «как внутри, так и снаружи». Вселенная, в которой я нахожусь, отражает мой внутренний мир, и наоборот; в этом я уверена.

Внезапно я отчетливо вспомнила иллюстрацию, которую видела в книге про мифологию

Востока. На ней был изображен какой-то индийский бог, со всех сторон окруженный огромными жемчужинами, в которых отражалось его лицо и тело. Та иллюстрация называлась «Сеть Индры». Окружность из жемчужин была космосом, и в нем отражался бог.

Поэтому что бы я ни проецировала в окружающий мир, это находится и во мне, но одновременно является своеобразным архетипом того, что окружает меня. Архетипом оттуда. Что бы это «оттуда» ни означало. Ладно.

Я продолжила печатать свой отчет:

«Очень даже может быть — и в данный момент я допускаю такую возможность — что, каким бы ни был Божественный разум, моя человеческая психика отражает его, а отсюда вытекает, что я столкнулась не только с собственным Протоколистом, но и с космическим. У меня возникли проблемы, потому что я испугалась при мысли о том, что это Конечная правда о Боге, но это оказалось не так».

Не так? Ну конечно, не так. Я знаю это. Где-то в глубине души я знала это все время. А потом просто забыла, потому что это кристально чистое сознание заполонило все пространство, не оставив место чему-нибудь другому. Но оно лишь только часть Божественного сознания, равно как и лишь часть моего.

Пока я сидела за столом, перечитывая напечатанное, у меня в голове оформилось несколько идей, и я начала их фиксировать.

«В нас действительно присутствует то, что я назвала Белым Разумом, и эта наша черта проявилась в создании мыслящих машин, работающих без всяких эмоций. Взять, к примеру, компьютеры. Странно (и в некотором смысле забавно), как мы дали рождение компьютеру, этому полезному и наделяющему нас силой орудию, взяв за основу те свои свойства, которые меньше всего можно отнести к человеку».

У меня появилась следующая мысль, и я стала печатать, когда она стала обретать форму.

«Что сказать о той нашей, человеческой, черте, проявившейся в так называемых "научных экспериментах", которые проводились над узниками в фашистских концентрационных лагерях? Находились же люди, включая врачей, способные отключить в себе сострадание, связь, объединяющую всех людей, и просто наблюдать. Они видели боль, страх и ужас и делали записи, не чувствуя ничего, кроме рационального интереса. Кто, если не Протоколист, говорит в нас, когда мы ощущаем желание доминировать, контролировать и уничтожить силу и свободу других людей?

Думаю, что Белый Разум — это интеллект чистой воды. В нравственном смысле он нейтрален. Он служит нашему выживанию, личному и видовому, и эффективно функционировать ему позволяет именно независимость от мира чувств.

Разумеется, цельная и сложная человеческая личность задействует все свои составляющие — и эмоциональную, и интеллектуальную, и духовную — и при этом могут обходиться без какой-нибудь из них, отдавая предпочтение другой.

Не это ли происходит, когда некоторые люди проводят эксперименты на животных, причиняя зверюшкам боль? "Это необходимо сделать, это для доброго дела" — таковы доводы этого ученого. Поэтому сострадание здесь неуместно, считает он. Он опасается, как бы сочувствие не помешало ему собрать фактическую информацию для научного отчета, который, как он надеется, поможет завоевать ему уважение коллег и продлить грант».

Перечитав этот пассаж, я добавила:

«Конечно, найдется немало ученых и сотрудников лабораторий, которые любят животных и не отключают себя от заботы и симпатии, однако слишком много встречается таких, которые поступают наоборот, а так быть не должно. На мой взгляд, по крайней мере. Должен быть закон, позволяющий проводить эксперименты на животных лишь людям, которые их любят».

Я улыбнулась. У этого предложения нет ни малейшего шанса. Если бы можно было издавать законы, касающиеся любви и сочувствия, мир давным-давно излечился бы от своих болезней.

Когда Шура пришел проведать меня, я с трудом печатала, не обращая внимания на слезы, стекавшие по моему подбородку.

— Как насчет того, чтобы пойти спать, малышка?

— Теперь, когда ты сказал об этом, я чувствую, что уже пора.

Когда мы легли под одеяла, Шура обнял меня и начал ласково гладить, вглядываясь в мое лицо в тусклом свете шкалы радиоприемника. Я закрыла глаза, чувствуя, как твердая, умелая рука скользит по моему телу, потом посмотрела на Шуру и извинилась: «Милый, я знаю, это смешно, но я чувствую себя так, как будто мне под кожу впрыснули заморозку. Я словно бесчувственная деревянная колода. Не помню, чтобы такое когда-нибудь со мной случалось!»

— Конечно, это необычный поворот… — начал Шура.

— Ты хочешь сказать, а-твратительный па-варот, да? — сказала я, пародируя, как могла, Дуранте.

— …Но если вожделение не стоит у нас на повестке дня, по крайней мере, в данный момент, то его отсутствие лишь обострит наши ощущения, когда желание вернется, — он слегка ткнул меня пальцами, — раззадорит наши…

Я попыталась дотянуться до его ребер, но Шура прогнулся, а потом схватил меня за запястья и отвел мои руки к спинке кровати. Он снова заставил меня рассмеяться, и я чувствовала себя замечательно.

Мы оба надеемся, что эта возня поможет мне вернуться в нормальное состояние. Никогда бы не подумала, что целая часть меня может настолько омертветь. Что, черт возьми, могло спровоцировать такое?

Когда мы снова устроились под одеялами, я поцеловала Шуру и сказала ему: «Спасибо тебе за твое терпение, любимый.

Это все очень странно, и, похоже, я не слишком могу это контролировать, поэтому мне приходится лишь ждать, когда оно само рассосется. Самое худшее заключается в том, что все завязано на мне, понимаешь. Весь этот навязчивый сумбур в моих переживаниях, мыслях. Но думаю, что продолжу усердно работать с этим».

Шура прижал меня к своей груди и сказал: «Делай то, что должна делать, прелесть моя, а я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе. Если ничего другого я не смогу сделать, то я просто буду продолжать любить тебя, хорошо?»

Я молча кивнула ему, зная, что он почувствует мои горячие слезы у себя на коже, и надеясь, что он не заострит на них внимания. Что он и сделал.

Я легла на спину и уставилась в потолок. Шура стал засыпать, время от времени я чувствовала, как его рука, лежавшая сверху моей, легонько подергивается.

Значит, Белый Разум — просто один из компонентов моего собственного сознания, неотъемлемая часть меня, которая наблюдает, запоминает и учится. Вот и все.

Я подумала о своем личном Наблюдателе, которого всегда считала другом, а не равнодушной машиной; он был способен точно отслеживать события и именно потому, что не находился под влиянием эмоций. И все же я всегда воспринимала его как внимательного, беспокоящегося за меня союзника с хорошим чувством юмора.

Возможно, мой внутренний Наблюдатель — это моя версия того же архетипа. Я наделила его приятными вещичками вроде внимательности и чувства юмора, но по своей сути он является тем, что сегодня я проецировала во внешний мир и с чем боролась, как с врагом, потому что не понимала, что это такое. Это вовсе не враг; это неотъемлемая часть меня.

Смогу ли я заснуть, подумала я. Это была последняя сознательная мысль, которую я запомнила.

Я видела яркие сны, но потом вспомнила лишь один из них. Мне снилось какое-то длинное путешествие с несколькими друзьями, и я знала, что Белый Разум наблюдает за нами, но на этот раз с нежностью и явной улыбкой.

Все мои сны были наполнены умиротворенностью, словно моя душа очень хорошо поняла, в чем было дело, и нашла в этом свою пользу.

ВТОРНИК

Перед тем как открыть глаза, я проверила состояние окружающего мира и самой себя, выпростав свои психические антенны наподобие усиков нервного таракана. Я поняла, что еще не выбралась из своего персонального маленького ада.

Одеваясь в ванной, я чувствовала себя довольно мрачно. Это уже не смешно, подумала я, когда чистила зубы. Вымыв лицо, я взяла расческу и занялась своими спутанными после сна волосами, внимательно вглядываясь в свое отражение в зеркале. Мои глаза выглядели знакомо: они были ясными, с мягким взглядом и расширенными зрачками, словно я находилась под воздействием галлюциногена.

Оно больше не молодо, это лицо. Но оно еще довольно красиво. Глаза опухли, но они не так плохи. Ах, да… Мы благодарны за небольшие чаевые.

Осенью по вторникам и четвергам Шура вел занятия по токсикологии. В университете ему нужно было быть после полудня. Он читал газету, и я поцеловала его в шею, прежде чем сесть за стол со своей чашкой кофе.

До того, как сообщить Шуре новую информацию о своем состоянии, я решила выяснить, насколько я пойму содержание новостей из газеты. Мне захотелось понять, смогу ли я сконцентрироваться на печатном тексте. Я чувствовала, как Шура бросил несколько взглядов в мою сторону, но нужды торопиться не было, подумала я. Пусть он, бедненький, хотя бы чуть-чуть насладится хорошим кофе и своей Chronicle в начале дня.

Через некоторое время я осознала, что перечитываю все по два-три раза. Мой мозг напоминал большой центральный вокзал, и лишь нескольким фразам удавалось пробиться сквозь неизменно интенсивный в час пик пешеходный поток, сквозь мысли и идеи, сновавшие туда-сюда. Я была занята.

Когда мы оба оторвались от газеты, я сообщила Шуре последние новости о себе, и мы стали разговаривать.

— Чем бы эта проклятая штука ни была, — сказала я, — любой средний психиатр назовет это психозом, так ведь?

— Возможно, в каких-то случаях их диагноз будет ценен, но мы-то с тобой знаем, что он мало чего стоит, — пожал плечами Шура.

Я улыбнулась, соглашаясь с ним. Большинство наших друзей, те, кто не входил в число химиков или писателей, были психологами и психиатрами или занимались какой-нибудь другой врачебной деятельностью. Мы с Шурой знали, что на самом деле они очень мало понимают в психическом здоровье или в нарушениях психики. Однако термин «психоз» казался вполне подходящим для определения моего состояния. Хотя бы для начала.

— Хорошо, — сказала я, вставая из-за стола, чтобы протереть губкой пластиковую скатерть. — Все, что со мной происходит, — эти потоки мыслей, постоянные образы и настойчивые идеи, приходящие ко мне одна за другой, их так много; все мои слезы, тот факт,

что я, возможно, не смогу вести машину из-за того, что буду отвлекаться на свои переживания, — все это ты назовешь психопатическими явлениями, если ты обычный психиатр, лишенный воображения, разве не так?

— Ну, я не очень в этом уверен, — ответил Шура. — В твоем случае есть немало признаков, которые не совпадают с этим диагнозом.

На мгновение я задумалась, мысленно проверяя все эти признаки. «Да, — сказала я, — я понимаю, что ты имеешь в виду. Я не утратила свой центр, ощущение своего «я».

— И твое восприятие реальности осталось почти нетронутым.

— Это ты про то, что я замечаю, когда включена плита, не забываю кормить кошек, застилать постель и делать прочую ерунду?

— Да. И ты не ожидаешь, что я разделю твой мир, увижу то, что видишь ты, и почувствую то, что ты чувствуешь. Ты способна согласиться с тем, что я живу в мире, который может быть назван повседневной, общей для всех реальностью, тогда как ты сейчас находишься не здесь.

— А! Значит, человек, страдающий психозом, не согласится с этим?

— Что-то в этом роде, в общем, не согласится.

Я прислонилась к раковине. «Понимаешь, уже несколько раз мне в голову приходила одна мысль. Представляешь, во сколько раз все это могло оказаться хуже для меня, если бы у меня не было опыта приема галлюциногенов. Я хочу сказать, что привыкла к измененному состоянию сознания и поэтому не паникую. Без сомнения, мне не по душе происходящее, но я чувствовала себя напуганной всего лишь пару раз, причем этот страх был непродолжительным, возможно, потому, что я порядком разозлилась».

Потеряла нить рассуждений. А, вспомнила!

— Как я уже сказала, — продолжила я, — я не утратила свою сущность, ощущение того, что я — это я. На самом деле в каком-то забавном смысле можно сказать, что я чувствую свой внутренний центр сильнее, чем когда-либо в жизни! Представь себе, что со мной было бы, если бы у меня не было опыта изменения сознания?

Шура налил себе еще одну чашку кофе и спросил у меня, не подлить ли мне. «Нет, спасибо, — ответила я. — Мне просто нужно лучше понять происходящее, и разговор с тобой может этому помочь».

Когда я сосредоточиваюсь, разговаривая с ним, то слышу меньше шума от этого парада мыслей.

— У тебя есть какое-нибудь возможное объяснение тому, что происходит со мной — чисто на химическом и физическом уровнях?

— Уверен, что могу предложить парочку правдоподобных теорий, — сказал Шура, — но мы оба знаем, что ты не получишь настоящих ответов на свои вопросы, если будешь учитывать лишь химические и физические факторы.

— Ну хорошо, но если все-таки ограничиться рамками химии, то может ли это быть результатом того, что я приняла сорок миллиграммов ДЕСОКСИ? Целых два дня назад?

— Мне все меньше и меньше кажется, что это может иметь отношение к препарату, который ты приняла в воскресенье, — ответил Шура. — Но мы не можем быть уверены в этом до конца, пока я не приму ту же самую дозу этого же наркотика. В конце концов, тебе бы тоже следовало принять его — в гораздо меньшей дозе, разумеется — чтобы посмотреть, вдруг у тебя случайно оказалась повышенная чувствительность к этому психоделику. Если только ты сама пойдешь на это. Я хочу сказать, когда все это закончится, когда ты восстановишься.

Он думает, что ему не нужно было говорить об этом прямо сейчас — о том, чтобы мне еще раз принять этот наркотик. Он беспокоится.

Я улыбнулась, приободряя Шуру, и сказала: «Конечно. Может, два-три миллиграмма, и если

ничего не будет, мы получим ответ. Но моя реакция будет не настолько сильной, чтобы вызвать повторение всего этого».

Он кивнул мне с явным облегчением.

— Должна признать, — сказала я, — что не могу дождаться той минуты, когда ты примешь этот препарат, чтобы посмотреть, что будет. Впрочем, инстинкт говорит мне, что с тобой все будет в порядке. Возможно, он не окажет на тебя вообще никакого воздействия. Конечно, я надеюсь, что с тобой не случится ничего подобного, что случилось со мной, мой хороший. Никогда. Это же просто ад, ты ведь понимаешь!

С крошечной искоркой изумления я осознала, что в моем голосе звучала определенная бодрость.

Наверное, в переживании такого странного, драматического опыта есть какое-то извращенное удовольствие, ведь это довольно экзотично, несмотря на все сопутствующие страдания. К тому же здесь можно получать и другие маленькие радости, раз уж у меня нет выбора.

— Как думаешь, ты можешь проследить изменения своего состояния на протяжении двух последних дней — все, что ты заметила? — спросил Шура.

— О, да. Изменений произошло немало, но их трудно точно определить. Белый Разум все еще здесь, однако он больше не господствует надо всем. Думаю, его активность уменьшилась до обычной из-за того, что я признала его и поняла, что он не Окончательная истина, если использовать метафизические термины. Теперь он не давит на меня. Впрочем, непрерывный поток мыслей — это тоже кое-что.

— А о чем твои мысли? Можешь описать любую из них?

Я вздохнула, понимая, что, как только я заговорю, из моих глаз хлынут слезы. Но мне было необходимо поделиться с Шурой.

— Ну, часто мысли идут как бы на разных уровнях одновременно. Вот сейчас на одном из уровней я вижу навязчивый обзор человеческой истории. Передо мной проходят образы людей, начиная с доисторических времен и вплоть до настоящего. Они строят города, пишут книги, рисуют картины, изобретают религии и политические системы, развязывают войны и при этом снова и снова совершают те же самые треклятые ошибки. И каждое поколение задает те же самые главные вопросы и вынуждено давать собственную версию ответов на них.

Трудно удержаться и не почувствовать гнетущее отчаяние от этой картины Я хочу сказать, почему мы, род человеческий, не становимся со временем мудрее? Почему одно поколение не может передать другому свои знания таким образом, чтобы спасти своих детей от попадания в старые глупые ловушки?»

Я пожала плечами, разведя в стороны руки, и продолжила:

— А на следующем уровне я вижу, что, если бы взрослые были на самом деле способны передавать мудрость своим детям, то у них была бы возможность передавать и другие вещи. Наряду с позитивными знаниями ты бы получил все неправильные представления, предрассудки, традиционную межплеменную ненависть — все это тоже бы накапливалось, а потом проникало в потомков. Это означало бы отсутствие новых перспектив, движения вперед вообще бы не было. Если должен быть рост, эволюция, то детям необходимо создавать свой мир по-своему, перенимая что-то хорошее и что-то плохое от родителей и предков, но, в основном, все переделывая и оставляя в истории свой неповторимый след.

Шура внимательно меня слушал.

— Есть еще один уровень, где я вижу пик деятельности всех великих духовных учителей, тех, кто изменили представления людей о жизни, — Христа, Будды, Мухаммеда и тысяч других, сведения о которых до нас не дошли. И я вижу, как рано или поздно их учения становятся лишь

одним оправданием для преследования людей, властвования над ними, принуждения. От имени Бога, Аллаха или Кого бы то ни было ведут войны, убивают и разрушают. Понимаешь, происходит бесконечное искажение первоначальной доброй идеи, обретающей новую форму и превращающейся в зло. Старая история.

Шура кивнул.

— Но вместе с этим приходит и осознание того, что даже во времена такого вселяющего ужас института власти, как средневековая церковь, находилась возможность для творчества и было создано немало прекрасных предметов искусства. Мне открывается черное поле, простирающееся до самого горизонта, ужасное, удушающее покрывало, которое выражает все невежество, жестокость и принуждение, сопутствующие церковной власти…

Шура кивнул мне еще раз; эту тему мы с ним часто обсуждали. На самом деле именно он рассказал мне, что в средние века держать Библию дома не позволялось, а нарушение этого запрета грозило наказанием со стороны тех, кто осуществлял власть Святой Церкви. Лишь королям и духовенству разрешалось читать Священное писание и толковать его. Обычные крестьяне должны были верить тому, что им говорили, и жить так, как им велели священники, и не задавать никаких вопросов.

— …Но на этом черном поле, — продолжила я, — тут и там пробиваются маленькие зеленые ростки, символизирующие музыку, живопись и другие формы искусства, которые поощряла та же самая церковь. Конечно, священниками двигало отнюдь не желание помочь самовыражению личности. Их заботило приумножение славы доброй старой церкви. Тем не менее эти чудесные творения появились на свет в значительной степени благодаря поддержке одной из самых репрессивных диктатур в истории! Добро, исходящее из зла с целью уравновесить зло, родившееся из первоначального добра.

Это лишь один пример того, что творится в моей голове все время. Что-то вроде парада истории с примерами и постоянными образами.

— Сложность в том, — сказала я, — что меня атакует, в основном, горе, страдание, утрата смысла жизни, с которыми век за веком люди сталкиваются в течение своей жизни. Конечно, так происходит до сих пор, причем во всем мире. Я вижу так много несчастий и явной глупости, что меня уже тошнит от них! Лучше бы я была в Филадельфии, если цитировать как там его. Я просто хочу, чтобы это выключилось!

Шура подскочил ко мне. Он прижал меня к себе, когда я начала содрогаться от рыданий. Мне не нужно было объяснять ему, что на этот раз из меня льются настоящие слезы.

Через несколько минут, восстановив самоконтроль, я извинилась перед Шурой: «Прости меня за это! Я не собиралась тебя в это втягивать. Я не хочу, чтобы ты переживал вместе со мной, милый. Ты должен оставаться самим собой, потому что это никому из нас не поможет, если ты выйдешь за пределы себя. Мне нужно, чтобы ты оставался сильным и здравомыслящим во всей этой кутерьме».

— Не волнуйся за меня, любимая, — сказала Шура твердым голосом. — Меня туда не засосет, я даже об этом не думаю. Мне не нравится видеть, как ты страдаешь, но я знаю, что ты пройдешь через это и приобретешь нечто такое, чего у тебя до сей поры не было. Этот опыт окажется для тебя очень ценным, но в каком смысле — этого ни один из нас сейчас предвидеть не может.

Я посмотрела на него и увидела, что его глаза увлажнились, но на лице была улыбка, которая казалась искренней.

Мне стало лучше, я почувствовала облегчение и почти что умиротворение.

Мне было нужно выпустить это наружу. Переложила небольшую часть груза на его плечи, хотя я и не должна этого делать. Только хуже для него. Он и без того чувствует себя

беспомощным. Но мне сейчас на самом деле полегчало.

Я улыбнулась и поделилась с ним единственной не огорчающей вещью, которая у меня имелась: «У меня есть для тебя кое-что приятное и довольно странное. Те сны, что снятся мне последние две ночи, они оставили у меня приятное ощущение. В них все было гармонично и даже смешно порой. Словно мое подсознание доподлинно знает, что происходит, и совсем не волнуется по этому поводу. Веришь?»

Шура снова прижал меня к себе и пробормотал: «Это хорошо. Доверься своему подсознанию!»

Я сказала, что на самом деле уже доверилась, и добавила: «Где-то в глубине души, отвлекаясь от охватившего меня замешательства, я знаю, что чем бы ни был этот процесс, он займет какое-то время и будет протекать по своим правилам, независимо от моего согласия. Но знаю я и то, что, в конце концов, он закончится, а я вернусь в нормальное состояние».

Я обхватила Шуру за пояс и сказала ему, что собираюсь помыть тарелки, оставшиеся в раковине со вчерашнего дня. Еще я поблагодарила его за то, что он позволил мне облегчить душу.

— В любое время, любовь моя, — сказал он. — Мне нужно поработать у себя в кабинете, если с тобой все в порядке. Позови, если я тебе вдруг понадоблюсь.

Покончив с грязной посудой, я занялась отмыванием холодильника, плиты, дверец кухонных шкафов, чувствуя благодарность за то, что уборка была таким простым, незамысловатым делом.

Пока я наводила порядок на кухне, я постепенно начала осознавать, что мне больно. Мысли, образы, движения тела — все воспринималось мною сквозь легкую дымку боли. Я поняла, что подсознательно давно уже заметила эту боль, но из-за интенсивного напора мыслей не могла определить ее.

Боль — это признак нарушения равновесия, да? Или результат какого-нибудь перехода. Переход из одного состояния в другое обычно сопровождается раздражением. Известно, что змеи страдают, сбрасывая кожу, не так ли? Разве выбирающаяся из кокона бабочка не чувствует себя обиженной? Возможно. Эта боль, она имеет не физическую природу, я поняла это, когда всмотрелась в нее. Здесь страдает душа. Но почему? Что мне этим хотят сказать? Что я должна делать — то, что сейчас не делаю? Или это просто лишь очередное проявление процесса, с которым мне приходится жить?

Боль была едва уловимой, подумала я; не слишком назойливая, но и не исчезающая, похожая на тупую зубную боль.

Когда Шура, получив мои заверения в том, что без него я буду в безопасности и в порядке, уехал в университет, я присела на диван и стала смотреть в окно — туда, где раньше была моя гора, переставшая быть моей.

Я начинаю по-настоящему уставать.

Тут вмешался мой Наблюдатель: «Нет, ты не устала. Ты думаешь, что тебе пора бы выдохнуться, и стараешься убедить себя в этом, но это всего лишь еще один способ сбежать. Попробуй посмотреть на ситуацию иначе. Ты наполнена энергией, твое тело наполнено энергией!»

Ладно, ладно, это не физическая усталость, но я больше не хочу испытывать все это. Мне нужен тайм-аут.

Я снова подумала о вчерашнем дне, о давлении, о настойчивом, неотвратимом напоре Наблюдателя-Протоколиста. И о том, что сегодня этого не было.

Давление на меня исчезло, как только я действительно поработала с ним и начала понимать, что все это значит. Теперь остался лишь один вопрос, который жужжит у меня в

голове, помимо прочей чепухи. Почему это явилось ко мне в таком? Почему оно пришло ко мне так, словно оно было всем, словно оно действительно было Божественным разумом, единственной Правдой, вместо того, чтобы позволить мне узнать, что это просто одна из многих важных частей Целого? Как, позвольте спросить, я должна была понять, что это не единственная реальная вещь во вселенной?

Я сидела и курила, пока в моей голове оформлялся ответ.

У подсознания нет возможности отличить целую пиццу от одного кусочка пиццы — для него в обоих случаях это будет просто пицца.

Та часть меня, которая хочет что-то донести до моего сознания, не оценивает такие вещи, как размер или важность. На том уровне, где я вчера была, не существует градаций, сравнений, помогающих сознанию как-то понять, что происходит. Что бы ни было активным в данный момент, оно выводится наверх и полностью заполняет экран, поэтому какое-то время кажется, что оно есть все.

Ну почему эти чертовы психические штуки не оказываются лучше, чем они есть? Из-за этого все становится тяжелее, чем нужно. Не говоря уже об этой проклятой неумелости, раз уж на то пошло! Сколько времени вчера было потрачено на страх и ненависть. А его можно было использовать для того, чтобы выяснить и понять все это раньше. Как глупо!

Мой кофе остыл. Я налила себе свежего и вернулась на диван.

Как человек должен понять правила игры, когда с ним начинает происходить нечто вроде моего процесса, если вокруг нет никого, кто мог бы рассказать ему об этих правилах? Что случилось бы, если не было бы вот такого Адама, которому я смогла позвонить, то есть кого-нибудь, кто точно знал, что мне сказать?

Ответ от Наблюдателя пришел незамедлительно. Но ведь нашелся же такой Адам, сказал он. Он был дома, ты позвонила ему, и он тебе помог. Что толку теперь гадать, если бы да кабы.

Я походила по столовой, размышляя, что такое еще сидит внутри меня, с чем я должна столкнуться и сознательно признать, после чего этот мучительный так называемый процесс оставит меня в покое.

Нас ждут еще какие-то сюрпризы, да?! Может быть, мне нужно посмотреть своим недостаткам в лицо? Своим неспособностям, своим провалам? Но разве я уже не насмотрелась на большинство из них? Разве мне этого было мало?

Я стояла около стола и смотрела на корзину с зимними апельсинами в центре стола, когда почувствовала что-то, приближающееся ко мне сзади. Я замерла на одном месте, по спине побежали мурашки. На меня надвигалась ненависть, самая злобная ненависть, которую мне только приходилось ощущать. Смертоносная, презрительная ненависть такой силы, что у меня рот открылся от шока. И эта ненависть была направлена на меня, на все, чем я была. Что-то хотело, чтобы я сгинула, разрушилась, уничтожилась и никогда не существовала.

О, Боже мой! Откуда ЭТО взялось?! Что может ненавидеть меня настолько сильно?! И это находилось внутри меня всю мою жизнь?!

Я вдохнула поглубже и стала пробираться на ощупь назад в гостиную, под укрытие дивана, стараясь оставаться открытой навстречу тому, что происходило. Я села на диван и закрыла аза.

Я оказалась в лесу рядом со старым заброшенным колодцем. Я перегнулась через край колодца, всматриваясь в темноту, которая была на дне.

Я вижу себя — какой-то перевернутый, расплющенный образ самой себя. Трудно полностью рассмотреть его контуры, для этого нужно как следует приглядеться. Да. О Господи. Похоже на мерзкую маленькую розовую личинку. Грязную. Отвратительную. Личинка чувствует ненависть и презрение и знает, что заслуживает их. Отчего же? Потому что она личинка, и она противная и невыносимая.

Я обхватила руками свои колени. Потом открыла глаза, чтобы осмотреться по сторонам, и увидела комнату, в которой уже сгустились синие сумерки. Я знала, что должна вернуться обратно к колодцу.

Мне нужно установить с этой личинкой связь, точнее, с этим ужасным образом самой себя и с его чувствами. Я должна сделать это. В противном случае, этот образ снова заявит о себе. Хорошо. Я должна проникнуть внутрь его.

Я устроилась поудобнее, поджала ноги и оперлась на подушки. После чего закрыла глаза и в мгновение ока снова перенеслась в лес, к колодцу.

Эта личинка — часть меня самой, которая верит, что лишь она реальна, что она является моей сутью. Она знает, что невыносима и что ее нельзя полюбить. Она отождествляет себя с чудовищем, с тошнотворным куском дерьма — Господи! Это то, что Юнг называл Тенью? Это моя Тень?!

Я мысленно связалась с личинкой и почувствовала, какую страшную боль и пронзительное унижение испытывает она оттого, что ее обнаружили и изучают.

Раздался телефонный звонок. Звонила Венди, она спрашивала, когда я приеду к ним. Сквозь оцепенение до меня дошло, что сегодня был тот день, когда я должна была ехать в округ Марин и побыть с Венди и Брайаном (Энн уехала учиться в колледж). Я услышала свой охрипший и тусклый голос, который объяснял дочери, почему я должна была изменить свои планы: «Милая, у меня ужасный насморк! Я не могу сдвинуться с места! Со мной такого уже давно не случалось».

— О, мамочка, бедная моя! Тогда не беспокойся за нас. Я все скажу Брайану, и мы просто позаботимся о себе сами. Увидимся на следующей неделе, когда ты выздоровеешь.

— Спасибо, моя сладкая. Мне выписали рецепт, и я поправлюсь через день-два. Я позвоню вам, когда все пройдет. Прости, что не позвонила вам раньше, малышка. Не могла ни о чем думать, кроме как о пульсирующей боли в голове!

— Обязательно отдохни, — посоветовала мне Венди. — Позаботься о себе. Поговорим попозже, когда будешь чувствовать себя лучше.

Положив трубку, я закурила. Я подумала о своих детях, о почти болезненной гордости за них.

Я хорошая мать. Несмотря на все свои промахи, я все-таки чертовски хорошая мать.

По моим щекам катились горячие слезы.

И как это сопрягается с душераздирающим образом мелкой личинки? Или эта гнусная, грязная тварь, лежащая на дне колодца, осталась во мне с детства? Она жила там с той поры, когда я была ребенком, стараясь, чтобы ее не замечали?

— Да, — был мне ответ.

А ненависть? Эта убивающая ненависть, она тоже живет во мне с детства? Это я сама ненавижу себя? Откуда это взялось во мне?

Я вспомнила себя маленькой и услышала, как кто-то говорит мне, что от моей одежды всегда неприятно пахнет.

Кто-то сказал мне это в детстве. Ребенок интуитивно знает, что это означает. Твой запах — это продолжение тебя самого, все пахнут собой. В итоге получается, что я девочка, чья душа дурно пахнет. Мое «я» плохо пахнет. «Я» — это неприятный запах.

Кто мог сказать мне такое? Гувернантка? Обычно у нас с братом были добрые, любящие нас гувернантки, но попались нам две женщины, которых нельзя было отнести к таким. Одна из них была немка с вечно поджатыми губами. Она не любила нас, мы чувствовали и знали это, Бой и я, но она долго у нас не задержалась. Гораздо позже нам сказали, что она восторгалась очень плохим человеком по фамилии Гитлер.

Могла ли она успеть сказать мне это? Угрюмая фашистка, которая заботилась о детях еврея?

За последние десять лет мои отношения с матерью наладились; я любила ее и знала, что она любит меня. Однако я всегда считала, что она не любила меня по-настоящему, когда я была маленькой. Тогда она была несчастлива с моим отцом, и, когда она говорила со мной, я улавливала в ее голосе те же самые чувства, что и в ее разговорах с отцом, — нетерпение, досаду и раздражение. По старым фотографиям я знала, что она носила меня на руках и прижимала к себе, когда я была малышкой, но я не могла припомнить, чтобы она с любовью прикасалась ко мне или крепко обнимала, когда мы с Боем подрастали уже в Италии.

Ее любимцем был мой брат, и ему было об этом известно. В это трудно поверить, но он не пользовался своим положением, вместо этого он стал моим союзником. Помню, однажды он взял вину на себя, когда я что-то натворила. Как и я, он знал, что наша мать никогда не будет сердиться на него по-настоящему.

Бедная моя мать! Неужели я накопила в себе ее прорывавшееся порой нетерпение и разочарование и создала из них такого монстра? Неужели гувернантка-немка лишь что-то добавила к тому, что уже обрело форму в моем подсознании как мой образ самой себя в виде чего-то дурно пахнущего и ужасного?

Ненависть, подумала я. Откуда я ее взяла?

Если бы ты подозревала, что, по сути, ты всего лишь отвратительное грязное пятно, что бы ты захотела с собой сделать? Отвергнуть, разумеется. Убить, бесследно истребить. Та часть тебя, которая отождествляла себя с могущественными взрослыми, и то, что ты воспринимала как негативные чувства по отношению к себе, превратились бы в судью, склонного выносить смертные приговоры, в палача.

Мой отец всегда относился ко мне с любовью, теплотой и заботой. И мой брат — тоже. Почему, с удивлением подумала я, я не смоделировала свой образ на основе чувств, которые питали ко мне они?

Другая часть тебя сделала это, иначе ты давно уничтожила бы себя.

Я открыла глаза и встала с дивана. Я пошла на кухню и приготовила себе чашку горячего чаю.

Хватит. На сегодня я сделала предостаточно. Больше ничего не буду. Перерыв.

Внезапно я почувствовала острую боль под левой лопаткой. Она кольнула меня и исчезла. Я задержала дыхание. Эта боль означала, что я должна продолжать. Никаких перерывов не будет. Время для передышки еще не пришло. Боль также была символичной иллюстрацией того, что может произойти в теле, когда игнорируются потребности психики.

Ладно, я все поняла. Но я хочу немного передохнуть. Я действительно устала. Ради Бога, может, хватит на сегодня?!

Колющая боль пронзила меня снова, на этот раз в плече. Я с изумлением поняла, что эти части тела были выбраны не случайно. Боль под лопаткой или в плече не заставила меня думать, что всему виной какое-то повреждение или болезнь.

Ну хорошо, хорошо. Возвращаюсь назад к работе.

Я вернулась на диван, сделала два больших глотка чаю, снова поджала ноги и закрыла глаза.

И что я должна делать с этой личинкой-образом самой себя? Как мне исцелить этот больной маленький кусок дерьма?

Полюбить его, получила я ответ.

Я уставилась на подобострастное существо на дне колодца и вдруг поняла, что должно произойти дальше. Теперь я видела, что личинка лежала в старой, порвавшейся корзине, а корзина была прикреплена к веревке, которая уходила наверх и была обвязана вокруг

своеобразного рычага с ручкой. Я могла дотянуться до нее. Я начала очень медленно наматывать веревку на рычаг, чтобы ничего не сломалось или не упало.

Когда испачканный розовый комок стал приближаться ко мне, я увидела, что это была вовсе не личинка, а младенец. Он был истощен, его кожа была, скорее, серого, а не розового цвета, и лежал он в своих испражнениях. Ребенок умирал.

Когда я достала его из корзины, моей первой мыслью была мысль о том, что это существо срочно необходимо вымыть и вытереть, а в моем распоряжении был лишь пучок листьев.

Это не Оно, это Она. Конечно. И сейчас не время беспокоиться о грязи. Она слабеет. Что мне теперь делать?

Пока я стояла у колодца с крошечным дрожащим комочком на руках, у меня в желудке открылась дверь.

А, понимаю. Хорошо. Внутри меня она выживет. Дверь закрывается. Я должна быть матерью, кормилицей этому существу, пока оно не сможет жить самостоятельно. До тех пор, пока оно — она — не выздоровеет и не наполнится жизненными силами снова. Когда она будет готова выйти из моего тела, она будет красивой, сильной и гордой собой. Вот что должно случиться.

Я открыла глаза и допила чай, после чего отправилась обратно.

«А как быть с другим — с немилосердным судьей, — подумала я? — Что я должна сделать с этой безжалостной, прожигающей насквозь ненавистью?»

Надо сказать ей, что здесь ее больше не ждут. У нее здесь больше нет дома. Она должна будет перейти в терпимость и сострадание, потому что я не стану больше привечать ее как Разрушителя

Я вздохнула. На этот раз, когда я обвела взглядом комнату, я увидела, что синие тени исчезли, и я поняла, что моя работа — по крайней мере, эта ее часть — закончена.

Мне пришла в голову мысль, как можно было выбраться отсюда. Я заслуживаю короткой передышки, подумала я. Если не окончательного завершения всего этого, то хотя бы перерыва!

В задней комнате дома я отмерила себе сто двадцать миллиграммов МДМА. По мнению психиатров, это обычная доза, оказывающая психотерапевтическое воздействие. Этот наркотик всегда восстанавливал мое душевное равновесие, чувство юмора и объективность. Он был старым, любимым моим другом.

Может, он вернет меня в нормальное состояние и вытащит из этого. Если и не вытащит, то уж, конечно, не навредит. Самое худшее, чего можно от него ожидать, — это интенсивность. Но я и без него испытываю сильные ощущения. В этом случае я просто стисну зубы часа на полтора и подожду, пока эффект не станет спадать. Со мной все будет в порядке. В любом случае, попробовать стоит.

Спустя час мои щеки снова были мокрыми от слез, но на этот раз это были слезы облегчения. Мой внешний и внутренний мир возвращался в расслабленное, дружественное нормальное состояние, в котором проскальзывал даже юмор. Я все еще ощущала остаточное присутствие того, с чем мне пришлось иметь дело, но оно уже шло на убыль и постепенно исчезало. В первый раз за три долгих дня я смогла подойти к окну и взглянуть на гору, на ее вершину, окутанную дождевыми облаками, и почувствовать, что в душе у меня мир и покой.

Спасибо Тебе, Господи, спасибо тебе, кто бы Ты ни был. Спасибо.

Когда Шура вернулся домой из университета, я рассказала ему об эффекте, который оказал на меня МДМА. Я умолчала о личинке на дне колодца и о судье-палаче. Это могло подождать до другого раза. Шура ел простенький обед, который я для него приготовила, слушал мой рассказ и поглаживал меня по руке, откладывая на время вилку. А я извинялась перед ним за то, что стала так много думать о себе в последние несколько дней.

— Я знаю, что ты все понимаешь, к тому же обычно я так не поступаю, то есть не сосредоточиваюсь всецело на самой себе и не забываю обо всем остальном. Но сейчас я ничего не могу с этим поделать. У меня камень с души упадет, если я попрошу у тебя прощения и поблагодарю за то, что ты так добр и терпелив со мной.

— Без проблем, — откликнулся Шура. — Как я уже говорил, мне не кажется, что у тебя был выбор. Но мне известно, что ты склонна к самобичеванию, так что извиняйся, сколько захочешь! Делай все, что поможет тебе стать счастливой!

Шура вовремя убрал ногу, и это спасло его от удара.

Спать мы легли рано.

После недолгих манипуляций выяснилось, что мое тело по-прежнему не отвечает на Шурины ласки, но мы с ним оба знали, что отсутствие чувствительности может объясняться эффектом МДМА. Этот препарат был широко известен тем, что, позволяя человеку чувствовать взаимопонимание и любовь, в большинстве случаев не стимулировал сексуальное влечение.

Той ночью у меня впервые в жизни наступило просветление сознания во сне. Я была в полном сознании, чувствуя цельность своего «я» и понимая, что я сплю и грежу, но в то же время понимая и то, что мне предстоит узнать нечто важное. Я знала, что запомню то, что мне сейчас покажут, что после пробуждения смысл этого сна останется со мной.

Я видела перед собой верхнюю часть огромного витражного стекла. На нем был простой рисунок в виде лепестков, разделенный на два сегмента, верхний и нижний. Стекло в витраже было двух цветов — синего и зеленого. Верх витража был зеленым, а находившиеся ниже темной разделительной линии лепестки светились синим.

Пока я осматривала витраж, синий и зеленый начали спокойно перетекать через разделительную линию, пока, в конце концов, не поменялись местами. Я продолжала наблюдать, как они меняются местами снова, медленно, беззвучно. Каждый цвет просачивался через разделительную линию до тех пор, пока полностью не занимал место другого.

Я знала, что означает это перемещение. Два этих цвета — синий и зеленый — олицетворяли двойственную природу вселенной и человеческой души. Плюс и минус, мужское и женское, Инь и Ян. Такие цвета были специально подобраны для того, чтобы избежать любого намека на позитивные или негативные качества каждого из них. Древний символ Инь и Ян традиционно изображается половинкой черного и половинкой красного цвета. Если я увидела бы эти цвета, я бы соблазнилась сказать «да» одному и «нет» другому. Синий же и зеленый были в нравственном и духовном смысле нейтральны.

Урок был ясен: каждый из этих цветов равен второму и вовремя переходит на его место. Нужно принять обе стороны и не отвергать какую-нибудь одну из них, не закрываться от нее. Нужно позволить и синему, и зеленому учить себя. Можно предпочесть один из них, объединить себя с ним, если возникает подобная необходимость, но жить в мире нужно с обоими.

Это было простое выражение истины о сущности бытия, сознания и подсознания, внешнего и внутреннего мира. Я увидела необходимость согласиться с двойственностью всего сущего.

Я сказала, что мне будет трудновато это сделать, но я попытаюсь найти способ достичь этого. И добавила, что буду ценить любую помощь, откуда бы она ни приходила ко мне.

Я оставалась в сознании и, не переставая, следила взглядом за зеленым и синим, их непрекращающимся плавным переходом, пока не пришла пора просыпаться.

Впервые за четыре последних дня я открыла глаза с удовольствием. Я сообщила Шуре, что видела свой первый сон наяву и что это был удивительнейший опыт, о котором я собиралась рассказать ему за завтраком.

Я по-настоящему гордилась собой.

СРЕДА

Я чувствовала себя нормально, за исключением того, что уровень энергии у меня был выше обычного. Я залезла в свою машину и решила, что, хотя и не вернулась полностью в нормальное состояние, все-таки была близка к этому и могла рискнуть вести машину, по крайней мере, до торгового центра, который находился в нескольких кварталах от нашего дома.

Больше никаких проблем в тот день не было. Я наслаждалась своей свободой и ощущением здоровья в теле.

Ночью мы с Шурой занимались любовью. Секс успокоил нас обоих. Я не стала добиваться оргазма, потому что слишком устала. Я уверила Шуру в том, что его наслаждение доставило мне удовольствие, в котором я нуждалась, и поблагодарила его. Я не видела смысла в том, чтобы рассказывать ему, что мои гениталии по-прежнему ничего не чувствуют. Я убедила себя, что ощутила слабый ответ на ласки, что означало начало восстановления, и успокоилась на этом.

ЧЕТВЕРГ

Меня разбудил солнечный свет, льющийся сквозь шторы, которые совершенно не подходили для затемнения комнаты. Поэтому первое, что пришло мне в голову, была мысль о том, что, видит Бог, я должна заменить их портьерами и чем скорее, тем лучше. Я села на кровати и нашарила большим пальцем левой ноги выключатель одеяла с подогревом. Надев халат, я вспомнила, что мне снилось что-то счастливое и веселое, хотя я и не могла вспомнить, что конкретно.

Я уже дошла до двери, как тут меня осенило, что вчерашнее почти нормальное состояние исчезло и в действительности я вернулась на уровень плюс два.

Вчера мне просто дали выходной. Двадцатичетырехчасовой отдых. Чего я там просила — передышки? Именно это я и получила. Дерьмо — ДЕРЬМО!

Я оделась, почистила зубы и умылась горячей водой. С расческой в руке я повернулась к зеркалу и увидела в нем отражение женщины с густыми волнистыми волосами и понурым от обиды лицом.

Я решила не жаловаться Шуре хотя бы какое-то время. Разрезая на половинки грейпфрут на завтрак, я посмотрела на Шуру. Он сидел, отпивая кофе и читая газету. Внезапно я осознала, что открыта его сознанию и чувствам. Я очень отчетливо уловила интенсивную умственную деятельность (он всегда читал газету быстро, полностью сосредоточившись) и скрытый под ней поток чего-то такого, что я не смогла определить сразу. Мне потребовалась минута, чтобы понять, что это был спокойный, ровный поток раздражения.

Я подумала, с чего бы это Шуре раздражаться, но потом поняла, что это его обычное состояние по утрам; я просто впервые осознала это.

Я поставила тарелку с грейпфрутом на стол и, подождав, пока мы не закончим есть, осторожно заметила: «Между прочим, похоже, что сегодня утром во мне проснулись какие-то телепатические способности. Если я скажу тебе, что я уловила, ты мне скажешь, так это или нет?»

— Конечно! Давай-ка послушаем, — ответил Шура.

После того, как я поделилась с ним своими наблюдениями, подумав секунду, он сказал: «Да, очень похоже на то, что имеет место, когда я читаю газету, — сосредоточенное мышление и скрытое под ним хроническое раздражение. Должен сказать, что ты попала в точку!»

— А на что ты постоянно раздражаешься? — спросила я.

Шура опять помолчал для начала, а потом сказал: «Главным образом, на себя самого. На все, что я хочу сделать и не делаю». пожав плечами, он добавил: «Обычное дело, ты же понимаешь».

Я улыбнулась, думая о том, что, находясь в обычном состоянии, не добилась бы таких успехов.

На Шурином лице было написано ожидание объяснений.

Я сказала лишь следующее: «Кажется, я вернулась обратно туда, где была. Думаю, вчера был просто небольшой перерыв. Сейчас я начинаю чувствовать себя так, будто у меня уже большой стаж по нахождению в том месте».

Сегодня хотя бы слезы не лились, к моему облегчению. Я также заметила, что охватившее меня после утреннего подъема чувство предательства исчезло, а вместо него появилось сдержанное чувство юмора.

В четверг Шура тоже преподавал в университете, и, кроме того, сегодня у него был вечер в «Клубе Филинов». Он играл на альте в клубном оркестре, и я одобряла этот еженедельный ритуал хотя бы по той причине, что он поддерживал Шурины навыки игры на музыкальном инструменте. К моему сожалению, за долгие годы он постепенно перестал играть на пианино, потому что, как ответил он мне, когда я спросила его об этом, нужно было столько всего другого делать. Зато, пока он оставался членом «Клуба Филинов», его способностям к игре на альте ничего не угрожало.

Когда Шура должен был уходить, он спросил меня: «С тобой все будет в порядке? Или будет лучше, если я пропущу вечер в клубе и приеду домой после работы?»

Я повторила, что уже привыкла к этому состоянию и что он получит удовольствие от посещения клуба. Мы сошлись на том, что он позвонит мне после занятий — до того, как поедет в Сан-Франциско, чтобы удостовериться, что мне не требуется его помощь.

После того, как Шура ушел с папкой бумаг для занятий в одной руке и с футляром, где лежал его альт, в другой, я налила себе новую чашку кофе и уселась на диване, прихватив с собой сигареты.

Зазвонил телефон. Это была Рут. Я сказала ей, что страдаю от жуткого насморка и попросила простить меня за то, что не смогу поговорить с ней сегодня. Я пообещала, что вскоре перезвоню ей, может быть, даже завтра, когда самая острая боль пройдет. Рут немедленно преисполнилась сострадания ко мне; я чувствовала ее тревогу и сочувствие через телефонные провода и знала, что они были абсолютно искренни и свойственны личности Рут. Я положила трубку, переполненная любовью к этой женщине и благодарностью за ее способность принимать меня даже тогда, когда порой она находила меня не совсем понятной.

Потоки мыслей вновь вернулись ко мне, но теперь мне стало легче отслеживать их, чем раньше; казалось, их течение немного замедлилось.

Кто-то сказал, что функция — или одна из главных функций — сознания заключается в том, чтобы подавлять все, что происходит в подсознании, ставить этому барьер; вот почему мы называем сознание фильтром, который не дает мне испытывать то, что я испытываю на подсознательном уровне, — захлестывающий поток активной деятельности в разуме и душе. Трудно жить обычной жизнью, когда все это вторгается в сознание.

Я подумала, смогу ли доехать на своей машине до Беркли.

Я позвонила Адаму и, когда он сказал, что свободен после полудня, сказала ему: «Я собираюсь попробовать добраться до твоего дома. Если я почувствую себя неуверенно на дороге, я вернусь сюда и позвоню тебе».

— Будь осторожна, — посоветовал он.

Пока я медленно ехала по Бородин-роуд, направляясь к автостраде, я внимательно смотрела по сторонам, выискивая глазами все, что могло помешать или подвергнуть опасности мой маленький «Фольксваген». Я переключала передачи, нажимала на сцепление или на тормоза автоматически; видимо, навыки управления автомобилем остались не затронуты психическим процессом. Но мой разум по-прежнему был переполнен мыслями, а перемена обстановки еще больше усилила наблюдения и образы, которые проносились у меня в голове с невиданной скоростью.

Проехав полдороги, я увидела на холме ряды ульев, стоявших под фруктовыми деревьями наших соседей, и обнаружила, что размышляю о древнем, мифическом отношении пчел к архетипу Богини-Земли. Я видела фигуры мужчин и женщин, живших тысячи лет назад. Они договаривались с пчелами — и, таким образом, с Богиней, — строя ульи для пчелиного роя, передвигая их при необходимости, чтобы пчелы комфортно чувствовали себя при смене сезонов. А взамен они получали золотое сокровище, в названии которого отражалась сладость. Потом в моем воображении появилось открытое пространство между деревянными перекладинами под полом в нашей столовой, где рождались и иногда умирали целые поколения любимых мною опоссумов. Я увидела маленькие подвальные помещения — первый, второй и третий подвалы. Это была территория наших двух независимых кошек, которую они охраняли от посягательства любопытных енотов. Мой взгляд переместился на полые деревянные опоры, выходившие наружу из первого подвала. Год за годом сюда возвращался пчелиный рой, устраиваясь здесь жить. Пчелы строили свои ульи внутри опор. После нескольких тщетных попыток с привлечением друзей и использованием защитной одежды и дыма, сопровождавшихся громким нервным смехом, мы отказались от мысли раз и навсегда прогнать пчел. Я помню, как однажды наши пчелы поднялись в воздух всем роем. Пчелиное облако поднялось над крышей, и я пропела единственную ноту, которую они жужжали, и бросилась в дом, чтобы проиграть ее на пианино. Это была нота «ля». Так что пчелы роятся, издавая ноту «ля», сообщила я Шуре той ночью. По крайней мере, поправилась я, наши пчелы.

Когда впереди показался почтовый ящик, стоявший в конце нашей дороги, я осознала, что мы с Шурой сохранили гармоничные отношения с Богиней-Землей, позволив животным и насекомым, устроившимся у нас в подвале, жить своей жизнью. И вынужденные принимать случавшуюся время от времени смерть этих созданий, мы сознательно или бессознательно сохраняли связь с разрушающей и несущей гибель стороной Великой Матери и тем самым признавали эту сторону.

Когда в подвале, особенно летом, умирает какая-нибудь зверушка, тут невозможно ошибиться! Ужасный запах стоит в доме неделями. «Ну, посмотри на это дело с другой точки зрения, — обычно призывает меня Шура в таких случаях. — Это напоминает нам, что Природа бывает не только романтичной и сентиментальной, не так ли?»

Бородин-роуд — улица короткая, самое большее — полминуты езды на машине. Поэтому очень скоро я достигла выезда на шоссе. Тщательно проверив свое состояние, я пришла к выводу, что смогу добраться до Беркли только в том случае, если буду осознавать все, что делаю я сама, и как едут другие машины. Я отправила мысленную телеграмму тому, кто мог сойти за моего ангела-хранителя, попросив его оберегать меня, и влилась в поток машин.

Оказавшись на шоссе, я сосредоточилась на мысли о том, что, как я знала, было абсолютно необходимым условием выживания, — веди аккуратно и на все обращай внимание. Идеи и концепции продолжали возникать у меня в голове, но теперь беззвучно, как музыка в радиоприемнике с выключенным звуком.

Без всякого удивления я заметила, что, похоже, могу уловить общее психическое состояние любого водителя, проезжавшего рядом со мной. Я чувствовала короткие вспышки чужих эмоций,

сменявших друг друга, — нетерпение, смирение, раздражение, а в одном случае почти сумасшедшее счастье.

Мне вдруг пришло в голову, что, возможно, и я довольно сильно транслирую вовне свое психическое состояние. Было бы неплохо попрактиковаться в «отключении». Знать бы только, как это делается. Спустя какое-то время я поняла, что проблем у меня не было: все остальные водители были заняты собственными мыслями, так что никто не бросал в мою сторону обеспокоенных или любопытных взглядов. Я стала чувствовать себя не так тревожно. Наконец, я поняла, что, если перестану намеренно улавливать эмоции других людей и вместо этого сосредоточусь на самой себе, на своей машине и лежащей впереди дороге, то сведу риск — реальный и воображаемый — к минимуму.

Лишь один раз я ощутила страх. Когда я ехала по наклонному съезду с автомагистрали, в зеркало заднего вида я увидела на левой полосе мужчину, который вел тяжелую серебристую американскую машину. Он мчался на большой скорости. У него было поразительное выражение лица, отражавшее смесь крайнего возбуждения и злорадства. Он улыбался самому себе. Когда его машина поравнялась с моей, я поймала психический импульс сидевшего за рулем мужчины, — сильный и хищный, он был похож на акулу. Я мельком взглянула на его профиль и отвернулась.

Пусть стены твоего замка будут неприступными, а мост через ров поднят. Не вступай в психический контакт. Этот человек опасен. Снизь скорость и позволь ему обогнать тебя.

Когда он наконец-то исчез из вида, я осознала, что даже дыхание задержала. Я медленно выдохнула.

О Боже! Что ЭТО был за человек?

Мне потребовалось время, чтобы окончательно стряхнуть прилипший ко мне след тьмы, который оставила после себя серебристая машина.

Через двадцать минут я уже стучалась в дверь небольшого дома Адама. Он знаком предложил мне войти, а потом заключил меня в свои объятия, которыми он славился в нашем дружеском кругу. Несомненно, эта слава была заслуженной, потому что его объятия всегда дарили энергию, силу и говорили о глубоком принятии другого человека. Я часто повторяла Адаму, что у него были самые притягательные объятия во всей Северной Америке; человеку, которого он обнимал, требовалось собрать в кулак всю свою волю, чтобы разомкнуть его руки. Обычно на эти мои слова Адам смеялся и нежно похлопывал меня по щеке. Однажды он сказал: «Ну, я считаю хорошие объятия одной из немногих оставшихся у меня чувственных привилегий!»

Я знала, что в действительности Адам использовал объятия с той же целью, с какой использовала их я сама. Крепкие объятия нужны были не только для того, чтобы поприветствовать друга, но и установить связь с сокровенной его частью, почувствовать его эмоциональное и духовное состояние. Эта информация шла не через руки; она передавалась от одного солнечного сплетения к другому. Крепкие дружеские объятия — это единственный приемлемый с социальной точки зрения способ приблизиться к телу человека, который не является твоим любовником.

Я села на старый коричневый кожаный диван Адама и хранила молчание, пока он устраивал магнитофон на низком столике передо мной. «Все в порядке, — сказал Адам, усаживаясь на стул. — Магнитофон начал записывать. Пленку я отдам тебе, когда будешь уходить. Теперь расскажи мне, что происходит».

Я начала свой рассказ.

Пока я очерчивала основные моменты последних нескольких дней, слезы снова хлынули у меня из глаз. Я извинилась перед Адамом и объяснила, что я рыдаю все время, и попросила не

обращать на это внимание. «Хорошо, не буду», — пообещал он.

Один раз он прервал меня, чтобы сказать следующее: «Видишь ли, без толку пытаться понять смысл того, что ты сейчас переживаешь, поскольку все выводы, к которым ты приходишь, возможно, будут ошибочными. Перестань тратить время на теории. Просто описывай».

— Ладно, — сказала я, чувствуя замешательство, потому что я не совсем понимала, как смогу удержать себя от попыток что-то объяснить, понять и придать всем происходящему какую-то форму. Потом до меня дошло; Адам не хотел, чтобы я использовала свой интеллект для контроля всего этого беспорядка и, таким образом, рисковала подавить эмоции, которые было нужно пережить и от которых нужно было освободиться.

Адам сидел напротив меня, смотрел и слушал.

— Многое из того, что происходит, например, тот сон наяву — действительно экстраординарные вещи, — заключила я. — Если бы я испытала эти переживания во время эксперимента с галлюциногеном, я пришла бы в восторг и была бы благодарна, понимаешь? Но слишком много печальных и болезненных сторон бытия проносятся сквозь мое сознание, и хуже всего то, что временами мне кажется, что все это бессмысленно. Может быть, я просто настроена на это ощущение бессмысленности, от которого большинство людей страдают хотя бы раз в жизни, а также на отчаяние, приходящее вместе с отсутствием смысла Это хуже всего.

Адам кивнул.

— А для меня вообще нет никакого смысла переживать это, потому что, если я в чем-то и уверена, Адам, то это в том, чему меня научили галлюциногены, — в том, что все, даже самая последняя вещь во вселенной, в высшей степени обладает смыслом!

Я поделилась своим беспокойством за Шуру: «Он всегда помогает мне, дает мне любовь, поддержку и уверенность, но я волнуюсь, как бы он не вовлекся во все это, переживая за меня…»

— Ты не можешь это изменить, — сказал Адам твердо. — Невозможно любить и время от времени не разделять горе того человека, которого любишь; ты должна перестать пытаться защитить всех остальных. Любящие тебя люди будут пытаться помочь тебе, и они будут переживать за тебя так же, как переживала бы и ты, будь на их месте. И ты не хочешь, чтобы было по-другому, ты знаешь! Но ты можешь напомнить Шуре о том, что поможет ему удержаться в своих границах. Просто повтори ему то, что уже сказала мне, — где-то в глубине души я знаю, что все будет в порядке.

— Да, я уже говорила ему об этом. Думаю, что иногда могу повторять эти слова, чтобы напоминать ему.

— Хорошо.

— Адам, почему подобный процесс непременно должен быть таким тяжелым? Мне все время почему-то больно.

— Я не знаю, почему ты страдаешь, но я знаю, что это действительно так, — ответил Адам.

— Мне нужна помощь. Я просто не знаю, что делать со всем этим, куда идти. Что вообще от меня требуется делать!

— Я уже говорил тебе по телефону, — сказал Адам. — Это процесс, и единственное, что ты можешь делать, — пустить дело на самотек, то есть не пытаться управлять им или давать объяснения. Просто позволь ему быть и извлеки из него столько уроков, сколько сможешь.

Я услышала, как присвистывает дыхание у меня между зубами.

— Что бы это ни было, — продолжил Адам, — оно должно было случиться, и все, что ты можешь сделать прямо сейчас, — пережить это. Понимание придет позже. Может быть. Возможно, тебе никогда не удастся полностью понять происходящее, но верь мне, когда я

говорю тебе, что этот процесс необходим, иначе он бы вообще не случился. Не устраивай цензуры. Ты можешь лишь временно остановить его…

— При помощи МДМА, к примеру. Это сработало на какое-то время.

— Да. На время. Один выходной день, как ты сказала. Думаю, сейчас ты уже понимаешь, что этот процесс собирается выполнить свою цель, а ты можешь лишь следовать за ним и перестать растрачивать энергию на борьбу с ним.

Я немного помолчала, обдумывая то, что сказал мне Адам. Потом вздохнула и спросила у него: «Можно ли подобрать имя для этого…? Кроме слова «психоз», еще есть что-нибудь подходящее?»

— Конечно. Названий полно. И, между прочим, психоз в их число не входит. Название вообще не имеет значения.

— Но мне это поможет, Адам, название мне поможет — любое название! Но только правильное, разумеется, — поспешно добавила я. — Я могла бы зацепиться за него. Ко мне вернулась бы часть моей силы, сумей я назвать этот процесс.

— Идет. Если это тебе поможет, замечательно. Но не принимай эти названия всерьез, не позволяй им ограничивать твои переживания. Итак, давай придумаем название для этого процесса. Вот одно — духовный кризис.

Я расхохоталась: «Но, Адам, все вокруг — это духовный кризис! Сама жизнь — это сплошной духовный кризис!»

— Тем не менее, — улыбнулся Адам, — именно так это и называется, и это сущий ад. Это один из самых трудных моментов, через которые приходится проходить каждому, но однажды ты почувствуешь благодарность к нему. Ты будешь рада тому, что это с тобой случилось. Поверь мне. Я знаю.

Я высморкалась. Потом я окончательно вникла в смысл сказанных Адамом слов, подняла на него глаза и спросила: «А ты сам проходил когда-нибудь через что-то подобное?»

Он откинулся на стуле и помолчал секунду, прежде чем ответить: «Целых два года я переживал нечто очень похожее».

— О Боже, нет! Два года этого? Когда?

— О, это было со мной лет двадцать назад. Наверное, тогда
мне было лет пятьдесят с чем-то.

— Что случилось? Как ты из этого выбрался?

— Думаю, можно сказать, что я просто пережил это. Но был, по крайней мере, один момент, когда я бы, пожалуй, застрелился, будь у меня пистолет. Боль была невыносимая. Я чувствовал ее все время.

Я кивнула в знак понимания. «У тебя было к кому пойти, кто мог бы помочь тебе пройти через это?» — спросила я.

— Никого. В какой-то момент я пытался положить себя в
больницу для душевнобольных. Мне нужно было привезти одного
из своих пациентов в больницу в Сономе, и после того, как его у меня взяли, я оглянулся по сторонам и понял, что мне нужно побыть здесь так же, как это нужно ему. Так что я попросил, могу ли я остаться в больнице на пару дней. Мне отказали. Все равно мне бы не помогло.

Я показала мимикой, что сочувствую ему. «Сегодня я тоже думала об этом, — призналась я Адаму. — О том, как хорошо было бы спрятаться в безопасной тихой комнате в больнице или в каком-нибудь другом уединенном месте, где мне не нужно было бы общаться с кем-то еще или беспокоиться о том, что я причиню вред близкому человеку. И оставаться там, пока все это не закончится».

Адам кивнул и продолжил: «На самом деле, именно это я, в конце концов, и сделал. Я уехал

в один монастырь в горах, католический монастырь, и сказал тамошним монахам, что я еврей и что моя душа столкнулась с некоторыми проблемами. Поэтому я нуждался в изоляции до тех пор, пока мои проблемы не разрешатся. Я попросил их ненадолго приютить меня. Они приняли меня, дали мне чистую, уединенную комнатку, накормили простой вкусной едой и оставили в покое. Думаю, они приглядывали за мной, но не были назойливыми; они предоставили мне то, о чем я их просил. Это спасло мне жизнь».

— Сколько времени ты пробыл там?

— Около месяца, я думаю. Я потерял счет времени. Наверное, в этом я тоже нуждался. Я оставался там до тех пор, пока не почувствовал, что наконец-то начинаю выздоравливать. Психический шум начал стихать, и я вновь обрел способность жить, не чувствуя себя человеком, у которого кровоточит каждая пора.

— Как ужасно, что с тобой рядом не оказалось вот такого Адама Фишера, как в моем случае!

— Забавно, что в то время у меня был психоаналитик — Фил Вилкерсон…

Я улыбнулась. Д-р Вилкерсон был другом моего первого мужа. Он тоже работал по Юнгу.

— …Возвращаясь из больницы в Сономе, откуда меня выставили, я остановился на обочине дороги, и позвонил ему. У него не было Идеи Номер Один насчет происходящего со мной, — хихикнул Адам. — Правда в том, что никто не может как следует помочь тебе во время этого процесса. Это путешествие в одиночку, словно рождение и смерть.

— Но ведь ты очень помог мне, — запротестовала я. — Те несколько слов, которые ты сказал мне по телефону, были именно теми словами, которые мне требовалось услышать. Я даже не могу выразите как много это для меня значит, — поговорить с кем-то, кто знает, о чем идет речь.

— В точку. Лишь тот, кто сам побывал там и прошел через это, может чуть-чуть помочь. Бедняга Фил никогда там не был. Подозреваю, именно поэтому после всего, что случилось, я посвятил себя тому, чтобы быть здесь для людей, которые попадают в такое путешествие, чтобы дать им знать — они не одиноки. А еще — что они совсем не сумасшедшие.

Когда я уходила из маленького жилища Адама, где вдоль стен стояли полки с книгами и рукописями, а на полке над небольшим камином были выставлены фотографии детей и друзей, Адам достал из магнитофона кассету и вручил ее мне, сказав, чтобы я звонила ему в любое время и приезжала, когда потребуется. Он будет дома.

Мы молча обнялись на прощание.

Дорога домой не пугала меня и не казалась опасной. На западной стороне туннеля Кэлдикотт я попала в обычную для часа пик пробку. Пока я стояла в середине этой пробки, мне в голову пришла интересная мысль: если я постараюсь, то смогу на какой-то момент стать цельной личностью. Продвигаясь вперед со скоростью две мили в час вместе с остальными машинами, на секунду я ощутила мир. Я ощутила свой сильный центр и приняла все, что окружало меня, и что творилось у меня внутри. Краткий миг я чувствовала в себе колоссальную поющую энергию и нечто, по ощущениям похожее на свет, исходивший из меня чуть выше пупка.

Мой Наблюдатель напомнил мне, что мне не следует слишком долго отвлекаться от движения, пока я сидела за рулем.

Поздно вечером, когда Шура вернулся из клуба, я сказала ему, что мне удалось съездить в Беркли и повидаться с Адамом. Я пообещала Шуре рассказать ему о нашей беседе с Адамом, но не раньше завтрашнего утра.

В постели я, в конце концов, призналась, что по-прежнему ничего не чувствую, как деревянная кукла, на что Шура сказал, что, если это состояние сознания будет теперь у меня

постоянным, то нам придется перенаправить какую-то часть энергии обратно в нужные местечки. В какие именно он показал кончиками пальцев, на случай, если я забыла. Я рассмеялась и поцеловала его на ночь.

Когда мы улеглись на свои подушки, я открылась навстречу разным уровням Шуриных чувств. Сверху располагалось безмолвное беспокойство. Под ним я чувствовала постоянную боль, досаду, неуспокаивающееся смятение идей и эмоций. Я знала, что ради нас обоих он старается не очень прислушиваться ко всему этому. Под верхними слоями находилась безмятежность, уверенность в том, что все будет в порядке, в том, что это должно было со мной случиться и этот процесс как-нибудь разрешится. Я засыпала, настроившись на эти Шурины чувства.

Ранним утром я снова обнаружила, что нахожусь в сознании во время сна, понимая, что сплю и сейчас мне покажут то, что нужно будет усвоить. На этот раз я увидела две двери рядом в высокой стене. Одна дверь была красная, другая — желтая. Двери были еще одной формой, обозначающей Великую двойственность. Красный цвет слева медленно менялся местами с желтым, который был справа, а потом обратно. Я пришла в нетерпение от этого бесконечного зрелища и, в конце концов, сказала: «Это я уже проходила, если вы не против. Это начинает утомлять».

Двери продолжали обмениваться своей окраской.

Я вздохнула и мысленно обратилась к тому, кто мог управлять этим скучным сценарием. Я призналась, что еще не вполне знаю, как примирюсь с тем, что мне показывают, но действительно верю, что это было правдой, которую я должна принять и усвоить. Я пообещала, что не буду пытаться отложить этот урок или избежать его, и предложила — на этот раз с подобающим уважением и смирением — что, может быть, хватит. Может, мы могли бы посмотреть новый слайд? Пожалуйста.

На мой протест не обратили внимания. Урок продолжался, пока я не проснулась.

ПЯТНИЦА

Шура собрался на работу, пообещав, что вернется домой, как только сможет. Я сказала, что со мной все будет в порядке, что чувствую себя немного лучше: меня теперь меньше трясло на внутренних ухабах, а переживания стали не такими неистовыми. Может быть, они начали смягчаться. «Надеюсь, ты заметил, что сегодня у меня сухие щеки?» — спросила я.

— Ну, это здорово, но я люблю тебя всякую — и с мокрыми, и с сухими щеками! — ответил Шура.

Я улыбнулась ему, и мы поцеловались на прощание.

Большую часть дня я провела за писаниной. Дымка боли, окутывавшая меня, растаяла, а скорость потока мыслей снизилась и оставалась замедленной все время, пока я писала. Я намеревалась записать все подробности того, что испытала за прошедшую неделю. Я сделала лишь один перерыв, чтобы приготовить себе сэндвич с помидорами.

Вот что я написала:

«Два раза, когда мне снился сон наяву, мне показывали, что мое сопротивление разрушительной, убивающей стороне Великой двойственности должно измениться. Пока я еще не поняла до конца, что это означает. Надо ли мне принять лишь сам архетип, главную энергию, силу, или я должна научиться принимать все ее проявления, включая дурные и отвратительные.

Может, это вопрос понимания и согласия с основным правилом наличия противоположностей как необходимого для жизни — волны разбиваются о берег; поверхность

планеты постоянно обновляется благодаря землетрясениям; чтобы выжить, тело борется с бактериями и вирусами. Может, просто надо признать, что для продолжения жизни на всех уровнях — животном, человеческом, растительном — адаптация жизненно необходима, а она требует перемен, которые являются ответом на вызов?

На самом глубоком внутреннем уровне я могу согласиться с существованием враждебной и разрушительной силы как необходимой для самой жизни, но некоторые ее проявления, особенно в мире людей, по-прежнему кажутся мне пагубными, неправильными и неприемлемыми. Именно здесь у меня возникает серьезная проблема, потому что мой человеческий инстинкт говорит «нет» и я продолжаю противостоять всем сердцем и душой темным и ужасным, кажущимся бесконечными, порождениям рода человеческого.

Я не перестаю любить свою кошку, даже когда раз за разом вижу результаты игры, в которую она играет с мышью. Поскольку наши кошки живут на улице и они превосходные охотники, я часто вижу, как это происходит, потому что на этапе они загоняют мышей во двор под окнами столовой. А Шура объясняет мне, что, играя со своей жертвой, кошки оттачивают свои охотничьи навыки, и добавляет, почему это имеет смысл.

Кошка запрограммирована реализовывать свою силу в подобной форме. Очень может быть, что Природа сделала так, что эта игра приносит кошке эмоциональное удовлетворение — другими словами, кошка наслаждается собственной силой и страхом мыши. А все потому, что, не будь этого эмоционального удовлетворения, кошка могла и не проявлять активность. В итоге она могла бы утратить свое мастерство, что потенциально угрожало бы ее выживанию.

Но у меня возникают трудности с человеческой жестокостью, с удовольствием, которое испытывает один человек при виде боли и страха другого. Мне очень сложно поверить в то, что это идет на благо человеческой жизни, как в случае с животными. Кроме того, мне кажется, что людская жестокость вырастает не из естественной программы, нацеленной на выживание, а является результатом переживания беспомощности — когда ребенка вводит в заблуждение жестокость окружающих. Такое поведение характерно лишь для взрослых, которые отбирают силу у других людей. Они никогда не пытались развить в себе способность заботиться о ком-то и сопереживать.

На мой взгляд, весь ужасающий смысл ситуации, когда ребенок, с которым жестоко обращались в детстве, вырастает в жестокого взрослого, заключается в трагическом, извращенном, дурном искажении того, как должно быть на самом деле. А в действительности, разумеется, должно иметь место превращение ребенка в полноценного члена человеческой семьи. Я считаю это злом, когда один человек отнимает силу у другого человека, чтобы самоутвердиться. И я верю всем своим существом, что, когда я вхожу в этот мир в качестве человека, от меня требуется делать выбор, причем правильный, между темной и любящей, соглашающейся стороной собственной души. Этот выбор, сознательный и бессознательный, который нужно делать снова и снова — как в мелких повседневных делах, так и в важных, решающих поступках — это то, что придает мне неповторимую форму, то, что делает меня той личностью, которой я являюсь, и, в конечном счете, как я надеюсь, личностью, которой я хочу быть.

Может быть, от меня требуется продолжать делать выбор, но не отвергая темную сторону человеческой души и не пытаясь с ней бороться?

Я должна поработать с этим на всех уровнях своей психики. От меня ждут, что я постигну истину, как в полной мере сделало это во сне мое внутреннее «я». Но сначала мне нужно будет точно установить, с чем меня побуждают примириться — с самим только архетипом или с архетипом и со всеми его проявлениями».

В полдень с чашкой чая я села за стол в столовой. Мое внимание привлек корешок одной

толстой книги. Это был старый друг, друг детства — сборник сказок. Большинство страниц у этой книги выпадало из порвавшегося переплета. Я взяла книгу с полки и стала листать ее, пока не нашла сказку «Красавица и чудовище».

Я прочла эту сказку так, словно в первый раз.

Чудовище остается чудовищем до тех пор, пока его не полюбят и не примут, — зеленую чешую, клыки и все прочее; лишь после этого безобразное существо превращается в принца. Моя личинка и все остальные, похороненные глубоко внутри темные образы самой себя — это и есть Чудовище. Их нужно открыть, ввести в сознание и дать им почувствовать сострадание и любовь, как Красавица полюбила свое Чудовище и стала заботиться о нем. Потом — но не вдруг, как в волшебной сказке, а постепенно — начнутся изменения, и Чудовище станет — кем? — тем, кто выжил, хранителем, сильной частью тебя, не ощущающей страха. Союзником.

Значит, во всех старых сказках скрыт один и тот же глубокий смысл? Значит, они рассказывают о путешествии человеческой души к завершению, о борьбе, помогающей достичь целостности? Неужели все сказки рождались как духовные поучительные истории, подобно суфийским притчам на Востоке?

Следующие несколько часов я провела, перечитывая сказки. Я воспринимала их в свете собственных переживаний, связанных с Тенью, и чувствовала возрастающее восхищение по отношению к смельчакам и мудрецам, изначально создавшим эти истории. В этих историях, принявших форму сказок для детей, содержалась замаскированная духовная истина. Возможно, так получилось потому, что в то время всемогущая церковь присвоила себе право быть первым учителем в духовных делах, подкрепляя свои правила пытками и смертью.

Вечером мне преподали последний урок.

После ужина, когда Шура пошел к себе в кабинет, чтобы проверить, как работает его новый компьютер, я включила телевизор. По девятому каналу шел документальный фильм. Его сняла выдающаяся супружеская пара, Алан и Джоан Рут. Они жили в Кении. Два года они наблюдали за спариванием и началом семейной жизни двух птиц с похожими на крюк клювами. Мудрость, обнаруживающая себя в инстинктивной деятельности птиц и, впоследствии, их птенцов, поразила меня с небывалой силой. У меня появилось стойкое, почти ощутимое впечатление огромного ума, находившегося за той моделью поведения, которой следовали эти прекрасные пернатые создания.

Я постепенно начинала осознавать и кое-что еще — неизмеримую любовь, пронизывающую все, что происходило на земле. Не ту любовь, знакомую нам как людям, а любовь как утверждение и жизни, и смерти без сентиментальности или сожаления. Любовь как ответ «да» всему сущему.

Я опять заплакала. На этот раз причиной слез стала тайна и огромная радость, которая текла внутри меня беззвучным потоком.

Документальный фильм продолжился новым эпизодом. В нем рассказывалось о годичной миграции крупных коричневых созданий. Это были антилопы гну. Камера показывала, как тысячи антилоп, пересекавших желтые африканские равнины, боровшихся с быстрым течением широкой реки, возвращались к себе домой. При этом в пути тонули и умирали от истощения сотни антилоп.

Загипнотизированная, я смотрела на экран, где антилопы мчались по сухой траве, с громким шумом переплывали реки. Огромное стадо было снято с маленького самолета, летевшего над антилопами. На фоне желтой травы бегущие животные казались раскидистым коричневым деревом с тремя ветвями. Внезапно я поняла, что это было отражение целостности, единения тысяч антилоп. Я видела душу этого стада. Я вновь почувствовала форму сознания, которую не с чем было сравнить в мире людей. Это было очень мощное, непреклонное

движение всех элементов в необходимом направлении. Смотреть на это было не слишком приятно. Я не чувствовала любви к этому явлению, лишь глубокое уважение и благоговейный страх.

Камера спустилась на землю, снимая переплывавших через реку антилоп. В это время Руты стали снимать большую труппу умирающих животных. Обессиленные, изможденные, они лежали на берегу реки наполовину в воде, головы безжизненно повисли, ноги переплелись. Алан Рут перешел реку вброд и приблизился к мертвым и умирающим антилопам и стал убеждать одного молодого самца бежать дальше через реку. У животного не было ни малейшего желания этого делать; было очевидно, что антилопа медленно и без страха умирает. Она не хотела возвращаться к жизни.

Мне показали привлекательность, соблазнительность этого состояния, когда бросаешь сопротивляться, перестаешь бороться и растворяешься в мире.

Где-то в глубине моей собственной психики есть такая же тяга к смерти, это потенциальное стремление бросить все, отказаться от усилий, которые предполагает жизнь. Я вижу желание смерти там — на берегу реки в Африке. Все живые существа, в конце концов, к этому приходят и испытывают желание остановиться, прекратить пытаться, бросить все и спокойно уплыть в окончательный сон. Это подспудное желание есть в каждом из нас, и человек должен прогонять его, не позволять ему взять верх, если он хочет продолжать жить. Но людям, как и животным, порой очень трудно это сделать, если страдать приходится слишком долго, а физическое истощение иссушило волю.

Общности антилоп не было дела до смерти некоторых ее клеток. Такая потеря была неотъемлемой частью движения из одного в другое место и отсеивала слабых. Стадо в целом обязательно выживет.

Фильм закончился, а я лежала, свернувшись клубочком, на диване, обдумывая увиденное. В комнату вошел Шура и уселся в большое кресло.

— Как ты себя чувствуешь, прелесть моя? — спросил он. Я сказала, что мое состояние постоянно меняется и что я только что пережила необычный опыт, когда увидела по телевизору нечто невероятно пугающее.

— У меня есть одна идея, которую я хочу предложить тебе. Скажи, как ты к этому относишься? — сказал Шура.

— Нормально, что за идея? — улыбнулась я.

— Ты же знаешь, что старый добрый 2С-Б всегда связывает тебя с твоим телом и объединяет психический мир с физическим.

Я кивнула.

— Здесь есть риск, — сказал Шура. — Но мне кажется, если тебе представится возможность напомнить своему телу, как оно нормально функционирует, может, это поможет тебе вернуть все в сбалансированное состояние, собрать разрозненные части самой себя вместе. Работай и через тело, и через сознание. К тому же, в конце концов, 2С-Б знаком тебе, это старый наш друг. Что ты думаешь насчет этого предложения — просто чтобы посмотреть, что будет? Конечно, — быстро добавил Шура, — само собой разумеется, что мы прислушаемся к малейшим твоим колебаниям или беспокойству. Прислушайся к своим инстинктам.

Я улыбнулась и сказала: «Похоже, это замечательная идея. Я не вижу, как я могу пострадать от этого. Самое худшее, что может случиться, — это отсутствие особенного эффекта. В этом случае все останется на своих местах. Но если воздействие будет, то, должна сказать, я больше чем готова вернуться в нормальное состояние — и это еще слабо сказано!»

Каждый из нас принял по двадцать пять миллиграммов 2С-Б, после чего мы легли на нашу широкую кровать. Шура нашел музыку Леонарда Бернштайна на радио, и мы начали ласкать

друг друга.

Два часа спустя мы все еще занимались любовью. В спальне было тепло, и мы вспотели. Я снова кричала, теперь с благодарностью, потому что испытывала знакомое возбуждение и реагировала на Шурины ласки. Четыре часа мы любили друг друга и разговаривали, иногда вставая с постели, чтобы сходить в туалет или съесть апельсин. Я чувствовала себя целой и наполненной радостью. Я сказала Шуре, что он на самом деле был очень мудрым. Спасибо тебе, мой хороший, спасибо.

Я вышла на улицу и увидела, что гора Дьябло стала тем, чем всегда была для меня раньше, — органичным элементом природы, частью которой были и люди. Я снова могла любить ее, хотя гора и не могла ответить мне тем же.

Шура повез меня обедать в наш любимый мексиканский ресторан, чтобы отпраздновать мое возвращение в обычный мир. Мы выпили за загадки человеческого разума, за жизнь как таковую и за чудесный мир нормального и обычного.

Было невыразимо здорово вернуться назад.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Шура принял сорок миллиграммов ДЕСОКСИ — дозу, которую он дал мне ровно неделю назад. Он сказал, что для него эта доза оказалась совершенно неактивной.

ПОЛГОДА СПУСТЯ

Одним воскресным утром я убедила Шуру снова дать мне сорок миллиграммов ДЕСОКСИ. Я уверена, сказала я ему, что на этот раз наркотик не окажет на меня воздействия, как не оказал на него.

Я была права. Я ничего не почувствовала.

СУББОТА

Когда я проснулась, я была сама собой. Я вернулась в обычное состояние и знала, что теперь останусь в нем. Как и обещал Адам, процесс завершился к концу недели. Я позвонила ему, чтобы сказать, что все произошло так, как он и предсказывал, и еще раз его поблагодарила. Он рассмеялся и сказал, что, конечно, он счастлив приписать себе честь, если что-нибудь хорошо кончается, независимо оттого, был он тому причиной или нет. «Vaya con Dios (Иди с богом), дорогая моя», — пожелал он мне.

Глава 39. Данте, Джинджер и Господь Бог (Голос Элис)

Из всей нашей исследовательской группы лучшие отчеты об экспериментах писал Данте. Его отчеты были длинными, подробными и абсолютно правдивыми. Джинджер часто присылала нам собственные отчеты в одном конверте с отчетами Данте. Настроение ее отчетов всегда напоминало ее саму: в них звучали энтузиазм, оживленность и привязанность к земле. Но когда она бывала занята домашними делами или гостями, она ограничивалась коротенькими приписками к отпечатанным сообщениям Данте. Мы благодарили ее за все послания, за подробные и не очень, учитывая то, как тяжело было им без остальной группы. По крайней мере, до того момента, когда Джордж не заимел собственный «Макинтош» и не обнаружил, как забавно было писать отчеты на компьютере. Особенно ему понравилось иллюстрировать их маленькими картинками и подходящими символами.

У Данте и Джинджер были собственные запасы психоделиков. Они проводили эксперименты в пустынном высокогорье между городком Голд-Три и их любимым местом для пешеходных прогулок — горой Уитни. За долгие годы они собрали собственную группу охотников до путешествий. Многие из них жили в Лос-Анджелесе и, приезжая на очередной эксперимент, оставались в доме Данте и Джинджер на все выходные. Поэтому Джинджер уже не могла рисовать так часто, как ей этого хотелось.

Наконец, она приняла твердое решение и убедила Данте в том, чтобы групповые эксперименты проводились не чаще одного раза в месяц. Как потом признался нам Данте, им следовало принять это решение уже давно, потому что он почувствовал, что начал уставать, да и Джинджер нужно было несколько часов для готовки и побольше времени для студии. В конце концов, с гордостью сказал Данте, ее потрясающие пейзажные акварели начали привлекать внимание внешнего мира!

Часто их эксперименты, в которых принимали участие их друзья, превращались в терапевтические сеансы. И Данте, и Джинджер неплохо научились управлять случавшимися порой психологическими прорывами и неизбежными, бросавшими вызов сюрпризами.

Мы с Шурой ездили в Голд-Три раз или два в год, обычно в компании с Дэвидом и Клоузами. В восхитительном большом доме Сэндемэнов могли разместиться человек пять-шесть гостей, если учесть пол в гостиной и самое любимое место летом — наружную террасу. Когда на небе светила полная луна, а койоты громко выли у подножия гор, погруженная в темноту терраса обретала неповторимое очарование. Единственная сложность заключалась в том, что, когда мы устраивались на террасе, у нас слипались глаза и мы погружались в сон. Однажды в мае, где-то в восьмидесятых годах, Данте прислал нам отчет о сложном и довольно необычном эксперименте с наркотиком, который после нескольких испытаний они с Джинджер сочли очень дружелюбным и вызывающим прозрения. Он называется 2С-Т-7. Я включила этот отчет в книгу, потому что была глубоко тронута им, когда прочла его впервые. Он до сих пор волнует меня. Я бы оценила этот эксперимент на плюс четыре.

«Прекрасное майское утро. Я сижу в парке в центре Голд-Три. Я пришел на свое любимое место — парковую скамейку под огромным тополем. Поблизости протекает ручей, я наслаждаюсь бесконечным бормотанием воды, пробирающейся между камней на дне ручья. Есть что-то магическое в том, как легкий ветерок колышет ветви деревьев. Год начался недавно, поэтому воздух еще приятен, а ветер — свежий и ласкающий. Море зеленой травы и колышущиеся в солнечном свете листья заставляют присесть здесь, в этом чудесном месте, и хорошо подумать.

И я должен подумать о последних напряженных выходных. Не знаю, возможно ли адекватно

описать все, что произошло, — споры и разговоры, полет мысли, огорчение и угнетение, вызванные очевидно непримиримыми точками зрения, и то, что остается после всего этого. Как описать то, что остается? Этот потрясающий проблеск внутри моего существа, воспоминание о прикосновении самой к совершенному Присутствию женского начала, какое только можно вообразить, прикосновение, заставившее доброту, красоту, нежность и любовь отразиться от всего, что окружает меня, от всего, что я вижу. И удивление, величие Тайны, создавшей эту вселенную, наделенную волшебным Присутствием этой Тайны.

Сколько будет продолжаться это долгое, восхитительное ощущение того, что я живой, что проник туда, где под покровом прячется красота и чудеса небесных сфер? Это не важно. Можно испытывать лишь благодарность за этот пусть даже всего лишь проблеск того, что существует для тех, кто способен открыться этому.

Расскажу о том, что случилось. Чарльз [друг Сэндемэнов, студент, изучавший историю Азии и написавший несколько книг по этой теме] и Гленн [инженер] приехали в пятницу. Мы не виделись много месяцев, и нам было что рассказать друг другу, обсудить последние дела наших общих друзей и собственное растущее понимание того, чем занимались мы сами.

К нашим непрекращающимся разговорам добавились три укрепляющих экскурсии в горы. Мы с удовольствием размялись и ужаснулись грандиозности высокого гранитного лика Сьерр. Это особенно приятно — наслаждаться красотой высокогорья в компании хороших друзей. К тому же прогулка стимулирует беседу.

Мы все считаем себя искателями Бога. Вместе с тем у нас совершенно разные взгляды на суть постижения Бога и на процесс этого постижения. Для Гленна Бог находится слишком далеко, поэтому непосредственный контакт с Ним невозможен. Лишь покинув этот порочный и переполненный болью мир, говорит он, человек может надеяться вдохнуть атмосферу Божественного.

Чарльз придерживается того взгляда, что зло и порочность мира слишком велики, чтобы быть результатом наших собственных деяний. Он считает темные силы творением рук полубогов или демиурга, невежественного и жадного до власти создателя, наславшего темноту на человечество. Поэтому мы не должны чувствовать себя виноватыми за все проблемы в мире, поскольку здесь нет нашей вины. Чарльз говорит, что, постигнув нашу истинную природу и прибегнув к божественной поддержке, мы сможем освободиться от деяний демиурга и помогающих ему архонтов.

На мой взгляд, Бог повсюду, Он сущность всего сущего, Он «так же близок, как рука и нога». Он ждет, когда сможет к нам присоединиться. Произойдет это сразу же после того, как Его пригласят. Ибо Он никогда не нарушит установленный Им закон свободной воли. Наша задача состоит в том, чтобы развивать свое сознание и понимание, чтобы открыть себя. Возможно, это позволит нам слиться воедино с Божественным, стать партнерами, каналами, по которым Божественное проникнет в мир. И будет проникать до тех пор, пока, в конце концов, человек полностью не сольется с Ним, как учили великие мистики, и не будет разделения между Богом и человеком.

Я считаю, что Карл Юнг наиболее правильно понимал человеческую психику. То, что стоит на пути слияния с нашим внутренним «я» (если отвлечься от нашего сопротивления и остальных причин), в результате которого нам открывается наша суть, — это Тень. Если говорить упрощенно, Тень состоит из всего того, что мы подавляем и не пускаем в свое сознание. Большинству из нас не понравится перспектива встретиться со всем этим, так что чаще всего мы активно избегаем подобной встречи. По-моему, этим фактом без труда можно объяснить большую часть противоречий в мире.

Основываясь на своем личном опыте, могу сказать, что встреча и примирение с Тенью

вызывает стремительное развитие, приносит понимание, освобождает от бессознательных сил, а также позволяет использовать ту энергию, которая прежде была связана с подавляемым материалом. С этим освобождением активизируются все наши функции.

Мой дорогой друг Гленн не видит никакой необходимости в том, чтобы искать встречи с Тенью, и не считает нужным психологическое понимание, которое несет с собой эта встреча. Он говорит, что нужно лишь твердо придерживаться нашего ощущения Божественного, и все будет хорошо.

Соглашаясь с Чарльзом в том, что наш мир находится в ужасном состоянии и что спасать его бесполезно, Гленн не уверен, что Чарльз абсолютно прав во всем остальном.

В тот вечер мы принялись за восхитительный обед, который Гленн приготовил для нас. Вскоре мы горячо заспорили. Мы спорили вплоть до того часа, когда пришла пора ложиться спать.

Я убедительно отстаивал свою позицию, привлекая свой личный опыт, чтобы подкрепить ее. Гленн был не менее красноречив, и твердо стоял на своем: Бог был слишком далеко, чтобы иметь какой-либо прямой контакт с людьми, и мы обретем Божественное лишь после того, как освободимся от проклятой неразберихи этого мира.

К моему немалому удивлению, Чарльз стал энергично поддерживать позицию Гленна по всем пунктам, критикуя меня за допущенные мною ошибки, за любовь, которую я питал к миру, и за мою веру в него.

Я пошел спать порядком огорченный. Наши разногласия были так серьезны и казались настолько непримиримыми, что я подумал, а сможем ли мы провести следующий день вместе под воздействием мощного химического вещества.

В ту ночь мне приснился ужасный кошмар, куда более насыщенный и реальный, чем любой сон, увиденный мною за последние многие годы. Я попал в какой-то отель. Все мои вещи были в моей комнате. Постояльцев отеля развлекала какая-то группа дружелюбных, коммуникабельных мужчин и женщин, изображавших пародии и зарабатывавших на этом деньги. Я вернулся к себе в комнату и обнаружил, что все мои вещи забрали актеры. Я хотел поднять тревогу, но они немедленно окружили меня и задержали. Мне сказали, что, если я не сделаю так, как скажут они, то буду подвергнут жестокому наказанию. Я почувствовал, что у меня нет другого выбора, кроме как подчиниться. Я был возмущен и постоянно напрягал свой ум, мысленно отыскивая способ освободиться и сообщить об этих людях. Но в любом случае они наносили мне ответный удар, и я терпел поражение. Я был беспомощен. Я был обречен провести остаток своей жизни, находясь в их власти и исполняя их волю.

Я проснулся под большим впечатлением от сна и погрузился в глубокую депрессию. Я подумал про себя, что никогда еще не проводил опыт с галлюциногеном в таком состоянии. Я должен был отказаться от предстоящего эксперимента. Я мог участвовать в нем лишь при условии, что смогу восстановить свой контакт с Богом и вернуться в хорошее расположение духа.

Я проснулся в четыре часа утра и лег обратно в постель, поддерживая тишину в своем сознании и приглашая Бога войти в него. Прошло много времени, но, в конце концов, знакомое Присутствие заявило о себе. С огромным облегчением я ответил ему, и меня стали поднимать все выше и выше, вытаскивая из депрессии. Мне стало ясно, что я мог участвовать в запланированном путешествии, в точности делая то, что делал сейчас, — мне нужно было полностью сосредоточиться на Боге и не обращать внимания на остальных и происходящее с ними.

Я поднялся в полседьмого утра, на полчаса раньше, чем планировал, чувствуя себя посвежевшим и с ясным сознанием. Я не стал ни с кем разговаривать и завершил свои

приготовления к путешествию.

Мы собрались в девять утра. Настрой у группы был превосходный. Мы с Джинджер приняли по двадцать миллиграммов 2С-Т-7, или Т-7, как мы сокращенно его называли; остальные приняли лишь по пятнадцать миллиграммов каждый, поскольку впервые сталкивались с этим препаратом.

Через полчаса или чуть больше мы все почувствовали воздействие наркотика. Спустя час оно становится довольно интенсивным. Я сижу на веранде и чувствую себя очень хорошо, закрыв глаза и углубившись в себя. Я сохраняю неподвижность. У меня такое ощущение, будто она способствует возрастанию энергии в моем теле. Я ограничиваю свои мысли, и энергия растет. Какое изумительное это ощущение, когда чудесная, неопределенная энергия разливается по всему телу. Я смотрю в небо, в его абсолютную голубизну, и меня наполняет удивление.

Чарльз начинает двигаться. Его тошнит. Внезапно он бросается вон. Это облегчит его состояние в каком-то смысле.

Гленн борется. Он говорит, что должен проглотить собственные слова, сказанные вчера. Он разрывается между тем, что кажется ему путем Чарльза и моим путем. Раньше он чувствовал, что меня соблазнила и поймала в свои сети красота мира. Это не позволяло вступить мне на путь истинный. Теперь он собственными глазами видел невероятную красоту природы, и уже не был больше уверен в том, что она лишь отвлекает внимание.

Из дома выходит Джинджер и объявляет, что она дала рождение вселенной Т-7 оказывает на нее фантастическое воздействие, и она чувствует себя прекрасно. Джинджер говорит, что, породив вселенную, она отпустила ее на волю и сказала ей, что предоставляет ее самой себе.

Это мое лучшее вхождение в измененное состояние сознания. Я безмерно наслаждаюсь самим собой, меня наполняет радость и огромная любовь. Я включаю запись «Мессы св. Цецилий» Гуно, и вскоре музыка захватывает и уносит меня. Я начинаю постигать новые высоты опыта, связанного с красотой, любовью и пониманием, и часто кричу низким голосом. Полностью отдаваясь этим сильным чувствам, переживаешь настоящий экстаз.

Я ощущаю, как меня отправляют в далекое, очень далекое прошлое — к самому Началу. Я не могу достичь четкого осознания, но внезапно понимаю, что все началось с Любви. Эта любовь настолько велика, настолько наполнена, что похожа на гигантских размеров печь с яростно бушующим пламенем, которое светит ярче любого солнца.

Неожиданно меня до самой сердцевины пронзает ощущение, похожее на проникновение пальца Господа Бога. Похоже, источник этого прикосновения имеет женскую природу. Я полностью захвачен этим глубоким проникновением и несколько минут неудержимо рыдаю, выплакивая всю свою боль и страхи и погружаясь в подлинный экстаз. Стоит мне почувствовать благодарность по отношению к этой красоте, меня снова что-то пронзает, и я продолжаю заливаться слезами.

Такое случается раз в жизни — лишь однажды человек чувствует прикосновение Бога, за которое можно умереть. Мне кажется, что это будет продолжаться вечно. Я чувствую, что полностью изменился.

Я прошу показать мне эту сущность в окружающих меня вещах, и в тот же миг все вокруг меня озаряется невыразимой красотой и любовью. Какое-то время я наслаждаюсь этим зрелищем, потом встаю и иду искать Джинджер. Мы сидим в одиночестве на террасе, и я прошу показать женское начало в ней. Мне открывается непередаваемая красота, находящаяся в Джинджер, она изумительно красива, и я переполнен любовью. Невозможно описать это удовлетворение и наполненность.

Чарльз чувствует себя лучше, и все вместе мы отправляемся на прогулку к моему любимому месту в горах. Мы сидим и пьем на природе. Джинджер рассказывает о своем восприятии

пейзажа, а я повсюду ощущаю прекрасное женское начало. Меня переполняет бесконечная благодарность за то, что это ощущение остается при мне.

Я отчетливо понимаю, что в каждом человеке столько Божественного, сколько он или она желает. Нужно лишь попросить. Еще никогда я не чувствовал настолько глубоко интимность Бога, Его близость, Его желание этой близости. Он ждал лишь нашего приглашения.

Мои предыдущие эксперименты с Шуриными соединениями находят основательное подтверждение. На свете могут быть и другие истины, но я очень ясно вижу, что моя задача заключается в том, чтобы глубоко исследовать интимные отношения человека и Бога. Остальные люди могут и будут заниматься другими делами, но я чувствую себя таким наполненным и считаю этот путь настолько экстатическим, что не вижу необходимости обдумывать прочие пути, по крайней мере, в том далеком будущем, которое я могу сейчас предвидеть. И Присутствие, ощущаемое мной, будет гореть во мне, словно пламя, и я буду бесконечно за это благодарен. (Записывая отчет через пять дней после эксперимента, я по-прежнему сильно чувствую это Присутствие и надеюсь, что оно никогда не исчезнет.)

Впервые в жизни, находясь на своей любимой скале, я не чувствую желания говорить о своих ощущениях, но мне нравится полностью отдаваться им. Послеполуденные и вечерние облака фантастически красивы, их замысловатый кружевной узор восхитителен так же, как знаменитые линзовидные формы, которые они часто принимают с подветренного склона гор. Наша близость и энергия достигают внушительных размеров, и мы все очень наслаждаемся экспериментом.

Физическое состояние Чарльза улучшилось по сравнению с тем, в каком он был по прибытии в горы. Будет очень любопытно посмотреть, как этот сеанс отразится на нем. Все участники сходятся на том, что этот препарат, 2С-Т-7, очень многообещающий и что нужно провести дальнейшее его испытание.

Что касается меня, я чувствую себя сильнее, чем когда-либо, связанным с целым другим уровнем, который, кажется, более чем свободно вливается в мою жизнь. Мои предыдущие эксперименты и системы ценностей, развитые мной на их основе, получают достаточное подтверждение. Мое доверие к ним возрастает, их логичность укрепляется, и вероятность того, что мною будут управлять какие-нибудь другие установки, снижается.

Страстное чувство свободы поднимается во мне, и я вспоминаю, что в основе гностицизма лежит право, если не долг каждого человека отыскивать свой собственный, уникальный путь к постижению Бога. И развивать свои неповторимые способности. Я обозреваю свою деятельность. Я доволен тем, что делаю.

Я чувствую, что могу отринуть самоосуждение, автоматически предполагающее мое заблуждение и правоту другого человека. Порицание самого себя порождает влекущее нас вниз чувство, которое замутняет ясность мышления и оценки. Я осчастливлен этой углубляющейся связью и буду сохранять ее живой так долго, как это только возможно.

С того дня я пребываю в поразительном состоянии. На следующий день после приема Т-7 у меня был рецидив, и я снова почувствовал утомление. На мой взгляд, если судить по глубине переживаний, в моем теле образовалось много побочных соединений, находившихся в связи с психической броней. Поэтому на их распад потребовалось несколько дней. На самом деле я нередко переживаю подъем скрытого на глубине материала, имеющего отношение к Тени, через несколько дней после хорошего, положительного эксперимента.

В течение двух последующих дней я был весьма доволен своим состоянием, внутренней ясностью, способностью четко думать и интенсивной энергией.

Сегодня, пять дней спустя, я нахожусь в состоянии, совершенно отличном от того, которое наступало у меня после предыдущих экспериментов. Поэтому я хочу документально

засвидетельствовать некоторые осознаваемые мной изменения:

1. Моя психика ощущает в себе больше ясности и свободы, чем прежде. У меня повысилась способность концентрироваться на каком-либо занятии и погружаться в него всей душой. Мне нравится выполнять домашние обязанности, чего раньше со мной не случалось, поскольку обычно я чувствовал, что время поджимает и что мне нужно было бы заняться чем-нибудь поважнее. Сейчас я очень хорошо осознаю, что, чем сильнее намерение, тем больше энергии мобилизуется на выполнение задачи.

2. В моем теле тоже больше ясности и свободы теперь. Я стал более подвижен, и приступы подагры стали гораздо реже. Прогулки на свежем воздухе доставляют мне огромное наслаждение.

3. Я избавился от импотенции. Эта проблема серьезно волновала меня, и впоследствии я понял, что полный спад сексуальной активности стал для меня источником очень сильного раздражения. Я точно не знал, чем была вызвана моя импотенция — возрастом, операцией на предстательной железе, которую я перенес несколько месяцев назад, или недовольством моей партнершей. Эксперимент с Т-7 разрешил эту ситуацию. Я перестал беспокоиться о своем возрасте, и наши отношения с Джинджер никогда еще не были так хороши.

4. Я чувствую себя в приподнятом настроении, в каком обычно нахожусь во время завершающей стадии экспериментов с галлюциногенами. Это настоящая перемена в сознании. Ощущение такое, словно я держу свою голову высоко над тревогами, которые обычно отвлекают меня. Но теперь я чувствую связь с энергиями более высокого уровня. Временами меня охватывает неожиданная эйфория, это поразительное чувство. Порой я вспоминаю приятные моменты детства, которые, как мне казалось, я начисто забыл. В свое время я установлю связь между происходящим в настоящем времени событием или мыслью и потоком положительных эмоций. Но сейчас эта связь уходит от меня, и это не важно.

5. Моя внутренняя энергия остается на более высоком уровне, чем когда-либо раньше. Мне очень это нравится.

6. Удивляюсь тому, насколько быстро могу менять свое эмоциональное состояние. Иногда, особенно во время утреннего пробуждения, прежнее чувство усталости и отягощенности возвращается ко мне. Я привык думать, что с этим неподъемным бременем нужно долго работать. Теперь я знаю, что это всего лишь чувства. Простым переключением внимания я могу избавиться от них и перейти в новое состояние. Аллилуйя!

7. Когда я замираю в неподвижности, то быстро перемещаюсь в трансцендентное пространство величайшей красоты и понимания. Пожелай я просто сидеть на одном месте и смотреть по сторонам с открытым сердцем, мне не было бы скучно. Я мог бы просидеть так несколько часов подряд. Однако я не собираюсь потакать себе. Есть дела, которые мне нужно закончить. Спасибо тебе, Шура, за эти препараты и за привилегию работать и развиваться под их воздействием».

Джинджер сделала свою приписку:

«Мы отлично провели время с нашими очаровательными гостями. Это был один из самых приятных, радостных, превосходных экспериментов в моей жизни Ощущения обострились невероятно — цвета, формы, запахи воспринимались гораздо интенсивнее, чем обычно. Спустя часа три-четыре после приема мы все вместе пошли в горы. Что это было, скажу я вам! Я видела самое потрясающее, самое сияющее зрелище. Земля была наполнена живой энергией, и можно было видеть, как деревья черпают из нее эту энергию. На соседском ранчо пасся скот, и вся эта картина дышала умиротворением и была похожа на настоящую пастораль. Чарльз не мог поверить, что такое может быть на самом деле. Гленн тоже был поражен. Мы могли видеть новое пространство вселенной, потому что наши глаза были широко открыты. Я осознавала

великую любовь, пропитывающую всю планету. По крайней мере, мы — или я — чувствовали это. Оттуда это выглядит потрясающе.

Я чувствую, что получила благословение, что была одарена невиданной милостью. Я продолжаю ощущать благодарность.

После пяти дней я все еще нахожусь в умиротворенном состоянии. Все, что я должна делать, — это напоминать себе, что нужно всего лишь выглянуть в окно и увидеть великолепие.

Люблю вас обоих и спасибо.

Джинджер

Прочитав письмо Данте и коротенькое дополнение Джинджер, я спросила у Данте, какие изменения, если таковые произошли, заметил он в Чарльзе и Гленне после эксперимента с 2C-T-7. Он сказал, что с нетерпением ждет приезда каждого из них. Это должно случиться в разные выходные в течение следующих двух месяцев. Данте обещал обо всем мне рассказать.

Глава 40. Смертность (Голос Шуры)

Я уже кратко описывал «Клуб Филинов» — объединение разнообразных джентльменов, которые встречались раз в неделю в центре Сан-Франциско в месте под названием Городской клуб. Уже больше ста лет члены этого клуба каждый год жили в лагере, находившемся в большом частном лесу в нескольких часах езды от Залива. Такие сборы имели место каждое лето и продолжались две недели.

Когда кто-нибудь спрашивает меня, что такого может делать человек в подобном лагере, что оправдывает трату двух недель, я честно говорю ему, что здесь человек может делать так много или так мало, как захочет. Он может активно общаться, а может уединиться и медитировать. Многие члены клуба приезжают сюда лишь на выходные, когда в лагере запланировано много мероприятий, начиная от концертов и театральных постановок и заканчивая бесконечными вечеринками с коктейлем и изысканным ужином. Другие живут здесь всю неделю, отдавая должное тому факту, что в будни они свободны от подобных мероприятий.

Лично для меня жизнь в этом лагере — это роскошное потакание самому себе. В моем случае это возможность эффективного омоложения в середине сумасшедшего года, когда только и делаешь, что получаешь и тратишь. Я никогда не страдал от недостатка занятий, претендующих на мое время, но почти все их можно отнести к разряду «я должен». А во время этого ежегодного лесного уединения я могу выбирать между квартетами Шуберта, закрученными детективами Рекса Стаута и многомильными прогулками на дальние расстояния. С формальной точки зрения омоложение означает, что ты снова становишься молодым. Однако дело не в том, чтобы повернуть жизненные процессы вспять. Мне нравится то, что я просто могу здесь расслабиться и восстановить силы, потраченные за первую половину года. Просто быть самим собой — вот все, о чем я прошу.

Интересная мысль вытекает из этой фразы — быть самим собой. Каждый из нас знает свой биологический возраст. Мы рождаемся в такой-то год, следовательно, точно знаем, сколько нам лет. Но этот возраст не соответствует тому возрасту, в котором мы себя можем ощущать. Спросите кого-нибудь, сколько ему лет, и в ответ вам назовут биологический возраст. Но потом спросите у этого человека, сколько лет он даст себе независимо от биологического возраста, а основываясь на своем стиле жизни, своих занятиях, мнениях. Почти в каждом случае вы получите искренний ответ. Человек может чувствовать себя на пять лет моложе, а может и на двадцать.

Еще одно наблюдение, которое можно сделать в связи с нашим «воображаемым возрастом», состоит в том, что он не меняется со временем. С каждым новым днем рождения биологически наше тело становится на год старше, но наше представление о самих себе остается прежним. Если вы считаете, что вам двадцать восемь лет, когда вам уже исполнилось тридцать пять, то, возможно, вы будете продолжать считать себя двадцативосьмилетним и тогда, когда вам стукнет сорок.

Каждый из нас пострадал от родительских придирок, которые чаще всего выражались в форме слов, хотя не исключено, что это мог быть просто неодобрительный взгляд, словно говорящий: «Почему ты не ведешь себя так, как ведут себя дети в твоем возрасте?» Пожалуй, при помощи этого замечания еще не удавалось изменить чье-либо поведение, но так говорят, когда хотят, чтобы представление ребенка о себе совпадало с его биологическим возрастом. «Ты уже взрослый мальчик» или «не мог бы ты вести себя взрослее?» Подобные упреки всегда требуют изменить поведение в сторону взрослости. Ко мне редко обращались с просьбами вроде «побудь снова маленьким» или говорили «почему бы тебе не позволить себе быть не таким

ответственным!»

Разумеется, умом я полностью осознаю, что мне за шестьдесят. Но во мне всегда жила невысказанная уверенность в том, что на самом деле мне сорок с чем-то. Может быть, сорок шесть, может, сорок восемь. Я смотрю на мир глазами, которые не могут видеть самих себя и поэтому не способны видеть и меня самого. И глаза, при помощи которых я вижу, и мир, открывающийся моему взору, странным образом запрограммированы отвечать мне так же, как делали это чуть раньше. Когда я ловлю свое отражение в витрине магазина, то замечаю, что во мне сразу же поднимается протест против того, что эта личность, чье отражение я вижу, на самом деле я. В действительности я не являюсь этим старым, морщинистым, пасмурным человеком с выпяченным животом. Да, разумеется, я знаю, что вижу в зеркале себя, но если бы вы узнали меня таким, каким знаю я себя, то увидели бы, что на самом деле я не тот, каким кажусь.

Тянущиеся на много миль тропинки в принадлежащем «Клубу Филинов» лесном заповеднике всегда предоставляли мне уникальную возможность. Уединенность и безопасность прогулок в лесу — это идеальное условие для изучения галлюциногена. Время от времени я совершал продолжительные прогулки с тем или иным приятелем, соглашавшимся провести несколько часов за разговором и обменом идеями не без помощи волшебного эликсира. Иногда целью эксперимента становилось решение какой-нибудь проблемы, попытка посмотреть на нее с другой точки зрения и, таким образом, отойти от привычных подходов. В другой раз прием психоделика был просто способом установить контакт, а затем углубить общение.

Пару лет назад один хороший мой друг, время от времени составлявший мне компанию в подобных прогулках, Люк, выразил желание походить и поговорить. Ну, подумал я, это может стать для него подходящей возможностью поработать с отдельными сторонами той проблемы со здоровьем, которая, как было мне известно, донимала его. Недавно он перенес операцию на локте. Операцию провели поспешно и недобросовестно, но Люк отказался от законной компенсации. Потом он с большой неохотой принимал помощь, оказавшись нетрудоспособным. Я предложил Люку принять по пятнадцать миллиграммов 2С-Е.[74] Поскольку этот препарат был ему знаком, он согласился, сказав, что, на его взгляд, мы дойдем до превосходного уровня.

На следующее утро мы пропустили завтрак, лишь выпили кофе, и в десять часов утра приняли препарат.

Прогулка по долине была спокойной и мирной. Из лагерей, мимо которых мы проходили, доносились звуки различной музыки: справа от нас звучал этюд Рахманинова, а слева мы услышали небольшой джаз-банд, игравший диксиленд. По пути мы постоянно слышали щелканье костяшек домино, перемежавшееся громкими взрывами пьяного смеха (некоторые лидеры нации предпочитали расслабляться рано поутру). Через несколько минут мы вышли на одну из тропинок; мы оставили веселые компании позади и отправились на прогулку по спокойной малолюдной местности.

Я обнаружил, что идти стало гораздо труднее, стоило нам выбраться из долины и двинуть в гору. Можно было безошибочно сказать, что 2С-Е начал действовать на нас обоих, однако, несмотря на то, что я хорошо отдохнул и был в хорошей физической форме, я почувствовал, что тяжело дышу. На протяжении следующего часа мы шли по одной из заброшенных тропинок, где когда-то случился пожар. Наверное, мы удалились на две полные мили от многолюдной долины. Теперь, к концу второго часа, наркотик действовал уже в полную силу, и окружающий мир стал казаться мне все мрачнее и отвратительней. Идти становилось все труднее и труднее, каждый шаг нужно было предварительно просчитать. Наконец, я сказал Люку: «Мне необходимо какое-то время посидеть и посмотреть, что происходит у меня внутри».

Мой спутник разглагольствовал о невероятных цветах деревьев, мхов, облаков и небес,

травы и вообще всего, что нас окружало. Он говорил, что над всеми другими цветами доминировали оттенки зеленого, синего и коричневого, причем они ничуть не смешивались друг с другом. Он рассказывал мне о «живых зубочистках» — так он называл деревья около шестидесяти-восьмидесяти футов высотой. Их молодые ветки срывали для того, чтобы разбрасывать вокруг костра. На некоторых деревьях висел зеленоватый моток в несколько футов в диаметре, похожий на мех у гусеницы. Он был создан из сотен тонких веточек, которые росли прямо из ствола дерева. Другие деревья стояли, как голые столбы, ободранные снизу доверху. Через пару лет они снова нарастят новый «мех». Причудливая смесь увечья и защитного приспособления.

Дорога было очень пыльной, но моему дорогому другу Люку пыль казалась волшебной пленкой, покрывавшей листья и засохшие ветки, лежавшие по обе стороны от нас. Он показал на красношеих ястребов, круживших в вышине в поисках обеда. Ему все казалось очаровательным, и он явно наслаждался.

А где был я? Я же видел лишь негативную сторону происходящего: свою неожиданную неспособность взбираться дальше, мертвые ветви, покрытые коричневой пылью, увечные деревья и скверную участь того, кто станет обедом для ястребов.

Я посмотрел на себя и увидел, что сижу на старом, мертвом чурбане, который был уже на полпути обратно в землю. Я понял, что у меня нет выбора и все, что я могу сейчас сделать, — это попытаться разобраться с тягостными мыслями у себя в голове. Казалось, все свои поступки за несколько последних лет я видел через очень темное стекло. Заглядывая в будущее, я не мог предвидеть ничего лучшего. Я ясно видел себя тем, кем я был, — стариком, чей физический и эмоциональный возраст уже перевалил за сорок. Мне и в самом деле было за шестьдесят. Как, черт возьми, я дожил до этого отвратительного возраста? Я не просил о такой внезапной зрелости! Эта темная и непрошеная правда сокрушала меня. Я не мог припомнить, чтобы осознавал какие-нибудь неуловимые шаги и этапы, которые привели меня к зрелости.

Постой-ка, подумал я, кого я обманываю? Это не зрелость. Это банальная старость. Я шел к ней на протяжении всей жизни, но решил смотреть на этот процесс по-другому. Это не зрелость, и она подкралась ко мне незаметно. Это процесс умирания, и я неуклонно двигаюсь к финалу на гибельной скорости. Я просто дурачил себя всеми этими детскими хитростями. Я старый человек, и моя смерть неизбежна. Кто знает, когда она наступит? Может, мой смертный час пробьет прямо сейчас. Подходящее ли сейчас место и время для того, чтобы все закончить? Когда Пони де Леон[75] искал молодость в Эверглейдсе во Флориде — это выглядело абсурдно. Но не менее абсурдной кажется попытка быть молодым придурком с измененным под воздействием галлюциногена сознанием. Черт возьми — стань взрослым, наконец, и веди себя в соответствии со своим возрастом! Ты умирающий старик, который бессильно отводит глаза от факта собственной смертности.

Я чувствовал себя чересчур беззащитным и нескладным, сидя на своем бревне. Инстинкт говорил мне, что нужно быть ближе к земле. Я соскользнул со своего драгоценного бревна и лег на землю. Чурбан остался у меня за спиной. Я отклонил предложение Люка поговорить, так что он пошел побродить, чтобы увидеть еще больше чудесных вещей, окружавших его. Я лишь хотел целиком уйти в свои мысли.

Я задумался, подходит ли для описания моего состояния немецкое слово «Weltschmerz». [76] Я действительно устал от мира, очень устал. Я снова задумался о том, каким бременем являются для меня попытки оставаться активным, поддерживать высокий уровень продуктивности в написании статей, успеть сделать в лаборатории и то, и другое. Все это было такой очевидной тратой сил. Все медленно надвигается на меня. Ничего не будет завершено, и все связи навсегда прервутся. Накануне вечером мы с Люком говорили о смерти и о переходе в потусторонний мир.

Состояние, в котором я сейчас находился, могло служить прекрасной иллюстрацией к этой беседе. Это было не то место, куда можно стремиться.

Однажды я услышал жуткий анекдот о человеке, у которого был дрессированный мул. Мул садился, ложился, стоял на задних ногах или что-нибудь приносил по команде. Но прежде чем приказать мулу выполнить трюк хозяин неизменно брал в руки какой-нибудь предмет размером два на четыре и бил мула по голове. Объяснение его действий было незамысловатым: «Прежде всего нужно привлечь его внимание». Старого мула Шуру ударили по голове препаратом два на четыре. Нечто пыталось привлечь к себе мое внимание.

Мой приятель вновь пристал ко мне. На этот раз ему удалось пробиться через мою депрессию. Он рассказал мне о своих наблюдениях: «Если ты сначала посмотришь вдаль, а потом переведешь взгляд на то, что находится от тебя на расстоянии вытянутой руки, то сможешь рассмотреть в мельчайших подробностях этот близкий к тебе предмет, зато тебе внезапно покажется, что задний фон сделан из картона!» Люк был настойчив. С большими усилиями я прошел несколько футов вправо, пока служивший мне опорой чурбан не исчез за деревьями, и наткнулся на паука, висевшего на своей паутине. Я сел и сосредоточился на насекомом, чувствуя некоторую обиду (как мог Люк быть таким эгоистичным и оторвать меня от роскошной жалости к себе?) Боже мой! Действительно, находившиеся вдалеке деревья и пейзаж казались плоскими и ненатуральными. Они были похожи на плохо нарисованную фоновую декорацию. Я отвел взгляд влево. Ни паука, ни иллюзии. Снова посмотрел вправо. Паук был виден отчетливо, но то, что было вдали, казалось искусственным.

Мне вспомнился другой эксперимент с 2С-Е, который я провел много лет назад в Теннесси. Тогда я посмотрел в закрытое окно и увидел то, что показалось мне нарисованной средневековой леди, поливающей свои цветочки на заднем дворе. Это яркое воспоминание долго хранилось в моей памяти, и лишь сейчас я осознал, что, вероятно, секции оконного стекла стали тем объектом, на котором, как сейчас на паутине, сосредоточился мой взгляд.

Воспоминание об этой иллюзии снова вызвало сумятицу у меня в сознании, потому что имелось еще одно сходство между этим экспериментом и тем другим, драматическим, случившимся больше десяти лет назад в Теннесси. Тогда надо мной тоже витала смерть, и я играл роль уставшего старика. Но тогда я видел себя со стороны — иссохшего, с костлявыми, морщинистыми руками и запавшими щеками. На этот раз я видел свое внутреннее «я». Я думал, что вижу себя стариком, изнуренным человеком, которого убивает осознание того, что, вероятно, он не сможет закончить все то, что ему хочется довести до конца. Черт побери, большую часть из того, что я хочу сделать, я даже не начинал! И что — я сижу здесь, упиваясь жалостью к себе, горюя по поводу того, что самая важная моя работа еще не сделана и никогда не будет сделана!

Откуда-то изнутри, довольно вежливо, ко мне пришел вопрос. Ты случайно не потерял интереса к прогулке? Я хихикнул, осознав, что спиральный спуск в мир отчаяния бесконечен и что я должен выбираться оттуда. Усталость, усталость, усталость. Лучший способ победить усталость — идти дальше. Я повернулся так, чтобы поднять себя из странного положения, в котором я полулежал, и, в конце концов, смог встать на ноги. Я смахнул мусор с задницы и снова зашагал вперед с Люком. Сначала мы шли медленно, но затем стали набирать темп, и тогда я перестал смотреть лишь в себя и обратил внимание на радовавшие глаз окрестности. Вскоре мы добрались до того места, где тропинка расходилась в разные стороны. Мы должны были решить — про-1 должать наш путь по дальней тропинке (в этом случае нам предстоял еще трехчасовой поход) или срезать путь. Наша фляга была уже больше чем наполовину пуста, а 2С-Е вызвал жажду. Мы сошлись на том, что нужно выбрать более короткую дорогу.

Мы пытались проанализировать иллюзию с паутиной и нарисованной на заднем фоне

декорацией, но так ни к чему и не пришли. Я только начал делиться с Люком описанием тех темных-претемных мест, где я совсем недавно побывал, как — бац! Снова те же два на четыре. Внезапно у меня возникло странное ощущение в паху. Я что-то чувствовал внизу справа, зная, что со мной что-то случилось и что-то очень плохое. Больно было не очень, но чувство было такое, словно мое правое яичко проникло в тело. Я испытывал дикое желание вытолкнуть его обратно.

Я отошел к краю дороги (мы все еще были далеко от дома — как от нормального состояния, так и от нужной тропинки) и спустил штаны. Потом залез рукой в трусы и обнаружил, что, когда я сильно нажимаю указательным пальцем на пространство между своими гениталиями и правым бедром, то ничего такого не чувствую. Зато когда я отнимаю палец, то неприятное ощущение возвращается. О, ради Бога, пожалуйста, подумал я, только не грыжа!

У меня что-то такое было в десятилетнем возрасте, но я не мог точно вспомнить, как все происходило. У меня было смутное ощущение, что грыжа появилась после того, как я съехал с перил в доме на Спрус-стрит, но мне сказали, что, должно быть, я поднял что-то слишком тяжелое и порвал ткани. Разумеется, переход из положения полулежа в вертикальное положение не мог стать тому виной. Я мог вызвать в памяти с предельной ясностью воспоминание о том, как сам тогда пришел к хирургу и дружественный запах эфира. И раз уж мне, к счастью, вместе с грыжей удалили аппендикс, то, возможно, она сослужила мне добрую службу.

Я что, должен подвергаться какой-то глупой операции сейчас, в моем теперешнем возрасте, просто потому, что что-то там пытается привлечь мое внимание? И вообще — какой у меня точный возраст?

С большой неохотой я предложил Люку прервать нашу прогулку и поискать какого-нибудь компетентного и трезвого медика, чтобы проверить состояние моего тела. Мы очень медленно пошли обратно в долину. Всю дорогу я держал руку в штанах под расстегнутым ремнем, а с лица моего друга не сходило легкое удивление.

На обратном пути мы забрались в один из мини-автобусов, которые целыми днями патрулируют Гроув-роудс. Я попросил, чтобы водитель отвез меня прямо в больницу лагеря, принадлежавшего «Клубу Филинов». В салоне я обнаружил четырех человек, сидевших, как мне показалось, и это поразило меня, в нелепых толстых мягких креслах. Я спросил у них, нет ли среди них врача (вопрос довольно глупый, как выяснилось немного спустя). «Да, — услышал я в ответ. — Мы все медики».

— Ну, — сказал я не без робости, — похоже, что я что-то повредил себе.

Один из молодых людей, кардиолог, как потом выяснилось, обменялся взглядами с остальными, кивнувшими ему, и он поднялся со своего места. Он прошел в отдельный смотровой кабинет, натянул акушерские перчатки и попросил меня спустить брюки. Надавите пальцем сюда и покашляйте, велел он мне. Потом он сказал, что чувствует небольшое уплотнение ткани, и предложил мне поехать в ближайший город и купить там бандаж (паховой, среднего размера, правосторонний). Бандаж должен был помочь мне, пока я не доберусь до своего врача. По крайней мере, ваши внутренности не вываливаются у вас из тела, радостно добавил осмотревший меня доктор.

Я поблагодарил его, пробежал через компанию улыбавшихся врачей в салоне и вернулся к своему другу, Люку, который с удовольствием дожидался меня, сидя в тени на скамейке из красного дерева.

Лично мне весь осмотр показался очень странным и сопровождался мучительным чувством стыда. Еще не дойдя до больницы, я превратился в параноика и посмотрел на это происшествие глазами трезвого, как стеклышко, врача «скорой помощи», нанятого на работу в лагерь, где проживают две тысячи магнатов современной промышленности — или, чтобы быть точным,

тысяча девятьсот магнатов и маленькая группка музыкантов, актеров и художников — которому велели ожидать не больше трех сердечных приступов и пары случайных ранений ледорубом.

И вдруг — как подсказало мое терзаемое неловкой ситуацией воображение — на голову такому врачу сваливается растрепанный седой мужчина лет шестидесяти с нарушенной координацией движений и пальцем в промежности и бормочет что-то непонятное насчет того, что он повредил что-то, гуляя по тропинкам. Разве это возможно, думает врач, чтобы в одном из лагерей заключили пари на то, что они заставят молодого доктора медицины вправлять яйца одному из магнатов? Как они добились бы этого? Прислали бы к нему пошатывающегося титана с ерундовой и явно нелепой историей о том, что у него, возможно, грыжа — вот как. В конце концов, если подобное пари заключили умирающие от скуки пьяные мужчины, которым больше нечем заняться, как мог, по-моему, решить врач, то ему, как медику, ничего другого не оставалось, кроме как надеть перчатки и осмотреть предъявленные ему яйца и паховый канал.

Неважно, что осмотр был проведен с полным знанием дела, а в голосе или на лице у врача не было и намека на недоверие. Я был уверен в том, что, может, все сидевшие в автобусе врачи подозревают меня в намеренной детской шутке. Я чувствовал, что оказался в ситуации, к созданию которой не имел отношения и которую не контролировал, и был несчастен.

Мы с Люком медленно побрели прочь от автобуса. Мы мечтали где-нибудь найти стакан холодной содовой и не наткнуться на кого-нибудь из знакомых. Он все еще с блаженным видом рассуждал о чем-то под влиянием 2С-Е, но я уже начал приходить в себя. После эксперимента у меня остался тяжелый осадок и масса проблем, над которыми следовало подумать.

Когда воздействие наркотика медленно сошло на нет, я решил, что меня измотали отвратительные переживания, которые вызвал неприятный медицинский осмотр и мои надоедливые параноидальные фантазии насчет того, что обо мне подумали врачи.

«Черт возьми, — выругался я про себя. — С меня хватит. Я понял, что мне хотят сказать. Мне уже не сорок шесть, и когда я гуляю по тропинкам этого леса, то должен прислушиваться к своему телу и помнить, нравится мне это или нет, что мне уже за шестьдесят и я уже не могу полагаться на способность своего тела восстанавливаться так же быстро, как в сорок лет».

Я выжил, но мрачные образы не так скоро выветрились у меня из головы. Лишь четыре дня спустя я смог полностью избавиться от похоронного настроения и понял, что инстинктивное желание жить по-прежнему преобладает во мне. Однако я не мог снова думать о себе как о человеке, которому не исполнилось и пятидесяти. Теперь я был гораздо старше, чем раньше. За три часа я постарел на двадцать лет.

Эти четыре дня я провел за тщательным наблюдением за своими друзьями из «Клуба Филинов» — музыкантами, бизнесменами, преподавателями, пенсионерами. Им тоже было за шестьдесят. На кого они были похожи? Боже мой! Двое из них с трудом передвигались, потому что у одного были проблемы с бедром, а у второго — с коленом. Еще один лишился гортани из-за рака. Большинство из них страдали от гипертонии и пили соответствующие лекарства. Поголовно у всех прооперированная простата. Импотенция, признаки одряхления, угрожающий рост политической нетерпимости наряду с угасающим желанием перемен. Некоторые умирали прямо на глазах. Но я видел и проблеск надежды. Я нашел несколько, к сожалению, всего лишь несколько, но тем не менее нашел таких, которым было уже за восемьдесят, они вели себя так, как будто им было всего лишь шестьдесят. Мог ли я надеяться на это?

Мне надо было ответить на добрый десяток вопросов. Отражало ли реальность это новое представление о себе как о старике? Как могли измениться мои отношения с окружающими людьми теперь, когда мои физические изъяны стали вдруг очевидны мне самому? Должен ли я вести себя как-то по-другому, почувствовав себя старее, чем раньше? Смогу я восстановить тот предыдущий образ себя сорокалетнего, или отныне я обречен чувствовать себя на все

шестьдесят? Раз уж на то пошло, был ли у меня выбор? Я теперь всегда буду видеть ухудшение, которое несет с собой старость? Хотел ли я этого? Смогу ли я в возрасте восьмидесяти лет видеть себя шестидесятипятилетним? Или я мог чувствовать себя моложе лишь в этом возрасте?

Я не смог полностью восстановить свое представление о себе как о более молодом человеке, чем был на самом деле. В какой-то степени это удалось, но уж точно не в полном объеме. Временами я извлекаю пользу из своего возраста: у меня есть знакомые, которые не обратили бы серьезного внимания на человека, которому всего лишь чуть за сорок.

Я чувствую, что в моем мозгу, хоть он и помещается в черепе человека, который становится похожим на пожилого государственного деятеля, большую часть времени все еще сохраняется гибкость и остроумие сорокалетнего. На самом деле иногда я не без удовольствия подозреваю, что никогда не выходил из двадцатилетнего возраста.

Как бы то ни было, неважно, на сколько лет я выгляжу. Я сохранил способность действовать исходя из своих собственных убеждений, а они у меня твердые.

Я не собираюсь умерять свое настойчивое желание любой ценой сохранить общечеловеческие свободы, которые пока еще у нас имеются; не думаю, что поддамся искушению требовать любой ценой возрождения тех свобод, которые уже исчезли из нашего общества.

Я намереваюсь сохранить в себе интерес к неизвестному. Молодость нужно находить в упорном желании узнавать что-то новое и в настойчивом стремлении что-то понять.

Я буду продолжать питать уважение к ценностям всех религий, проповедуемых человечеством, поскольку я верю, что эти ценности раньше были не такими, какими их представляют сейчас. Я собираюсь оставаться открытым навстречу всем новым формам выражения человеческого духа, где бы я их не обнаружил.

И, наконец, должен признать, что теперь с огромным удовольствием предвкушаю те представления о самом себе, какие у меня появятся тогда, когда календарь подскажет, что мне исполнилось восемьдесят пять!

Глава 41. 2C-T-4 (Голос Шуры)

Несколько лет тому назад мне вновь посчастливилось испытать уровень плюс четыре. Ниже следуют мои записи, сделанные во время эксперимента и законченные несколько дней спустя.

Девять утра — это начало эксперимента, то есть (0:00). Третье апреля 1985 года, на Ферме. 12 мг 2C-T-4, растворенного в воде. Вкус обычный.

(0:50) Началось.

(1:20) Плюс один.

(1:30) Плюс один с половиной.

(2:00) Целиком плюс два и продолжает расти. Элис собирается уходить, и я соврал ей, что у меня всего лишь плюс один. Скажи я, что у меня уже плюс два и растет дальше, она бы заинтересовалась или встревожилась и стала бы звонить мне по телефону. А если случится так, что я не возьму трубку? Она может начать волноваться по-настоящему. Прости мне эту маленькую ложь, любимая.

(2:30) Выше плюс двух.

(3:00) Плюс три. Под этим наркотиком не стоит выходить на люди. Нужно следить за собой, смягчать эффект, постоянно наблюдать за своими действиями. Очень эротично. Одержимость физическими, сексуальными вещами. Пройдя через это, можно позволить себе и более богатые проявления.

(3:15) Наблюдаю некое визуальное прояснение — не такое, как под 2C-T-2, но потенциал есть. Видимо, этот материал превосходно подходит для размышлений на тему взаимоотношений.

(3:40) Очень сильный уровень плюс три. Попытаюсь впервые печатать отчет об эксперименте на компьютере, а не довериться записям от руки.

Переживания такие продолжительные, насыщенные и безжалостные, что ни один несчастный не смог бы убежать от них. Они преследовали бы его повсюду, куда бы он ни шел, — в ванной, за книгой, в воспоминаниях.

В течение последнего часа я сидел дома, отчасти из-за телефона, который меня шантажировал. Я боялся, что он зазвонит, а я не хотел ни с кем иметь дела. Так что я пошел в лабораторию и стал сливать паровую баню. Потом я вышел и сел позади лаборатории наедине со своими мыслями. На меня нахлынули горько-сладкие воспоминания, немало усиленные волшебством того места, где я сидел; здесь было тепло, и здесь я был хорошо спрятан. Но не полностью отсечен ото всех, поэтому у меня сохранялась связь с внешним миром. Я подумал, что, покинув дом, поддался на шантаж. Потом — и это оказалось таким простым решением — мне пришло в голову, что я могу просто не поднимать трубку. Кроме того, думал я, я могу считать количество звонков и с долей юмора пытаться угадывать, кто звонит. Или кто теоретически мог так настойчиво добиваться ответа. Итак, освободившись от ощущения того, что меня шантажируют, я вернулся домой и начал свой отчет об этом поразительном веществе.

Препарат просто потрясающий. Я словно вновь открыл семейство Алефов — плюс один за первый час, плюс два — через два часа и не полный плюс три за неоконченный третий час.

Что за чудесный способ выражать себя, печатая на компьютере! Не смотреть на то, что печатаешь, и не исправлять сразу обычные ошибки; просто позволить словам литься без всяких преград или редактирования.

Я потратил некоторое время, пытаясь вычислить, на какую часть мозга влияет наркотик. Что такого произошло у меня в голове, в результате чего я перестал ощущать связь с привычными моделями поведения, позволяющими мне выходить в мир, вести машину,

разговаривать с людьми и защищать себя? В данный момент ни одно из перечисленных действий не казалось мне выполнимым. Может, я смог бы связать пару слов и поговорить с прокурором о каком-нибудь судебном деле (с учетом того, что он должен быть не слишком восприимчивым человеком), и, может, мне бы удалось выиграть. Но я доволен, что мне не нужно этого делать.

Но что открыл во мне 2С-Т-4? Я чувствую одновременную связь со всем окружающим в какой-то один бесконечный момент времени, и это есть одна из форм универсального познания.

Музыка, доносящаяся из соседней комнаты, звучит ужасно искусственно. Ее играли миллион раз тем же уставшим ушам, и тем самым ее происхождение приобрело криминальный характер. Мы включаем музыку, чтобы заполнить пустоту момента, чтобы, возможно, заглушить непрерывный внутренний диалог. Я хочу остановить музыку. Теперь гораздо лучше. Я хочу слышать этот диалог, этот монолог, пусть он продолжается, пусть мне говорят то, что могу о себе знать лишь я сам и что должен услышать только я один.

Считается, что при помощи психоделика можно установить связь с подсознанием. Это лишь частично так. Независимо от наркотических веществ у нас есть постоянный доступ к этим глубоко запрятанным, примитивным вещам, таким жизненно необходимым и инстинктивным. Лишь избранные нами образ мышления и модель поведения не позволяют нам постоянно жить со всеми задействованными элементами психики.

Нас учат и побуждают поверить, что все, что бы там ни хранилось в глубинах нашего «я», нельзя впускать в наши отношения с самим собой и с другими людьми, если мы не что иное, как животные.

Но мы и есть животные и по внешнему виду, и по всем внутренним параметрам. Мы находимся в постоянном контакте с нашим подсознанием; это наследие хранится в каждой клеточке нашего тела Так что 2С-Т-4 не совершает ничего неожиданного или нового. Он просто напоминает нам об этом непрекращающемся взаимодействии сознания и подсознания.

Я хочу, чтобы этот монолог продолжался, поскольку чувствую, что он может дать моему сознанию сокровища, скрытые во мне, — невыразимые вслух знания, генетические истории, записанные в ДНК, которые для ученых означают лишь белки, разделенные милями того, что они называют прелестным словом «балласт». Получается, что наше наследие на 5 % состоит из белка и энзимов, а оставшиеся 95 % — балласт. Это невероятно глупая идея. Миллионы лет прошло, чтобы мы стали такими, какими мы есть сейчас, и мы не в состоянии расшифровать 95 % наследственной информации только из-за этой уверенности ученых в том, что ДНК кодирует лишь белки и ничего больше.

Наверное, я играю с уровнем плюс четыре. Я чувствую единение со всем, что меня окружает, и, значит, со всем, что внутри меня, — тоже. Я полностью отождествляюсь с окружающим миром. И ощущаю, что нахожусь с ним в полной гармонии. Если это я, тогда я благодарю дорогого Господа Бога за чудесное осознание — хотя бы на короткое время — того, что мы можем быть такими великолепными и прекрасными. Мои мысли плавно текут, а в них движется душа, и неважно, какие слова я подберу, пытаясь уловить этот дивный монолог, все равно я лишь приблизительно смогу отразить его.

Но сейчас, как когда-то однажды (в тот раз я обманулся), я задумываюсь над тем, а что если это не я и не удивительный эксперимент в необычный день, а всего лишь свойство 2С-Т-4?

Снова и снова я начинаю заблуждаться и думать, что магическому моменту объединения с реальностью обязан наркотику, а не себе. Конечно же, все это находится в человеке — и только в человеке. Но если можно было бы найти такой наркотик, который каждый раз вызывал бы это состояние, то это было бы одно из самых мощных и необычайных наркотических веществ, которые человек может только себе представить. Если 2С-Т-4 оказался бы таким соединением,

то он должен был бы стоять особняком. В заявке на патент невозможно было бы описать или объяснить благоговейное к нему отношение!!

Я собираюсь быстро пройтись по Ферме, чтобы посмотреть, что будет.

Все спокойно. Вернее, не совсем спокойно: только что звонил телефон. Я совершенно не ожидал такого резкого звука. Я не стал ему мешать и послушно подсчитал звонки. Их было одиннадцать. Теперь снова стало тихо.

(4:30) Уже полвторого, а эксперимент продолжает оставаться таким же удивительным. Я прихожу в восторг при мысли о том, что Элис разделит эти переживания со мной, и мы отдадим этому целый день и не будем отвечать на телефонные звонки.

У меня все еще полные плюс четыре, чувствую легкий привкус всемогущества, к которому примешивается скромное количество всеведения. Я забыл, какой там третий компонент, начинающийся на все-, но он тоже присутствует.

Это блаженство очень трудно передать, можно лишь сказать, что мы все находимся в этом состоянии — и в радости, и в боли, и когда бодрствуем, и когда спим, и в одиночестве, и в толпе. Мы просто слишком торопимся и поэтому не осознаем его. Или потому, как я говорил раньше, что нас учат верить в то, что это состояние не является частью продуктивной или «правильной» реальности и ему не следует позволять вмешиваться в нашу повседневную коммерческую деятельность. Мало того, что нас учат не признавать это состояние. Мы начинаем по-настоящему верить и считать истинной правдой, что это дарящее счастье единение с самим собой и с миром в лучшем случае стимулируется наркотиком, в худшем — является результатом химического дисбаланса. Лучше оставить его на долю хиппи и остальных неблагополучных людей — этой раковой опухоли на теле общества.

Но это состояние присутствует в нас все время. К сожалению, нас учат отключать его. Если этот наркотик сможет снова погрузить в это состояние меня и благодаря какому-нибудь чуду еще и другого человека, если он действительно обладает такими свойствами, то он окажется самым сильным и святым из всех священных писаний, которые когда-либо были написаны.

На этот раз проверим тело. Похоже, нет никаких подвохов. Благая, приятная умиротворенность. Пульс — 88, давление — 145/95, сердце бьется, как у здорового человека. Вес не изменился -200 фунтов, среднее количество алкоголя в крови тоже осталось прежним — 0,05 грамм/процент. Не могу позволить себе больше. Довольно неплохо я сыграл партитуру Баха на пианино, ни разу не посмотрев на руки! Я не смог бы этого сделать в обычном состоянии! И только что я помог осе улететь с кухни.

Порывистая прогулка к началу дороги, чтобы забрать почту. Разум по-прежнему мчится во весь опор, мысли несутся с такой же скоростью. Надеюсь, я ни в кого не врежусь по дороге. Но это не столько проявление паранойи, сколько нежелание прерывать внутренний поток. На последнем повороте через дорогу ползла напыщенная гусеница — как еще назвать это чудовище? Возвращаясь назад, я увидел на дороге десятки гусениц [я потом нашел это слово в словаре] и почувствовал удовольствие, вспомнив, что мы не стали преследовать ночных бабочек, устроившихся на умирающем миндальном дереве. Чтобы уравновесить течение жизни, дерево давало приют ночным бабочкам, которые откладывали яйца, из которых появлялись гусеницы, которые затем превращались в бабочек. Те будут делать что-то такое, что поможет вырасти другому миндальному дереву, которое заменит это, умирающее. Не мешайте природе. Еще до того, как на земле появился разумный человек и начал улучшать положение дел, у нее были миллионы лет, чтобы создать действующий баланс в мире.

У меня обострился слух. Я услышал детские голоса и снова обошел Ферму. Оказалось, дети были далеко.

(5:30) Я чувствую, что пережил изумительное единение и — как и в том случае, когда мне

еще довелось испытать плюс четыре — огорчение при виде того, что мир снова становится обычным, социально приемлемым. Но у меня осталось ощущение неописуемого богатейшего опыта, полученного из пережитого единения. Пришла пора восстановить самозащиту на случай контактов с другими людьми. Сегодня у нас встреча в округе Марин в доме Уолтера с детьми Элис и нашими друзьями, которая проходит каждые две недели.

Из почтового ящика я вынул странное и очаровательное письмо от молодого химика из Германии. Он обнаружил, что средство против кашля под названием «Изоаминил» при дозе в 300 мг обладает галлюциногенными свойствами. Поскольку это вещество можно превратить в индоловое кольцо, похожее на ДМТ, он хочет сделать альфа-метиловый, а также псилоцибиновый аналог и таким образом открыть «новый» класс психотоми-метических веществ. Ну, конечно. Это тоже гусеница. Нужно оставить ее в покое. Я стану поощрять его, но никогда не буду направлять ход его мыслей. Хотя его роль в общем балансе еще не определена, ему предстоит сыграть ее.

Кофе ужасен на вкус, но что с этим можно поделать?

Возвращаюсь к письму из Германии. Странное предзнаменование — в стране, оккупированной после нашей победы во Второй мировой войне, появляются зачатки возрождения познания и наивная откровенность в изучении измененных состояний сознания, то есть то, что не позволено в нашем собственном обществе, находящемся под диктатом Управления по контролю за продуктами и лекарствами.

Уже три часа, эксперимент длится ровно шесть часов. В это время мне нужно уйти из дома, так что я запускаю нежеланную, но необходимую программу реинтеграции. Нет, это неправильное слово — я чувствую единение, как никогда прежде. Моя программа требуется для того, чтобы вернуть мне навыки поведения в обществе, необходимые для взаимодействия с другими людьми.

(7:00) Вернулся к честному плюс три. (8:00) Все еще активный плюс три.

(9:00) А, решаясь продемонстрировать самого себя внешнему миру; сейчас просто плюс два.

(9:20) Принял душ, сменил одежду и с ощущением огромной любви к самому себе и к Элис еду в больницу, чтобы забрать Дэвида на званый ужин.

(10:00) В больнице все еще чувствую эффект, хотя и трудно определить его уровень. Никаких проблем с вождением, но, наверное, один-полтора плюса еще есть.

(15:00) Замечаю остаточный эффект. Алкоголя не употреблял, сохраняю бдительность. В основном, вернулся в нормальное состояние.

(17:00) Без особых сложностей иду спать.

На следующий день, вечером, спустя тридцать шесть часов после начала эксперимента, попробовал усилить угасший эффект при помощи тридцати миллиграммов 2С-Б. Реакция была скромная. Некоторая потеря чувствительности.

Это был необычный и незабываемый день.

Последняя запись. Через несколько недель Элис приняла такую же дозу 2С-Т-4 вместе со мной. Нас обоих очень удовлетворил уровень плюс три. Плюс четыре не повторилось.

Глава 42. Лекция в университете (Голос Шуры)

Уже немало лет каждую осень я веду занятия у группы студентов в Калифорнийском университете, в Беркли. Официально я читаю курс по токсикологии, сопровождающийся лабораторными работами. Я учу студентов анализировать присутствие наркотиков в жидкостях человеческого тела, чтобы эти данные могли быть представлены в качестве доказательств в суде. Однако несколько лет тому назад я записал все свои лекции, чтобы студенты могли ознакомиться с ними перед началом занятий. В итоге теперь лекционное время можно использовать для дополнительных объяснений или ответов на вопросы.

Если вопросов нет, то двухчасовое занятие дает мне богатейшие возможности объяснить любую тему, которую я захочу. Извечной и основной темой этих лекций становится волнение, которое испытывает человек в процессе научного поиска и познания. Каждый год меня шокирует отвращение моих студентов к органической химии. А ее необходимо знать для посещения моих занятий. Это отвращение, по-видимому, вырастает из домашних заданий: «К следующему понедельнику прочтите материал на страницах 134–198. По этому материалу будет проведен короткий тест». Студенты запоминали химические реакции и механизм их протекания, с боем сдавали экзамены, сразу же забывали все, что выучили, и никогда не приходили на следующий год. Они ненавидели все это.

Поэтому я пытался представить химию в большей степени как вид искусства, чем науку. Почему сахара обычно белого цвета? Почему пищевые добавки никогда не пахнут? Догадайтесь, каким образом некий интересный наркотик может измениться, попав в тело человека? Как вы объясните присяжным хромотографию, если не будете обладать научными знаниями?

Порой я очень увлекаюсь и посвящаю все лекционное время какой-нибудь одной теме, которая, на мой взгляд, этого заслуживает. Недавно был как раз такой случай, и я прочел своим пятнадцати или около того студентам следующую лекцию.

Я знаю, что от меня требуется использовать это время для того, чтобы обрисовать вам воздействие наркотика на головной мозг человека. На сегодня у нас назначена лекция по фармакокинетике и фармакодинамике соединений, оказывающих воздействие на центральную нервную систему. Однако я собираюсь реализовать одну из драгоценных свобод, которыми я наделен в качестве профессора. Я намерен изменить тему занятия и прочесть вам лекцию на тему политики и правительства.

На самом деле я собираюсь поговорить с вами о свободах вообще и об утрате некоторых из этих свобод под постыдным прикрытием войны с наркотиками.

Форма правления в нашей стране известна как конституционная республика. Федеральная структура США была закреплена в Конституции, подписанной примерно через десять лет после обнародования Декларации независимости от Англии. Многие из наших сегодняшних неотчуждаемых прав были подробно гарантированы первыми десятью поправками к Конституции, вошедшими в «Билль о правах», который был утвержден где-то четырьмя годами позже введения в действие основного закона. Эти свободы — свобода слова, свобода печати, свобода совести, защита от необоснованных преследований и задержания, право обвиняемого в совершении преступления знать выдвинутые ему обвинения и право на суд беспристрастного суда присяжных — являются основными принципами нашей нации и неотъемлемой частью нашего образа жизни.

«Биллю о правах» постоянно бросают вызов. Этот вызов исходит, главным образом, от законов, принимаемых Конгрессом. Эти законы пишутся без особого раздумья о том, какой опасности они могут подвергнуть основные свободы, или ограничить их. Функция Верховного

суда всегда заключалась в том, чтобы служить гарантом Конституции и не допускать принятия законов, не уважающих ее. Однако все больше становится ясно, что мы уже не можем положиться на защиту Верховного суда.

Существуют и свободы, унаследованные нами от Англии, хотя мы и объявили свою независимость от нее. В Англии никогда не было написанной конституции; тем не менее в этой стране имеется документ, большей частью основанный на нескольких выдающихся законодательных актах, которые принесли с собой значительные изменения. Этот документ известен под названием Великая хартия вольностей. Из этих собирательных актов родились наши представления о habeas corpus (то, в чем меня обвиняют) и о суде, который вершит суд присяжных (те, кто должен меня судить). Оба эти положения закреплены в шестой поправке к Конституции.

Имеются еще три самые важные свободы, являющиеся частью этого наследия и не включенные в нашу Конституцию. Тем не менее они всегда лежали в основе нашего собственного представления о себе как о нации. Это презумпция невиновности, право на неприкосновенность частной жизни и свобода следствия. Перечисленные свободы размываются у нас на глазах. Кроме того, раздается все больше и больше голосов в пользу того, что несоблюдение этих традиционных прав — это не такой уж существенный вопрос, если в результате достигается цель национальной важности. В данный момент официально утвержденной национальной целью и является победа в так называемой Войне с наркотиками. В будущем эта цель может обрести форму войны с какой-нибудь другой угрозой нашей национальной безопасности — эта фраза срабатывала раньше, можно на нее рассчитывать и в будущем — и восстановления утраченных прав и свобод просто не произойдет; по крайней мере, не в наше время и даже не при наших детях или внуках.

Мы должны действовать самостоятельно — те из нас, кто осознает происходящее. Порознь или объединившись, мы должны потребовать восстановления того, что было у нас отнято, и предотвратить дальнейшие утраты свобод.

Законы рождаются в виде идей, но их необходимо фиксировать в форме записанного слова, которое, в конечном итоге, вводится в действие. А точная интерпретация некоторых этих слов в значительной степени зависит от того, как в данный момент народ их использует и понимает их значение. Поскольку полностью договориться о некоторых определениях невозможно, остается определенная двусмысленность. Я проанализирую несколько примеров недавних изменений, использующих подобную двойственность, если не ликвидирующих ее окончательно.

Рассмотрим принципы, на основе которых выносится решение о признании невиновным или виновным человека, который как потенциальный подсудимый попал под официальное расследование по причине какого-то обвинения. В прошлые времена обвинение выдвигалось в виде формального иска, после чего производился арест. Задача обеспечения доказательств обвинения возлагалась на истца, в роли которого обычно выступал народ.

В случае уголовного преступления (наказанием за него может служить срок в федеральной тюрьме) вина должна быть доказана при отсутствии разумных сомнений. Сомнения, очевидно, относятся к представленным доказательствам вины, но, скажите ради Бога, что означает слово «разумные»? В юридической практике установилась традиция подразумевать под этим словом единодушное согласие присяжных в том, что у них не осталось ни малейших сомнений по поводу виновности подсудимого. Данным критерием нужно руководствоваться при осуждении человека за совершение уголовного преступления.

Однако в безумной ситуации, сложившейся в наши дни вокруг наркотиков и нарушения законов о наркотиках, уже отпала необходимость созывать суд присяжных или — раз уж на то пошло — даже выдвигать обвинение, чтобы помешать тем, кто подозревается в имеющей

отношение к наркотикам деятельности, и наказать их. Самое хрупкое доказательство, которого ни по качеству, ни по количеству недостаточно для вынесения в зале суда вердикта «виновен без разумного сомнения», теперь обычно используется для того, чтобы «достать» подозреваемого преступника.

Если вы обладаете властью, то в наше время вам не нужно сталкиваться лицом к лицу с подозреваемым. Вместо этого вы имеете дело с его собственностью. Скажите, что его банковские счета явились результатом незаконной деятельности, и наложите на них арест. Скажите, что его грузовик перевозил запрещенные наркотики, и конфискуйте его. Скажите, что его дом был приобретен на кокаиновые доллары, и отнимите его. Это переход от уголовного к гражданскому процессу. Такой человек, наделенный силой закона, может решить, что твоя машина, твоя лодка, твои двадцать акров земли связаны с преступной деятельностью, имеющей отношение к наркотикам. Этот человек может наложить арест — и он наложит арест — на твою машину (лодку, землю), задействовав механизмы гражданской конфискации, и ты не сможешь ничего сделать. С учетом обвинения в уголовном преступлении получается, что конфискованное имущество было использовано в процессе этого преступления или получено в результате его совершения.

Все перечисленные выше действия со стороны властей могут быть произведены без участия присяжных и в действительности вообще без всякого судебного разбирательства.

Защита от гражданской конфискации тоже была частью доставшегося нам в наследство общего права Англии, и это право неизменно уважалось в Соединенных Штатах со времени «отцов-основателей». Но в 1978 году оно было аннулировано с принятием Конрессом Закона о психотропных веществах. Этот законодательный акт должен быть отменен.

Эти законы о конфискации следуют критерию «перевеса доказательств».

Рассмотрим само это словосочетание — «перевес доказательств». Первое, что приходит в голову, — это то, что слово «перевес» предполагает преимущество представленных доказательств. Так сказано в словаре, но вот в судах не всегда руководствуются лексическим значением этого слова. В судебной практике связь (скажем, между вашей машиной и запрещенными наркотиками) признается, скорее, действительной, чем не действительной по критерию «перевеса доказательств» на основе имеющихся доказательств. Другими словами, имеющаяся связь определяется, по меньшей мере, на 51 %. Решение о том, что здесь не требуется никаких дополнительных доказательств, может быть принято одним человеком, одним судьей, даже одним-единственным полицейским. Таким образом, качество доказательств сводится на нет.

Не забывайте о том, что получение дополнительной информации порой превращает презюмируемый факт в фикцию; дополнительные доказательства могут подтвердить невиновность.

Если вы возвращаетесь домой из-за границы и в кармане вашего пальто находят недокуренный косяк, иммиграционные службы могут отобрать у вас паспорт. Если я, как лицо, обладающее достаточной властью, обнаруживаю, что на вашем счету в местном Wells Fargo Bank лежит $23.000, и прихожу к выводу, что эти деньги вы заработали за счет продажи наркотиков, то я могу конфисковать и конфискую эти деньги. Я уже не должен выдвигать обвинение в совершении преступления, и, разумеется, мне уже не нужно ждать, пока вас обвинят в совершении противозаконного действия в суде. Я просто должен заявить, что, на мой взгляд, имеется перевес доказательств в пользу того, что вы плохо себя ведете.

Пугающий вывод, вытекающий из выше сказанного, заключается в том, что человек, чувствующий, что вы делаете то, что он не одобряет, может лишить вас возможности выезжать за границу или наложить арест на ваши счета, которые могли бы доказать вашу невиновность с

помощью хорошего адвоката, если и когда обвинения против вас будут, в конце концов, выдвинуты.

Совсем недавно суды решили, что после признания подсудимого виновным в преступлении, имеющем отношение к наркотикам (по критерию «без разумного сомнения»), приговор, который должен быть вынесен в соответствии с правилами этой процедуры, может быть более строгим с предоставлением дополнительных фактов, нужных лишь для «перевеса доказательств».

В качестве примера того, как можно смазать эти различия, рассмотрим арест человека за обнаруженное у него в спальне некоторое количество эфедрина (эфедрин — это внесенный в список предшественник метамфетамина, но запрета на владение им не существует). На основании такой находки этого человека могут обвинить в том, что он намеревался производить наркотик, и в наши дни его, возможно, сочтут виновным. И от количества (законного) эфедрина, найденного под кроватью, может зависеть суровость приговора.

Далее, рассмотрим тот факт, что в нашей стране долгое время действовал запрет на вмешательство вооруженных сил в процесс применения гражданских законов (закон Posse Comitatus). Их вмешательство могли разрешить лишь Конституция либо Конгресс. Это правило также было изменено Конгрессом с принятием в 1981 году Санкционирующего закона о Министерстве обороны. Этот закон подробно определил форму содействия и поддержки, которую отныне будут обеспечивать вооруженные силы полицейским, участвующим в войне против запрещенных наркотиков.

В 1982 году вооруженные силы впервые предоставили свою помощь специальной президентской комиссии в Южной Флориде, задействовав авиацию, радары, материально-техническое обеспечение и корабли. Начиная с этого момента по мере того, как коммунизм теряет роль военной мишени, война с наркотиками как приемлемое оправдание продолжающегося финансирования со стороны Конгресса становится объектом пристального внимания военных. Пентагон был превращен в разведывательный и связующий центр, объединяющий усилия всех американских агентств в процессе борьбы с наркотиками. Это не слишком хорошо согласуется с деятельностью конкурирующих агентств, таких, как Администрация по контролю за соблюдением законов о наркотиках, ФБР и ЦРУ, в каждом из которых имеется собственная разведывательная служба. Недавнее участие военных в операции местной полиции против хорошо вооруженных партизанских групп в центральной части Перу может оказаться предтечей открытого военного конфликта. Кроме того, не так давно Национальной гвардии было предписано направлять своих служащих в таможню для усиления личного состава в портах ввоза.

Информационно-поисковая система тоже была задействована в 1982 году. Информация о налогах ныне доступна полицейским управлениям — они могут запросить ее для содействия расследованию имеющих отношение к наркотикам уголовных дел.

Теперь проанализируем понятие «обоснованное подозрение». Это еще более туманный критерий признания вины. Тем не менее его используют в делах о наркотиках с потрясающей эффективностью. Береговая охрана всегда могла подняться на вашу лодку и проверить, не нарушены ли правила безопасности. Но теперь капитан судна береговой охраны может просто заявить, что ему что-то показалось странным и у него есть обоснованное подозрение, что на борту могут храниться наркотики, и обыскать вашу лодку. Что если они ничего не найдут? Они все равно могут задержать вашу лодку, оставить у себя на несколько часов или дней, снять с нее все, что им заблагорассудится. Они не вернут вам лодку до тех пор, пока либо не обнаружат на ней что-нибудь неразрешенное, либо не бросят поиски. Все это вытекает из «обоснованного подозрения».

Давайте обратим внимание на выражение «добросовестно». Мы удаляемся от отягчающих обстоятельств и переходим к недокументированным причудам. Здесь может произойти все, что угодно, поскольку чтобы доказать, что представитель (представительница) власти оказался (-лась) недобросовестным (-ой), вы должны продемонстрировать, что он или она действовал (-а) опрометчиво или солгал (-а). «Я почувствовал запах метиламина, а для меня этот запах всегда означал лабораторию по производству метамфетамина, и это послужило мне доказательством. Оказалось, что это лаборатория по производству ЛСД и метиламина там нет. Но это ничего, ведь я действовал добросовестно». Свидетельство остается в силе.

«Моя тренированная собака сказала мне, что здесь есть марихуана. Как выяснилось, там были грибы, содержащие псилоцибин, и никакой марихуаны. Но это ничего, потому что я действовал добросовестно, руководствуясь реакцией своей собаки». Свидетельство остается в силе.

Отсюда вытекает использование «типичных портретов» людей, связанных с наркотиками. Если вы и ваше поведение соответствует этой модели, как опять же добросовестно решат наблюдатели, то вас останавливают и обыскивают. Власти хранят в секрете точное описание подобных портретов, но в аэропортах в общую картину входят такие параметры, как цвет кожи, спешка, покупка билета в один конец и оплата его наличными. Если человек похож на курьера, то его задерживают, допрашивают и обыскивают настолько детально, как того хочет представитель власти. Если же человек по виду и поведению напоминает «глотателя» (это тот, кто заглатывает мешочки с наркотиком, чтобы потом вынуть их из желудка), то его могут также проверить рентгеном без его на то согласия и по желанию задерживать до тех пор, пока содержимое его желудка не выйдет наружу естественным путем.

Что касается автомагистралей, то здесь портрет подозреваемого включает не только внешний вид водителя, но и манеру его езды, а также — хотите верьте, хотите нет — степень соблюдения им местных ограничений скорости (чтобы не привлекать внимания). «На его машине был номерной знак Флориды, да и автомобиль выглядел дорогим, к тому же он ехал с точным соблюдением ограничений скорости. По-моему, он похож на курьера. Я задержал его и в бардачке его машины нашел $5.000 наличными. На банкнотах были обнаружены следы кокаина. Я конфисковал деньги, но не выдвинул водителю никакого обвинения».

Конфискация остается в силе, потому что была проведена добросовестно, и потому что следы кокаина на деньгах свидетельствуют о том, что они имеют отношение к какому-то преступлению, связанному с наркотиками.

Однако правительственные судебные эксперты доказали, что на поверхности выбранных наугад образцов бумажных денег в Соединенных Штатах в наше время всегда имеется обнаруживаемое количество кокаина. У нас теперь есть настолько чувствительные приборы, что они теоретически могут отследить кокаин на любой банкноте любого достоинства в бумажнике любого человека.

Несмотря на то, что в прошлом году Верховный суд одобрил использование «типичных портретов» в отношении пассажиров самолетов, я по-прежнему чувствую, что власти могут слишком легко злоупотребить подобной формой перехвата и допроса. А в нашей стране в этом нет необходимости и к этому не следует стремиться.

Проследим постепенно ухудшающееся качество доказательств вины до конца. Далее мы обнаруживаем уровень, на котором установление виновности даже не подразумевается. Это все расширяющееся пространство деятельности полиции в рамках борьбы с наркотиками, где презумпция невиновности просто отвергается. Если человек больше не считается невиновным, то он автоматически становится виновным. И теперь уже самому обвиняемому нужно доказывать, что он не совершал уголовного преступления. Я говорю о выборочных анализах

мочи.

Отсюда вытекает довольно резкое заявление, но я произнесу его со всей искренностью и от всего сердца.

Нет такого закона, на основании которого в моей стране в любое время и в любом месте можно проводить анализ мочи любого человека, пока нет причины подозревать его в совершении преступления.

Позвольте мне повторить это еще раз, только другими словами. Требовать от человека, чтобы он пописал в стаканчик, когда вам этого захочется, без документально зафиксированной причины подозревать его в использовании запрещенного наркотика — это недопустимо в нашей республике. Вы словно говорите ему: «Я полагаю, что твое поведение не соответствует тому, какое одобряю я. Докажи мне, что это не так».

Это возмутительно.

Это недопустимо.

Я не беспокоюсь за человека, который является пилотом самолета № 1 с президентом на борту или работает на атомной подводной лодке с 24 ракетами Trident II D-5. Даже представить себе невозможно, чтобы у такого человека когда-нибудь потребовали сдать мочу на анализ, если нет причины подозревать ухудшение его работоспособности. Да, мы можем потерять самолет в одном случае или нарваться на перестрелку в другом, но это будет незначительная для нас плата за то, что наша нация уважает неприкосновенность личной жизни и презумпцию невиновности.

У пилота самолета или оператора, запускающего ракеты с атомной подлодки, может быть плохое настроение по многим причинам (поссорился с любовницей, съел подгоревший гренок на завтрак). Поэтому наши усилия должны быть направлены на оценку его поведения, его способностей и навыков. Можно проверить его рефлексы и координацию, чтобы удостовериться в его недееспособности. Если есть повод считать его не совсем компетентным для выполнения той работы, для которой он призван, тогда — и только тогда — можно оправдать проведение анализа его мочи.

В любом случае, слепой поиск наркотиков в моче пилота может обеспечить лишь ничтожную защиту от ненормального поведения, поскольку он вылетает сегодня, а результаты анализов будут готовы на следующей неделе. При таких условиях защиту обеспечить невозможно.

Я считаю, что основная причина, вызвавшая широкое распространение анализа мочи, заключается в том, что это быстро растущая отрасль промышленности, которая приносит немалые доходы.

Власти предпринимают и другие действия, иллюстрирующие эту позицию «признайте их виновными, и пусть они сами доказывают обратное». В прошлом году Администрация по контролю за соблюдением законов о наркотиках связалась со всеми рекламодателями, предлагавшими в контркультурном журнале Higt Times оборудование для садовой гидропоники. У них изъяли списки покупателей. Ко всем, кто сделал любую покупку этого рода, нанесли визит агенты Администрации на том основании, что эти люди, дескать, выращивают марихуану. После налетов на нескольких невинных любителей орхидей энтузиазм властей увял. Но деспотичность этого мероприятия демонстрирует ужасающую картину действий наших органов правопорядка.

Для осуществления суровой мести на законодательном уровне и для доказательства того, что каждый конгрессмен делает все необходимое для победы в войне с наркотиками, представители народа вынуждены постоянно требовать все более и более строгих наказаний за преступления, связанные с наркотиками.

К настоящему моменту утверждены жесткие сроки тюремного заключения и размеры

штрафов, которые должны назначаться за определенное количество того или иного запрещенного наркотика. Срок вашего минимального пребывания в тюрьме зависит от количества наркотика, от того, обладаете ли вы особыми навыками, арестовывались ли раньше и фигурирует ли в вашем деле оружие. Здесь нужно помнить об очень важном моменте. Если на каком-либо предмете будет выявлено любое обнаруживаемое количество запрещенного наркотика, вес данного предмета будет приравнен к весу наркотика. Если вы капитан судна или адвокат, или вы получили хорошее образование и обладаете особыми навыками, вам могут увеличить срок наказания. В шкафу в вашей спальне могло храниться оружие. Его и вблизи не было от места преступления, в котором вас обвиняют. Но и оружие, и образование, и ваша профессия могут сыграть против вас, и в итоге вас приговорят к более продолжительному тюремному заключению и назначат неизменяемый минимальный срок пребывания в тюрьме. Вас могут осудить на месяцы, на годы пребывания в тюрьме или приговорить к пожизненному заключению. А могут назначить штраф в несколько миллионов долларов.

Если вы крупный наркодилер (что бы это ни значило), при определенных условиях, о которых было сказано ранее, по некоторым законам обвинитель может потребовать вынесения вам смертного приговора. Недавно предложенный закон, который только что прошел в Сенате, говорит, что вам достаточно лишь иметь дело с таким-то количеством такого-то наркотика, чтобы вас признали «крупным» наркодилером. И если вас признают виновным, вы будете казнены. Смертная казнь — вот цена, которую вас заставят заплатить, если найдут у вас больше, чем определенное количество граммов какого-нибудь химического вещества. Где еще такое увидишь в мире, кроме как в Соединенных Штатах, в Иране и, может быть, еще в Малайзии? Между прочим, незаконное хранение атомной бомбы карается максимум двенадцатью годами тюремного заключения.

Я убежден в том, что этот законопроект, подготовленный для рассмотрения в Конгрессе (сенатором Грэммом и членом палаты представителей Гингричем), никогда не станет законом. Но сам факт, что он всерьез выносится на рассмотрение законодательной власти, просто ужасен. Этот законопроект вводит целый ряд новых наказаний, относящихся к правонарушениям, связанным с наркотиками (в дополнение к высшей мере наказания, к которой приговаривается человек, владеющий большим, чем произвольно установленное, количеством наркотика). Среди этих наказаний — отказ в досрочном освобождении до того, как заключенный отсидит минимум пять лет. Этот законопроект требует проведения анализов мочи у всех, кого арестовывают, заключают в тюрьму, освобождают или условно-досрочно освобождают (при условии, что штат получает финансирование из федеральных фондов). Этот законопроект устанавливает, что обвиняемый в использовании наркотика или владении им должен оплатить судебные издержки. Кроме того, он платит штраф в размере 10 % от его ежегодного дохода. Там говорится, что штатам, округам, городам, системе образования и частным организациям будет дано подробное разрешение проводить периодические и выборочные анализы на наркотики.

Куда менее заметную и коварную форму утраты свободы можно наблюдать в наших школах. Правительство фактически внедрило цензуру в колледжи и в университеты. Эта цензура проявляется в финансировании исследований, что позволяет контролировать их направление. В средствах массовой информации проводится неприкрытая пропаганда, а те, кто знают факты и должны настаивать на правде, остались безучастны. Позвольте мне затронуть лишь одно из направлений этой пропаганды, поскольку каждое из них нацелено на определенную группу населения.

В средней школе все усилия направлены на учащегося. Ему велят: «Просто скажи "нет"». Не предпринимается никаких усилий, чтобы инструктировать, воспитывать, обеспечивать всю полноту информации, которая позволит подростку самому принять решение. Вместо этого он

слышит простую фразу, что наркотики убивают. Вот это — твой мозг. А вот это — твой мозг после того, как ты начал употреблять наркотики. Шипит, шипит, шипит — и вдруг спекся. Ваша милая, невинная дочка убита, потому что она ничего не знала о наркотиках. Она только и должна была выучить «Просто скажи "нет"». Это нельзя назвать образованием. Это попытка повлиять на модель поведения, снова и снова повторяя одно и то же послание. Это пропаганда.

Все виды наркотиков глубоко и постоянно проникают в нашу культуру, в наш образ жизни. Нашим детям необходимо рассказывать о достоинствах этих наркотиков и о том риске, который связан с их употреблением. И подобное обучение нужно проводить со всей честностью и прямотой.

А каков статус исследований в медицинских школах, в университетах и в промышленных лабораториях по всей стране? Могу вас заверить в том, что, поскольку психоделики официально не признаны ценными для изучения, ни в одном университете или медицинской школе не выделяются деньги для исследования их воздействия на человека.

Правда состоит в том, что все исследования, ведущиеся сегодня на академическом уровне, почти целиком поддерживаются федеральными фондами, и если выполнение гранта не удовлетворяет желаниям или нуждам учреждения, которое финансирует этот грант, средства на эти исследования перестают выделяться и оно остается незаконченным. Есть и другие формы контроля, действующие в фармацевтической отрасли, например, эффективный механизм, не позволяющий проводить научные исследования. Изучение наркотиков может быть одобрено лишь в том случае, если данные наркотики обладают какой-либо пользой для медицины. Имеется официальное заявление, в котором говорится, что в притягательной области психоделиков нет наркотиков — ни одного наркотика — полезных для медицины. Понимаете, все эти наркотические вещества включены в Список № 1, и по определению ни они сами, ни один из их аналогов не могут приносить пользу медицине.

А какие истории запускаются в средства массовой информации?! Сначала рассказывают всякие жуткие истории, а исправлять искаженную информацию потом и не думают. Это можно проиллюстрировать при помощи парочки наглядных примеров.

Обратим внимание на следующие фразы: «Даже первый раз может убить» и «Даже чистый препарат убивает». Это было сказано о кокаине. Обе эти фразы распространялись в СМИ как констатация факта и появились в результате трагической смерти спортивного деятеля, мистера Лена Байаса. Он умер от передозировки кокаина. Это событие случилось в критический момент — всего лишь за несколько недель до голосования по поводу двухлетнего бюджета на борьбу с наркоманами.

Газеты написали, что, как установило вскрытие, молодой человек употребил кокаин впервые, причем он принял чистый кокаин. Это явная чепуха. При помощи анализа тканей тела человека после смерти нельзя установить ни степень чистоты наркотика, ни частоту его приема в прошлом. Когда появился окончательный отчет о результатах вскрытия, он был опубликован в Journal of American Medical Association. Ученым, занимавшимся изучением данного случая, стало ясно, что мистер Байас получил большое количество кокаина через рот (скорее всего, наркотик был растворен в безалкогольном напитке, потому что алкоголя в крови молодого человека обнаружено не было). Возникло предположение о том, что не сам мистер Байас ввел в себя наркотик. Иначе говоря, существует возможность того, что он был убит.

Эта более поздняя версия не раскручивалась в СМИ, и две броские фразы по-прежнему в ходу благодаря своей «педагогической» ценности. Даже первый раз может убить. Даже чистый препарат убивает.

Надо ли говорить, что законопроект бюджета был принят подавляющим большинством голосов.

В начале 1987 года в пригороде Балтимора произошло крушение поезда, в результате которого погибло 16 и было ранено 170 человек. Газеты протрубили, что в теле инженера, несущего ответственность за несчастный случай, было обнаружено присутствие марихуаны. Этот факт стал одной из главных движущих сил, которые привлекли внимание общественности к необходимости проведения анализов мочи для обеспечения общественной безопасности, особенно на транспорте.

Полгода спустя вследствие пересмотра доказательств по этому делу появился доклад, в котором было показано, что руководитель лаборатории, где проводились анализы и было обнаружено присутствие марихуаны в теле инженера (это была лаборатория Федерального авиационного агентства в городе Оклахома), уже не первый месяц подделывал результаты анализов на присутствие наркотиков. Лаборатория сообщала данные анализов, которые никогда в действительности не проводились, потому что в лаборатории не было ни одного сотрудника, который бы знал, как управляться со сложными приборами.

Когда попытались пересмотреть случай того инженера, оказалось, что первоначальные компьютерные данные анализов были утеряны и не осталось ни одного образца крови для проведения повторных тестов. Мы никогда не узнаем, действительно ли марихуана повлияла на дееспособность инженера. Однако на первоначальной истории все еще продолжают зарабатывать политический и эмоциональный капитал.

Постоянное повторение прессой одной только фразы «Война с наркотиками» оказывает тайное влияние на общественное мнение. Этот лозунг вызывает представление о том, что есть наша сторона, есть противник и есть борьба за победу. Если мы не одержим победу, то не выживем как нация — слышим мы то и дело. В наше сознание беспрерывно внедряется мысль о том, что большая часть наших проблем национального масштаба — бедность, растущая безработица, бездомность, чудовищная статистика преступлений, растущая детская смертность и проблемы со здоровьем, даже угроза нашей национальной безопасности, включая терроризм и иностранных агентов — является прямым следствием использования запрещенных наркотиков. Нас заставляют думать, что все эти трудности исчезнут без следа, если мы найдем эффективное решение ужасной проблемы наркотиков.

Доводилось ли вам когда-нибудь слышать слово «Krystalnacht» в контексте истории прихода фашистов к власти в конце 1930-х годов в Германии? Это была «Хрустальная ночь», когда по еврейским кварталам немецких городов прошлись поддерживаемые государством полиция и молодые фашисты. Они разбили вдребезги все окна, которые имели отношение к еврейству — будь то окно еврейского магазина, синагоги или частного дома. «Если мы избавимся от отбросов общества, известных под именем «евреи», — говорили власти, — то мы решим социальные проблемы нашей нации».

Нечто похожее я вижу сейчас в нашей стране, этот лозунг мало изменился: «Если мы избавимся от подонков, имеющих дело с наркотиками, если мы лишим их крова, отберем у них их собственность и купленные на заработанные на крэке деньги дома, то мы решим социальные проблемы нашей нации».

Еврейское население в Германии преследовали, подвергали физическому насилию, порой забивая до смерти. Это была успешная попытка перевести все обиды и неудовлетворенность немцев на евреев, сделав последних причиной тех проблем, с которыми столкнулась немецкая нация. В травле евреев выковалось национальное единение и преданность, что позволило создать могущественное в самом худшем смысле фашистское государство. Надо ли говорить о том, что преследование евреев не решило социальные проблемы Германии.

В наше время в Америке из потребителей наркотиков, точно так же делают козлов отпущения, и я опасаюсь, что, в конечном итоге, наша нация достигнет единения, но останется

без традиционных свобод и гарантий прав человека, а серьезные социальные проблемы так и не найдут решения.

Насколько остро стоит проблема запрещенных наркотиков в действительности? Если просмотреть общую статистику и обратиться к голым фактам, получится, что это не столь уж большая проблема. А с точки зрения общественного здоровья, она вообще исчезающе мала.

Только два основных узаконенных наркотика — табак и алкоголь — вместе несут ответственность за свыше 500.000 ежегодных смертей в нашей стране. От лекарств, выдаваемых по рецепту, гибнет еще 100.000 человек каждый год. Все смертельные случаи, связанные с запрещенными наркотиками, включая героин, кокаин, марихуану, метамфетамин и Pcp (фенилцикли-дин, «ангельская пыль»), увеличивают эту цифру еще на 5.000. Другими словами, если бы по мановению волшебной палочки употребление всех запрещенных наркотиков вдруг прекратилось, смертность, причиной которой являются наркотики, снизилась бы в нашей стране на 1 %. Осталось бы 99 % смертельных случаев, но вызванных разрешенными лекарствами и поэтому социально приемлемых.

Как насчет убытков в размере шестидесяти миллиардов долларов, которые несет бизнес от снижения производительности на рабочем месте? О них так много кричат. Эта цифра взялась из одного исследования, в котором содержится ряд допущений, признанных Национальным центром изучения наркотической зависимости необоснованными. Исследовательская группа из трех человек обследовала четыре тысячи семей. Их средний доход был соотнесен с допущением, что кое-кто из них регулярно курит марихуану. У этих семей был низкий доход, с каждым месяцем они могли оплачивать все меньше счетов, и этот факт объяснили за счет употребления марихуаны. Когда эти выкладки экстраполировали на все население, убытки составили двадцать восемь миллиардов долларов. Сюда же прибавили ущерб от преступлений, связанных с наркотиками, проблемы со здоровьем и несчастные случаи, и убытки возросли до сорока семи миллиардов. Учли инфляцию и демографический рост и в итоге получили упомянутые шестьдесят миллиардов. Это постыдное исследование является основой нашего крестового похода против использования запрещенных наркотиков на рабочем месте.

Данное исследование — единственное в своем роде, и в нем были подняты вопросы, касающиеся употребления других запрещенных наркотиков. Если бы уровень дохода связывался с употреблением кокаина или героина, а не с марихуаной, то он вовсе не был бы низким. Единственный вывод, который можно было бы здесь сделать (в случае с кокаином или героином, а не с марихуаной), — это то, что в этом случае бизнес вообще не страдает от злоупотребления наркотиками. При подсчетах был использован такой наркотик, который смог обеспечить цифры, необходимые для того, чтобы подбросить дров в огонь войны с наркотиками.

Проблема наркотиков, возможно, не так масштабна, как нам говорят, но она достаточно заметна, чтобы принять ее во внимание. Каковы причины, вызывающие ее? Вот некоторые из них. Чувство беспомощности в бедных слоях населения, особенно среди молодых негров и латиноамериканцев мужского пола. Полное отсутствие ощущения самоценности среди большинства жителей центральных районов наших городов. Растущая бездомность и усиливающееся отчуждение между средним и низшим классами. С одной стороны, все больше думают «у меня есть мое, и черт с тобой», а с другой — «мне нечего терять, так что пошел ты».

Постыдные и масштабные проблемы с общественным здоровьем: СПИД, подростковая беременность, растущая детская смертность и отсутствие каких-либо серьезных попыток оказания помощи страдающим психическими расстройствами. Дети, у которых нет ни семей, ни пищи, ни образования, у которых нет надежды. На улицах наших крупных городов царит почти что анархия, равная по размаху с утратой общинной целостности в сельских районах. И все это клеймят как «проблему наркотиков», хотя употребление наркотиков здесь совершенно ни при

чем. Употребление наркотиков — вовсе не причина этих проблем. Наркотики, разумеется, могут быть одним из следствий, но никак не причиной. Тем не менее прилагаются громадные усилия, чтобы убедить американский народ в том, что победа в «Войне с наркотиками» действительно вылечит все наши социальные недуги, если, стремясь к победе, мы откажемся от некоторых своих прав.

Эту войну невозможно выиграть. Мы лишь будем терять все больше и больше своих свобод, тщетно пытаясь одержать победу в этой войне. Наши старания должны быть направлены на причины социальных бедствий, а не на следствие, которым становится злоупотребление наркотиками. Но пока положение дел стремительно ухудшается. Люди говорят мне, что я поддался очевидному ответу, состоящему в том, чтобы легализовать употребление наркотиков для взрослых, принявших сознательное решение.

Меня обвиняют в том, будто я говорю, что употребление наркотиков — это хорошо. Отмените законодательные запреты, и страна тут же погрузится в безудержную наркотическую оргию — так они говорят. Я отвечаю таким людям, что нас уже захватили запрещенные наркотики, потому что они доступны любому, кто может заплатить, а их противозаконность породила немало криминальных организаций и привела к кровавым разборкам, каких наша страна не видела со времен «сухого закона».

Да, возможно, что отмена соответствующих законов о наркотиках подвигнет нескольких робких пресвитериан на то, чтобы нюхнуть кокаина, но, в основном, у злоупотребления наркотиками большего размаха, чем теперь, уже не будет, а после некоторых первоначальных экспериментов ситуация вернется в естественную норму. Не существует никакой «Средней Америки», готовой громко приветствовать отмену законов, запрещающих наркотики. Впрочем, большинство населения только выиграет оттого, что внимание уголовного судопроизводства снова вернется к воровству, изнасилованиям и убийствам, то есть преступлениям против общества, из-за которых нам требуются тюрьмы. Помните, что курение марихуаны, по сути своей, не является антисоциальным действием.

Позвольте мне каждому из вас задать простой вопрос. По каким признакам вы определили бы полицейское государство, если оно возникло бы вокруг вас? Я имею в виду государство, которое вы бы не потерпели. Государство, где снизилось потребление наркотиков, но где ваше поведение все больше и больше диктуется властью.

Пожалуйста, пусть каждый из вас проведет перед собой воображаемую черту, которая показывает, что вот до сих пор — можно, но туда уже нельзя!

Позвольте мне предложить кое-что в качестве подсказки. Как насчет требования сдать под наблюдением мочу в пластиковый стаканчик для анализа на присутствие наркотиков — перед получением чека на материальную помощь? Или когда вы будете наниматься в местный «Макдональдс», а может, будете пытаться сохранить эту работу? Или когда вашего ребенка будут записывать в среднюю школу? Убедят ли вас эти требования в том, что ваша страна в беде?

Все больше и больше компаний требуют анализов мочи перед тем, как берут человека на работу, а также настаивают на проведении выборочных анализов в рабочее время. Анализов мочи требуют не только у водителей и полицейских, но и у продавцов в мебельном магазине и в гастрономе. В отдельных местных школьных округах требуют проведения выборочных анализов мочи учеников седьмых классов, но пока на это спрашивают разрешение родителей Съемщики муниципального жилья, люди, берущие ссуду в университете или получающие академические гранты, должны дать гарантию, что они не будут связываться с наркотиками. Сегодня достаточно устного обещания, но что будет завтра?

Как насчет ежедневного бритья головы и тела, чтобы у вас нельзя было взять образец волос

на анализ с целью доказать, что какое-то время назад вы употребляли наркотики? Все чаще предпринимаются решительные меры, направленные на получение и оценку образцов волос в связи с законными арестами. Образцы волос служат потенциальным источником доказательств употребления запрещенных наркотиков.

Что если вам придется обращаться с официальной просьбой к правительству и получать письменное разрешение на вывоз суммы больше трехсот долларов, предназначенных для недельного отдыха в Голландии? Или двухсот? Раньше никаких ограничений на вывоз денег за границу не существовало, потом они появились, и сегодня допустимая для вывоза сумма равняется десяти тысячам долларов. Но очевидно, что этот лимит будет и дальше понижаться по мере ужесточения законодательства, касающегося отмывания заработанных на наркотиках денег.

Многое из того, о чем я сейчас с вами говорю, имеет отношение к «другому парню», не к вам. Это вашему соседу, употребляющему наркотики, придется жить в страхе, а не вам. Легко выбросить из головы эти возможные посягательства на личные права, когда они не касаются вас самих. Но позвольте мне задать вам один не совсем простой вопрос, ответ на который действительно имеет для вас очень большое значение: где проходит та предельная грань относительно вас, которую никто не должен преступать?

Насколько, на ваш взгляд, дозволено кому-то другому контролировать ваше поведение, если это служит общественной пользе? Позвольте мне допустить, что идея о проведении анализов мочи на присутствие кокаина вас не смущает. Возможно, вы не употребляете кокаин. Но позволите ли вы требовать от вас мочу для выборочного анализа на табакокурение? А как насчет анализов мочи на употребление алкоголя? Или кофе?

Как далеко вы впустите власть в свою частную жизнь? Предположим, что, не совершив ничего криминального, вы разрешите полицейскому, который пришел к вам официально, войти в свой дом без ордера на обыск. Но что если должностные лица придут к вам домой во время вашего отсутствия? Вы по-прежнему будете заявлять, что вы не возражаете и вам нечего скрывать?

Сомневаюсь, что многие из вас волнуются по поводу существования компьютеризированной картотеки отпечатков пальцев, охватывающей всю страну Но как насчет генетической картотеки национального масштаба? Как насчет полицейской карточки на путешествия внутри страны? А как вы отреагируете на закон, в котором говорится, что вы должны предоставить образцы своих волос, возвращаясь домой из-за границы? Что вы почувствуете, узнав об автоматическом вскрытии и прочтении почты первого класса? Любая из этих мер и все они в совокупности могут быть использованы в качестве эффективных инструментов в войне против наркотиков. Где вы лично проводите черту? Каждый из нас должен провести эту черту, тщательно все обдумав. Вы сами решаете, где проведете прутиком по земле, чтобы обозначить эту границу. Вот досюда, дальше нельзя.

Есть еще одно, не менее важное решение, которое необходимо принять.

Давайте облегчим нашу задачу, подведя краткие итоги. Первое требование — провести черту, до которой вы позволите подрывать гражданские свободы и права во имя правого дела, а именно — ради победы в войне против наркотиков.

Второе требование — заранее и точно решить, что вы будете делать, если и когда произойдет вторжение в вашу личную жизнь. Иначе говоря, наступит тот момент, когда вы скажете: «Это зашло слишком далеко. Пришла пора мне принять какие-то меры».

Подумайте о том, что конкретно вы будете делать. Вы должны решить это для себя заблаговременно. И остерегаться. Легко сказать: «Ну, установленную мной грань перешли, но в остальном все кажется нормальным и не представляет угрозы, так что, пожалуй, я передвину

свою черту чуть подальше». Это соблазнительная мысль, но она стоила жизни миллионам невинных людей во время фашистской оккупации Европы.

Если вы можете перенести свою черту, значит, вы ее не совсем честно провели в первый раз. Где ваша черта? А если вашу грань перейдут, что вы будете делать?

Постоянно следите за тем, как в политическом смысле развивается ситуация и в каком направлении. Обдумывайте свои планы заранее и делайте все, что в ваших силах, чтобы предотвратить дальнейший процесс лишения прав и свобод граждан вашей страны.

Не отказывайтесь от своих прав только для того, чтобы облегчить жизнь полицейским. Да, это поможет изловить больше преступников, но это превратится в растущую угрозу и для вас самих. Участь полицейских и не должна быть легкой: основатели нашей страны ясно дали это понять. В свободной стране долг полицейского всегда труден.

В обществе свободных людей всегда будут иметь место криминал, насилие и социальные срывы. Такое общество никогда не будет находиться в полной безопасности. Но его альтернативой будет полицейское государство. Полицейское государство может обеспечить тебе безопасность на улицах, но лишь ценой твоего собственного человеческого духа.

В заключение призову вас помнить о том, что обвиняемый должен всегда считаться невиновным, пока не доказано обратное, и получить свое слово в суде. Интересующийся гражданин всегда должен получать доступ к любой информации, к какой пожелает. У него должны быть возможности узнать обо всем, что его интересует, и никакая идеология не должна мешать ему в этом.

Независимому человеку должно быть позволено жить на своей личной территории, причем любой жизнью, которую он сочтет стоящей, независимо от того, согласны с ним его соседи или нет. Ему должно быть позволено сидеть перед телевизором целый день, если он того захочет. Или вести бесконечные беседы со своими кошками. Или употреблять наркотик, если он сам так решил. Пока он не затрагивает свободу или благополучие любого другого человека, ему должно быть позволено жить так, как он хочет. И нужно оставить его в покое.

Я считаю, что постепенное сокращение законов, касающихся употребления наркотиков взрослыми, и широкое распространение правды о природе и воздействии — положительном и негативном — различных наркотиков, прекращение выборочных анализов мочи и вытекающего из них извращения правосудия, безусловно, приведет к сокращению количества заключенных в тюрьмах и обеспечит возможность использования денежных средств, выделенных на «войну с наркотиками», для проведения необходимых мер по улучшению социальной обстановки и общественного здоровья. Среди проблем, требующих немедленного решения, — проблема бездомности, наркозависимости и психических расстройств. А энергия профессионалов, работающих в органах правопорядка, вновь будет направлена на раскрытие преступлений, достойных их внимания и навыков.

Возможно, в некотором смысле наша страна станет еще более опасным местом для жизни, но вместе с тем она станет и более здоровой телом и душой, потому что молодые люди, расхаживающие с пистолетами по улицам наших городов, больше не смогут зарабатывать на наркотиках. Те, кто будут злоупотреблять наркотиками, смогут получить немедленную помощь вместо того, чтобы ждать ее по полгода и больше, мучаясь смущением и чувством беспомощности. А исследования в области наркотического воздействия на организм человека и возможного использования наркотических веществ в терапевтических целях снова возродятся в наших научных центрах.

И мы снова станем свободными гражданами свободной страны, примером для всего остального мира.

Наконец, я хочу зачитать отрывок из письма, которое получил только вчера. Это письмо

написал мне один молодой человек. Он открыл, что психоделики немало способствовали его творческому росту в качестве писателя:

«Разве можно удивляться тому, что законы, запрещающие употребление психотропных препаратов, обычно игнорируются? Что за чудовищное самомнение (или глупость!) заставляет какого-то человека или группу людей считать, что они или кто-то еще имеют право или полномочия на то, чтобы контролировать изнутри мое тело или мой разум!

На самом деле это заблуждение настолько чудовищно, что, не будь оно таким печальным и по-настоящему трагичным, его можно было бы считать забавным.

Похоже, что в любом обществе должен быть набор законов, упорядоченных правил и предписаний. Лишь самый упертый фанатичный анархист будет оспаривать это утверждение. Но как ответственный взрослый человек я никогда и ни за кем не признаю такой власти, которая позволила бы управлять моим выбором, касающимся того, что я принимаю в свое тело или куда отправляется мой разум. То, что находится под моей кожей, — разве это не в моей власти? Я сам решаю, что может, а что не может пересекать эту границу. Здесь я сам себе таможенник и береговая охрана. Я единственное законное и духовное правительство на этой территории, и здесь могут применяться лишь те законы, которые я выбираю сам!!!

Теперь, если я должен отвечать за то, что нарушил или повредил этой же территории других людей, тогда внешние законы государства имеют полное право — и даже ответственны за это — обойтись со мной соответствующим образом.

Но то, о чем я думаю? То, что стремлюсь понять? Те биохимические реакции, которые я выбираю для того, чтобы они действовали в пределах границ моей собственной кожи, не являются объектом мнений, морали, законов или предпочтений любого другого человека!

Я — суверенное государство, и я чувствую, что мои границы куда более священны, чем границы любой страны».

На это я могу сказать лишь «аминь». Вот так. До следующей недели.

---

notes

1

В связи с действующими на территории РФ законами, регулирующими публикацию сведений о психоактивных веществах, издательство не может опубликовать последнюю часть книги, не подвергая себя неоправданному риску. Читатели, глубоко интересующиеся темой психоактивных фенэтиламинов, могут получить эту информацию из таких Интернет-ресурсов, как www.erowid.org, http://www.druasinfo.net и т. п.

Phenethylamines I Have Known And Loved (англ.).

3

Безводное основание кокаина, которое имеет низкую температуру возгонки и поэтому может употребляться для курения.

4

Легальные анальгетики, используемые в США.

5

Айяхуаска, яхе — лианы рода Banisteriopsis и Tetrapteris, произрастающие в бассейне реки Амазонки и обладающие высоким содержанием алкалоидов в-карболиновой группы. Кохоба — порошок из семян бобового растения Anadenanthera peregrine, содержит диметилтриптамин. Все эти растения употребляются в шаманской практике.

6

Гармала (Lagochilus) — среднеазиатский кустарник, источник алкалоида гармалина, ибога (Tabernanthe iboga) — растение из Западной Африки, действующее начало — алкалоид ибогаин.

PCP, фенилциклидин — мощный психоделический препарат.

8

Маслоу, Абрахам (1908–1970) — американский психолог и философ, автор теории самоактуализации личности.

9

Гардинг, Уоррен (1865–1923) — 29-й президент США (1921–1923).

10

Инаугурация Линкольна состоялась в 1861 году то есть более чем за семьдесят лет, от описываемых событий.

11

Пострадавший на поле боя. (франц)

12

Не имеющие видимых причин, временное изменение восприятия реальности.

13

3,4,5-триметоксиамфетамин.

14

3,4-метилендиоксиамфетамин.

15

Манро, Гектор Хью (1870–1916) — канадский писатель, автор изящных рассказов из жизни эдвардианской Англии, писавший под псевдонимом Саки.

37- а «Блэквудским Арсеналом»

17

Пауэлл, Бад (1924–1966) — популярный американский джазовый пианист.

18

Липшиц, Жак (1891–1973) — французский скульптор-авангардист, в поздний период своей жизни работавший в США.

19

Перевод К.Чемена.

20

4-метил-2,5-диметоксиамфетамин.

21

Мексиканский шалфей.

22

Патрон, правитель (лат.).

23

Оусли Стенли III, Август (р. 1935) — американский подпольный химик, наркоделец-романтик, художник и музыкант.

24

Барбаросса (Рыжая борода) — прозвище германского императора Фридриха (1123–1190).

25

Бальбоа, Васко Нуньес де (1475–1519) — испанский конквистадор и исследователь, впервые пересек Панамский перешеек. не вышло.

26

Алкалоид в-карболинового ряда, содержится во многих видах психоактивных растений.

27

Диметилтриптамин, один из сильнейших психоделиков.

28

Так американцы называют любые чудодейственные панацеи, во времена Дикого Запада «змеиным жиром» торговали знахари-шарлатаны.

29

Алкалоид, действующее начало африканского кустарника ибоги.

30

М-гидрокси-3,4-метилендиоксиамфетамин.

31

Расслабление мышц хрусталика, ведущее к расфокусировке зрения.

32

3-метилтио-4,5- диметоксиамфетамин.

В своем роде (лат.). Здесь: особый.

34

Мгновение ока (нем).

35

Маршал, Маклюэн (1911–1980) — канадский педагог и социолог.

36

Опера Джиакомо Пуччини.

37

Камень с тремя параллельными надписями — иероглифический, демотической и греческой, при помощи которого была расшифрована древнеегипетская письменность.

38

Оркестровая фантазия Поля Дюкаса

39

Опера Рихарда Вагнера.

40

Моя жена умерла (франц).

41

Ожирение ягодиц.

42

Ян Вермеер(1632-675) — великий голландский художник, автор жанровых полотен.

43

Альберто Джиакометги (1901–1966) — швейцарский скульптор-авангардист, прославился изваяниями одиноких человеческих фигур.

36 по Цельсию.

45

Приблизительно три с половиной литра.

46

Моррис Грейвз (р. 1910) — американский художник, в картинах которого исследуются идеи мистического единения с природой, творчество проникнуто сильным влиянием идей дзен-буддизма.

47

«Тигр» У.Блейк в пер. С. Маршака.

48

Вошедшая в поговорку в странах английского языка строчка из стихотворения Джона Донна (1571–1631).

49

Джейкоб Нидлман (р. 1916) — известный американский философ, профессор Сан-Францисского университета.

50

Food and Drugs Administration — американская федеральная служба, в обязанности которой входит составление списка веществ с регулируемым оборотом.

51

Пестрый цветочный рисунок.

52

Аарон Коупленц (1910–1990) — выдающийся американский композитор.

53

Мануэль де Фалья (1876–1946) — великий испанский композитор и пианист.

54

Хоакин Родриго Видре (1901–1999) — испанский композитор и пианист-виртуоз, автор изощренных постимпрессионистских произведений.

55

Черная вдова (Latrodectus hasselti) — крупный паук с высокотоксичным для человека ядом.

56

Алан Уоттс (1915–1973) — англо-американский теолог и философ, один из первых проповедников дзена в Америке.

57

Роман Уильяма Стайрона.

58

Франц Марк (1880–1916) — один из видных представителей немецкого импрессионизма.

59

4-бромо-2,5-диметоксифенэтиламин.

60

Персонажи средневекового романа Томаса Мэлори «Смерть Артура».

61

Суламифь Вулфинг (1901–1974) — немецкая художница-график, работавшая в сказочно-фантастическом жанре; особенно прославилась благодаря иллюстрациям к сказкам Ганса-Христиана Андерсена.

62

Джексон Поллок (1912–1956) — американский художник, один из основателей абстрактного экспрессионизма.

«Рыжик» (англ.).

64

Артур Рэкхэм (1867–1939) — английский художник-график, автор знаменитых иллюстраций к сказкам братьев Гримм.

65

Джорджия О'Киф (1887–1986) — американская художница близкаю. сюрреалистической школе, ее картины отличаются яркими, сочными красками.

66

Клиффорд Стил (1904–1980) — американский художник-авангардист.

67

Один из экзотических апокалиптических культов, распространенных в Калифорнии, деятельность его в 1990-ые годы сопровождалась рядом крупных скандалов.

4-иодо-2,5-диметоксифенэтиламин.

2-метокси-4-метил-5-метилтиоамфетвмим.

70

Одно из жаргонных английских слов для обозначения женского полового органа.

71

Авраама Линкольна убили во время театрального представления, где он находился вместе с женой.

По-английски «face» означает как человеческое лицо, так и циферблат часов.

Эффект возвращения на непродолжительное время переживаний, связанных с приемом психоделика в отсутствие приема, иногда через очень длительное время после наркотического опыта.

4-этил-2,5-диметоксифенэтиламин.

75

Хуан Понсе де Леон (1460–1521) — испанский путешественник, первооткрыватель Флориды.

Мировая скорбь (нем.).